



САГА
СТРАНСТВИЙ



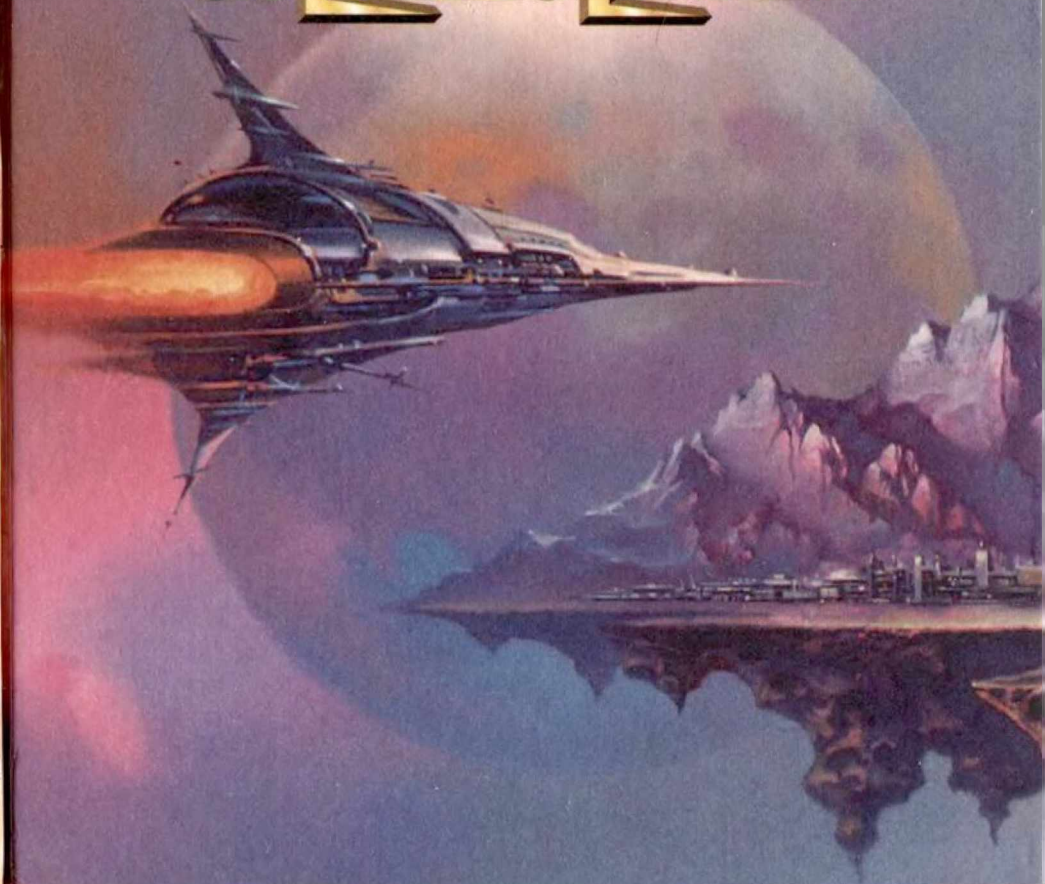
ДЖЕК
ВЭНС

Е-3Е



ДЖЕК ВЭНС

САГА СТРАНСТВИЙ







САГА СТРАШЛИВЫЙ

РОМАНЫ



Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ
1997

**ББК 84.7 США
В97**

Серия «Осирис» выпускается с 1991 года

Cover illustration © 1993 by Boris Vallejo

**Печатается с разрешения
художника и литературного
агента Александра
Корженевского**

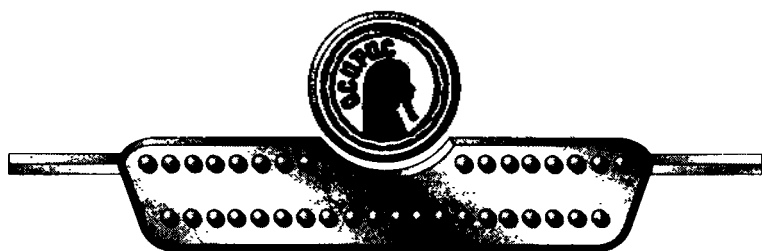
**Состав, перевод, послесловие
© торгово-издательское объединение «Центрполиграф», 1997**

**Художественное оформление серии
© торгово-издательское объединение «Центрполиграф», 1997**

**Издание на русском языке
© торгово-издательское объединение «Центрполиграф», 1997**

ISBN 5-218-00352-2

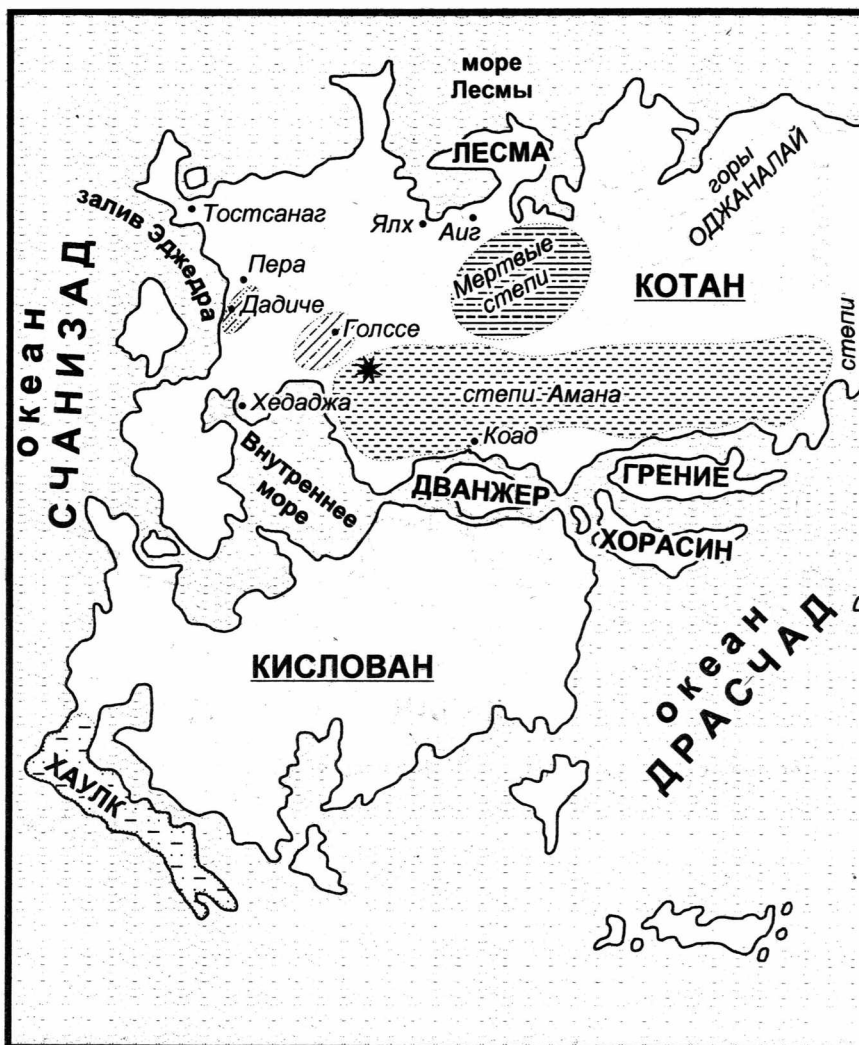
**Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.**



САГА СТРАНСТВЫЙ

РОМАНЫ

Перевод с английского
Р. Шидфара



Синие Часчи



Зеленые Часчи



Старые Часчи

★ место крушения
разведочного бота



Дирдиры



Ванкхи



Круши (люди Эмблемы)

Книга первая

ГОРОД ЧАСЧЕЙ

Пролог

По левому борту корабля «Эксплоратор-IV» мерцала тусклая за-
тухающая звезда Карина-4269, справа нависла единственная планета
системы, коричневато-серая под тяжелым покровом атмосферы.
Звезда отличалась разве что своим необычным янтарным светом.
Планета была немного больше Земли, вокруг нее быстро вращались
два маленьких спутника. Типичная звезда класса K-2, ничем не при-
мечательная планета, но люди на борту «Эксплоратора-IV» наблю-
дали за ними словно зачарованные.

В переднем отсеке управления стояли командир корабля Марин,
первый помощник Дил и второй помощник Уолгрейв: все трое оди-
наково подтянуты, уверенно движутся, на всех тщательно отглажен-
ная белая форменная одежда; они так свыклись друг с другом, что
и грубоватая, бесцеремонная манера разговора, полусаркастическая,
полушутливая форма, в которую они облекали свои мысли, у всех
троих была почти одинакова. Используя сканскопы — ручные уве-
личительные бинокулярные устройства, способные представить в
мельчайших подробностях самые отдаленные объекты, — они осма-
тривали планету.

— На первый взгляд планета пригодна для обитания. Облака, без
сомнения, состоят из паров воды, — отметил Уолгрейв.

— Раз от данной планеты исходят сигналы, — сказал первый по-
мощник Дил, — мы вправе утверждать, что на ней есть жизнь. Отсю-
да конечно же следует, что она пригодна для обитания.

Марин, командир корабля, усмехнулся:

— Твоя безупречная логика на сей раз подвела тебя. Мы находим-
ся сейчас на расстоянии двухсот двенадцати световых лет от Земли.
Сигналы мы приняли, когда были за двенадцать световых лет, следо-
вательно, их передали двести лет назад. Если ты помнишь, они вне-
запно прекратились. Этот мир может быть пригодным для обитания
или даже обитаем. Но все это вовсе не обязательно.

Дил с унылым видом покачал головой.

— Если так рассуждать, мы сейчас не можем быть уверены даже в том, что обитаема Земля. То немногое, что нам известно...

Его прервал сигнал коммуникатора.

— Говорите, — приказал Марин.

В отсеке раздался голос Дента, инженера связи:

— Приборы фиксируют пульсирующее поле. Думаю, искусственное, но не могу определить, что это. Возможно, какая-нибудь разновидность радара.

Командир корабля нахмурился, потер нос костяшками пальцев.

— Я пошлю вниз разведчиков, и мы уберем корабль подальше отсюда, вне пределов досягаемости. — Он произнес кодовое слово, отдал приказ разведчикам: — Действуйте как можно быстрее; мы обнаружены. Встреча на центральной оси системы, вверх, пункт Д-Денеб.

— Понял, командир. Центральная ось системы, вверх, пункт Д-Денеб. Дайте нам три минуты.

Марин подошел к сканскопу и стал торопливо осматривать поверхность планеты, переключая прибор на разную длину волн.

— Вижу окно, около трех тысяч ангстрем. Не очень удачное место, но ребятам придется обойтись этим.

— Слава Богу, меня никогда не готовили на разведчика, — заметил второй помощник Уолтрейв. — Подумать только — попасть в какой-нибудь незнакомый жуткий мир!

— Разведчиков не готовят, — отозвался Дил. — Они так устроены: немного от акробата, немного от сумасшедшего ученого, немного от мелкого воришки, немного...

— Слишком у тебя получается много всяких «немного».

— Это только по самым скромным подсчетам. Их набирают из типов, которые не приемлют однообразия и покоя.

Разведчики «Эксплоратора-IV» Адам Рейш и Пол Уондер были людьми выносливыми и изобретательными, обладали знаниями и талантами в самых разных сферах. На этом сходство кончается. Рейш — немного выше среднего роста, темноволосый, с широким лбом, выдающимися скулами и впалыми щеками, на которых играли желваки, когда он сжимал челюсти. Уондер — плотный лысеющий блондин с настолько непримечательным лицом, что его трудно описать. Уондер был старше Рейша; второй тем не менее, как старший по званию, считался командиром разведывательного бота — миниатюрного космического корабля длиной в тридцать футов, подвешенного в зажимах к корме «Эксплоратора».

Через две с небольшим минуты после команды они уже находились на борту. Уондер направился к пульту управления; Рейш задрал люк, нажал на кнопку отделения. Разведывательный бот плавно отошел от огромной черной глыбы корабля. Адам сел в кресло и в этот миг уло-

вил какой-то движущийся объект. Он успел заметить серебристо-серый снаряд, летящий прямо на них, потом по глазам ударила ослепительная вспышка. Взрыв, душераздирающий грохот... Уондер судорожно рванул на себя рычаги управления, невероятно возросла скорость, и бот понесся к планете.

Там, где только что был «Эксплоратор-IV», парил странный объект: нос и корма космического корабля, соединенные лишь полосами металла. Сквозь гигантскую дыру в середине корпуса безмятежно светило старое желтое солнце Карина-4269. Вся команда и технический персонал мгновенно превратились в летучие атомы углерода, кислорода и водорода.

Глава 1

Отброшенный мощной ударной волной, бот падал на серовато-коричневую планету, переворачиваясь с носа на корму; разведчиков бросало из стороны в сторону.

Рейш, боясь потерять сознание, ухватился за стойку. Подтянувшись к панели управления, он резко опустил ручку стабилизации. Вместо привычного мягкого гудения раздался свист и глухой стук, но вращение постепенно замедлилось.

Они с трудом забрались в сиденья и крепко затянули ремни.

— Ты видел, что это было? — спросил Адам.

— Ракета.

Рейш кивнул.

— Планета в самом деле оказалась обитаемой.

— И ее обитатели не очень-то гостеприимны. Суровый прием.

— Мы забрались очень далеко от дома. — Рейш оглядел ряд неработающих датчиков и потухших индикаторных лампочек. — По-моему, все вышло из строя. Мы разобьемся, если немедленно не исправим хотя бы основные повреждения.

Прихрамывая, он вошел в кормовой отсек, где находилось машинное отделение, и обнаружил, что плохо закрепленный запасной энергоблок раздавил бокс связи, создав хаос спутанных полусгоревших проводов, разбитых кристаллов и расплавленного пластика.

— Можно сделать, — объявил Рейш Уондеру, подошедшему, чтобы осмотреть повреждения. — За два месяца, если очень повезет. При условии, что запасные части целы.

— Пара месяцев — это многовато, — отозвался Уондер. — Скажем, за пару часов, пока мы еще не врезались в атмосферу.

— Что же, приступим.

Через полтора часа они отошли от собранного наспех аварийного устройства, критически и с подозрением оглядывая плоды своих трудов.

— По крайней мере, не развалимся, если повезет, — мрачно сказал Рейш. — Давай-ка запустим двигатель, посмотрим, что получится.

Прошла минута. Загудели реактивные двигатели; Рейш почувствовал увеличение давления — так обычно бывает при торможении. Надеюсь, что аварийное устройство проработает хотя бы немного, он вошел в кабину и занял свое место.

— Как там дела?

— Пока не так уж плохо. Мы войдем в атмосферу примерно через полчаса, при скорости немного ниже критической. Можно даже надеяться на мягкую посадку. Дальше прогноз менее благоприятен. Тот, кто уничтожил корабль с помощью ракеты, может проследить нас до места посадки с помощью радара. А дальше что?

— Ничего хорошего, — ответил Рейш.

Планета увеличивалась на глазах: мир более тусклый и темный, чем Земля, омытый золотисто-коричневым светом. Они уже могли различить континенты и океаны, облака и штормовые вихри — ландшафты не очень молодой планеты.

Потоки атмосферного воздуха, воя, за клубились вокруг бота, стрелка термометра резко подскочила до красной черты. Рейш через самодельное устройство осторожно прибавил энергии двигателям. Бот замедлил движение, стрелка термометра дрогнула и опустилась до более низкого уровня. Из машинного отделения донесся негромкий взрыв, и бот снова стал падать.

— Опять! — вздохнул Адам. — Теперь дело за аэродинамикой. Лучше надеть ремни, может, придется катапультироваться.

Он откинул закрылки, опустил до отказа руль высоты, и бот, со свистом рассекая слои атмосферы, пошел вниз по наклонной плоскости.

— Как там с воздухом? — спросил Рейш.

Уондер проверил показатели анализатора.

— Пригоден для дыхания. Близок к нормальному земному.

— Хотя в чем-то нам везет.

Через сканскопы они могли теперь различить детали. Под ними расстилалась широкая равнина — степь, кое-где отмеченная барельефом холмов и растительности.

— Никаких признаков цивилизации, — сказал Уондер. — Во всяком случае здесь. Может быть, выше, вон там, у горизонта, те серые пятна...

— Если мы сядем и никто не помешает чинить систему контроля, все будет в порядке... Правда, наш бот не приспособлен для вынужденной посадки на неровную поверхность. Лучше попытаться спустить его на грунт и катапультироваться в последний момент.

— Точно, — сказал Уондер. — Вон там. Что-то похожее на лес. Идеальное место для падения.

— Все. Падаем...

Бот несся вниз; земля становилась все ближе. Перед ними поднялись высокие стволы влажного черного леса.

— По счету «три» катапультируемся, — сказал Рейш.

Он поднял бот и затормозил его, приготовив к посадке.

— Раз-два-три. Пошли!

Распахнулись люки катапультирования; сиденья оторвались от креплений; Рейша выбросило из бота. Где же Уондер? Может, ремни были не в порядке, может быть, подвел механизм катапультирования: Уондер беспомощно повис, зацепившись за борт.

Парашют Рейша раскрылся, сиденье начало раскачиваться, словно маятник. Он ударился о глянцевито-черный сук одного из деревьев. Едва не потеряв сознание, он повис на постромках парашюта. Бот, накренившись, прошел между деревьями, оставив глубокую борозду в болоте. Пол Уондер неподвижно висел на ремнях.

Все стихло. Лишь потрескивание раскаленного металла и слабое слышимое шипение откуда-то из-под днища бота нарушало наступившее безмолвие.

Рейш шевельнулся, с трудом согнул колени. Движение вызвало острую боль в плечах и груди; он замер и, расслабившись, повис.

Он был на расстоянии пятидесяти футов от поверхности. Еще при спуске он заметил, что солнечный свет был темно-желтым и более тусклым, чем на Земле, тени имели янтарный оттенок. В воздухе висел аромат незнакомых смол и маслянистых испарений. Рейш застрял в ветвях дерева с блестящими черными сучьями и черной хрупкой листвой, шелестевшей при малейшем его движении. Ряд поваленных стволов открывал вид на болото, где глубоко засел бот; Уондер висел головой вниз, застряв в люке для катапультирования. Его лицо было лишь в нескольких дюймах от болотной жижи. Если бот оседет, Уондер может захлебнуться, если он еще жив. Рейш лихорадочно пытался выбраться из постромков парашюта. От боли его тошнило, кружилась голова; пальцы обессили, а когда он сгибал руки, что-то щелкало в плечевых суставах. У него не оставалось сил на то, чтобы высвободиться самому, не говоря уже о том, чтобы попытаться помочь Уондеру. Может быть, Пол мертв? Рейш не был уверен в этом. Ему показалось, что по телу Уондера прошла слабая судорога.

Он внимательно наблюдал за ботом, медленно погружавшимся в трясины. В сиденье Уондера находился набор всего необходимого для выживания — оружие, лекарства и инструменты. Если у Пола сломаны кости, он не сможет поднять руку и дотянуться до застежки. Если высвободится из постромков, то упадет и убьется... Выход один: даже со сломанным плечом или ключицей Уондер должен открыть сиденье и достать оттуда нож и моток веревки.

Раздались странные щелкающие звуки. Рейш, оставив бесплодные усилия, висел неподвижно. Под ним почти беззвучно, словно

крадучись, прошел отряд воинов, вооруженных необычайно длинными, тонкими, как рапиры, саблями и метательными устройствами, напоминающими арбалет или миниатюрную катапульту.

Рейш ошеломленно смотрел вниз, подозревая, что это галлюцинация. В космосе очень распространены двуногие расы, гуманоиды, более или менее напоминающие землян, но эти выглядели как настоящие люди: мужчины с резкими и крупными чертами лица, с кожей янтарного оттенка, со светлыми, темно-русыми или седыми волосами и густыми усами, свисающими ниже подбородка. Они были одеты в сложные костюмы: широкие шаровары из ткани в черную и коричневую полоску, темно-синие и темно-красные рубахи, жилеты, сплетенные из металлических полос, короткие черные плащи. Их шапки, или шлемы, что-то вроде колпаков с наушниками, были сделаны из черной кожи, и на каждой спереди блестела серебряная бляха шириной в четыре дюйма. Рейш изумленно смотрел на них. Воины какого-то варварского племени, бродячий отряд головорезов здесь, в этом незнакомом мире, за двести световых лет от Земли!

Воины молча прошли под деревом, ступая быстро и бесшумно. Они остановились в тени, осматривая бот, потом их вожак, самый молодой из всех, безусый, почти мальчик, вышел на поляну и стал смотреть вверх. К нему присоединились еще трое, старше его, воины с голубыми и розовыми шарами на шлемах. Они тоже тщательно оглядели небо. Потом юноша подал знак остальным, и весь отряд приблизился к боту.

Пол Уондер приподнял руку — у него хватило сил только на такое приветствие. Человек со стеклянными шарами на шлеме схватился за метательное устройство, но юноша что-то сердито приказал ему, и тот угрюмо отвернулся. Один из воинов обрезал построжки парашюта, и Уондер упал.

Молодой вожак отдал еще один приказ; Уондера подняли и перенесли на сухое место.

Потом юноша приблизился к боту, явно желая осмотреть его. Он без колебаний взобрался на бот и заглянул внутрь сквозь люк катапультирования.

Старшие воины отошли в тень и мрачно бормотали что-то сквозь висячие усы, поглядывая в сторону Уондера. Один из них внезапно хлопнул ладонью по серебряной бляхе на кожаной шапке, как будто прикасаясь к живому и разумному существу. Словно возбужденный этим прикосновением, он подкрался к Уондеру, извлек из ножен саблю. Лезвие, сверкая, опустилось. На глазах у охваченного ужасом Рейша голова Пола Уондера, отделившись от тела, покатила по земле; впитываясь в черную землю, хлынула кровь.

Юноша, казалось, почувствовал, что случилось, и быстро обернулся. Он издал яростный крик, спрыгнул на землю и подошел к убийце. Выхватив из ножен саблю, он размахнулся, и гибкое лезвие срезало

эмблему со шлема старшего воина. Юноша поднял ее и, достав нож из-за голенища, стал свирепо рубить по мягкому серебру, потом бросил бляху к ногам убийцы, осыпая его бранью. Наказанный нагнулся, поднял бляху и, угрюмо насупившись, отошел в сторону.

Издали донесся пульсирующий звук. Воины откликнулись на него гортанными возгласами — то ли ритуальное приветствие, то ли предостережение или выражение страха. Они быстро отступили в лес.

В небе появился летящий на небольшой высоте необычный летательный аппарат. Он еще снизился и продолжил полет на этом уровне — воздушный плот длиной в пятьдесят, шириной в двадцать футов. На корме, в нарядной галерее, находилась рубка управления. В передней и задней частях корабля с древков свернутых знамен свисали большие фонари; вокруг борта шла приземистая балюстрада. На перила, теснясь и толкаясь, налегли около двух дюжин пассажиров, им, как показалось Рейшу, грозила неминуемая опасность вывалиться за борт.

Позабыв обо всем, Рейш смотрел, как корабль совершил посадку у разведывательного бота. Пассажиры быстро прыгнули на землю. Это были существа двух видов, гуманоиды и негуманоиды, хотя различие стало заметно не сразу. Негуманоиды — как Рейшу стало известно позже, это были Синие Часчи — шли важной походкой, почти не сгибая коротких толстых ног. Часч — массивное существо, покрытое, словно ящер чешуей, синими остроконечными пластинами. Клинообразное тело; хитиновые наплечники внешнего скелета, сгибаясь, переходили в спинной панцирь. Череп заканчивался высоким костяным выступом; тяжелый лоб нависал над глазами, сверкающие металлическим блеском глаза и сложно вырезанные носовые отверстия придавали Часчам свирепое выражение. Сопровождавшие их люди — часчмены — походили внешностью и манерами на Синих Часчей настолько, насколько этого можно было добиться веками искусственного отбора и воспитанием. Они были небольшого роста, приземистые и кривоногие, с тупыми плоскими лицами и скошенными подбородками. На голове у каждого возвышалось что-то вроде искусственного черепа, кончавшегося выступом, как у Часчей, и нависавшего над лбом. Их куртки и шаровары переливались чешуйчатым рисунком.

Часчи и часчмены подбежали к боту, гортанно и визгливо перекликались между собой. Одни взобрались на корпус и заглядывали внутрь, другие осмотрели тело и голову Пола Уондера, подняли их и отнесли на корабль-плот.

Внезапно с галереи плота донесся тревожный крик. Часчи и часчмены оглядели небо, затем поспешно отвели свой корабль под деревья, полностью укрыв его. Небольшая поляна снова опустела.

Прошло несколько минут. Рейш, закрыв глаза, размышлял о пережитом кошмаре; сейчас он проснется в знакомой каюте на «Эксплораторе»...

Стук мотора вывел его из забытья. На поляну спускался еще один летательный аппарат, построенный, как и первый, с полным пренебрежением к законам аэродинамики. У него было три палубы, центральная ротонда, балконы из меди и черного дерева, нос в форме завитка, купола наблюдения, амбразуры и вертикальный киль, украшенный черно-золотыми гербами. Корабль парил над поляной, а пассажиры на палубах придиричиво разглядывали разведывательный бот. Часть их была негуманоидами: высокие тонкие существа, безволосые и желтовато-бледные, цвета пергамента, длиннолицые. Их движения были медленны и жеманны. Остальные, занимавшие подчиненное положение, были людьми — человеческие существа с такими же, как у негуманоидов, тонкими руками и ногами, худощавым телом, длинными лошадиными лицами, безволосыми головами и томными манерами. И те и другие были облачены в нарядные костюмы, украшенные лентами, бантами и оборками. Позже Рейш узнает, что эти странные существа называют себя Дирдирами, а людей, старающихся во всем походить на них — дирдирменами. Но тогда, ошеломленный свалившимися на него бедами, Рейш смотрел на величественный воздушный корабль Дирдиров лишь с тупым любопытством. Но у него все же мелькнула мысль, что либо эти длинные бледные создания, либо те, кто был здесь до них, уничтожили «Эксплоратор», и по всей вероятности, и те и другие проследили за тем, как садится разведывательный бот.

Дирдиры и дирдирмены с явным интересом обследовали бот. Один из них обратил внимание своих спутников на следы, оставленные летательным аппаратом Часчей; все встревоженно засуетились. Внезапно из лесной чащи ударили пучки пурпурно-белых лучей; Дирдиры и дирдирмены, корчась, падали на землю. Часчи и часчмены выбежали из укрытия на поляну. Часчи вели огонь, часчмены бросились к кораблю Дирдиров и стали набрасывать на балюстраду абордажные крючья.

Дирдиры ответили уничтожающим залпом огня; их оружие выбрасывало фиолетовое пламя и раскаленную плазму. Часчи и часчмены сгорали в пурпурных и оранжевых вспышках. Корабль Дирдиров поднялся в воздух, но его крепко держали крюки и привязанные к ним канаты. Дирдиры рубили их ножами, поджигали плазменными пистолетами; в конце концов, под отчаянно-визгливые вопли Часчей, они сумели освободить корабль.

Поднявшись на сотню футов над болотом, Дирдиры направили лучи своей тяжелой артиллерии на лес и выжгли несколько источающих едкий дым просек. Но им не удалось уничтожить вражеский корабль, с борта которого Часчи начали обстрел из пушек большого калибра. Первый снаряд пролетел мимо цели. Второй поразил корпус снизу; от удара корабль Дирдиров сделал крутой вираж, потом рванулся в небо, трепеща, кренясь и содрагаясь всем корпусом, как

раненое насекомое; он повернулся вверх килем, потом правым бортом; Дирдиры и дирдирмены падали вниз, словно черные точки, скользящие по серому небу. Корабль выпрямился, повернул на юг, потом на восток и вскоре скрылся из вида.

Часчи и часчмены вышли из леса и наблюдали за кораблем врагов. Потом их плот поднялся и низко завис над разведывательным ботом. Они сбросили крюки на канатах и, прицепив бот, подняли его из трясины. Часчи и часчмены забрались на плот; он поднялся по наклонной линии и направился на северо-восток, унося с собой подвешенный на канатах бот.

Шло время. Рейш продолжал висеть в постромках парашюта, чувствуя, что сейчас потеряет сознание. Солнце садилось за деревьями; спускались сумерки.

Внизу снова появился отряд воинов. Они вышли на поляну, бегло осмотрели ее, оглядели небо и повернули обратно.

Рейш хрипло крикнул. Воины схватились за катапульты, но вожак яростным жестом остановил их. Он отдал приказ; два воина вскарабкались на дерево и обрезали стропы парашюта, оставив кресло катапультирования и пакет с инструментами и лекарствами на ветвях дерева.

Рейша не слишком нежно спустили на землю. От режущей боли в плече у него потемнело в глазах. Над ним склонились неясные тени, переговариваясь на языке с резкими согласными и протяжными гласными звуками. Рейша подняли, положили на носилки; он почувствовал толчки и мерное раскачивание в такт шагам. Потом он то ли потерял сознание, то ли уснул.

Глава 2

Очнувшись, Рейш увидел пляшущее пламя костра, услышал приглушенные голоса. Над его головой была какая-то темная полоса, по обе стороны от нее — небо, покрытое незнакомыми созвездиями. Все, что случилось, было не кошмарным сном — реальностью. К Рейшу постепенно возвращалось сознание. Он лежал на камышовом тюфяке, от которого шел кисловатый запах срезанного тростника и человеческого пота. С него сняли рубашку; плетенка из ивовых прутьев сжимала плечи, поддерживая сломанные кости. Рейш с трудом поднял голову и осмотрелся. Он находился под открытым с боков навесом на металлических стойках с парусиновой крышей. «Еще один парадокс, — подумал Рейш. — Металлические стойки указывают на высокий уровень технологии; оружие и поведение людей — чисто варварские». Рейш попытался подняться, чтобы получше рассмотреть сидящих у костра, но ему стало больно, и он снова опустился на тюфяк.

Стоянка племени находилась на открытой местности; лес остался далеко позади — это было видно при свете звезд. Рейша больше всего заботил вопрос о том, что случилось с креслом для катапультирования, где было снаряжение, инструменты и лекарства. Он вспомнил, что кресло так и осталось висеть на дереве, и пожалел об этом. Теперь он мог надеяться только на свою природную живучесть, усиленную обязательными для разведчиков тренировками. Рейш часто думал об этих тренировках как об излишествах, выдуманных педантами. Он овладел неимоверным количеством различных дисциплин, основами лингвистики и теории коммуникации, астронавтики, космической и энергетической технологии, биометрики, метеорологии, токсикологии. Все это была теория; вдобавок он прошел курс практических занятий по технике выживания: он владел самыми разнообразными видами оружия, умел защищаться и нападать, находить пищу в экстремальных условиях, оснащать судно и ходить под парусом; он знал ракетную механику, мог ремонтировать электронные приборы и собирать аварийные устройства. Его не убили сразу, как Пола Уондера, так что теперь он сумеет выжить, только к чему все это? Его шансы вернуться на Землю были практически равны нулю, а это значительно уменьшало его бескорыстный научный интерес к планете, на которую он попал.

На лицо упала тень; Рейш увидел юношу вожака, спасшего ему жизнь. Стараясь разглядеть его в темноте, юноша встал на колени и поднес миску с кашей из грубо размолотого зерна.

— Большое спасибо, — сказал Рейш. — Но я вряд ли смогу есть: у меня руки стянуты шинами.

Юноша наклонился к нему, произнес несколько отрывистых слов. Рейш подумал, что выражение его лица слишком сурово и сосредоточенно для мальчика, которому, казалось, было не больше шестнадцати.

Медленно и осторожно Рейш привстал, опершись на локоть, и взял миску. Мальчик поднялся, отошел на несколько шагов и остановился, глядя, как Рейш пытается есть. Потом он повернулся и хриловато позвал кого-то. К Рейшу подбежала девочка. Она наклонилась к нему, взяла миску и принялась осторожно и сосредоточенно кормить его.

Мальчик некоторое время наблюдал за ними, явно заинтригованный Рейшем; тот был удивлен не меньше. Люди — мужчины и женщины — в мире, находящемся за двести двенадцать световых лет от Земли! Параллельная эволюция? Невероятно! Ложка за ложкой каша исчезала у него во рту. Девочка — ей было около восьми лет — была одета в истрепанную одежду вроде пижамы, не слишком чистую. Полдюжины мужчин, членов племени, подошли посмотреть; между ними завязался тихий разговор, на который юноша не обратил никакого внимания.

Миска опустела; девочка поднесла к губам Рейша кружку с кисло-ватым пивом. Рейш выпил, потому что от него этого ждали, хотя от пива щипало во рту.

— Спасибо, — сказал он девочке; она застенчиво улыбнулась и быстро ушла.

Рейш снова улегся на свой тюфяк. Юноша что-то резко сказал ему, очевидно, задал вопрос.

— Прости, пожалуйста, — ответил Рейш, — но я тебя не понимаю. Только не сердись, мне сейчас очень нужна дружеская поддержка.

Мальчик больше ничего не сказал и через некоторое время ушел. Рейш, откинувшись на тюфяк, попытался уснуть. Костер затухал; в лагере постепенно наступила тишина.

Издалека донесся негромкий протяжный крик. Ему ответил один голос, еще один, и вскоре сотни голосов слились в торжественном хоре. Приподнявшись на локте, Рейш увидел, что на небе взошли две луны, почти одинакового размера. Через несколько минут к поющим присоединился еще один голос, раздававшийся где-то поблизости. Рейш с удивлением слушал — это, несомненно, была женщина. Протяжную песню без слов продолжили новые голоса, и, сопровождаемая доносящимся из-за холмов хором, эта песня звучала как грустное погребальное песнопение.

Наконец пение прекратилось; лагерь затих. Рейш почувствовал усталость и вскоре заснул.

Утром Рейш смог увидеть почти весь лагерь. Он раскинулся в ложине между широкими и низкими холмами; к востоку шла гряда таких же холмов. Здесь, по причинам не вполне понятным Рейшу, племя выбрало место для стоянки. Каждое утро четверо молодых воинов в длинных коричневых плащах садились на небольшие моторные коляски наподобие мотоциклов и разъезжались по степи в разные стороны. Вечером они возвращались и направлялись с подробным донесением к Тразу Онмале, молодому вождю племени. Каждое утро запускали огромный воздушный змей, который поднимал в воздух мальчика восьми-девяти лет, по всей вероятности выступавшего в роли наблюдателя. Обычно к вечеру ветер стихал, и змей более или менее плавно опускался. Мальчик-наблюдатель обычно отделивался небольшими ушибами, при этом казалось, что люди, которые тянули за веревки, больше беспокоились о сохранности змея — четырехкрылой сложной конструкции из деревянных реек, на которую была натянута какая-то черная пленка.

По утрам из-за холма, расположенного к западу от стоянки, доносился отчаянный визг, и это продолжалось почти полчаса. Источником шума, как вскоре узнал Рейш, было стадо многоногих животных, которые давали племени мясо. Каждое утро мясник племени — огром-

ная женщина шести футов роста с темной, почти коричневой кожей обходила стадо, держа в руках нож и секач, и отрубала три или четыре ноги, которых племени хватало на день. Иногда она вырубала у одного из животных кусок мяса со спины, иногда запускала руку в рану и вырезала ломоть печени или другого органа. Животные почти не протестовали, лишаясь пары ног, которые у них быстро отрастали, но громко и жалобно визжали, когда к ним залезали в брюхо.

Пока у Рейша срастались кости, он общался только с женщинами, пугливыми безликими созданиями. Траз Онмале проводил с Рейшем почти каждое утро, разговаривал с ним, следил за тем, как идет его выздоровление, учил языку племени крушей. Синтаксис этого языка был вполне доступен Рейшу; его усложняли лишь многочисленные времена, модальности и виды глаголов. И даже после того, как Рейш научился объясняться на нем, Траз Онмале суровым тоном, таким необычным для юноши его возраста, поправлял Рейша, указывая на дополнительные тонкости.

Рейш узнал от него, что этот мир называется Тчаи, а розовый и голубой спутники — Аз и Браз. Он находился в племени крушей, или людей Эмблемы. Они дали себе такое имя по серебряным, медным, каменным или деревянным эмблемам-бляхам, которые носили на шлемах. Статус человека устанавливался по эмблеме, которая считалась полубожественным существом, имеющим имя, собственную историю и ранг. Без преувеличения можно было сказать, что эмблема управляла своим владельцем, — она давала ему имя и репутацию и определяла роль в племени. Наиболее высокой и почитаемой эмблемой была Онмале, принадлежащая Тразу. До того, как она досталась юноше, он ничем не отличался от своих сверстников. Онмале была воплощением мудрости, ловкости, решительности и «вирту» — добродетели, не поддающейся точному определению, свойственной племени крушей. Эмблему можно было унаследовать, захватить, убив прежнего владельца, можно было сделать для себя новую эмблему. В последнем случае новая эмблема не обладала индивидуальностью или «вирту» до тех пор, пока воин, носящий ее, не принял участие в каком-нибудь знаменитом сражении — только так его эмблема могла завоевать определенный статус. Когда эмблема меняла владельца, тот волей-неволей принимал ее качества. Некоторые эмблемы были враждебны друг другу; и тот, к кому попадала одна из них, автоматически становился врагом обладателя ее соперницы. Одни эмблемы были сделаны несколько тысяч лет назад, о них передавали удивительные истории; другие считались слабыми и несли на себе печать обреченности. Имелись и такие, что заставляли владельца проявлять особую жестокость или впадать в бешенство, как берсерки-викинги. Рейш четко осознавал, что его понимание этих символических индивидуальностей бледно и поверхностно по сравнению с тем, как живо воспринимали их сами круши. Член

племени без эмблемы был безликим ничтожным существом, не пользовался уважением соплеменников и не играл среди них никакой роли. Рейш понял, что фактически его положение в точности соответствует статусу человека, лишённого эмблемы: положение раба-илота или женщины — на языке крушей оба понятия определялись одним и тем же словом.

Интересно — возможно, это казалось необычным лишь Рейшу, — что люди Эмблемы принимали его за жителя отдалённых земель Тчай. Нисколько не преисполнившись уважения к нему из-за того, что он был на борту космического корабля, они полагали, что Рейш — как часчмены при Часчах и дирдирмены при Дирдирах — состоит при какой-то неизвестной им негуманоидной расе.

Услышав впервые подобное предположение от Траза Онмале, Рейш с негодованием отверг его:

— Я с Земли, далекой планеты; и мы, земляне, никому не подвластны.

— Если это так, кто же тогда построил космический корабль? — скептическим тоном спросил Траз Онмале.

— Конечно мы, люди. Земные люди.

Траз Онмале с сомнением покачал головой.

— Откуда взялись люди так далеко от Тчай?

Рейш не без горечи рассмеялся:

— Я задавал себе тот же вопрос: откуда взялись люди на Тчай?

— Происхождение людей хорошо известно, — жестко сказал Траз Онмале. — Мы узнаем его, как только начинаем говорить. А тебя разве не научили этому?

— Мы на Земле считаем, что люди произошли от человекообразного предка, который, в свою очередь, эволюционировал от древних млекопитающих, и так далее, вплоть до первичной клетки.

Траз Онмале покосился на женщин, суевившихся неподалеку от них. Он резко приказал им:

— Убирайтесь, у нас мужской разговор!

Женщины ушли, прищелкивая языками, и Траз Онмале, нахмурившись, посмотрел вслед им.

— Твои глупые слова разнесутся по всему лагерю. Колдуны рассердятся. Я объясняю тебе, откуда в действительности произошли люди. Ты видел наши луны. Розовая луна — это Аз, приют блаженных, голубая — Браз, место вечных мучений, куда попадают после смерти дурные люди и кругшейры — те, что поступали вопреки своей эмблеме и предали ее. Много лет назад луны столкнулись; от этого тысячи людей упали на Тчай. И сейчас все люди хотят вернуться на Аз — и хорошие и плохие. Но судьбы, черпающие свою мудрость в шарах, которые носят на шлемах, отделяют добрых людей от дурных и посылают каждого туда, куда он заслуживает.

— Интересно, — отметил Рейш. — А как же Часчи и Дирдиры?

— Это не люди. Они прилетели на Тчаи из пространства за звездами, как и Ванкхи; часмены и дирдирмены — помесь с нечистой кровью. Пнумы и фунги — грязные порождения северных пещер. Мы стараемся перебить их как можно больше. — Он искоса оглядел Рейша, сурово сдвинув брови. — Если ты из другого мира и не уроженец Тчаи, значит, ты не можешь быть человеком, и я прикажу убить тебя.

— По-моему, это было бы уж слишком строго, — сказал Рейш. — И в конце концов, я не сделал тебе ничего плохого.

Траз Онмале небрежно махнул рукой, не принимая всерьез этого довода.

— Отложим окончательное решение.

Рейш, немного окрепнув, постоянно занимался упражнениями, чтобы вернуть подвижность рукам и ногам, и прилежно изучал язык крушей. Он узнал, что племя не живет постоянно на одном месте, а кочует по необозримой степи Амана, занимающей весь юг континента, который круши называли Котан. Они мало знали о том, что происходит в остальных землях Тчаи. Здесь были и другие континенты — Кислован на юге; Чарчан, Качан и Рах на другом конце света. Степь населяют, кроме людей Эмблемы, другие кочевые племена; в болотах и лесах юга живут великаны и людоеды, они обладают сверхъестественной силой и умеют колдовать. Синие Часчи поселились на крайнем западе Котана; Дирдиры, предпочитающие прохладный климат, — на Хаулке, полуострове на юго-западе Кислована, и на северо-восточном побережье Чарчана.

На Тчаи обосновалась еще одна раса, прилетевшая со звезд, — Ванкхи, но люди Эмблемы мало знали о них. Уроженцами Тчаи были таинственные Пнумы и родственные им безумные фунги, о которых круши говорили неохотно, почти шепотом, оглядываясь через плечо.

Текло время: дни проходили в созерцании чужой жизни, ночи в отчаянии и тоске по Земле. Кости у Рейша начали срастаться, и он безо всяких помех изучал лагерь крушей.

Около пятидесяти навесов или палаток стояло под прикрытием холма, вплотную прилегая друг к другу, так что с воздуха они выглядели как неровность на пологом склоне. За палатками стояли огромные моторные шестиколесные повозки, укрытые брезентом. Рейш был поражен размером этих машин и обследовал бы их более тщательно, если бы не ватага бледных и тощих мальчишек племени, которые внимательно следили за каждым его движением. Они чувствовали, что он чем-то отличается от других, и не отставали от Рейша. Воины не обращали на него никакого внимания; человек без эмблемы был для них ничтожнее тени.

На дальнем конце стоянки Рейш увидел огромную машину, установленную на повозке: гигантскую катапульту с рычагом длиной в пятьдесят футов. Осадная машина? С одной ее стороны был нарисо-

ван розовый диск, с другой — голубой: очевидно, символы двух лун, Аз и Браз.

Проходили дни, недели, прошел месяц. Рейш не понимал, почему остается на одном месте. Круши — кочевники; что же удерживает их здесь? Каждое утро на разведку выезжали четверо «мотоциклистов» и в небо взмывал воздушный змей, ныряя и дергаясь в потоках воздуха, а наблюдатель-мальчик на своем сиденье мотался словно тряпичная кукла. Воины вели себя спокойно и тренировались, совершенствуя свое владение оружием. Их длинные гибкие клинки, похожие на хвост ската, могли и рубить и колоть; с помощью ручной катапульты с эластичными жгутами воины метали на большое расстояние короткие оперенные стрелы; треугольный щит в фут высотой и девять дюймов у основания шириной, со сточенными углами и острыми, как бритва, боковыми сторонами служил также метательным и режущим оружием.

Вначале за Рейшем ухаживал восьмилетний мальчишка, потом маленькая сторбленная старуха с лицом, сморщенным, как сухая изюмина, а затем девушка примерно восемнадцати лет, которую можно было бы назвать привлекательной, если бы не ее постоянное безразличие. У нее были правильные черты лица и красивые светлые волосы, всегда растрепанные, с запутавшимися веточками и травинками. Она ходила босиком, в платье из грубой серой домо-танкой материи.

Однажды, когда Рейш сидел на скамье, она прошла мимо него. Рейш обнял девушку за талию и привлек к себе, усадив на колени. От нее пахло папоротником, мятой, степным мхом и сырой шерстью.

— Чего тебе? — испуганно произнесла она хриловатым голосом и попыталась освободиться, правда, не особенно энергично.

Чувствовать ее теплую тяжесть было приятно.

— Ну, прежде всего я хочу причесать тебя... Сиди смирно.

Она не протестовала и замерла, повернувшись к нему боком, слегка обескураженная, смущенная и покорная. Рейш расчесал ей волосы пальцами, потом куском щепки. Девушка сидела не двигаясь.

— Ну вот, — наконец произнес Рейш. — Теперь ты красивая!

Она, словно заснув, продолжала сидеть у него на коленях. Потом вздрогнула и вскочила.

— Мне надо идти; вдруг нас увидит кто-нибудь. — Но она не спешила.

Рейшу хотелось снова усадить ее к себе на колени, но он подавил это желание, и девушка убежала.

На следующий день она, будто случайно, снова прошла мимо него, и на этот раз ее волосы были чисты и аккуратно расчесаны. Она остановилась, искоса посмотрела на чужака. Этот взгляд напомнил Рейшу его многочисленные любовные похождения. У него замерло сердце. На Земле такая девушка гордилась бы своей внешностью;

здесь, в степи Амана, она не сознавала свою красоту... Рейш помянул ее, и она приблизилась, преодолевая страх, словно притянутая какой-то неведомой силой, — ведь по обычаям племени женщины не могли общаться с мужчинами. Рейш положил ей руки на плечи, потом обнял и поцеловал. Она казалась удивленной.

— Неужели тебя ни разу не целовали?

— Нет. Но это приятно. Еще раз.

Адам глубоко вздохнул. Почему бы и нет?.. Шаги за спиной; ошеломляющий удар. Он ничком повалился на землю. Хриплый голос прокричал что-то, но Рейш не разобрал слов, произнесенных слишком быстро. Нога, обутая в сапог, ударила его по ребрам, и волны боли разошлись по телу от едва зажившего плеча.

На девушку, судорожно прижавшую кулаки ко рту, набросился воин. Он бил ее кулаками, пиная, и гнал за пределы лагеря к повозкам, осыпая бранью:

— Негодная шлюха, тебе понадобился грязный раб, так-то ты заботишься о чистоте племени!..

— Раб? — Рейш медленно поднялся с земли. Раб? Слово звенело у него в ушах.

Девушка забралась под высокую повозку. Явился Траз Онмале, чтобы выяснить причину шума. Воин, дюжий парень примерно того же возраста, что и Адам, дрожа от ярости, ткнул в него пальцем.

— Вот оно, наше проклятие, дурная примета. Помнишь предсказание? Нельзя допустить, чтобы он наплодил ублюдков в нашем племени! Убей его или охолости!

Траз Онмале с сомнением посмотрел на чужака.

— Кажется, он не причинил большого вреда.

— Не причинил вреда! Только потому, что я случайно проходил мимо! Если у него хватает сил на заигрывания, почему его не отправили на работу? Долго он еще будет набивать себе брюхо, сидя на подушках? Охолостим его и пошлем на самую тяжелую работу вместе с женщинами.

Траз Онмале неохотно кивнул. У Рейша пересохло во рту; он с тоской подумал об оставленном на дереве кресле, в сиденье которого находились лекарства, передатчик, сканскоп, запасная батарея и разнообразное оружие. Но что толку? В нынешнем положении все это так же недоступно, как если бы было разбросано среди обломков «Эксплоратора»

Траз Онмале кликнул женщину-мясника:

— Принеси острый нож. Надо сделать раба спокойным и послушным.

— Подожди! — выдохнул Рейш. — Разве так поступают с чужеземцами? Или у вас нет обычаев гостеприимства?

— Нет. У нас нет таких обычаев. Мы круши, и нами правит одна сила — наши эмблемы.

— Этот человек ударил меня сзади! Он трус. Пусть сразится со мной. А если я отберу у него эмблему? Смогу я тогда занять его место в племени?

— Место в племени занимает эмблема, — ответил Траз. — Этот человек, Осом, всего лишь носитель эмблемы по имени Вадуз. Без эмблемы он будет не лучше тебя. Но если Вадуз довольна им, как было до сих пор, ты никогда не сможешь отнять ее.

— Я могу попытаться.

— Может быть. Но ты опоздал: уже принесли нож. Будь так добр, разденься.

Рейш в ужасе смотрел на женщину-мясника, у которой плечи были шире, чем у него, и на несколько дюймов толще, — она подходила к нему с широкой улыбкой, словно рассекавшей ее лицо пополам.

— Еще есть время, — пробормотал он, — много, много времени...

Он повернулся к Осому, и тот выхватил из ножен саблю, пронзительно взвизгнувшую от трения о грубую кожу. Но Рейш шагнул к нему, и оружие оказалось бесполезным. Осом Вадуз попытался отскочить; Адам схватил его за руку, твердую, словно сталь. За время болезни Рейш так ослабел, что противник был значительно сильнее его. Осом Вадуз с силой выбросил руку вперед, стремясь опрокинуть Рейша, и тот потянул его на себя, повернувшись, чтобы заставить круша потерять равновесие. Потом, сделав резкое движение плечом, перекинул Осому через бедро и бросил на землю, ударил ногой по голове и наступил каблуком на шею, сдавив горло. Осом Вадуз, хрипя и задыхаясь, в конвульсиях испускал дух. Его шлем свалился на землю. Адам потянулся за ним, но его опередил старший колдун.

— Я сражался за эмблему, — крикнул Рейш, обращаясь к Тразу Онмале, — и она моя!

— Нет, никогда! — яростно завопил колдун. — Это не по закону. Ты раб и останешься рабом!

— И тебя убить? — Рейш угрожающе наклонился к нему.

— Довольно! — повелительным тоном произнес Траз Онмале. — Достаточно одной смерти. Хватит!

— А как же эмблема? Ты не согласен с тем, что она моя?

— Я должен подумать, — объявил юноша. — А пока достаточно. Женщина, отнеси тело на погребальный костер. Где судьи? Пусть придут и судят Осому, бывшего владельца Вадуз. Люди Эмблемы, приготовьте машину!

Адам отодвинулся в сторону. Спустя несколько минут он подошел к Тразу Онмале.

— Если хочешь, я оставлю ваше племя и уйду своей дорогой.

— Ты узнаешь мою волю, когда я выскажу свое решение, — заявил юноша безапелляционным тоном, к которому его обязывала эмблема Онмале. — Помни, ты мой раб; я отвел от тебя смертонос-

ные лезвия. Если ты попытаешься убежать, тебя выследят, схватят и высекут. А пока что собирай корм для скота.

Рейшу показалось, что Траз Онмале старался обращаться с ним как можно строже, вероятно, потому, что чувствовал неловкость из-за приказа оскотить Рейша, которое косвенным образом было им аннулировано.

Целый день расчлененное тело Осома, прежнего носителя Вадуз, тлело в специальной железной печи, и ветер разносил по лагерю тошнотворный запах горящего мяса. Воины, сняв чехол с огромной катапульты, поставили ее в центре лагеря.

Солнце зашло за гряды пурпурно-серых облаков; закат горел в хаотическом смешении красных и коричневых тонов. Тело Осома превратилось в пепел. Люди племени крушей рядами припали к земле, что-то бормоча. Старший колдун смешал пепел с кровью и положил смесь в коробку, которую поместил в большой цилиндрический снаряд.

Колдуны повернулись к востоку. Там на небе взошел Аз, розовая луна, почти полный круг. Главный колдун поднял руки и крикнул:

— Аз! Мы судили этого человека и решили, что это Осом; его эмблемой был Вадуз. Приготовься, Аз! Мы посылаем тебе Осома!

Воины оттянули рычаг катапульты. Его огромный силуэт словно пересек небо; эластичные канаты натянулись. Снаряд с прахом Осома поместили в углублении на конце рычага, направленного в сторону розовой луны. Все застонали, потом стон перешел в гортанный вой. Колдун воскликнул:

— Лети на Аз!

Запели канаты, раздался глухой тяжелый стук. Снаряд понесся в небо так быстро, что невозможно было уследить за его полетом. Через секунду высоко над головой вспыхнуло белое пламя; люди Эмблемы словно зачарованные не отрывали глаз от розового диска.

Они еще долго стояли, глядя в небо. «Может быть, завидуют Осому, — подумал Адам, — ведь он, по их мнению, сейчас наслаждается во дворце Вадуз». Не торопясь вернуться к себе, он оглядывал неясные силуэты людей племени; наконец, мрачно улыбнувшись, признался себе, что надеется увидеть девушку, из-за которой произошли все эти неприятности.

На следующий день Рейша послали собирать корм для скота, жесткие листья, на концах которых висели капли темно-красной воскообразной смолы. Он обрадовался этой работе — ему надоела монотонная жизнь в лагере.

Волнистые холмы простирались до самого горизонта — чередующиеся янтарно-желтые и черные зубцы на фоне облачного неба

Тчан. Адам смотрел на юг, на черную полосу леса, где, как он надеялся, на одном из деревьев все еще висит кресло для катапультирования. Скоро он попросит Траза Онмале отвести его туда... Он почувствовал чей-то взгляд, быстро повернулся, но никого не увидел.

Не поворачивая головы, он продолжал срывать листья и накладывать их в две корзины, надетые на палку, перекинутую через плечо. Потом спустился в ложбину, где росли купы невысоких кустов с листьями, похожими на красные и синие языки пламени. Невдалеке мелькнуло серое платье. Это была та самая девушка — она делала вид, что не замечает его. Рейш спустился на дно ложбины, поближе к ней, и они остановились друг против друга, лицом к лицу; она как-то сжалась и нерешительно улыбалась, ломая пальцы.

Адам взял ее за руки.

— Если мы будем встречаться, если подружимся, у нас будут неприятности.

Девушка кивнула.

— Я знаю... Это правда, что ты из другого мира?

— Да.

— Какой он?

— Трудно описать.

— Колдуны глупые, правда? Мертвые люди не попадают на Аз.

— Вряд ли.

Она подошла ближе.

— Сделай это еще раз.

Адам поцеловал ее. Потом, взяв девушку за плечи, легонько оттолкнул.

— Нам нельзя любить друг друга. Ты будешь несчастна, тебя еще раз изобьют...

Она пожалала плечами.

— Пускай. Я бы хотела вместе с тобой полететь на твою Землю.

— Мне бы тоже хотелось, — произнес Рейш.

— Сделай это еще раз, — сказала девушка, — только один, последний...

Вдруг она коротко вскрикнула, глядя поверх плеча Рейша. Он быстро повернулся. Какое-то движение, потом свист, глухой удар и душераздирающий стон. Девушка упала на колени, потом свалилась на бок, судорожно схватившись за оперенный конец короткой стрелы, глубоко вонзившейся в грудь. Адам хрипло крикнул, в бессильном гневѣ озираясь вокруг.

Никого. Рейш склонился над девушкой. Она беззвучно шевельнула губами, коротко вздохнула; потом тело обмякло.

Рейш стоял, глядя на нее. Бессильная ярость мешала собраться с мыслями. Он нагнулся, поднял безжизненное тело девушки — оно показалось ему легким, как пушинка, — и понес в лагерь, едва удержавшись.

живаясь на ногах от нервного напряжения. Он отнес ее в палатку Траза Онмале.

Юноша сидел на скамье, держа в руках саблю, и с мрачным видом стигбал и разгибал ее лезвие. Рейш осторожно положил перед ним тело девушки. Траз Онмале посмотрел на нее и перевел суровый взгляд на Рейша.

— Я встретил ее, когда собирал листья, — объяснил Рейш. — Мы разговаривали, и тут кто-то выстрелил в нее. Это убийство. Я думаю, стрела предназначалась мне.

Траз Онмале осмотрел стрелу, пощупал ее оперение. В палатке стали собираться воины. Траз Онмале оглядел их одного за другим.

— Где Джед Пилуна?

Воины приглушенно переговаривались между собой; грубый голос позвал Джеда. Он приблизился. Рейш никогда раньше не обращал внимания на этого воина: напористый, с горделивой осанкой, резкими чертами, краснолицый. Углы рта были опущены, и это придавало ему, может быть помимо воли, наглый и насмешливый вид. Рейш смотрел на него, задыхаясь от ненависти. Вот он, убийца, стоит перед ним.

Траз Онмале протянул руку.

— Покажи свою катапульта.

Джед Пилуна небрежно бросил оружие к его ногам — жест неуважения, и Траз Онмале обжег его взглядом. Он поднял катапульта и осмотрел ее углубление, которое воины после стрельбы обычно покрывали слоем жира.

— Вижу, ты сегодня пользовался катапультой. На этой стреле, — он указал на грудь девушки, — три черных полосы — знак Пилуны. Ты убийца.

Губы Джеда Пилуны дрогнули. Углы рта поднялись и снова опустились.

— Я хотел убить мужчину. Он раб и еретик. Она тоже была не лучше.

— Кто ты такой, чтобы решать? Разве твоя эмблема Онмале?

— Нет. Но я повторяю еще раз: это произошло случайно. Убить еретика — не преступление.

Старший колдун выступил вперед.

— Главное здесь — злонамеренная ересь. Этот человек, — он указал на Рейша, — без всякого сомнения, ублюдок; я бы сказал, помесь дирдирмена и Прислужника Пнумов. По неизвестным нам причинам он проник к людям Эмблемы и распространяет среди них ересь. Неужели ему кажется, что мы так глупы и не замечаем этого? Он ошибается! Ублюдок подчинил своей воле девушку; он сбил ее с верного пути — она нарушила закон. Значит, если...

Траз Онмале прервал его решительным тоном, столь необычным в устах юноши:

— Довольно. Ты говоришь глупости. Пилуна известна как эмблема черных дел. Ее носитель должен предстать перед судом, а Пилуну следует наказать.

— Я заявляю, что невиновен, — равнодушно сказал Джед Пилуна. — Отдаю себя в руки справедливого лунного суда.

Траз Онмале гневно прищурился.

— Оставь разговоры о лунном суде. Я сам буду судить тебя по справедливости.

Джед Пилуна спокойно посмотрел на него.

— Онмале не может вступать в поединок.

Траз Онмале обвел глазами столпившихся воинов.

— Неужели не найдется благородной эмблемы, чтобы покарать кровавадную Пилуну?

Ни один из воинов не откликнулся. Джед Пилуна удовлетворенно кивнул.

— Эмблемы не хотят вмешиваться. Твой призыв остался без ответа. Но ты запятнал честь Пилуны, ты употребил слово «убийца». Я требую у лун отмщения.

Траз Онмале сдержанно произнес:

— Принесите диск.

Старший колдун удалился и вернулся, держа в руках шкатулку, вырезанную из большой цельной кости. Он повернулся к Джеду Пилуне.

— Какую из лун ты просишь о правосудии?

— Я прошу отмщения у луны Аз, вместилища добродетели и мира; прошу Аз доказать мою правоту.

— Очень хорошо, — сказал Траз Онмале. — Я буду молить Браз, место адских мук и злодеев, таких, как ты, потребовать тебя к себе.

Старший колдун вынул из шкатулки диск — голубой с одной стороны и розовый с другой.

— Все отойдите! — Он запустил сверкающий круг в воздух. Диск, вибрируя, поднялся, полетел, плавно скользя над головами людей, и наконец опустился на землю розовой стороной вверх. — Аз, луна добродетельных, вынесла решение о невинности.

Рейш возмущенно фыркнул. Он повернулся к Тразу Онмале.

— Я прошу у лун вынести справедливое решение.

— Решение? Какое решение? — спросил старший колдун. — Конечно же не о том, еретик ты или нет! Это видно и так.

— Я прошу луну Аз дать мне эмблему Вадуз, чтобы я мог покарать Джеда за убийство.

Траз Онмале удивленно взглянул на Рейша.

Старший колдун возмущенно воскликнул:

— Это невозможно! Раб не может быть носителем эмблемы!

Траз Онмале, посмотрев на лежащее перед ним тело, сделал знак колдуну.

— Я освобождаю его. Бросай диск.

Старший колдун замер, необычно напряженный и смущенный.

— Разумно ли это? Эмблема Вадуз...

— Как известно, не самая благородная из эмблем. Бросай!

Колдун искоса посмотрел на Джеда Пилуну.

— Бросай, — сказал тот. — Если луны дадут ему эмблему, я разрублю его на мелкие кусочки. Я всегда не любил Вадуз.

Колдун все еще колебался. Он оглядел сначала высокого и мускулистого Джеда Пилуну, потом Рейша, такого же роста, но более тощего, с неокрепшими мускулами, — он еще не оправился полностью от болезни.

Старший колдун, не желая рисковать, пытался выиграть время.

— Диск потерял свою силу; сегодня мы больше не можем спрашивать у него.

— Ерунда, — возразил Рейш, — если диском управляют луны, как ты утверждаешь, то он не может потерять силу. Бросай!

— Брось диск, — приказал Траз Онмале.

— Тогда ты должен выбрать Браз, потому что ты еретик, воплощение зла.

— Я обратился к луне Аз, а она может отвергнуть меня, если захочет.

Колдун пожал плечами.

— Как хочешь. Я возьму другой диск.

— Нет! — крикнул Рейш. — Бросай тот же!

Траз Онмале выпрямился на сиденье и наклонился вперед, внимательно глядя на колдуна.

— Возьми тот же диск! Бросай!

Старший колдун сердито схватил диск и изо всех сил запустил его высоко в воздух. Как и прежде, диск стал вибрировать, потом плавно опустился на землю розовой стороной вверх.

— Аз благосклонен к чужаку, — объявил Траз Онмале. — Принеси эмблему Вадуз.

Старший колдун отправился в свою палатку и принес эмблему. Траз Онмале вручил ее Рейшу.

— Теперь ты — носитель эмблемы Вадуз; ты стал одним из людей Эмблемы. Итак, ты вызываешь на поединок Джеда Пилуну?

— Да.

Траз Онмале повернулся к Джеду.

— Ты готов защищать свою эмблему?

— Хоть сейчас. — Джек Пилуна извлек из ножен саблю и взмахнул ей, так что она описала сверкающий круг.

— Саблю и кинжал для новой Вадуз, — приказал Траз Онмале.

Рейшу тотчас же подали тонкую саблю. Он взвесил ее в руке, согнул и разогнул лезвие. Ему еще никогда не приходилось иметь дело с такой гибкой саблей-рапирой, хотя в руках у него бывало множе-

ство образцов, — фехтование было одной из важных частей тренировки. Не очень-то удобное оружие, разве что для ближнего боя. Воины крушей во время тренировок держались друг от друга на небольшом расстоянии, размахивая саблями, нанося режущие и колющие удары, делая выпады, поднимая и опуская клинки; бросались вперед и подавались назад, но почти не двигались с места. Треугольный щит для левой руки с острыми краями и острием посередине тоже был непривычен для Рейша. Он несколько раз взмахнул саблей, искоса поглядывая на Джед Пилуну, стоявшего в небрежной позе и выражавшего свое презрение к противнику.

«Сражаться с этим человеком в привычном для него стиле боя — самоубийство», — подумал Рейш.

— Внимание! — крикнул Траз Онмале. — Вадуз вызывает на поединок Пилуну. До сих пор было сорок два поединка между этими эмблемами. Тридцать четыре раза Пилуна побеждала Вадуз. Эмблемы, начинайте поединок.

Джед Пилуна внезапно сделал выпад. Рейш легко отбил его и нанес удар, который Джед отбил щитом, открыв при этом грудь. Рейш тотчас же прыгнул вперед и ударил противника острым выступом щита, нанеся ему колотую рану, не очень глубокую, но достаточную для того, чтобы Джед утратил свою самоуверенность. Он отскочил, бешено выкатив глаза и покрывшись лихорадочным румянцем, а затем перешел в яростное нападение, оттесняя Рейша благодаря своей недюжинной силе и мастерству. Рейш старался лишь уклоняться от рассекающего воздух лезвия, не помышляя о контратаке. Внезапно плечо, словно ожог, пронзила резкая боль; перехватило дыхание. Острая сабля-рапира тотчас же рассекла бедро и левую руку. Зловеще улыбаясь, Джед уверенно продолжал атаковать, ожидая, что Рейш оступится и он изрубит противника. Но Рейш рванулся вперед, отбил саблю круша своим щитом и сдвинул концом лезвия черный шлем на голове Джед. Пилуна отступил, чтобы поправить шлем, но Рейш, используя представившуюся возможность, снова двинулся вперед. Он нанес удар щитом, сделал выпад и сбил шлем, а с ним и эмблему Пилуны с головы противника. Рейш отбросил щит, схватил шлем. Лишившись своей эмблемы, Джед ошеломленно остановился, по лбу разметались темно-русые кудри. Он взмахнул саблей; Рейш поймал конец лезвия в наушниках шлема Джед, не выпуская его из рук. Теперь он сам нанес удар и пронзил плечо противника.

Тот с лихорадочной поспешностью освободил свою саблю и отступил, чтобы успешнее маневрировать, но Рейш, обливаясь потом и задыхаясь, продолжал насаждать на него.

— Я держу эмблему, которая в отвращении отвергла тебя, — произнес Рейш. — Ты, убийца, сейчас умрешь.

Противник издал нечленораздельный вопль и ринулся в атаку. Рейш снова насадил шлем на лезвие сабли воина. Он сделал выпад

и всадил бывшему владельцу Пилуны саблю в живот. Джд успел выбить рукоятку из рук Адама. Какое-то мгновение он стоял с торчащей из тела саблей, с ужасом и упреком глядя на Рейша, потом вырвал клинок из раны и отбросил его; он снова двинулся вперед. Рейш наклонился за своим щитом; Джд бросился на него, и он направил щит прямо в лицо противника. Острые угодило Джду в полуоткрытый рот и застряло в глотке, как чудовищный железный язык. Колени Джда подогнулись; он рухнул на землю и лежал, судорожно царапая пальцами песок.

Рейш, с трудом переводя дыхание, бросил шлем Джда с прикрепленной к нему гордой эмблемой, отошел к стене палатки и привалился к столбу.

В лагере стояла напряженная тишина.

Наконец Траз Онмале произнес:

— Вадуз победил Пилуну, прибавив себе славы. Где судьи? Пусть судят павшего.

Трое колдунов выступили вперед, посмотрели сначала на бездыханное тело, потом на Тразу Онмале и искоса на Рейша.

— Судите! — приказал Траз Онмале резким повелительным тоном, более естественным в устах старца. — И не ошибитесь!

Колдуны тихо переговаривались между собой.

— Нам трудно судить, — объявил старший колдун. — Джд был героем. Он верно служил Пилуне.

— Он убил девушку.

— Он убил ее, потому что она запятнала себя ересью и сблизилась с нечистым ублюдком! Какой достойный, преданный верному пути человек не сделал бы то же самое?

— Он превысил свои права. Я приказываю вам осудить его. Положите тело в огонь. Когда взойдет Браз, отправьте его недостойный прах в ад.

— Да будет так, — пробормотал старший колдун.

Траз Онмале вошел в свою палатку.

Рейш одиноко стоя в центре лагеря. Воины, собравшись группами, беспокойно переговаривались, с неприязнью глядя на него. День клонился к вечеру, гряда тяжелых облаков закрывала солнце. Сверкая, озаряли небо пурпурные молнии, хрипло клокотал гром. Женщины сушили, накрывая грубой тканью кучи листьев для скота и корзины с едой. Воины спешили ту же затянуть веревки, на которых держался брезент над повозками.

Адам посмотрел на тело девушки; о ней все забыли. Он не мог оставить ее лежать так всю ночь под дождем. Женщины уже приготовили печь для тела Джда. Рейш поднял девушку, поднес ее к печи и, не обращая внимания на протесты старух, следивших за огнем, опустил туда тело, стараясь уложить его как можно более аккуратно и ровно.

Когда на землю упали первые капли дождя, Рейш направился в свою палатку.

Начался ливень. Промокшие до костей женщины соорудили навес над печью и продолжали подбрасывать ветки в огонь.

Кто-то вошел в палатку. Рейш отступил в тень; огонь костра осветил лицо вошедшего: Траз Онмале. Он казался мрачным и подавленным.

— Рейш Вадуз, где ты?

Адам вышел из тени. Траз Онмале посмотрел на него и грустно покачал головой.

— С тех пор как ты появился у нас, все пошло не так, как надо. Раздоры, ненависть, смерть. Разведчики приносят вести о том, что степь безлюдна. Эмблема Пилуны опозорена. Колдуны гnevаются на Онмале. Кто ты? Почему ты принес нам столько горя?

— Я уже сказал тебе, кто я. Человек с планеты Земля.

— Это ересь, — нерешительно возразил Траз Онмале. — Люди — порождение луны Аз. По крайней мере, так говорят колдуны.

Немного подумав, Рейш произнес:

— Если люди несогласны друг с другом, значит, кто-то из них не прав. Сейчас правда на моей стороне. Мне не нравятся ваши обычаи. Племенем управляют колдуны, которые...

— Нет! — решительно сказал юноша. — Племенем правит Онмале. Я — носитель этой эмблемы; она говорит моими устами.

— Не совсем так. Власть колдунов сильнее; они все делают по своему.

— Чего ты хочешь? Погубить нас?

— Конечно нет. Я никому не желаю зла. Я только хочу выжить и защищаться, если потребуется.

Юноша тяжело вздохнул.

— Не знаю, что и думать. Или ты не прав, или колдуны лгут нам.

— Они лгут. История человечества на Земле насчитывает десять тысяч лет.

Траз Онмале засмеялся.

— Однажды, еще до того, как я стал носителем Онмале, наше племя попало в развалины древнего Карцегуса, и мы захватили в плен Прислужника Пнумов. Колдуны пытали его, чтобы выведать что-нибудь о его хозяевах, но он только проклинал каждую минуту из пятидесяти пяти тысяч лет, которые люди прожили на Тчаи. Пятьдесят пять тысяч против твоих десяти тысяч... Все это очень странно.

— Действительно, все это очень странно.

Траз Онмале поднялся, посмотрел вверх на гонимое ветром рваное одеяло облаков, мчащихся по ночному небу.

— Я наблюдаю за лунами, — произнес он ломким, почти мальчишеским голосом, — и колдуны тоже. Плохие предзнаменования; я думаю, скоро луны сойдутся. Если Аз будет сверху, все останется по-

прежнему. Если Браз затенит Аз, кто-нибудь другой станет носителем эмблемы Онмале.

— А ты?

— Я должен буду отнести на небеса мудрость Онмале.

С этими словами Траз Онмале покинул палатку.

Буря бушевала в степи до утра, весь следующий день и еще одну ночь. Через двое суток на ясном, словно выметенном ветром, небе взошло солнце. Как обычно, из лагеря выехали разведчики, но уже в полдень возвратились, необычно взволнованные. В лагере закипела работа. С повозок сняли брезент, разобрали палатки и увязали их в тюки. Женщины грузили скarb на повозки, воины натирали маслом коней-прыгунов, скребущих землю пятипальными лапами, набрасывали на них седла, привязывали поводья к чувствительному выступу на морде, напоминавшему короткий хобот. Рейш подошел к Тразу Онмале.

— Что случилось?

— Наконец-то разведчики выследили караван с востока. Мы нападём на него у реки Айоба. Как носитель эмблемы Вадуз, ты можешь отправиться с нами и получить часть добычи.

Он приказал подать Рейшу коня. Стараясь не выказать страха, он взобрался на спину животного, от которого исходил резкий неприятный запах. Конь-прыгун вздрогнул, почувствовав незнакомого наездника, и задрал шишкообразный хвост. Рейш ухватился за поводья, конь немного присел и пустился в степь прыжками, а Рейш изо всех сил старался удержаться в седле. Сзади донесся хохот, гиканье и насмешливые возгласы опытных наездников, издевающихся над мучениями новичка.

Наконец Рейшу удалось успокоить коня, и он быстро вернулся в лагерь. Через несколько минут группа всадников понеслась на северо-восток. Черные длинноногие твари скакали, покрывшись пеной, воины наклонялись вперед на плоских седлах, высоко поднимая колени, наушники их шлемов развевались, и Рейша невольно охватило унаследованное от далеких предков упоение бешеной скачкой.

Около часа люди Эмблемы продвигались по степи, стараясь быстрее пересечь открытые пространства. Волнистые холмы постепенно становились ниже, перед ними простиралась обширная равнина, лежащая в тени холмов. Воины остановили коней на одной из вершин, указывая в разные стороны. Траз Онмале отдавал приказания. Подъехав к нему поближе, Рейш прислушался.

— ...по следу на юг, к броду. Мы будем ждать у Птичьих Гнезд. Иланты сначала перейдут реку, потом пошлют разведчиков к лесу Зед и Белому холму. А мы нападём на них в центре и захватим повозки с товарами. Все ясно? Тогда вперед!

Люди Эмблемы устремились вниз по длинному пологому склону, к далекому ряду высоких деревьев и группе одиноких утесов, возвышающихся над рекой Айоба. Воины затаились в самой чаще леса.

Время шло. Издалека донесся еле слышный рокот колес и появился караван. Впереди, за несколько сот ярдов от каравана, ехали три могучих желтокожих воина в черных шлемах, увенчанных человеческими черепами с отрубленной нижней челюстью. Они ехали на животных, напоминающих коней-прыгунов, но выше ростом и не таких диких; у седла висели мечи, на поясе у каждого — короткие сабли, а на коленях — ружья.

Дальше все пошло не так, как задумали люди Эмблемы. Иланты не стали перебираться через реку; они стояли, охраняя караван. На берег с грохотом выехали моторные повозки на шестифутовых колесах, сверху нагруженные тюками, пакетами и клетками, в которых, спрятавшись, сидели люди — мужчины и женщины.

Предводитель каравана принял все мыслимые меры предосторожности. Перед переправой, чтобы обезопасить подступы, он установил повозки с пушками, затем направил воинов-илантов разведать противоположный берег.

В Птичьих Гнездах воины-круши с пеной у рта проклинали судьбу.

— Такое богатство! Столько добра! Шестьдесят повозок! Но если мы нападем, нас сразу всех перебьют.

— Один только залп — и всем нам конец.

— И зачем мы сидели целых три месяца у этих колтмов Валграма? Что за проклятая судьба!

— Одни плохие приметы! Вчера ночью я видел, как благословенная луна Аз с трудом пробиралась сквозь облака — дурное предзнаменование.

— Все пропало, кругом сплошные неудачи! Мы попали под власть проклятой луны Браз!

— Луны Браз или козней этого черноволосого колдуна, того, кто побил Джеда Пилуну.

— Верно! Он явился, чтобы расстроить наш набег! Раньше такого никогда не случалось!

Все больше мрачных взглядов обращалось на Рейша; он делал вид, что ничего не замечает.

Предводитель отряда стал советоваться с воинами.

— Думаю, ничего у нас не выйдет, — сказал он. — Мы только погубим людей, а эмблемы наши утонут в реке.

— Может, отправимся вслед и нападем на них ночью?

— Нет. У них слишком хорошая охрана. Их ведет Баоян, а он всегда настороже. Браз его возьмет!

— Значит, три месяца мы потратили зря!

— Лучше зря потратить время, чем погибнуть! Назад, в лагерь! Женщины, наверное, уже все сложили, повернем на восток к Марагану.

— На восток?! Это еще хуже, чем на запад!
— Вспомните приметы! Все сошлось!
— Ну ладно, возвращаемся в лагерь, здесь нам больше делать нечего!

Воины повернули коней и не оглядываясь поскакали на юг, в степи.

Ранним вечером они вернулись в лагерь, усталые и злые. Воины набросились на женщин, успевших сложить всю утварь: ленивые твари, почему не кипят котлы, почему не приготовлены кувшины с пивом?

В ответ женщины вопили и ругались; их отколотили. Потом все вместе достали с повозок утварь и еду.

Траз Онмале, хмурясь, держался поодаль, Рейша намеренно избегали. Воины ели с жадностью, не переставая ворчать, потом, раздраженные и обессиленные, растянулись у костра.

Взошла луна Аз, но сразу же за ней по небу поплыл Браз. Первыми это увидели колдуны и вскочили, простирая руки к небесам в благоговейном страхе. Луны сблизилась; казалось, они вот-вот сольются. Воины в ужасе завопили. Браз скользнул к розовому диску, полностью заслонив его. Старший колдун, подняв голову, громко крикнул:

— Да будет так! Да будет так!

Траз Онмале медленно повернулся и отступил в тень, едва не столкнувшись с Рейшем.

— Что за шум? — спросил он.

— Разве ты не видишь? Браз одолел Аз. Завтра ночью я отправляюсь на Аз, чтобы искупить наши грехи. И ты, конечно, тоже уйдешь на небо, только на Браз.

— То есть нас сожгут и положат в катапульты?

— Да. Мне повезло, что я так долго был носителем Онмале. Прежний был наполовину моложе меня, когда его отправили на Аз.

— Ты думаешь, этот ритуал приносит какую-нибудь пользу?

Траз Онмале в нерешительности молчал. Потом он произнес:

— Так говорят колдуны. Я должен буду перерезать себе горло у костра. Я не могу послушаться.

— Бежим вместе, — предложил Рейш. — Они сейчас уснут, а когда проснутся, мы уже будем далеко.

— Что ты сказал? Мы вместе? Но куда?

— Не знаю. Разве у вас здесь нельзя найти места, где люди живут, не убивая друг друга?

— Может быть, такие места существуют. Но не в степи Амана.

— Если мы сможем добыть разведывательный бот и у меня будет время починить его, мы можем улететь на Землю.

— Это невозможно. Твой корабль попал в руки Часчей. Для тебя он потерян навсегда.

— Наверное, это так. Во всяком случае, лучше уйти сейчас, чем дожидаться смерти.

Траз Онмале стоял, глядя на небо.

— Онмале приказывает мне оставаться. Я не могу запятнать ее честь. Эта эмблема никогда не бежала перед лицом опасности, она всегда исполняла свой долг, до самой смерти.

— Самоубийство — это не исполнение долга, — ответил Рейш.

Неожиданно повернувшись, он сорвал шлем с головы Тразы Онмале и оторвал эмблему. Траз хрипло вскрикнул, словно испытал физическую боль, и замер, глядя на Рейша:

— Что ты сделал? Кто коснется Онмале, умрет на месте!

— Теперь ты больше не Траз Онмале, просто Траз.

Казалось, юноша съежился, стал меньше ростом.

— Хорошо, — покорно произнес он, — бежим вместе. — Он оглядел лагерь. — Мы должны идти пешком. Если попытаемся оседлать коней, они поднимут шум. Подожди здесь. Я возьму плащи и немного еды. — Он ушел, оставив эмблему Онмале у Рейша.

Рейш посмотрел на нее, освещенную синим светом Бразы, и ему показалось, что в руках у него — живое существо; эмблема как будто смотрела на него, приказывая совершить что-то страшное. Он вырыл ямку в земле и бросил туда Онмале. Казалось, эмблема задрожала и испустила безмолвный крик горя; Рейш засыпал землей блестящее в лунном свете серебро, чувствуя себя в чем-то виноватым, а когда поднялся, руки его дрожали и были влажными, а по спине катились струйки пота.

Прошел час, а может быть, два? Трудно сказать. С тех пор как он попал на Тчаи, Рейш утратил чувство времени.

Луны плыли по небу; наверное, уже наступила полночь. В степи раздавались ставшие привычными звуки: дальний визгливый вой диких ночных собак, приглушенное рычание. В лагере костры прогорели до угля, голоса утихли.

Из темноты неслышно возник Траз.

— Я готов. Вот твой плащ и сверток с едой.

Рейш заметил, что у юноши изменился голос, он стал менее самоуверенным и резким. Его черный шлем без эмблемы выглядел как-то необычно. Траз посмотрел на руки Рейша, быстро огляделся вокруг, но не спросил о судьбе своей эмблемы.

Они выскользнули из лагеря, поднялись на склон холма и пошли по его гребню, направляясь на север.

— Может быть, ночным собакам будет легче заметить нас здесь, — пробормотал Траз, — но крупные хищники таятся во мраке болот.

— Если мы доберемся до леса и найдем дерево, где — будем надеяться — все еще висит мое кресло, у нас появится шанс уцелеть. А когда... — Рейш умолк. Что будет тогда, он не знал.

Они взобрались на вершину холма и решили немного отдохнуть. Луны были в зените, разливая по степи бледный свет; все углубления, словно водой, были до краев наполнены мраком. Со стороны севера, довольно близко, раздался негромкий вой.

— Ложись! — прошептал Траз. — Прижмись к земле. Ночные собаки бегут по следу.

Они неподвижно лежали примерно пятнадцать минут. Снова раздался жуткий вой, на этот раз с востока.

— Пошли, — произнес Траз, — собаки кружат у лагеря в надежде на поживу.

Они двинулись на юг, шагая вверх по склонам, спускались и вновь поднимались к вершине следующего холма; они старались избегать, насколько возможно, темных болотистых углублений и ям.

— Ночь на исходе, — заметил Траз. — Когда рассветет, люди Эмблемы отправятся за нами в погоню. Если успеем дойти до реки, мы сможем спастись. А если попадем к болотным людям, нам придется так же плохо, как если нас схватят круши, если не хуже.

Они шли уже два часа. На востоке небо приняло водянисто-желтый цвет; на нем проступали пятна черных облаков. Перед ними поднялась темная стена леса. Траз оглянулся.

— Лагерь, наверное, уже на ногах. Женщины разводят большой костер. Скоро за мной придут колдуны. Они не найдут Онмале в своей палатке, и тогда поднимется переполох. Колдуны в ярости начнут проклинать меня; воины оседлают коней и поскачут по нашим следам. — Траз еще раз оглядел горизонт. — Скоро они будут здесь.

Они продолжали идти, дошли до края леса, еще по-ночному темного и мрачного, окутанного густыми теньями. Траз в нерешительности остановился, глядя в глубь леса, потом оглянулся и посмотрел в сторону степи.

— Далеко до болота?

— Нет, не очень. Миля или две, не больше. Но я чую берла.

Рейш потянул носом и почувствовал едкую вонь.

— Может быть, это пахнут его следы, вот и все, — хрипло произнес Траз. — Люди Эмблемы догонят нас через несколько минут. Попробуем дойти до реки.

— Сначала разыщем мое кресло!

Траз, покорившись судьбе, пожал плечами и нырнул в тень деревьев.

Рейш в последний раз оглянулся через плечо. На подернутом туманом горизонте появились быстро движущиеся черные точки. Адам поспешил за Тразом; тот двигался очень осторожно, то и дело останавливаясь, чтобы прислушаться, втягивая носом лесной воздух. В лихорадочном нетерпении Рейш торопил его. Траз ускорил шаги, и они почти бежали по влажным листьям, устилавшим землю. Рейшу показалось, что издали доносится дикое улюлюканье.

Траз остановился.

— Вот и дерево. — Он показал вверх. — Это то, что ты ищешь?

— Да, — с заметным облегчением отозвался Рейш, — я боялся, что кресло пропало.

Траз влез на дерево и спустил кресло. Рейш открыл сиденье, вынул пистолет и поцеловал его, как будто встретился с самым близким другом. Он засунул оружие за пояс.

— Быстрее, — беспокойно произнес Траз. — Я слышу людей Эмблемы, они уже недалеко.

Рейш вытащил мешок с лекарствами и снаряжением и надел его на спину.

— Пошли. Теперь нам не страшны преследователи — пусть они боятся нас.

Траз повел его в обход болота, стараясь скрыть следы, поворачивая назад; с помощью висячей ветви он перемахнул через двадцатифутовую полосу черного ила, взбирался на тонкие деревья, стигавшиеся под его тяжестью и переносившие его через густые заросли камыша. Рейш не раздумывая следовал за ним. Голоса воинов слышались все ближе и ближе.

Траз и Рейш достигли берега реки — медленно струящегося потока темной воды. Траз нашел нечто вроде плота, состоящего из упавших в воду стволов, засохших лиан и перегной, скрепленных живым тростником, и столкнул все это в воду. Потом они спрятались в ближайших зарослях тростника. Прошло пять минут; из болота на берег вырвались четверо крушей, идущих по следам беглецов, за ними последовала еще дюжина воинов с катапультами наготове. Они подскакали вплотную к реке и указывали на то место, откуда Траз столкнул плот, оглядели поверхность реки. На расстоянии почти двухсот ярдов от крушей вниз по реке плыл плот; он попал в водоворот, вырвался, поплыл дальше и пристал к противоположному берегу. Люди Эмблемы яростно завопили, повернули коней и пустили их в галоп вдоль берега через ил и заросли лиан.

— Быстрее, — прошептал Траз, — они скоро поймут, в чем дело. Назад, по их следам.

Траз и Рейш бросились бежать прочь от берега реки, через болото и снова по лесу. Крики воинов звучали все дальше и дальше, все смолкло; но потом совсем близко послышались торжествующие вопли.

— Снова напали на наш след, — задыхаясь, произнес Траз, — они преследовали нас верхом; мы никогда... — Он внезапно остановился, поднял руку, и Рейш почувствовал знакомый едкий сладковатый звериный запах. — Берл! Сюда... Вот на это дерево.

Вслед за Тразом Адам стал подниматься по маслянистым зеленым веткам дерева; мешок бил его по спине.

— Еще выше. Он прыгает высоко.

Показался берл: гибкое бурое чудовище с головой свирепого вепря, рассеченной надвое огромной пастью. Прямо из шеи выступала пара длинных лап, кончавшихся огромными роговыми клешнями, которые берл высоко поднял над головой. Зверь, казалось, прислушивался к крикам воинов и, скользнув взглядом по беглецам, больше не обращал на них никакого внимания. Рейш подумал, что никогда прежде не видел такого злобного взгляда. «Смешно. Ведь это просто зверь...»

Чудище скрылось в лесу; через минуту голоса преследователей внезапно умолкли.

— Они почуяли берла, — сказал Траз, — уйдем отсюда.

Они спустились с дерева и побежали на север. Позади раздавались крики ужаса, гортанное хриплое рычание.

— Люди Эмблемы нам больше не страшны, — бесцветным голосом сказал Траз. — Те, что остались живы, вернутся в лагерь. — Он повернулся к Рейшу, с беспокойством посмотрел на него. — Когда они возвратятся, у них не будет больше Онмале. Что тогда? Племя вымрет?

— Вряд ли, — возразил Рейш. — Обо всем позаботятся колдуны.

Скоро они вышли из леса. Перед ними расстилась степь, пустынная и плоская, озаренная медово-желтым светом.

— Что там, на западе?

— Западный Аман и страна Старых Часчей. Потом скалы Янг, а дальше Синие Часчи и бухта Эджедра.

— А на юге?

— Болота. Там на плотках живут болотные люди. Они не такие, как мы: маленькие, желтокожие, белоглазые. Хитрые и жестокие, как Синие Часчи.

— Есть у них города?

— Нет. Города там, — Траз указал куда-то на север, — но они все разрушены. В степи повсюду есть древние города. Они полны всякой нечисти, а еще там водятся фунги — они скрываются среди развалин.

Рейш задавал все новые и новые вопросы: где расположены страны и города, кто в них живет, и понял, что знания Траза весьма приблизительны. Дирдиры и дирдирмены, говорил он, живут за морем, не знаю, где точно. Существуют три вида Часчей: Старые Часчи, выродившиеся потомки некогда могущественного народа, поселения которых сейчас сконцентрированы вокруг скал Янг, Зеленые Часчи, дикие кочевники Мертвой степи, и Синие Часчи. Траз одинаково не видел их всех, хотя Старых Часчей никогда не видел.

— Зеленые Часчи ужасны — это демоны, но, к счастью, они не преступают пределов Мертвой степи. Круши почти всегда кочуют на юге Амана, иногда совершая набеги на караваны. Тот караван, на который мы собирались напасть, сделал большой крюк на юг, чтобы избежать Зеленых Часчей.

— Куда он направлялся?

— Наверное, в Перу или, может быть, в Ялх, на берег моря Лесмы. Скорее всего, в Перу. Караваны, идущие с севера на юг, перевозят товары из Мазууна в Ялх. Те, чей путь лежит с востока на запад, движутся от Перы к Коаду.

— А есть там города, где живут люди?

Траз пожал плечами.

— Вряд ли их можно назвать городами. Поселения. Но я мало знаю об этом, только то, что слышал от колдунов... Ты голоден? Я бы поел сейчас. Отдохнем.

Они уселись на упавшем стволе и позавтракали ломтями круто сваренной каши, запив ее пивом из кожаной фляги. Траз указал на пучки невысокой травы с маленькими белыми шариками на стебельках.

— Мы не умрем от голода, пока на пути будет встречаться трава паломников... А вот видишь там черные кусты? Это ватак. В корнях каждого куста содержится целый галлон сока. Если долго пить только сок ватака, можно оглохнуть, но несколько недель можно спокойно продержаться на нем.

Рейш раскрыл свой мешок.

— Я могу добыть воду из земли с помощью этого куска планки или превратить соленую воду в питьевую очистителем. Это питательные таблетки, их нам хватит на месяц... Это батарейки... набор лекарств... нож, компас, сканскоп... передатчик... — Рейш осмотрел его с неожиданным волнением.

— Что это за инструмент? — спросил Траз.

— Половина коммуникационной системы. Вторая половина была в кресле Уондера, которое находится сейчас на боте. Я могу передать сигнал, получить автоматически ответ второй половины системы и таким образом узнать, где она находится. — Рейш нажал кнопку «ЛОКАЦИЯ». Стрелка компаса переместилась к северо-западу; на счетчике появились белые цифры 6.2 и красная 2. — Вторая половина системы и, вероятно, весь бот находится на расстоянии 6.2, умноженное на 10, то есть за 620 миль от нас к северо-западу.

— Должно быть, это в стране Синих Часчей. Мы ведь видели, как они забрали бот.

Рейш задумчиво посмотрел на северо-запад.

— Вряд ли нам стоит идти на юг, в болота, или возвращаться в лес. Какие земли лежат на востоке, за степями?

— Не знаю. Наверное, океан Драсчад. Это очень далеко.

— Тот караван шел оттуда?

— Коад находится в заливе Драсчада. От него нас отделяет степь Амана, где кочуют люди Эмблемы и разные племена: сражающиеся на воздушных змеях, безумные секиры, поклоняющиеся тотему берла, желто-черные и другие, которых я совсем не знаю.

Рейш был погружен в раздумья. Космический бот находился где-то на северо-западе, у Синих Часчей. Значит, самое разумное — отправиться туда.

Траз дремал сидя, склонив голову на грудь. Как носитель Он-мале, он отличался суровым и непреклонным характером; сейчас, лишившись эмблемы, он явно тосковал по ней, словно лишившись своей воли, но все же оставался чересчур сдержанным для своего возраста.

У Рейша тоже смыкались от усталости веки; приятно согревали лучи солнца... Казалось, здесь им не угрожала никакая опасность. А вдруг вернется берл? Рейш заставил себя бодрствовать. Пока Траз спал, он упаковал свои сокровища.

Глава 3

Траз проснулся. Бросив робкий взгляд на Рейша, он быстро вскочил на ноги.

Рейш последовал его примеру; не сговариваясь, они сразу двинулись в путь на северо-запад. Было около девяти часов утра, тусклый медный диск солнца медленно полз по бледному небу. Воздух обвевал тело приятной прохладой; в первый раз с тех пор, как Рейш попал на планету Тчаи, он чувствовал себя сильным и бодрым. При нем было его снаряжение, он зная, где искать разведывательный бот: теперь он находился в гораздо лучшем положении, чем прежде.

Мерным шагом они пересекали степь. Лес остался далеко позади: неясная темная полоска на горизонте. Со всех сторон их окружало ровное однообразное пространство. В полдень они немного поели, потом улеглись отдохнуть; они проспали почти до четырех часов дня и снова направились на северо-запад.

Солнце опустилось в гряды низких облаков, вверх в небо устремились медово-желтые лучи. В открытой степи негде было приютиться, оставалось только идти вперед.

Ночь была тихая и безветренная; далеко на востоке слышался вой ночных собак, но Рейша и его спутника никто не потревожил.

На следующий день они доели припасы из сумки, которую Траз взял из лагеря людей Эмблемы, и вынуждены были довольствоваться стручками травы паломников и соком, выжатым из корней ватака; стручки были безвкусными, сок едким.

Утром на третий день они увидели белое пятно, плывущее по западной стороне неба. Траз распластался за низким кустом и жестом велел Рейшу последовать его примеру.

— Дирдиры! Они охотятся.

Рейш вынул сканскоп и направил его на движущийся объект; опершись о землю локтями, он настроил прибор на пятидесятикратное

увеличение, при попытке сделать увеличение больше изображение начало расплываться из-за вибрации воздуха. Он увидел большой, похожий на лодку корпус, под которым были странные причудливые выступы разной формы, некоторые в виде полумесяца, явно сделанные больше для создания эстетического эффекта, чем в утилитарных целях.

На палубе этой странной лодки виднелись четыре бледные фигуры; без сомнения Дирдиры или дирдирмены. Летательный аппарат прошел курсом, почти параллельным их пути, в нескольких милях и к западу от них. Рейш не мог понять, почему Траз так испуган.

— На кого они охотятся? — спросил он.

— На людей.

— Для развлечения?

— Для развлечения. И для еды. Они едят человеческое мясо.

— Хотелось бы мне иметь такой аппарат, — пробормотал Рейш.

Он поднялся на ноги, не обращая внимания на лихорадочные протесты Траз. Летаящая лодка Дирдиров скрылась на севере. Траз успокоился, но продолжал внимательно наблюдать за небом.

— Иногда они поднимаются высоко и летят так, пока не увидят сверху одинокого воина. Тогда они бросаются на него с высоты, как стервятники, накидывают аркан или парализуют своими электрическими саблями.

Они продолжали идти в том же направлении. К вечеру Траз стал снова проявлять беспокойство, и Рейш, как ни пытался, не мог понять причину его волнения, хотя все вокруг стало казаться каким-то странным. Солнце, выглядывая из-за густого тумана, казалось совсем маленьким и тусклым и еле освещало огромное пространство степи. Рейш не видел ничего, кроме их собственных неестественно длинных теней, которые тащились за ними, но Траз смотрел по сторонам, время от времени останавливаясь и оглядываясь, будто искал что-то у себя за спиной.

— Что ты там видишь? — наконец не выдержал Рейш.

— Кто-то нас преследует.

— Ну? — Рейш повернулся и оглядел степь. — Откуда ты знаешь?

— Я это чувствую.

— Кто бы это мог быть?

— Прислужник Пнумов, они умеют оставаться невидимками. А может быть, ночные собаки.

— Прислужник Пнумов... Это ведь люди, верно?

— Да, можно назвать их и людьми. Они шпионы Пнумов, выполняют их разные поручения. Говорят, что под землей по всей степи проложены подземные ходы с ловушками — может быть, вот под этим кустом!

Рейш осмотрел куст, на который указал ему Траз, но тот ничем не отличался от других.

— Они могут напасть на нас?

— Да нет, если только Пнумы не прикажут им убить. Кто знает, чего хотят Пнумы? Наверное, это все-таки ночные собаки, которые вышли раньше времени на охоту.

Рейш снова вынул сканскоп, осмотрел степь, но ничего не заметил.

— Сегодня ночью, — решительно сказал Траз, — нам лучше разжечь костер.

Небо на западе, где садилось солнце, было словно палитра тусклых лиловато-розовых, пурпурных и коричневых красок. Путники натаскали сухих веток и разожгли костер.

Инстинкт не обманул Траза. Когда сумерки сгустились, раздался тихий вой с востока, потом погромче с севера и с юга.

Траз приготовил свою пращу.

— Они не боятся огня, — сказал он, — но избегают света. Они очень умные... Некоторые говорят, что среди животных они все равно что Пнумы.

Ночные собаки окружили их, упорно держась в темноте, подальше от света костра. Видны были лишь их темные силуэты, изредка сверкали фосфоресцирующими кругами их глаза.

Траз держал катапульти наготове. Рейш вынул пистолет и батарейку. Пистолет был заряжен разрывными пулями, дальность его действия была по меньшей мере пятьдесят ярдов. Батарейка была многоцелевым приспособлением. С одной стороны находился кристалл, который испускал при нажатии кнопки луч света, ширину которого можно было регулировать. Специальное углубление позволяло перезаряжать сканскоп и передатчик. С другой стороны находилось отверстие, из которого, после нажатия специальной кнопки, вылетал луч разрушительной силы. Но это забирало слишком много энергии, которая могла понадобиться в будущем, поэтому Рейш решил использовать батарейку как последнее средство.

Ночные собаки бесшумно кружили вокруг, и Рейш держал наготове и пистолет и батарейку, решив стрелять только в случае крайней необходимости и не тратить зря патронов. Темный силуэт приблизился, и Траз раскрутил свою пращу. Он не промахнулся: темная масса подпрыгнула высоко в воздух, издав жалобный вопль.

Траз перезарядил пращу и подкинул веток в костер. Зловещие тени двигались сначала неуверенно, потом замелькали кругами, все ближе и ближе к костру.

— Скоро они набросятся на нас все вместе, — мрачно произнес Траз. — Считай, что мы уже трупы. Шесть человек способны сдерживать стаю ночных собак: пятеро почти наверняка погибают.

Рейш неохотно поднял батарейку. Он ждал. Все ближе подступали к ним кружащиеся черные тени. Рейш прицелился, нажал на кнопку, провел лучом полукруг. Оставшиеся в живых ночные собаки в ужасе

взвыли. Рейш вышел из освещенного круга, чтобы перебить остальных, но они уже скрылись; скоро вдалеке из-за холмов послышался их жалобный вой.

Траз и Рейш спали по очереди. Каждый из них считал, что, когда он на страже, никто не сможет подойти близко к костру, но утром, когда они решили взглянуть на трупы собак, оказалось, что те таинственным образом исчезли.

— Что за твари! — с восхищением заметил Траз. — Каждые несколько дней они разговаривают с Пнумами и сообщают им все, что произошло в степи за это время.

— И что тогда? Пнумы как-то используют их сведения? Что-нибудь делают?

Траз неуверенно пожал плечами.

— Когда случается что-нибудь жуткое, уж наверняка это дело Пнумов.

Рейш внимательно огляделся, недоумевая, где могут прятаться Пнумы, их Прислужники-люди или ночные псы. Но вокруг лежала открытая степь, коричневая в слабом утреннем свете.

На завтрак они ели стручки травы паломников и выжали сок из корней ватака. Потом снова направились на северо-запад.

Незадолго до захода солнца впереди появились гигантские нагромождения какого-то серого мусора — словно огромная свалка. Траз сказал, что это развалины города, где ночью можно найти убежище от собак, но есть риск наткнуться на бандитов, Зеленых Часчей или фунгов. Когда Рейш стал расспрашивать о фунгах, Траз коротко описал их: странные существа, похожие на Пнумов, только крупней; они всегда ходят в одиночку и обладают силой и необычайной хитростью, свойственной безумцам, так что их боятся даже Зеленые Часчи.

Они направились к руинам. Траз развлекал Рейша, рассказывая страшные истории о фунгах и их повадках.

— Но может быть, там никого нет, — завершил он свой рассказ. — Как бы то ни было, нужно быть осторожным.

— Кто построил эти древние города? — спросил Рейш.

— Никто не знает, — пожал плечами Траз. — Старые Часчи, а может, Синие Часчи или серые люди, хотя в этих никто не верит.

Рейш перебирал в уме сведения, которые ему удалось добыть до сих пор, о расах, населяющих планету Тчаи, и об их верных спутниках — людях. Дирдиры и дирдирмены, Старые Часчи, Зеленые Часчи, Синие Часчи и часчмены, Пнумы и их Прислужники — люди или, по крайней мере, происходящие от людей; различные кочевые племена, желтые болотные, полудегадарные золотые, а сейчас еще и серые люди.

— Еще есть Ванкхи и их слуги, — заметил Траз, — они живут на другой стороне Тчаи.

— Но как все эти расы оказались на Тчаи? — спросил Рейш. Чисто риторический вопрос; конечно, юноша не сможет на него ответить. Тот только пожал плечами.

Они подошли к холмам, состоящим из раздробленных глыб цемента, осколков стекла, металлических покореженных балок — это были окраины города.

Траз остановился, прислушался, неуверенно наклонил голову, зарядил катапульту. Рейш тоже оглядывался, но не видел ничего угрожающего; они медленно продвигались среди развалин. Старые постройки, когда-то бывшие просторными залами и величавыми дворцами, покосились, часть их обвалилась, только кое-где высокие белые колонны, pedestals, на которых когда-то стояли статуи, поднимались в темное вечернее небо планшеты Тчаи. Между ними простирались площади и возвышения, вымощенные изъеденным ветром камнем и кое-где раскрошившимся цементом.

На центральной площади из подземного источника или давно лопнувшей трубы била струя воды. Очень осторожно Траз подошел к воде.

— Куда же девался фунг? — пробормотал он. — Даже сейчас... — Он подозрительно оглядел развалины, окружавшие площадь.

Рейш набрал в горсть воды, лизнул ее и немного отпил. Но Траз держался поодаль.

— Здесь был фунг!

Стояла мертвая тишина.

— Откуда ты знаешь? — спросил Рейш.

Траз презрительно пожал плечами, не желая объяснять такие очевидные вещи. Его внимание было отвлечено чем-то гораздо более важным: он, нахмурившись, оглядел небо, слыша что-то недоступное для слуха Рейша.

— Летающая лодка Дирдилов! — вдруг сказал он.

Они быстро укрылись под нависшей глыбой цемента. Через минуту над ними промчался корабль Дирдилов так низко, что они расслышали свист воздуха, вырывающегося из сопел.

Корабль описал над городом широкий круг и вновь повис над площадью на высоте не более двухсот ярдов.

— Странно, — прошептал Траз. — Дирдиры как будто знают, что мы здесь.

— Может быть, они сканируют грунт инфракрасными лучами, — шепнул в ответ Рейш. — На Земле мы можем выследить человека по теплу, сохранившемуся в его следах.

Наконец корабль повернул на запад, прибавил скорость и исчез. Рейш и Траз снова вышли на площадь. Рейш припал к воде, наслаждаясь ее прохладной свежестью, особенно ощутимой после мутного сока ватака, который ему пришлось пить последние несколько дней. Траз принялся ловить больших насекомых, напоминающих тараканов, сновавших среди мусора. Он хватал их, быстрым движением пальцев

отрывал голову и жадно глотал. Рейш еще не изголодался до такой степени, чтобы присоединиться к нему.

Солнце зашло за сломанные колонны и осыпавшиеся арки; розовая дымка повисла над степью. Траз заявил, что это к перемене погоды. Боясь попасть под дождь, Рейш хотел было остаться в укрытии, но Траз не желал даже слышать об этом.

— Фунги! Они пронюхают, что мы здесь!

Он избрал для ночлега обломок колонны, возвышающийся почти на тридцать футов над полуразрушенной лестницей, полагая, что там они будут в безопасности. Рейш мрачно посмотрел на темные тучи, надвигающиеся с юга, но не стал спорить. Они собрали кучу восток, чтобы подстелить их на камни.

Солнце село, в древних руинах стало темно, и вдруг на площадь, шатаясь от усталости, вышел человек. Проковыляв к воде, он стал жадно пить.

Рейш направил на него сканскоп. Человек был высокий, тощий, длинноногий и длиннорукий, с длинной узкой, почти лысой головой, круглыми глазами, крошечным носом-пуговкой и маленькими ушами. Тело прикрывали изорванные лохмотья когда-то элегантного наряда — розовые, голубые и черные, на голове — экстравагантное сооружение из розовых пухов и черных лент.

— Дирдирмен, — прошептал Траз и приготовил катапульту.

— Погоди! — остановил его Рейш. — Что ты хочешь сделать?

— Убить его, конечно!

— Он же нас не трогает! Пускай живет, бедняга.

— Он бы убил нас, если бы мог, — пробормотал Траз, но опустил оружие.

Напившись, дирдирмен подозрительно оглядел площадь.

— Может быть, он потерялся? — пробормотал Рейш. — Возможно, корабль Дирдирова искал именно его. Или он сбежал?

— Может быть; кто знает? — пожал плечами Траз.

Дирдирмен усталю перешел через площадь и укрылся в нескольких шагах от их колонны. Закутавшись в свой изодраный элегантный наряд, он улегся на землю. Траз что-то неразборчиво пробормотал себе под нос, снова улегся на ветки и, казалось, сразу же уснул. Рейш оглядывал древние развалины, размышляя о своей необычной судьбе... На востоке взошел Аз, мерцающий бледно-розовым светом сквозь туманную дымку, освещая призрачным сиянием древние улицы. Пейзаж был полон странного очарования — нереальный, словно увиденный во сне. На небо поднялся бриз; разрушенные колонны и обвалившиеся стены стали отбрасывать двойную тень. В самом конце улицы застыла странная фигура, походившая на статую. Рейш удивился, почему не заметил ее раньше. Фигура напоминала истощенного человека ростом от семи до восьми футов; ноги широко расставлены, голова опущена, словно в глубоком раздумье, одна рука сжимала подбородок, вторая — заложена за спину.

На голове была надета мягкая шляпа с опущенными полями; с плеч свисал плащ, ноги, кажется, обуты в высокие сапоги. Рейш взгляделся в фигуру внимательнее. Она не двигалась. Может быть, это действительно статуя?

Рейш взглянул в сканскоп. Голова странного создания была в глубокой тени, но в многократном электронном увеличении Рейш смог различить вытянутую изможденную физиономию. Грубо вытесанные черты, нечто среднее между человеком и насекомым, застыли в дикой гримасе безумия. Челюсти медленно шевелились, будто странное создание что-то пережевывало... Существо вдруг сделало широкий неуверенный шаг вперед и снова застыло в прежнем положении. Потом угрожающе подняло свою длинную руку; жест был непонятен Рейшу. Проснулся Траз.

— Фунг! — прошептал он, заметив, куда смотрит его спутник.

Существо резко повернулось, будто услышав его голос, и, словно танцуя, сделало два прыжка вбок.

— Они сумасшедшие, — шепнул Траз. — Безумные демоны!

Дирдирмен еще не заметил фунга. Он с явным раздражением пытался расправить свои лохмотья, чтобы улечься поудобнее. Фунг с жестами радостного удивления сделал три огромных прыжка, остановившись не больше чем в шести футах от дирдирмена, который все еще возился со своими тряпками. Фунг стоял неподвижно, глядя на него сверху вниз. Потом нагнулся, поднял с земли горсть камешков. Вытнув во всю длину руку и держа ее прямо над дирдирменом, он уронил на него один из них.

Дирдирмен сердито дернулся, но, все еще не замечая стоящего над ним фунга, снова улегся.

— Эй! — позвал его Рейш, подвинувшись к краю колонны, на котором лежал.

Траз в отчаянии шикнул на него. На фунга этот окрик произвел неожиданный эффект. В другое время Рейша рассмешило бы такое зрелище. Фунг далеко отпрыгнул и повернулся, глядя на колонну, раскинув руки в утрированном жесте удивления. Дирдирмен, стоя на коленях, наконец заметил чудовище и в ужасе застыл.

— Зачем ты это сделал? — крикнул Траз. — Он бы удовольствовался одним дирдирменом!

— Стреляй в него! — приказал Адам.

— Его ничего не берет, даже сабля!

— Постарайся попасть в голову!

Траз безнадежно вздохнул, но вложил стрелу в катапульту и отпустил пружину. Стрела полетела прямо в бледную физиономию фунга. В последнее мгновение он дернул головой, и стрела ударилась о каменную стену, возвышающуюся за ним.

Существо схватило острый кусок камня, занесло назад свою длинную руку и с необычайной силой швырнуло обломок в Тразу. Рейш и

молодой кочевник распластались на своем ложе, и камень разбился на мелкие осколки, ударившись о другую колонну. Не теряя времени, Рейш навел пистолет на фунга, нажал на кнопку. Раздался щелчок, шипение, пуля разорвалась в глотке фунга. Он высоко подпрыгнул, захрипел и бесформенной массой рухнул на землю.

Траз схватил Рейша за плечо.

— Убей дирдирмена, быстро! Не дай ему убежать!

Рейш соскочил с колонны. Дирдирмен выхватил саблю — очевидно, это было его единственное оружие. Рейш, засунув пистолет за пояс, поднял руку.

— Спрячь свою саблю, нам незачем ссориться!

Дирдирмен, удивленный, отступил на шаг.

— Почему ты убил фунга?

— Он хотел убить тебя — почему же еще!

— Но мы чужие друг другу! И к тому же, — дирдирмен напрягал зрение, чтобы разглядеть при неверном свете двух лун Рейша и его спутника, — и к тому же вы полулюди. О, ты хочешь сам убить меня?

— Нет, — ответил Рейш. — Мне нужно только узнать кое-что, а потом можешь идти своей дорогой.

Дирдирмен скорчил гримасу.

— Вы такие же безумцы, как фунг. Но почему я должен вас в чем-то убеждать? — Он сделал несколько шагов по направлению к Рейшу и Тразу, чтобы рассмотреть их поближе. — Вы живете в этом месте?

— Нет, мы только остановились здесь на ночь.

— Значит, вы не можете указать мне подходящее место, где я мог бы переночевать?

Рейш указал на обломок колонны.

— Залезай туда, как мы.

Дирдирмен пренебрежительно отмахнулся.

— Это мне совершенно не нравится. К тому же может пойти дождь. — Он оглянулся на цементный блок, под которым пытался укрыться, потом посмотрел на труп фунга.

— Вы, кажется, услужливые субъекты, покорные и достаточно разумные. Как видите, я устал и нуждаюсь в отдыхе. Раз уж вы оказались здесь, я желал бы, чтобы вы посторожили, пока я буду спать.

— Убей этого мерзкого наглеца! — бешено крикнул Траз.

Дирдирмен засмеялся странным захлебывающимся смехом.

— Вот это уже больше похоже на получеловека! — Потом обратился к Адаму: — А ты какой-то странный. Я не могу определить, что ты за порода. Какой-нибудь необычный гибрид? Из каких ты краев?

Рейш давно решил, что чем меньше будет обращать на себя внимание, тем лучше: он больше ни словом не обмолвится о том, что прибыл с Земли. Но Траз, задетый снисходительным тоном дирдирмена, крикнул:

— Он не из каких-то там краев! Он прибыл из далекого мира, который называется Земля! Это родина настоящих людей, таких, как я! А ты просто выродок!

Дирдирмен сочувственно покачал головой.

— Пара сумасшедших! Чего еще можно ожидать!

Рейш, недовольный несдержанностью Тразы, быстро сменил тему:

— А ты что здесь делаешь? Этот корабль искал тебя?

— Да, боюсь, что так. Но они меня не найдут. Я умею прятаться.

— Ты сбежал?

— Именно.

— Что ты сделал?

— Не важно, вряд ли ты поймешь — это выше твоего уровня восприятия.

Рейш, которого скорее позабавила, чем рассердила наглость дирдирмена, снова повернулся к обломку колонны.

— Я хочу спать. Если желаешь дожить до утра, я бы посоветовал тебе вскарабкаться повыше, так, чтобы тебя не достали фунги.

— Твоя заботливость меня трогает, — язвительно заметил дирдирмен.

Адам ничего не ответил. Они с Тразой вернулись на свое прежнее место, а дирдирмен неохотно вскарабкался на соседний обломок колонны.

Ночь прошла. Облака низко нависли над ними, но дождя так и не было. Рассвет наступил незаметно, словно залив все вокруг потоком мутной воды. Дирдирмена на соседней колонне уже не было. Рейш подумал, что он ушел своей дорогой. Они с Тразой спустились на землю, разожгли в центре площади небольшой костер, чтобы немного согреться. Внезапно из-за угла появился дирдирмен.

С опаской оглядев их и не заметив никаких проявлений враждебности, он медленным шагом стал приближаться и наконец остановился на безопасном расстоянии в пятьдесят футов, похожий на длинноногую расхлябанную марионетку в невообразимых лохмотьях. Траз, насупившись, помешал веткой в костре, но Рейш вежливо приветствовал дирдирмена:

— Присоединяйся к нам, если хочешь.

— Напрасно! — пробормотал Траз. — Этот тип может внезапно напасть на нас. Они все такие — с хорошо подвешенными языками, на остальных смотрят свысока, а сами пожирают человеческое мясо!

Рейш, забывший об этой привычке дирдирменов (по крайней мере, так утверждал Траз), угрюмо оглядел незнакомца.

Некоторое время все молчали. Наконец дирдирмен сделал новую попытку завязать разговор.

— Чем больше я наблюдаю за вашим поведением, одеждой и оружием, тем больше удивляюсь. Откуда, вы утверждаете, вы пришли?

— Я ничего не утверждал, — ответил Рейш. — А как насчет вас?

— У меня нет никаких секретов. Я Анкхе из рода Анахо. Родился в Цамбервале, в четырнадцатой провинции. В настоящее время, объявленный беглым преступником, я нахожусь в таком же положении, как и вы, ничуть не выше, и не буду претендовать на большее. Таким образом, все мы просто изможденные странники, собравшиеся у костра.

Траз что-то тихо проворчал. Но Рейша позабавила наивная фамильярность дирдирмена.

— Какое преступление ты совершил? — спросил он.

— Вам будет трудно это понять. Главным образом я нарушил привилегии некоего Энзе Эдо Эздовиррама, который обратил на меня внимание Первой расы. Понадеявшись на свой прирожденный ум и способности, я не пожелал покориться и подвергнуться наказанию. Я умножил свою вину и оказался в гораздо худшем положении, так что наконец, в порыве раздражения, вышвырнул Энзе Эдо из его сиденья, когда наш корабль находился примерно на расстоянии мили от земли. — Анкхе из рода Анахо сделал жест, выражающий немую покорность судьбе. — С помощью тысячи уловок мне удалось скрыться от дерогаторов, и сейчас я здесь, не имея никаких планов на будущее и вооруженный лишь моими... — Он употребил трудно переводимое слово из языка Дирдиров, соединяющее в себе множество значений, — врожденное превосходство, интеллектуальные способности, способность добиться успеха.

Траз фыркнул и отправился ловить на завтрак своих тараканов. Анахо наблюдал за ним с нескрываемым интересом и вскоре последовал его примеру. Они копошились среди мусора, ловили насекомых и жадно поедали их. Рейш удовлетворялся пригоршней стручков травы паломников.

Утолив голод, дирдирмен вернулся к Рейшу и вновь стал рассматривать его одежду и снаряжение.

— По-моему, твой мальчик сказал что-то вроде «Земля, далекая планета». — Он постучал длинным белым пальцем по своему крошечному носу-путовке. — Я бы поверил этому, если бы ты не был так похож на получеловека. В данном случае сама мысль кажется совершенно абсурдной.

— Земля — подлинная родина всех людей, — важным тоном произнес Траз. — Мы настоящие люди. А ты просто выродок.

Анахо окинул Тразу насмешливым взглядом.

— Что это, новый культ полулюдей? Ну что же, мне все равно.

— Просвети нас, — сказал Рейш. — Как попали люди на Тчай?

Анахо сделал широкий жест.

— Это хорошо известно и не вызывает никаких споров или возражений. На прародине, Сибол, Великая Рыба отложила яйцо. Оно поплыло по водам Ремуры и было выброшено на берег. Одна его поло-

вина попала на солнце и превратилась в Дирдира. Другая половина осталась в тени, и из нее вышли дирдирмены.

— Очень интересно, — согласился Рейш. — А как же часчмены? Откуда взялся Траз? Или я?

— Здесь нет ничего таинственного: я удивлен твоим вопросом. Пятьдесят тысяч лет назад Дирдиры прилетели с Сибола на Тчаи. В последующих войнах многие дирдирмены были захвачены Часчами, Пнумы тоже захватывали пленников, а потом и Ванкхи. Отсюда произошли часчмены, ванкхмены и Прислужники Пнумов. Беглецы, преступники, мятежники, изгои скрывались в болотах и скрещивались друг с другом. От них произошли полулюди. Вот и все.

— Расскажи этому дураку о Земле, — повернулся Траз к Рейшу, — чтобы он убедился в своем невежестве.

Рейш только рассмеялся.

— Без всяких сомнений, ты уникам, — сказал Анахо с удивленным восхищением. — Куда вы направляетесь?

Рейш указал на северо-запад.

— В Перу.

— Город погибших душ, за Мертвой степью... Вы туда никогда не попадете. Зеленые Часчи рыщут по Мертвой степи.

— Неужели их никак нельзя обойти?

— Разве что с караваном, — пожал плечами Анахо.

— Где караванный путь?

— К северу, не очень далеко отсюда.

— Значит, мы отправимся с караваном.

— Вас могут захватить и продать в рабство. Караванщики — самые отъявленные мерзавцы. Почему ты так хочешь попасть в Перу?

— У меня есть свои причины. А какие планы у тебя?

— Никаких. Я теперь бродяга, как и вы. Если не возражаете, присоединюсь к вам.

— Как хочешь, — ответил Рейш, не обращая внимания на сердитое шипение Траза.

Они снова отправились на северо-запад. Дирдирмен говорил не переставая. Рейш находил его болтовню забавной и нередко поучительной. Траз делал вид, что ничего не слышит. Скоро они подошли к полосе невысоких холмов. Траз подстрелил какого-то плоскотелого грызуна, разложил костер, поджарил свою добычу на вертеле, сделанном из толстой ветки, и они вкусно пообедали.

— Это правда, что вы едите человеческое мясо? — спросил Рейш дирдирмена.

— Конечно. Это самое нежное мясо. О, не бойтесь! Дирдиры и дирдирмены никогда не были особенными гурманами, не то что Часчи.

Они карабкались по склонам холмов, проходили под деревьями с мягкой голубовато-серой листвой и пухлыми красными плодами, ко-

торые Траз объявил ядовитыми. Наконец пересекли холмистую местность и остановились на вершине последнего холма. Под ними расстилалась Мертвая степь — серая, плоская и безжизненная, покрытая зарослями колючки и изредка — более светлыми пятнами травы паlóмников. Внизу, почти у их ног, пролежала дорога с двумя широкими колеями. Она шла с юго-востока, огибала подножие холмов, проходила под ними, потом примерно в трех милях к северо-западу сворачивала у нагромождения утесов, похожих на каменные башни, которые поднимались за холмами. Эта дорога пересекала степь в северо-западном направлении; другая вела на юг через проход между склонами, третья уходила на северо-восток.

Траз взглянул вниз, на крутой спуск.

— Посмотри-ка сквозь твой инструмент, — сказал он Рейшу.

Рейш вынул сканскоп и осмотрел склоны.

— Что ты видишь? — спросил Траз.

— Постройки. Их немного. Это даже не селение. На скалах укрепления с пушками.

— Это, должно быть, крепость Касабир, — пробормотал Траз. — Там останавливаются караваны с грузом и расположены склады. Пушки — для защиты от Зеленых Часчей.

Дирдирмен возбужденно взмахнул руками.

— Там может быть даже какой-нибудь постоянный двор. Пошли! Я умираю от желания выкупаться! Никогда в жизни не был таким грязным!

— А как мы заплатим? — спросил Рейш. — У нас нет ни денег, ни товаров.

— Не бойся! — гордо заявил дирдирмен. — Моих цехинов хватит на всех. Никто еще не обвинял нас, Вторую расу, в неблагодарности. Вы хорошо мне послужили. Даже мальчишка получит обед, достойный цивилизованного человека, может быть первый раз в жизни.

Траз надулся и приготовился дать достойную отповедь наглцу, но, видя, что Рейш насмешливо улыбается, тоже выдал кислую улыбку.

— Нам лучше убраться отсюда, это опасное место, здесь бывают Зеленые Часчи. Видите следы? Они приходят сюда и подстерегают караваны. — Он указал на юг, где на горизонте появилась неровная серая полоса. — А вот и караван.

— В таком случае, — заметил Анахо, — нам следует поторопиться, чтобы добраться до постоянного двора и снять комнаты прежде, чем придет караван. Мне не хочется провести еще одну ночь под открытым небом.

В ясном воздухе Тчаи, на обширных пространствах степей было трудно правильно рассчитать расстояние; к тому времени, как трое путешественников спустились с холма, караван уже проходил по дороге: друг за другом шли огромные повозки — шестьдесят или семь-

десять, — высокие и очень тяжелые на вид, покачиваясь и кренясь на шести десятифутовых колесах. Одни приводились в движение машинами, другие повозки тащили огромные неуклюжие серые твари с маленькими головами, состоящими, казалось, из больших глаз и хобота.

Стоя у обочины, они наблюдали за тем, как проходит караван. Перед одним из фургонов на конях-прыгунках гордо гарцевали три разведчика-илапта, высокие, широкоплечие, узкобедрые люди с резкими чертами лица. Их кожа отливала желтым, черные, как вороново крыло, волосы, связанные в тугой пучок, поднимавшийся над головой, словно твердое перо, блестели от лака. На них были длинные черные плащи, увенчанные человеческим черепом с отломанной нижней челюстью, так что волосы воинов возвышались над белыми черепами. Вооружены они были длинными гибкими саблями, такими же, как у людей Эмблемы, за поясом у каждого торчало по паре пистолетов, в правый сапог засунуто два кинжала. Проезжая мимо путешественников на своих высоких прыгунках, они мельком оглядели их сверху вниз, но не удостоили их дальнейшего внимания.

Мимо с грохотом катили грузовые открытые повозки. Некоторые были завалены тюками и свертками, на других стояли клетки, в которых находились люди — мужчины, женщины, дети, сидящие вперемешку. Они глядели сквозь прутья тупым взглядом. На каждой шестой повозке была установлена тяжелая пушка, вокруг них хлопотали серолицые люди в черных кожаных жакетах и шлемах. В руках они сжимали пистолеты с коротким, расширяющимся к концу дулом, очевидно стреляющие реактивными зарядами. Другие, с длинными тонкими стволами, были снабжены резервуарами — и Рейш подумал, что это, должно быть, огнеметы.

— Это тот самый караван, который мы встретили у брода, — сказал Рейш Тразу.

Траз мрачно кивнул.

— Если бы мы смогли захватить его, я, быть может, сохранил свою эмблему Онмале... Но я не жалею. Она была таким тяжелым бременем! По ночам она мне что-то шептала...

На дюжине тяжелых повозок были установлены трехэтажные сооружения из почерневших досок — передвижные домики с куполообразными крышами, балконами и крытыми верандами. Рейш смотрел на них с завистью. Как удобно путешествовать в таких домах по степям Тчии! На одном из этих тяжеловесных экипажей был установлен дом с зарешеченными окнами и дверьми, окованными железом. В фасаде дома находилась терраса, затянутая толстой проволоочной сеткой — настоящая клетка. Сквозь прутья выглядывала молодая женщина необычайной красоты. Она была тоненькая и хрупкая, с кожей золотистой и чистой, как песок на морском берегу. Темные волосы доходили ей до плеч; глаза сверкали, как светлые топазы. На ней была маленькая розовая шапоч-

ка, темно-красный жакет, помятые шаровары из белого полотна. Когда повозка проезжала мимо Рейша и его спутников, она посмотрела на них, и Рейш был поражен тоской, сквозившей в ее взгляде. Повозка прокадилась мимо. С противоположной стороны дверь была открыта, на пороге стояла высокая плосколицая женщина с ежиком полуседых волос на коротко остриженной голове, глаза которой сверкали фанатическим блеском. Охваченный любопытством, Рейш принялся расспрашивать Анахо, но ничего не добился. Дирдирмен был в таком же недоумении, как и он.

Путешественники прошли вслед за караваном внутрь крепости, на широкую площадь. Старший караванщик, невысокий суетливый старик, выстроил повозки в три ряда: грузовые повозки поближе к складам, за ними клетки с рабами и наконец военные повозки — жерла пушек были повернуты в сторону степи.

Неподалеку находился постоялый двор, двухэтажное глинобитное строение с покатыми стенами. Нижний этаж занимали кухня, таверна и общая комната для проезжающих; наверху помещались маленькие комнаты, выходящие в коридор. Путешественники нашли хозяина постоялого двора на первом этаже; это был коренастый человек в черных сапогах и коричневом переднике с серым, как пепел, лицом. Высоко подняв брови, он оглядел Тразу, одетого как кочевник, Анахо в его живописных лохмотьях когда-то элегантного наряда Дирдилов, Рейша, на котором были брюки и жакет со шнуровкой, какие носят только на Земле, но без всяких возражений предоставил им помещение и даже согласился подыскать новую одежду.

Комнаты были небольшие — восемь на десять футов. Там стояла кровать — деревянная рама с натянутыми вдоль и поперек кожаными полосами, поверх которых был наброшен плоский матрас, набитый соломой, и стол, где стояли таз и кувшин с водой. После изнурительного пути по степи все это казалось почти роскошью. Адам вымыл лицо и руки, побрился и разложил свою новую одежду, обычную для планеты Тчай — широкие брюки из коричнево-серого холста, белую рубашку из грубого дотканого материала и черный жилет. Выйдя из комнаты, он посмотрел из окна коридора вниз, на площадь. Каким нереальным казалось ему сейчас прошлое! По сравнению с экзотической пестротой Земля представлялась скучной и бесцветной, но от этого не менее желанной. Рейш вынужден был признать, что отчаяние и чувство одиночества мало-помалу теряют свою остроту. Его нынешняя жизнь была полна опасностей, но предвещала обилие приключений. Рейш старался отыскать среди повозок, стоящих напротив его окна на противоположной стороне площади, домик с решетками на окнах. Без сомнения, девушка, сидевшая внутри, — пленница. Почему в ее глазах такая безысходная тоска? Какая судьба ее ожидает?

Однако среди множества причудливо изогнутых крыш и куполов трудно было разглядеть что-нибудь определенное. «Ну что же, все к

лучшему», — сказал он себе. У него хватает собственных забот. Какое ему дело до горестей молодой невольницы, которая промелькнула перед его глазами? Рейш вернулся в свою комнату.

Он разложил по карманам несколько предметов, которые вынул из своего пакета, остальное спрятал под перевернутым тазом. Спустившись в общую комнату, увидел Траз, сидящего в напряженной позе на скамейке возле стены. Рейш спросил его, что случилось, и юноша признался, что никогда еще не был в таком месте и не хочет быть посмешищем. Рейш засмеялся и хлопнул его по плечу. Траз в ответ растянул губы в вымученной улыбке.

Появился Анахо, почти неузнаваемый в одежде кочевника. Спутники зашли в таверну, где им подали хлеб и темную густую похлебку, — Рейш предпочел не расспрашивать, из чего она приготовлена.

После обеда Анахо с задумчивым видом обратился к Рейшу:

— Отсюда ты хочешь направиться в Перу?

— Да.

— Это место известно под названием Город погибших душ.

— Так мне говорили.

— Это, конечно, гипербола, — важно заметил дирдирмен. — И вообще, душа есть понятие достаточно спорное. Теология Дирдиров — очень тонкая вещь, я не буду обсуждать это с тобой, хочу только отметить... нет, не стоит, не стану тебя смущать. Но этот караван направляется именно в Перу, этот Город погибших душ. Хотьбы я предпочитал более удобный способ передвижения. И предлагаю поэтому нанять самую лучшую повозку, какую только сможет предоставить нам караванщик.

— Превосходная идея, — согласился Рейш. — Но я...

Анахо торжественно поднял палец.

— Не беспокойся. По крайней мере в данный момент я чувствую расположение к тебе и мальчишке — ты вежлив и относишься к людям уважительно, знаешь свое место и соблюдаешь пределы своего статуса, стало быть...

Возмущенный Траз, тяжело дыша, вскочил на ноги.

— Я носил эмблему Онмале! Ты в состоянии это понять? Ты думаешь, я не захватил с собой достаточно цехинов, когда покидал лагерь? — Он бросил на стол длинный мешок. — Мы не нуждаемся в твоих благодеяниях, дирдирмен!

— Как хочешь, — ответил Анахо, взглянув на Рейша.

— Поскольку у меня нет денег, — сказал Рейш, — я охотно принимаю все, что вы оба мне предложите.

Общая комната постепенно наполнялась посетителями: погонщиками каравана, воинами. Вошли три гордых иланты — старший караванщик и его помощники. Все требовали еды и вина. Когда старший караванщик насытился, Анахо, Траз и Рейш подошли к нему и попросили отвезти их в Перу.

— Хорошо, если вы не торопитесь, — ответил караванщик. — Мы останемся здесь до тех пор, пока не подойдет караван Аиг — Хедаджа с севера, потом пройдем через Голесе; если спешите, можете договориться с другими.

Рейш предпочел бы более быстрый способ передвижения: кто знает, что может случиться за это время с разведывательным ботом? Но поскольку вряд ли можно было рассчитывать на лучшее, он решил сдерживать свое нетерпение.

Не только Рейш желал отправиться поскорее. К столу караванщика подошли две женщины в черных одеяниях и красных башмаках. Одну из них Рейш видел раньше — она стояла в дверях того самого дома, который он старался найти только что. Вторая женщина была выше и еще более высохшая. Лицо ее было синюшным, как у трупа. Голосом резким и скрипучим, словно от постоянного раздражения, она сказала:

— Господин Баоян, долго мы еще будем здесь ожидать? Погонщик утверждает, что мы отправимся не раньше чем через пять дней.

— Да, верно.

— Но это невозможно! Мы опоздаем!

— Мы ожидаем каравана с севера, чтобы обменяться товарами, — профессионально невыразительным тоном ответил Баоян. — Сразу же после этого отправимся в путь.

— Мы не можем ждать так долго! Мы должны быть в Фазме, у нас очень важное дело!

— Уверю вас, матушка, я привезу вас как раз вовремя.

— Не успеете! Мы должны выехать тотчас же! — хрипло крикнула неуклюжая толстощекая женщина, которую Рейш видел раньше.

— Боюсь, это невозможно, — резко произнес Баоян. — Вы еще хотели что-то сказать?

Женщины безмолвно отвернулись и возвратились к своему столу у стены.

Рейш не мог сдержать любопытства:

— Кто это такие?

— Жрицы Тайного женского культа. Разве ты не знаешь? Они кишат повсюду. Откуда ты родом, что задаешь такие вопросы?

— Из дальних краев, — ответил Рейш. — А кто та молодая женщина, которую они держат в клетке? Тоже жрица?

Баоян поднялся из-за стола.

— Она рабыня, по-моему из Чарчана. Они везут ее в Фазм для совершения какого-то своего ритуала. Это меня не касается. Я караванщик, вожу товары из Коада на Дване до Тостсанага, до самого оксана Счанизад. Мне все равно, кто и зачем нанимает мои повозки, — он пожал плечами и пренебрежительно цыкнул, — жрицы или рабыни, дирдирмены, кочевники или даже странные гибриды. — Холодно улыбнувшись, он вышел на площадь.

Все трое вернулись за свой столик.

Задумчиво хмурясь, Анахо снова оглядел Рейша.

— Да, интересно, действительно интересно.

— Что интересно?

— Твое снаряжение почти такое же совершенное, как у Дирдиров. Твоя одежда неизвестного на Тчай покроя. Твое странное невежество относительно некоторых вещей и столь же необычные знания относительно других. Я почти готов поверить, что ты тот, за кого себя выдаешь, — человек с далекой планеты. Конечно, все это совершенно абсурдно.

— Я ни за кого себя не выдаю, — возразил Рейш.

— Но мальчик сказал...

— Тогда все вопросы к нему.

Рейш отвернулся от дирдирмена и стал рассматривать жриц, наклонившихся над своими мисками с супом. Теперь к ним присоединились еще две, а между ними шла пленная девушка. Жрицы, которые разговаривали с караванщиком, с ворчанием и раздраженными жестами сообщили остальным о результатах, постоянно оглядываясь. Девушка сидела, печально опустив голову, положив руки на колени. Наконец одна из женщин толкнула ее и указала на миску с супом, и та механически начала есть. Рейш не мог оторвать от нее глаз. «Она рабыня, — с внезапно нахлынувшим волнением подумал он, — может быть, они продадут ее?» Вряд ли. Девушка такой необычайной красоты приготовлена ими для каких-то необычных ритуалов. Рейш вздохнул, отвернулся от девушки и заметил, что она произвела на других — особенно на илантов — такое же сильное впечатление. Они глазели на нее, крутили усы и смеялись, делая непристойные жесты. Рейш возмутился — разве эти скоты не знают, какая судьба ждет несчастную?

Жрицы встали одновременно, как по сигналу. Подозрительно оглянувшись, они вывели девушку на площадь. Некоторое время они шествовали на площади, внимательно следя за невольницей, которая шла сбоку. Когда она немного отставала, они толкали ее, так что она вынуждена была бежать, чтобы догнать их. Иланты тоже вышли на площадь и присели на корточки у стены постоянного двора. Они сняли свои плащи и шлемы с черепами, заменив их беретами из мягкого коричневого бархата, каждый налепил на свои лимонно-желтые щеки по красному кружку по моде илантов. Воины щелкали орехи, выплевывая скорлупу на землю, и не отрывали глаз от девушки. Они подшучивали друг над другом, хихикали и толкались, словно подзуживая, и один из них встал и направился через площадь, вслед за жрицами. Он заговорил с девушкой, которая непонимающе смотрела на него. Жрицы остановились и подскочили к нему. Самая высокая подняла руку, указывая на небо, и что-то сердито крикнула. Илант, нагло ухмыляясь, не двинулся с места. Он не заметил коренастую жрицу, ко-

торая подкралась к нему сбоку и сильно ударила по голове. Илант упал, но тут же вскочил на ноги, изрыгая проклятия. Жрица, злобно улыбаясь, пошла на него; илант занес кулак, но она, обхватив воина, ударила головой, подняла и, напрягая живот, отбросила далеко в сторону. Подбежав, она стала бить его ногами, и к ней присоединились остальные жрицы. Илант, окруженный со всех сторон, отполз от них и с трудом поднялся на ноги. Осыпая бранью женщин, он плюнул в лицо первой жрице и, быстро отбежав, присоединился к своим товарищам, которые покатывались со смеху, глядя на все это.

Жрицы продолжали свою прогулку, изредка поглядывая на илантов. Солнце уже стояло низко на небе, бросая на площадь длинные тени. С холмов спустилась группа тощих людей, наряженных в пестрые лохмотья, белокожих, со светло-русыми волосами; у них были мелкие острые черты лица и маленькие косо посаженные глазки. Мужчины били в медные гонги, женщины исполняли странный танец, похожий на прыжки испуганных кузнециков. Грязные оборванные детишки сновали среди пассажиров каравана, выпрашивая деньги. На повозках проветривали одежду и одеяла, кругом, колыхаясь под легким ветерком, дующим с холмов, пестрели оранжевые, желтые, красные и коричневые куски ткани. Жрицы и девушка-пленница снова удалились в дом с окованной железом дверью.

Солнце село за холмы. Сумерки окутали постоянный двор, на площади стало тихо. Из окон передвижных домиков просачивался неяркий свет. Кругом простиралась сразу потемневшая степь, окаймленная тусклым отблеском последних закатных лучей на горизонте.

Рейш съел мяску острой похлебки, похожей на гуляш, толстый ломоть грубого хлеба и тарелку каких-то консервированных продуктов. Траз был поглощен созерцанием разных азартных игр, Анахо куда-то пропал. Рейш вышел на площадь, закинув голову, стал рассматривать незнакомые созвездия. Где-то там находился крошечный незаметный Цефей, созвездие, которое было невозможно различить невооруженным глазом. Земное Солнце, звезда десятой или двенадцатой величины, находившееся где-то напротив Цефея, нельзя разглядеть на расстоянии 212 световых лет. Немного расстроенный этими мыслями, Рейш перестал смотреть на небо.

Жрицы сидели перед своей повозкой и о чем-то беседовали. Невольница стояла на террасе, загороженной проволоочной решеткой. Не раздумывая, словно замороженный, Рейш пересек площадь и, обойдя повозку, заглянул за решетку.

— Девушка, — тихо позвал он. — Девушка!

Она повернулась и посмотрела на него, но не ответила.

— Подойди сюда, — произнес Рейш, — я хочу с тобой поговорить.

Она медленно прошла по клетке и подняла на него глаза.

— Что они с тобой сделают? — спросил Рейш.

— Не знаю. — Ее голос был мягким и немного хриплым. — Они похитили меня из дома в Кете, увезли на корабле и посадили в клетку.

— Зачем?

— Потому что я красивая. Так они говорят... Тихо. Нас слышали. Прячась.

Рейш, чувствуя себя ничтожным трусом, опустился на колени. Девушка продолжала стоять, держась за решетку, глядя наружу. Одна из жриц заглянула в клетку, ничего подозрительного не увидела и вернулась к своим товаркам.

— Она ушла, — тихо сказала девушка.

Рейш снова встал на ноги, чувствуя себя довольно глупо.

— Ты хочешь, чтобы тебя выпустили из клетки?

— Конечно! — сказала она почти с негодованием. — Я не хочу участвовать в их ритуалах! Они меня ненавидят. Все из-за того, что они такие уродины! — Она снова посмотрела на Рейша, изучая его при слабом свете, выходящем из ближайшего окошка. — Я сегодня уже видела тебя. Ты стоял рядом с дорогой.

— Да. Я тоже тебя заметил.

Она повернула голову.

— Они опять идут. Тебе лучше уйти.

Рейш отошел. С противоположного конца площади он смотрел, как жрицы заталкивали девушку в дом. Потом вошел в общую комнату. Некоторое время наблюдал за играющими. У одних были шахматы с доской, разделенной на сорок девять квадратов, с каждой стороны которой расставлялось семь фигур; другие погружены в сложную игру с нумерованными фишками и плоским диском; многие играли в карты. Рядом с игроками стояли кружки с пивом. Нищенки с холмов попрошайничали, скользя между столиками. То и дело вспыхивали споры, которые пока еще не привели к более серьезным столкновениям. Один из погонщиков играл на флейте, другой — на лютне, третий извлекал звучные басовые тона из длинной стеклянной трубки. Мелодия, которую они играли, поразила Рейша своей необычностью, и он долго слушал, словно в каком-то трансе. Дирдирмен и Траз давно ушли в свои комнаты; через некоторое время Рейш последовал их примеру.

Глава 4

Рейш проснулся с неясным чувством надвигающейся опасности. Некоторое время он не мог понять, в чем дело. Наконец все проявилось — источником этого чувства был страх за девушку, которую держали в плену жрицы Тайного женского культа. Он лежал неподвижно, глядя на потолок с потрескавшейся штукатуркой. До чего же

это глупо — беспокоиться о вещах, которые его не касались! Да и в конце концов, что он может сделать?

Спустившись в общую комнату, он съел тарелку овсянки, которую ему подали одна из неряшливых дочерей хозяина постоялого двора, потом вышел посидеть на скамейке, сгорая от желания увидеть пленную девушку.

Появились жрицы. Они направились к постоялому двору, уставившись прямо перед собой. Девушка шла в середине.

Через полчаса они вышли на площадь и разговорились с маленьким человечком с холмов, который улыбался им и покорно кивал, глядя на женщин глазами, светившимися благоговейным страхом.

Из общей комнаты вывалились воины-иланты. Искося поглядывая на жриц и посылая восхищенные взгляды девушке, они пересекли площадь, вывели из стойла своих коней-прыгунков и стали срезать мозолистые наросты с их серо-зеленой кожи.

Жрицы, закончив разговор с горцем, отправились на прогулку в степь. Они ходили взад и вперед у каменной осыпи, постоянно оглядываясь и окликая девушку, которая, к их неудовольствию, все время отставала. Иланты не сводили с них взгляда, о чем-то сговариваясь между собой.

Траз уселся на скамью рядом с Рейшем и указал куда-то в степь.

— Зеленые Часчи близко. Их много.

Рейш ничего не видел.

— Откуда ты знаешь?

— Я чую дым их костров.

— А я ничего не чувствую, — признался Рейш.

Траз пожал плечами.

— Их отряд состоит из трехсот или четырехсот воинов.

— М-м-м... Как ты можешь это определить?

— Зависит от силы ветра и запаха дыма. От маленького отряда дыма меньше, от большого — больше. Сейчас я чую дым от трех сотен Зеленых Часчей.

Рейш поднял руки, показывая, что сдается.

Иланты, оседлав своих прыгунков, выехали в степь к каменным осыпям и остановились. Анахо подошел к своим спутникам, насмешливо улыбнулся.

— Сейчас они покажут этим жрицам!

Рейш вскочил и повернулся в ту сторону. Иланты подождали, пока жрицы прошли мимо них, потом все вместе бросились вперед. Женщины в страхе отскочили; воины проскакали рядом с ними, с гиканьем и визгом схватили девушку, бросили ее поперек седла и поскакали к холмам. Жрицы с минуту стояли, онемев от неожиданности, с раскрытым ртом, потом с хриплыми воплями побежали на площадь. Окружив караванщика Баояна, они указывали в степь дрожащими пальцами.

— Эти желтые скоты украли нашу девчонку из Кета!
— Они только псмого позабавятся, — успокаивающе сказал Ба-
ян. — А когда она им надоест, вернут.

— Тогда она будет нам уже не нужна! Мы сздили за ней так далеко и столько истратили! Это для нас настоящая трагедия! Я — сама Великая Мать из Фазма! А ты даже не хочешь мне помочь!

Караванщик плюнул на землю себе под ноги.

— Я никому не помогаю. Я поддерживаю порядок в своем караване, я слежу за поюзками. У меня не остается времени ни на что другое!

— Ты негодный мужчина! Разве эти скоты не твои подчиненные? Почему ты не следишь за ними?

— Я слежу только за тем, что происходит в моем караване. А это случилось в степи.

— Что же нам делать? Мы пропали! У нас не будет Церемонии Очищения!

Рейш вскочил в седло стоявшего рядом прыгунка и помчался в степь. Его поступок был почти бессознательным; и пока огромное животное широкими прыжками несло его через степь, он удивлялся, какие рефлексy заставили его оттолкнуть караванщика и отправиться в погоню за илантами. Что сделано, того не вернешь, утешал он себя с каким-то горьким удовлетворением. Очевидно, судьба этой девушки сейчас занимала его больше, чем собственные проблемы.

Иланты ускакали недалеко — они спешили в небольшой долине у песчаной площадки, укрывшейся в тени большого валуна. Испуганная девушка стояла, прижавшись спиной к камню. Когда появился Адам, иланты привязывали к дереву своих прыгунков.

— Чего тебе надо? — спросил один из них довольно недобрым тоном. — Убирайся отсюда, мы хотим узнать, так ли уж девственна эта девица из Кета!

Другой хрипло засмеялся:

— Ей надо набраться опыта для ритуала.

Рейш достал свой пистолет.

— Я с удовольствием отправлю вас всех к праотцам. — Он помянул девушку. — Пойдем.

Она лихорадочно осмотрелась, словно решая, в какую сторону бежать.

Иланты стояли молча, кончики их черных усов повисли. Девушка медленно забралась на седло Рейша, он повернул прыгунка назад, к крепости. Когда проезжали долину, девушка неуверенно посмотрела на него, хотела что-то сказать, но смолчала. Иланты вскочили на своих коней и ехали за ними, гикая, воля и осыпая бранью Рейша.

Жрицы стояли у входа в крепость, всматриваясь в даль. Рейш придержал коня и оглядел четыре черные фигуры, которые принялись лихорадочно размахивать руками.

Внезапно девушка быстро спросила:

— Сколько они тебе заплатили?

— Ничего, — ответил Рейш. — Я просто решил освободить тебя.

— Отвези меня домой! — умоляла девушка. — Отвези меня в Кет! Мой отец заплатит тебе гораздо больше — даст тебе все, что пожелаешь!

Рейш указал на движущуюся темную линию на горизонте.

— Думаю, что это Зеленые Часчи. Нам лучше вернуться на постоянный двор.

— Эти женщины снова схватят меня! Посадят в клетку! — Голос ее дрогнул, апатия сменилась лихорадочным волнением. — Они меня ненавидят! Хотят сделать со мной что-то жуткое! — Она указала на жриц, сбившихся у ворот. — Они идут сюда! Пусти меня, я уйду!

— Одна? В степь?

— Лучше так!

— Я тебя не отдам, — сказал Рейш.

Он медленно направился к постоянному двору. Жрицы стояли в ожидании у каменных ворот.

— О, благородный мужчина! — выкрикнула Великая Мать. — Ты совершил достойное деяние! Ее цветок не тронут?

— Это не твое дело, — ответил Рейш.

— Как это не мое дело? Что ты говоришь?

— Теперь она — моя собственность. Я отобрал ее у этих трех воинов. Иди к ним и требуй возмещения за убытки. У них, а не у меня. Я никогда не отдаю то, что взял.

Жрицы оглушительно захохотали.

— Ах ты, глупый петух! Отдай нам то, что принадлежит нам по праву, а не то тебе придется худо! Мы жрицы Тайного женского культа!

— Если вы будете покушаться на мою собственность, вас назовут «покойными жрицами».

Рейш проехал через площадь; четыре черные фигуры глядели вслед. Он спешился, помог девушке сойти с коня. Сильно забило сердце: теперь он осознал, почему, не размышляя, бросился за ней в степь, повинаясь инстинкту, хотя разум предостерегал его от этого поступка.

— Как твое имя? — спросил он.

Она задумалась, словно Рейш загадал трудную загадку, и неуверенно ответила.

— Мой отец — лорд дворца Голубого Нефрита. — Потом добавила: — Мы из касты Эгис. Иногда на приемах обо мне объявляют как о Голубом Нефритовом Цветке, в менее торжественных случаях называют Прекрасным Цветком или Цветком Кета... Мое цветочное имя — Илин-Илан.

— Все это как-то сложно, — заметил Рейш.

Девушка кивнула ему, словно тоже считала свое имя чем-то сложным и очень важным.

— Как тебя называют твои друзья?

— Это зависит от их касты. Ты из знатного рода?

— О да, — сказал Рейш, не видя никаких причин утверждать обратное.

— Ты хочешь сделать меня своей рабыней? Тогда не сможешь называть меня так, как называют друзья.

— У меня никогда не было рабов, — ответил Рейш. — Правда, сейчас искушение очень велико, но я лучше буду называть тебя так, как называют друзья.

— Можешь называть меня Цветок Кета — это обычное имя для моих друзей; или, если хочешь, моим цветочным именем: Илин-Илан.

— Это подойдет, по крайней мере временно. — Он оглядел площадь, потом, взяв девушку за руку, привел ее в общую комнату постоялого двора и усадил за столик задней стены. Он внимательно посмотрел на девушку: Илин-Илан, Прекрасный Цветок, Цветок Кета. — Не знаю, что с тобой делать.

На площади жрицы, окружив караванщика, что-то горячо ему объясняли, а он вежливо слушал с мрачным и серьезным видом.

— Тебя могут отобрать у меня, — произнес Адам. — Я не очень-то уверен в законности своих притязаний.

— Здесь, в степи, нет никаких законов, — возразила девушка. — Здесь правит только страх.

Траз уселся за их столик. Восхищенно оглядев девушку, он неодобрительно сказал:

— Что ты хочешь с ней делать?

— Если смогу, отвезу домой.

— Если вы это сделаете, получите все, что пожелаете, — серьезно сказала Илин-Илан. — Я дочь знатных родителей. Мой отец построит для вас дворец.

Траз с большим одобрением посмотрел на Рейша, потом взглянул на восток, словно предвкушая путешествие в этом направлении.

— Да, такое возможно.

— Только не для меня, — возразил Рейш. — Я должен найти разведывательный бот. Если хочешь проводить ее в Кет, собирайся, начни новую жизнь.

Траз с сомнением посмотрел на жриц.

— Без оружия и отряда воинов как я смогу провести такую, как она, через всю степь? Нас сразу же захватят и продадут в рабство или убьют.

Баоян, старший караванщик, вошел в общую комнату, подошел к ним.

— Жрицы просят, чтобы я поддержал их требования, — сказал он ровным голосом. — Я, конечно, не буду этого делать, так как обмен

собственности произошел за пределами каравана. Но я согласился передать тебе их вопрос: каковы твои намерения в отношении девушки?

— Это не их дело, — заявил Рейш. — Девушка теперь принадлежит мне. Если они хотят получить за нее компенсацию, пусть обратятся к илантам. Я не хочу иметь с ними дела.

— Это разумные слова, — заметил Баоян. — Жрицы понимают это, они лишь оплакивают свое несчастье. Я склонен согласиться, что они оказались жертвами насилия.

Рейш внимательно посмотрел на караванщика, думая, что он шутит.

— Ты это серьезно?

— Я думаю лишь категориями права собственности и безопасности перевозки, — заявил Баоян. — Жрицы понесли большие убытки. Для их ритуала необходима определенная девушка, они проделали дальний путь, чтобы найти подходящую участницу таинства, и в последнюю минуту ее похищают. Что, если они заплатят тебе за ее возвращение соответствующую сумму — скажем, полцены за примерно такую же девушку?

Рейш покачал головой.

— Верно, они понесли убытки, но это меня не волнует. Во всяком случае, они не выказали большой радости, когда я освободил ее.

— Подозреваю, что они вообще неспособны радоваться, даже в их самый счастливый день, — заметил Баоян. — Хорошо, я передам им твои слова. Без сомнения, они что-нибудь придумают.

— Надеюсь, создавшаяся ситуация не повлияет на наше соглашение.

— Конечно нет, — решительно заявил караванщик. — Я в высшей степени неодобрительно отношусь к воровству и насилию. Надежность и честность — вот мой девиз. — Караванщик поклонился и вышел.

Рейш повернулся к Тразу и Анахо, которые подошли к нему.

— Ну, что там еще?

— Считай, что ты уже труп, — мрачно сказал Траз. — Эти жрицы — ведьмы. У нас, эмблем, было несколько таких. Мы их убили, и все сразу пошло лучше.

Анахо рассматривал Цветок Кета с холодным вниманием, как какое-то экзотическое животное.

— Она из племени золотых яо — очень древняя порода — гибрид первых краснокожих и первых белолицых. Полтора века назад они преисполнились гордости и решили создать несколько сложных машин. Дирдирь преподали им жестокий урок.

— Сто пятьдесят лет назад? Сколько дней у вас в году?

— Четыреста восемьдесят восемь дней. Но не понимаю, какое это имеет отношение...

Рейш задумался и стал подсчитывать в уме. Сто пятьдесят лет планеты Тчаи равняются примерно двумстам двадцати земным годам. Совпадение? Или, может быть, действительно предки Цветка Кета послали в направлении Земли тот луч, который привел его на Тчаи?

Илин-Илан с ненавистью смотрела на Анахо.

— Ты дирдирмен! — хрипло сказала она.

— Из шестого сословия. И ни в коем случае не Безупречный!

Девушка повернулась к Рейшу.

— Они бросили бомбу на Сеттру и Баллисидрэ, они хотели уничтожить нас, и все из зависти!

— Зависть — неподходящее слово, — возразил Анахо. — Твой народ пытался играть тайными силами, заниматься тем, что выше его понимания!

— А что случилось потом? — спросил Рейш.

— Ничего, — вздохнула Илин-Илан. — Были разрушены наши города, рецепторы, дворец Искусств, золотые лабиринты-сокровища, которые хранились там тысячи лет. Разве удивительно, что мы ненавидим Дирдиров? Больше, чем Пнумов, больше, чем Часчей, больше, чем Ванкхов!

Анахо пожал плечами.

— Я ведь не нападал на яо.

— Но ты защищаешь тех, кто это сделал! Это одно и то же!

— Поговорим о чем-нибудь другом, — предложил Рейш. — В конце концов, это случилось двести двадцать лет назад!

— Только сто пятьдесят! — поправила его Цветок Кета.

— Верно. Ну хорошо, что будем с тобой делать? Хочешь переодеться?

— Да. Я не снимала этих тряпок с тех пор, как эти мерзавки покинули меня из моего сада. Мне бы хотелось выкупаться. Они давали мне воду только для питья.

Рейш стоял у двери, пока девушка мылась, потом просунул через дверь одежду, которую носили кочевники, одинаковую у мужчин и женщин. Скоро она вышла, с еще влажными волосами, в серых шароварах и коричневой рубаше; они снова спустились в общую комнату, потом вышли на площадь, где царил атмосфера лихорадочного возбуждения, вызванного приближением Зеленых Часчей, которые находились уже примерно на расстоянии мили от постоянного двора. У батарей на склонах появились воины, Баоян поставил свои военные повозки с пушками на открытые места, откуда они могли обстреливать все подходы к крепости.

Зеленые Часчи, видно, не собирались сразу же нападать. Они выстроили свои повозки в одну линию, установили сотню высоких черных палаток.

Баоян был в отчаянии.

— Караван с севера не сможет пробиться к нам. Как только разведчики увидят Часчей, они вернутся и станут ждать. Боюсь, мы сильно задержимся.

— Ритуал пройдет без нас! — возмущенно крикнула Великая Мать. — Неужели придется вытерпеть еще и это?

Баоян умоляюще поднял руки.

— Неужели вы не видите, что мы не можем сейчас выйти из крепости? Никуда не денешься — придется сразиться с ними! В любом случае мы должны будем принять бой!

Кто-то крикнул:

— Пошли этих жриц в лагерь Часчей! Пусть они спляшут свой ритуал с ними!

— Пожалей несчастных Часчей! — раздался еще один насмешливый голос.

Жрицы в бешенстве удалились.

Над степью опустились сумерки. Зеленые Часчи разожгли ряд костров, отчетливо видны были их огромные силуэты, когда они проходили перед кострами. Время от времени они останавливались и оглядывали крепость.

— Говорят, они умеют читать мысли, — сказал Траз Рейшу, — и понимают, что у людей на уме... Сам я в этом сомневаюсь, но кто знает...

В общей комнате им подали скудный ужин, состоящий из супа и вареной чечевицы. Свет притушили, чтобы Часчи не могли разглядеть, где расположена стража. Несколько человек тихонько играли. Иланты, пившие какой-то крепкий напиток, начали было вести себя грубо и шумно, пока хозяин постоянного двора не предупредил их, что поддерживает порядок так же, как караванщик в своем караване, и если они не перестанут буянить, он выставит их за ворота крепости, в степь. Тогда они уселись, сгорбившись над столом, нахлобучив на лоб береты.

Первый этаж постоянного двора опустел.

Рейш попросил хозяина поместить Илин-Илан в комнатку рядом с его собственной.

— Запри дверь на задвижку, — велел он девушке. — До утра не выходи. Если кто-нибудь станет ломиться в дверь, постучи в стену и разбуди меня.

Стоя в полуоткрытой двери, она как-то странно смотрела на него, и Рейш подумал, что никогда в жизни не видел никого красивее.

— Значит, ты на самом деле не хочешь, чтобы я стала твоей рабыней? — спросила она.

— Нет.

Дверь закрылась, скрипнул засов. Рейш отправился в свою комнату.

Ночь прошла. Наступило утро. Зеленые Часчи все еще располагались лагерем вокруг крепости. Людям из каравана оставалось только ждать.

Рейш, рядом с которым шла Илин-Илан, внимательно рассмотрел пушки, которые, как он слышал, называли «песочными». Эти пушки действительно стреляли снарядами, заполненными песком. Каждая песчинка несла в себе электростатический заряд и разгонялась почти до световой скорости, что увеличивало ее массу в тысячу раз. Проникая в тело, песчинки взрывались. Рейшу рассказывали, что пушки — наследство от Ванкхов. Они были покрыты странными надписями на языке этой расы — рядами прямоугольников разного размера.

Вернувшись на постоянный двор, Рейш застал Траз и Анахо за горячим спором о том, кто такие фунги. Траз утверждал, что фунгов изготавливают Прислужники Пнумов из трупов своих повелителей.

— Ты видел когда-нибудь двух фунгов вместе? Или малыша фунга? Не видел! Они ходят только поодиночке. Фунги слишком безумны, слишком свирепы, чтобы размножаться.

Анахо снисходительно махнул рукой.

— Пнумы тоже держатся поодиночке и размножаются весьма странным способом. Станным для нас, людей и полулюдей, мог бы я сказать, потому что для Пнумов эта система вполне естественна. Они очень стойкая раса. Знаешь ли ты, что до нас дошли их хроники, записанные миллион лет назад?

— Слышал, — мрачно ответил Траз.

— Прежде чем сюда явились Часчи, — продолжал Анахо, — Пнумы царили всюду. Они жили в селениях, в небольших домах с кровлей в виде купола, но сейчас от этих строений ничего не осталось. Теперь они живут в подземельях и пещерах под развалинами древних городов, и жизнь их превратилась в кромешный ужас. Но они все еще сильны. Даже Дирдиры не решаются покушаться на Пнумов.

— Значит, Часчи пришли на эту планету раньше Дирдилов? — спросил Рейш.

— Это хорошо известно, — сказал Анахо. — Такое невежество может проявлять лишь человек из далекой провинции или с другого мира. — Он вопросительно посмотрел на Рейша. — Но первыми, кто отвоевал эту планету у Пнумов, в действительности были Старые Часчи, и произошло это сто тысяч лет назад. Через десять тысяч лет сюда высадились Синие Часчи с планеты, которую еще раньше сделали своей колонией. Старые и Синие Часчи сражались из-за Тчаи и привезли с собой Зеленых Часчей как наемных воинов, чтобы посясть ужас в рядах противника.

Шестьдесят тысяч лет назад на планету прибыли Дирдиры. Часчи понесли большие потери, потом Дирдиры стало слишком много, и они оказались в худшем положении, но затем установилось относительное равновесие. Часчи и Дирдиры все еще враждуют и почти не поддерживают никаких отношений друг с другом.

Сравнительно недавно, десять тысяч лет назад, между Дирдирами и Ванкхами вспыхнула война на просторах космоса, которая докати-

лась до Тчаи, когда Ванкхи построили военные крепости-базы на Рахе и на юге Качана. Но сейчас эта война почти прекратилась; изредка те или другие нападают на противника или устраивают засады. Каждая из здешних рас опасается других и ждет своего часа, чтобы обрушиться на всех остальных и остаться единственным властелином Тчаи. Пнумы не принимают участия в войнах, хотя внимательно наблюдают за ними и делают записи в своих хрониках.

— А как же люди? — спросил Рейш. — Когда на планете появились люди?

Анохо искоса насмешливо посмотрел на него.

— Ты ведь знаешь, где находится родина людей, значит, именно ты и должен рассказать нам об этом.

Не желая поддаваться на провокацию, Рейш смолчал.

— Люди, — начал дирдирмен поучительным тоном, — впервые появились на Сиболе и пришли на Тчаи вместе с Дирдирамц. Люди пластичны, как воск, и они стали изменяться. Сначала получились болотные люди; потом, через двадцать тысяч лет, такие, как он. — Анохо указал на Тразу. — Другие, те, что были захвачены в плен, стали часчменами, Прислужниками Пнумов и даже ванкхменами. Существует не менее дюжины разных гибридов и выродившихся человеческих пород. Даже среди дирдирменов не все одинаковы. Безупречные стали почти чистыми Дирдирами. Другие отличаются меньшей утонченностью. Это причина всех моих несчастий — я пожелал прерогатив, которых не заслуживал, но пытался осуществить...

Анохо продолжал говорить, описывая свои проблемы, но Рейш его уже не слушал. Ему наконец стало ясно, как появились люди на планете Тчаи. Дирдиры овладели искусством межпланетных путешествий более семидесяти тысяч лет назад. За это время они, по всей вероятности, побывали на Земле, по крайней мере дважды. В первый раз они захватили одно из протомонголоидных племен; во второй раз — двадцать тысяч лет назад, если верить Анохо, — они нагрузили свои межпланетные корабли древними представителями белой расы. Эти две группы людей, оказавшись на Тчаи, изменялись, приобретали специфические черты, смешивались друг с другом и снова изменялись, создав пеструю картину человеческих типов и рас, которую Рейш увидел на планете.

Итак, Дирдиры, несомненно, знали о Земле и ее обитателях, но, вероятно, все еще считали людей дикарями. Если они узнают, что сейчас земляне совершают межзвездные полеты, это могло бы привести лишь к осложнениям. В разведывательном боте не было ничего, что прямо указывало бы на его земное происхождение, кроме, может быть, тела Пола Уондера. И к тому же бот находится теперь не у Дирдиров, а у Синих Часчей.

И он все еще не получил ответа на вопрос: кто выпустил ракету, уничтожившую его корабль, «Эксплоратор-IV»?

За два часа перед заходом солнца Зеленые Часчи сняли осаду. Повозки с высокими колесами, приводимые в движение какими-то машинами, описали круг, воины вскочили на чудовищно огромных копей-прыгунков, которые словно плясали под ними, наконец, по какому-то сигналу — может быть, телепатическому, подумал Рейш, — весь отряд, вытянувшись в длинную линию, направился на восток. Илантские разведчики последовали за Часчами на почтительном расстоянии. Они возвратились только утром и доложили, что Часчи направились на север.

Во второй половине того же дня наконец прибыл караван Аиг — Хедаджа, который вез кожу, ароматное дерево, бочки с маринованными овощами и разные пряности.

Баоян вывел повозки в степь, чтобы обменяться товарами. Над повозками установили блоки для поднятия тяжестей, с помощью которых перегружали тюки и бочки: носильщики и погонщики выбивались из сил, пот тек по их обнаженным спинам, затекая в широкие коричневые шаровары.

За час до захода солнца работы были закончены, и пассажиров, собравшихся в общей комнате, попросили занять свои места в повозках. Рейш, Траз, Анахо и Цветок Кета двинулись через площадь. Жриц нигде не было видно; Адам был уверен, что они скрылись в своем доме с террасой, огороженной проволокой.

Они вышли в степь и прошли под каменной осыпью. Вдруг Рейш почувствовал сильный толчок, могучие руки притиснули его к мягкому колышущемуся телу. Он отбивался изо всех сил, оба повалились на землю. Великая Мать всей тяжестью налегла на Рейша. Три оставшиеся жрицы схватили Илин-Илан и поволокли ее к каравану. Рейш никак не мог вырваться из-под обволакивающей его массы рыхлого мяса. Скрюченные, словно когти, пальцы обхватили его горло: зашумело в ушах, и глаза начали вылезать из орбит. Ему удалось освободить одну руку и ткнуть пальцем во что-то мягкое и влажное. Она вскрикнула и попыталась откинуть голову. Рейш нащупал нос, изо всей силы сдавил его; она завопила и забила ногами, и Адам выкатился из-под нее.

Один из илантов рылся в багаже. Траз неподвижно лежал на земле; Анахо хладнокровно защищался от сабель двух остальных илантов. Великая Мать схватила Рейша за ноги, он изо всей силы лягнул ее и с трудом вырвался, быстро отскочил в сторону, но тут илант, рывшийся в его вещах, поднял голову и бросился на него с ножом. Рейш ударил кулаком по лимонно-желтому лицу. Илант рухнул, стукнувшись затылком о камень. Рейш бросился назад, сбил с ног одного из илантов, напавших на Анахо, и дирдирмен ловко пырнул воина ножом. Потом он увернулся от выпада третьего иланта, схватил того за вытянутую руку, перекинул через плечо. Дирдирмен, стоявший почти рядом, нанес сильный удар саблей, почти разрубив шею иланту.

Траз с трудом встал, держась за голову. Великая Мать поднималась по ступенькам в свою повозку.

Никогда в жизни Рейш не испытывал подобного бесчестия. Схватив свой багаж, он подошел к Баояну, который разводил пассажиров по повозкам.

— На меня напали! — набросился на него землянин. — Ты не мог не заметить этого! Жрицы схватили девушку из Кета и снова заперли ее в клетку!

— Да, — согласился Баоян, — что-то подобное я видел.

— Тогда покажи свою власть! Докажи на деле, что ненавидишь воровство и насилие!

Тот с невинным видом покачал головой.

— Все это произошло в степи, между крепостью и моим караваном, в котором я изо всех сил стараюсь поддерживать порядок. Мне показалось, что жрицы вернули себе свою собственность тем же манером, каким потеряли ее. У тебя нет причин жаловаться.

— Что?! — зарычал Рейш. — И ты позволишь им наказать невинного? А если они убьют ее во время своего грязного ритуала!

Баоян поднял руки — нарочито беспомощный жест.

— Ничего не могу поделать. Разве я способен следить за порядком во всей степи? Даже и пытаться не буду!

Адам посмотрел на него с таким презрением и ненавистью, словно пытался испепелить взглядом, потом повернул голову туда, где стоял дом с решетками на окнах.

— Должен предупредить тебя, что не допущу неподобающего поведения во время путешествия, — сказал Баоян. — Я всегда тщательно слежу за порядком в караване.

Некоторое время Рейш от возмущения не мог найти слов. Наконец он пробормотал:

— И тебя не мучат угрызения совести после такого?

— Угрызения совести? — Баоян грустно засмеялся. — На Тчаи нет такого понятия. Что-то сделано или не сделано. Если человек не может привыкнуть к здешнему образу жизни, он очень скоро перестает существовать или становится безумным, как фунг. Поэтому позволь сейчас проводить вас на ваше место: мы сейчас отправляемся. Я хочу отъехать как можно дальше отсюда, пока не вернулись Зеленые Часчи. И кроме того, теперь, кажется, по вашей милости, у меня остался только один разведчик.

Глава 5

Друзья получили каждый по небольшой комнатке в одном из походных домиков: нечто вроде купе, где был только гамак и маленький шкафчик. Дом с решетками, в котором сжали жрицы, находился впе-

реди, на расстоянии четырех повозок. Он катился на своих высоких колесах беззвучно, как призрак; внутри было темно.

Так и не придумав, как ему спасти девушку, Рейш растянулся в гамаке и почти мгновенно уснул, убаюканный мерным движением повозки. Незадолго до того, как из-за туманной дымки показалось бледное солнце, караван остановился. Люди вышли из повозок и собрались у походной кухни, где каждый получил хлебец с жареным мясом и кружку горячего пива. Стался и плыл по ветру слоистый низкий туман, человеческие голоса, звуки шагов и скрип повозок, казалось, подчеркивали величественную тишину, царящую в степи. Все яркие цвета были словно смыты: вокруг лишь бледное небо, серо-коричневая степь и туман, похожий на разбавленное молоко. Обитатели дома с железными решетками не подавали никаких признаков жизни, жрицы не показывались, а Цветку Кета не разрешили даже выйти на обнесенную проволокой сеткой галерею.

Адам подозревал караванщика.

— Далеко еще до их храма? Когда мы туда прибудем?

Караванщик задумался, медленно прожевывая свой хлебец.

— Сегодня ночью мы остановимся на холме Слуга. Еще день до складов Садно, на следующее утро будем на перекрестке у Фазма. Жрицам кажется, что мы идем слишком медленно; они боятся опоздать на свой ритуал.

— Что это за ритуал? Что там происходит?

Баоян пожал плечами.

— Могу только пересказать вам слухи. Эти жрицы — избранницы какого-то божества; мне сказали, что они фанатично ненавидят мужчин. Они не признают нормальных отношений между мужчинами и женщинами и приходят в бешенство, когда встречают девушку или женщину, которая нравится мужчинам. Их ритуал, как они утверждают, должен очистить душу от всяких грязных помыслов и ненавистных им чувств; говорят, что во время него жрицы приходят в неистовство.

— Значит, двое суток с лишним...

— Да, больше двух суток до перекрестка.

Караван шел через степи и параллельно линии холмов, которые возвышались на юге, то прилегая к земле, то высоко поднимаясь к бледному небу Тчаи. Иногда к холмам вели глубокие каньоны и провалы; время от времени встречались купы или целые рощи тонких деревьев с сухими жесткими листьями. Адам, оглядывая местность через сканскоп, замечал какие-то существа, наблюдающие за караваном под покровом тени, отбрасываемой холмами или деревьями, — очевидно, это были фунги или, может быть, Пнумы.

Днем там не было никаких признаков жизни, никакого движения, ночью не замечалось даже слабого отблеска света в окнах. Час-

то Рейш спрыгивал с высокой повозки, на которой передвигался вместе со своими спутниками, и шел пешком рядом с караваном. Если он приближался к дому с решетками, дула ружей с ближайшей повозки с воинами немедленно обращались к нему. Баоян, без сомнения, отдал приказ своим людям охранять жриц от любых покушений на их добычу.

Анахо пытался урезонить Рейша:

— Почему ты так беспокоишься из-за этой женщины? Ты ведь даже не посмотрел на три повозки с рабами, которые идут перед нами. Всюду люди живут и умирают, но это несколько тебя не волнует. Почему ты не задумываешься о жертвах кровавых игр Старых Часей? А что ты скажешь о питающихся человеческим мясом кочевниках, которые гонят мужчин и женщин целыми толпами через Кислован, как другие племена гонят стада скота? А известно тебе, как страдают Дирдиры и дирдирмены в застенках Синих Часей? На все это тебе наплевать; тебя прельщает пестрая пыльца на крыльях бабочки — ты думаешь только об этой смазливой девчонке и ее воображаемых горестях!

Рейш вымученно улыбнулся:

— В одиночку всего не сделаешь. Я положу начало тем, что спасу эту девушку... если смогу.

Примерно через час Траз присоединился к Анахо:

— А что будет с твоим космическим кораблем? Ты забыл о своих планах? Если свяжешься с этими жрицами, они тебя убьют или изувечат.

Рейш терпеливо кивал, сознавая, что доводы Тразы вполне справедливы, но внутренне несколько не убежденный.

К концу следующего дня холмы стали обрывистыми и каменистыми. Иногда над степью возвышались одинокие утесы.

К вечеру караван достиг складов Садно, ряда небольших построек, высеченных в одном из таких утесов, и задержался, чтобы выгрузить тюки разных товаров и забрать ящики с горным хрусталем и малахитом. Баоян расположил повозки под укрытием утеса и приказал повернуть дула орудий в степь. Проходя мимо дома с решетками на окнах, Адам вздрогнул, услышав тихий вой: словно одной из жриц привиделся кошмар. Траз в страхе схватил его за руку.

— Разве ты не видишь, что за тобой каждую минуту наблюдают? Главный караванщик боится, что ты будешь причиной беспорядков.

Рейш оскалил зубы в волчьей улыбке.

— И еще каких беспорядков, можешь в этом не сомневаться! Но я хочу, чтобы ты оставался в стороне. Что бы со мной ни случилось, иди своей дорогой!

Траз с упреком и негодованием посмотрел на него.

— Ты думаешь, я способен так поступить? Разве мы с тобой не товарищи?

— Да, конечно, но...

— Тогда больше не о чем говорить, — ответил Траз повелительным тоном Онмале.

Рейш, одеваясь, развел руки и отошел от повозок в степь. Время поджимало. Он должен действовать — но когда? Ночью? По пути к перекрестку Фазма? После того, как жрицы покинут караван?

Действовать сейчас нельзя — это верный провал.

Ничего нельзя предпринять ни ночью, ни ранним утром — в это время жрицы, понимая, что он может пойти на самый безрассудный риск, станут следить за девушкой во все глаза.

А что, если у перекрестка, когда они лишатся защиты караванщика?.. Это значило бы действовать вслепую. Уж наверное они предпримут самые жесткие меры, чтобы никто их не потревожил.

Сумерки уступили место ночной темноте; из степи раздавались разнообразные звуки: вой ночных собак, чье-то рычание. Рейш, войдя в свою комнатку, улегся в гамак. Он не мог уснуть: вылез из гамака и спрыгнул на землю.

На небе светились обе луны. Аз висел низко на западе и скоро скрылся за скалами. Браз, который только что взошел на западе, бросал вокруг печальный тусклый свет. В помещениях складов царила почти полная темнота; лишь там, где находились посты стражи, горело несколько фонарей: здесь не было общей комнаты, как в постоялом дворе. В зарешеченном доме на повозке царило необычное оживление, окна были освещены, и в них виднелись движущиеся тени. Вдруг свет во всех окнах потух, дом погрузился во мрак.

Обеспокоенный, Адам обошел повозку, не зная, что делать. Что это? Какой-то звук? Он остановился, вглядываясь в темноту. Звук раздался снова — скрип медленно движущейся повозки. Забыв об осторожности, Рейш бросился бежать по направлению этого звука, потом снова остановился. Совсем рядом отчетливо слышался шепот. Кто-то стоял совсем рядом с ним: черный силуэт в глубокой тени. Неожиданное движение; Рейш ощутил удар по голове. В мозгу словно что-то взорвалось, земля ударила в лицо...

Он очнулся от того же скрипящего звука, который слышал раньше: скрип-скрип, скрип-скрип... С трудом вспомнил, что его подняли, куда-то потащили, что-то с ним делали... Он чувствовал, как затекло все тело, не мог двинуть ни рукой, ни ногой. Рейш лежал на чем-то твердом, и эта поверхность постоянно подсакивала и сотрясалась: очевидно, пол небольшой открытой повозки. Над ним было ночное небо, как бы окаймленное верхушками скал и утесов, возвышавшихся по бокам. Повозка, по всей вероятности, шла по неровной дороге, вверх по крутому склону холма. Рейш напрягся, пытаясь освободить руки. Они были связаны двойным узлом, от усилий в затекших мышцах начались болезненные судороги. Он сжал зубы и по-

пытался расслабиться. Спереди он слышал приглушенный разговор; кто-то оглянулся. Адам лежал тихо, притворяясь, что еще не пришел в себя; темный силуэт отвернулся. Почти наверняка это жрицы. Почему его связали, а не убили на месте?

Рейш подумал, что ответ ему известен.

Он еще раз напрягся изо всех сил, но добился только нового приступа судорог. Тот, кто его связал, сильно спешил. Отобрали только саблю, на поясе все еще висела драгоценная сумка.

Повозка высоко подпрыгнула на ухабе; Рейш подскочил, и это навело его на мысль. Он весь сжался и медленно пополз к заднику повозки, обливаясь потом от страха, что кто-нибудь сможет оглянуться и увидеть его. Он дополз до самого края; повозка снова подскочила, и Адам скатился на землю. Повозка с визгом и рокотом исчезла в темноте. Не обращая внимания на ушибы и есадины, он сжался и покатился вбок, стараясь убраться с дороги, и наконец оказался в самом низу каменистого склона, в глубокой тени. Он продолжал лежать неподвижно, опасаясь, что кто-нибудь заметил его падение. Наконец скрип повозки замер вдали; кругом стояла тишина, только хрипло свистел ветер.

Рейш, собрав все силы, повернулся на живот, потом встал на колени. Ощупью нашел острый край скалы и стал тереть об него веревки, которыми были стянуты руки. Казалось, этому не будет конца. Запястья покрылись кровавыми есадинами, голова раскалывалась от боли; им овладело ощущение нереальности всего происходящего, как это бывает в кошмаре. Казалось, он слился с ночной темнотой и черными скалами в единое целое. Потом в голове немного прояснилось, и он продолжал пилить веревки острым камнем. Наконец волокна поддались; руки освободились.

Несколько минут он сидел неподвижно, сгибая пальцы, расправляя мускулы. Потом наклонился, чтобы развязать ноги, — очень трудно было прodelьывать это в полной темноте.

Затем он поднялся на ноги и стоял, качаясь, держась за скалу, чтобы не упасть. Над гребнем самого высокого холма взошел Браз, осветив долину бледным сиянием. С трудом взбравшись по склону, Рейш в конце концов выбрался на дорогу. Он, прищурясь, посмотрел вперед, потом оглянулся. Сзади лежали склады Садно; впереди, неизвестно, на каком расстоянии, катился скрипящий возок, — скрип-скрип, скрип-скрип, — может быть, звуки раздавались быстрее, чем раньше: жрицы, без сомнения, уже обнаружили его исчезновение. Почти наверняка в этой повозке находилась Илин-Илан. Рейш, хромая и покачиваясь, пошел вперед самым быстрым шагом, на который только был способен в его теперешнем состоянии. По словам Баояна, до перекрестка можно дойти за полдня, а храм находится еще дальше, неизвестно где. Очевидно, дорога, по которой везли Рейша, была кратчайшим путем.

Дорога начала подниматься, повернула под углом к ущелью между двумя невысокими горами. Он не надеялся перегнать повозку, которая двигалась с неизменной скоростью: топ, топ, топ, мягко ступали по земле восьминогие твари, впряженные в повозку. Рейш дошел до ущелья и остановился передохнуть, потом снова пустился в путь, спускаясь к покрытому лесом плоскогорью, почти неразличимому в чернильно-синем свете Браз. Деревья поражали своей невиданной красотой: их стволы, светящиеся белизной, поднимались спиралью, бесчисленными витками, иногда сплетаясь с такими же спиральными стволами соседних деревьев. Листья блестела черным лаком, и каждое дерево заканчивалось сверкающим в темноте шарообразным выростом.

Из леса доносились странные звуки: кваканье, хрипы и стоны, полные почти человеческой тоски, и Рейш то и дело замирал на месте, держа руку на сумке, где лежала батарейка.

Браз скрылся за лесом; жесткие листья сверкали металлическим блеском, лучи голубой луны кое-где проглядывали сквозь ветки, словно сопровождая Рейша.

Он двигался шагом, потом переходил на бег, трусил рысцей, снова шел широкими шагами. В воздухе над ним неслышно скользило какое-то крупное бледное создание. Оно казалось хрупким, словно бабочка, с большими мягкими крыльями и круглой, как у ребенка, головой. Иногда Рейшу казалось, что он слышит поблизости звук торжественных песнопений, но когда он остановился и прислушался, кругом царила полная тишина. Рейш продолжил путь, стараясь преодолеть странное чувство нереальности; ему казалось, что все, что он видит перед собой, — лишь плод его воображения, и ноги несут его не вперед, а назад, как бывает в кошмарах.

Дорога резко пошла на подъем, подведя его к узкому ущелью. Когда-то это ущелье загоразивала высокая каменная стена, сейчас от нее остались лишь руины. Сохранился только высокий портал, под которым проходила проезжая дорога. Рейш остановился, охваченный бесознательным беспокойством. Все шло слишком гладко или это только кажется?

Он бросил камень в проход. Никакой реакции. Но все же Рейш сошел с дороги и очень осторожно перелез через полуразрушенную стену, крепко прижимаясь к скале. Портал внушал ему подозрение. Сделав примерно сотню шагов, вернулся на дорогу. Он оглянулся, но если внутри портала и таилась какая-нибудь опасность, в темноте ее трудно было заметить.

Он упорно шел вперед. Каждые несколько минут останавливался и прислушивался. Стены ущелья раздвинулись и стали ниже, небо словно приблизилось, незнакомые созвездия Тчан осветили серый камень горных склонов.

Что там впереди: зарево в небе? Шум, какой-то странный ропот, визгливые и вместе с тем грубые звуки. Рейш, спотыкаясь, побежал

вперед. Дорога пошла еще выше и сделала крутой поворот на склоне. Адам внезапно остановился, пораженный зрелищем, странным и диким, как сама планета Тчаи.

Храм Тайного женского культа занимал ровную площадку неправильной формы, окруженную утесами и отвесными скалами. На обрыве между двумя утесами стояло массивное четырехэтажное каменное здание. Повсюду были разбросаны деревянные домики и глиняные мазанки, хлевы и стойла для скота, кормушки и корыта с водой. Прямо перед Рейшем на склоне была широкая площадь, со всех сторон кроме передней окруженная двухэтажными постройками.

Торжественная церемония шла полным ходом. Сотни факелов бросали алый, пурпурный и оранжевый свет, озаряя группу примерно из двухсот женщин, выплясывавших странный, лихорадочно быстрый танец, который, по всей видимости, привел их в состояние неистовства. На них были только черные шаровары и черные сапоги — больше никакой одежды. Даже головы их были выбриты наголо. У многих на груди зияли страшные багровые шрамы; эти женщины, словно в экстазе, подпрыгивали и изгибались, тела их блестели от пота и притираний. Другие, словно отдыхая или обессиленные от неистовой пляски, неподвижно сидели на скамьях. Внизу, под площадью, был установлен ряд тесных клеток, где, сгорбившись, стояли обнаженные мужчины. Они-то и пели ту песню, которую издали слышал Рейш. Если кто-нибудь больше не мог петь, из отверстий в полу клетки вырывалась струя пламени, и несчастный громко вопил. Огненные струи регулировались специальным приспособлением — спереди, перед рядом кнопок, сидела женщина, вся облаченная в черные одежды, которая дирижировала этим дьявольским концертом. «Так бы пришлось петь и мне, — подумал Рейш, — если бы я не скатился с повозки!»

Один из мужчин повалился. От пламенных струй он лишь корчился, не издавая ни звука. Его вытащили из клетки, накиннули на голову плотный мешок из какой-то прозрачной пленки, напоминающей целлофан, и крепко завязали мешок на горле, потом бросили на деревянную решетку, стоявшую рядом. В клетку втащили нового певца: мускулистого молодого парня, который с ненавистью смотрел на бесновавшихся женщин. Он отказывался петь и терпел огненные укусы в гордом молчании. Вперед выступила одна из жриц и пустила ему в лицо струю пахучего дыма: через минуту он запел вместе с остальными.

«Как же они ненавидят мужчин!» — подумал Рейш. На деревянной платформе, воздвигнутой на площади, появилась группа клоунов — высоких тощих мужчин. Кожа их была набелена, брови густо подведены черной краской. Рейш с отвращением наблюдал за их ужимками. Жрицы восхищенно аплодировали.

Когда клоуны ушли со сцены, появился мим; на нем был длинный светлый парик, а на лице маска — кукольное большеглазое женское личико с пурпурными губами. Они ненавидят не только мужчин, но и любовь, молодость и красоту!

Мим, делая непристойные жесты, стал изображать любовную сцену. В это время занавес, которым была сзади закрыта сцена, раздвинулся, и выскочил огромный парень с лицом идиота; на нем не было никакой одежды, все тело, руки и ноги заросли густыми волосами. Оскалив зубы в бессмысленной ухмылке, он старался прорваться в клетку из тонких прутьев, сделанных из какого-то прозрачного материала. На двери была задвижка, но он не догадался ее отодвинуть. В клетке скорчилась девушка, прикрытая лишь тонким газовым покрывалом: это была Илин-Илан — Цветок Кета.

Женоподобный мим продолжал изображать любовную сцену, простирая руки, словно обнимая воображаемого партнера. Певцов заставили начать новую песню, напоминающую тихий хриплый лай, и жрицы тесно сгрудились вокруг сцены, внимательно следя за неуклюжими усилиями идиота.

Рейш покинул свой наблюдательный пункт. Держась в тени, он сошел вниз и обошел сцену сзади. Он прошел хлев для скота, в котором жрицы держали тощих клоунов. Неподалеку в более просторных клетках находилось около сотни молодых мужчин, предназначенных для того, чтобы выполнять роль «певцов». Их охраняла дряхлая жрица с ружьем почти такого же размера, как она сама.

Из передних рядов женщин, столпившихся вокруг сцены, донесся взволнованный шепот. Парень на сцене наконец догадался отодвинуть задвижку клетки. Отбросив мысли о том, что нельзя обижать женщин, Рейш сзади набросился на старуху, свалил ее одним ударом и побежал вдоль клеток, открывая запертые снаружи двери. Пленники высыпали наружу, клоуны наблюдали за ними с открытыми ртами.

— Возьмите у старухи ружье, — шепнул Рейш освобожденным. — Выпускайте певцов!

Он прыгнул на сцену. Парень уже вломился в прозрачную клетку и срывал с девушки покрывало. Рейш прицелился и выстрелил разрывной пулей в мускулистую спину. Парень дернулся, словно раздувшись, поднялся на цыпочки, перегнулся и упал. Илин-Илан, Цветок Кета, взглянула на сцену затуманенными глазами и увидела Рейша. Он сделал ей знак, она, спотыкаясь, пробежала к нему через сцену.

Жрицы завопили, сначала вне себя от злости, потом полные ужаса, потому что бывшие пленники, захватив ружья, взобрались на сцену и стали стрелять в собравшихся женщин. Другие освобождали певцов. Мускулистый юноша, которого недавно втащили в клетку, набросился на жрицу, которая нажимала на кнопки. Он схватил ее,

бросил в опустевшую клетку, запер, потом встал на ее место и нажал кнопку, направив в нее густую струю пламени. Женщина завопила низким контральто. Еще один схватил факел и поджег деревянную хижину, его товарищи выломали дубинки и двинулись стеной на женщин, исполняющих ритуальный танец.

Рейш провел рыдающую девушку мимо беснующихся мстителей, сдернул с чьих-то плеч плащ и накинул его на Илин-Илан.

Жрицы пытались бежать вверх по склону холма, по дороге, ведущей к востоку. Некоторые, все еще полунагие, пытались забиться под доски или закрыться в хлеву, но их вытаскивали оттуда и безжалостно избивали дубинками.

Рейш повел девушку по дороге на восток. Из конюшни вылетела повозка. Четыре жрицы бешено погоняли восьминогих коней. Над ними возвышался величественный силуэт Великой Матери. Рейш несколько мгновений наблюдал за их бегством. В это время какой-то мужчина вскочил в повозку, схватил толстую за горло и попытался задушить голыми руками. Обрушившись на него всей тяжестью, она повалила на пол и стала топтать ногами. Рейш вскочил на повозку за ней, толкнул, и она выпала из повозки. Рейш повернулся к трем оставшимся жрицам, которые путешествовали с караваном.

— Вон с повозки! На землю!

— Мы погибнем! Мужчины совсем взбесились! Они убивают Великую Мать!

Рейш повернулся. Четверо мужчин окружили главную жрицу, которая готовилась броситься на них, рыча, словно разъяренная медведица. Одна из оставшихся на повозке жриц, воспользовавшись тем, что Адам не глядел в ее сторону, попыталась ударить его ножом. Адам сбросил ее на землю, потом двух ее товарок. Прижав к себе девушку, он погнал восьминогих коней по восточной дороге, к перекрестку Фазма.

Илин-Илан прижалась к нему, обессиленная, безразличная ко всему окружающему. Рейш, чувствуя себя разбитым и опустошенным, горбился на сиденье. Небо у них за спиной осветилось красным заревом: пламя взмыло ввысь, затмевая незнакомые созвездия планеты Тчаи.

Глава 6

Примерно через час после восхода солнца они достигли перекрестка Фазма: трех приземистых построек из необожженного кирпича, глядящих в сторону крошечными узкими черными окошками бойницами, проделанными в высоких стенах, окруженных дощатым забором. Ворота были закрыты. Рейш придержал восьминогих коней, спрыгнул с повозки, стал стучать в ворота и громко кричать,

но без всякого результата. Тогда он и Илин-Илан, полумертвые от усталости и изнеможения — следствие пережитых потрясений, — устроились в повозке, приготовившись ждать до тех пор, пока люди, обитающие в этих постройках, проснутся и соизволят открыть им ворота.

Осматривая задок повозки, Рейш обнаружил среди прочих предметов две небольшие сумки с цехинами. Очевидно, это была значительная сумма, но ему было трудно определить ее на глазок.

— Ну вот, нам досталось все богатство жриц, — сказал он девушке. — Мне кажется, здесь достаточно, чтобы со всеми удобствами доставить тебя домой целой и невредимой.

— Ты отдашь мне эти деньги и отправишь домой, ничего не потребовав взамен? — удивленно и капризно произнесла Цветок Кета.

— Ничего, — вздохнул Адам.

— В шутке дирдирмена была большая доля правды, — сердито заметила Илин-Илан. — Ты поступаешь так, словно действительно с какого-нибудь дальнего мира. — Сказав это, она отвернулась.

Рейш с грустной улыбкой уставился в степь. Если предположить почти невероятную вещь, что удастся вернуться на Землю, захочется ли ему навсегда остаться там, прожить остаток жизни на своей родной планете и больше не вернуться на Тчаи? «Нет, вероятно, нет», — думал Рейш. Невозможно предсказать, какова будет официальная политика Земли по отношению к Тчаи, но он всегда будет чувствовать угрызения совести, пока Дирдиры, Часчи и Ванкхи держат людей в подчинении, словно каких-то низших животных. Рейш воспринимал все это как личное оскорбление.

— А что твой народ думает о дирдирменах, часчменах, других людях, которые живут на Тчаи?

Девушка недоуменно нахмурилась. Рейшу показалось, что она, по какой-то неведомой ему причине, смущена вопросом.

— А что тут думать? Они существуют. Когда они нас не трогают, мы их просто не замечаем. Почему ты вдруг завел речь о дирдирменах? Мы говорили о нас с тобой.

Адам взглянул на девушку. Она молча смотрела на него, словно ожидая чего-то. Глубоко вздохнув, он придвинулся к ней поближе, и как раз в эту минуту ворота Фазма приоткрылись и из них выглянул какой-то человек. Он был приземистым, с толстыми ногами и длинными руками, лицо его было перекошено, нос выдавался вперед. Кожа и волосы отливали свинцовым цветом — очевидно, один из серых людей.

— Кто вы такие? Эта повозка из храма. Ночью где-то рядом был сильный пожар. Это, наверное, из-за ритуала? Эти жрицы совсем сходят с ума во время него!

Рейш, отделавшись от привратника какой-то туманной фразой, направил повозку в ворота.

Они выпили чаю, послали тушеной зелени с черствым хлебом и снова вернулись в повозку, ожидая прибытия каравана. Теперь оба чувствовали себя иначе: между ними появилась какая-то отчужденность, разговаривать не хотелось. Уступив сиденье Илин-Илан, Рейш растянулся на полу повозки. Под теплыми лучами солнца оба почувствовали сонливость и вскоре уснули.

К полудню на горизонте показался караван — длинная черно-серая полоса. Последний оставшийся в живых илантский разведчик и раздражительный молодой парень, произведенный в эту должность из воинов-пушкарей, первыми прибыли в Фазм, осмотрели все вокруг и, резко повернув своих прыгунов, поскакали обратно к каравану. Подъехали высокие грузовые повозки, в которые были запряжены крупные восьминогие твари; погонщики, закутавшись в широкие плащи, сгорбились на сиденьях, их лица казались особенно тощими и изможденными под мятыми широкополыми шляпами. Вслед за ними прибыли походные домики, из окон которых выглядывали пассажиры. Траз радостно приветствовал Рейша, Анахо сделал широкий жест, который мог означать что угодно, и прищелкнул пальцами.

— Мы были уверены, что тебя похитили либо убили, — сказал Траз. — Обыскали все горные дороги, рыскали по степи, но ничего не нашли. Сегодня мы собрались искать тебя в храме.

— Мы? — спросил Рейш.

— Мы с дирдирменом. Он не так уж плох, как можно подумать.

— Храма больше нет, — объявил Рейш.

Появился Баоян; увидев Рейша и Илин-Илан, он остановился, но не стал ни о чем расспрашивать. Рейш, который был почти уверен, что караванщик помог жрицам выехать из складов Садно, ничего ему не сказал. Баоян показал им их помещения и согласился взять храмовую повозку в счет платы за дорогу до Перы.

С грузовых повозок снимали тюки с товарами, стаскивали их в глинобитные постройки. Взамен грузили другие тюки и ящики; потом караван двинулся на северо-восток.

Прошло несколько дней безмятежно-однообразного путешествия по степи. Они долго огибали берега большого мелкого озера с зеленоватой застоявшейся водой, осторожно переправились через болото, заросшее переплетающимися белыми перистыми побегами водорослей. Разведчик обнаружил залегших в засаде карликов — болотных людей, которые немедленно рассеялись, прежде чем пушкари успели направить в их сторону свои орудия.

Три раза летательный корабль Дирдиров, пролетая над ними, снижался, чтобы осмотреть караван, и каждый раз Анахо скрывался в своем помещении. Однажды в небе проплыл большой плоский летательный аппарат Синих Часчей.

Рейш получил бы большое удовольствие от этого путешествия, если бы не постоянные мысли о разведывательном боте. И еще: что делать

с Илин-Илан? Доставив пассажиров и груз в Перу, караван возвратится в Коад, у берегов Дванжера. Там девушка сможет сесть на корабль, направляющийся в Кет. Рейш предполагал, что она хочет поступить именно так, но Илин-Илан ничего не говорила о своих планах и вообще в последнее время, к удивлению Рейша, проявляла к нему непонятную холодность.

Проходили дни, а караван все полз к северу под бездонным бледным небом планеты Тчаи. Дважды в полдень на караван обрушивалась гроза, но в остальное время погода стояла ровная. Они прошли темный лес, на следующий день пересекли старую заброшенную гать, проложенную через необозримую черную трясину, покрытую пузырчатыми растениями, среди которых перелетали насекомые, тоже похोдившие на пузыри. В трясине копошились невиданные твари: бескрылые создания величиной с лягушку, совершавшие головокружительные прыжки, размахивая всеобразными хвостами; другие, не то пауки, не то летучие мыши, прикрепившись нитью, выходявшей у них откуда-то из пасти, плыли по ветру на неподвижных крыльях, словно воздушные змеи.

У складов на Ветряных горах они встретили караван, направляющийся к югу от холмов в Малагаш, лежащий у залива Хедаджа. Дважды они замечали появлявшиеся вдали небольшие отряды Зеленых Часчей, но те поворачивали в степь, очевидно не собираясь нападать. Караванщик объяснил, что эти Часчи направляются, по всей видимости, в северную часть Мертвой степи для совершения брачных обрядов. Однажды утром перед караваном остановилась, наблюдая за ним, группа кочевников: высокие худощавые мужчины и женщины с лицами, выкрашенными синей краской. Траз объяснил, что это людоседы, у которых женщины в битвах сражаются наравне с мужчинами. Дважды караван проходил рядом с лежащими в руинах городами; потом свернули к югу, чтобы выгрузить различные ароматические вещества, пряности и благовонную древесину в городе Старых Часчей. Этот город, поразивший Рейша своим неповторимым обликом, обладал каким-то странным очарованием. Сотни низких белых куполов скрывались среди густой листвы плодовых деревьев, воздух был напоен свежим ароматом цветов высоких желтовато-зеленых деревьев, напоминавших тополя, которые здесь назывались адарак. Рейшу сказали, что эти деревья очень любят Старые и Синие Часчи и повсюду высаживают их, потому что там, где они растут, воздух всегда бывает здоровым и свежим.

Караван остановился на небольшой овальной площади, заросшей густой и короткой травой, а Баоян сразу же созвал всех погонщиков и пассажиров.

— Это Голссе, город Старых Часчей, — объявил он. — Не отходите далеко: вы рискуете стать жертвой жестоких шуток Старых Часчей. Они могут заманить в лабиринт, откуда не выберешься за целый день,

или облить вонючей жидкостью, так что от вас будет разить ужасным зловонием несколько недель. Но когда они бывают возбуждены или очень уж хотят повеселиться, шутки становятся особенно жестокими. Однажды они брызнули в лицо одного из моих погонщиков какой-то эссенцией так, что он потерял сознание. Потом пересадили ему всю кожу на лице, и он стал совершенно неузнаваем, да еще пришили к подбородку длинную седую бороду. Значит, помните: ни при каких обстоятельствах не выходить за пределы этой площадки, даже если Часчи будут вас дразнить или заманивать. Это старая и выродившаяся раса; они никого не жалеют и думают только о своих эссенциях и благовониях да еще придумывают новые шутки, которые кажутся им очень забавными. Еще раз предупреждаю: держитесь этой площади, не ходите по садам, как бы вам они ни понравились, и если вам дорога ваша жизнь и рассудок, ни в коем случае не входите в их дома.

Больше он ничего не сказал.

Товары погрузили на низенькие моторные повозки Часчей, которыми управляли несколько молчаливых и чванливо-мрачных часчменов. Они были меньше ростом и не так походили на Часчей, как синие часчмены, которых Рейш видел раньше. Они были тощими и сгорбленными, с серыми морщинистыми лицами; лоб далеко выдавался вперед, маленький рот сжат, подбородка почти нет. Как и у Синих Часчей, на голове у них было что-то вроде искусственного черепа, кончавшегося выступом и нависавшего над глазами. Они вели себя так, словно старались привлечь к себе как можно меньше внимания — бесшумно шмыгали, будто крадучись, ни с кем не заговаривали и занимались только своей работой. Скоро появились четверо Старых Часчей. Они прошли прямо под повозкой, в которой находился Рейш, так что он мог рассмотреть их с близкого расстояния. Они напомнили ему больших уродливых рыб с нелепыми получеловеческими ногами и руками. Кожа напоминала блестящий атлас цвета слоновой кости с едва заметными чешуйками; они казались хрупкими, почти высохшими, глаза блестели, как серебряные шарики, вращающиеся в разные стороны, каждый сам по себе. Рейш наблюдал за ними с большим интересом; почувствовав его взгляд, они остановились и посмотрели вверх, туда, где находился Рейш. Они стали кивать ему и делать приглашающие жесты, на что Рейш отвечал подобными же движениями. Еще несколько минут они рассматривали его своими блестящими серебряными глазами, а потом ушли своей дорогой.

Баоян недолго оставался в Голссе. Как только были выгружены из повозок ящики с различными ароматическими веществами и лекарствами, тюки кружевной ткани, сушеные фрукты и другие товары, он выстроил повозки и снова направился на север, предпочитая провести ночь в открытой степи, чтобы Старым Часчам не пришло в голову сыграть с ним одну из своих шуток.

Степь была ровной, как поверхность стола, и вся заросла ароматными травами. Стоя на краю повозки, Рейш оглядывал в сканскоп окрестности, и на расстоянии примерно двадцати миль увидел большой отряд Зеленых Часчей, не замеченный разведчиками. Он сразу же сообщил об этом Баояну, который приказал повозкам занять оборонительное положение, поставив повозки с пушками снаружи круга. Зеленые Часчи скакали на своих огромных конях-прыгунках, на остриях их копий реяли по ветру желтые и черные флажки — признак того, что они полны боевого пыла и ярости.

— Они едут с севера, — объяснил Траз. — Об этом говорят их флажки. Там они обжираются камбалой и другой жирной рыбой, кровь у них сгущается, они становятся еще злее и раздражительнее. Когда у них на копьях черные и желтые флажки, даже люди Эмблемы бегут, не решаясь вступить в сражение.

Но несмотря на свои воинственные флаги, зеленокожие воины не напали на караван, а остановились на расстоянии мили. Рейш изучал их в сканскоп: Зеленые Часчи очень сильно отличались от Старых. От семи до восьми футов ростом, массивные, приземистые, с толстыми ногами и руками, с ног до головы покрытые крупной чешуей, блестящей металлическим зеленым цветом. Маленькие лица под высоким нависающим черепом свирепо сморщились. На них были передники из грубой кожи, кожаные перевязи, перекинутые через плечо, на которых висели сабли, колчаны с дротиками и небольшие катапульты или самострелы, такие же, как у людей Эмблемы. «Не хотел бы я встретиться с этими созданиями в рукопашном бою!» — подумал Рейш. Часчи неподвижно сидели, остановив своих прыгунов и наблюдая за караваном, не меньше пяти минут, потом повернули и помчались на восток.

Караван перестроился и продолжал свой путь по привычной дороге. Траз был удивлен странным, по его мнению, поведением Зеленых Часчей.

— Когда у них на копьях желтые и черные флажки, они прямо теряют рассудок. Наверное, устроят засаду за лесом.

Баоян, который питал такие же подозрения, несколько дней посылал разведчиков далеко вперед. Ночью в караване не принимали особых предосторожностей, потому что Зеленые Часчи в темноте замирали и до наступления утра сбивались в ворчащую и стонущую массу.

Впереди лежала Пера — конечный пункт каравана. Передатчик Рейша нащупал разведывательный бот на расстоянии примерно шестидесяти миль к западу. Он стал расспрашивать караванщика, который сказал ему, что в этом направлении находится Дадиче, город Синих Часчей.

— Избегай их, насколько сможешь, это самые худшие и злобные из породы Часчей — хитрые, как Старые Часчи, и жестокие, как Зеленые.

— Разве они не торгуют с людьми?

— Нет, они ведут обширную торговлю; вообще-то Пера — это центр торговли с Синими Часчами, ее ведут купцы, которые отвозят товары из Перы, только им разрешен доступ в Дадиче. Из всех Часчей я больше всего ненавижу Синих. Конечно, Старые Часчи не очень-то по-дружески относятся к людям, но они скорее коварные, чем жестокие. С другой стороны, иногда это одно и то же. — Он указал на запад, где собирались густые черные облака. — Например, дождь намочит нас не меньше, чем океанские волны.

— Из Перы ты прямо направишься в Коад, на берег Дванжера?

— Через три дня.

— Очевидно, Илин-Илан поедет с тобой и отправится в Кет морем.

— Очень хорошо. Она сможет заплатить?

— Конечно.

— Тогда все в порядке. А ты? Ты тоже хочешь поехать в Кет?

— Нет. Вероятно, я останусь в Пера.

Баоян, искоса взглянув блестящими глазами на Рейша, с сомнением покачал головой.

— Золотые яо из Кета — солидный народ. Но на Тчаи все непредсказуемо, кроме постоянных неприятностей. Зеленые Часчи, как псы, идут по нашему следу. Еще чудо, что они до сих пор на нас не напали. Я начинаю надеяться, что мы без помех доберемся до Перы.

Однако Баоян ошибся. Уже показалась Пера — город разрушенных дворцов и повергнутых наземь статуй, окружающих центральную площадь, очень похожий на другие города, мимо которых они проезжали, когда Зеленые Часчи бросились на них с востока. Одновременно разразилась гроза. Молнии обрушились на степь; на юге темные полосы дождя соединили небо с землей.

Баоян решил, что Пера будет недостаточно надежным убежищем, и приказал поставить повозки в круг. Погонщики едва успели выполнить его приказ: на этот раз Зеленые Часчи не проявили ни нерешительности, ни робости. Низко пригнувшись на седлах своих огромных верховых животных, они бросились вперед, намереваясь разорвать защитное кольцо.

Пушки издали характерный булькающий звук, едва слышный за раскатами грома; потоки дождя затрудняли обращение с обычно очень эффективным оружием. Зеленые Часчи, телепатически общавшиеся между собой, рвались вперед сплошной массой; некоторые были убиты песочными зарядами, другие растоптаны тяжелыми ногами прыгунов. Какое-то время в рядах нападающих царило замешатель-

ство, потом новые воины заняли место убитых, направляя своих коней прямо на конвульсивно дергающиеся тела своих поверженных товарищей. Пушкари снова с лихорадочной поспешностью зарядили орудия, не обращая внимания на ливень. Раздался залп, сопровождаемый сверканьем молнии и оглушительными раскатами грома, — ужасающий аккомпанемент сражения.

Зеленые Часчи, потеряв множество воинов, сменили тактику. Некоторые спешили и, укрывшись за массивными кучами своих верховых животных, достали самострелы. Первая волна стрел смела трех пушкарей. Конные воины Часчей снова пошли в атаку, надеясь прорвать круг защитников, воспользовавшись их временным замешательством. Но место убитых пушкарей заняли погонщики, Часчей снова отбросили, в защитников каравана полетели новые стрелы, и еще несколько убитых пушкарей упали на землю.

Зеленые Часчи бросились на приступ в третий раз. Их кони хрипели и вставали на дыбы. Позади наступавших молния расколола черное небо; раскаты грома сопровождали крики нападающих и стоны раненых. Зеленые Часчи несли огромные потери, земля покрылась их телами, но вперед рвались новые воины. Наконец они пробились к пушкам и стали рубить пушкарей и погонщиков.

Исход сражения был ясен. Рейш схватил за руку Илин-Илан, сделал знак Тразу. Они бросились бежать по направлению к городу вместе с другими пассажирами, к которым присоединились погонщики и оставшиеся в живых пушкари. Караван опустел.

Издавая торжествующие вопли, Зеленые Часчи преследовали беглецов, размахивая саблями, отсекали головы, разрубали людей пополам. Воин с горящими бешеными глазами подскочил к Рейшу, Илин-Илан и Тразу. Рейш держал наготове свой пистолет, но не пожелал тратить драгоценные пули и пригнулся, чтобы избежать свистящего острия сабли. Прыгун, встав на дыбы, поскользнулся на влажной земле; воин с воплем отлетел в сторону. Рейш подбежал к нему, высоко поднял саблю-рапиру, взятую у людей Эмблемы, ударил по массивной шее Часча, перерезав сосуды и связки. Воин Часчей забился в предсмертных судорогах, цепляясь за жизнь; Рейш и его спутники побежали дальше. На пути Рейш на минуту остановился и поднял саблю, выпавшую из руки мертвого воина, — она была выкована из цельной полосы железа длиной не меньше чем в человеческий рост и толщиной в руку. Она была слишком длинной и тяжелой, и Рейш бросил ее. Все трое бежали к городу под потоками ливня, образовавшими плотную, почти непрозрачную завесу. Иногда позади мелькали силуэты конных Часчей, похожие на уродливых привидений, иногда рядом с ними возникали фигуры беглецов, согнувшихся в три погибели и слепо бегущих вперед, спасаясь от страшных ударов сабель Часчей и беспощадных потоков секущего дождя. Они изо всех сил спешили к руинам Перы.

Промокшие до нитки, скользя по мокрой земле, словно дымящейся под ногами, все трое наконец добежали до кучи цементных блоков, с которой начинались городские окраины, и остановились передохнуть, считая, что здесь они в безопасности от Часчей. Они укрылись под полуразвалившимся цементным навесом и поднялись, дрожа от холода, глядя, как дождь падает вокруг плотными струями.

— Наконец-то мы в Пере, мы ведь и хотели сюда попасть, — философски заметил Траз.

— Что же, бесславно, — согласился Рейш, — но, по крайней мере, живыми.

— А что будем делать сейчас?

Рейш порылся в сумке, вынул передатчик, проверил индикатор.

— Стрелка продолжает указывать на Дадиче, за двадцать миль к западу отсюда. Думаю, я должен отправиться туда.

Траз неодобрительно фыркнул:

— Синие Часчи жестоко расправятся с тобой!

Девушка из Кета вдруг прислонилась к стенке, закрыла лицо руками и горько зарыдала: впервые она давала волю своим чувствам в присутствии Рейша. Он осторожно похлопал ее по плечу.

— В чем дело? Ничего страшного не случилось, мы только промокли, замерзли, проголодались и натерпелись страху.

— Я никогда не попаду домой, в Кет! Никогда! Я знаю.

— Конечно, попадешь. Будут другие караваны.

Девушка, явно не убежденная его словами, вытерла глаза и стояла молча, оглядывая мрачный пейзаж. Дождь начал ослабевать. Гроза передвинулась к востоку; гром звучал, словно капризная старческая воркотня. Через несколько минут облака разошлись, солнечный свет проглянул сквозь мелкий дождик, заблестели лужи дождевой воды, собравшейся на выбоинах. Рейш со своими спутниками, все еще мокрые, вышли из своего убежища, едва не столкнувшись с небольшим человечком в потрепанном кожаном плаще, держащим в руках несколько вязанок прутьев. Он в испуге отскочил от них, уронил свою вязанку, подбежал, чтобы поднять ее, и хотел было удрать, но Рейш схватил его за плаш.

— Подожди! Не торопись так! Скажи, где мы можем найти еду и ночлег.

Лицо человечка постепенно разгладилось. Из-под густых бровей он недоверчиво осмотрел путешественников, переводя взгляд с одного на другого, потом с достоинством вырвал плащ из рук Рейша.

— Еду и ночлег... Это нелегко найти. Но, конечно, если постараться... Вы можете заплатить?

— Да, можем.

Человечек задумался.

— Ну, у меня удобное жилище с тремя окнами... — Он с сомнением покачал головой. — Нет, лучше идите на постоянный двор «Мерт-

вая степь». Если я возьму вас к себе, шелкуны отберут всю выручку, а я ничего не получу.

— Постоялый двор «Мертвая степь» лучший в Пере?

— Да, место что надо. Шелкуны, правда, возьмут с вас налог с имущества, но мы все платим им за то, что нас охраняют. В Пере разбойничать и насиловать разрешено только Нага Гохо и шелкунам. Слава Богу! Что было бы, если это позволялось бы каждому!

— Значит, Нага Гохо — правитель Перы?

— Да, можно и так сказать. — Человечек показал рукой на массивное бетонное строение в центре города. — Его дворец там, в крепости; там он живет вместе со своими шелкунами. Но больше я вам ничего не скажу: в конце концов они прогнали фунгов из северной Перы, идет торговля с Дадиче, бандиты боятся показаться в городе... Что ж, могло быть и хуже!

— Понятно. Ну ладно, где нам найти постоялый двор?

— Там, у подножия холма, в конце караванного пути.

Глава 7

Постоялый двор «Мертвая степь» был самым грандиозным зданием в разрушенном городе — длинное строение со сложной комбинацией кровель и куполов, стоящее рядом с холмом в самой середине Перы. Как во всех постоялых дворах на планете Тчаи, здесь была большая общая комната, уставленная столами, но вместо грубых скамей в постоялом дворе «Мертвая степь» стояли красивые стулья с высокими спинками из резного черного дерева. Три люстры из кованого чугуна и цветного стекла освещали комнату; на стенах висели терракотовые маски, по-видимому древние: фантастические получеловеческие, полужвериные лики.

Столики были заполнены беглецами — пассажирами разгромленного каравана, вкусно пахло какими-то яствами. У Рейша немного поднялось настроение. Здесь, по крайней мере, имели какое-то понятие о стиле и комфорте.

Хозяином постоялого двора был небольшой плотный человек с аккуратно подстриженной рыжей бородой, выпуклыми красновато-кариыми глазами. Он постоянно жестикулировал и шаркал ногами, словно всю жизнь торопился. Когда Адам попросил у него комнату, он взмахнул руками, изображая отчаяние.

— Разве ты не слышал? Проклятые зеленые дьяволы разгромили караван Баояна. Вот эти люди — все, кто остался в живых, и для всех я должен найти помещение. У некоторых нечем заплатить: ну и что? Нага Гохо приказал мне всем предоставить убежище.

— Мы тоже были в этом караване, — возразил Рейш. — И к тому же можем заплатить.

Хозяин постоянного двора стал гораздо более любезным.

— Я могу дать вам одну комнату — придется удовлетвориться этим. И хочу предупредить. — Он быстро оглянулся через плечо. — Будьте осторожны, не болтайте лишнего. В Перу произошли большие перемены.

Всех троих провели в комнату, довольно чистую и уютную, и принесли три матраса. На постоялом дворе не было запасного платья: им пришлось сойти в общую комнату в еще влажной одежде. Неожиданно они увидели дирдирмена Анахо, который прибежал сюда час назад. У очага, задумчиво глядя в огонь, сидел Баоян.

На обед им подали большие миски с тушеным мясом и толстые ломти черствого хлеба. Как только они принялись за еду, в комнату вошли семь человек; они остановились, свирепо поглядывая по сторонам. Это были крупные ширококостные люди, упитанные и мясистые, какими становятся от безделья, с румяными и цветущими лицами — видно, им жилось сытно и спокойно. Шестеро из них были одеты в темно-красные кафтаны, вычурные черные кожаные башмаки и шегольские, сдвинутые на ухо шапочки, увешанные бубенчиками, издававшими какие-то шелкающие звуки. «Щелкуны», — подумал Рейш. Седьмой, в вышитом узорном плаще, очевидно, был сам Нага Гохо — высокий, тощий, с необыкновенно большой головой, похожий на волка. Он обратился к обедающим, которые сразу же умолкли и перестали есть:

— Добро пожаловать, добро пожаловать всем в Перу! В нашем счастливом городе царит порядок, как вы уже, наверное, успели заметить. Мы строго соблюдаем законы и заставляем всех придерживаться наших законов. Мы также собираем налог за предоставление убежища. Если у кого-то нет денег, он должен внести свою лепту собственным трудом на благо общества. Итак, у кого есть вопросы или жалобы? — Он обвел глазами комнату, но все молчали.

Щелкуны обходили обедающих, собирая монеты. Рейш мрачно отдал девять цехинов — налог за себя, Траза и Цветок Кета. Никто из присутствующих не протестовал, очевидно считая это вполне обычным делом. Рейш понял, что люди на Тчаи настолько привыкли, что любой, обладающий большей силой, может безнаказанно злоупотреблять ею, что считали это само собой разумеющимся.

Нага Гохо заметил Илин-Илан и выпрямился, пощипывая усы. Подозвал хозяина постоянного двора, поспешно подбежавшего к нему. Они о чем-то тихо говорили. Нага Гохо не отрывал взгляда от девушки.

Хозяин, подойдя к Рейшу, прошептал ему на ухо:

— Нага Гохо заметил эту женщину. — Он указал на Илин-Илан. — Он хочет знать, кто она такая? Рабыня? Дочь? Жена?

Адам, не зная, что ответить, искоса посмотрел на Цветок Кета. Девушка замерла. Если он ответит, что она путешествует одна, то от-

даст ее на милость Нага Гохо. Заявление, что она его жена или дочь, сразу вызовет ее негодующий протест.

— Я сопровождаю ее, она под моей защитой и покровительством. Хозяин постоянного двора легонько надул губы, пожал плечами и передал ответ Адама Нага Гохо. Тот коротко кивнул и отвернулся. Вскоре они ушли.

Остановившись наедине в маленькой комнате с Илин-Илан, Адам почувствовал себя неловко. Она сидела на своем матрасе, безудержно обхватив колени руками.

— Не грусти, — сказал ей Рейш. — Все идет не так уж плохо.

Она мрачно покачала головой.

— Я затеряна среди варваров, словно камешек, брошенный в пучины Тембары; обо мне все забыли!

— Глупости! — попытался ободрить ее Рейш. — Ты отправишься домой с ближайшим караваном из Перы.

Но его слова не убедили девушку.

— Дома другую назовут Цветком Кета, она будет царицей на празднике весны. Принцы будут просить девушек открыть им свои имена, но меня там не будет. Никто меня не спросит, никто не узнает моих имен.

— Тогда скажи мне эти имена, — предложил Адам. — Мне хотелось бы их услышать.

Цветок Кета повернулась к нему.

— Ты говоришь серьезно? Тебе правда хочется их услышать?

— Конечно! — ответил Рейш, удивленный страстностью, с которой девушка задала свой вопрос.

Илин-Илан оглянулась на Тразу, который усердно расправлял свой матрас.

— Выйдем на балкон, — шепнула она на ухо Рейшу, вскочив на ноги.

Он вышел вслед за ней на балкон. Несколько секунд они стояли рядом, опершись на перила. Их локти соприкасались. С балкона открывался широкий вид на разрушенный город. Аз высоко плыл в небе среди рваных облаков; внизу то тут, то там проглядывали бледные огни; откуда-то раздавались протяжное пение, звон струн. Цветок Кета быстро сказала приглушенным голосом:

— Мой цветок — илин-илан, это ты уже знаешь, — мое цветочное имя. Но оно употребляется только во время приемов или торжественных процессий. — Она, немного задыхаясь, посмотрела на Рейша, прижимаясь к нему так тесно, что он чувствовал ее чистый, немного терпкий запах.

— У тебя есть еще другие имена? — хрипло спросил Рейш.

— Да. — Вздохнув, она еще теснее прижалась к Адаму; у него лихорадочно забилось сердце. — Почему ты не спросил раньше? Ты ведь не мог не знать, что я скажу их тебе.

— Ну так скажи мне, — тихо произнес Рейш, — какие у тебя еще имена?

— Мое придворное имя, — серьезно начала она, — Шар Зарин. — Она немного помолчала, словно колеблясь. Потом, положив голову на плечо спутника, обнявшего ее за талию, продолжила: — Мое детское имя было Зози, но так меня называет только отец.

— Цветочное имя, придворное имя, детское имя... Какие еще у тебя имена?

— Имя для друзей, тайное имя и... есть еще одно. Хочешь слышать мое имя для друзей? Если я скажу его, мы станем друзьями, и ты должен будешь сказать мне свое имя для друзей.

— Конечно. Ну конечно, хочу...

— Дерл.

Рейш поцеловал ее в щеку.

— Мое имя Адам.

— Это твоё имя для друзей?

— Да... Думаю, его можно так назвать.

— А у тебя есть тайное имя?

— Нет. По крайней мере, мне оно неизвестно.

Она коротко нервно рассмеялась.

— Может быть, так лучше, потому что, если бы я спросила, а ты открыл бы мне свое тайное имя, я узнала бы твою тайную душу, и тогда... — Глубоко дыша, она взглянула на Рейша. — У тебя должно быть тайное имя, имя, известное только тебе. У меня оно есть.

Захваченный нахлынувшим чувством, Рейш забыл об осторожности и сдержанности.

— Как твоё тайное имя?

Она прижала губы к его уху.

— Лле. Это имя нимфы, которая живет в облаках над горой Дарам-тисса и влюблена в звездного бога Ктана. — Она ожидающе посмотрела на Рейша, и он страстно поцеловал ее. Илин-Илан вздохнула. — Когда мы наедине, называй меня Лле, а я буду звать тебя Ктан; это и будет твоё тайное имя.

— Если ты так хочешь, — засмеялся Рейш.

— Мы подождем здесь. Скоро придет караван, который отправится на восток, обратно через степь в Коад. Потом мы поплывем на корабле через Драсчад и Верводель, что в Кете.

Рейш приложил руку к губам девушки.

— Я должен поехать в Дадиче.

— Дадиче? Город Синих Часчей? Ты еще не оставил этой мысли? Но почему?

Подняв голову, Рейш посмотрел в ночное небо, словно для того, чтобы далекие звезды придали ему силы, хотя, конечно, ни одна из них не могла быть земным Солнцем... Что он мог сказать ей? Если откроет правду, девушка подумает, что он сошел с ума, — ведь

она не знает, что ее дальние предки подавали сигнал именно на Землю.

Поэтому он колебался, не зная, что сказать, ошеломленный собственной нерешительностью. Цветок Кета, Илин-Илан, Шар Зарин, Зози, Дерл, Лле — каждое имя имело свое, присущее только ему значение, — положила руки ему на плечи и заглянула в лицо.

— Раз я знаю тебя под именем Ктан, а ты называешь меня Лле, у нас одна душа и один разум, и то, что приятно и нужно тебе, будет желанно и мне. Скажи, почему тебя тянет в Дадиче?

Адам глубоко вздохнул.

— Я прибыл в Котан на небольшом разведывательном боте. Синие Часки едва не убили меня и перевезли корабль в Дадиче, по крайней мере я так думаю. Я должен вернуть его.

Цветок Кета была удивлена.

— Но где же ты научился управлять звездным кораблем? Ведь ты не дирдирмен, не прислужник Ванкхов... а может быть, да?

— Нет, конечно же нет. Не больше, чем ты. Меня научили.

— Все это так странно. — Ее руки сжались у него на плечах. — А если ты найдешь свой звездный корабль, что ты сделаешь?

— Во-первых, отвезу тебя в Кет.

Ее пальцы крепче сжали плечи Рейша, она старалась различить в темноте выражение его лица.

— А потом? Ты вернешься в свою землю?

— Да.

— У тебя есть женщина — жена?

— Нет, нет. Честное слово, нет.

— Кто-нибудь знает твое тайное имя?

— У меня не было тайного имени, пока ты не дала мне его.

Девушка сняла руки с плеч Адама и, облокотившись о перила, надув губы, стала смотреть вниз, на древние развалины Перы.

— Если ты появишься в Дадиче, они выследят тебя по запаху и убьют.

— Выследят по запаху? Что ты имеешь в виду?

Она быстро взглянула на него.

— Не могу тебя понять! Ты знаешь так много и вместе с тем так мало! Можно подумать, что ты родом с какого-нибудь самого дальнего острова на Тчай! Синие Часки чувствуют запах так же, как мы свет, и все находят по запаху.

— И все же я должен рискнуть.

— Не понимаю, — мрачно произнесла она. — Я открыла тебе свое имя; я отдала тебе самое ценное, что имею; и тебя это ничуть не трогает. Ты все равно стоишь на своем.

Рейш обнял ее. Она словно застыла, но потом, вздохнув, снова прижалась к нему.

— Меня это трогает. Очень трогает. Но я должен поехать в Дадиче — ради тебя, не только ради себя.

— Ради меня? Чтобы отвезти в Кет?

— И это тоже, но я имел в виду большее. Неужели тебе приятно, что вами правят Дирдиры и Часчи, не говоря уже о Пнумах?

— Не знаю... Никогда об этом не думала. Все они утверждают, что люди — выродки, недоумки, низшие существа. Я знаю, правда, что безумный король Хопсин утверждал, что люди пришли с далекой планеты. Он воззвал о помощи к людям с того дальнего мира, но, конечно, никто не явился. Это было сто пятьдесят лет назад.

— Очень долгое ожидание, — сказал Рейш. Он еще раз поцеловал Илин-Илан; она не очень охотно подчинилась — вся ее страстность исчезла.

— У меня очень странное чувство, — пробормотала она. — Не могу понять, что это.

Они стояли у перил, прислушиваясь к слабым звукам, доносящимся из постоянного двора: раскаты смеха из общей комнаты, детский плач, сердитые женские голоса.

— Я думаю, нам пора спать, — сказала Цветок Кета.

Рейш взял ее за руку.

— Дерл!

— Да?

— Когда я вернусь из Дадиче...

— Ты никогда не вернешься из Дадиче. Синие Часчи используют тебя для своих кровавых забав... А теперь я постараюсь уснуть и немного расслабиться.

Она вернулась в маленькую комнату. Рейш остался стоять на балконе. Он ругал себя за свою неловкость: но мог ли он поступить иначе? Живому человеку из плоти и крови трудно устоять в подобных обстоятельствах...

Итак, завтра он отправляется в Дадиче, чтобы раз и навсегда определить свою судьбу.

Глава 8

Ночь прошла, наступило утро: забрезжил серенький рассвет, потом разлилось желтое сияние, и наконец появилось бледное солнце Тчай — звезда Карина-4269. Из кухонных труб поднялись клубы дыма, внизу, под комнатой, где спал Рейш, раздался стук кастрюль и сковородок. Рейш спустился в общую комнату, где увидел Анахо-дирдирмена, перед которым стояла большая кружка с горячим чаем. Рейш присоединился к нему и стал пить чай, который принесла ему из кухни смазливая разбитная девица.

— Что тебе известно о Дадиче? — спросил он Анахо.

Дирдирмен грел о кружку свои длинные бледные пальцы.

— Город довольно старый: он построен примерно двадцать тысяч лет назад. Это главный космический порт Часчей, хотя сейчас они почти не поддерживают отношений со своей родиной — планетой Годаг. В южной части Дадиче находятся заводы и технические мастерские; идет даже мелкая торговля между Дирдирами и Часчами, хотя обе стороны не признают этого. Что тебе надо в Дадиче? — Он уставился на Рейша своими водянисто-серыми совиными глазами.

Адам задумался. Он ничего не выиграет, доверившись Анахо, которого все еще не понимал до конца. Наконец он сказал:

— Часчи отняли у меня ценную вещь, которую я желал бы, если возможно, получить обратно.

— Очень интересно, — сардонически произнес Анахо. — Я заинтригован. Какую же ценную вещь могли забрать Часчи у получеловека, чтобы он отправился за тысячу лиг за ней? И как он может надеяться отобрать ее или даже найти?

— Найти-то ее я могу. Вопрос в том, что делать дальше.

— Я заинтригован, — повторил дирдирмен. — Что ты предполагаешь делать дальше?

— Мне нужна информация. Я хочу знать, могут ли люди, такие, как я или ты, войти в Дадиче и покинуть город без помехи.

— Только не я, — ответил Анахо. — Они по запаху определяют, что я дирдирмен. У них удивительное обоняние. Съеденная пища влияет на запах кожи; Часчи умеют определять эти запахи и отличают Дирдиров от Ванкхов, болотных людей от степняков, богатых от бедных; не говоря уже о вариациях запахов, вызванных болезнью, загрязненностью, мазями, выделениями, дюжиной других причин. Они могут учуять соленый воздух в легких человека, побывавшего у берегов океана; озон в дыхании того, кто поднимался на летательном аппарате. Они чувствуют, когда ты голоден, или рассержен, или чего-то боишься, могут определить возраст, пол, цвет кожи. Обоняние создает для них полную картину мира.

Рейш сидел, погруженный в размышления.

Анахо поднялся, подошел к соседнему столику, за которым сидели три человека в грубой одежде; кожа их была сероватой, словно налитой воском, каштановые волосы низко свисали на лоб, большие карие глаза излучали добродушие. Они охотно отвечали на вопросы Анахо. Тот, выслушав их, вернулся к Адаму.

— Эти трое — гуртовщики, они постоянно бывают в Дадиче. К западу от Перы безопасно — Зеленые Часчи стараются держаться подальше от пушек, которые там находятся. Никто не нападет на нас по дороге.

— На нас? Ты тоже едешь?

— Почему бы и не поехать? Я никогда не был в Дадиче, не видел его знаменитых садов. Мы можем нанять пару коней-прыгунов, подъехать к городу и остановиться примерно за милю от него.

Гуртовщики сказали мне, что Часчи редко выезжают за пределы города.

— Хорошо, — сказал Рейш. — Я поговорю с Тразом; он может составить компанию девушке.

В стойлах за постоянным двором Адам и дирдирмен наняли прыгунов, принадлежащих к породе, еще незнакомой Рейшу, — высокие создания на длинных, словно резиновых ногах. Конюх накинуд на них седла, просунул поводья в отверстия, сделанные у них в черепе, — они завопили и стали дергать щупальцами, которые вырастали у них из уголков рта. Поводья перекинули через спины коней. Рейш и Анахо забрались в седла; животные в бешенстве встали на дыбы, потом большими скачками пустились вперед по дороге.

Они проехали через центр Перы, густо застроенный самыми разнообразными зданиями из цементных и бетонных блоков и досок, найденных среди развалин. Народу там было больше, чем Рейш ожидал, — вероятно, четыре-пять тысяч. А над старой цитаделью, возвышаясь над городом, стояла грубая постройка, где жил Нага Гохо и его отряд.

Добравшись до центральной площади, Рейш и Анахо остановили коней, пораженные ужасным зрелищем. Рядом с массивной виселицей стояли деревянные колоды, покрытые кровавыми пятнами. Неподалеку торчали колы с насаженными на них телами жертв. С деревянной лебедки свисала тесная клетка, внутри скорчилось какое-то нагое, обожженное солнцем существо, в котором едва можно было признать человека. Рядом на земле развалился щелкун — упитанный молодой парень с тяжелой челюстью, в темно-красном жилете и юбке до колен — форменной одежде щелкунов. Рейш, придерживая своего коня, спросил стража, указывая на человека в клетке:

— Какое преступление он совершил?

— Неподчинение. Он протестовал, когда Нага Гохо потребовал его дочь к себе на службу.

— И что с ним будет? Сколько он еще будет так висеть?

Щелкун безразлично поглядел вверх.

— Продержится еще дня три. Дождь освежил его, он сейчас полон воды.

— А эти? — Рейш указал на тех, что были посажены на кол.

— Неплательщики. Есть еще негодяи, которые жалеют уделить кроху своего богатства нашему Нага Гохо.

Анахо тронул Рейша за руку.

— Давай уберемся отсюда.

Рейш медленно отвернулся: невозможно в одиночку бороться со злом, царящим на этой ужасной планете. Но оглянувшись на иссохшее скелетообразное существо в клетке, почувствовал угрызения со-

вести. Но что можно сделать? Ввязаться в ссору с Нага Гохо? Он погибнет, никому не принесет пользы. Если он добудет свой бот и вернется на Землю, множество живущих на Тчаи людей могло бы значительно улучшить свое положение. Сказав себе это, Рейш постарался забыть об увиденном.

Позади Перы лежали обширные поля, где женщины и молодые девушки собирали разные плоды, незнакомые Рейшу. Повозки, нагруженные едой и всевозможными товарами, тянулись к западу, по дороге в Дадиче — это зрелище удивило Рейша, не ожидавшего увидеть такую оживленную торговлю.

Они проехали примерно десять миль, направляясь к низкой гряде серых холмов. Там, где дорога переходила в узкое ущелье, окруженное, словно стеной, высокими крутыми скалами, дорогу преграждали барьеры, и они вынуждены были ждать, пока двое шелкунов осматривали повозку, на которой были навалены ящики с овощами, напоминающими капусту. Возчик заплатил пошлину. Рейш и Анахо, проехав мимо шелкуна, также вынуждены были отдать по цехину.

— Этот Нага Гохо не упускает случая пограбить, — проворчал Рейш. — На что он тратит свои деньги?

Дирдирмен пожал плечами.

— На что люди тратят деньги?

Дорога шла все выше, дошла до распадка. Дальше лежала земля Синих Часчей: лесистая возвышенность, прорезанная десятками небольших речек, которые сливались в бесчисленные водоемы. На землях Часчей росли сотни сортов деревьев: красные перистые пальмы, зеленые высокие, похожие на хвойные, деревья, растения с черными стволами и ветвями, увешанными белыми шарами, и густые рощи адарака. Весь ландшафт представлял собой сплошной парк, тщательно ухоженный.

Под ними лежал город Дадиче: низкие плоские купола, какие-то извилистые белые поверхности, почти утонувшие в море листвы. Невозможно было определить размеры города и количество его жителей; трудно различить, где кончается парк и начинается город. Рейш был вынужден признать, что Синие Часчи живут в очень приятной местности.

Дирдирмен, не разделявший эстетических воззрений Рейша, снисходительно улыбнулся.

— Очень типично для Часчей — все бесформенно, хаотично, непродуманно. Ты видел города Дирдиров? Вот воистину облагораживающее зрелище! Сердце замирает от восхищения! А эти деревенские домишки... — Анахо сделал презрительный жест, — отражают характер Синих Часчей. Конечно, они не такие выродки, как Старые Часчи — помнишь Голсе? — но ведь те прозябают в полумертвом состоянии уже двадцать тысяч лет... Что ты делаешь? Что это за инструмент?

Рейш, не видя возможности спрятать передатчик от Анахо, вынул его, чтобы посмотреть, куда показывает стрелка.

— Это, — объяснил он, — приспособление, которое указывает направление и расстояние до предмета, удаленного на три с половиной мили. — Он посмотрел на стрелку. — Эта игла указывает на большое здание с высоким куполом. — Он указал рукой на постройку. — До него почти ровно три мили.

Анахо смотрел на передатчик как зачарованный.

— Откуда ты взял этот инструмент? Я никогда не видел такой работы! А отметки: их сделали не Дирдиры, не Часчи, не Ванкхи! Неужели в каком-нибудь дальнем уголке Тчаи полулюди умеют изготавливать вещи такого качества? Я просто поражен! Я всегда считал, что полулюди неспособны на что-нибудь более сложное, чем ведение сельского хозяйства!

— Анахо, друг мой, — заметил Рейш. — Тебе предстоит узнать еще очень многое. Это может оказаться для тебя неожиданным ударом.

Анахо потер свой маленький подбородок, низко надвинул на лоб мягкую черную шапочку.

— Ты очень странное существо, вроде Пнума.

Рейш вынул из сумки сканскоп и внимательно осмотрел здание. К нему вела дорога, идущая по склону холма, через рощу деревьев, напоминающих по форме языки пламени, с огромными зелеными и пурпурными листьями, и доходящая до стены, которую раньше Рейш не замечал. Стена, очевидно, охраняла Дадиче от набегов Зеленых Часчей. Дорога вела в город через высокие ворота. По ней друг за другом шли повозки, нагруженные продовольствием, а навстречу им из Дадиче двигались другие, с ящиками, полными тканей и других товаров.

Анахо, рассматривая сканскоп, раздраженно цокнул языком, выражая удивление, но воздержался от комментариев.

— Нам не стоит двигаться к городу, — заметил Рейш. — Если мы проедем по гребню холма еще пару миль, я смогу более подробно рассмотреть это здание.

Анахо не возражал; они проехали около двух миль к югу, потом Рейш снова вынул передатчик. Стрелка показывала на то же большое здание с куполом. Рейш уверенно кивнул.

— В этом доме находятся предметы, которые раньше принадлежали мне, и я хочу их вернуть.

Губы дирдирмена скривились в насмешливой улыбке.

— Все это прекрасно, но каким образом ты это сделаешь? Ты не можешь просто въехать в город, постучать в дверь того дома и крикнуть: «Отдавайте мои вещи!» О, ты будешь очень разочарован. Сомневаюсь, что ты такой ловкий вор, что сумеешь перехитрить Часчей. Что ты собираешься делать?

Рейш оглядел высокий белый купол.

— Во-первых, я должен рассмотреть этот дом вблизи, потом проникнуть внутрь. Я хочу убедиться, что вещи, которые меня интересуют, действительно находятся там.

Анахо с мягким упреком покачал головой.

— Ты говоришь загадками. Сначала заявляешь, что твои вещи именно там, потом сомневаешься в этом.

Адам лишь рассмеялся, хотя чувствовал себя вовсе не так уж уверенно. Теперь, когда он был близко от Дадиче и, возможно, к своему боту, задача казалась ему непосильной. Вряд ли он сможет отобрать бот у Часчей.

— Ну, на сегодня довольно, — сказал он. — Вернемся в Перу.

Они повернули обратно, с трудом удерживаясь на спинах уставших и раздраженных прыгунов, и вернулись на дорогу, где задержались, наблюдая, как мимо них с грохотом катят повозки. Одни приводились в действие машинами, другие — медленно бредущими восьминогими тварями. Те повозки, что направлялись в Дадиче, везли большие плоды, похожие на дыни; тушки грызунов, живущих в камышовых зарослях; мотки тусклых бесцветных шелковых нитей: что-то вроде паутины, сотканной мириадами болотных насекомых; сети, полные каких-то пурпурных пузырей.

— Эти повозки идут в Дадиче, — сказал Адам. — Я отправлюсь с ними. Какие здесь могут возникнуть трудности?

Дирдирмен мрачно покачал головой.

— Синие Часчи — непредсказуемые создания. Они могут схватить тебя, и ты вынужден будешь принимать участие в их милых забавах. Например, ходить по железным прутьям над ямами, полными зловонной жижи или ядовитых скорпионов. Если тебе удастся сохранять равновесие, Часчи нагреют прутья или пропустят через них электрический ток, так что ты станешь бегать взад и вперед и выполнять немислимые прыжки, которые будут их смешить. Или посадят тебя в стеклянный лабиринт вместе с фунгом, которого до этого подвергли пыткам. Или завяжут глаза и выпустят на арену вместе с циклодоном, у которого тоже будет повязка на глазах. Если им попадается Дирдир или дирдирмен, они заставляют их разгадывать трудные загадки, чтобы избежать ударов тока. Часчи очень изобретательны в этом отношении.

Рейш скорчил гримасу, глядя сверху вниз на город Часчей.

— И торговцы тоже подвергаются такому риску?

— У них есть разрешение на торговлю, и они свободно входят в город и покидают его, если, конечно, не нарушат правила.

— Тогда я отправлюсь в город как гуртовщик или торговец.

Анахо кивнул.

— Это единственный выход. Я советую тебе сегодня вечером раздеться, натереться мокрой землей, окурить себя дымом горящих костей, обмазаться навозом, наестся вонючих трав, степных крыс и

всего, что издает самый сильный и неприятный запах, потом снова натереться тухлым жиром. Затем оденься гуртовщиком и выбери самые грязные тряпки. В качестве последней предосторожности советую тебе никогда не проходить так, чтобы ветер дул с твоей стороны, и не дышать так, чтобы кто-то из Синих Часчей мог почуять твоё дыхание.

Рейш криво улыбнулся.

— С каждым мгновением план нравится мне все меньше и меньше. Но я вовсе не хочу умирать. У меня слишком много дел. В-первых, я должен отвезти девушку на родину...

— Ба! — фыркнул Анахо. — Ты — жертва сентиментальности. Она эгоистичное, тщеславное и беспокойное создание, от нее одни неприятности. Предоставь ее собственной судьбе!

— Если бы она не была тщеславна, я бы стал подозревать ее в глупости, — с чувством возразил Рейш.

Дирдирмен поцеловал кончики пальцев — жест, распространенный на Земле среди средиземноморских народов.

— Если хочешь узнать, что такое подлинная красота, посмотри на женщин моего племени. Ах! Изящные создания, кожа белее снега, голова безволосая и блестящая, как зеркало! Они так похожи на Дирдиров, что даже Дирдиры бывают ими очарованы... У каждого свой вкус. Эта девица из Кета всегда будет источником всяческих бед. От таких женщин обязательно надо ожидать неприятностей, как дождя от тучи. Посмотри, сколько ты уже испытал из-за нее!

Адам пожал плечами и ударил ногой своего коня. Они двинулись на восток по дороге через степь, к горе серовато-белого мусора — руинам древнего города Перы.

Когда солнце стояло уже высоко в небе, спутники наконец въехали в город, отвели прыгунок в стойло и перешли площадь, направляясь к длинному, наполовину ушедшему в землю зданию постоялого двора. Солнце светило им в спину.

Общая комната была полна посетителей, поглощавших свой скудный обед. Не было видно ни Тразы, ни Илин-Илан. Они не нашли их и в комнатке на втором этаже. Снова спустившись вниз, Рейш обратился к хозяину:

— Где мои друзья: мальчик и девушка из Кета? Их нигде нет!

Хозяин постоялого двора, сделав кислую гримасу, отвел глаза, избегая смотреть на Рейша.

— Ты сам должен знать, где она — как могло быть иначе? А твой парень проявил неразумие и стал бесноваться. Щелкуны проломили ему голову и уволокли, чтобы повесить.

Стараясь говорить ровно и спокойно, Рейш спросил:

— Как давно это случилось?

— Не очень давно. Он, верно, еще дрыгается. Парень твой дурак. Куда ему сохранить такую соблазнительную девчонку!

- Они отвели девушку в башню Нага Гахо?
- Так я полагаю. Какое мне до этого дело? Нага Гахо делает все, что ему захочется, — его все боятся в Пере.
- Рейш повернулся к Анахо и передал ему свою сумку, вынув оттуда только пистолет.
- Возьми мои вещи. Если я не вернусь, храни их.
- Ты снова собираешься рисковать жизнью? — неодобрительно удивленно спросил дирдирмен. — А как же те вещи, что забрали у тебя Синие Часчи?
- Это может подождать, — ответил Адам и бегом направился к цитадели.

Глава 9

Лучи низко стоявшего на небе солнца озаряли каменные платформы и бетонные блоки, окружавшие виселицу. Цвета были необычайно яркими для Тчаи: особую густоту приобрели даже серые, коричневые и горчичные оттенки, тона, обычные для древней планеты; яркими казались и истрепанные одежды горожан, которые пришли посмотреть на казнь. Огненными пятнами горели темно-красные жилеты шести шелкунов-стражников и палачей. Двое стояли у веревки, свисавшей с перекладины, двое поддерживали Тразу, едва державшегося на подгибающихся ногах. Голова его была низко опущена, на лоб стекала струйка крови. Один из шелкунов в небрежной позе прислонился к столбу, держа в руках самострел. Еще один обратился громким голосом к апатичным, похожим на стадо покорных овец, горожанам, толпящимся перед виселицей:

— По приказу нашего повелителя этот взбесившийся преступник, осмелившийся сопротивляться страже, должен быть повешен!

Петлю с различными церемонными жестами накинули Тразу на шею. Он поднял голову, обвел толпу остекленевшими глазами. Если он и заметил Рейша, то не показал вида.

— Пусть наказание этого невежи и насильника, не желавшего подчиниться воле Нага Гохо, послужит всем назиданием!

Рейш, обойдя толпу, медленно подошел к виселице. Сейчас не время раздумывать и церемониться — если такое время вообще может наступить на Тчаи. Шелкуны, державшие петлю, заметили, что Рейш близко подошел к ним, но его походка была такой небрежной, что они не обратили внимания и отвернулись от него, ожидая сигнала. Быстрым движением Рейш всадил нож в сердце ближайшему. Тот издал какой-то хрипящий звук и упал. Стоящий рядом обернулся; молниеносным взмахом ножа Рейш перерезал ему глотку, потом бросил нож в третьего, который стоял у столба, и раскрыл ему череп. В одно мгновение от семи шелкунов осталось трое. Рейш сде-

лал выпад своей саблей и свалил того, кто читал собравшимся горожанам приговор, но в это время те двое, что держали Тразу, бросились на него, вытаскивая из ножен сабли и толкая друг друга. Рейш отскочил, прицелился из самострела и выстрелил в переднего; второй, единственный из шелкунов, оставшийся в живых, в нерешительности остановился. Рейш набросился на него, выбил из рук саблю и повалил ударом по голове. Сняв петлю с Тразы, он туго затянул ее на шею упавшего шелкуна и кивнул двоим из стоявших в переднем ряду зрителей, которые с открытыми ртами наблюдали за происходящим.

— Ну-ка, тяните, тяните петлю. Мы повесим не мальчика, а шелкуна.

Люди стояли в нерешительности, и Адам крикнул:

— Тяните за веревку, я отвечаю за все! Мы покажем Нага Гохо, кто правит Перой! На виселицу шелкуна!

Несколько человек подскочили к веревке: высоко в воздух взмыл шелкун, извиваясь и дергая ногами. Рейш подбежал к лебедке. Он развязал узлы на веревке, которая держала клетку, опустил ее на землю, открыл. Иссохший скелет, съжившийся в клетке, не мог пошевелиться — судорога пронизала его тело. Он поднял голову в боязливом ожидании, потом со слабой надеждой попытался подняться, но слишком ослаб. Рейш нагнулся и помог ему встать на ноги. Потом он сделал знак человеку, первому ухватившемуся за веревку.

— Отведи этого человека и мальчика на постоянный двор, проследи, чтобы о них как следует позаботились. Вы больше не должны бояться шелкунов. Заберите оружие у убитых. Если появятся новые бандиты, убивайте их! Понятно? В Пере больше не должно быть ни шелкунов, ни налогов, ни казней, ни Нага Гохо!

Люди боязливо подобрали оружие, потом стали смотреть вверх, туда, где стояла цитадель.

Рейш подождал несколько минут, пока не убедился, что Троза и бывшего узника повели к постоянному двору, потом побежал по склону холма к грубому сооружению, которое Нага Гохо называл своим дворцом.

Стена, сложенная из обломков камня и кусков треснувших бетонных блоков, преграждала тропинку, замыкая двор. Около дюжины шелкунов развалились на скамьях за длинным столом; они пили пиво и жевали куски солонины. Рейш огляделся и осторожно пошел вдоль стены.

Под стеной шел обрывистый склон. Адам тесно прижался к прохладной поверхности, стараясь укрыться в углублениях и неровностях бетонных блоков. Наконец он дошел до отверстия: грубо прорезанного окна, закрытого железной решеткой. Рейш осторожно заглянул внутрь, но видел лишь непроглядную темноту. Дальше было большое окно, но подойти к нему было очень трудно — узенькая дорожка шла

над обрывом высотой более семидесяти футов. Адам постоял в нерешительности, потом пошел по тропинке, медленно переставляя ноги и цепляясь кончиками пальцев за малейшие неровности. В опускающемся сумраке Рейш был едва различим — он почти сливался со стеной. Под ним расстилась древняя Пера, среди руин замигали желтые огоньки. Наконец Рейш дошел до окна, затянутого камышовой плетенкой. Он посмотрел сквозь щель в комнату. Это была спальня. На постели ясно видны очертания спящего человека, по всей вероятности женщины. Спящей ли? Рейш еще раз заглянул в темную комнату. Руки неизвестной подняты, словно умоляя о пощаде, ноги раскинуты. Она лежала совершенно неподвижно. Мертва.

Сорвав камышовую плетенку, Рейш вошел в комнату. Женщину ударили по голове, потом задушили; рот ее был открыт, распухший язык вылез наружу. «Она была красива, — подумал Рейш, — а сейчас на нее страшно взглянуть».

Рейш бесшумно шагнул к двери, выглянул в сад. Из арки, находящейся напротив двери, доносились голоса.

Пройдя через двор, Рейш заглянул через арку в большой зал, увешанный коврами с желтыми, красными, черными узорами. Толстые ковры на полу заглушали шаги: здесь стояли большой стол из почерневшего от древности дерева и тяжелые стулья. Под большим канделябром, сверкающим желтыми огоньками, сидел Нага Гохо. Перед ним стояло блюдо с едой, с плеч свисал роскошный меховой плащ. Напротив него сидела Илин-Илан — Цветок Кета, голова ее была опущена, волосы висели, закрывая лицо. Руки были сложены на коленях, и Рейш заметил, что запястья связаны кожаными шнурами.

Нага Гохо ел жеманно, кладя в рот небольшие кусочки двумя пальцами. Между глотками он что-то говорил и щелкал бичом с короткой ручкой, получая явное удовольствие от своей зловещей игры.

Цветок Кета сидела неподвижно, не поднимая глаз. Рейш некоторое время наблюдал за своим врагом и слушал непристойности, которые произносил самозванный повелитель Перы, чувствуя себя акулой, которая вот-вот набросится на свою жертву. Он испытывал страх и отвращение и вместе с тем предвкушал сладость мести.

Он неслышно вошел в комнату. Илин-Илан подняла голову, но не подала вида, что заметила его. Рейш сделал ей знак молчать, но Нага Гохо поймал ее взгляд и резко обернулся, вскочил на ноги, так что драгоценный меховой плащ свалился на пол.

— Ха хо! — бешено завопил он. — Крыса во дворце!

Он попытался достать свою саблю из ножен, висевших на спинке кресла. Но Рейш опередил его. Не удостоив Нага Гохо удара саблей, он выбросил вперед кулак — и властелин Перы, перелетев через стол, едва не растянулся на полу, но, обладая незаурядной ловкостью и силой, перевернулся в воздухе и встал на ноги. Рейш бросился на него, однако вскоре убедился, что Нага Гохо так же овладел искусством

борьбы, как и Рейш, знающий изощренные приемы, придуманные жителями Земли. Чтобы привести в замешательство Нага Гохо, Рейш нанес ему несколько ударов в челюсть левой рукой. Когда Нага Гохо схватил его за эту руку, чтобы вывернуть и сломать кость или перебросить его через плечо, Рейш ринулся вперед и ребром ладони правой руки нанес удар противнику. Нага Гохо, сделав отчаянное усилие, попытался пустить в ход ноги, но Рейш был готов к этому; схватив врага за ступню, он потянул изо всех сил, вывернул ему ногу, поднял как можно выше и сломал щиколотку. Нага Гохо упал на спину, Рейш ударил его ногой по голове; через минуту тот лежал с руками, связанными за спиной, и с кляпом во рту.

Рейш освободил Илин-Илан. Она закрыла глаза. Девушка выглядела такой бледной и измученной, что Рейш подумал: «Сейчас она упадет в обморок». Но она встала и, рыдая, припала к его груди. Он обнял ее, погладил по голове и произнес:

— Давай уйдем отсюда. До сих пор нам везло, но счастье может изменить. Там, внизу во дворе, дюжина воинов.

Рейш обвязал кожаным шнуром шею Нага Гохо.

— Вставай, быстро! — приказал он.

Нага продолжал лежать, выпучив глаза, что-то свирепо бормоча сквозь кляп. Рейш, взяв бич, ударил его по лицу.

— Встать! — Он потянул за шнур, и бывший предводитель щелкунов поднялся на ноги.

Ведя на шнуре Нага Гохо, который еле ковылял, морщась от нестерпимой боли, они пересекли проход, освещенный чадающими масляными светильниками, и вошли во двор, где за кружками пива сидели щелкуны.

Рейш передал конец шнура Илин-Илан.

— Иди через двор спокойно, не торопись. Не обращай внимания на этих людей. Отведи Гохо на дорогу.

Илин-Илан, взяв в руку шнур, прошла через двор, ведя за собой пленника. Щелкуны, сидевшие на скамьях, повернулись, с удивлением глядя на нее. Нага Гохо что-то настойчиво и быстро прохрипел; щелкуны нерешительно встали. Один из них медленно двинулся вперед. Рейш вышел во двор, держа в руках самострел.

— Назад! Сесть!

Щелкуны отступили, Рейш пробежал через двор. Илин-Илан и Нага Гохо спускались по склону холма. Рейш обратился к щелкунам:

— С вашим вожакom все кончено. И вам тоже пришел конец. Когда будете выходить из дворца, лучше вам оставить здесь оружие. — Он ступил на неосвещенную дорогу. — Не пытайтесь нас преследовать.

Он остановился и стал ждать. Со двора донесся взволнованный разговор. Двое щелкунов двинулись к выходу. Рейш встал в воротах, выстрелил в переднего из самострела и снова отступил в темноту. Прислушиваясь, он перезарядил оружие: во дворе царила полная ти-

шина. Рейш снова заглянул внутрь. Все шелкуны стояли на противоположном конце двора, глядя на убитого товарища. Рейш повернулся и побежал по дороге; Илин-Илан изо всех сил старалась сдерживать Нага Гохо, который дергал за шнур, чтобы притянуть к себе девушку, обрушиться на нее всей своей тяжестью и сбить с ног. Рейш выхватил у нее из рук шнур и потянул спотыкающегося и подскакивающего на одной ноге бывшего предводителя шелкунов к подножию холма.

Обе луны — Аз и Браз — взошли на небо: белые развалины древней Перы, казалось, светились слабым внутренним светом.

На площади стояла толпа, собравшаяся, чтобы послушать невероятные слухи, готовая рассеяться среди руин, если будет замечен отряд шелкунов, спускающихся с холма. Увидев лишь Рейша, девушку и ковыляющего Нага Гохо, люди стали подходить ближе, издавая удивленные восклицания.

Рейш остановился и оглядел обращенные к нему лица, бледные при свете лун. Он сильно дернул за шнур и улыбнулся тем, кто стоял в передних рядах.

— Ну вот вам ваш Нага Гохо. Он больше не ваш предводитель. Он разбойничал больше, чем можно было стерпеть. Что будем с ним делать?

Толпа неуверенно задвигалась: люди переводили глаза с Нага Гохо на Рейша и снова на предводителя шелкунов, который вглядывался в окружающие лица, словно стараясь запомнить их, чтобы потом жестоко отомстить. Дрожащий от ненависти, хриплый, низкий женский голос произнес:

— Содрать с него кожу, освежевать скотину!

— Посадить на кол! — пробормотал какой-то старик. — Он казнил так моего сына; пусть попробует, как сладко сидеть на колу!

— На костер! — визгливо завопил третий голос. — Сжечь его на медленном огне!

— Никто и не предлагает его помиловать, — заметил Рейш. Он повернулся к Нага Гохо. — Пришло время умирать. — Он вынул кляп у него изо рта. — Хочешь сказать людям что-нибудь?

Нага Гохо не мог найти слов, он лишь издавал какие-то странные гортанные звуки.

Рейш обратился к собравшимся:

— Давайте покончим с ним быстро, хотя он наверняка заслужил самое худшее. Ты, ты и ты... — указал он рукой на троих из толпы. — Снимите шелкуна. Эту петлю надо освободить для Нага Гохо.

Через пять минут лунный свет озарял темную фигуру, конвульсивно дергающуюся в петле. Рейш обратился к толпе:

— Я недавно прибыл в Перу. Но мне ясно, как, наверное, и всем вам, что город нуждается в том, чтобы им управляли порядочные люди, способные поддерживать порядок. Посмотрите, как этот Нага

Гохо и кучка негодяев держали в страхе всех вас! Вы же люди! Почему вы ведете себя как стадо неразумных животных? Завтра вы должны все собраться и выбрать пятерых опытных и честных людей, которые образуют Совет Старейшин. Пусть с общего согласия они назначат предводителя, скажем на год, который будет судить и наказывать преступников. Вы должны организовать ополчение, набрать и вооружить отряд воинов, которые будут отражать нападения Зеленых Часчей и даже смогут изгнать их из окрестных земель или уничтожить. Мы ведь люди! Никогда не забывайте об этом! — Он взглянул на вершину холма, где стояла цитадель. — Десять или одиннадцать щелкунов еще находятся в этом здании. Завтра ваш Совет решит, как с ними поступить. Они могут попытаться ударить. Я бы посоветовал вам установить стражу: двадцати человек, расположенных на дороге, будет достаточно. Рейш указал на высокого чернобородого человека. — Ты мне кажешься смелым и решительным парнем. Возьми это на себя. Ты капитан. Выбери две дюжины из своих товарищей или, если хочешь, побольше, вели им стеречь дорогу. А сейчас я должен пойти посмотреть, как чувствует себя мой друг.

Адам и Илин-Илан направились к постоялому двору «Мертвая степь». Уже повернувшись, они услышали, как чернобородый сказал:

— Ну ладно. Несколько лет мы вели себя как жалкие трусы. Сейчас все будет по-иному. Двадцать вооруженных мужчин: ну-ка, кто выступит вперед? Нага Гохо отделался легко — его всего лишь повесили; для щелкунов мы придумаем что-нибудь получше.

Илин-Илан взяла руку Рейша, поцеловала ее.

— Благодарю тебя, Адам.

Рейш обнял девушку, она остановилась, прижалась к нему и зарыдала. Рейш поцеловал ее в лоб, потом, когда она подняла лицо, — в губы, несмотря на то, что раньше поклялся себе проявлять сдержанность.

Они вернулись на постоянный двор. Траз спал в комнате, соседней с общей. Рядом с ним сидел дирдирмен.

— Ну, как он? — спросил Рейш.

— Ничего страшного, — приглушенным голосом ответил Анахо. — Я промыл его рану. Просто ссадина, кости черепа целы. Завтра он будет на ногах.

Адам зашел в общую комнату. Илин-Илан нигде не было видно. Рейш не спеша утолил голод миской похлебки и поднялся в комнату на втором этаже. Цветок Кета ждала его там.

Она сказала:

— У меня есть еще одно имя, самое тайное, его можно открыть только любовнику. Если ты подойдешь поближе...

Рейш наклонился к девушке, и она прошептала ему на ухо свое самое тайное имя.

На следующее утро он отправился в южную часть города, где находились склады товаров, которые отвозили в Дадиче на высоких повозках. Вокруг громоздились корзины, мешки и ящики, наполненные местными товарами. Рокотали колеса повозок, подъезжающих к месту погрузки, потные грузчики толкались и переругивались, пытаясь найти самое удобное место и не обращая внимания на пыль, вонь, лежащих прыгунов, жалобы охотников и огородников, чьи товары оказывались в непосредственной близости от колес тяжелых повозок, которые грозили их раздавить.

На некоторых повозках обычно ехали двое, старший возчик и его помощник, на меньших — один. Рейш подошел к одному из них.

— Ты отправляешься сегодня в Дадиче?

Возчик, небольшой тощий человечек с блестящими черными глазами, лицо которого, казалось, состояло только из длинного носа и узенького лба, подозрительно мотнул головой.

— Ага.

— А что вы делаете, когда прибываете в Дадиче?

— Я вообще не попаду туда, если буду тратить время на болтовню.

— Не беспокойся, за потерянное время тебе будет заплачено. Так что же вы делаете?

— Я еду к специальной площади, где выгружают товары; носильщики снимают все корзины и ящики, очищают повозку до чиста, приказчик выдает мне расписку; потом я подхожу к окошку и получаю или деньги, или накладные — зависит от того, повезу ли я товары Часчей из города. Если я должен взять в Дадиче товары, я беру накладные, еду на фабрику или на склад, беру их товары и возвращаюсь в Перу.

— Значит, вы можете свободно передвигаться по Дадиче, без всяких ограничений?

— Конечно, ограничения есть. Они очень не любят, когда повозки проезжают вдоль реки среди их садов. Им не нравится, когда люди проникают в южную часть города, где они устраивают бега — говорят, они заставляют Дирдиров бегать в упряжке.

— А как в других местах? У них нет определенных правил?

Возчик, наклонив голову, чтобы ему не мешал его солидный клювообразный нос, с подозрением всмотрелся в Рейша.

— Почему ты задаешь такие вопросы?

— Я хочу поехать с тобой в Дадиче и обратно.

— Это невозможно. У тебя нет разрешения.

— Ты достанешь мне разрешение.

— Понятно. Как я понимаю, ты готов заплатить за это?

— В разумных пределах. Сколько ты хочешь?

— Десять цехинов. И еще пять цехинов за разрешение.

— Это уж слишком! Десять цехинов за все или двенадцать, если отвезешь меня, куда я тебе прикажу.

— Ха! Ты что, считаешь меня дураком? Ты можешь приказать отвезти тебя на полуостров Фаргон.

— Этого можешь не бояться. Немного проедешь в глубь Дадиче — я хочу кое-что осмотреть.

— Согласен за пятнадцать цехинов, ни гроша меньше.

— Ну ладно, — согласился Рейш. — И ты должен достать мне одежду, которую носят возчики.

— Хорошо, но я предупреждаю тебя: не бери с собой ничего металлического — запах металла беспокоит Часчей. Сними всю свою одежду и натрись навозом и вот этими листьями, пожуй травы, чтобы их не раздражал запах у тебя изо рта. И сделай все это тотчас же, потому что я заканчиваю погрузку и отправляюсь через полчаса.

Рейш сделал, как ему было велено, хотя у него чесалось все тело и голова от пропотевших старых лохмотьев возчика и его широкополой шляпы. Эмминк — так назвался возчик — обыскал его, чтобы удостовериться, что при нем нет оружия — ношение любого оружия в пределах города было строго запрещено. Он приколол к плечу Адама пластинку из белого матового стекла.

— Вот это выдают вместо разрешения. Когда пройдешь через ворота, произнеси свой номер, просто «Восемьдесят шесть!». Больше ничего не говори и не сходи с повозки. Если они унюхают, что ты чужак, я ничем не смогу тебе помочь, поэтому на меня не надейся и даже не смотри в мою сторону.

Рейша, который и без того чувствовал себя не очень-то бодро, это замечание несколько не ободрило.

Повозка, грохоча, покатила к западу, к цепи серых холмов. Она была нагружена тушками камышовых грызунов — выпученные желтые глаза и ряды застывших желтых лап представляли довольно неприятное зрелище.

Эмминк был мрачен и молчалив: он не выказывал никакого желания узнать причину визита Рейша в Дадиче, и Адам, после некоторых бесплодных попыток вовлечь возчика в разговор, замолчал.

Повозка поднималась вверх по дороге — генераторы, установленные на ее колесах, выли и стонали. Они въехали в небольшое ущелье, которое Эмминк назвал Белбалский перевал, и перед ними раскинулся город Дадиче: зрелище дикой и какой-то утрашающей красоты. Рейш почувствовал еще большее беспокойство. Несмотря на засаленную одежду, он несколько не походил на других возчиков и мог только надеяться, что пахнет так же, как они. А Эмминк? Насколько он надежен? Рейш неподтишка оглядывал его: высохший человечек, лицо цвета вываренной кожи, огромный нос, узкий лоб и крепко сжатые губы. Человек, который, как Анахо, Траз и сам Рейш, произошел от сыновей далекой планеты — Земли, размышлял он. И он действительно

но очень далек от земных людей! Эмминк стал человеком с Тчаи, выросшим на ее скудной почве, среди мрачного ландшафта, под янтарным светом гаснущего солнца, неярких густых тонов. Нет, он не может положиться на Эмминка! Оглядывая обширную панораму Дадиче, Адам спросил:

— Где ты разгружаешь свою повозку?

Эмминк ответил не сразу, словно искал предлог, позволяющий избежать ответа.

— Там, где дадут лучшую цену, — ворчливо ответил он наконец. — Может быть, на Северном рынке или на Речном, а может быть, на ярмарке.

— Понятно, — ответил Рейш. Он указал на большое белое здание, которое отметил прошлым днем. — А вот этот дом, вон там, что это такое?

Эмминк равнодушно пожал своими узкими плечами.

— Это не мое дело. Я покупаю, перевожу и продаю; больше меня ничего не касается.

— Понимаю. Ну ладно, я хочу, чтобы ты проехал мимо этого здания.

— Это мне не по дороге, — проворчал возчик.

— Мне плевать. За это я тебе плачу.

Тот снова что-то проворчал и минуту сидел молча. Потом произнес:

— Сначала на Северный рынок, чтобы я мог зарегистрировать свой товар, потом на ярмарку. По пути мы проедем мимо твоего дома.

Они съехали с холма, потом миновали пустошь, усеянную мусором и всякими отбросами, затем — сад, где росли кусты с перистыми листьями, над которыми летали яркие черно-зеленые насекомые. Впереди поднималась стена, окружающая Дадиче, вышиной в тридцать футов, возведенная из какого-то блестящего коричневого, очевидно синтетического материала. Через ворота в город проезжали повозки из Перы, которые осматривала группа часчменов в пурпурных шароварах, серых рубашках и высоких остроконечных шапках из черного фетра. На поясе у них были сабли, в руках — длинные острые жерди, которыми они ощупывали груз на прибывающих повозках.

— Зачем они это делают? — спросил Рейш, когда часчмены вяло и равнодушно принялись прокалывать груз на повозке, стоявшей впереди.

— Чтобы Зеленые Часчи не пробрались в город. Сорок лет назад сотня Зеленых Часчей проникла в Дадиче, спрятавшись на повозках среди ящиков и мешков; они пролили здесь много крови, прежде чем их всех перебили. О, Синие Часчи — злейшие враги Зеленых, им только и дай убивать друг друга!

— А что я отвечу, если они начнут задавать мне вопросы? — спросил Рейш.

Эмминк пожал плечами.

— Это твое дело. Если спросят меня, я скажу, что ты заплатил мне, чтобы я доставил тебя в Дадиче. Разве это не правда? Скажи им что-нибудь другое, если у тебя хватит смелости... Выкрикни свой номер, когда я буду кричать мой.

Рейш кисло улыбнулся, но ничего не сказал.

Очередь дошла до них. Эмминк проехал ворота и остановился у красного прямоугольника.

— Сорок три! — прохрипел он.

— Восемьдесят шесть! — изо всех сил крикнул Рейш.

Часчмены выступили вперед, прокололи железными прутьями кучу наваленных тушек камышовых грызунов. Один из них обошел повозку сзади, коренастый кривоногий человек с лицом, словно придавленным книзу, скошенным, как у Эмминка, подбородком, с маленьким носом-картошкой. Низкий лоб нависал еще больше под тяжестью фальшивого черепа, поднимающегося конусом в шесть-семь дюймов над его собственным черепом. Кожа часчмена была свинцового цвета с синим оттенком — впрочем, это могла быть краска. Пальцы его были короткими и толстыми, ступни широкими. Рейш подумал, что он дальше отошел от своих земных предков, особенно от современных землян, чем Анахо-дирдирмен. Часчмен безразлично оглядел Эмминка и Адама и отступил от повозки, махнув рукой. Возчик взялся за рычаг, и они двинулись вперед по широкой улице.

Эмминк с кривой улыбкой обратился к Рейшу:

— Тебе повезло, что не было никого из Часчей, особенно их капитана. Они бы учуяли, как ты потеешь. Даже я почувствовал запах. Это признак страха. Если хочешь сойти за возчика, научись быть хладнокровнее.

— Ты слишком многого хочешь от меня, — возразил Рейш. — Я стараюсь как могу.

Повозка катилась по городу. В садах были видны Синие Часчи, подрезающие деревья, передвигающие каменные вазы, спокойно прогуливающиеся в тени, окружающей их дома, крытые круглыми куполами. Иногда Рейш ощущал запахи, исходящие из сада или от вазы с цветами: терпкие, резкие, острые; запахи горящего смолистого дерева, сладковатого мускуса — странные сочетания ароматов, волнующие своей неопределенностью; он не мог сказать, противны ли они ему или, наоборот, притягивают своей изысканной необычностью.

Дорога вдоль домов Часчей тянулась несколько миль. Синие Часчи совершенно не заботились о том, чтобы хранить в тайне свою частную жизнь, и дома часто находились очень близко от дороги. Сейчас можно было их видеть за работой. Но Рейш не заметил ни единого случая, чтобы Часчи трудились рядом с часчменами, — они работали отдельно и, если случайно оказывались рядом, делали вид, что не замечают друг друга.

Эмминк ехал молча. Адам выразил удивление, что Синие Часчи почти не обращают внимания на проезжающие мимо повозки. Эмминк презрительно фыркнул.

— Не обманывайся! Если думаешь, что они тебя не замечают, попробуй сойти с повозки и войти в сад или в дом! Не успеешь глазом моргнуть, как тебя скрутят и отошлют в цирк, где ты будешь их потешать. Хитрые, коварные твари! Настолько же нелепые, насколько жестокие! Подлые и безжалостные! Слышал, какую шутку они сыграли с несчастным Фосфером Аяном, возчиком? Он всего на минуту спустился с повозки, чтобы сходить по нужде: конечно, это была страшная глупость с его стороны. Разве трудно было предвидеть последствия? Так вот, ему связали ноги и посадили в чан, наполненный нечистотами, доходящими до подбородка. На дне чана находился клапан. Нечистоты подогревались, и когда становилось уж очень горячо, Фосфер Аян должен был нырять на дно и открывать клапан. Тогда нечистоты замерзали, и он снова должен был нырять, так что эта дрянь то обжигала его, то морозила. И все же он не потерял самообладания — выдержал целых четыре дня, и тогда они отпустили его, чтобы он всем рассказывал в Пере, как его наказали. Как понимаешь, они каждый раз приноравливают свои шутки к обстоятельствам — таких весельчаков еще свет не видывал! — Эмминк измерил Рейша оценивающим взглядом. — А что ты хочешь им сделать? Я могу почти что точно предсказать, как они тебя накажут.

— Ничего я не хочу им сделать! — ответил Рейш. — Мне просто интересно, вот и все. Я хочу знать, как живут Синие Часчи.

— Они живут только ради своих безумных штучек; все считают их сумасшедшими и ненавидят. Я слышал, что они особенно любят страивать бешеных Зеленых Часчей и ненормальных фунгов — это у них считается лучшей забавой. Если удастся поймать Дирдира и Пнума, они заставляют их проделывать всякие вещи, которые им кажутся смешными. И все это для забавы — больше всего Синие Часчи боятся скуки.

— Удивительно, почему Дирдиры не начали войну с Часчами до полной победы, — заметил Рейш, — разве Дирдиры не сильнее Синих Часчей?

— Конечно, сильнее, и их города больше — по крайней мере так мне говорили. Но у Часчей есть снаряды, которыми они смогут разрушить все города Дирдиров, если те нападут на них. Обычное дело: каждый из противников так силен, что может уничтожить другого, поэтому они не решаются на большее, чем доставлять друг другу мелкие неприятности... Ну ладно, пока меня не трогают, и я ни на кого не буду обращать внимания... Вон там, впереди, Северный рынок. Посмотри, всюду полно Синих Часчей. Они любят торговаться, хотя предпочитают жульничать. Ты должен молчать. Не делай

никаких знаков, не кивай и не подмигивай. Иначе они могут сказать, что я продал негодный товар.

Эмминк повернул повозку на площадку, которую защищал от солнечных лучей огромный зонтик. Начался самый свирепый торг, который Рейшу пришлось видеть за всю жизнь. Синие Часчи поочередно подходили к нему, осматривали и ошупывали тушки камышовых грызунов и квакающим голосом предлагали цену, которую Эмминк с негодующим возгласом отвергал. Несколько минут покупатель и продавец осыпали друг друга оскорблениями, не останавливаясь даже перед намеками на внешность, и наконец Часч внезапно сердито отворачивался и шел искать, где купить грызунов в другом месте.

Эмминк лукаво подмигнул Адаму.

— Иногда я поднимаю цену, просто чтобы подразнить Часчей. Но сейчас благодаря этому я знаю, какая цена на грызунов. Пойдем попытаем счастья на ярмарке.

Рейш хотел было напомнить Эмминку о большом белом доме, но передумал. Хитрец ничего не забыл! Он повернул, поехал по дороге, идущей в глубь земли Часчей к югу, на четверть мили от реки, где были сады и жилища Часчей. Слева находились небольшие дома, покрытые куполами, хижины, разбросанные среди деревьев с редкой листвой, и дворы, где в грязи копошились голенькие детишки. Возчик, искоса посмотрев на спутника, заметил:

— Вот так начинаются Синие Часчи, по крайней мере так объяснял мне один часчмен. Видно, его это очень занимало — так любовно описывал он все мелочи.

— Что же он говорил?

— Часчмены считают, что в каждом из них заключен зародыш, который растет, пока живы, а когда умирают, выходит у них из тела и становится настоящим Часчем. Так учат Синие Часчи — разве не смешно?

— Очень, — согласился Рейш. — Разве часчмены никогда не видели человеческого труп? Или детенышей Синих Часчей?

— Конечно, видели. Но у них на все есть объяснение. Они хотят верить этому — как им иначе оправдать то, что они находятся в рабстве?

«Эмминк, по всей вероятности, вовсе не так глуп, как кажется. Нельзя судить по внешности», — подумал Рейш.

— Они, наверное, считают, что Дирдиры зарождаются в дирдирменах, а Ванкхи в ванкхменах?

— Не могу сказать, — пожал плечами Эмминк. — Наверное, они так считают. А теперь смотри: там находится дом, который тебе нужен.

Квартал хижин часчменов остался позади, его скрыли заросли бледно-зеленых деревьев с большими коричневыми цветами. Повозка объезжала самый центр города. Вдоль улицы тянулись большие

здания-конторы или залы для собраний; они стояли на невысоких арках, их кровли были причудливо изогнуты. Напротив одного из таких зданий возвышалось сооружение, в котором, по предположению Адама, хранился бот. Оно было длиной и шириной с футбольное поле, с низкими стенами и огромной крышей в форме эллипса — по всем меркам вычурный и помпезный архитектурный фокус.

Рейш не мог понять, для чего служило это сооружение. В доме имелось несколько дверей, но не видно было больших ворот, через которые могла бы проехать какая-нибудь большая машина. У Рейша сложилось впечатление, что они едут вдоль заднего фасада здания.

На ярмарке Эмминк продал свой товар после жестокой торговли. Рейш держался в стороне от покупателей — Часчей, стараясь, чтобы ветер дул в его сторону.

Эмминк был не вполне удовлетворен. Выгрузив товар, он вернулся к повозке, ворча:

— Я должен был получить еще по крайней мере двадцать цехинов; тушки были первый сорт... Но разве этим Синим что-нибудь втолкуешь? Один из них устался на меня и пытался что-то вынюхать: ты так сгибался и съезживался, что возбудил подозрения старухи из Часчей. По всей вероятности, ты должен возместить мне мои убытки.

— Сомневаюсь, чтобы ты продешевил, — сказал Рейш. — Давай поедем назад.

— А мои недополученные двадцать цехинов?

— Забудь о них — они тебе приснились. Посмотри, Синие на нас смотрят.

Эмминк быстро прыгнул на свое сиденье и завел машину. Вероятно, специально, чтобы досадить спутнику, поехал по той же дороге.

— Поезжай по восточной дороге, — резко сказал Рейш. — Чтобы мы объехали тот дом спереди; больше никаких штучек.

— Я всегда еду по западной дороге, — заныл возчик. — Почему я должен теперь ехать по-другому?

— Для тебя же будет лучше...

— Ах, угрозы? В самом центре Дадиче? Стоит мне только сделать знак Синему...

— Это было бы последним «знаком» в твоей жизни.

— А как мои двадцать цехинов?

— Ты уже взял с меня пятнадцать да еще получил деньги за свой товар. Никаких жалоб! Делай как я говорю, или я сверну тебе шею.

Изымая ругательства, пытая, сердито глядя на Рейша, Эмминк все же повиновался.

Впереди показалось белое здание. Дорога шла параллельно его переднему фасаду на расстоянии примерно семидесяти пяти ярдов. Между дорогой и домом пролежала полоса деревьев. От главной улицы к дому отходила улица поуже. Если бы они свернули на нее, то

внушили бы сильнейшие подозрения, поэтому они продолжали путь по главной улице вместе с другими повозками и маленькими тележками, в которых сидели Синие Часчи. Рейш жадно оглядывал дом. Три больших портала прорезали фасад. Центральный и левый портал были закрыты, правый — открыт. Когда они проезжали мимо, Рейш заглянул внутрь и увидел путаницу разных машин, сияние расплавленного металла, корпус плоского летательного аппарата, похожего на тот, что вытащил из болота разведывательный бот.

Рейш повернулся к Эмминку.

— Это здание — завод, где строят летательные аппараты и космические корабли.

— Ну конечно, — проворчал возчик.

— Я столько раз спрашивал тебя. Почему ты мне это не сказал?

— Ты не платил за сведения. Я ничего не отдаю даром.

— Провези меня снова вокруг здания.

— Заплатишь еще пять цехинов.

— Два. И никакого нытья, иначе выбью все зубы!

Изрыгая приглушенные ругательства, Эмминк повернул повозку.

— Ты когда-нибудь заглядывал в это здание, видел, что находится посередине или слева? — спросил Адам.

— Конечно. Несколько раз.

— Что там находится?

— Сколько заплатишь?

— Немного. Я сам туда заглянул.

— Цехин?

Рейш коротко кивнул.

— Иногда открыты и другие ворота. В середине они изготавливают целые секции космических кораблей, потом их выкатывают и собирают в другом месте. Слева они строят мелкие космические корабли, когда им это нужно. В последнее время здесь дело не спорится — Синие Часчи разлюбили космические путешествия.

— Ты видел, как они привозят сюда космические корабли — все равно, большие или маленькие — для починки? Может, видел это несколько месяцев назад?

— Нет. А почему ты спрашиваешь?

— Тебе придется заплатить за информацию, — ответил Рейш.

Эмминк показал в улыбке большие пожелтевшие зубы, оценив остроту, и больше ничего не спрашивал.

Они проехали мимо еще раз.

— Не спеши, — приказал Адам Эмминку, который изо всей силы нажал на рычаг, так что старая повозка затарахтела по улице с наибольшей доступной ей скоростью.

Эмминк неохотно сбавил скорость.

— Если мы поедem медленно, они обратят на нас внимание и станут расспрашивать, почему мы суем нос куда не следует.

Рейш посмотрел на улицу, расположенную рядом с белым зданием, по которой шли несколько Часчей и толпа часчменов.

— Сьезжай с дороги, — сказал он Эмминку, — останови свою повозку на пару минут.

Эмминк принялся, как обычно, возражать, но Рейш потянул за рычаг, и они остановились. Эмминк с ненавистью посмотрел на него: от бешенства он даже не мог найти слов.

— Выйдя, сделай вид, что починяешь колесо или мотор, — сказал Рейш. — Займись чем-нибудь. — Он спрыгнул на землю и постоял немного, глядя на здание, которое, без сомнения, было заводом. Ворота справа были открыты. Так близко и вместе с тем так далеко... Если бы только пересечь эти семьдесят пять ярдов до ворот и заглянуть внутрь!

А потом что? Предположим, он увидит свой бот. Он, конечно, не будет в рабочем состоянии: техники Синих Часчей наверняка разобрали его, хотя бы частично. «Они наверняка удивлены и заинтригованы тем, что увидели», — подумал Рейш. Технология, сама инженерная мысль — вся система мышления, вероятно, будет странной и непонятной для Часчей. Их, без сомнения, еще больше удивит то, что в боте находится труп человека. Положение было в высшей степени затруднительным. Бот, очевидно, находится внутри здания в разобранном виде, так что его нельзя будет использовать. Возможно, его здесь нет. Даже если бот здесь... Рейш не имел ни малейшего представления, как его забрать. Если в доме нет ничего, кроме передатчика Пола Уондера, Рейш должен будет пересмотреть свои планы... Но сейчас прежде всего необходимо осмотреть завод изнутри. Казалось, это не представляет особых трудностей. Пройти семьдесят пять ярдов и заглянуть внутрь... Но он не решался. Если бы он мог как-то изменить свою внешность, чтобы обмануть Синих Часчей, например, преобразиться в часчмена... Нет, ничего не выйдет.

Размышления заняли не больше минуты, но Эмминк начал проявлять беспокойство. «Надо посоветоваться с возчиком», — решил Рейш.

— Эмминк, — сказал он, — предположим, ты хочешь узнать, находится ли определенный предмет — например небольшой космический корабль — внутри этого здания. Как ты бы проник туда?

Эмминк фыркнул:

— Во-первых, я никогда не помыслил бы о подобном безумии. Я бы просто оставался на своей повозке и поскорее убрался отсюда, пока жив.

— Ты не можешь придумать какой-нибудь предлог, чтобы нам туда войти?

— Нет! Что за выдумки!

— Или чтобы проехать рядом с воротами?

— Нет, нет! Конечно нет!

Рейш жадно оглядывал здание и особенно открытые ворота. Так близко и совершенно недоступно... Его охватила бешеная злость на себя самого, идиотское положение, в которое он попал, на Синих Часчей, Эмминка, всю планету Тчаи. Семьдесят пять ярдов — пробежать их он сможет за каких-нибудь полминуты.

— Подожди здесь! — коротко сказал он спутнику и пошел широким шагом через усаженную деревьями полосу.

— Эй, иди сюда. Вернись! — хрипло крикнул возчик. — Ты что, сошел с ума?

Но Адам только ускорил шаг. На дорожке у самого завода стояли несколько часчменов, очевидно, рабочие, которые не обратили на него никакого внимания. Рейш дошел до дорожки. До открытых ворот оставалось всего десять шагов. Из ворот вышли три Часча. У Рейша сильно забилось сердце, ладони стали влажными. Часчи, должно быть, учуяли запах его пота: запах страха. Но может быть, занятые своими делами, они не обратят на него внимание? Склонив голову, прикрыв лицо полями широкополой шляпы, Рейш быстро прошел мимо них. Потом, когда лишь несколько футов отделяли его от ворот, все трое быстро обернулись, словно одновременно почувствовали что-то подозрительное. Один из Часчей окликнул его странным булькающим прерывающимся голосом: очевидно, органы, с помощью которых он говорил, отличались от человеческих голосовых связок.

— Человек! Куда ты идешь?

Адам остановился и ответил фразой, которую придумал, когда свернул с главной улицы:

— Я пришел за стружками.

— Какими стружками?

— За воротами, в коробке, так мне сказали.

— Ах! — Резкий, шипящий, словно задыхающийся звук — очевидно, смех. — Здесь нет никаких стружек!

Один из Часчей что-то тихо пробормотал, и все трое зашипели, очевидно, так Часчи смеялись.

— Ах, стружки? Не здесь. Вот там: видишь это здание позади? Там стружки!

— Спасибо, — ответил Рейш. — Я только посмотрю, и все.

Он прошел несколько шагов, отделяющих его от ворот, и заглянул в огромный зал, шумный от рокота разных машин, пахнувший смазочным маслом и озоном. Недалеко от ворот изготовляли части летательных аппаратов. Синие Часчи и часчмены работали бок о бок, не было заметно никаких признаков кастовых различий. Вокруг стен, как и на земных фабриках или машиностроительных заводах, были установлены краны, крюки и различные емкости. В центре стояла цилиндрическая секция будущего космического корабля. Дальше, еле заметный, виднелся знакомый силуэт: космический бот. Корпус, кажется, не поврежден. Рейш не заметил никаких призна-

ков того, что корабль пытались разобрать, но точно сказать было трудно — он стоял слишком далеко. За спиной толпились Часчи, глядя на него, чуть-чуть наклонив массивные головы, словно прислушиваясь. Адам понял, что они его вынюхивают. Внезапно создания резко выпрямились, как будто запах заинтересовал их, и медленно двинулись к землянину.

Один из Часчей сказал странным булькающим голосом:

— Человек! Внимание! Вернись. Здесь нет никаких стружек.

— Ты пахнешь человеческим страхом, — добавил другой. — Ты пахнешь странными вещами.

— Это просто болезнь.

— Ты пахнешь как человек в необычной одежде, которого мы нашли в странном космическом корабле. В тебе есть что-то ненастоящее, — сказал третий.

— Зачем ты здесь? Для кого ты шпионишь?

— Ни для кого. Я возчик и возвращаюсь в Перу.

— Где твоя повозка? Или ты пришел пешком?

Рейш отодвинулся от ворот.

— Она там, на улице. — Он указал на то место, где его спутник остановил свою повозку, но тут же вскрикнул. Ни Эмминка, ни повозки! Обращаясь к Часчам, он воскликнул: — Моя повозка! Ее украли! Кто ее взял?

Быстро махнув на прощанье удивленным Часчам, он бросился бежать по засаженной деревьями полосе, отделяющей завод от улицы. Пробежав ряд кустов, напоминающих то клубки белой шерсти, то серо-зеленые перья, он остановился и оглянулся. Увиденное несколько его не успокоило. Один из Часчей пробежал за ним несколько шагов и направил на кусты какой-то странный инструмент. Другой торопливо произнес несколько слов, поднеся к пасти ручной микрофон. Третий вплотную подошел к воротам и смотрел на космический бот, как бы желая убедиться, что тот все еще на месте.

— Ну все, — пробормотал Рейш. — Провал!

Он снова повернулся к дороге, но еще секунду постоял, наблюдая за тем, как взвод часчменов в пурпурно-серых формах выехал на дорогу на длинных низких мотоциклах. Часчи что-то сказали им, указывая на полосу деревьев. Адам не стал больше ждать. Он побежал по улице и, когда мимо него прокатилась повозка, нагруженная пустыми корзинками, ухватился за задок этой повозки, подтянулся и заполз внутрь, укрывшись за грудой корзин. Возчик его не заметил.

Мимо них с пронзительным визгом, словно ракеты, промчалось поддожины мотоциклистов. Едут блокировать дорогу? Или, может быть, усилить посты у главных ворот?

«Наверное, они сделают и то и другое», — подумал Адам. Как и предсказывал Эмминк, его попытка кончится полным провалом. Рейш сомневался, что Часчи будут использовать его для своих жестоких шу-

ток, — они предпочтут извлечь из него информацию. А потом? В лучшем случае Адам потеряет свободу. В худшем... Но об этом сейчас не стоило думать. Повозка продвигалась вперед на большой скорости, но Рейш понимал, что у него нет никакой надежды выехать из города через ворота. Недалеко от Северного рынка Рейш спрыгнул на землю и тотчас же укрылся за длинным низким сооружением из пористого цемента: очевидно, склад или амбар. Снизу ничего не было видно, поэтому он влез на стену, потом взобрался на крышу. Отсюда он мог наблюдать за главной улицей и за воротами. Его опасения полностью подтвердились: толпа полицейских в пурпурно-серой форме стояла по обе стороны ворот, внимательно проверяя всех въезжающих и покидающих город. Если он хочет выбраться из города, придется найти другой способ. Переправиться через реку? Он может подождать до наступления темноты и незамеченным переплыть реку, направляясь вниз по течению. Но Дадиче тянулся на много миль вдоль берега, а за ним шли дома и сады других Синих Часчей, которые жили в окрестностях города. И кроме того, Адам не знал, какие твари водятся в реке. Если они такие же злобные, как и другие обитатели Тчаи, Рейш желал быть как можно дальше от них.

Его внимание привлек слабый гул. Он поднял голову и вздрогнул: над ним, на расстоянии примерно сотни ярдов, пролетал воздушный плот. Пассажиры — Синие Часчи, на голове у них были надеты странные шлемы с выступами, напоминающими усики бабочки. Сначала Рейш подумал, что его заметили, потом предположил, что странные шлемы снабжены антеннами, усиливающими обоняние, чтобы выследить его по запаху.

Однако корабль-плот летел дальше, не меняя курса. Рейш перевел дыхание. Он напрасно беспокоился. Для чего же служили шлемы? Что это — одежда для совершения каких-нибудь церемоний? Украшения? «Вряд ли я когда-нибудь это узнаю», — сказал он себе. Он внимательно взгляделся в небо, в поисках других летательных аппаратов, но ничего не увидел. Поднявшись на колени, осмотрелся еще раз. Слева, за стеной вездесущих стволов адарака, находился Северный рынок: белые бетонные навесы, висящие диски, стеклянные стены, движущиеся фигуры в черных, темно-синих и темно-красных одеяниях, блестящие чешуйчатой металлически-синей кожей. Ветер, дующий с севера, доносил до него сложные и странные ароматы: пахло какой-то кисловатой зеленью, маринованным жареным мясом, хлебом и пирогами из дрожжевого теста.

Направо находились хижины часчменов, разбросанные среди садов. Рядом, прижавшись к городской стене, стояло большое здание, полузакрытое высокими черными деревьями. Если бы Адам смог забраться на крышу этого здания, возможно, ему удалось бы перелезть через стену. Он посмотрел на небо. На такую авантюру можно решиться только в сумерках — еще два-три часа ожидания.

Рейш спустился с крыши и несколько мгновений постоял, раздумывая. Синие Часчи так чувствительны к запахам; они, наверное, способны выследить его нюхом, как собаки. Скорее всего, это так, поэтому времени терять нельзя. Он нашел две дощечки, привязал их к подошвам и, стараясь ступать как можно шире, осторожно пошел через сад.

Пройдя около пятидесяти ярдов, он услышал за спиной голоса и сразу же спрятался за кусты. Бросив взгляд сквозь ветви, он понял, что предчувствие его не обмануло, и убрался с крыши вовремя. У амбара стояли трое полицейских-часчмена в серо-багровой форме и два Часча. У одного из них в руках был детектор, прикрепленный к маске, которая покрывала лицо Часча. Он направил детектор вниз, с легкостью нашел следы Рейша, ведущие в амбар. У задней стены амбара Часч в недоумении остановился, но обоняние подсказало ему, что преследуемый находится на крыше. Вся группа устало повернула обратно, по всей видимости считая, что он все еще там.

Со своего наблюдательного пункта на расстоянии пятидесяти ярдов Рейш наблюдал за ними, усмехаясь: интересно, что подумают Часчи, когда не найдут Рейша на крыше и не заметят никаких следов, указывающих, куда он девался. Не снимая с подошв дощечек, он пошел в глубь сада, направляясь к стене.

Очень осторожно он приблизился к намеченному им большому зданию и остановился, спрятавшись за высоким деревом, чтобы оценить ситуацию. Здание было темным и мрачным и казалось безлюдным. Как Рейш и предполагал, его крыша вплотную прилегала к городской стене.

Он оглянулся на простирающийся за ним город. По небу летело множество летательных аппаратов, по меньшей мере дюжина. Они плыли низко над землей, как раз над тем садом, который он только что пересек, с них свисали прицепленные к проволочным тросам черные цилиндры — очевидно, обонятельные детекторы. Если хоть один из них пройдет прямо над Адамом или даже вниз по ветру, запах чужака будет обнаружен. Прежде всего надо немедленно найти укрытие, и единственным таким убежищем было темное здание у городской стены, если в нем действительно никто не живет.

Рейш наблюдал за домом еще несколько минут. Внутри все было тихо. Он прислушивался, но не различал никаких звуков и все же не осмеливался подойти поближе. Но, оглядываясь на парящие по небу лодки, решил, что оставаться здесь — не меньший риск. Сняв с ботинок дощечки, он осторожно шагнул вперед, но тотчас же отскочил обратно в свое укрытие, услышав позади странные звуки.

Мерно звучал гонг. По дороге медленно шла процессия часчменов, закутанных в серые и белые одеяния. На колеснице везли покойника, лежащего на носилках, завернутого в белый саван. Сзади шли с пением и рыданиями Часчи — самцы и самки. Это здание — большой склеп или кладбище, недаром у него такой мрачный вид.

Удары гонга замедлились. Процессия остановилась у ворот здания. Здесь гонг умолк. В полной тишине носилки сняли с повозки и положили на землю перед дверью. Участники процессии отошли и стали ждать. Раздался удар гонга.

Дверь медленно открылась — щель, которая, казалось, простиралась в черную бездну. Яркий золотой луч осветил покойника. Из темноты справа и слева появились два Часча в церемониальном наряде — сложном уборе из кожаных полосок и петель, золотых завитушек и кисточек. Они подошли к покойнику, откинули покрывало, открыв лицо и нависающий фальшивый скальп. Затем отошли. За ними задернулась завеса, скрыв тело умершего.

Прошло несколько минут. Золотой луч превратился в яркое сияние, раздался странный звук, словно от лопнувшей струны. Занавес раздвинулся. Тело было в том же положении, но фальшивый скальп треснул вместе с черепом покойного. Из щели в черепе, вертя крошечной головкой, вылезал детеныш Синих Часчей.

Гонг торжественно прозвенел одиннадцать раз; один из Часчей громко крикнул:

— Вознесение свершилось! Человек прошел свою первую жизнь! Вкусите блаженство! Вдыхайте торжественный аромат! Человек, Зугель Эдгз, отдал свою душу этому очаровательному детенышу! Может ли быть большее счастье? И если вы будете ревностными в делах ваших, добудете подобную же славу!

— В своей прежней жизни я был человеком по имени Сагаза-Осо, — произнес один из Часчей.

— А я была женщиной по имени Дисеун Фурвг; и все другие Часчи тоже были людьми. Идите же с миром. Детеныш, который получил имя покойного, Зугель Эдгз, должен остаться у нас — мы уместим его целебными мазями; лишенное души человеческое тело будет предано земле. Через две недели вы сможете вновь увидеть вашего возлюбленного родственника Зугеля Эдгза!

Друзья и родственники покойного, явно ободренные увиденным, удалились под мерные удары гонга. Носилки с покойником и любопытный детеныш скрылись в глубине здания. Часчи последовали за ними.

Рейш тихо засмеялся, но быстро умолк и прижался к земле — летательный аппарат подлетел к нему на опасное расстояние. Проползая сквозь листья, он приблизился к дому. Никого. Он проскользнул к задней стене здания, почти примыкавшей к городской стене.

Там, у самой земли, открывался небольшой проход. Адам близко подполз к нему, прислушался, почувствовал лишь вибрацию от работы какой-то машины и содрогнулся от мысли, что это может быть машина, перемалывающая тело мертвого часчмена. Заглянув в проход, он увидел полутемную комнату, очевидно кладовую, где хранили ненужные предметы. На вешалках и полках — кастрюли, банки, связки

старой одежды. В углу стояла машина неизвестного предназначения. Комната была неубрана, очевидно, ею мало пользовались. Рейш последний раз оглядел небо и проскользнул в проход.

Комната сообщалась с соседней через широкую низкую арку. За ней была еще одна комната, еще и еще одна, все освещенные слабым светом потолочных панелей. Рейш зашел за вешалку и спрятался за одеждой.

Прошел час, еще час. Адаму надоело ждать, и он отправился на разведку. В комнате рядом он нашел большой ящик, наполненный фальшивыми скальпами, на каждом была наклейка с какими-то знаками. Он взял один и примерил его. Кажется, подходит; Рейш оторвал наклейку. Из кучи старой одежды он выбрал потрепанный плащ и накинул на себя. Если смотреть издали и не особенно вглядываться, его вполне можно принять за часмена.

В окне потемнело; выглянув наружу, Адам увидел, что солнце садится за гряды облаков. На фоне бледного водянистого света покачивались ветки адарака. Рейш вышел из дома, оглядел небо; вблизи не было видно ни одного летательного аппарата. Подойдя к самому высокому дереву, он полез вверх. Кора была непрочной и скользкой, поэтому выполнить задуманное оказалось труднее, чем казалось вначале. Наконец, липкий от пахучего сока адарака, весь вспотев под своей вонючей одеждой, беглец взобрался на крышу.

Пригнувшись, он осмотрелся. Кораблей-плотов не было видно. Небо окрасилось в серо-коричневый цвет; опускались сумерки.

Подойдя к примыкающей к городской стене части крыши, Рейш огляделся.

Верхний край стены находился от него на расстоянии примерно шести футов, плоский, с зубцами вышиной в фут, отстоящими друг от друга на пять футов. Предупреждение желающим перелезть через стену? Адам не мог представить, для чего еще служат эти зубцы. С наружной стороны от верха стены до земли было не меньше тридцати футов — двадцать пять, если он повиснет на руках, прежде чем прыгнуть вниз. Два шанса из трех приземлиться без переломов и растяжений; это зависело также от грунта. Можно было без труда спуститься с помощью веревки. В кладовой он не видел веревок, но там лежало множество старой одежды, которую можно было употребить вместо веревки, связав друг с другом. Но прежде всего надо узнать, что случится, если он окажется на стене.

Рейш снял плащ и, продвинувшись по крыше, пока не очутился напротив зубца, набросил на него ветхую ткань.

Из зубца во все стороны брызнули языки белого пламени, пронизали плащ, как копьями, и подожгли его. Рейш дернул ткань к себе, затоптал огонь, быстро оглядел стену. Без сомнения, Часчи дали сигнал тревоги. Рискнуть? Перепрыгнуть через стену, броситься в пустыню? У него почти не было шансов на удачу, его могли заметить на

открытом пространстве. Он поспешил к дереву, по которому взобрался на крышу, и быстро слез. Над городом уже появились летательные аппараты. Рейш услышал издали странный свист и ощутил почти панический ужас. Накинув на плечи развевающийся плащ, Адам пустился бежать, пытаясь снова скрыться среди деревьев. Его внимание привлек блеск воды: небольшой пруд, заросший бледными белесыми водяными растениями. Сбросив свой плащ и фальшивый скальп, Рейш прыгнул в воду, погрузился до носа и принялся ждать.

Прошло несколько минут. Мимо него промчался целый взвод тварей на мотоциклах. Над головой повисли — один слева, другой справа — два летательных аппарата, за каждым тянулся детектор, определяющий запахи. Медленно пролетев над головой, корабли скрылись на востоке; очевидно, Синие Часчи считали, что беглецу удалось перескочить через стену и он был уже вне пределов города. Если это было действительно так, если они решили, что он удрал в горы, его шансы выбраться отсюда увеличиваются... Он заметил, как что-то двигается по дну пруда, явно по направлению к нему. Какое-то длинное мускулистое тело. Угорь? Водяная змея? Шупалец огромной неведомой твари? Адам выскочил на берег. В десяти футах от него что-то вынырнуло на поверхность, издав звук, похожий на разочарованное фырканье.

Подхватив полусгоревший плащ и фальшивый скальп, Рейш, с которого ручьями стекала вода, стал пробираться к центру города.

Он вышел на узкую тропинку, петлявшую между хижинами часчменов. В темноте домишки казались скученными, мрачными и таинственными. Маленькие окошки были прорезаны высоко, не менее восьми футов от земли. Из некоторых просачивался мерцающий желтый свет, как от масляной лампы, что удивило Адама. Несомненно, раса с такой высокоразвитой технологией могла бы позволить своим слугам иметь электрическое или даже атомное освещение... Еще один парадокс планеты Тчай.

Мокрая одежда не только мешала двигаться, но и страшно воняла — это могло замаскировать его запах. Рейш надел себе на голову фальшивый скальп, покрепче завязал тесемки плаща под подбородком. Медленным шагом, почти не сгибая ног, он направился к воротам.

Было темно, ни Аз, ни Браз еще не взошли на небо; на улицах Дадиче не горели фонари. Перед ним показались два часчмена. Адам опустил подбородок, втянул голову в плечи и продолжал идти, стараясь ступать как можно тяжелее. Часчмены прошли, не удостоив его взглядом.

Немного приободрившись, Рейш вышел на главную улицу в паре сотен ярдов от ворот. Фонари, укрепленные над воротами, освещали улицу желтым светом. Три часчмена в серо-пурпурной форме стояли у ворот, но выглядели уставшими и не проявляли никакого интереса

к окружающему. Синие Часчи полагают, будто ему удалось ускользнуть из города.

К несчастью, они ошибаются.

Он стал прикидывать все возможности: может быть, броситься к воротам, проскочить охрану и нырнуть в темноту? Но за ним тут же будут отправлены летательные аппараты и несколько взводов полицейских на мотоциклах. Закутанный в эти вонючие лохмотья, он не сможет нигде спрятаться — ему останется только сбросить их с себя и бежать нагишом через пустыню.

Он недовольно хмыкнул. Потом обратил внимание на таверну в первом этаже высокого дома. Из низких окон выходил желтый и красный свет, слышались хриплые выкрики, изредка — взрывы грубого смеха. Три часчмена нырнули в дверь таверны. Рейш отвернулся и встал, глядя через окно на полутемную комнату, освещенную все теми же желтыми масляными лампами. Около дюжины часчменов, с лицами, словно придавленными уродливыми фальшивыми скальпами, сгорбились перед каменными горшками с пивом, изредка перебрасываясь незамысловатыми шутками с несколькими женщинами. На женщинах были черные и зеленые платья, на их фальшивых скальпах повязаны ленты и бахрома, носы-пуговки выкрашены ярко-красной краской. Тошнотворное зрелище, но оно доказывает, что часчмены все же настоящие люди. Налицо все составные части непритязательного веселья: крепкие напитки, разбитные девицы и приятная компания. Правда, эти представители рода человеческого не внушали особой симпатии. Еще двое часчменов прошли мимо Рейша, не сделав никаких замечаний относительно его вида. Пока что все шло гладко, но кто знает, что произойдет, если его захотят разглядеть попристальней... Он повернулся, снова медленно пошел к воротам и остановился примерно в пятидесяти ярдах от них. Дальше идти он не решался. Проскользнув в нишу между двумя домами, устроился там и стал ждать.

Наступила полночь, воздух стал холодным, поднялся легкий ветерок, который донес до него аромат садов Дадиче.

Рейш задремал. Когда он проснулся, за рядом деревьев, выстроившихся, словно часовые, спал Аз. Рейш попытался улечься поудобнее, застонал и стал массировать затекшую шею, морщась от запаха все еще сырой одежды.

У ворот оставался только один часовой. Он стоял, сонно покачиваясь. В будке сидели двое других, бессмысленно глядя в пустоту. Рейш снова спрятался в своей нише.

На востоке забрезжила заря; город ожил. К воротам прибыла новая смена часовых. Рейш видел, как они обмениваются новостями.

Через час начали прибывать повозки из Перы. Первая повозка, в которую были запряжены две огромные восьминогие твари, привезла бочки с маринованными овощами и мясом. Возчики, видно, очень

торопились. Их было двое: Эмминк, еще более высохший и мрачный, чем обычно, и Траз.

— Сорок третий! — крикнул возчик.

— Сто первый, — громко произнес юноша.

Стражники вышли из будки, пересчитали бочки, осмотрели повозку и велели Эмминку следовать в город.

Когда повозка проезжала мимо него, Адам вышел из своего убежища и пошел рядом.

— Траз!

Траз посмотрел вниз и издал удивленный возглас.

— Я знал, что ты еще жив, — с довольным видом произнес он.

— Почти жив. Я похож на часчмена?

— Не очень. Спрячь подбородок под плащом и прикрой нос...

Когда мы будем возвращаться с рынка, взбирайся на повозку под правой передней ногой той твари, что запряжена справа.

Рейш свернул с главной улицы, выбрал себе укромный уголок позади амбара и наблюдал за повозкой, которая двигалась к рынку.

Через час она вернулась, двигаясь гораздо медленнее. Эмминк ехал по правой стороне улицы. Когда она поравнялась с Адамом, он вышел из укрытия. Повозка остановилась; Траз спрыгнул на землю, словно для того, чтобы надежнее закрепить пустые бочки, загораживая повозку сзади.

Рейш пробежал вперед, нырнул под ногу восьминогой твари. Между первой и второй передними ногами висел большой кусок кожи, прикрепленный к животу пятью кожаными ремнями, так что образовалось что-то вроде гамака, в котором устроился Рейш. Повозка двинулась вперед: Рейш видел только серое брюхо, свисающие ремни и две передних ноги.

У ворот повозка остановилась. Он слышал голоса, видел остроносые красные башмаки стражника. Несколько минут беспокойного ожидания — и повозка двинулась вперед, с рокотом покатила по направлению к холмам, окружающим город. Перед глазами мелькали гравий дороги, редкая растительность, тяжелые, подобные столбам, ноги животного, свисающие ремни, которые с каждым шагом восьминогой твари легонько били Адама по лицу.

Наконец повозка остановилась. Траз заглянул под брюхо животного.

— Можешь выходить, никто нас не видит.

С несказанным облегчением Рейш вылез наружу. Он сорвал с себя фальшивый скальп, бросил его в канаву, скинул плащ, вонючий жакет, рубашку и взобрался на дно повозки, где с облегчением лег, прислонившись к пустой бочке.

Траз снова уселся рядом с Эмминком, и повозка продолжала путь. Траз беспокойно оглянулся.

— Ты не болен? Не ранен?

— Нет. Просто устал. Но я жив — благодаря тебе. И кажется, благодаря Эмминку.

Траз посмотрел на возчика, нахмурившись.

— Ну, от Эмминка было мало толку. Пришлось пригрозить ему и даже пару раз стукнуть.

— Понятно, — сказал Адам. Он критически осмотрел опущенные плечи возчика. — Я бы и сам не прочь сказать Эмминку пару теплых слов.

Плечи качнулись. Эмминк повернулся на сиденье, лицо его разрезала приторная широкая желтозубая улыбка.

— Припомните, сэр, я отвез вас сюда и давал советы почти бесплатно, даже до того, как узнал о высоком положении вашей милости.

— О высоком положении? — переспросил Рейш. — Каком высоком положении?

— Совет Перы назначил тебя верховным правителем, — объяснил Траз, потом пренебрежительным тоном добавил: — Тоже мне, высокое положение!

Глава 11

Рейшу вовсе не хотелось править Перой. Это отнимет слишком много энергии и нервов, ограничит свободу действий и не принесет ему лично никакой пользы. Кроме того, осознанно или неосознанно, он попытается править согласно установившимся на Земле обычаям. Население Перы было пестрой смесью: беглецы, преступники, бандиты, калеки, разные гибриды, люди, лишенные каких-либо положительных качеств. Что знают эти несчастные изгои о равенстве, справедливости, человеческом достоинстве, идеалах прогресса?

Задача не из легких.

А как же космический бот, надежда вернуться на Землю? Результатом смертельно опасного путешествия было только то, что он убедился: бот действительно находится в Дадиче. Синие Часчи, без сомнения, будут очень удивлены и заинтригованы, если он потребует вернуть его собственность. Чем-то заинтересовать их? Но Рейш вряд ли мог обещать им военную помощь Земли против Дирдиров или Ванкхов — наиболее сильных противников Синих Часчей в настоящее время. Пригрозить? Но чем? Как он может подчинить их своей воле!

К тому же Синие Часчи теперь знают о его существовании. Безусловно, они очень хотели бы узнать, кто он такой, откуда прибыл. Планета Тчай велика, в дальних ее краях люди могут создать развитую технологию. Сейчас Синие Часчи, без сомнения, лихорадочно роются в своих картах.

Так размышлял Рейш, пока повозка медленно поднималась по склону холма, прошла через ущелье и с грохотом покатилась вниз,

туда, где простиралась степь. Солнце согрело Рейша, свежий степной ветер развеял вонь. Его стало клонить ко сну, он задремал.

Когда он проснулся, повозка легонько подсакивала на вышербленной мостовой Перы. Они въехали на центральную площадь у подножия цитадели. Повозка приблизилась к виселице, и Рейш увидел, что на веревках болтаются восемь новых висельников: шелкуны, чьи пестрые наряды, запачканные и разорванные, казалось, специально напялены на них, чтобы поиздеваться. Траз небрежно объяснил Рейшу, как было дело:

— Они решили выйти из своей крепости и со смехом сбежали вниз, размахивая руками, как будто все это только шутка. Они были страшно возмущены, когда ополченцы схватили их и вздернули! Подошли, так и не поняв, что жаловаться тут надо только на себя.

— Значит, сейчас там никто не живет, — сказал Рейш, глядя вверх на массивное нагромождение камней и цементных блоков.

— Насколько я понимаю, ты захочешь жить здесь.

В голосе Тразы слышалось явное неодобрение. Рейш улыбнулся, Онмале частенько напоминала о себе.

— Нет. Здесь жил Нага Гохо. Если мы поселимся во дворце, люди подумают, что у них появилась новая компания шелкунов.

— Это хороший дворец, — заметил юноша, на этот раз нерешительно. — Там много интересных вещей... — Он вопросительно взглянул на Адама. — Кажется, ты действительно решил стать правителем Перы?

— Да. Кажется, решил.

На постоялом дворе «Мертвая степь» Рейш тщательно растерся маслом, мелким песком и просеянным пеплом, чтобы отбить противный запах, въевшийся в кожу. Потом ополоснулся холодной водой и снова растерся песком, думая о том, что одним из первых его нововведений в Пере, а может быть, и на всей планете Тчаи станет употребление мыла. Неужели на Тчаи неизвестна такая простая вещь, как мыло? Он должен спросить Дерл, или Илин-Илан (сколько еще у нее имен?), пользуются ли мылом в Кете.

Чисто вымывшись, побрившись, надев свежее белье и новые башмаки из мягкой кожи, Адам позавтракал овсянкой и тушеным мясом в общей комнате. Перемены бросались в глаза. Прислуга постоялого двора обращалась к нему с подчеркнутым уважением, все присутствующие разговаривали тихо, искоса поглядывая на нового повелителя.

Рейш заметил группу людей, стоящих во дворе, которые о чем-то говорили между собой и время от времени заглядывали в открытую дверь общей комнаты. Когда Рейш поел, они вошли и выстроились перед ним в ряд.

Рейш оглядел их, узнав некоторых. Они присутствовали на казни Нага Гохо. Один из них был желтокожим и тощим, с горящими черными глазами. «Из болотных», — подумал Рейш. Еще один принадлежал то ли к часчменам, то ли к серым людям. Третий — типичный представитель последних — среднего роста, лысый, с восковой кожей, мясистым носом-картошкой, блестящими выпученными глазами. Четвертый — старик из какого-то кочевого племени, изможденный, бронзовокожий, выделяющийся своеобразной гордой красотой; пятый — коренастый и плотный, с руками, свисающими почти до колен: трудно определить его происхождение. Старик оказался прирожденным оратором.

— Мы — комитет пяти, — начал он немного хриплым голосом, — нас выбрали люди Перы, как ты и посоветовал. Мы долго держали совет между собой. Ты оказал нам большую помощь, покончив с Нага Гохо и щелкунами, и мы хотим назначить тебя правителем Перы.

— Подчиняющимся нашим советам и запрещениям, — уточнил тот, что был помесью часчмена с серым.

Рейш все еще не пришел к окончательному решению. Откинувшись назад на своем стуле, он оглядывал членов комитета и думал, что редко встречал людей, столь мало похожих друг на друга.

— Все не так просто, — сказал он наконец. — Вы можете отказаться поддерживать мои планы. Я не соглашусь на ваше предложение до тех пор, пока не получу гарантий вашей поддержки.

— Поддержки каких планов? — осведомился серый.

— Перемен. Решительных перемен.

Члены комитета пяти недоверчиво смотрели на Рейша.

— Мы не любим перемены, — пробормотал часчмен. — Жизнь и так очень тяжелая — мы не можем рисковать.

Кочевник насмешливо рассмеялся.

— Рисковать? Мы должны приветствовать любые изменения! Изменения могут быть только к лучшему! Давайте послушаем, что он нам предлагает.

— Очень хорошо, — согласился часчмен. — Послушать всегда полезно; нас ведь никто не заставляет делать все, что он скажет.

— Я разделяю мнение этого человека, — сказал Адам, указав на старика. — Пера сейчас — куча развалин. Люди здесь живут, как будто постоянно скрываются от кого-то. У них нет ни гордости, ни чувства собственного достоинства, они живут в норах, грязные и невежественные, ходят в лохмотьях. И что хуже всего, им все это безразлично.

Члены комитета удивленно моргали. Старый кочевник снова хрипло засмеялся. Часчмен нахмурился. Остальные стояли в нерешительности. Отойдя на несколько шагов, они посоветовались, потом опять обернулись к Рейшу.

— Ты можешь объяснить нам подробно, что собираешься делать?

Рейш покачал головой.

— Я еще не обдумал это как следует. В двух словах: я цивилизованный человек, я вырос и получил образование среди цивилизованных людей. Мне известно, чего может достичь человек. Очень многого: большего, чем вы способны вообразить. Жители Перы — люди. Я требую, чтобы они жили как люди.

— Да, да! — крикнул болотный человек. — Но как это сделать?

— Ну, прежде всего нужно набрать дисциплинированное и хорошо обученное ополчение, чтобы поддерживать порядок, защищать город и караваны от Зеленых Часчей. Надо организовать школы и больницу, мастерские, склады, рынок; следует помогать людям строить дома и расчищать развалины.

Члены комитета переминались с ноги на ногу, поглядывая искоса друг на друга и на Адама.

— Мы, конечно, люди, — проворчал старый кочевник, — кто это отрицает? Но раз мы люди, то и жить должны с подобающей осторожностью. К чему нам становиться такими, как Дирдиры? Хватит того, что мы сумели выжить.

Серый добавил:

— Синие Часчи никогда не позволят нам ничего строить. Они терпят нас здесь, в Пере, только потому, что мы не внушаем им никаких подозрений.

— И потому, что мы снабжаем их товарами, — вмешался коренастый. — Они покупают у нас все за бесценок.

— Неразумно раздражать того, кто сильнее, — возразил серый.

Адам поднял руку.

— Вы слышали мое предложение. Если не будете сотрудничать со мной добровольно и искренне — выбирайте другого правителя!

Кочевник измерил Рейша взглядом, потом отвел других членов комитета в сторонку. Некоторое время они оживленно спорили, потом вернулись обратно к Рейшу.

— Мы согласны на твои условия. Ты будешь нашим правителем.

Землянин, лелеявший надежду, что комитет решит по-другому, глубоко вздохнул.

— Прекрасно. Пусть будет так. Но предупреждаю — я буду очень требовательным. Вам придется работать больше, чем раньше, для вашего же блага. По крайней мере, я надеюсь на это.

Рейш проговорил с членами комитета больше часа, объясняя, что он намерен предпринять, и добился того, что они стали слушать его с интересом, даже с энтузиазмом.

К вечеру, закончив переговоры, Адам вместе с Анахо и тремя членами комитета отправился осматривать дворец Нага Гохо.

Они шли вверх по извилистой тропинке, над ними возвышалась мрачная масса тяжелого каменного здания. Пройдя сырой двор, они очутились в большом зале. Массивные стулья и огромный стол,

ковры, гобелены, лампы на треножниках, красивые блюда и вазы — все, чем гордился бывший правитель, было покрыто тонким слоем пыли.

По соседству с залом находились спальни, где царил запах грязной одежды и немытого тела, умащенного благовонными мазями. Тело убитой наложницы правителя лежало там же, где его увидел Рейш. Все быстро вышли из комнаты.

С противоположной стороны зала находились кладовые, забитые добычей, награбленной шелкунами, — рулонами ткани, связками кож, ящиками с драгоценной древесиной, инструментами, оружием, украшениями, слитками металла, бутылками с разными эссенциями, книгами, исписанными коричневыми и серыми значками по черной бумаге, которые Анахо определил как старинные рукописи Ванкхов. В глубоком алькове стояла корзина, наполовину наполненная цехинами. Два меньших сундука содержали драгоценные камни, украшения из драгоценных металлов, брелоки, разные мелочи: сокровища, какие можно было бы найти в гнезде сороки. Члены комитета выбрали для себя стальные сабли с филигранными рукоятками, то же сделали Траз и дирдирмен. Потом юноша кочевник, неуверенно взглянув на Рейша, взял красивый золотисто-желтый плащ, сапоги из мягкой черной кожи и искусно выкованный стальной шлем, задняя часть которого, сделанная из тонких гибких пластинок, низко опускалась на шею.

Адам нашел несколько дюжин электрических пистолетов с израсходованными батарейками. Анахо уверял, что их можно перезарядить от батареек, установленных на колесах «электрических» повозок. Очевидно, Нага Гохо это было неизвестно.

Солнце уже далеко склонилось к западу, когда они покидали мрачный дворец. Проходя по двору, Рейш заметил в глубокой нише небольшую квадратную дверь. Он отворил ее, и перед ним открылась уходящая вниз крутая каменная лестница. Снизу веяло зловонием: запахом тления, человеческих экскрементов, грязной одежды и еще едкой мускусной вонью, от которой по спине Рейша пробежали мурашки.

— Темницы, — коротко произнес дирдирмен. — Послушай.

Снизу слышался глухой ропот. За дверью Адам нашел лампу, но не смог ее зажечь. Анахо постучал по верху стеклянного шара, который зажегся ярким белым светом.

— Это сделано Дирдирами.

Приготовившись к любым неожиданностям, они пошли вниз по ступеням и очутились в помещении с высокими сводами. Траз, схватив Рейша за руку, указал куда-то в угол. Рейш увидел темный силуэт, мягко уходящий, словно уплывающий, в густую тень.

— Пнум, — пробормотал Анахо, содрогнувшись. — Они ползают по всем руинам Тчаи, словно черви в старом дереве.

Висящая высоко лампа бросала слабый свет, при котором были видны клетки, стоящие у стен. В одних белели кости, в других были кучи гниющего мяса, в некоторых — живые существа, издававшие слабые звуки, которые спутники слышали со двора.

— Воды, воды, — стонали скорченные фигуры. — Дайте воды!

Рейш поднес лампу к клеткам.

— Часчмены.

Из большого сосуда, стоявшего у стены, он налил в фляжку воды и просунул ее в клетку.

Часчмены жадно выпили всю фляжку и с криками стали просить еще. Рейш принес им еще воды.

В тяжелых клетках в самых темных углах комнаты они различили несколько массивных неподвижных фигур с высокими остроконечными головами.

— Зеленые Часчи, — шепнул Траз. — Зачем они понадобились Нага Гохо?

Анахо сказал:

— Обратите внимание: они смотрят только в одном направлении — туда, где находится их стая. Они телепаты.

Рейш набрал воды в банку, поставил ее в клетку с Зелеными Часчами. Огромные существа величественно поднялись и высосали воду.

Адам вернулся к часчменам.

— Вы долго сидите здесь?

— Долго, очень долго, — прохрипел один из них. — Не могу даже сказать сколько.

— Почему вас посадили в клетку?

— Просто из жестокости! Потому что мы часчмены.

Рейш повернулся к членам комитета.

— Вы знали, что здесь держат людей в клетках?

— Нет. Нага Гохо делал все, что вздумается.

Адам с трудом открыл запоры.

— Выходите, вы свободны. Люди, которые вас посадили сюда, мертвы.

Несчастные робко выползли наружу. Подойдя к сосуду с водой, они снова стали жадно пить. Рейш подошел к большим клеткам, чтобы рассмотреть Зеленых Часчей.

— Очень странно. Просто удивительно!

— Может быть, Нага Гохо использовал их как индикаторы, — сказал дирдирмен. — Чтобы всегда знать, где находится их стая.

— Никто не может с ними поговорить?

— Они не говорят — они передают мысли.

Рейш снова повернулся к своим спутникам.

— Пошлите сюда человек двенадцать: надо отнести клетки на площадь.

— Ба! — пробормотал Брунтего-серый. — Лучше убить этих отвратительных чудовищ! Часчменов тоже не мешало бы перебить.

Адам быстро взглянул на него.

— Мы не щелкуны! Мы убиваем только тогда, когда в этом есть необходимость! Что же касается этих часчменов, то пусть идут к себе домой и снова станут рабами или останутся здесь как свободные люди.

Брунтого мрачно проворчал:

— Если мы не убьем их, они перебьют нас.

Рейш, не ответив ему, повернул лампу, осветив самые темные углы темницы, но увидел лишь сырые каменные стены. Он не мог понять, как Пнум вышел из комнаты, часчмены тоже ничего не могли сказать толком.

— Они приходят молча, как черные дьяволы, смотрят на нас, не произнося ни слова. Даже не дали нам напиток!

— Странные создания, — тихо сказал Рейш.

— Они выродки, позор Тчаи! — воскликнули бывшие пленники, дрожа от ощущения вновь обретенной свободы. — Надо очистить планету!

— А заодно и от Дирдиров, Ванкхов и Часчей, — сказал Рейш, улыбаясь.

— Нет, нет, не от Часчей. Мы ведь принадлежим к ним, разве ты не знаешь?

— Вы люди.

— Нет, мы Часчи, только на стадии личинок. Это чистая правда!

— Что за черт! — воскликнул Рейш, рассердившись. — Снимите ваши дурацкие фальшивые черепа! — Шагнув к пленникам, он сбил у них с головы фальшивые скальпы. — Вы люди, и больше никто! Почему вы позволяете Часчам превращать вас в рабов?

Несчастные замолчали, со страхом глядя на клетки, словно ожидая, что их снова бросят туда.

— Пошли, — резко произнес Адам. — Уйдем отсюда!

Прошла неделя. Не имея другого дела, Рейш целиком отдался выполнению своих новых обязанностей. Он выбрал группу самых сообразительных юношей и девушек, которых обучал, чтобы потом они в свою очередь наставляли других. Он организовал гражданское ополчение, обратившись за помощью к Баояну, бывшему старшему караванщику. Вместе с Анахо и Тостигом — так звали старого кочевника — Адам разработал проект закона Перы. Вновь и вновь объяснял землянин людям те выгоды, которые они получают от нововведения. Жители Перы реагировали по-разному: одни слушали с интересом, другие с беспокойством, некоторые фыркали, выражая свое сомнение; кто-то встречал его слова с энтузиазмом, а кто-то не понимал ни слова. Он понял, что для того, чтобы образовать настоящее правительство, мало только приказывать: приходилось во все вникать и быть одновременно повсюду. И все время его не покида-

ло смутное беспокойство. «Что задумали Синие Часчи?» — думал он. Рейш не мог поверить, что они навсегда отказались от попытки схватить его. Без сомнения, у них есть шпионы в Пере. Они должны знать, что происходит в городе, и потому не торопятся что-либо предпринимать. Но рано или поздно они придут за ним. Человек, обладающий хоть малой толикой благоразумия, немедленно удра бы из Перы. Но Рейш по целому ряду причин не хотел удирать.

Часчмены, которых выпустили из клетки, не проявляли желания вернуться в Дадиче. Адам полагал, что это беглецы, нарушившие законы Часчей. Непонятно было, что делать с пленными воинами Зеленых Часчей. Рейш не мог заставить себя убить их, но общественное мнение осудило бы его, если бы он приказал их отпустить. В качестве компромисса он велел выставить клетки с Зелеными Часчами на площади, где жители Перы гладили на них. Создания не обращали никакого внимания на людей и не отрываясь глядели на север — туда, где находилось их племя. По крайней мере, так утверждал дирдирмен.

Единственным утешением Рейша была Илин-Илан, хотя и она часто ставила его в тупик. Он не мог понять, почему у девушки так резко меняется настроение. Во время долгого путешествия по степи она постоянно грустила, была какой-то рассеянной, иногда проявляла непонятное высокомерие; сейчас стала мягкой и ласковой, но вдруг без видимой причины начинала дуться. Девушка сейчас казалась Адаму еще более соблазнительной, чем прежде, но она все еще часто была молчаливой и печальной. «Скучает по дому», — решил Рейш. Конечно, она соскучилась по родным, по своему дворцу в Кете. Занятый по горло, он со дня на день откладывал объяснение с девушкой.

Ему стало известно, что три часчмена, сидевшие в клетке во дворце Нага Гохо, были не из Дадиче, а из Саабы, города, расположенного к югу от Перы. Однажды вечером в общей комнате постоянного двора они стали упрекать Рейша за «необоснованные амбиции».

— Ты тщишься подражать высшим расам, но только надорвешься от этих усилий! Полулюдям не дано стать цивилизованными!

— Вы сами не понимаете, что говорите, — отозвался Рейш, которого насмешил их серьезный и торжественный тон.

— Конечно, понимаем. Разве мы не часчмены — личинки Синих Часчей? Кому же знать, как не нам?

— Тому, кто хоть немного разбирается в биологии.

Часчмены раздраженно замахали руками.

— Жалкий получеловек, ты просто завидуешь высшим расам!

Адам сказал:

— В Дадиче я видел кладбище или морт — не знаю, как вы это называете. Я видел, как Синие Часчи раскололи череп умершего часчмена и вложили ему в голову детеныша Часчей. Они обманывают вас, не брезгают самой низкой ложью, чтобы вы и дальше оставались у них в рабстве. Дирдиры, без сомнения, проделывают подобные трюки для

своих дирдирменов, хотя сомневаюсь, что дирдирмены надеются когда-нибудь превратиться в Дирдилов. — Он посмотрел на Анахо, сидевшего напротив него за столом. — Что скажешь?

Голос его приятеля немного дрожал:

— Дирдирмены не надеются превратиться в Дирдилов, все это одни суеверия и сказки. Дирдиры — солнце, а мы — их тень; но и мы и они вышли из Первичного яйца. Дирдиры — высшая форма космической жизни; дирдирмены могут только подражать Дирдирам, и это мы делаем с великой гордостью. Какая другая раса достигла столь высокой степени цивилизации, такой славы, такого величия?

— Раса людей, — сказал Рейш.

Анахо сделал пренебрежительную гримасу.

— Ты имеешь в виду обитателей Кета?! Этих мечтателей? Пустых фантазеров? Бродячих фокусников, шутов? Никто не может равняться с Дирдирами на планете Тчай!

— Нет, нет, нет! — перебивая друг друга, визгливо закричали часчмены. — Полулюди — это грязь, отбросы, вырожденки часчменов. Некоторые отщепенцы идут служить Дирдирам. Настоящие люди пришли с мира Часчей!

Анахо возмущенно отвернулся.

— Все это не так, хотя не думаю, что вы мне поверите, — возразил Рейш. — Все вы ошибаетесь.

— Ты говоришь так уверенно, что, право, удивляешь меня, — произнес дирдирмен деланно небрежным тоном. — Может быть, просветишь нас дальше?

— Может быть, — ответил Рейш. — Но сейчас мне не хотелось бы делать этого.

— Почему? — настаивал Анахо. — Это было бы полезным для всех.

— Факты известны тебе так же хорошо, как и мне, — заметил Рейш. — Сделай выводы сам.

— Какие факты? — забеспокоились часчмены. — Какие выводы?

— Все просто. Часчмены — рабы, да и дирдирмены тоже. Люди биологически отличны от этих рас, так же как от Ванкхов и Пнумов. Конечно же ваши предки не зародились на Тчай. Выводы: людей привезли сюда как рабов много веков назад, похитив с их родной планеты.

Часчмены заворчали; Анахо молча изучал потолок. Люди из Перы, сидевшие за столиками, удивленно качали головами и вздыхали.

Чем дальше, тем горячее шли споры. Наступил вечер. Прислужники Часчей забили в угол и о чем-то оживленно беседовали: двое убеждали третьего.

На следующее утро все часчмены покинули Перу и направились в Дадиче на повозке Эмминка. Рейш смотрел, как они садятся на повозку, чувствуя себя очень неуверенно. Они, без сомнения, расскажут и о его действиях, и о странных еретических теориях. Синие Часчи

вряд ли оставят все это без внимания. Положение усложняется. Это может обернуться очень плохо. Может быть, бросить все и бежать в степь? Но эта перспектива пока его не привлекала.

Днем Рейш наблюдал за тем, как тренируются первые добровольцы городского ополчения: шесть взводов по пятьдесят человек каждый, вооруженные разными видами оружия — катапультами, саблями, короткими кинжалами, одетые пестро и разнообразно: в шаровары, халаты, бурнусы, жакеты и короткие юбки, рваные лохмотья и шкуры. У многих были бороды, другие скрутили длинные волосы на макушке в пучок, у некоторых на плечи свисали растрепанные космы. Печальное зрелище! Адам с отчаянием наблюдал за тем, как они скользили и спотыкались, неуверенные в себе, неуклюжие, кое-как выполняющие команды. Шесть командиров, тоже не проявлявшие особого энтузиазма, потели и ругались, к месту и не к месту отдавали приказы. Баоян, командовавший всем ополчением, раздраженно кричал.

Наконец Рейш отозвал двух командиров, выбрал новых. Возбравшись на повозку, он обратился к собравшимся:

— Все это никуда не годится! Разве вы не понимаете, зачем вы здесь? Вы должны научиться защищать себя! — Он оглядывал одно за другим мрачные лица, потом указал пальцем на одного из горожан, который что-то бормотал себе под нос. — Ты! Что ты там бормочешь? Говори!

— Я сказал, что вся эта маршировка — одна дурость. Мы только зря тратим силы. Какая от этого польза?

— А вот какая: вы учитесь быстро и решительно выполнять приказы. Двадцать человек, сплоченных в отряд, сильнее сотни разрозненных воинов. В сражении командир намечает, как действовать, а бойцы выполняют его распоряжения. Без дисциплины все планы будут бесполезны, все сражения проиграны. Теперь понятно?

— Ха! Как могут люди выиграть бой? У Синих Часчей есть электрические ружья и сабли, боевые воздушные корабли. У нас — только песчаные пушки. Часчи непобедимы, они раздавят нас, как муравьев. Легче прятаться среди руин. Так мы всегда жили в Пере.

— Но сейчас многое изменилось, — возразил Рейш. — Если не хотите сражаться как настоящие мужчины, наденьте женскую одежду и выполняйте женскую работу. Выбирайте. — Он замолчал, ожидая ответа, но ворчун только переминался с ноги на ногу, опустив голову.

Сойдя с повозки, Адам стал распоряжаться. Несколько человек он послал в крепость принести тюки ткани и кожи. Другие принесли ножицы и бритвы; все бойцы, невзирая на протесты, были пострижены и выбриты. Горожанки собрались в одном из домов и стали кроить и шить форму: длинные жакеты без рукавов из белой ткани с черным зигзагом «молнии», нашитым на груди. Командиры получили черные погоны, у их «мундиров» были короткие рукава из красного материала.

На следующий день отряды маршировали уже в новой форме. На этот раз люди казались гораздо более собранными и проявляли больше энтузиазма.

На третий день после отъезда трех часчменов случилось то, что ожидал Рейш. Большой летательный аппарат, шестидесяти футов в длину и тридцать в ширину, поплыл над степью к Пере. Он сделал круг над городом и опустился на площади, напротив постоянного двора «Мертвая степь». Дюжина коренастых часчменов в серых шароварах и пурпурных жакетах спрыгнули на землю и замерли, держа руки на пистолетах. Шестеро Синих Часчей стояли на палубе, оглядывая площадь из-под нависших лбов. Казалось, они были особами высокого ранга; на них были обтягивающие костюмы из филигранного серебра, высокие серебряные шлемы и серебряные налокотники и наколенники.

Синие Часчи что-то коротко приказали своим слугам. Двое из них подошли к дверям постоянного двора и обратились к хозяину:

— Человек, называющий себя именем Рейш, стал вашим предводителем. Вели ему выйти и предстать перед благородным Часчем.

Хозяин постоянного двора, рассерженный и немного испуганный, грубо ответил:

— Он занят! Тебе придется подождать, пока он освободится.

— Позови его! Быстро!

Рейш выслушал новости с мрачным видом, но без особого удивления. Он неподвижно сидел, раздумывая, несколько минут, потом, вздохнув, принял решение, которое в любом случае должно было изменить жизнь людей в Пере, а может быть, и на всей планете Тчай. Он повернулся к Тразу, отдал несколько приказаний и медленно направился в общую комнату постоянного двора.

— Скажи Часчам, что я буду говорить с ними здесь.

Хозяин «Мертвой степи» передал его слова часчменам. Они отправились к хозяевам.

В ответ прозвучала целая серия гортанных звуков. Синие Часчи медленно спустились с палубы летательного аппарата, подошли к постоянному двору и остановились перед ним в ряд, блестя серебром своих костюмов. Часчмены вошли в общую комнату. Один из них пролаял:

— Который из вас предводитель? Пусть поднимет руку!

Пройдя мимо часчменов, Рейш вышел во двор и встал перед Часчами, важно взиравшими на него сверху вниз. Он с интересом вглядывался в лица этих странных созданий: глаза, похожие на маленькие металлические шарики, блестя под нависшими тяжелыми лбами, носы, со сложно прорезанными отверстиями, кончались разветвленными наростами, сверкали серебряные шлемы и филигранное серебро одежды. Сейчас их трудно было назвать шутниками, даже жестокими; они выглядели серьезными и угрожающе-угрюмыми.

Рейш встал напротив, скрестив руки на груди. Он ждал, уставившись на посетителей без всякого почтения.

На одном из Часчей был шлем с высоким гребнем. Он произнес сдавленным прерывающимся голосом, характерным для этих тварей:

— Что ты делаешь здесь, в Перу?

— Меня избрали правителем города.

— Ты — тот человек, который без нашего разрешения посетил Дадиче и побывал в техническом центре.

Рейш не ответил.

— Ну, что скажешь? — продолжал Часч. — Ты не можешь отрицать свою вину — твой запах нельзя спутать с другим. Каким-то образом ты сумел проникнуть в Дадиче, а потом выйти из города и при этом все осматривать. Для чего?

— Я никогда раньше не был в вашем городе, — сказал Рейш. — Вы сейчас тоже без разрешения прибыли в Перу, но мы не имеем ничего против, пока вы не нарушаете наших законов. Мне бы хотелось надеяться, что наши жители смогут посещать вас на тех же условиях.

Часчмены хрипло захохотали; Синие Часчи возмущенно и мрачно смотрели на него. Их предводитель в высоком шлеме сказал:

— Ты проповедуешь лжеучение, побуждаешь людей Перы совершать безумства. Откуда у тебя появились такие мысли?

— Это не лжеучение и не безумство, в правильности моих слов очень легко убедиться.

— Ты должен отправиться с нами в Дадиче, — сказал Часч, — чтобы выяснить некоторые неясные моменты. Иди на наш корабль.

Рейш, улыбаясь, отрицательно покачал головой.

— Если у тебя есть вопросы, спрашивай. Потом я буду задавать вопросы.

Предводитель сделал знак часчменам. Они двинулись вперед, чтобы схватить Адама. Он отступил на шаг, посмотрел вверх. Из окон хлынул поток стрел, которые вонзались в горло часчменам. Но снаряды катапульт, направленные против Часчей, отлетали от них, отброшенные силовым полем, не причинив никакого вреда. Они схватились за оружие, но не успели даже прицелиться — Рейш направил на них луч разрушительной энергии. Быстрым поворотом руки он спалил головы и плечи всех шести Часчей. Их тела высоко подпрыгнули, движимые каким-то странным рефлексом, потом с шумом рухнули на землю, осыпанные крошечными шариками расплавленного серебра.

Наступила тишина. Казалось, никто не осмеливался даже перевести дыхание. Потом все глаза обратились к землянину. Люди Перы, словно сговорившись, оглядели трупы Синих Часчей и повернулись в сторону Дадиче.

— Что нам теперь делать? — прошептал Брунтого-серый. — Мы обречены. Они кормят нас хищным красным цветом, которые разводят у себя в садах.

— Именно это и произойдет, — прервал его Рейш, — если мы не примем мер, чтобы предотвратить нападение.

Он сделал сигнал Тразу; воины сняли оружие и снаряжение с обезглавленных Синих Часчей и убитых часчменов. Потом Адам приказал унести тела и предать их земле.

Подойдя к летательному аппарату, он поднялся на палубу. Ему трудно было разобраться в системе управления — педалях, ручках и гибких шлангах. Подошел Анахо.

— Ты знаешь, как работает эта штука? — спросил его Рейш.

Дирдирмен презрительно проворчал:

— Конечно. Это устаревшая система Дайдне.

Рейш осмотрел палубу летательного аппарата.

— А тут что за стволы? Энергетические пушки?

— Да. Конечно, это рухлядь по сравнению с оружием Дирдиров!

— Какова их дальность?

— Небольшая. Это орудия ближнего действия.

— Предположим, мы поставим сюда четыре-пять песчаных пушек. Тогда у нас будет сильная артиллерия.

Анахо коротко кивнул.

— Грубо и непрофессионально, но зато эффективно.

На следующий день после полудня два летательных аппарата Часчей высоко пролетели над Перой и вернулись к себе, не совершив посадки. Через два дня утром из Дадиче двинулась колонна повозок; эта колонна прошла ущелье Белбал. На повозках было около двух сотен часчменов и сотня Часчей. Над ними летели четыре корабля со стрелками и пушками.

Повозки остановились в полумиле от Перы; отряд разделился на четыре колонны, окружившие город со всех сторон. Над каждой парил один из летательных аппаратов.

Рейш разделил свое войско на два взвода и отправил их в южный и западный районы, приказав укрыться среди развалин. Он рассчитывал, что Часчи нападут именно с этих направлений.

Бойцы ополчения выжидали, пока нападавшие, продвигавшиеся очень осторожно и медленно, вошли в город примерно на сотню ярдов. Потом, внезапно выскочив из засады, обстреляли врагов из катапульт, песочных ружей, пистолетов, взятых в арсенале Гохо, и оружия, которое отобрали у убитых.

Они сосредоточили огонь на Часчах. Две трети созданий были убиты за первые пять минут стычки. Пала почти половина часчменов. Остальные дрогнули, повернули и пустились в бегство за пределы города.

Летательные аппараты снизились и направили на защитников Перы смертоносные лучи. Бойцы ополчения укрылись в развалинах; корабли опустили еще ниже.

Высоко над ними появился принадлежащий защитникам Перы летательный аппарат. Перед началом битвы Рейш приказал установить на нем песочные орудия, отлететь на пять миль в степь и приземлиться там, укрывшись в кустах. Сейчас он опускался все ниже и ниже... Наконец песочные пушки и лучевые орудия открыли огонь. Все корабли Часчей, словно камни, рухнули вниз. Потом летательный аппарат Рейша перелетел на другой конец города и обстрелял колонны, направлявшиеся к северному и восточному районам Перы, а бойцы ополчения громили их с флангов. Отряд Часчей отступил с большими потерями. Ошеломленные нападением с воздуха, они бросились куда глаза глядят. Ополченцы преследовали их по пятам.

Глава 12

— Сегодня мы победили, потому что враги считали, что легко с нами справятся, — говорил Рейш командирам отрядов, возбужденным одержанной победой, — но они могут бросить против нас силы, намного превосходящие наши. Я думаю, этой ночью Часчи соберут целую армию — все свои летающие плоты, все войска. А завтра отправят их на Перу, чтобы нас покарать. Звучит убедительно?

Никто не стал ему возражать.

— Раз уж мы решили вести войну с Синими Часчами, нам надо опередить их и приготовить несколько сюрпризов. Они очень низкого мнения о людях, и в этом их слабость — мы можем неприятно удивить их. Надо расположить артиллерию так, чтобы она причинила им как можно больше вреда.

Брунtego-серый вздрогнул и приложил ладони к щекам.

— У них, наверное, больше тысячи солдат-часчменов. У них есть воздушные корабли и лучевые пушки, а мы всего лишь люди, и главное наше орудие — катапульти.

— Катапульти убивают так же, как лучевые пистолеты, — заметил Адам.

— А летающие плоты, а снаряды, а сила и разум Синих Часчей! Они сотрут нас с лица земли и превратят Перу в пустыню.

Тостиг пробормотал:

— Мы верно служили им и отдавали почти даром наши товары. Почему ты думаешь, что они предпочтут лишиться своих доходов только ради того, чтобы показать свою силу?

— Потому что такова натура Синих Часчей!

Старый кочевник покачал головой.

— Нет. Старых — возможно, но не Синих! Они способны осадить город, заставить нас голодать и сдаться, а потом увезут всех предводителей в Дадиче для примерного наказания.

— Разумно, — согласился Анахо. — Но можем ли мы ожидать от Синих Часчей разумного поведения? Все Часчи — полусумасшедшие.

— Поэтому мы должны сравняться с ними — безумный поступок против безумных.

Брунтего фыркнул:

— Безумие — единственное, в чем мы можем состязаться с Синими Часчами.

Спор продолжался: выдвигались и отвергались предложения. Наконец пришли к согласию относительно основной части плана. Во все стороны Перы разослали гонцов поднимать народ. Под аккомпанемент плача, воплей и слабых протестов женщин, детей, стариков и мужчин, не принимающих участие в боевых действиях, усадили на повозки и отправили в темноте в скрытое среди гор ущелье, находящееся за двадцать миль к югу, где для них устроили временный лагерь.

Ополченцы, взяв все свое оружие, двинулись к ущелью Белбал.

Рейш, Траз и Анахо остались в Пере. Клетка с войнами Зеленых Часчей, закутанная в плотную ткань, была установлена на палубе летательного аппарата. На рассвете Анахо поднял корабль в воздух и сориентировал его на северо-восток, куда были неотрывно устремлены глаза Зеленых Часчей. Они пролетели двадцать миль, затем еще двадцать, и тут Траз, который сидел у клетки, наблюдая за свирепыми тварями через отверстие, сделанное в ткани, крикнул:

— Они повернулись в противоположную сторону — на запад!

Дирдирмен резко повернул корабль в этом направлении и через несколько минут стал виден лагерь Зеленых Часчей у болота, в роще высоких деревьев, похожих на гигантские кусты травы.

— Не подлетай слишком близко, — сказал Рейш, рассматривая лагерь через сканскоп. — Нам достаточно знать, что они здесь. Назад.

Корабль повернул к югу, обогнув скалы, обрамляющие западное побережье океана Счанизал. Пролетев над ущельем Белбал, они приземлились на возвышенности, с которой были видны Дадиче и их город.

Прошло два часа. Рейш чувствовал все большее беспокойство. Его план основывался на гипотезах и предположениях, но от непредсказуемых Часчей можно было ожидать чего угодно. Наконец, к огромному облегчению Адама, из Дадиче показалась длинная темная колонна. Глядя через сканскоп, Рейш увидел сотню повозок, в которых сидели часчмены и Синие Часчи. Другие повозки были нагружены разнообразным оружием и снаряжением.

— На этот раз они отнеслись к нам серьезно, — сказал Рейш. Он направил сканскоп в небо. — Воздушных кораблей не видно. Они, конечно, отправят кого-нибудь на разведку... Время двигаться. Через полчаса они пройдут через ущелье Белбал.

Они направили свой летательный аппарат в степь и приземлились на несколько миль к югу от дороги. Выкатили клетку на землю, сня-

ли с нее ткань. Чудовишные зеленые воины бросились к двери своей темницы, осматривая окрестности.

Рейш отпер дверь, отодвинул задвижку и отбежал к кораблю, который Анахо тотчас же поднял в воздух. Зеленые Часчи выскочили из клетки с оглушительными победными криками и выпрямились во весь свой гигантский рост. Они вращали блестящими, словно металлическими, глазами, глядя на корабль Адама, и сжимали огромные кулаки, выражая презрение и ненависть. Потом, повернувшись к северу, пустились через степь быстрой рысью, почти не сгибая ног, как бегают только существа этой расы.

В ущелье Белбал показались повозки из Дадиче. Зеленые Часчи остановились, с удивлением глядя на них, потом отбежали к зарослям высоких кустов и замерли, став почти невидимыми.

Повозки двигались по дороге, их линия вытянулась по пустыне на целую милю.

Анахо направил корабль к темной впадине, почти на краю дороги, и приземлился. Рейш снова осмотрел небо через сканскоп, потом поглядел на восток. Зеленые Часчи были незаметны среди густой листвы. Войско из Дадиче напоминало грозную темную гусеницу, неуклонно ползущую к Пере.

За сорок миль к северу раскинулся лагерь Зеленых Часчей.

Адам вернулся на корабль.

— Мы сделали что могли, — сказал он. — Теперь надо ждать.

Войско Синих Часчей приближалось к Пере, потом разделилось, как в прошлый раз, на четыре колонны и окружило пустые развалины. Смертоносные лучи были направлены на те улицы, где, как полагали завоеватели, находились укрепления; побежали вперед разведчики, держа наготове оружие. Добежав до первого нагромождения бетонных блоков, они, не открывая огня, остановились, перестраиваясь и выбирая новые цели.

Через полчаса разведчики вышли из города, гоня перед собой группу жителей, которые по недосмотру или инертности не выехали вместе со всеми.

Прошло еще примерно четверть часа, пока допрашивали этих людей. Командиры Синих Часчей стояли в нерешительности, советуясь друг с другом. Было ясно, что они не ожидали застать город опустевшим, и это казалось им неразрешимой загадкой.

Отряды, окружавшие город, вернулись к главным силам; вскоре воины двинулись обратно к Дадиче, озадаченные и мрачные.

Рейш направил сканскоп на север, в пустыню, ожидая увидеть там хоть какое-то движение. Если Зеленые Часчи действительно были теплепатами и если они действительно так сильно ненавидели Синих, как ему рассказывали, они должны появиться именно сейчас. Но степь расстилалась перед ним пустая, затянутая пыльной дымкой, никакого движения.

Отряды Синих Часчей двинулись обратно, к ущелью Белбал. И тут из густого кустарника, зарослей высокой травы, из-за небольших пригорков, словно из-под земли, на них хлынула орда Зеленых Часчей. Рейш не мог понять, как такое множество воинов на огромных конях-прыгунках подкралось так незаметно. Они набросились на колонны Синих, описывая десятифутовые полукруги своими саблями. Тяжелая артиллерия, которую везли на повозках, оказалась бесполезной: Зеленые Часчи пронеслись вдоль колонны, устроив настоящую бойню.

Рейш отвернулся, чувствуя, что его мутит. Взойдя на борт воздушного корабля, он приказал:

— Назад, через горы, к нашим.

Они встретились со своими воинами в условленном месте, ущелье, на полмили к югу от Белбала. Ополчение направилось вниз по холму под прикрытием деревьев и скал. Рейш остался на корабле, осматривая небо через сканскоп, опасаясь разведчиков Часчей. Неожиданно группа летательных аппаратов поднялась со стороны Дадиче и на полной скорости полетела к востоку: очевидно, подкрепление войскам. Рейш видел, как они повернули к Белбалу. Повернув сканскоп к Дадиче, он заметил под городскими стенами белую форму воинов Перы.

— Сейчас, — сказал он Анахо, — самое подходящее время.

Корабль Рейша направился к воротам вражеского города. Стражи, думая, что это летательный аппарат Часчей, удивленно подняли головы. Рейш, стараясь не поддаваться чувству жалости, выстрелил из песочной пушки. Путь в Дадиче был открыт. Отряды ополченцев Перы хлынули в город.

Спрыгнув с палубы корабля, Адам послал два взвода захватить ангар, где стояли воздушные корабли. Один взвод встал у главных ворот, подвезя к ним песочные пушки и лучевые орудия. Два взвода были отправлены патрулировать город и подавлять возможное сопротивление.

Жестокие и безжалостные, как все другие обитатели планеты Тчаи, они причмались по опустевшим улицам Дадиче, убивая Часчей и часчменов — мужчин и женщин, которые пытались оказать малейшее сопротивление. Навыки дисциплины, с которыми они познакомились лишь два дня назад, полностью улетучились: дух тысяч поколений, выросших в атмосфере страха и ненависти, пробудился, жаждая крови и мести.

Рейш вместе с Анахо, Тразом и шестью воинами полетел к техническому центру. Ворота были закрыты, здание казалось пустым. Корабль опустился рядом с воротами центра; залп песочных пушек сломал ворота. Рейш, не в силах одержать беспокоество, вбежал внутрь.

Вот и знакомый силуэт разведывательного бота.

Чувствуя, как сильно бьется сердце, Рейш подошел к боту. Палуба вскрыта; все содержимое — двигатели, аккумуляторы, конвертер — исчезло. Корабль превратился в пустую жестянку.

Конечно, Адам не ожидал, что найдет его невредимым, в рабочем состоянии. Но все же в глубине души надеялся...

Теперь он должен забыть о своем глупом оптимизме; надежда вернуться на Землю превратилась в пустую мечту. Его бот выпотрошен. Машины сняли, коробку двигателей вскрыли — сложное равновесие полностью нарушено.

Рейш оглянулся на Анахо, стоявшего у него за спиной.

— Это не изделие Синих Часчей, Дирдиров или Ванкхов, — задумчиво произнес он.

Рейш присел на скамью, почувствовав неожиданную слабость.

— Верно.

— Эта вещь сделана очень искусно: у нее утонченные формы, — пробормотал Анахо. — Где она построена?

— На Земле, — ответил Рейш.

— Земле?

— На планете людей.

Дирдирмен отвернулся, его бледное лицо арлекина, казалось, стало еще бледнее, щеки сильнее втянулись — рушились все его привычные понятия.

— Интересное предположение, — неуверенно пробормотал он, пытаясь скрыть волнение.

Адам мрачно оглядел бот, но не нашел ничего, что могло бы его утешить. Он вышел из дома, где выслушал донесение, отправленное патрулем, охранявшим ворота. Замечены остатки войска Синих Часчей, спускающиеся с холма. Их было довольно много, так что можно было предположить, что в конце концов нападение Зеленых было отбито.

Два взвода, которые отправились патрулировать Дадиче, полностью вышли из-под контроля, и их невозможно было отозвать. Еще два подразделения охраняли поле, где приземлялись летательные аппараты. Оставался только взвод у входа в город — немногим больше сотни воинов.

Они решили подготовить засаду. Ворота были закрыты, чтобы все выглядело, как обычно. Трое из жителей Перы в одежде часчменов с фальшивыми скальпами на голове стояли перед воротами.

Остатки разбитой армии Часчей приблизились к городу. Не заметив ничего необычного, они вошли в ворота. Песочные пушки и лучевые орудия открыли огонь; вражеские колонны дрогнули и рассеялись. Оставшиеся в живых были слишком ошеломлены, чтобы оказать какое-либо сопротивление. Некоторые пытались бежать обратно в степь, их преследовали вопящие люди в белой форме; другие часчмены застыли на месте, и люди Перы убивали их без пощады.

Большой части воинов, находившейся на летательных аппаратах, удалось спастись от избиения. Увидев сверху, что происходит в воротах и на улицах города, они не пытались приземлиться. Люди Перы,

незнакомые с орудиями Часчей, пытались их сбить, стреляя наудачу, и им удалось подстрелить четыре летающих лодки. Остальные сделали несколько кругов над городом, очевидно не зная, что предпринять. Покружив около пяти минут, они повернули на юг, к Саабе, Дкеме, Аудисчу — городам Синих Часчей.

Стычки периодически возобновлялись. Все Часчи — старики, самки, детеныши — были перебиты. Рейшу удалось спасти от расправы часчмен и их женщин, кроме тех, что одеты в багрово-серые одежды. Стражники и полицейские разделили участь своих повелителей.

Оставшиеся в живых часчмены, сбросив с себя фальшивые скальпы, собрались мрачной толпой на главной улице Дадиче.

На закате воины ополчения Перы, утолив жажду мести, нагруженные добычей, собрались у ворот, не желая проводить ночь в мертвом городе. Разожгли костры, приготовили еду.

Рейш, чувствуя жалость к несчастным часчменам, все потерявшим за один день, отправился к тем, кто сидел небольшими группами на улице. Женщины тихо оплакивали убитых.

— Что ты собираешься сделать с нами? — резко спросил его коренастый часчмен.

— Ничего, — ответил Адам. — Мы уничтожили Синих Часчей, потому что они напали на нас. Вы люди. Если вы не тронете нас, мы не сделаем вам ничего плохого.

— Вы уже перебили многих из нас, — проворчал часчмен.

— Потому что вы предпочли сражаться на стороне Часчей против людей. Это неестественно.

— Что тут неестественного? — огрызнулся часчмен. — Мы часчмены, это первая фаза великого цикла.

— Что за чушь! — возразил Рейш. — Вы такие же Часчи, как этот дирдирмен — Дирдир. И вы и он люди. Часчи и Дирдиры превратили вас в рабов, исковеркали вашу жизнь. Настало время открыть всю правду!

Женщины часчмен и умолкли, мужчины повернулись к Рейшу.

— Можете жить, как вам нравится, — продолжал Рейш. — Город Дадиче — ваш, если, конечно, Синие Часчи не вернутся сюда.

— Что ты хочешь сказать? — хрипло спросил часчмен.

— Именно то, что сказал. Завтра мы возвращаемся в Перу. Дадиче принадлежит вам.

— Все это прекрасно, но если к нам придут Синие Часчи из Саабы, Дкеме, Лизизаудре... они обязательно явятся сюда. Что тогда будет?

— Убивайте их, гоните отсюда! Дадиче теперь город людей! А если не верите, что ваши повелители обманывали вас, идите в дом мертвых, что у городской стены. Вас уверяли, что вы личинки, что детеныш Часчей выходит из черепа умершего. Подите и проверьте! Вы не найдете там никаких зародышей — только человеческие мозги. Можете расходиться по домам. Единственное, что я вам запрещаю, — это ношение фальшивых

скальпов. Если вы наденете их, мы будем считать вас не людьми, а Синими Часчами и поступать как подобает с врагами.

Адам вернулся в лагерь. Неуверенно, словно боясь, что Рейш обманул их, пообещав пощаду, часчмены поодиночке стали пробираться в темноте в свои хижины.

— Я слышал, что ты говорил, — обратился к приятелю Анахо. — Ты ничего не знаешь о Дирдирах и дирдирменах! Даже если твоя теория окажется верной, мы все же останемся дирдирменами! Мы признаем их превосходство, их совершенство, но мы не стараемся достигнуть недостижимого, ибо тень никогда не будет ярче Солнца и люди никогда не превзойдут Дирдиров.

— Ты слишком упрям и страдаешь отсутствием воображения, — огрызнулся рассерженный Рейш. — Для умного человека это непροститительно! Я уверен, что когда-нибудь ты поймешь свою ошибку, а пока что можешь думать что хочешь.

Глава 13

Лагерь ожил еще до зари. Повозки, нагруженные добычей, направились на запад, вырисовываясь черными силуэтами на желтоватом небе.

В Дадиче часчмены, похожие на странных лысых гномов без своих фальшивых скальпов, собирали тела убитых, относили к глубокой яме и засыпали землей. Вытащили группу Синих Часчей из укромных уголков, где они прятались. Насытившись убийствами, жители Перы отвели Часчей в загородку, откуда те с неописуемым удивлением смотрели на спящих повсюду людей.

Адама беспокоила возможность нападения Часчей из южных городов, но Анахо просветил его на этот счет:

— У них не хватает храбрости воевать. Они угрожают городам Дирдиров своими ракетами, но только для того, чтобы избежать войны. Они никогда не нападают первыми: единственное, что им нужно, — жить без помех в своих садах. Они могут послать часчменов против нас, но я предполагаю, что они ничего не предпримут, если не будет прямой угрозы их благополучию.

— Может быть, и так. — Рейш обратился к пленным Часчам: — Я отпускаю вас. Идите в свои южные города и скажите вашим родичам в Саабе и Дкекме, что, если они тронут нас, мы их уничтожим.

— Это далекий путь, — проквакал один из Часчей. — Неужели мы должны идти пешком? Дай нам один из наших воздушных кораблей.

— Идите! Мы вам ничем не обязаны!

Часчи отправились в степь.

Не вполне убежденный в том, что Синие Часчи отказались от мести, Рейш приказал установить орудия на девяти летательных аппара-

тах, которые они нашли в ангаре, и отправил их в укрытия, расположенные среди холмов.

На следующий день вместе с Тразом, Анахо и Дерл он снова тщательно осмотрел Дадиче. В техническом центре он еще раз обследовал корпус своего бота, размышляя о том, как его исправить.

— Если бы я мог использовать этот завод и заручился бы помощью двадцати специалистов, я мог бы соорудить новый двигатель. Может быть, более целесообразно применить двигатели Часчей, но тогда возникнет проблема с системой управления... Легче построить новый космический корабль.

Дерл, нахмурившись, посмотрела на выпотрошенный бот.

— Значит, тебе так уж хочется покинуть Тчай? Ты ведь еще не был в Кете! Может быть, тебе тогда вовсе не захочется уезжать!

— Возможно, — заметил Рейш. — Но ты никогда не была на Земле. Может быть, тебе не захочется возвращаться на Тчай.

— Это, должно быть, очень странный мир, — пробормотала Цветок Кета. — А девушки на Земле красивые?

— Некоторые — очень, — ответил Адам. Он взял девушку за руку. — На Тчай тоже есть красивые девушки. Имя одной из них... — И он прошептал ей на ухо тайное имя.

Вспыхнув, она закрыла ему ладонью рот.

— Тихо! Нас могут услышать!

Книга вторая

СЛУТИ ВАНКХОВ

Глава 1

В двух тысячах миль от Перы, в самом сердце Мертвой степи, в небе показался воздушный корабль. Полет его был неровным — он то плавно скользил на одном уровне, то конвульсивно дергался и падал на несколько метров, потом неожиданно взмывал выше прежнего.

Оглянувшись на корму, Адам Рейш подбежал к вычурному бельведеру, где находились пульт управления и двигатель. Подняв фигурную литую бронзовую крышку, он стал всматриваться в завитушки, цветочные узоры, причудливые фигуры, которые почти целиком покрывали поверхность двигателя, — Часчи питали какую-то болезненную страсть к различным украшениям.

— Тебе понятно, что здесь разладилось? — спросил Рейш.

Сжав длинными тонкими пальцами бледные ноздри, Анахо что-то пробормотал относительно «древней рухляди Часчей» и «безумном плане». Рейш, хорошо знакомый с причудами дирдирмена, понял, что тот слишком тщеславен, чтобы признать свое невежество в чем бы то ни было, и слишком горд, чтобы делать вид, будто ему все известно.

Корабль снова задрожал, дернулся и резко спустился. В то же время из деревянного ящика черного дерева с четырьмя декоративными зубцами, находящегося сбоку от двигателя, раздался тихий скрежещущий звук. Анахо повелительно постучал по ящику костяшками пальцев. Корабль выровнялся, и шум утих.

— Коррозия, — сказал Анахо. — Двигатель работал больше сотни лет. Думаю, он сделан по образцу неудачной модели Хейзакима Бурсы, от которой Дирдиры отказались уже двести лет назад.

— Мы сможем его починить?

— Откуда мне знать? Мне страшно даже прикасаться к этой развалине.

Они постояли, прислушиваясь. Двигатель устало вздохнул и ровно загудел. Рейш опустил бронзовую крышку, и они с Анахо вернулись на нос корабля.

Траз, отстоявший ночную вахту, спал, свернувшись клубком на диване. На устланной зелеными шелковыми подушками скамье под вычурным кормовым фонарем, поджав ногу и подперев ладонью подбородок, застыла Илин-Илан, Цветок Кета, неотрывно глядя на восток, туда, где находилась ее родина.

Девушка сидела так часами и молчала; ее прекрасные волосы развевались по ветру. Рейш никак не мог понять, что с ней происходит. В Пере она мечтала о том, как вернется в Кет, и говорила лишь о красоте и роскоши дворца Голубого Нефрита, о том, как будет благодарен ее отец Рейшу, если тот доставит дочь домой. Она описывала чудесные балы, невиданные празднества, прогулки на лодках, маскарады, в зависимости от того, как обернется «круг». «Что такое «круг»? — спросил ее как-то Рейш, но Илин-Илан, Цветок Кета, лишь рассмеялась в ответ: «Круг» — это движение всех вещей. Мудрецы знают, что с ними было и что будет, потому они и мудрецы. Ах, это так интересно и весело!»

Теперь, когда девушка уже находилась на пути в Кет, ее настроение внезапно изменилось. Она сделалась задумчивой, отчужденной, словно отдалилась от всего окружающего, и не отвечала на расспросы. Рейш пожимал плечами и отворачивался. Их близости пришел конец. «Что ж, так будет лучше», — говорил он себе. Но все же его не переставал мучить вопрос — почему это случилось? Он стремился в Кет по двум причинам: во-первых, чтобы сдержать обещание, данное девушке, а во-вторых, Рейш надеялся, что сможет построить там космический корабль, пусть самый маленький и несовершенный. И если владелец дворца Голубого Нефрита поможет ему, тем лучше. По правде говоря, такая помощь была ему просто необходима.

Путь в Кет лежал через Мертвую степь, на юг вдоль горной цепи Оджаналай, потом на северо-восток, через степь Лок-Лу, через Заркен, или Дикую пустыню, над морем Аченкин к городу под названием Нерв, потом снова на юг вдоль берега Чарчана. И было бы настоящей катастрофой, если бы их корабль сломался, не долетев до Нерва. Словно подтверждая мысли Рейша, машина слабо дернулась, но выровнялась и полетела дальше.

Прошел день. Внизу простиралась Мертвая степь, безжизненная и серая под слабым светом Карины-4269. Перед заходом солнца они пересекли широкую и величественную реку Ятл и всю ночь летели, освещенные лучами розовой луны Аз и голубой — Браз. Утром на севере показались низкие холмы, которые, постепенно становясь все выше, переходили в горную цепь Оджаналай.

В десять часов утра путешественники приземлились у небольшого озера, чтобы пополнить запас воды.

— Где-то неподалеку Зеленые Часчи, — обеспокоенно сказал Траз, указав на лес примерно к югу от озера. — Они, наверное, прячутся в этом лесу и наблюдают за нами.

Едва они успели набрать воды, как из леса выскочил отряд Зеленых Часчей — примерно сорок воинов верхом на огромных прыгунках. Илин-Илан медленно, словно намеренно испытывая судьбу, подошла к кораблю. Рейш забросил ее на борт, Анахо подхватил девушку, может быть, даже слишком поспешно. Двигатель заворчал и зашипел; корабль дергался и никак не мог оторваться от земли.

Рейш бросился на корму, поднял бронзовую крышку и изо всех сил ударил по деревянному ящику. Воздушный плот перестал дергаться, поднялся в воздух и завис лишь в нескольких ярдах над головами скачущих воинов с саблями длиной в десять футов. Прыгунки, скользя по влажной почве, остановились, воины нацелили на корабль катапульты, и в воздухе засвистели длинные железные стрелы. Но к этому времени путешественники поднялись уже на пятьсот футов, и лишь две стрелы упали на палубу, не причинив никакого вреда.

Воздушный плот, судорожно вздрагивая, летел на восток. Зеленые Часчи не отставали, но корабль, виляя, дергаясь из стороны в сторону, проваливаясь, иногда даже угрожающе кренясь, постепенно оторвался от преследователей.

Наконец толчки стали невыносимыми. Рейш вновь и вновь бил кулаком по коробке двигателя, но безрезультатно.

- Мы должны что-то сделать, — сказал он Анахо.
- Можно попытаться, но сначала надо приземлиться.
- В степи? А если Зеленые Часчи догонят нас?
- Мы больше не можем держаться в воздухе.

Траз указал на север, где цепь холмов переходила в ряд стоящих поодиночке высоких скал с плоским верхом.

- Лучше всего нам приземлиться на одном из этих утесов.

Анахо круто повернул корабль на север, что вызвало ужасную тряску. Потом плот начал крутиться, как подвешенная на нитке игрушка.

- Садись! — крикнул Рейш.

- Сомневаюсь, что мы дотянем до скалы, — пробормотал Анахо.

— Попытайся сесть вон туда! — изо всех сил завопил Траз, стараясь перекричать вой двигателя.

Утес с почти отвесными склонами показался Рейшу самым подходящим. Нужно было еще хоть немного продержаться в воздухе.

Анахо убавил скорость — корабль медленно поплыл по воздуху, одолел расстояние до скалы и тяжело плюхнулся на плоскую вершину. Неожиданная остановка ошеломила, как ошеломяет внезапная тишина после постоянного сильного шума.

Рейш и его спутники сошли на землю и постарались расслабиться. Рейш огляделся, и сердце у него упало. Трудно было вообразить более неудобное место, чем вершина утеса, вознесшегося на четыреста футов над самым центром Мертвой степи. Надежда добраться без всяких помех до Кета скорее всего не сбудется.

Траз подошел к краю скалы и взглянул вниз.

— Отсюда даже не спустишься, — пробормотал он.

В рюкзаке Рейша лежали взятые с разведывательного бота пистолет, батарейка, сканскоп, нож, различные антисептические средства и тысячефутовый моток крепкой веревки.

— Спуститься-то мы сможем, — возразил Рейш, — но я бы предпочел улететь. — Он повернулся к Анахо, который стоял возле летательного аппарата, мрачно изучая его. — Как ты думаешь, мы сможем что-нибудь сделать с этой развалиной?

Анахо с недовольным видом потер руки.

— Учти, я не обучался подобным вещам специально.

— Покажи мне, что здесь не в порядке, — попросил Рейш. — Может быть, я сам смогу исправить.

Длинное лицо Анахо вытянулось еще больше. Рейш был живым опровержением многих истин, затверженных им с детства. Согласно верованиям своих хозяев, дирдирмены вместе с этими созданиями появились из Первичного яйца на планете Сибол — родине Дирдиров. Они — единственные настоящие люди; все остальные — выродки. Анахо с трудом удавалось примирить спокойную уверенность Рейша, его разнообразные знания со своими предрассудками, и его отношение к землянину было странной смесью зависти и неодобрения, невольного восхищения и вынужденной преданности. И сейчас, не желая, чтобы Рейш превзошел его еще в чем-то, он быстро направился на корму летательного аппарата и склонил бледное, словно осыпанное пудрой, лицо над бронзовой крышкой двигателя.

На плоской поверхности утеса не было никакой растительности; кое-где виднелись небольшие рытвины, заполненные крупным песком. Илин-Илан с капризной гримасой бродила по площадке. На ней были серые шаровары, кофта и черная бархатная жилетка — одежда кочевников Мертвой степи. «Наверное, она первой ступила на эту скалу», — подумал Рейш. Траз стоял неподвижно, глядя на запад. Рейш приблизился к юноше, и они вместе подошли к краю площадки. Рейш долго всматривался в потемневшую стель, но ничего не увидел.

— Зеленые Часчи, — пробормотал Траз. — Они знают, что мы здесь.

Рейш оглядел стель от низких холмов на севере до туманной дымки, расстилавшейся на юге, но не заметил ни малейшего движения. На всем обширном пространстве не было видно даже облачка пыли. Вынув из рюкзака сканскоп, он направил его в серо-коричневую даль и тотчас увидел черные пятна, скачущие, словно блохи.

— Да, они гонятся за нами.

Траз кивнул, не выказывая особого волнения. Рейш улыбнулся. Он никак не мог привыкнуть к мрачной сдержанности юноши, его почти стариковской рассудительности.

— Ну, как дела? — спросил он, подойдя к Анахо, который не переставал возиться с двигателем.

Анахо в ответ раздраженно махнул рукой и пожал плечами.

— Посмотри сам.

Рейш подошел поближе, заглянул в черный ящик, открытый Анахо, и увидел сложное переплетение мелких ячеек и проводов.

— Все дело в коррозии. Этой штуке по меньшей мере сто лет. Я надеюсь, что смогу заменить металлические части вот здесь. — Указав на наиболее заржавевшие места, дирдирмен добавил: — Это будет нелегко без подходящих материалов и инструментов.

— Значит, сегодня мы не улетим?

— Может быть, завтра в полдень.

Рейш обошел площадку размером в три-четыре сотни квадратных ярдов и почувствовал себя более уверенно. Склоны утеса были вертикальными, а у его подножия виднелось множество глубоких провалов и пещер. Вряд ли Зеленые Часки смогут забраться наверх. К тому же Рейш сомневался, что они пойдут на подобный риск ради сомнительного удовольствия покончить с несколькими представителями расы людей.

Скоро закат. В небе висело холодное янтарное солнце; длинные тени Рейша, Тразы и Илин-Илан протянулись через всю площадку. Оторвав взгляд от восточного края степи, девушка повернулась к Рейшу и Тразу, оглядела их и медленно, словно помимо воли, направилась к ним...

— Куда вы глядите?

Рейш вытянул руку. Зеленые Часки на своих огромных прыгунках были уже видны невооруженным глазом: черные пятна, совершающие головокружные прыжки.

... Илин-Илан судорожно вздохнула.

— Они гонятся за нами?

— Думаю, да.

— А мы сумеем отогнать их? Какое у нас есть оружие?

— На корабле установлены песочные пушки. Если Часки сумеют взобраться на скалу после наступления темноты, нам придется плохо. А пока светло, бояться нечего.

Губы Илин-Илан дрогнули.

— Если я когда-нибудь вернусь в Кет, — чуть слышно произнесла она, — то спрячусь в самом дальнем уголке сада дворца Голубого Нефрита и никогда не выйду оттуда. Если я когда-нибудь вернусь...

Рейш обнял девушку; она застыла, словно неживая.

— Конечно, ты вернешься, — успокоил он ее, — и будешь жить по-прежнему.

— Нет, другую красавицу нарекут Цветком Кета... Ну и ладно. Пусть выберет себе в спутницы кого-нибудь еще...

Настроение Илин-Илан удивляло Рейша. Она стоически перенесла все испытания и теперь, по пути домой, стала печальной и даже мрачной.

Зеленые Часчи были уже на расстоянии мили. Рейш и Траз отошли от края площадки, чтобы не привлекать внимания, если эти твари еще не знают, где находятся беглецы. Но их надежда была напрасной. Преследователи подкакали к основанию утеса и, спешившись, остановились, глядя вверх, на площадку. Осторожно выглянув из-за края скалы, Рейш насчитал сорок созданий ростом семь-восемь футов, с толстыми и крепкими конечностями, с ног до головы покрытых чешуей, сверкавшей металлическим зеленым блеском. Под тяжелой лобной костью их лица казались маленькими и напоминали увеличенную во много раз голову какого-то насекомого. Воины были одеты в кожаные передники, пояса и ременные плетения, перекинутые через плечо, и вооружены саблями, длинными и негнущимися, как почти все холодное оружие на планете Тчаи, длиной от восьми до десяти футов, а может, даже больше. Несколько воинов зарядили свои катапульты; Рейш пригнулся и огляделся в поисках камней, которые можно было бы швырять вниз. Но поверхность площадки, покрытая песком, была пустой.

Несколько Часчей, вскочив на своих прыгунков, стали объезжать скалу, оглядывая склоны. Траз побежал вдоль обрыва, чтобы не упустить их из виду.

Потом воины снова собрались вместе и о чем-то долго совещались, наклонив друг к другу головы. «Вряд ли им очень хочется взбираться на отвесную скалу», — подумал Рейш. Расположившись лагерем у подножия утеса, они расседлали коней и стали кидать в бледно-розовые пасти своих скакунов куски какой-то темной липкой массы. Разложив три костра, подвесили над ними котлы, куда положили ту же темную массу, которой кормили прыгунков, и наконец, скорчившись перед кострами, словно гигантские жабы, принялись бесстрастно хлебать темную жидкость, черпая прямо из котлов. Солнце скрылось на западе за лиловой дымкой. Над степью опустились сумерки. Анахо выглянул из-за края площадки, стараясь разглядеть Зеленых Часчей.

— Это твари из орды малых зантов, — произнес он. — Видите выступы по обе стороны головы? Этим они отличаются от великих зантов и других орд Зеленых Часчей. Они не представляют большой опасности.

— А мне они кажутся достаточно опасными, — возразил Рейш.

Вдруг Траз вздрогнул и указал на подножие скалы. В одном из провалов, между двумя каменными выступами, маячила длинная черная тень.

— Фунг!

Направив сканскоп на тень, Рейш убедился, что юноша оказался прав. Откуда появилось это странное создание?

Ростом более восьми футов, фунг был облачен в черную мягкую шляпу и черный плащ и напоминал гигантского кузнечика в парадном одеянии.

Рейш принялся изучать его лицо: в нижней его части двигались хитиновые пластины, словно фунг все время что-то пережевывал. Он мрачно наблюдал за Часчами, откинув голову, словно они находились далеко, хотя воины сидели, склонившись над едой, всего в нескольких шагах от него.

— Безумное существо, — прошептал Траз. Глаза его взволнованно блеснули. — Посмотри, сейчас он будет их дразнить!

Фунг опустил длинную тонкую руку, схватил большой камень и швырнул его высоко в воздух. Камень упал на согнутую спину одного из Часчей.

Огромные создания вскочили и задрали головы, пытаясь разглядеть вершину утеса. Фунг, невидимый в густой тени утеса, стоял неподвижно. Воин, в которого попал обломок скалы, лежал на животе, делая странные конвульсивные плавающие движения руками и ногами.

Фунг подобрал с земли второй острый камень, еще больше первого, и опять бросил его в Часчей, но на сей раз те заметили его. Выхватив из ножен сабли и яростно вопя, они бросились вперед. Не торопясь, словно танцуя какой-то церемониальный танец, фунг сделал шаг в сторону, потом высоко подпрыгнул, извлек из ножен тяжелую саблю и принялся размахивать ею с такой легкостью, будто держал в руках зубочистку. Он нападал и отскакивал, колол и рубил, поворачиваясь во все стороны и явно ничего не видя перед собой. Под его яростным натиском Часчи рассыпались; несколько воинов уже неподвижно лежали на земле, а фунг танцевал среди них свой странный танец, высоко подпрыгивая, и, словно вышедший из повиновения автомат, поражал без разбора Зеленых Часчей, костер, воздух.

Пригнувшись, Зеленые Часчи мелкими перебежками приблизились к фунгу и бросились на него. Они взмахивали своими тяжелыми саблями, стараясь издали поразить врага. Фунг вдруг отбросил оружие, словно оно было из раскаленной стали, и Часчи тут же изрубили его на куски. Голова отскочила от туловища и упала на землю на расстоянии десяти футов от костра. На ней все еще оставалась мягкая черная шляпа. Рейш рассмотрел голову в сканскоп. Она казалась живой, неповрежденной, лицо выглядело совершенно спокойным. Глаза были устремлены на огонь, хитиновые пластинки медленно шевелились, челюсти совершали жевательные движения.

— Эта голова будет жить еще несколько дней, пока не высохнет, — хрипло произнес Траз. — Постепенно она закаменеет.

Не обращая на изрубленного фунга никакого внимания, Часчи стали садиться прыжками. Нагрузив на них припасы и снаряжение, они вскочили в седла и через несколько минут скрылись в темноте. Отрубленная голова фунга продолжала гримасничать в неверном свете костра.

Некоторое время Рейш и его спутники стояли у обрывистого склона, глядя в потемневшую степь. Траз и Анахо затеяли спор о том, отку-

да берутся фунги. Юноша заявил, что они происходят от противоестественной связи Прислужников Пнумов и умерших Пнумов.

— Зародыш прорастает в трупe, как древесный червь в коре дерева, прогрызает кожу — и вылупляется молодой фунг, похожий на безволосого ночного пса.

— Что за идиотские выдумки, мой юный друг, — снисходительно заметил Анахо. — Конечно, они размножаются так же, как Пнумы — удивительный процесс, если верно то, что мне рассказывали!

Траз, такой же гордый и самоуверенный, как Анахо, нахмурился.

— Откуда ты знаешь? — раздраженно спросил он. — Ты что, присутствовал при рождении Пнума? Когда-нибудь видел фунга вместе с другими, такими же, как он? Может быть, встречал его детенышей? — Траз опустил уголки губ в пренебрежительной гримасе. — Нет, они всегда ходят поодиночке: эти создания безумны и не могут размножаться, как прочие живые существа!

Анахо отмахнулся от Траза.

— Мы очень редко видим и Пнумов рядом с себе подобными, — сказал он поучающим тоном, словно учитель, объясняющий очевидные вещи непонятливому ученику. — Но они продолжают жить и размножаться, каким бы странным нам ни казался их образ жизни. Не стоит делать поспешных заключений. Нужно признать, что после долгих веков совместного существования мы знаем еще очень мало и о Пнумах и о фунгах!

Траз что-то неразборчиво проворчал, вынужденный признать истину слов Анахо, но не желая в этом сознаваться. Анахо, в свою очередь, проявил достаточно такта, чтобы не воспользоваться своим временным преимуществом. «В конце концов», они научатся уважать друг друга», — подумал Рейш.

Утром Анахо снова начал возиться с двигателем; остальные кутались в одеяла, дрожа под порывами холодного северного ветра. Траз с мрачным видом предсказал дождь, и действительно, скоро на небе собрались темные тучи, а над вершинами высоких холмов и утесов поплыли клубы тумана.

Наконец Анахо с усталым и недовольным жестом отбросил инструменты.

— Я сделал все, на что был способен. Мы сможем подняться в воздух, но вряд ли далеко пролетим на этой рухляди.

— Какое расстояние мы сумеем одолеть, как ты думаешь? — спросил Рейш; он заметил, что Илин-Илан повернулась к ним и внимательно прислушивается к разговору. — До Кета доберемся?

Анахо воздел руки в театральном жесте, характерном для Дирдиров, растопырив пальцы.

— Тот путь, который ты наметил, нам не осилить. Двигатель рассыпается на глазах.

Илин-Илан отвернулась и уставилась на свои сплетенные пальцы.

— Если направимся на юг, сможем добраться до Коада, что находится неподалеку от Дванжера, — продолжал Анахо, — а оттуда переправимся на корабле через океан Драсчад. Этот путь длиннее, но рано или поздно мы прибудем в Кет.

— Кажется, у нас нет выбора, — кивнул Рейш.

Глава 2

Некоторое время летели к югу над широкой рекой Набигой, поднявшись лишь на несколько футов над водой, чтобы уменьшить нагрузку на двигатель. Потом Набига повернула на запад, отделяя Мертвую степь от степей Амана, и воздушный корабль продолжил свой путь к югу над негостеприимным краем мрачных лесов, заросших зеленым мхом болот и темных трясин; через день под ними снова показалась степь. Однажды они увидели вдалеке караван — длинную вереницу повозок на высоких колесах и платформ, на которых были установлены походные домики; в другой раз им встретилась орда кочевников, спины которых покрывали короткие плащи, сотканые из красных перьев. Кочевники лихорадочно погнали своих прыгунов вдогонку за воздушным кораблем, но не смогли его настичь.

После полудня путешественники с большим трудом подняли свой корабль над скоплением коричневых и черных холмов. Воздушный плот «нырлял» и дергался, черный ящик издавал утрашающие скрип и скрежетание. Рейш летел так низко, что иногда днище корабля задевало верхушки черных деревьев. Проскользнув над грядой холмов, они пролетели над лагерьм существ в просторных белых одеяниях, которые все время высоко подпрыгивали — очевидно, то были люди из какого-то кочевого племени. Они в испуге повалились на землю, потом вскочили и стали яростно палить из оружия, похожего на длинные мушкеты, пытаясь попасть в корабль — довольно трудную, неравномерно двигающуюся цель.

Целую ночь путешественники летели над густым лесом, а утром увидели внизу ту же картину: лес и за ним — темно-зеленый с черными и коричневыми пятнами ковер, простирающийся до самого горизонта — степи Амана, хотя Траз заявил, что они кончились за холмами и теперь корабль должен находиться над Великими лесами Дадуса. Анахо все с тем же снисходительным видом стал ему возражать и, чтобы доказать свою правоту, взял карту и ткнул длинным белым пальцем в то спорное место, где топографические знаки изображали степное пространство.

Угловатое лицо Тразы приняло мрачное и упрямое выражение.

— Это Великие леса Дадуса. Когда я еще носил эмблему Онмале, я два раза был здесь со своим племенем — мы собирали разные травы для изготовления краски и приправ.

Анахо отложил карту в сторону.

— В конце концов, безразлично, что там — степь или лес. Так или иначе нам надо перелететь на другую сторону. — Услышав пронзительное дребезжание, дирдирмен оглянулся и посмотрел на корму. — Думаю, мы все же долетим до Коада, но дальше — ни мили. Боюсь, когда я подниму крышку вот этой коробки, то увижу внутри только горстку ржавчины.

— Значит, до Коада мы все же долетим? — бесцветным голосом спросила Илин-Илан.

— Так мне кажется. Осталось всего две сотни миль.

Илин-Илан, казалось, успокоилась и даже развеселилась.

— На этот раз все будет иначе! — воскликнула она. — Не так, как раньше, когда я приехала сюда как пленница проклятых жриц! — Воспоминания, очевидно, навели девушку на грустные мысли, и она снова задумалась, опустив голову.

Приближалась ночь. До Коада оставалось около ста миль. Лес поредел, от него остались лишь отдельные купы черных и золотых деревьев, среди которых мелькали обширные зеленые поляны, где паслись огромные шестиногие животные, рогатые, с длинными острыми клыками. Это место казалось не очень подходящим для ночлега, но Рейш посчитал, что им лучше прибыть в Коад утром, и Анахо согласился с ним.

Они остановились над вершиной высокого дерева и включили репульсоры, поддерживавшие корабль в воздухе. Поужинав, Цветок Кета удалилась в свое помещение, находящееся позади салона; Траз, внимательно осмотрев небо и прислушавшись к звукам, которые издавали пасущиеся внизу животные, закутался в плащ и растянулся на одном из диванов.

Рейш, прислонившись к перилам, наблюдал, как розовая луна Аз восходила к зениту, а голубой диск Браза поднимался из-за листвы высокого дерева на дальнем конце поляны. К нему подошел Анахо.

— Ну, что собираешься делать завтра?

— Я ничего не знаю о Коаде. Думаю, нам надо будет искать корабль, чтобы переправиться через Драсчад.

— Ты все еще хочешь сопровождать эту женщину до Кета?

— Конечно, — сказал Рейш, немного удивленный вопросом.

Анахо что-то прошипел сквозь зубы, потом сказал:

— Тебе надо только посадить ее на корабль, зачем ехать самому?

— Верно. Однако мне не хочется оставаться в Коаде.

— Но почему? Этот город время от времени посещают даже дирдирмены. Если есть деньги, там можно купить что угодно.

— Даже космический корабль?

— Вряд ли... Ты все еще одержим своей безумной идеей?

Рейш рассмеялся.

— Называй ее как хочешь.

— Признаюсь, я не знаю, что подумать, — продолжал Анахо. — Скорее всего, вследствие амнезии ты забыл, кто ты и откуда прибыл, и подсознательно стремишься восполнить недостающие сведения, придумав какую-то сказку. Конечно, ты лихорадочно пытаешься уверить себя в ее правдивости. Я бы посоветовал как следует поразмыслить над моим предположением и согласиться с ним.

— Логично, — заметил Рейш.

— Остается объяснить несколько странных фактов, — задумчиво продолжал Анахо. — В твоей сумке лежат необычные инструменты: электронный телескоп, который ты называешь сканскопом, оружие и прочие предметы. Я никак не могу определить, где они изготовлены. Некоторые напоминают самые совершенные инструменты, сделанные Дирдирами. Я думаю, все они с планеты Ванкх — родины Ванкхов. Это так?

— Откуда мне знать, если я потерял память? — осведомился Рейш. Анахо сухо рассмеялся.

— И ты все еще намереваешься отправиться в Кет?

— Конечно. А ты?

Анахо пожал плечами.

— По-моему, всюду одинаково. Но мне кажется, ты не понимаешь, что тебя ожидает в Кете.

— Я не знаю ничего об этом месте, — сказал Рейш. — До меня дошли только слухи. По всей видимости, там довольно развитая цивилизация.

Анахо снова пожал плечами, презрительно поджав губы.

— В Кете живут яо — люди с необузданным нравом, приверженцы странных ритуалов, от которых следует ожидать чего угодно. Ты вряд ли сможешь постигнуть все тонкости их образа жизни и норм поведения.

Рейш нахмурился.

— Едва ли это окажется необходимым. Отец девушки будет нам благодарен, что значительно облегчит дело.

— Да, для вида он выразит тебе признательность, я в этом уверен.

— Для вида? Значит, в действительности он не будет мне благодарен?

— Плохо, что между вами существует любовная связь. Она может привести к осложнениям.

Рейш криво улыбнулся.

— Эта «любовная связь» уже в прошлом. — Он посмотрел в сторону кабины. — Откровенно говоря, я ее совсем не понимаю. Илин-Илан, кажется, совсем не хочет возвращаться домой.

Анахо всмотрелся в темноту.

— Как можно быть таким наивным? Конечно, ей очень неприятно появляться в Кете в таком сопровождении. Она была бы очень рада, если бы ты просто отослал ее домой одну.

Рейш хмыкнул:

— В Пере она пела другую песню. Она только и мечтала вернуться домой.

— Тогда такая возможность казалась маловероятной. Теперь стала реальностью.

— Но ведь это так глупо! Траз не стал за это время хуже, чем был. Конечно, ты дирдирмен, но ведь твоей вины здесь нет...

— Трудность вовсе не в этом, — заметил дирдирмен, сопровождая свои слова изысканным жестом. — Наши роли не совпадают. С тобой дело обстоит по-другому. Может быть, было бы лучше для всех нас, если бы ты отослал ее домой одну.

Рейш молчал, глядя на освещенные луной вершины деревьев. Мнение Анахо, каким бы правильным оно ни казалось, было не только несколько предвзятым, но и неприемлемым. Не попасть в Кет значило бы навсегда отказаться от мысли построить космический корабль. Тогда единственным выходом было бы украсть корабль у Дирдиров, Ванкхов или, что уж совсем невероятно, у Синих Часчей — перспектива, не внушающая особого оптимизма.

— Но почему меня должны принять хуже, чем тебя или Тразы? — спросил Рейш. — Из-за «любовно́й связи»?

— Конечно нет. Я больше волнует статус и систематизация, чем чьи-либо поступки. Я удивлен твоим невежеством.

— Отнеси это на счет моей амнезии, — сказал Рейш.

Анахо пожал плечами.

— Во-первых, может быть, из-за твоей воображаемой или истинной амнезии — ты ведь не обладаешь никаким статусом, не занимаешь определенного места, не играешь никакой роли в их так называемом цикле. И во-вторых — что может быть еще важнее, — твои взгляды не пользуются популярностью в современном Кете.

— Ты имеешь в виду мою «одержимость»? То, что я утверждаю, будто прибыл с другой планеты?

— К несчастью, в предыдущем цикле господствовала массовая истерия. Сто пятьдесят лет назад лучшие ученые дирдирменов были изгнаны из академий Элиасира и Анисмны за распространение фантастических теорий. Они принесли свое бредовое учение в Кет и основали общество, или культ, «тоскующих по родине». Их символ веры игнорирует давно установленные факты. Они считают, что все люди — и выродки и дирдирмены — прибыли на нашу планету с дальней звезды в созвездии Клари — райского места, где осуществились все мечты человечества. Кто-то пожелал положить конец деятельности этого культа и направил на его ракеты, разрушившие Сеттру и Баллисидрэ. Все считают, что это сделали Дирдиры, но такие утверждения абсурдны — к чему им было беспокоиться? Уверю тебя, они бесконечно далеки от этого, абсолютно незаинтересованы. И не важно, кто виновен, — дело было сделано. Города сметены с лица земли, культ уничтожен; дирдирменов

изгнали, и цикл завершился возвращением к ортодоксальным взглядам. Сейчас даже напомнить о культе считается неприличным. Теперь возьмем случай с тобой. Ясно, что ты встречался с какими-то уцелевшими приверженцами культа и перенял их взгляды; это видно по твоему поведению, манерам, избранной тобой цели. Ты совершенно не способен различить, где кончается фантазия и начинается реальность. Откровенно говоря, ты так далеко зашел, что можно было бы даже предположить психическое расстройство.

Рейш с трудом удержался от смеха: тогда Анахо подумает, что он совсем сошел с ума! На языке у него вертелось множество возражений и доводов, но он сказал только:

— Как бы то ни было, я благодарю тебя за откровенность.

— Не за что, — спокойно ответил Анахо. — Мне кажется, я объяснил тебе, почему девушка расстроена.

— Да, — подтвердил Рейш. — Она, как и ты, считает меня не совсем нормальным.

Подняв голову, дирдирмен уставился на розовую луну Аз.

— Далеко от родного города, в Пере, она тебе сочувствовала и даже верила. Но теперь, когда она вот-вот вернется в Кет... — Не закончив фразу, Анахо вернулся в кабину и улегся на диван.

Рейш подошел к переднему пульту, находившемуся под большим носовым фонарем. Поток холодного воздуха обвеял ему лицо; воздушный корабль медленно плыл над самыми вершинами деревьев.

Снизу донесся торопливый звук шагов. Рейш прислушался. Звук замер, потом шаги ускорились — и кто-то скрылся под деревьями. Рейш посмотрел на небо, где плыли две луны — розовый Аз и голубой Браз. Потом взглянул на кабину, где спали его спутники: юноша кочевник из племени людей Эмблемы, человек с бледным и длинным лицом клоуна, превратившийся в результате многовековой эволюции в какое-то странное существо, и красивая девушка из народа яо, которая считает его безумным. Внизу снова слышались мягкие шаги. Может быть, он действительно сошел с ума?..

К утру Рейш пришел в себя и даже обнаружил некий мрачный юмор в нынешнем положении. У него не было никаких причин менять планы, и корабль все так же, неровными рывками, устремился на юг. Лес внизу постепенно поредел, перешел в заросли кустарников, потом потянулись отдельные посадки и пастбища, шалаши, сторожевые башни, расположенные на границе возделанных земель для защиты от кочевников; иногда встречались мощные дороги. Движение корабля становилось все более неровным. Особенно Рейша беспокоило то, что корма значительно осела. Примерно в полдень впереди показалась цепь невысоких гор, но корабль упорно отказывался подняться еще на несколько сот футов. К счастью, в горах обнаружилось узкое ущелье, сквозь которое путники проскользнули почти в десяти футах от его дна.

Перед ними лежали Дванжер и Коад — город с тесно сбившимися зданиями, хранящими печать старины. Дома были построены из потемневших от времени бревен; высоко поднимались остроконечные кровли, крытые черепицей, башенки причудливой формы, флюгера, длинные дымовые трубы. В бухте стояло не менее дюжины кораблей, столько же находилось у причалов рядом со складами и конторами. На северном конце города располагалась караванная станция с просторной площадью, окруженной постоянными дворами, тавернами и постройками, куда купцы складывали свои товары. Площадь показалась Рейшу подходящим местом для посадки. Медлить нельзя — вряд ли корабль сможет преодолеть еще хотя бы десяток миль, решил Рейш.

Корабль опустил кормой вперед, моторы жалобно взвыли и умолкли навеки.

— Вот и все, — сказал Рейш. — Я доволен, что мы вообще долетели до чего-нибудь.

Путники собрали свой нехитрый багаж и сошли на землю. Пройдя через площадь, Анахо заговорил со стариком, торговавшим навозными лепешками для очагов, и тот указал дорогу к лучшей гостинице в городе, носившей гордое название «Гранд Континенталь».

В городе царил оживление. По кривым улочкам под лучами медово-желтого солнца сновали мужчины и женщины разных каст и всевозможных цветов кожи: желтые и черные островитяне; торговцы драгоценной корой из Хорасина, закутанные в серые одеяния; белокожие кочевники из степей Амана, похожие на Тразы; дирдирмены и различные помеси; карлики-сипы с восточных склонов гор Оджаналай — уличные музыканты; плосколицые бледнокожие жители крайнего юга Кислована. Больше всего в толпе было местных жителей — танов: вежливых людей с лисьими личиками, широкими блестящими скулами, острыми подбородками и светло- и темно-русыми волосами, подстриженными над ушами и спускающимися на лоб. Почти все были одеты в шаровары, доходящие до колен, вышитые жилеты и плоские шляпы с широкими полями. На улицах виднелось множество паланкинов, которые несли корявые маленькие человечки, длинноносые, черноволосые и лохматые — очевидно, особая раса. Рейш не видел, чтобы кто-нибудь из них занимался другим делом. Впоследствии он узнал, что это уроженцы Грение, что на самом краю Дванжера.

Рейшу показалось, что на балконе одного из домов он увидел Дирдира, но он не был в этом уверен. Траз схватил его за локоть и указал на пару тощих мужчин в широких черных шароварах, черных плащах с высокими воротниками, почти полностью закрывавшими их лица, мягких высоких и широкополых шляпах — карикатурный символ татинственности и коварства.

— Прислужники Пнумов! — прошипел он, словно оскорбленный их присутствием в этом городе. — Только посмотри на них! Они ходят среди обычных людей, ни на кого не глядя. Кто знает, о чем думают эти странные создания!

Путешественники подошли к гостинице — высокому трехэтажному зданию, с кафе на передней веранде, рестораном, устроенным под навесом в тени высокого дерева, и множеством балконов, выходящих на улицу. Служащий, сидевший за огромным столом, принял у них плату за комнаты, протянул причудливые чугунные ключи размером с человеческую руку и объяснил, как пройти в отведенное каждому помещение.

— Мы долго путешествовали и запылились, — сказал Анахо. — Нам нужна ванна, наилучшие ароматные мази и свежее белье; потом мы будем обедать.

— Все будет в вашем распоряжении.

Через час чистые, чувствуя себя отдохнувшими и свежими, они встретились в холле. Там к ним подошел черноволосый и черноглазый мужчина с худым грустным лицом.

— Вы недавно прибыли в Коад? — тихо спросил он.

Анахо с подозрением отодвинулся от него.

— Нет, не совсем. Мы хорошо здесь известны и ни в чем не нуждаемся.

— Я представляю гильдию рабовладельцев. Если позволите, я по совести оценю вашу стоимость. Девушка стоит очень дорого, мальчик значительно меньше. Дирдирмены у нас совершенно не ценятся, их употребляют разве что в качестве прислужников священнослужители и чиновники. Тебя можно оценить так же, как у нас обычно оценивают собирателей улиток или орехов, то есть очень невысоко. Человек, стоящий рядом с тобой, как мне представляется, может быть загонщиком, и его удастся продать за обычную цену. Имея все это в виду, страховка будет вам стоить десять цехинов в неделю.

— Какая страховка? — спросил Рейш.

— Чтобы вас не схватили и не продали в рабство, — пробормотал агент. — Сейчас большой спрос на опытных работников. Но за десять цехинов в неделю, — продолжал он с видом победителя, — вы можете днем и ночью ходить по улицам, чувствуя себя в полной безопасности, словно у вас за плечами сам демон Харашти! Если вас схватит какой-нибудь торговец, не имеющий лицензии, гильдия немедленно прикажет вас освободить.

Рейш молчал — забавно и вместе с тем отвратительно.

Стараясь, чтобы голос звучал как можно высокомернее, Анахо гнушаво произнес:

— Покажи мне свои документы.

— Документы? — переспросил человек. У него внезапно отвис подбородок.

— Да, покажи нам какие-нибудь документы — бляху, патент, справку! Как? У тебя ничего нет? Ты что, принимаешь нас за дураков? Ну-ка, убирайся отсюда

Человек с мрачным видом отошел.

— Он что, действительно жулик? — спросил Рейш.

— Никогда нельзя сказать с уверенностью, но всему есть предел! Пойдем пообедаем. После того, как мы несколько недель довольствовались травой паломников, у меня зверский аппетит.

Они усадились в столовой — огромной беседке под деревом, покрытой стеклянным навесом, пропускавшим бледный солнечный свет. По стенам вились темные лианы, в углах росли пурпурные и бледно-голубые папоротники. Погода стояла чудесная; через широкую открытую дверь беседки был хорошо виден Дванжер и кучевые облака, сгустившиеся на горизонте.

Зал был заполнен лишь наполовину: около двадцати человек обедали за столиками. Перед ними стояли сосуды из черного дерева и красной керамики. Все разговаривало вполголоса, с неназойливым любопытством оглядывая людей, сидящих по соседству. Подняв брови, Траз неодобрительно поглядывал направо и налево — к чему такая роскошь? Без сомнения, это его первая встреча с цивилизованным бытом, который должен показаться ему слишком сложным, подумал Рейш.

Он заметил, что Илин-Илан смотрит куда-то, словно пораженная увиденным. Поймав взгляд Рейша, она отвела глаза, будто почувствовала неловкость, и смутилась. Рейш повернул голову в ту сторону, куда смотрела девушка, но не заметил ничего необычного и решил не спрашивать ее, не желая получить в ответ лишь холодный взгляд. Он криво улыбнулся. Черт возьми, в каком глупом положении он оказался — Цветок Кета все более открыто показывает ему, что он ей противен! Что ж, это вполне понятно — если, конечно, догадки Анахо соответствуют действительности. Насмешливый дирдирмен объяснил ему причину волнения девушки.

— Посмотри-ка на парня за тем дальним столиком, — пробормотал он. — На нем пурпурно-зеленая одежда.

Повернув голову, Рейш увидел красивого молодца с тщательно уложенными волосами и густыми усами, отливавшими золотом. На нем была богатая одежда, правда, немного помятая и поношенная: куртка из мягкой кожи в пурпурную и зеленую полоску, желтые шаровары в складку, затянутые на колене и у щиколотки пряжками в виде фантастических насекомых. Квадратная шапка из мягкого меха, обшитая двухдюймовыми золотыми подвесками, надета набекрень. Спереди с нее свисала филигранная золотая пластина, предохранявшая нос.

— Понаблюдай за ним. Сейчас он нас увидит и заметит девушку.

— Кто он такой?

Анахо раздраженно щелкнул пальцами.

— Имя? Не знаю. Статус? Весьма высокий в его собственных глазах. Это рыцарь, принадлежащий к народу яо.

Рейш повернулся к Илин-Илан, которая искоса наблюдала за молодым человеком. Ее настроение изменилось как по мановению волшебной палочки. Девушка оживилась, глаза ее заблестели, хотя видно было, что она нервничает. Бросив взгляд на Рейша и увидев, что он смотрит на нее, она покраснела и, наклонив голову, принялась за закуску — маринованный виноград, печенье, копченые морские насекомые, маринованные стебли папоротника. Рейш не отводил глаз от молодого шеголя, который медленно, будто не чувствуя большого аппетита, жевал темные булочки с маринованными овощами, глядя вдаль на серую полоску моря. Он с грустным видом пожал плечами, словно думал о чем-то неприятном, подпер рукой подбородок и вдруг увидел Цветок Кета, которая безуспешно притворялась, что целиком поглощена едой. Рыцарь наклонился, раскрыв от удивления рот. Потом вскочил так быстро, что едва не опрокинул столик. В три прыжка он пересек зал, упал на одно колено и низко опустил голову в церемонном поклоне, задев при этом шапкой по лицу Тразы.

— Принцесса Голубого Нефрита! Ваш верный слуга Дордолио. Моя цель достигнута!

Цветок Кета Илин-Илан наклонила голову, изображая сдержанное удовольствие и удивление. Рейш был поражен ее спокойной уверенностью.

— Весьма приятно, — пробормотала она, — иметь случай встретиться в дальних краях славного рыцаря Кета.

— «Случай» — не то слово! Я один из дюжины рыцарей, которые отправились на поиски принцессы, дабы получить награду, обещанную вашим батюшкой, и заслужить вящую славу для наших дворцов. Клянусь бородой Первого дьявола Пнумов, сама судьба подарила мне честь найти вас!

Анахо усмехнулся.

— Значит, вы очень старательно искали принцессу!

Дордолио встал с колен, выпрямился, окинул беглым взглядом Анахо, Рейша и Тразы и коротко кивнул каждому из них. Илин-Илан сделала небрежный жест рукой, словно представляя ему случайных знакомых, встреченных на каком-нибудь пикнике.

— Мои верные телохранители. Они оказали мне неоценимую помощь. Если бы не эти люди, я вряд ли осталась бы в живых.

— В таком случае, — заявил рыцарь, — они вправе рассчитывать на покровительство Дордолио, чей герб — Золото и Сердолик. Они могут назваться моим боевым именем Алутрин Золотозвездный. — Он кивнул сразу всем, потом щелкнул пальцами, сделав знак проходившей мимо служанке. — Стул, будьте любезны. Я желаю обедать за этим столиком.

Служанка довольно бесцеремонно подсунула ему стул. Дордолио уселся и устался на Цветок Кета.

— Что же вам довелось испытать! Думаю, это были удивительные приключения. Но вы насколько не изменились, выглядите такой же свежей и прекрасной, как всегда.

Илин-Илан засмеялась.

— В этой одежде кочевников? У меня еще не было времени переодеться. Мне бы надо купить не меньше дюжины самых необходимых вещей, прежде чем позволять вам смотреть на меня.

Оглядев ее серое одеяние, Дордолио сделал небрежный жест.

— Можете считать, что я ничего не заметил. Вы такая же, как всегда. Но если вам угодно, мы можем вместе отправиться за покупками — лавки здесь просто очаровательны.

— Конечно! Расскажите же о себе. Вы говорите, мой отец приказал разыскать меня?

— О да! И поклялся, что ничего не пожалеет для того, кто вас найдет. На его призыв откликнулись самые доблестные рыцари. Мы шли по вашим следам до Спанга, где узнали, что вас похитили жрицы Тайного женского культа. Многие потеряли надежду, посчитав, что вы исчезли навеки, но только не я. И вот моя стойкость вознаграждена! Мы вернемся в Сеттру с победой!

Илин-Илан с загадочной улыбкой повернулась к Рейшу.

— Конечно, я жду не дожусь, когда наконец вернусь домой.

— Какое счастье, что мы встретились с вами! — воскликнул Дордолио.

— Необыкновенное счастье, — сухо заметил Рейш. — Мы несколько часов назад прибыли из Перы.

— Из Перы? Что это за место?

— Пера находится на крайнем западе Мертвой степи.

Дордолио посмотрел на Рейша, прикрыв веки, и снова обратился к Илин-Илан:

— Какие трудности вам пришлось пережить! Но теперь вы под защитой Дордолио! Мы тотчас же возвращаемся в Сеттру!

Обед продолжался. Дордолио и Илин-Илан оживленно беседовали. Траз, все внимание которого было поглощено изучением незнакомых ему столовых принадлежностей, время от времени мрачно поглядывал на них, словно подозревал, что над ним смеются. Анахо выглядел совершенно безучастным. Рейш молча ел. Наконец Дордолио удовлетворенно откинулся на спинку стула.

— Ну, а теперь займемся практическими вопросами. У причала стоит пакетбот «Язилисса», который через некоторое время выйдет в море и направится в Верводель. Конечно, очень грустно расставаться с вашими спутниками — все они, я уверен, хорошие парни, — но нам следует позаботиться о возвращении домой.

— По случайному стечению обстоятельств мы тоже направляемся в Кет, — ровным голосом произнес Рейш.

Дордолио окинул его вопросительным взглядом, словно Рейш говорил на незнакомом ему языке.

Потом он встал, помог подняться Илин-Илан, и они вместе вышли на террасу, с которой открывался вид на гавань.

— Пять цехинов, пожалуйста, за пять обедов.

— Пять?

— Яо ел за вашим столом.

Рейш достал пять золотых и отдал служанке деньги. Анахо, явно забавляясь, смотрел на него.

— Присутствие этого яо будет нам, очевидно, полезно: на тебя обратят меньше внимания, когда мы прибудем в Сеттру.

— Возможно, — согласился Рейш. — С другой стороны, я надеялся на благодарность отца девушки. Мне нужно завести как можно больше друзей.

— События часто развиваются по своей собственной логике, — заметил Анахо. — У теологов Дирдиров есть интересные соображения относительно этого. Я помню, как один из них анализировал совпадения... Впрочем, нет, это был не Дирдир, а дирдирмен — Безупречный.

Анахо предался воспоминаниям. Траз вышел на террасу, чтобы полюбоваться видами Коада. Дордолио и Илин-Илан прошли мимо, делая вид, что не замечают его присутствия. Вне себя от возмущения юноша вернулся к Рейшу и Анахо.

— Этот щеголь яо требует, чтобы девушка отослала нас! Он называет нас дикими кочевниками, говорит, что мы грубые, но честные и надежные люди...

— Не важно, — ответил Рейш. — У Илин-Илан своя судьба.

— Но ведь ты связал наши судьбы! Мы могли бы остаться в Пере или отправиться на Счастливые острова. Вместо этого... — Он безнадежно махнул рукой.

— Все произошло не так, как я ожидал, — признался Рейш. — Но кто знает, может быть, это к лучшему. Во всяком случае Анахо так считает. Ты можешь попросить ее зайти сюда?

Траз пошел выполнять поручение Рейша и сразу же вернулся.

— Наша принцесса Кета отправилась с этим яо покупать «пристойную одежду», как она выразилась. Что за чушь! Я всю жизнь так одеваюсь! Удобно и практично.

— Конечно, — ответил Рейш. — Ладно, пускай делают что хотят. Может быть, нам тоже стоило бы позаботиться о своем внешнем виде.

Возле доков находилось целое скопление лавок. Здесь Рейш, Анахо и Траз приобрели одежду менее грубого покроя и ткани: рубашки из мягкого легкого полотна, безрукавки, широкие черные шаровары с застежками у шиколотки, сапоги из мягкой серой кожи.

Доки были совсем рядом, и путешественники прошлись немного по причалу, чтобы рассмотреть стоящие у него корабли. «Язилисса»

сразу привлекла их внимание: трехмачтовый корабль длиной около ста футов, с каютами для пассажиров в высокой палубной надстройке с множеством окон. Над причалом висели веревочные краны для поднятия грузов, сотни тюков, сложенных у причала, взмывали в воздух и опускались на палубу.

На причале друзья отыскивали суперкарго, который подтвердил, что «Язилисса» выйдет в море через три дня, зайдет в порты Грение и Хорасина, затем направится к Пег-Чоде, островам Облака, обогнет мысы Гаиз и Туса-Тулу на западе Качана и закончит путь в Верводеле. Все путешествие займет от шестидесяти до семидесяти дней.

Поинтересовавшись, нет ли на судне свободных мест, Рейш узнал, что все каюты первого класса бронированы, по крайней мере до Туса-Тулы, и осталась только одна или две внутренние каюты. Но имеется неограниченное количество палубных мест, которые, по словам суперкарго, достаточно удобны — правда, когда не идет дождь, а тропические ливни в этих местах, как признался он сам, не редкость.

— Не годится, — сказал Рейш. — Нам надо как минимум четыре каюты второго класса.

— К сожалению, я не могу быть вам полезным — разве что кто-нибудь решит не ехать, что вполне возможно.

— Прекрасно. Мое имя Адам Рейш. Меня можно найти в гостинице «Гранд Континенталь».

Суперкарго удивленно посмотрел на него.

— Адам Рейш? Но ведь вы и ваши спутники уже записаны как пассажиры.

— Боюсь, что вы ошибаетесь, — возразил Рейш. — Мы приехали в Коад только сегодня утром.

— Но всего час назад, может быть даже меньше, к нам на судно приходили двое яо — рыцарь и благородная дама. Они заказали места на имя Адама Рейша. Им мы отвели самую роскошную надпалубную каюту — две спальни с отдельной гостиной — и записали на ваше имя еще три палубных места. Я попросил у них задаток, но они пообещали, что Адам Рейш заплатит за проезд сразу же, как только поднимется на борт судна. Плата составляет две тысячи триста цехинов. Значит, вы и есть Адам Рейш?

— Да, но я не рассчитывал платить две тысячи триста цехинов. Поскольку дело касается меня, я прошу вычеркнуть нас из списка пассажиров.

— Что за глупые шутки? — возмутился суперкарго. — Я не намерен терпеть подобные вольности!

— А я не намерен плыть через Драсчад под тропическим ливнем, — ответил Рейш. — Если хотите, чтобы вам заплатили, требуйте денег у яо.

— Безнадежное дело, — проворчал суперкарго. — Ну ладно, пусть будет так. Если вам не нужна роскошь, попытайте счастья на «Вар-

газе» — он стоит вон там. Корабль выходит в море через пару дней, направляется в Кет. Там, без сомнения, для вас найдутся места.

— Спасибо за помощь, — поблагодарил Рейш и направился со своими спутниками туда, где стоял «Варгаз», небольшой корабль с высокой кормой, круглыми бортами с длинным косым бушпритом. Две мачты поддерживали пару вяло свисающих косых парусов; расположившиеся на палубе матросы ставили латки на запасные паруса.

Рейш с сомнением осмотрел корабль и, пожав плечами, поднялся на борт. В тени надстроек сидели двое мужчин. Рядом на столе в беспорядке валялись всевозможные бумаги, чернильницы, печати, бумажные ленты и стоял графин вина. Главным, по-видимому, был коренастый, обнаженный по пояс человек, загоревший почти до черноты. Грудь его сплошь заросла жесткими черными волосами. У него было круглое лицо с мелкими, но резкими чертами. Второй — тощий, хрупкий, одетый в длинный просторный белый балахон и безрукавку, желтую, как его кожа. Длинные усы уныло свисали, почти касаясь груди. К поясу у него была подвешена кривая сабля. «Зловещая парочка!» — подумал Рейш.

— Да, господин, чего желаете? — спросил коренастый.

— Проезд до Кета с максимально возможными удобствами, — ответил Рейш.

— Ну что же, вы просите немногого. — Коренастый тяжело поднялся на ноги. — Сейчас покажу вам, что у нас свободно.

Рейш дал задаток за две небольшие каюты для Анахо и Илин-Илан и одну попросторнее, которую собирался разделить с Тразом. Каюты были довольно тесные и не особенно чистые, но Рейш решил, что это не худший вариант.

— Когда вы отплываете? — спросил он у коренастого капитана.

— Завтра днем во время прилива. Лучше быть на борту утром; у меня на корабле строго соблюдается порядок.

Рейш со спутниками прошел кривыми улочками Коада к гостинице. Нигде не было видно ни Илин-Илан, ни Дордолио. К вечеру они прибыли в паланкине, за которым трусили трое носильщиков, нагруженных свертками и пакетами. Дордолио выбрался из экипажа и помог выйти Илин-Илан. Сопровождаемые носильщиками, они вошли в здание. На девушке было элегантное платье из темно-зеленого шелка с темно-синим корсажем. Головку украшала прелестная шляпка, унизанная хрустальными бусами. Увидев Рейша, она остановилась в нерешительности, потом повернулась к Дордолио и что-то ему сказала. Тот потянул себя за длинный ус необыкновенного золотистого цвета и гордо прошествовал туда, где сидели Рейш с Тразом и Анахо.

— Все в порядке, — сказал он. — Я указал места для всех на «Язилиссе». Это корабль с отличной репутацией.

— Боюсь, вы вошли в лишние расходы, — вежливо ответил Рейш. — Я все устроил по-иному.

Дордолио возмущенно отступил.

— Но вы должны были посоветоваться со мной!

— Не могу понять, с какой стати, — ответил Рейш.

— На каком корабле вы отплываете? — спросил Дордолио.

— На «Варгазе».

— «Варгаз»? Ба! Плавающий свинарник! Мне бы не хотелось пересекать океан на подобной посудине.

— Раз уж вы выбрали «Язилиссу», можете не ехать с нами.

Дордолио снова потянул себя за ус.

— Принцесса тоже предпочла бы путешествовать на этом корабле, в самых лучших покоях.

— Вы щедрый человек, — заметил Рейш. — Заказать такие дорогие места на пятерых...

— По правде говоря, я действительно сделал все, что возможно, — согласился Дордолио. — Но поскольку вы распоряжаетесь нашими финансами, суперкарго предъявит счет вам.

— Ни в коем случае, — возразил Рейш. — Должен напомнить, что я уже дал задаток за проезд на «Варгазе».

— Весьма затруднительная ситуация, — злобно прошипел сквозь зубы Дордолио.

Носильщики подошли ближе и склонились перед Рейшем.

— Позвольте получить с вас плату.

Рейш поднял брови. Поистине наглость Дордолио не имеет пределов!

— Конечно, почему бы и нет? Но платить будет тот, кто пользовался вашими услугами.

Рейш встал и направился в комнату Илин-Илан. Постучав в дверь, он услышал звук шагов — девушка посмотрела на него в глазок. Верхняя панель приоткрылась.

— Можно войти? — спросил Рейш.

— Но я одеваюсь!

— Раньше ты с этим не считалась.

Дверь открылась; Илин-Илан с капризным видом отступила, пропуская его в комнату. Рейш вошел. Всюду валялись свертки, некоторые были развернуты, и из них выглядывали шелковые и кожаные одежды, кокетливые туфельки, вышитые корсажи, изящные шляпки, покрытые филигранными узорами. Рейш удивленно оглянулся.

— Твой друг необыкновенно щедр.

Девушка открыла было рот, но сразу закусил губу.

— Эти мелочи мне необходимы для возвращения. Я не собираюсь показываться в Верводеде одетая, как прислуга кочевника. — Она говорила высокомерным тоном, какого Рейш еще никогда от нее не слышал. — Их стоимость должна быть включена в путевые расходы. Пожалуйста, составь счет, и мой отец полностью оплатит его.

— Ты ставишь меня в трудное положение, — сказал Рейш, — задевающее мое достоинство. Если я заплачу, то окажусь тряпкой и дура-

ком, если откажусь — буду бессердечным и жадным. Мне кажется, ты могла бы поступить более тактично.

— Тактично, бестактно — меня это не волнует, — сказала Илин-Илан. — Мне нужны были эти вещи, и я приказала, чтобы их сюда доставили.

Рейш сморщился.

— Не буду спорить по этому поводу. Я пришел к тебе, чтобы сообщить, что дал задаток за проезд до Кета на корабле «Варгаз», который отплывает завтра. Это простой корабль, где тебе не понадобятся пышные наряды.

Девушка с высокомерным удивлением посмотрела на него.

— Но благородный рыцарь герба Золота и Сердолика заказал места на «Язилиссе»!

— Если благородный рыцарь хочет отплыть на «Язилиссе», он может это сделать — конечно, если у него есть деньги, чтобы заплатить за проезд. Я только что заявил ему, что не буду платить ни за паланкин, ни за проезд, ни... — Рейш оглядел бесчисленные свертки, — ни за эти роскошные одежды, которые ты выбрала, очевидно, не без его помощи.

Илин-Илан покраснела.

— Никогда не думала, что ты окажешься таким мелочным! — возмущенно сказала она.

— Это лучше, чем щедрость за чужой счет. Дордолио...

— Так называют его только друзья, — холодно произнесла девушка. — Лучше, если ты будешь употреблять его воинское имя или официальный титул «Благородный рыцарь Золота и Сердолика».

— Как бы то ни было, «Варгаз» отплывает завтра. Ты должна быть на борту завтра утром — конечно, если не хочешь остаться в Коаде.

Рейш вернулся в зал. Дордолио стоял на веранде. Драгоценные пряжки, украшавшие его наряд у колен, исчезли.

Глава 3

«Варгаз», судно с широкими бортами, узким высоким носом и надстройками, спокойно покачивался на волнах у причала. Силуэт корабля выглядел как-то странно — его детали были доведены до крайних пределов, как, впрочем, и все на планете Тчаи: корпус слишком круто изогнут, бушприт вздымается к самому небу, паруса покрыты пятнами сверху донизу.

Цветок Кета поднялась на борт «Варгаза» вместе с Рейшем, Тразом, Анахо-дирдирменом и носильщиком, везшим их вещи на ручной тележке.

Через полчаса у причала появился Дордолио. Несколько минут он осматривал судно, затем поднялся по трапу, поговорил с капитаном и

бросил на стол перед ним кошелек. Думая о чем-то своем, капитан искося посмотрел на него и нахмурил густые брови. Потом раскрыл кошелек, пересчитал монеты и сказал рыцарю, что этого недостаточно. Дордолио нехотя полез в карман шаровар, порылся там и нашел недостающую сумму. Капитан ткнул пальцем через плечо в сторону надстройки.

Дордолио потянул себя за ус и поднял глаза к небу. Потом подошел к трапу и дал знак носильщикам, которые внесли его вещи. Церемонно поклонившись Илин-Илан, стоявшей на палубе, он отошел к борту, мрачно глядя в сторону Дванжера.

По трапу поднялись еще пятеро пассажиров: маленький толстый купец в скромном сером кафтане и высоком цилиндре и семейство жителей островов Облака — муж, жена и две дочери; хрупкие свеженькие девушки с ослепительно белой кожей и пышными волосами ярко-рыжего цвета.

За час до полудня «Варгаз» поднял паруса, подтянул швартовы и отошел от причала. Кровли Коада превратились в коричневые треугольники, разбросанные по склонам холмов. Матросы равняли паруса, скатывали тросы, потом, сняв чехол с неуклюжей пушки, потащили ее на нос.

— Кого они боятся? Пиратов? — спросил Рейш у Анахо.

— Это простая предосторожность, — ответил тот. — Увидев пушку, разбойники предпочитают держаться на расстоянии. Нам нечего опасаться — пираты редко показываются в водах Драсчада. Меня больше беспокоит питание на корабле. Однако капитан, кажется, любит поесть — это хороший признак.

Корабль легко скользил по волнам, рассекая последние клочья тумана. Дванжер сиял спокойным перламутровым блеском. Береговая линия отодвигалась к северу; кругом не было видно ни одного судна.

Время близилось к закату; небо окрасилось в разнообразные оттенки оранжево-коричневых цветов, поднялся легкий ветерок, волны стали громче плескаться у широкой кормы.

Ужин оказался простым, но вполне приемлемым: ломти копченого мяса, овощной салат, паста из креветок, маринованные овощи, легкое белое вино в зеленых стеклянных графинчиках. Пассажиры ели в настороженном молчании: на Тчаи ко всем незнакомым людям относятся подозрительно. Но капитан не разделял этих чувств. Он ел и пил с завидным аппетитом, развлекал собравшихся за столом подробными рассказами о своих приключениях и пытался развеселить, гадая, почему совершает путешествие каждый из пассажиров. Его шутки наконец разрядили атмосферу.

Илин-Илан ела мало. Мрачно осматрив обеих девиц с островов Облака, она, казалось, признала их достаточно привлекательными, несмотря на хрупкость. Дордолио сидел немного в стороне. Он не слушал разглагольствований капитана и время от времени поглядывал

вал на девиц с рыжими, почти оранжевыми волосами и крутил усы. После ужина он провел Илин-Илан на пулубу, где они стали наблюдать за фосфоресцирующими рыбами, бросающимися враспынную перед носом корабля. Другие пассажиры уселись на высокие скамьи, расставленные на верхней палубе, и начали тихо беседовать, глядя, как на небо поднимаются розовый Аз, а за ним — голубой Браз и на воду ложатся разноцветные лучи.

Наконец пассажиры разошлись по каютам, и на палубе остались только рулевой и вахтенный.

Медленно тянулись дни. Сначала наступал прохладный рассвет, когда туман стелился по поверхности моря, потом — жаркий полдень, когда Карина-4269 стояла в зените, за ним — бледный янтарный вечер и тихая ночь.

«Варгаз» ненадолго зашел в два небольших порта на побережье Хорасина. Это были городки, тонувшие в тени гигантских серо-зеленых деревьев. «Варгаз» выгрузил здесь кожу и металлические изделия — ножи, пилы и прочее — и взял на борт мешки с орехами, ящики с сушеными фруктами, стволы розового и черного дерева.

Оставив Хорасин, корабль направился в открытое море, держа курс на восток по экватору, чтобы воспользоваться благоприятными течениями и ветрами и избежать изменения погоды, которое ожидалось как на севере, так и на юге.

Ветер был непостоянным; «Варгаз» легко скользил по невысоким волнам.

Пассажиры развлекались как умели. Рыжеволосые девицы — Хейзари и Эдве — метали кольца в цель и поддразнивали Траз до тех пор, пока он к ним не присоединился.

Рейш научил своих попутчиков играть в лото, и они с энтузиазмом предались новой забаве. Пало Барба, отец девушек, оказался учителем фехтования, и они с Дордолио тренировались каждый день по часу. Рыцарь раздевался до пояса, подвязывал волосы черной лентой и фехтовал, приплясывая, притопывая ногой и издавая громкие отрывистые возгласы. Пало Барба был не так эффектен, но строго придерживался традиционных правил и позиций. Рейш от случая к случаю наблюдал за их поединками, а однажды даже принял предложение Пало сразиться с ним. Ралиры показались Рейшу слишком длинными и гибкими, но он не посрамил себя. Однако заметил, что Дордолио отпускал критические замечания по его адресу, обращаясь к Илин-Илан. Позже Траз, который подслушал их разговор, сообщил, что Дордолио назвал его манеру фехтовать наивной и необычной. Рейш улыбнулся и пожал плечами. Он почему-то не мог относиться к Дордолио серьезно.

Дважды вдали мелькал парус. А как-то раз длинное злое судно изменило курс и направилось в их сторону.

Рейш направил сканскоп на приближающийся корабль. Дюжина высоких желтокожих мужчин в черных тюрбанах стояли на палубе, глядя на «Варгаз». Рейш сообщил об этом капитану, но тот небрежно махнул рукой.

— Пираты. Они нас не тронут — слишком велик риск.

Корабль следовал за ними около мили, потом повернул и растаял в туманной дымке где-то на юго-западе.

Через два дня впереди показался остров — гористый кусок суши. На берегу густо росли деревья.

— Гозед, — сказал капитан в ответ на вопросительный взгляд Рейша. — Мы остановимся здесь на пару часов. Никогда не бывали в Гозеде?

— Никогда.

— Вы будете удивлены. А может быть, и нет. — Капитан внимательно оглядел собеседника. — Не могу сказать, поскольку обычаи вашей страны мне незнакомы. Может быть, они стали незнакомы и вам? Я слышал, вы потеряли память.

Рейш сделал презрительную гримасу.

— Я никогда не интересуюсь, что думают обо мне другие.

— Да, здесь странные обычаи, — заявил капитан. — Но я, как ни стараюсь, не могу понять, откуда вы родом. Вы какой-то... необычный.

— Я странник, — ответил Рейш. — Кочевник, если хотите.

— Для странника вы иногда слишком уж невежественны. Ну ладно — перед нами лежит Гозед.

Они приближались к острову, который, казалось, становился все выше, вырисовываясь четким силуэтом на фоне ярко-синего неба. Глядя в сканскоп, Рейш различил полосу, идущую вдоль берега, где у деревьев были срезаны листья и обструганы стволы, так, что они казались кривыми. На каждом располагались одна, две или несколько круглых хижин. Под деревьями простиралась полоса серого песка, безукоризненно чистого и разровненного. Анахо осмотрел селение через сканскоп.

— Все почти так, как я ожидал.

— Тебе что-нибудь известно об этом острове? По словам капитана, здесь кроется какая-то тайна.

— Никаких тайн. Жители острова — очень набожные люди, они поклоняются морским скорпионам, обитающим в прибрежных водах. Это твари ростом с человека или даже больше — по крайней мере мне так говорили.

— Почему тогда эти хижины расположены так высоко?

— Ночью скорпионы выходят из моря, чтобы размножаться; они откладывают свои яйца в какое-нибудь живое существо, чаще всего в женщину, которую специально для этого оставляют на берегу. Из яиц вылупляются личинки и заживо пожирают женщину, которую назы-

вают «мать богов». На последней стадии, когда боль и религиозный экстаз доводят ее до иступления, она бежит по берегу и бросается в море.

— Не очень-то приятная религия.

Дирдирмен кивнул.

— Но кажется, она нравится жителям Гозеда. Они ведь могли бы сменить ее в любое время. Полулюди очень склонны к подобного рода извращениям.

Рейш не мог сдержать улыбки, и Анахо с удивлением посмотрел на него.

— Могу я узнать, чему ты радуешься?

— Мне пришло в голову, что дирдирмены относятся к Дирдирам так же, как жители этого острова к своим скорпионам.

— Не вижу никакого сходства, — сухо ответил Анахо.

— Все очень просто: и эти островитяне, и вы стали жертвами существ, которые используют людей в своих целях.

— Вот еще! — пробормотал Анахо. — Во многих отношениях ты самый большой путаник из всех, с кем мне приходилось иметь дело. — Он быстро отошел от Рейша и встал на носу корабля, глядя вдаль.

«Постоянный нажим действует на дирдирмена, внушает ему неясное беспокойство», — подумал Рейш.

«Варгаз» осторожно двигался к берегу, прошел вдоль полосы заросших водорослями скал и бросил якорь. Капитан сел в шлюпку и отправился на берег; пассажиры наблюдали, как он говорил с группой мрачных мужчин, совершенно нагих и бледнокожих. На них были только сандалии и головные повязки на иссиня-черных волосах.

Договорившись с островитянами, капитан вернулся на борт. Через полчаса к кораблю подошли две большие лодки; лебедками на борт подняли несколько тюков волокна и связки канатов, на лодки спустили тюки и ящики с товарами. Спустя два часа после прибытия в Гозед «Варгаз» поднял якорь, поставил паруса и вышел в открытое море.

После ужина пассажиры уселись на палубе под фонарем, мерно раскачивающимся на высокой рее, и начали беседу о жителях острова Гозед и их странной вере. Вал Дал Барба, супруга Пало Барбы и мать Хейзари и Эдве, заявила, что их ритуал несправедлив.

— Почему бывают только «матери богов»? Почему эти здоровенные мужчины с каменными физиономиями сами не остаются на берегу, чтобы стать «отцами богов»?

Капитан ухмыльнулся.

— Очевидно, эта честь может принадлежать только дамам.

— Такое никогда не могло бы случиться у нас в Мургене, — возмущенно заявил торговец. — Мы платим приличную сумму нашим жрецам, и они полностью отвечают за то, чтобы умиловить бога Висму. Так что мы можем ни о чем не беспокоиться.

— Весьма разумная система, — одобрил Пало Барба. — А мы в этом году записались в приверженцы Пансогматического гносиса — очень приличная и достойная почитания религия.

— Она мне нравится гораздо больше, чем Тутеланик, — заметила мать семейства. — Один раз помолишься — и свободен целый день.

— Тутеланик — ужасная скука, — поддержала ее Хейзари. — Столько зубрежки! А помнишь это ужасное «вызывание душ», когда жрецы вели себя так нагло? Пансогматический гносис нравится мне намного больше!

Дордолио снисходительно рассмеялся.

— Вы предпочитаете не уделять слишком много времени религии. Я с вами вполне согласен. Конечно, учение яо до некоторой степени синкретично, вернее, в течение цикла все стороны Невыразимого получают возможность проявить себя, так что время от времени мы переживаем критическое отношение к разным религиям.

Анахо, все еще обиженный сравнением Рейша, посмотрел на него.

— Ну хорошо, а что нам скажет наш несравненный эрудит Адам Рейш? Какие теософские знания может он разделить с нами?

— Никакие, — ответил Рейш. — Или очень немногие. Мне кажется, что человек и его вера составляют единое целое. Существует нечто неизвестное. Каждый человек проецирует его на свое собственное мировоззрение и наделяет свое творение собственными желаниями и качествами. Человек, объясняющий свою религию, в принципе объясняет самого себя. Когда фанатику противоречат, он чувствует угрозу своему существованию и отвечает насилием.

— Интересно! — заметил торговец. — А как же атеист?

— Он не проецирует на мироздание никакого образа и принимает тайны космоса такими, как они есть, не испытывая потребности надевать на них человекоподобную личину. Иначе ему придется воспринимать все созданное им для удобства понимания как нечто непреложное, и он перестанет быть атеистом.

Капитан поднял выше свой бокал, любуясь алым вином, прозрачным под лучом фонаря, и опустошил его одним глотком.

— Возможно, вы правы, но вряд ли кто-нибудь изменит свои убеждения, приняв в расчет то, что вы сказали. Я знал много людей. Проходил возле башен Дирдиоров, гулял в садах Синих Часчей и видел замки Ванкхов. Я знаю, каковы на самом деле эти существа и ублюдки — поддаластные им люди. Я путешествовал по всем континентам Тчай, у меня была тысяча друзей и тысяча женщин, я убил тысячу врагов. Мне знакомы обычаи яо, бинтов, валалуки, шемолеи, степных кочевников, жителей болот, островитян, людоедов Раха и Кислована. Я вижу разницу между ними, но вижу и сходство. Все хотят приобрести как можно больше — и в конце концов все умирают. Все без исключения. Мой бог? Старый добрый «Варгаз»! Ну конечно! Как утверждает Адам Рейш, он — это я. Когда «Варгаз» стонет, взбираясь на

штормовые волны, я вздрагиваю и стискиваю зубы. Когда он скользит по темной воде под розовой и голубой лунами, я играю на флейте, повязываю себе лоб красной лентой и пью вино. Мы с «Варгазом» служим друг другу, и в тот день, когда корабль погрузится в пучину, я отправлюсь туда же за ним.

— Bravo! — крикнул Пало Барба, учитель фехтования, который выпил не меньше, чем капитан. — Знайте все — это и мой девиз! — Он выхватил из ножен рапиру и высоко поднял ее, так что свет фонаря заиграл на блестящей стали. — Она для меня то же, что «Варгаз» для нашего капитана!

— Отец! — крикнула рыжеволосая Эдве. — А мы-то думали, что ты разумный и сдержанный пансогматик!

— Пожалуйста, положи свою рапиру в ножны, — приказала мужу Вал Дал Барба, — а то еще разволнуешься и кому-нибудь отрежешь ухо!

— Что? Лучший на Тчаи знаток фехтования? Как ты можешь даже вообразить такое? Ну ладно, раз ты велишь... Я меняю свою рапиру на бокал доброго вина.

Беседа продолжалась. Дордолио подобрался поближе к Рейшу, встал рядом и сказал, словно снисходя до разговора с низшим существом:

— Удивительно видеть кочевника, способного вести беседу на отвлеченные темы и умеющего отметить столь тонкие различия между явлениями.

Рейш улыбнулся Тразу.

— «Кочевник» — это вовсе не значит «шут горбохвост».

— Не знаю, что о вас и подумать, — заявил Дордолио. — Из каких степей вы родом? Как называется ваше племя?

— Мои степи очень далеко отсюда, мое племя разбросано по всей Вселенной.

Дордолио задумчиво потянул себя за ус.

— Дирдирмен считает, что вы потеряли память. По словам принцессы, вы выдаёте себя за человека из другого мира. Молодой кочевник, который знает вас лучше всех, не говорит ни слова. Признаюсь, я испытываю нестерпимое любопытство.

— Это говорит об активности вашего мышления, — заметил Рейш.

— О, да, да! Разрешите мне задать один вопрос, который я заранее готов признать абсурдным. — Дордолио искоса внимательно оглядел Рейша. — Вы считаете себя пришельцем из иного мира?

Рейш засмеялся и, прежде чем ответить, немного подумал.

— Существует четыре возможности, — наконец сказал он. — Если бы я действительно был пришельцем из иного мира, я мог бы признаться либо не признаться в этом. Если бы я не был таковым, то также ответил бы утвердительно или отрицательно. В первом случае могли бы возникнуть серьезные неудобства. Во втором — я оказался бы трусом и потерял к себе уважение. Третий означал бы, что я безумен;

следовательно, единственная реальная возможность в ваших глазах — четвертый случай. Таким образом, ваш вопрос, как вы сами признали, абсурден.

Дордолио сердито потянул себя за ус.

— Вы, случайно, не разделяете воззрений членов культа?

— Вероятно, нет. Что это за культ?

— Культ «инспираторов великой реверсии», который в прошлом цикле стал причиной гибели двух наших великолепных городов.

— Но я слышал, что города были разрушены ракетой, запущенной неизвестными.

— Это не важно — культ инспирировал нападение, его члены были причиной наших несчастий.

Рейш покачал головой.

— Непонятно! Жестокий враг разрушает родные города, а ваша ненависть направлена не против этого неизвестного противника, а против образованных и, очевидно, честных представителей вашего собственного народа. Мне это чувство кажется извращенным.

Дордолио окинул Рейша холодным взглядом.

— Ваши высказывания часто граничат с оскорблением.

Рейш засмеялся.

— Пусть будет так. Я ничего не знаю о вашем культе. Что же касается моего происхождения, то предпочитаю считаться потерявшим память.

— Любопытный пробел. Во всех остальных случаях вы очень удачно защищаете свои взгляды.

— Удивляюсь, почему это вас так интересует, — пробормотал Рейш. — Например, что бы вы сказали, если бы я сообщил вам, что действительно явился из далекого мира?

Дордолио надул губы и уставился на фонарь.

— Об этом я еще не думал. Ну хорошо, оставим подобные разговоры. Ведь даже страшно представить себе — древний мир, населенный только людьми!

— Почему же? Почему вы пришли к такому выводу?

Дордолио неуверенно рассмеялся.

— У человека есть темная сторона; он подобен камню, лежащему в застывшей глине. Верхняя сторона, открытая солнцу и воздуху, чиста, но переверните камень и загляните под него — там только грязь и копошатся различные гады... Мы, яо, это хорошо знаем; ничто не может положить конец нашему «авайле». Но достаточно! — Дордолио дернул плечами, потряс головой и снова заговорил снисходительным тоном: — Итак, вы решили отправиться в Кет — что вы намереваетесь там делать?

— Не знаю. Где-то ведь я должен жить. Почему бы не в Кете?

— У нас чужеземцам приходится довольно трудно, — заметил Дордолио. — Очень непросто вписаться в дворцовую жизнь.

— Странно, что вы говорите такое. Цветок Кета уверяла, что ее отец будет рад принять нас во дворце Голубого Нефрита.

— Он обязательно примет вас с почетом, чего требует простая вежливость, но жить во дворце для вас будет так же невозможно, как на дне океана Драсчад. Вы ведь не примете приглашение какой-нибудь рыбки, если она предложит вам поплавать вместе, не правда ли?

— Что может помешать мне жить во дворце?

Дордолио пожал плечами.

— Зачем выставлять себя в смешном свете? Главное в нашей жизни — уметь держать себя в обществе. Что знают кочевники о хороших манерах?

На это Рейшу было нечего ответить.

— Поведение рыцаря диктуется тысячей мелочей, — продолжал Дордолио. — У нас в академии учат, как обращаться к людям разного положения, какие жесты пристали благородным господам и как они должны изыснаться, в чем, признаюсь, я преуспел недостаточно. Нас обучают искусству боя на саблях, фехтованию, генеалогии, геральдике, умению одеваться и сотне других важнейших вещей. Может быть, эти предметы покажутся вам не имеющими большого значения.

Анахо, стоявший рядом, не удержался:

— Более подходящим определением было бы «тривиальными».

Рейш ожидал высокомерной отповеди, хотя бы холодного взгляда, но Дордолио лишь безразлично пожал плечами.

— Тогда, может быть, назовете что-нибудь более важное в вашей жизни? Или в жизни этого учителя фехтования и торговца? Не забывайте, что мы, яо, — раса пессимистов. Мы всегда живем под угрозой «авайле», мы гораздо более мрачные люди, чем кажемся на первый взгляд. Признавая бессмысленность всего сущего, в том числе и нашего существования, мы стараемся как можно полнее использовать тот небольшой запас жизненной силы, которым обладаем, извлекая из каждого самого незначительного события присущий ему шарм. Мы поддерживаем интерес к жизни с помощью различных формальностей и ритуалов. Тривиальность? Упадок? Называйте как хотите.

— Все это прекрасно, — заявил Рейш, — но для чего вам оставаться пессимистами? Почему бы не попытаться найти что-то новое, расширить, так сказать, горизонты? Мне кажется, что вы воспринимаете гибель ваших городов с удивительным безразличием. Конечно, мстительность никак нельзя назвать благороднейшим из человеческих качеств, но еще хуже безвольно склониться под бременем обстоятельств.

— Ну... — пробормотал Дордолио, — как варвар может оценить безмерность нашего несчастья и след, оставленный им? Большая часть

«инспираторов» нашла для себя выход в «авайле». Их деяния и искупление грехов внесли какое-то оживление в нашу жизнь. Больше у нас ни на что не хватило энергии. Если бы вы происходили из благородной касты, я бы вырвал ваше сердце из груди за то, что вы осмелились обвинить нас в безучастности и трусости.

Рейш засмеялся.

— Поскольку принадлежность к низкой касте предохраняет меня от такой ужасной перспективы, я задам вам еще один вопрос: что такое «авайле»?

Дордолио воздел руки к небесам.

— Мало того, что этот человек варвар, он еще полностью лишился памяти! Я не могу вести беседу с таким, как вы! Спросите у дирдирмена — он довольно словоохотлив.

— Совершенно непонятный всплеск эмоций, — пробормотал Рейш. — Интересно, чем я его обидел, что ужасного было в моих словах?

— Причина — боязнь позора, — ответил Анахо. — Яо чувствительны к этому; любое слово, которое кажется им обидным, раздражает, словно соринка в глазу. Неизвестные враги разрушают их города; они подозревают Дирдиров, но не осмеливаются выступить против них и вынуждены в бессильной ярости терпеть унижение. Боязнь позора — характерное качество яо, которое делает их предрасположенными к «авайле».

— Что это такое?

— Убийство. Человек, у которого припадок «авайле», убивает всех, кто попадает к нему под руку, — мужчин, женщин, детей, стариков, своих родных. Когда он больше не в состоянии убивать, то становится совершенно апатичным и сдается властям. Наказание его ужасно. Это страшное зрелище. Толпы народа сбегаются к месту, где происходит пытка. Каждая казнь проводится по-новому, виновный должен испытать самую мучительную боль, которая, возможно, доставляет ему какое-то извращенное удовольствие. «Авайле» иногда делает жизнь в Кете совершенно невыносимой. Кстати, на этом основании Дирдиры считают всех полулюдей безумными.

— Значит, если мы приедем в Кет, то рискуем быть убитыми каким-нибудь безумцем? — проворчал Рейш.

— Риск не так уж велик, — возразил дирдирмен. — Ведь такое случается не каждый день. — Анахо оглядел палубу. — Но, мне кажется, уже очень поздно. — Пожелав Рейшу спокойной ночи, он прошел в свою каюту.

Рейш остался стоять на палубе, глядя вдаль. После кровавых событий в Пере Кет раньше казался ему спокойной гаванью, где живут цивилизованные люди, где можно будет без помех построить небольшой космический корабль. Но теперь все это выглядело по-другому.

К нему подошла Хейзари, старшая из рыжеволосых дочерей Пало Барбы.

— Вы сегодня какой-то особенно грустный. Вас что-то беспокоит?

Рейш посмотрел на бледное овальное личико девушки — лукавое и дерзкое, светящееся невинным, а может быть, не таким уж невинным кокетством. Он хотел ответить ей резкостью, но сдержался. Девушка бесспорно была очень привлекательна.

— Почему вы не в постели, как ваша сестра Эдве?

— О, все очень просто! Она тоже еще не спит, а сидит на корме с вашим другом Тразом, дразнит и мучает его. Она более искусна во флирте, чем я.

«Бедный Траз», — подумал Рейш.

— А как же родители? — спросил он. — Они не боятся, что с вами что-нибудь случится?

— А какое им дело? В молодости они тоже весело проводили время. Разве они не имели на это права?

— Конечно, имели. У разных народов разные обычаи.

— А как у вас? Какие обычаи у вашего народа?

— Довольно сложные, — ответил Рейш, — и с множеством нюансов.

— Прямо как у жителей островов Облака, — сказала Хейзари, прижимаясь к Рейшу. — Конечно, мы не влюбляемся в первого встречного — как бы не так! Но иногда бывает особое настроение... Я думаю, это закон природы.

— Не буду спорить. — Повинуясь внезапному порыву, Рейш нагнулся и поцеловал девушку в капризно надутые губки. — Но мне бы не хотелось сердить вашего отца, каким бы законам природы мы ни подчинялись, — ведь он прекрасно фехтует!

— Можете быть совершенно спокойны — он уже спит.

— Ну, раз так... — произнес Рейш.

Они неторопливо поднялись по крутым ступеням на верхнюю палубу и встали, глядя на широкий простор океана. На западном краю неба низко висел Аз, рассыпая по поверхности воды аметистовые искры. Рыжеволосая красавица, пурпурная луна, волшебный корабль в дальнем море — стоит ли менять все это на привычную жизнь на Земле? Наверное, да. Однако зачем отказывать себе в мимолетном удовольствии? Рейш снова поцеловал девушку — этот поцелуй был более горячим и продолжительным, чем первый. Неожиданно по палубе скользнула легкая тень: кто-то, прежде невидимый, прятавшийся за якорной лебедкой, вскочил и бросился прочь, словно спасаясь бегством. В бледном свете лучей заходящей луны Рейш узнал Илин-Илан. Он внезапно похолодел и с упавшим сердцем посмотрел ей вслед. Но откуда это чувство вины? Она ведь уже давно дала ему понять, что их краткая связь кончилась. Рейш снова повернулся к рыжеволосой Хейзари.

Глава 4

Утро выдалось безветренным. На небе, похожем на птичье яйцо — серовато-желтом с темными пятнами облаков на горизонте, серовато-синем в зените, — засияло солнце.

На завтрак, как обычно, подали хлеб из муки грубого помола, соленую рыбу, засахаренные фрукты и терпкий чай. Пассажиры сидели за столом молча, каждый был занят собственными мыслями.

Илин-Илан опоздала к завтраку. Она тихонько проскользнула в салон и заняла свое место, вежливо улыбаясь соседям по столу.

Девушка ела, уставившись в пространство, словно в трансе. Дордолио беспокойно наблюдал за ней.

В салон заглянул капитан.

— Спокойный день. Ночью соберутся облака и будет гроза. Завтра... Кто знает, что будет завтра? Трудно понять. Погода какая-то необычная.

Рейш, чувствуя странное раздражение, старался вести себя как обычно. У нее нет никаких причин для обид: изменился не он, а Илин-Илан. Даже когда они были близки, что-то в ней оставалось для него тайной, словно в девушке было скрыто несколько человек! Недаром у нее столько имен! Рейш заставил себя не думать о бывшей возлюбленной.

Илин-Илан пробыла в салоне недолго; она вышла на палубу, где к ней сразу же подошел Дордолио. Они стояли, перегнувшись через фальшборт. Илин-Илан пыталась в чем-то убедить рыцаря герба Золота и Сердолика, Дордолио то и дело дергал себя за ус и робко вставлял слово.

Матрос, стоявший на верхней палубе, вдруг крикнул и указал куда-то вдаль. Вскочив на тумбу, Рейш увидел на воде какую-то темную фигуру, голова и узкие плечи которой имели очень неприятное сходство с человеческими. Через секунду странное создание нырнуло и исчезло под водой. Рейш повернулся к Анахо.

— Что это было?

— Пнум.

— Так далеко от берега?

— Ну и что? Они такие же, как фунги. Кто может понять, почему фунг поступает так, а не иначе?

— Но что делает Пнум здесь, в открытом океане?

— Ночью, должно быть, он плавает в океане, наблюдая, как восходят и заходят луны.

Утро прошло. Траз бросал дротики в цель вместе с двумя рыжеволосыми девицами. Торговец изучал какой-то толстый том в кожаном переплете. Пало Барба развлекался, фехтуя с Дордолио. Рыцарь, как обычно, принимал эффектные позы, пританцовывал и размахивал руками; его папира свистела в воздухе.

Скоро Пало Барба устал. Дордолио остановился перед ним, сгибая гибкую рапиру. На палубу вышла Илин-Илан и уселась на крышку люка. Дордолио повернулся к Рейшу.

— Ну, выходи, кочевник, сразимся! Покажи, как владеют оружием в твоих родных степях.

Рейш почувствовал какой-то подвох.

— Я не очень хорошо фехтую, — осторожно ответил он. — К тому же давно не упражнялся. Может быть, в другой раз...

— Брось, брось! — крикнул Дордолио, сверкая глазами. — Я много слышал о твоей ловкости. Ты должен показать свое искусство. Не отказывайся!

— Вам придется извинить меня, я не имею никакого желания...

— Ну же, Адам Рейш! — крикнула Илин-Илан. — Сразись с ним, иначе всех нас очень разочаруешь!

Рейш повернулся к девушке и внимательно оглядел ее. Лицо ее было почти неузнаваемым: заострившееся, изможденное, подергивающееся от скрытого гнева. Это не та девушка, которую он знал в Пере, — в считанные дни она каким-то образом изменилась, стала незнакомой.

Он снова взглянул на Дордолио, без сомнения находящегося под влиянием своей принцессы. Сговор против него!

Вмешался Пало Барба.

— Брось, — сказал он Дордолио, — оставь его в покое. Мы с тобой еще немножко пофехтуем — достаточно, чтобы оставаться в форме.

— Но я хочу сразиться с этим человеком, — заявил Дордолио. — Он ведет себя с потрясающей наглостью, и я считаю, что его следует наказать.

— Если хочешь затеять ссору, — холодно ответил Пало Барба, — это, конечно, твое дело.

— Никакой ссоры, — сказал Дордолио визгливо и немного в нос. — Скажем, я преподам ему урок. Парень, кажется, хочет показать, что высшие касты Кета и грязное простонародье — одно и то же. На самом деле между нами существует большая разница, что я и намерен доказать.

Рейш неохотно поднялся.

— Прекрасно. Ну, какое же оружие вы желаете избрать для вашего «урока»?

— Рапиры, сабли — все, что угодно. Поскольку вам неизвестны правила начала рыцарского боя, сигналом послужит просто слово «начинай» — этого будет достаточно.

— А в конце, очевидно, «стоп»?

Дордолио презрительно улыбнулся в усы.

— Это будет зависеть от обстоятельств.

— Очень хорошо. — Рейш повернулся к Пало Барбе. — Позвольте мне взглянуть на вашу коллекцию.

Пало Барба открыл ящик, где хранились его рапиры и другое оружие. Рейш выбрал пару коротких легких клинков.

Дордолио наблюдал за ним, недовольно подняв брови.

— Детские игрушки — такими у нас сражаются мальчишки.

Рейш взял один из клинков и со свистом рассек им воздух.

— Этот мне подходит. Если вы недовольны, выберите любое другое оружие.

Дордолио, ворча, взял короткий клинок.

— У этого оружия нет жизни, оно мертво и неподвижно...

Рейш поднял свой клинок и его кончиком надвинул Дордолио шляпу на глаза.

— Но удобно и полезно, как вы только что убедились.

Дордолио молча снял шляпу и подвернул манжеты белой шелковой рубашки.

— Вы готовы?

— Всегда к вашим услугам. — Изысканным театральным жестом рыцарь поднял клинок и поклонился зрителям направо и налево.

Рейш отпрянул.

— Я думал, вы хотите оставить всякие церемонии.

Дордолио в ответ лишь оскалил зубы в гримасе, которая должна была изображать свирепость, и сделал один из своих эффектных выпадов, притопнув ногой. Рейш безо всякого труда парировал удар, сделал ложный выпад и опустил острый клинка на одну из пряжек, поддерживающих шаровары противника.

Тот отскочил и снова бросился в атаку; оскал сменился мрачной улыбкой. Он старался прощупать соперника, направляя клинок то в одну, то в другую сторону, выискивая слабые места защиты. Рейш парировал его удары все так же небрежно, не двигаясь с места. Дордолио бросился вперед, отбил в сторону оружие Рейша, но тот отскочил, и рыцарь рассек лишь воздух. Рейш резко опустил клинок и сломал пряжку — шаровары Дордолио спустились с одной стороны.

Рыцарь, нахмурившись, быстро отскочил. Рейш шагнул вперед и разрубил вторую пряжку. Шаровары скользнули вниз.

Багрово покраснев, Дордолио отскочил подальше и бросил оружие на палубу.

— Что за смехотворные игры! Возьмите настоящую саблю или рапиру!

— Сражайтесь любым оружием, которое предпочитаете. А я буду драться своим. Но прежде всего я настаиваю, чтобы вы как-нибудь заставили шаровары держаться на месте — иначе нам обоим будет неудобно.

Дордолио поклонился, стараясь сохранить хладнокровие, и, отойдя в сторонку, прикрепил шаровары завязками к поясу.

— Я готов. Раз вы настаиваете и поскольку в мои намерения входит наказать вас за наглость, я воспользуюсь своим привычным оружием.

— Как вам угодно.

Дордолио извлек из ножен длинную гибкую рапиру и описал ею сверкающий круг — острие со свистом рассекло воздух. Потом кивнул Рейшу и бросился в атаку. Гибкое острие, подрагивая, скользнуло справа налево. Рейш отбил его и небрежно, как будто случайно, похлопал Дордолио по щеке плоской поверхностью сабли.

Дордолио моргнул от неожиданности и бешено бросился на Рейша. Тот отпрянул. Рыцарь наступал, притопывая, делая красивые выпады, размахивая рапирой во все стороны. Рейш снова парировал удар и похлопал рыцаря по другой щеке. Потом сразу отступил.

— Я немного запыхался. Может быть, хватит упражнений в фехтовании на сегодня?

Дордолио стоял, устремив взгляд на Рейша, ноздри его раздувались, грудь высоко вздымалась. Внезапно он отвернулся, поглядел на море, глубоко вздохнул и снова повернулся к Рейшу.

— Да, вы правы, — бесцветным голосом произнес рыцарь, — на сегодня достаточно. — Он посмотрел на свою украшенную драгоценными камнями рапиру и, казалось, был готов бросить ее в море. Но вместо этого сунул клинок в ножны и поклонился Рейшу. — Вы великолепно фехтуете. Я у вас в долгу за то, что вы показали мне свое искусство.

Пало Барба выступил вперед.

— Хорошо сказано — вот настоящий рыцарь Кета! Достаточно стали и клинков, выпьем по утреннему бокалу вина!

Дордолио снова поклонился.

— Минуту! — И направился к себе.

Цветок Кета сидела неподвижно, словно высеченная из камня.

Хейзари поднесла Рейшу бокал вина.

— У меня возникла чудесная идея.

— Например?

— Вам нужно поехать к нам и стать помощником отца в Фехтовальной академии. Беззаботная жизнь, никаких волнений или страхов!

— Очень приятная перспектива, — согласился Рейш. — Если бы я только мог... Но у меня другие цели.

— Забудьте о них! Неужели это так важно? Ведь мы живем только раз! Не отвечайте, — она приложила ладонь к его губам, — я знаю, что вы скажете. Вы странный человек, Адам Рейш; такой серьезный, но почему-то с вами так легко!

— Я не кажусь себе странным. Это Тчаи — странная планета; я же вполне обычный человек.

— А вот и нет, необычный! — засмеялась Хейзари... — А Тчаи... — Она пожала плечами. — Иногда наш мир ужасен, но назвать его странным... Я не знаю другого! Ну хорошо, я налью вам еще вина, и, может быть, выпьем вместе. В такой безветренный день больше нечего делать.

Капитан, проходивший мимо, остановился рядом.

— Наслаждайтесь хорошей погодой, пока она держится; к нам движется ураган. Посмотрите на север.

На горизонте виднелась полоса темных облаков; вода под ними отливала медным блеском. Когда люди подняли головы, над морем пронесся порыв холодного ветра, словно вздох ледяного великана. Паруса на «Варгазе» захлопали, снасти заскрипели.

Из каюты вышел Дордолио. Он переоделся; на нем был костюм темно-бордового цвета, черные бархатные башмаки и темная бархатная шапка с козырьком. Он спросил, не видел ли кто-нибудь Илин-Илан — интересно, где она может быть?

Девушка стояла на носу судна, облокотившись о фальшборт, и глядела вдаль, потом пошла в свою каюту. Дордолио минуту постоял в нерешительности, потом медленно отвернулся. Пало Барба передал ему бокал с вином, и Дордолио молча уселся под большим медным фонарем.

Полоса облаков двигалась к югу, в ее глубине то и дело сверкали пурпурные молнии, освещая небо мрачными вспышками. Наконец до людей докатилось глухое рычание грома.

На «Варгазе» убрали косые паруса, корабль шел рывками под одним прямым штормовым парусом.

Рейшу никогда не приходилось видеть такого заката на Тчаи: темно-коричневое солнце горело, как остывающий расплавленный металл, под черными тучами. Неожиданно из своей каюты вышла Илин-Илан. Она стояла на верхней палубе, совершенно обнаженная, опустив голову и глядя сверху вниз на пораженных пассажиров.

В одной руке у нее был пистолет, в другой — кинжал; на лице застыла странная бессмысленная улыбка. Рейш, который видел это лицо много раз, никогда не узнал бы его. Дордолио, издав нечленораздельный вопль, бросился вперед.

Девушка навела на него пистолет; Дордолио пригнулся, и пуля просвистела у него над головой. Илин-Илан медленно оглядела палубу, увидела Хейзари и направилась к ней, держа оружие наготове. Хейзари вскрикнула от страха, бросилась к мачте и спряталась за ней. Молнии прочертили небо, гигантские разряды проскакивали между нависшими тучами; в их неверном свете Дордолио бросился к девушке и попытался схватить ее за руки. Она полоснула его кинжалом; Дордолио с криком отпрянул, по груди рыцаря заструилась кровь. Цветок Кета прицелилась в него — он покатился по палубе и скрылся за одной из надстроек. Хейзари побежала к своей каюте. Илин-Илан бросилась за ней. На палубу вышел какой-то матрос и остановился, пораженный ужасом. Цветок Кета рассекла ему лицо кинжалом — он упал, ударившись о палубу затылком, и покатился по трапу в кают-компанию.

Вспыхнула молния, и сразу же прокатился раскат грома. Принцесса Кета вслепую размахивала кинжалом, стараясь поразить соперницу; рыжеволосая фигурка отпрянула, держась за бок. Цветок Кета прицели-

лась, но Пало Барба, подбежав, выбил у нее из рук пистолет. Илин-Илан замахнулась кинжалом на него, на Рейша, пытавшегося схватить ее, потом взбежала по трапу на нос судна и взобралась на бушприт.

Корабль поднялся на высокой волне, нырнул — бушприт то поднимался, то опускался. Солнце наконец зашло, словно утонуло в океане; девушка окинула его взглядом, будто прощаясь навеки, и повисла на бушприте, держась за него одной рукой.

— Вернись! Вернись! — закричал Рейш.

Она оглянулась и безучастно посмотрела на него.

— Дер! — крикнул Рейш. — Илин-Илан!

Девушка словно не слышала его. Рейш стал припоминать все ее имена.

— Цветок Голубого Нефрита! — воскликнул он, потом назвал ее придворное имя: — Шар Зарин!

Она слабо улыбнулось в ответ.

Рейш попытался растрогать девушку.

— Зози... Зози... вернись!

Ее лицо сразу изменилось. Она вцепилась в бушприт.

— Зози! Почему ты не отвечаешь? Иди сюда, будь хорошей девочкой!

Но она неотрывно смотрела вдаль, туда, где садилось солнце.

Тогда Рейш назвал девушку ее тайным именем:

— Лле! Иди, иди сюда! Лле, Ктан зовет тебя! Лле!

Девушка покачала головой, не отводя взгляда от высоко вздымавшихся морских волн.

И тогда Рейш произнес ее последнее имя, неожиданно показавшееся странным и незнакомым — любовное. Он позвал ее, но раздался удар грома, и девушка не услышала. Над горизонтом виднелся лишь небольшой кусочек солнца, переливающийся всеми оттенками коричневого. Разжав руку, Цветок Кета упала в шипящую пену. Рейшу показалось, что в волнах мелькнули ее темные волосы — и исчезли.

Позже, в сумерках, когда «Варгаз» с трудом взбирался на крутые склоны штормовых волн и нырял в ущелья между ними, Рейш задал вопрос Анахо:

— Она что, просто потеряла рассудок? Или это и было «авайле»?

— Это было «авайле». Спасение от позора.

— Но ведь... — начал Рейш, но не смог продолжать и сделал нерешительный жест.

— Ты ухаживал за девушкой с островов Облака. А рыцарь Илин-Илан выставил себя в смешном свете. Унижение навеки омрачило бы ее будущее. Она перебила бы всех нас, если бы только смогла.

— Я совершенно не в состоянии этого понять, — пробормотал Рейш.

— Естественно. Ведь ты не яо. Но для принцессы Голубого Нефрита все это было нестерпимо. В Сеттре ее подвергли бы публичной пытке.

Рейш вышел из каюты на палубу. Медный фонарь мерно покачивался и скрипел. Рейш посмотрел вниз, на бушующее море. Где-то там, в пучине, далеко за кормой скрылось навсегда белоснежное тело Илин-Илан, Цветка Кета.

Глава 5

Шальные ветры не давали покоя до утра. Внезапные порывы — легкие, как вздох, дуновения; бешеные вихри — едва различимые шепотки... С рассветом все внезапно стихло; янтарный диск солнца осветил корабль, покачивающийся на волнах беспокойного моря.

В полдень ужасающий шквал погнал корабль, словно игрушку, на юг; его острый нос рассекал волны, превращая их в дождь сверкающих брызг. Пассажиры сидели в салоне или на средней палубе. Хейзари, бледная, с перевязанным боком, не покидала своей каюты, которую делила с Эдве. Рейш просидел с ней целый час. Девушка могла говорить лишь об испытанном потрясении.

— Но зачем ей было совершать такой ужасный поступок?

— Как видно, яо подвержены подобным приступам.

— Это я слышала, но даже безумие должно иметь какую-то причину...

— Дирдирмен утверждает, что она не смогла перенести унижения...

— Какая глупость! Унижение — красавица вроде нее? Что же довело ее до такого состояния?

— Не будем сейчас говорить об этом, — пробормотал Рейш.

Волны чудовищно выросли, превратились в огромные холмы, то возносившие «Варгаз» на свою вершину, то заставлявшие округлый корпус корабля с грохотом и шипением нестись вниз, к подножию. Так продолжалось несколько суток; наконец утреннее солнце засияло на янтарном безоблачном небе. Море волновалось еще день, затем успокоилось. На «Варгазе» подняли все паруса, подставив их западному бризу.

Спустя три дня на юге показались неясные очертания черного острова. Капитан объявил, что это место служит прибежищем пиратов; он отправил на мачту зоркого матроса, который не спускал глаз с острова до тех пор, пока тот не остался далеко позади, растворившись в рассветной дымке.

Время текло монотонно, то были странно бесцветные дни, над которыми нависла тень неясного будущего. Рейш стал нетерпеливым и нервным. Какими далекими казались события в Пере! Тогда все было просто и ясно... Кет представлялся им олицетворением цивилизации, покоя и безопасности, а сам Рейш пребывал в полной уверенности, что помощь благодарного лорда Голубого Нефрита сделает его планы осуществимыми. Пустые надежды!

Судно приблизилось к Качану: капитан надеялся, что прибрежные северные течения помогут им добраться до Парапана.

Однажды утром, выйдя на палубу, Рейш увидел удивительный остров: небольшой клочок суши — менее четверти мили в диаметре, — окруженный у самой воды стеной черного стекла высотой в сотню футов. За ней виднелась примерно дюжина неуклюжих массивных зданий различной высоты.

Анахо-дирдирмен подошел к Рейшу и встал рядом; его узкие плечи грустно опустились, на лице застыло уныние.

— Перед тобой — цитадель злодейской расы Ванкхов.

— Злодейской? Потому что они воюют с Дирдирами?

— Потому что они не желают окончить войну. Что хорошего приносит им, так же как Дирдирам, подобная конфронтация? И все же, когда Дирдиры предлагают прекратить враждебные действия, Ванкхи неизменно отказываются. Жестокосердные, циничные создания!

— Разумеется, я ничего не знаю об этих делах, — сказал Рейш. — Но зачем стена вокруг острова?

— Чтобы отвалить Пнумов, кишящих по всей Тчаи, словно крысы. Ванкхи — раса, не отличающаяся открытостью и дружелюбием. Более того, они... Вот, взгляни-ка вниз.

Пристально всмотревшись в воду, Рейш увидел там неясные очертания существа размером с человека с металлической конструкцией, прикрепленной к поясу, двигающегося на глубине десяти — пятнадцати футов с помощью какого-то приспособления. Существо резко повернулось, поплыло в противоположную сторону и вскоре исчезло в темных глубинах.

— Ты видел одного из Ванкхов, этих существ-амфибий, использующего миниатюрный двигатель для своих подводных игр.

Рейш поднес к глазам сканскоп. Башни города Ванкхов, как и стены, были сделаны из черного стекла. Круглые темные окна казались светонепроницаемыми; изогнутые хрустальные балконы переходили в мостики, ведущие к видневшимся вдалеке конструкциям. Рейш уловил какое-то движение. Ванкхи? Он взгляделся пристальней. Нет, существа принадлежали к человеческому роду. Без всякого сомнения, это были ванкхмены — люди с мучнисто-белой кожей и плоскими черепами, к которым крепились черные диски. Их гладкие лица с почти неподвижными чертами казались мрачными; одежда состояла из черных накидок с широкими кожаными ремнями, на которых висели различные инструменты и миниатюрные приспособления. Перед тем как войти в одно из зданий, ванкхмены подняли головы, посмотрели на «Варгаз», и в это мгновение Рейшу удалось разглядеть их лица. Он резко опустил сканскоп.

Анахо недоуменно покосился на него.

— Что случилось?

— Я увидел лица ванкхменов... Даже такой диковинный мутант, как ты, по сравнению с ними кажется обычным человеком.

Анахо сардонически улыбнулся и хмыкнул:

— В действительности эти особи весьма схожи с хорошо знакомым нам представителем выродившихся людей.

Рейш не стал спорить; он никак не мог понять, что скрывается за неподвижной белой маской ванкхменов. Он снова осмотрел город, но они уже исчезли. На палубу поднялся Дордолио, и его внимание сразу привлек сканскоп.

— Что это за необычный прибор?

— Электронное оптическое устройство, — безразличным тоном отозвался Рейш.

— Никогда не видел ничего подобного. — Дордолио повернулся к Анахо. — Его изготовили Дирдиры?

Анахо жестом выразил недоумение.

— Нет, не думаю.

Дордолио удивленно воззрился на Рейша.

— Тогда, может быть, Часчи или Ванкхи? — Он взгляделся в надпись на металлической поверхности прибора. — Чьи это письма?

Анахо пожал плечами.

— Я не могу прочесть их.

— А вы? — спросил Дордолио Рейша.

— Да, очевидно, смогу. — Повинуясь безотчетному порыву, Рейш громко прочитал: — «Федеральное космическое агентство. Приборно-инструментальный отдел. Фотоувеличивающий бинокулярный телескоп типа XI, I-1000; в полной темноте не работает. БАФ-1303-K-29023. В качестве источника энергии использовать только батарейки типа Д-5. При плохом освещении пользоваться переключателем цветовой компенсации. Не направлять на солнце или очень яркий свет; в случае выхода из строя автоматической системы фильтрации возможна травма глаз».

Дордолио недоуменно уставился на прибор.

— Чей это язык?

— Один из множества диалектов человеческой расы, — ответил Рейш.

— Да, но в каком регионе он распространен? Насколько я знаю, люди на Тчаи повсюду говорят на одном и том же языке.

— Чтобы не смущать вас обоих, — сказал Рейш, — я ничего не стану говорить об этом. Продолжайте думать обо мне как о человеке, страдающем потерей памяти.

— Вы считаете нас глупцами? — прорычал Дордолио. — Или мы неразумные младенцы, чтобы вместо внятных ответов выслушивать неуклюжие отговорки?

— Иногда, — произнес Анахо, ни к кому не обращаясь, — истинная мудрость состоит и в том, чтобы не разрушать миф. Знание может стать непосильным грузом.

Дордолио задумчиво покрутил усы и, бросив быстрый взгляд на сканскоп, резко повернулся и ушел.

Впереди, словно встав из моря, появились еще три острова: каждый был окружен стеной, на каждом — странные черные здания. Вдалеке, на горизонте, неясно прорисовывалась темная полоса — континент Качан.

К полудню эта полоса стала четче и наконец превратилась в горную цепь, поднимающуюся из морских глубин. «Варгаз» плыл на север вдоль линии берега, почти полностью находясь в тени высоких гор; вокруг парусов, издавая печальный клекот и щелкая клювами, парили черные ширококрылые коршуны. С приходом темноты горы закончились — открылась бухта. На южном берегу раскинулся невзрачный городишко; словно скопление беспорядочно набросанных черных кристаллов, лежала к северу от мыса крепость Ванкхов. Восточнее, на равнине, находился космопорт — здесь можно было разглядеть ракеты различных конструкций и размеров.

Прижав к глазам сканскоп, Рейш внимательно изучал бухту и горы, которые на востоке подходили вплотную к площадке космопорта. Любопытно, весьма любопытно...

Проходивший мимо капитан сказал, что порт носит название Ао-Хидис; это один из важных опорных пунктов Ванкхов.

— Я вовсе не хотел забираться так далеко на юг, но раз уж мы оказались здесь, попробую продать кожу и дерево, привезенные с Грение, потом закуплю химическую продукцию Ванкхов для Кета. Предупреждаю всех, кто желает побродить по берегу: здесь фактически два города. В первом, который, как я уже говорил, называют Ао-Хидис, живут люди, а во втором — название его невозможно произнести — Ванкхи. В Ао-Хидисе можно найти разные типы людей, включая локхаров, но в основном его населяют черные и пурпурные. Они не смешиваются друг с другом и признают только свой народ. Гуляйте по улицам без всякого страха; можете также смело делать покупки во всех магазинах или лавках с открытой витриной; но не заходите в таверну или магазин, где они закрыты, — не важно, принадлежит ли она черным или пурпурным, — скорее всего вы оттуда больше не выйдете. Общедоступных борделей здесь нет. Если что-то купили в лавке черных, не останавливайтесь потом возле заведений пурпурных: вам будут всячески высказывать презрение, возможно, оскорблять, даже могут напасть. То же самое — с черными. Что касается города Ванкхов, то там делать совершенно нечего — разве что пойти поглазеть на этих созданий. Можете смотреть, пока не надоест, — они к этому, кажется, относятся с полным безразличием. В целом довольно унылый порт, с весьма скудным набором увеселений.

«Варгаз» причалил к небольшой пристани, над которой развевался пурпурный флажок.

— Когда я здесь был в прошлый раз, то имел дело с пурпурными, — пояснил капитан Рейшу, поднявшемуся на ют. — Они хорошо обслуживают за разумную цену — не вижу причин менять партнеров.

Швартовы приняли пурпурные-рабочие: круглолицые, круглоголовые люди с ярким оттенком кожи, придававшим необычность их облику. С соседней пристани, принадлежавшей их соперникам, за происходящим с открытой враждебностью следили черные. Они во всем походили на пурпурных, но отличались серой кожей, усыпанной странными черными пятнами.

— Никто не знает, в чем причина, — заметил капитан, имея в виду разницу в цвете кожи. — Одна и та же мать может родить как пурпурного, так и черного ребенка. Некоторые считают, что во всем виновата здешняя пища; другие говорят о наркотическом зелье, третьи утверждают, что болезнь поражает цветовую железу плода в чреве матери. Как бы то ни было, они рождаются такими, и каждый считает другого отщепенцем и выродком. Если черные и пурпурные сходятся, оплодотворения не происходит — по крайней мере так говорят... Вообще подобная перспектива ужасает представителей обеих рас: они скорее станут совокупляться с бродячими собаками.

— А как же дирдирмен? — спросил Рейш. — Его не будут здесь преследовать?

— Ха! Ванкхи никогда не снисходят до подобных мелочей. Сине Часчи известны своими садистскими забавами, взрывы свирепости у Дирдиров совершенно непредсказуемы. Но, насколько я знаю, Ванкхи — самые уравновешенные из всех существ, обитающих на Тчан. Безразличные к окружающему миру, погруженные в себя, они редко обращают внимание на людей. Может быть, Ванкхи вершат свои злодеяния тайно, как Пнумы, — этого никто не знает. А вот ванкхмены совсем другие — они холодны и бессердечны, как ожившие мертвецы, и лишь глупец с ними свяжется. Ну вот, наконец-то мы пришвартовались. Вы сойдете на берег? Тогда помните, от чего я предостерегал вас: Ао-Хидис — опасный город. Не обращайтесь ни на черных, ни на пурпурных; ни с кем не заговаривайте, ни во что не вмешивайтесь. В прошлый заход я потерял здесь матроса, который купил платок в магазине черных, а потом решил выпить вина в заведении пурпурных. Он едва приполз на корабль, из его ноздрей валила пена!

Анахо решил остаться на борту «Варгаза», Рейш с Тразом сошли на берег. Миновав причал, друзья оказались на широкой улице, вымощенной кусками слюдяного сланца. По обе стороны тянулись дома, грубо сложенные из бревен и камня, окруженные кучами мусора. Мимо проехало несколько моторных повозок неизвестного Рейшу типа; он решил, что они сделаны Ванкхами.

На севере вдоль берега возвышались черные башни. В том же направлении лежал космопорт.

Кажется, об общественном транспорте здесь ничего не слышали; Рейш и Траз отправились в город пешком. Неказистые хижинки сменялись более привлекательными строениями, потом друзья вышли на площадь, со всех сторон окруженную магазинами и лавками. Половина горожан были черными, половина — пурпурными. И те и другие вели себя так, словно соперников вообще не существовало: черные общались с черными, лавки пурпурных обслуживали только своих. И те и другие старались толкнуть друг друга, не извиняясь при этом и делая вид, что ничего не происходит. Дух взаимной ненависти и нетерпимости окутывал площадь, словно зловонный туман.

Рейш и Траз отправились дальше на север по дороге, выложенной бетонными плитами, и наконец остановились у ограды из высоких стеклянных прутьев, окружавшей космопорт. Рейш огляделся.

— Я, конечно, не вор, — сказал он Тразу, — но посмотри только на этот маленький корабль! С какой радостью я конфисковал бы его у владельца!

— Это корабль Ванкхов, — мрачно заметил Траз. — Ты не сможешь им управлять.

Рейш кивнул.

— Верно. Но если бы у меня было время — скажем, неделя, — я научился бы. Все звездолеты действуют примерно одинаково.

— Спустись на землю, подумай о трудностях, — увещевал его юноша.

Рейш с трудом скрыл улыбку. Время от времени к Тразу возвращалась безапелляционно строгая и рассудительная манера поведения Онмале — эмблемы вождя племени крушей, которую юноша носил во время их первой встречи, чуть было не ставшей причиной его смерти. Траз с сомнением покачал головой.

— Ты думаешь, что такие дорогие машины стоят здесь без присмотра и в них можно в любой момент забраться и улететь? Маловероятно!

— Но на борту нашего корабля, кажется, никого нет, — возразил Рейш. — Даже большие грузовые ракеты, по-моему, пусты. Да и зачем Ванкхам проявлять осторожность? Кому придет в голову красть их имущество кроме человека вроде меня?

— Ну хорошо, ты забрался внутрь — и что дальше? — упрямылся Траз. — Тебя обнаружат и убьют, прежде чем ты научишься управлять ракетой.

— Бесспорно, такое предприятие весьма рискованно, — согласился Рейш.

Они возвратились в гавань, и, когда вновь оказались на борту «Варгаза», корабль показался им маленьким островком разума в океане безумия.

С разгрузкой и погрузкой возились всю ночь. Наутро, не оставив на негостеприимном берегу ни одного из членов команды или пассажиров, «Варгаз» поднял якорь, распустил паруса и продолжил путь по водам Драсчада.

Они плыли на север от мрачных скал побережья Качана. В первый день им встретилось с дюжину цитаделей Ванкхов; вскоре все они скрылись за кормой. На следующий день перед «Варгазом» выросли три гигантских фьорда; когда корабль миновал последний, оттуда вылетел большой моторный катер, позади него яростно клубилась пена. Два матроса были немедленно отправлены к пушке. Катер описал стремительную дугу, чтобы зайти сзади, но капитан поспешил развернуть корабль — его орудие снова нацелилось на противника. Катер отстал и вышел в море; пассажиры и команда еще долго слышали улюлюканье и свист пиратов.

Неделю спустя показался Драган, первый из островов Облака. На следующий день корабль прибыл в Вайнесе; здесь высадились Пало Барба, его супруга и огненноволосые дочери. Траз с грустью провожал их взглядом. Эве повернулась и помахала рукой, прощаясь со спутниками. Вскоре семейство затерялось в море одеяний из желтого шелка и льняных белых накидок.

Корабль простоял в Вайнесе два дня, разгружаясь, принимая на борт новые партии товаров и обновляя паруса, затем поднял якорь и вышел в море.

Подгоняемые резким западным ветром, они проплыли Парапан. Прошел день, ночь, еще один день... Атмосфера на борту стала напряженной; матросы не отрывали глаз от моря, пытались разглядеть на востоке очертания долгожданной земли, континента Чарчан.

Наступил вечер; янтарный круг солнца словно растворился в смешении мрачных серых, коричневых и грязно-оранжевых оттенков. Принесли ужин: сушеные фрукты и вяленую рыбу. К еде никто не притронулся — пассажиры и команда упрямо всматривались в темноту. Приближалась ночь, ветер утих... Один за другим пассажиры спускались в свои каюты. Рейш остался на палубе, размышляя над несчастьями, обрушившимися на него. Время текло незаметно. Но вот с капитанского мостика раздались резкие слова команды, зашуршал спущенный парус, и «Варгаз» замедлил ход. Рейш снова повернулся к морю. Вдалеке, сливаясь в яркую линию, сияли огоньки. Это было побережье Кета.

Глава 6

На рассвете стал виден низкий берег, казавшийся черным на фоне янтарного неба. Паруса надул утренний бриз; «Варгаз» вошел в гавань Веродела.

Солнце осветило еще спящий город. На севере над портом возвышались плоские здания, к югу протянулись верфи и склады.

Корабль бросил якорь, свернул парус. К нему заспешил катер, и «Варгаз» подтянули кормой вперед к доку. На борт поднялись пор-

товые чиновники, переговори́ли с капитаном, обменялись церемонным приветствием с Дордолио и удалились. Долгое путешествие завершилось.

Рейш попрощался с капитаном и вместе с Анахо и Тразом сошел на берег. На причале к ним подошел Дордолио.

— Здесь мы должны проститься, — небрежно произнес он. — Я немедленно отбываю в Сеттру.

Догадываясь, что рыцарь неспроста принял такое решение, Рейш осторожно спросил:

— Дворец Голубого Нефрита находится в Сеттре?

— Да, разумеется. — Дордолио разгладил пышные усы. — Не стоит беспокоиться по этому поводу; я передам лорду все обстоятельства дела.

— И все же вы многого не знаете, — сказал Рейш. — Собственно, почти ничего.

— Ваша информация вряд ли поднимет настроение лорда, — сдержанно произнес Дордолио.

— Возможно. Но она наверняка заинтересует его.

Дордолио раздраженно покачал головой.

— Немыслимо! Вы ничего не знаете о ритуалах и церемониях! Или надеетесь просто подойти к лорду и проблещать ему свою историю? Невероятная глупость! А ваше одеяние — просто ни в какие ворота! Не говоря уже об этом истукане-дирдирмене и мальчишке-кочевнике.

— Мы надеемся на терпимость и гостеприимство лорда Голубого Нефрита... — сказал Рейш.

— Ха! — сквозь зубы произнес Дордолио. — Никакого стыда! — Но все же рыцарь не спешил уходить, хмуро разглядывая улицу. Наконец он сказал: — Итак, вы твердо намерены посетить Сеттру?

— Да, разумеется.

— Тогда примите добрый совет. Этой ночью остановитесь в одном из местных постоянных дворов — скажем, вон тот, впереди, «Дулван», вполне подойдет, — а завтра или послезавтра нанесите визит к хорошему портному и положитесь на его искусство. Затем, одетый подобающим образом, можете приехать в Сеттру. «Приют путешественников» на Овале предоставит вам подходящие апартаменты. Принимая все это во внимание, надеюсь, вы не откажете мне в небольшой услуге. Кажется, я куда-то заделал свои деньги; буду очень признателен, если вы одолжите мне сотню цехинов на дорогу.

— Конечно, — сказал Рейш. — Но давайте отправимся туда все вместе.

Дордолио раздраженно взмахнул рукой.

— Я тороплюсь. Ваши приготовления к отъезду отнимут драгоценное время.

— О нет, — сказал Рейш. — Мы готовы отправиться в путь немедленно. Показывайте дорогу.

Дордолио окинул Рейша взглядом, полным брезгливой неприязни.

— Самое меньшее, что я могу сделать, дабы потом все мы не испытывали неловкости, это помочь вам приобрести респектабельный внешний вид. Что ж, следуйте за мной. — Он зашагал к центру города.

Рейш, Траз и Анахо двинулись за ним. Юноша кочевник с трудом сдерживал негодование.

— Почему мы должны терпеть его наглость?

— Яо — ветреный народ, — заметил Анахо. — Бессмысленно каждый раз раздражаться.

Когда они отошли от района доков, стал заметен неповторимый облик города. Широкие, почти безлюдные улицы; по обеим сторонам — плоские здания из глазурованного кирпича, с крутыми крышами, выложенными коричневой черепицей. Всюду были видны приметы постепенного упадка. Бурная жизнь, суета, характерные для Коада, здесь полностью отсутствовали; немногочисленные прохожие вели себя сдержанно, с обезличивающей бесстрастностью. Некоторые были облачены в причудливые одеяния, белые льняные куртки, шейные платки, завязанные вычурными узлами и бантами. Другие, явно не обладавшие высоким статусом, носили широкие штаны зеленого или желтовато-коричневого цвета, куртки и блузы блеклых оттенков.

Дордолио привел их к большому ателю, где несколько дюжин мужчин и женщин занимались шитьем одежды. Махнув своим спутникам, рыцарь вошел внутрь. Друзья последовали за ним и остановились в ожидании, пока Дордолио энергично объяснял что-то лысому пожилому владельцу.

Наконец Дордолио подошел к Рейшу.

— Я объяснил, что вам нужно; этот господин подберет одежду из своих запасов, что будет не столь уж обременительно для вашего кошелька.

Появились трое худосочных юношей с вешалками, на которых красовалась готовая одежда. Хозяин быстро выбрал подходящие костюмы и разложил их перед друзьями.

— Ну вот, полагаю, уважаемым господам такое как раз подойдет. Если они пожелают переодеться прямо сейчас, у нас имеется специальная комната.

Рейш критически осмотрел одежду. Она выглядела несколько вульгарно, цвета — слишком грубыми. Он бросил взгляд на дирдирмена; выразительная усмешка Анахо окончательно подкрепила его собственные подозрения. Рейш обратился к Дордолио:

— Ваше одеяние выглядит не столь привлекательно. Не хотите примерить вот этот костюм?

Дордолио отпрянул, негодуя подняв брови.

— Меня вполне удовлетворяет моя одежда.

Рейш отодвинул предложенные костюмы.

— Такое нам не подойдет, — объявил он хозяину. — Принесите каталог или рисунки, по которым вы шьете одежду.

— Как пожелаете, господин.

Рейш с помощью Анахо, с мрачной серьезностью рассматривавшего каталог, стал выбирать подходящий набросок из почти ста цветных рисунков. Наконец он указал на темно-синий костюм консервативного покроя.

— Как насчет этого?

Дордолио нетерпеливо хмыкнул.

— Подобным образом может одеться богатый садовод на похороны близкого человека.

Рейш выбрал другой рисунок.

— А этот?

— Такое подходит вам еще меньше: неформальное облачение пожилого философа, отдыхающего на своей загородной вилле.

— Понятно... Что ж, — обратился Рейш к хозяину, — тогда покажите мне облачение, которое наденет более молодой философ, обладающий безукоризненным вкусом, если решит посетить город.

Дордолио пренебрежительно фыркнул. Он хотел было выразить свое мнение о происходящем, но передумал и повернулся спиной к друзьям. Портной быстро отдал распоряжения помощникам.

Рейш окинул взглядом Анахо.

— Для этого господина приготовьте дорожный костюм представителя высшей знати. — Затем указал на Тразу. — Одевание, приличествующее юноше благородного рода.

Тут же появились новые костюмы, разительно отличавшиеся от тех, которые заказал Дордолио. Друзья переоделись; пока портной подгонял одежду, Дордолио стоял в стороне, молча теребя усы. Наконец он не выдержал и заговорил:

— Без всякого сомнения, прекрасная одежда. Но пристал ли вам подобный вид? Вы только будете сбивать с толку окружающих, когда станет заметно несоответствие между вашим обликом и поведением.

— Вы ведь не хотите, чтобы мы появились в Сеттре, одетые как клоуны? — ядовито осведомился Анахо. — То, что вы выбрали, наводит на весьма нелестные ассоциации.

— Но разве в этом главное? — воскликнул рыцарь звенящим голосом. — Беглый дирдирмен, мальчишка-кочевник, таинственный странник, неизвестно откуда появившийся здесь! Какая нелепость — дурачить добропорядочных людей, обрядившись в костюмы для знати!

Рейш рассмеялся, Анахо похрустел пальцами, а Траз окинул рыцаря полным бесконечного презрения взглядом. Рейш расплатился с хозяином ателье.

— Ну что ж, — пробормотал Дордолио, — а теперь — в аэропорт! Раз вы выбираете самое дорогое и лучшее, найдем воздушный экипаж.

— Не надо торопиться, — заявил Рейш. — Вы опять все понимаете превратно. Наверняка существуют другие, не столь разорительные для нас способы добраться до города.

— Разумеется, — презрительно ухмыльнулся Дордолио. — Однако тот, кто надевает одежду знатного лорда, должен вести себя как лорд!

— Мы будем скромными лордами, — спокойно ответил Рейш и обратился к портному: — Как вы обычно добираетесь до Сеттры?

— Меня не особо заботит престиж или мнение окружающих: я пользуюсь обычным маршрутным транспортом.

Рейш снова повернулся к Дордолио.

— Если вы собираетесь добираться до Сеттры по воздуху, нам придется сейчас расстаться.

— Что ж, прекрасно; но в таком случае одолжите мне пятьсот цехинов.

Рейш покачал головой.

— Нет.

— Тогда поедем вместе.

По дороге к станции Дордолио несколько смягчился.

— Вы увидите, какое огромное значение придаем мы, яо, непрерывности, постоянству и гармоническому сосуществованию всех атрибутов. Вы одеты как уважаемые господа, и ваше поведение непременно придет в соответствие с обликом; обстоятельства сами изменятся так, чтобы воцарилась гармония и равновесие всех элементов.

На станции Дордолио потребовал место в отделении первого класса; вскоре к платформе подошла массивная машина, движущаяся по клинообразному бетонному желобу на двух гигантских колесах. Спутники вошли внутрь, устроились на удобных сиденьях, обитых красным плюшем. Содрогнувшись, машина с лязгом и грохотом тронулась с места; вскоре за окном поплыли сельские пейзажи Кета.

Рейша ставила в тупик конструкция машины. Ее моторы были велики и мощны, хитроумно и умело сработаны, но почему машина в целом так нелепо сделана? Когда транспорт развивал предельную скорость — примерно семьдесят миль в час, — колеса скользили по воздушным «подушечкам», и они ехали так плавно, что иногда движение было почти незаметным... Но как только натыкались на трещины и выбоины в бетоне, машина дергалась и страшно вибрировала. «Судя по всему, яо — хорошие теоретики, но никуда не годны как практики», — решил Рейш.

Так, ежеминутно подскакивая и грохоча, они двигались по сельской местности. Здесь, на тщательно возделанной, ухоженной земле жили еще в глубокой древности; такого уровня цивилизации Рейшу до сих пор не приходилось видеть на Тчаи. Пейзаж был подернут дымкой, придававшей солнечным лучам янтарно-желтый оттенок; тени ложились пятнами непроницаемой черноты. Они мчались сквозь

леса, мимо густых зарослей деревьев с черными листьями, проезжали парки и сельские фермы, полуразрушенные каменные стены, деревни, в которых, казалось, пустовала добрая половина домов. Дорога шла в гору. Добравшись до района болот, машина повернула на юг. Это были мрачные места: трясины и топи, глыбы полурассыпавшегося, покрытого плесенью известняка. Хотя Рейш несколько раз замечал силуэты полуразрушенных замков вдалеке, местность казалась совершенно безлюдной.

— Призрачная страна, обиталище теней, — заметил Дордолио. — Это Ауданские болота — никогда не слышали о них?

— Нет, — признался Рейш.

— Зловещий, пустынный край, как вы, впрочем, сами видите. Здесь прячутся изгнанники и злодеи, иногда забредают даже фунги. С наступлением темноты тут рыщут ночные собаки...

Машина мчалась прочь от Ауданских болот; впереди раскинулась местность чарующей красоты. Повсюду виднелись пруды и ручейки, над водой возвышались могучие деревья с листьями черного, коричневого и красновато-ржавого цвета. На небольших островках стояли высокие здания с изящными фронтонами и изукрашенными балконами.

— Обратите внимание: вот там, на востоке — великолепное поместье на краю леса, — сказал Дордолио. — Это обитель Золота и Сердолика — дворец моего рода. За лесом — но вы, конечно, сейчас ничего не видите — Хомейр, пригород Сеттры.

Машина миновала лес; теперь они ехали по равнине. Здесь были рассыпаны редкие усадьбы и фермы, а на горизонте уже вырисовывались купола и высокие шпили Сеттры. Через несколько минут прибыли на станцию. Машина остановилась; пассажиры вышли на перрон. Здесь Дордолио объявил:

— Теперь я должен расстаться с вами. Пройдя Овал, найдете гостиницу «Приют путешественников», где я уже рекомендовал вам остановиться. Я отряжу туда посыльного с суммой, которую вам задолжал. — Он замолчал и откашлялся. — Если каприз судьбы снова сведет нас вместе в следующем цикле — скажем, вам придет в голову весьма неразумная идея познакомиться с лордом Голубого Нефрита, — в наших общих интересах сделать вид, что мы незнакомы.

— Не вижу причин для этого, — вежливо заметил Рейш.

Дордолио, прищурившись, оглядел его, затем церемонно поклонился.

— Желаю удачи. — И рыцарь удалился, шагая все быстрее и быстрее.

Рейш повернулся к друзьям.

— Отправляйтесь в «Приют», закажите номера. Я иду во дворец Голубого Нефрита; если повезет, успею туда раньше Дордолио, который, как я заметил, вдруг очень заторопился.

Он подошел к выстроившимся в ряд трехколесным моторным повозкам и влез в первую.

— К дворцу Голубого Нефрита, и как можно быстрее, — приказал он водителю.

Повозка стремительно покатилась на юг мимо зданий, выложенных глазурованным кирпичом, с окнами из мутноватого стекла, проехала квартал, застроенный небольшими деревянными коттеджами. Затем показался гигантский открытый рынок — пестрая и яркая картина, характерная для Кета. Повернув, экипаж пересек старинный каменный мост и через ворота в стене въехал на обширную круглую площадь; в лавках, окружавших ее, не было видно ни товаров, ни продавцов. Центр площади занимала круглая платформа, к которой вела небольшая лестница; позади виднелись сиденья для зрителей. На краю платформы возвышалась странная треугольная конструкция, наводившая на неприятные мысли.

— Что это такое? — спросил Рейш водителя.

Тот окинул его удивленным взглядом.

— Разве вы не видите? Это Большой круг, место Трагического откровения! Вы что, впервые в Сеттре?

— Да.

Водитель сверился с желтым календариком-расписанием.

— Так... Следующая церемония назначена на послезавтра: девятнадцатикратный грешник откроет присутствующим всю страшную глубину своего отчаяния. Подумать только, целых девятнадцать! Такого еще не было с тех пор, как Вис, лорд Агатowego кристалла, стал двадцатидвукратным.

— Вы хотите сказать, что он убил девятнадцать человек?

— Ну да, конечно! Правда, четверо из них были детьми, но все же в наши дни, когда люди всегда настороже, опасаясь охваченных «авайле», это немало! Ни один из горожан не пропустит церемонии искупления! Если все еще будете в Сеттре, обязательно придите туда: ничто так не очищает душу!

— Да, вероятно... Далеко еще до дворца Голубого Нефрита?

— Проедем Далмер, и считайте, мы уже там.

— Я тороплюсь, — сказал Рейш, — пожалуйста, побыстрее.

— Как прикажете, господин. Но если я врежусь во что-либо или кого-нибудь покалечу, меня охватит невероятный стыд, я забуду о покое, а мне вовсе не хочется жить с подобным бременем на душе!

— Да, конечно.

Небольшая, верткая моторная повозка промчалась вдоль бульвара, то и дело огибая выбоины. Гигантские черные деревья, окутанные коричневой или оранжево-зеленой листвой, громоздились впереди; и справа и слева, окруженные садами, виднелись роскошные дворцы, поражавшие необычной архитектурой.

Водитель махнул рукой.

— Впереди на вершине холма — дворец Голубого Нефрита. К какому подъезду вас доставить, господин? — Он оценивающе посмотрел на Рейша.

— К парадному, конечно, к какому же еще?

— Как прикажете, ваше могущество! Однако обычно те, кто направляется через парадный вход, не подъезжают к дворцу на трехколесных повозках...

Экипаж прокатил по дорожке и замер у входа. Расплатившись с водителем, Рейш вышел и ступил на шелковую ткань, которую челядь, услужливо кланяясь, расстелила перед ним. Он быстрым шагом прошел во дворец сквозь высокую арку и оказался в комнате, где вместо стен были огромные зеркала. Сверкая, словно стуски света, издавая мелодичный звон, с потолка на серебряных цепочках спускались тысячи хрустальных подвесок. Мажордом, облаченный в бархатную ливрею желтовато-коричневого оттенка, склонился перед гостем в глубоком поклоне.

— Ваше могущество, чувствуйте себя как дома. Желаете отдохнуть или, быть может, подкрепить силы каким-либо напитком? Лорд Кизант, разумеется, с нетерпением ожидает момента, когда ему будет предоставлена честь лично приветствовать вашу милость.

— Проведи меня к нему немедленно. Меня зовут Адам Рейш.

— Лордом каких областей является ваше могущество?

— Передайте лорду Кизанту, что у меня важные новости.

Мажордом неуверенно посмотрел на Рейша; на его лице одно выражение сменялось другим, отражая внутреннее смятение. Рейш осознал, что уже в самом начале своего визита нарушил массу предписаний придворного этикета. «Не важно, — подумал он. — Лорду Голубого Нефрита придется в данном случае махнуть рукой на условности».

Мажордом, уже без прежней раболепной услужливости, жестом пригласил Рейша следовать за ним.

— Прошу вас.

Рейша отвели в небольшой внутренний двор, посреди которого негромко шелестел миниатюрный искусственный водопад какой-то светящейся зеленой жидкости.

Спустя несколько минут появился молодой человек в зеленых панталонах и элегантном камзоле. Его лицо было таким бледным, словно он никогда не видел солнца; взгляд казался задумчивым и печальным; из-под широкой четырехугольной шелковой шапочки светло-зеленого цвета выбивались пряди густых черных волос. Он выделялся броской, почти неестественной красотой; каким-то образом ему удавалось выглядеть изящно беззаботным и в то же время серьезным и жестким. Он со скептическим любопытством оглядел Рейша и сухо произнес:

— Вы утверждаете, что владеете информацией, которая интересует лорда Голубого Нефрита?

— Да. Вы и есть лорд Кизант?

— Я секретарь его могущества. Вы можете доверить свои сведения мне.

— Я хочу рассказать лорду, что случилось с его пропавшей дочерью. Я желаю лично поговорить с его могуществом.

Секретарь странно засеменил ногами и испарился. Затем снова появился в саду.

— Ваше имя?

— Адам Рейш.

— Прошу вас следовать за мной.

Он провел Рейша в комнату, освещенную дюжиной светильников призматической формы, стены которой были обшиты панелями, окрашенными в темно-бронзовый цвет. В дальнем углу стоял, нахмурившись, невысокий человек, облаченный в причудливый наряд из черного и пурпурного шелка. У него было круглое лицо, спутанные темные волосы и широко расставленные черные глаза. Незнакомец избегал смотреть прямо на присутствующих и искоса оглядывал их. «Такое лицо говорит о подозрительном, недоверчивом характере», — подумал Рейш. Человек, плотно сжав губы, окинул его взглядом.

— Лорд Кизант, — объявил секретарь. — Представляю вам господина Адама Рейша, статус и происхождение неизвестны, который, проезжая мимо ваших владений, был рад застать здесь вашу милость.

Воцарилась напряженная тишина. Сообразив, что от него ожидают какой-то формальной приветственной фразы, Рейш сказал:

— Я, разумеется, счастлив увидеть лорда Кизанта. Я только что прибыл сюда из Котана.

Губы Кизанта еще плотнее сжались, и Рейш сообразил, что снова допустил непозволительную бестактность.

— Вот как? — резко произнес лорд Голубого Нефрита. — У вас есть известия о леди Шар Зарин? — Это было придворное имя Цветка Кета.

Рейш ответил таким же холодным тоном:

— Да. Я могу детально описать вам все, что с ней произошло, а также обстоятельства, приведшие к злополучной кончине леди.

Лорд поднял глаза к потолку.

— Судя по всему, вы надеетесь получить вознаграждение?

В комнату вошел мажордом; он прошептал что-то секретарю, а тот в свою очередь вполголоса сообщил новости своему господину.

— Любопытное стечение обстоятельств! — объявил Кизант. — Один из людей Золота и Сердолика, некий Дордолио, явился, дабы также заявить свои права на вознаграждение.

— Прогоните его, — сказал Рейш. — Как вы сами сможете убедиться, Дордолио почти ничего не знает.

— Моя дочь мертва?

— Увы, да. Она бросилась в море и утонула после того, как у нее произошел психический срыв.

Лорд Кизант еще выше поднял брови.

— Ее охватило «авайле»?

— Да, очевидно.

— Где и когда это произошло?

— На борту корабля «Варгаз» три недели назад, на полпути сюда.

Кизант опустил в кресло. Рейш напрасно ожидал приглашения сесть; он подумал, что не стоит делать этого без разрешения. Наконец лорд Голубого Нефрита бесцветным голосом произнес:

— Судя по всему, она перенесла страшное унижение.

— Тут я ничего не могу сказать. Я помог вашей дочери спастись от жриц Тайного женского культа, после чего она находилась под моей охраной и покровительством. Леди Шар Зарин очень хотела вернуться в Кет и убеждала меня отправиться вместе с ней, заверив, что здесь я могу рассчитывать на гостеприимный прием и вашу благодарность. Но, как только мы отправились в путь, она стала мрачной и замкнутой; когда мы пересекали океан Драсчад, как я уже говорил, леди бросилась за борт и погибла.

Пока Рейш говорил, на лице Кизанта отразилось множество различных эмоций.

— И теперь, — произнес он ледяным тоном, — после того, как моя дочь умерла при обстоятельствах, о которых я даже боюсь подумать, вы спешите к ее отцу, чтобы заявить о своем праве на награду!

Рейш ответил также холодно:

— Я не знал и сейчас ничего не знаю о том, что вы называете «наградой». Я приехал в Кет по различным делам, наименее важным из которых было нанесение вам визита. Вижу, что здесь не считают необходимым следовать элементарным нормам вежливости, принятым в цивилизованном мире, и поэтому вынужден немедленно уйти. — Рейш коротко поклонился и направился к двери. Стоя на пороге, он повернулся и добавил: — Если пожелаете узнать еще что-либо относительно вашей дочери, расспросите Дордолио, которого мы подобрали в Коаде.

Рейш покинул комнату. До него донеслись слова лорда, произнесенные вполголоса:

— Вы очень странный субъект, Адам Рейш.

В холле его ожидал мажордом, на этот раз продемонстрировавший Рейшу лишь слабое подобие улыбки. Он махнул в сторону плохо освещенного прохода, выкрашенного в красный и синий цвета.

— Сюда, господин.

Рейш не стал его слушать. Пройдя гигантское фойе, он покинул дворец через парадный вход.

Рейш направился к «Приюту» на Овале, по пути стараясь уловить своеобразный характер города и понять странные особенности в характере его жителей. Он был вынужден признать, что план построить небольшой космический корабль, в далекой Пере казавшийся по крайней мере реальным, теперь выглядел совершенно невероятным. Рейш ожидал встретить благодарность и поддержку лорда Голубого Нефрита, но наткнулся на неприкрытую враждебность. А если говорить о технических достижениях яо, то они тоже не вдохновляли: машины, проезжавшие мимо, подтверждали его мнение. Они работали без сбоев, однако их создателей больше волновала элегантность дизайна и экстравагантная роскошь, чем удачное инженерное решение. Машины черпали энергию из загадочных батареек, производимых Дирдирами, и небрежное соединение двух разных технологий сказывалось на работе механизмов, что говорило о неумении или отсутствии старания у конструкторов. Все машины были разными, словно каждую изготавливали по индивидуальному проекту.

Технология, которой обладали яо, решил Рейш, явно недостаточна для исполнения его замысла. Без стандартного набора компонентов, без компьютеров, тысячи разных приборов, инструментов и датчиков, не говоря уже об умелых и добросовестных инженерах и техниках, сооружение даже самого примитивного межпланетного летательного аппарата становится невероятно трудной задачей — во всяком случае, человеческой жизни на это не хватит...

Рейш дошел до небольшого парка; здесь все покрывала тень, которую отбрасывали величественные, словно колонны, черные деревья с красновато-коричневыми жесткими листьями. В центре парка возвышался массивный монумент. Дюжина мужчин, у каждого в руке зажат странный инструмент, грациозно изгибаясь, исполняли какой-то жутковатый ритуальный танец вокруг женской фигуры, стоявшей с воздетыми руками и запрокинутой головой. Каменное лицо, обращенное к небу, искажено. Что это — горе? Отчаяние и боль? Экстаз? Радость прозрения? Как бы то ни было, монумент производил мрачное впечатление, тревожа потаенные уголки рассудка, словно мышь, шуршащая где-то в стене. Памятник казался очень древним. Сколько он простоял? Тысячи лет? Кто знает...

Из-за деревьев показались девочка и совсем маленький мальчик. Дети остановились, разглядывая Рейша; потом все их внимание поглотили застывшие в странных позах фигуры, сжимавшие зловещие инструменты... Рейш в самом мрачном настроении продолжил свой путь и вскоре добрался до «Приюта путешественников». Трасса и Анахо нигде не было видно, однако они сняли номер — четыре комнаты с видом на Овал.

Рейш выкупался, переоделся в свежее белье. К тому времени, как он спустился в просторное фойе гостиницы, Овал уже окутали сумерки; теперь он был окружен кольцом огромных светящихся разноцветных шаров, окрашивавших улицу в разнообразные мягкие тона. На противоположной стороне Овала показались знакомые фигуры долгового дирдирмена и юноши кочевника. Рейш наблюдал за друзьями, невольно улыбаясь. И по природе, и по воспитанию они отличались друг от друга, как кошка от собаки; но все же, когда обстоятельства связали таких разных людей, они вели себя с несколько настороженным дружелюбием.

Как выяснилось, Анахб и Траз забрели на улицу, которую здесь называли «Большая аллея», где рыцари устраивали поединки, разрешая вопросы, касающиеся задетой чести. Всю вторую половину дня они провели там, посмотрев три дуэли. Презрительно фыркнув, Траз объявил, что бои были фактически бескровными спектаклями.

— Всякие ритуалы и церемонии отнимают всю энергию соперников, — пояснил Анахо. — После церемонных обращений, взаимных приветствий и массы различных смешных условностей на саму схватку не остается ни времени, ни сил.

— Да, что ни говори, яо намного более экстравагантны и непостижимы, чем дирдирмены, — заметил Рейш.

— Ха-ха! Я не согласен с тобой! Ты ведь знаешь всего одного-единственного дирдирмена. Я могу показать тебе сотню, и твои утверждения рассеются как дым! Но хватит об этом... Пойдем скорее; за углом — ресторан. По крайней мере кухня яо весьма неплоха!

Они пообедали в просторной комнате, стены которой украшали гобелены. Как бывало и раньше, Рейш не всегда мог определить, из чего приготовлены яства, да и не стремился выяснить это для своего же спокойствия. Они поглощали желтоватый суп, где плавали кусочки маринованной древесной коры; ели ломти бледно-розового мяса, приготовленного в цветочных лепестках; похожие на сельдерей овощи, усыпанные зернышками острой приправы, обжигающей рот; сладкие лепешки, благоухающие терпким ароматом мускуса и камфары; ягоды, похожие на чернику, отдающие болотным привкусом; пили прозрачное, как слеза, белое вино, от которого пощипывало во рту.

После обеда друзья зашли в таверну возле ресторана. Множество завсегдатаев не принадлежали к яо; очевидно, они использовали это место для встреч. Один из таких посетителей, высокий старик в кожаном берете, явно уже успевший набраться как следует, подошел к ним и наклонился, всматриваясь в лицо Рейша.

— Ах ты, черт, я все-таки ошибся! Решил, что ты Вект Холангара; а потом подумал: «Хорошо, тогда где его щипцы?» И тут я сказал себе: «Нет, это просто один из диковинных чужестранцев, что постоянно торчат здесь в надежде встретить земляка».

— Да, я хотел бы увидеть земляка, — ответил Рейш. — Пожалуй, ничто на свете так не обрадовало бы меня.

— Ага, значит, все верно. Из каких же ты краев? Никак не могу определить...

— Странники, родом из дальних земель.

— Ну уж не дальше моих, а это крайняя оконечность Ворда, где мыс Страха гордо встречает океан Драсчад! Да, много пришлось увидеть за свою жизнь, уж поверь! Набеги на Аркадию! Битвы с морским народом! Помню, однажды мы взобрались высоко в горы и уничтожили банду разбойников... Да, я был тогда молодым и великим воином; а сейчас вот приходится работать, чтобы комфортно жилось этим яо, а заодно и мне. Так что, в общем, не так уж мне плохо!

— Да, наверное... Инженер или техник?

— Да нет, тут ты хватануя! Я уверяю исправность колес на стоянке машин.

— Скажи, ведь в Сеттре работает много чужеземных специалистов-техников?

— Верно. Кет — неплохое место, если не обращать внимания на причуды яо.

— А ванкхмены? Они встречаются здесь?

— Нанимаются на работу? Никогда! Как-то раз я был в Ао-Залиле, где восточнее озера Фалас, и там своими глазами увидел, как у них заведено. Ванкхмены даже на Ванкхов не станут работать. Они тратят силы лишь на то, чтобы произносить всякую всячину в манере Ванкхов, которые изыскаются, вызванивая аккорды! Правда, часто ванкхмены просто исполняют эти самые аккорды на своих чудных маленьких инструментах.

— А кто работает в магазинах Ванкхов? Черные и пурпурные?

— Ну ты скажешь! Да одного из этих нужно силой заставлять взять в руки вещь, которой коснулся другой! В основном там работают локхеры из сельской местности. Трудятся в поте лица десять, двенадцать лет, а то и больше, зато потом возвращаются в свои деревни настоящими богачами. Ванкхмен за прилавком? Шутишь? Да они горды и спесивы, как дирдирмены-Безупречные! Кстати, я вижу рядом с тобой дирдирина...

— Да, он мой друг.

— Удивительно... Встретить дирдирина, который бы так запросто общался с окружающими! — Старик прищелкнул языком. — В жизни мне приходилось столкнуться всего с тремя, и все они относились ко мне, как к грязи под ногами! — Старик осушил свою кружку и со стуком поставил ее на стойку. — А теперь я должен идти. Доброго вечера вам всем — и дирдиримену тоже!

Старик исчез за дверью. В то же мгновение в таверне появился новый посетитель: бледный черноволосый молодой человек, облачен-

ный в неприметное широкое одеяние темно-синего цвета. «Где-то я видел его, и совсем недавно, — подумал Рейш. — Но где?» Посетитель не торопясь, словно был поглощен размышлениями, пробирався к стойке по проходу вдоль стены. Он заказал себе кубок крепкого сладкого напитка, повернул голову и встретился взглядом с Рейшем; вежливо кивнул и после недолгих колебаний приблизился. Рейш сразу узнал импозантного секретаря лорда Кизанта.

— Добрый вечер, — поприветствовал их молодой человек. — Вы не узнали меня? Я — Хелссе из дома Исан, секретарь лорда Голубокого Нефрита. Мы ведь сегодня встречались с вами, не правда ли?

— Да, мы с вашим господином действительно обменялись любезностями...

Хелссе отхлебнул свой напиток, брезгливо сморщился и поставил кубок на стойку.

— Давайте пойдем в более уединенное место, где можно спокойно поговорить.

Рейш посоветовался с Тразом и Анахо и повернулся к Хелссе:

— Что ж, показывайте дорогу.

Секретарь лорда оглядел вход, но вывел Рейша с друзьями на улицу через ресторан. Когда они уже покидали таверну, Рейш заметил, как туда ворвался человек, дико озирающий толпу, словно ища кого-то. Дордолио.

Хелссе, кажется, ничего не увидел.

— Вблизи есть небольшое кабре — не очень респектабельное место, но для наших целей вполне подойдет.

Кабаре располагалось в помещении с низким потолком, освещенном красными и голубыми лампами; вдоль стен стояли кабинки для посетителей, выкрашенные в голубой цвет. На возвышении в центре кабре сидели два музыканта с небольшими гонгами и барабаном. По сцене изящно скользил в такт музыке танцор. Хелссе выбрал кабинку рядом с входом, как можно дальше от музыкантов, и они удобно раскинулись на голубых подушках. Секретарь лорда Кизанта заказал две порции «лесной настойки».

Танцор покинул сцену, музыканты взяли другие инструменты, наминавшие флейту, литавры, виолончель и гобой, и заиграли новую мелодию. Рейш невольно прислушался, зачарованный необычной гаммой звуков: неожиданными резкими тревожными трелями флейты, жалобными взвизгами, гулкими ударами литавр.

Хелссе наклонился к нему, словно беседовал с приятелем.

— Вы не знакомы с музыкой яо? Я так сразу и подумал. Это один из традиционных мотивов — элегия.

— Да, ее трудно спутать с чем-либо более жизнерадостным.

— Ну, здесь все зависит от степени и глубины выражения... — И Хелссе стал называть различные музыкальные стили, отражающие, как показалось Рейшу, все оттенки мрачного — от меланхолии до

безнадежного отчаяния. — Но не подумайте, что мы, яо, угрюмый народ. Чтобы убедиться в обратном, достаточно побывать на одном из балов, посвященных началу нового сезона.

— Вряд ли меня пригласят туда, — заметил Рейш.

Зазвучала новая композиция: страстная, необузданно мощная мелодия, которая подхватывалась то одним, то другим инструментом, пока, взорвавшись яростным каскадом звуков, не затихла, нервно вибрируя, словно смирившись с неизбежностью финала. Услышанное вызвало в подсознании образы, заставившие Рейша вспомнить мрачную монументальную композицию, стоявшую в парке.

— Скажите, музыка как-то связана с вашими ритуальными казнями?

Хелссе задумчиво улыбнулся.

— Однажды кто-то сказал, что дух Трагического откровения пронизывает все мироощущение яо.

— Вот как...

Рейш замолчал, ожидая, когда собеседник начнет разговор о деле. Секретарь Кизанта привел его сюда не для того, чтобы обсуждать музыкальные традиции своей расы.

— Надеюсь, события сегодняшнего дня не очень вас расстроили?

— Конечно нет; я испытываю лишь досаду и раздражение.

— Значит, вы не ожидали награды?

— Я ничего не знал об этом и ожидал лишь, что вполне естественно, нормального вежливого обращения. Прием, оказанный мне лордом Кизантом, можно назвать по меньшей мере необычным.

Хелссе многозначительно кивнул.

— О, он и в самом деле необычный... удивительный человек. Но сейчас его могущество оказался в весьма щекотливой ситуации. Сразу после вашего ухода перед ним предстал рыцарь Дордолио, который назвал вас мошенником и заявил свои права на награду. Буду абсолютно откровенен: учитывая все нюансы, подобный поворот событий, то есть необходимость подчиниться условиям Дордолио, будет весьма неудобным для лорда. Вам, возможно, известно, что Нефрит и Золото с Сердоликом — соперничающие дома. Его могущество опасается, что Дордолио использует награду, чтобы тем или иным образом унижить Нефрит; последствия трудно даже вообразить.

— Какую же награду пообещал Кизант? — осведомился Рейш.

— На какое-то мгновение чувства победили здравый смысл лорда, — ответил Хелссе. — Он объявил: «Тот, кто вернет мне дочь либо принесет известие о ее судьбе, может просить все, что пожелает; я исполню все, что в пределах моих возможностей». Сильно сказано, не правда ли? Слова предназначались исключительно для слуха приближенных лорда, но, увы, известия распространились по всему Кету.

— Насколько я понимаю, — сказал Рейш, — я окажу немалую услугу лорду Голубого Нефрита, приняв награду вместо Дордолио.

— Именно это нам и следует уточнить, — осторожно произнес Хелссе. — Дордолио сделал в отношении вас ряд одиозных заявлений. Он настаивает, что вы — суеверный дикарь, жаждущий возродить здесь культ. Если вы потребуете, чтобы его могущество превратил свой дворец в храм и сам стал приверженцем культа, лорд Кизант может счесть меньшим злом принять условия Дордолио.

— Несмотря на то что я пришел первым?

— Дордолио уверяет, что стал жертвой ловкого обмана; он вне себя от ярости. Но давайте пока оставим это... Что вы можете потребовать от лорда, принимая во внимание сопутствующие обстоятельства?

Рейш задумался. К сожалению, он никак не мог позволить себе гордо отказаться от награды.

— Не знаю. Сейчас мне очень пригодился бы совет какого-нибудь беспристрастного человека, не заинтересованного в этом деле.

— Вы могли бы обратиться ко мне, — предложил Хелссе.

— Ну, вы-то явно принадлежите к заинтересованной стороне.

— Ошибаетесь — я гораздо более независим в своих суждениях, чем может показаться.

Рейш взгляделся в матово-бледное лицо собеседника: изысканно правильные черты, спокойный блеск черных глаз... Станный человек; особенно сбивает с толку его подчеркнутая отстраненность, безличность — ни холодного недоброжелательства, ни дружеской теплоты. Он не пытался обмануть собеседника, однако ничем не выдавал своего отношения к предмету разговора.

Музыканты ушли. Вместо них на возвышение поднялся человек унылого вида в просторном одеянии до пят. Позади него уселась женщина с длинными черными волосами, державшая в руках лютию. Певец издал серию протяжных стонов; слова сливались в душераздирающий шум.

— Еще один традиционный жанр? — поинтересовался Рейш.

Хелссе пожал плечами.

— Это особая манера пения. И польза от нее не столь уж мала. Если бы все спешили открыть свою душу, случалось бы гораздо меньше «авайле».

Рейш прислушался, стараясь разобрать слова. «О, люди, внимайте! Судите меня сурово, — был певец. — Я совершил ужасное злодеяние; отчаяние — причина и итог...»

— Все же, — произнес Рейш, — мне кажется абсурдным обсуждать, как с наибольшей выгодой распорядиться тем, что предложил лорд Кизант, с его личным секретарем.

— Но ведь то, что выгодно вам, вовсе не обязательно будет невыгодным для его могущества, — сказал Хелссе. — Что касается Дордолио, тут совсем другой случай.

— Лорд Голубого Нефрита оказал мне не очень-то радушный прием, — задумчиво произнес Рейш. — Я не горю желанием оказать ему

услугу. С другой стороны, еще меньше мне хочется помочь своим отказом Дордолио, который называет меня суеверным дикарем.

— Лорд Кизант, очевидно, испытал потрясение, услышав о смерти дочери, — дипломатично заметил Хелссе. — Что касается обвинений Дордолио, то они явно не имеют под собой никакой почвы; не стоит больше говорить об этом.

Рейш невесело улыбнулся.

— Дордолио общался со мной целый месяц, вы — меньше суток. Можно ли оспаривать его слова, руководствуясь впечатлением от такого краткого знакомства?

Но попытка хоть немного смутить Хелссе потерпела полную неудачу. Секретарь растянул губы в бесстрастно вежливой улыбке.

— Обычно я не ошибаюсь в своих оценках.

— А если я буду утверждать совершенно невероятные вещи — например, что Тчаи плоская, как лепешка, что учение культа истинно, а люди могут жить под водой — что тогда?

Хелссе помолчал, обдумывая сказанное.

— Каждое утверждение следует рассматривать отдельно. Если вы скажете, что наша планета имеет плоскую форму, я, разумеется, сразу изменю свое мнение о вас. Если будете отстаивать доктрины культа, я не стану спешить и выслушаю ваши доводы, ибо здесь, насколько мне известно, отсутствуют точные доказательства и возможны разные точки зрения. Что касается способности людей существовать под водой, я бы принял данное утверждение в качестве рабочей гипотезы. В конце концов, мы знаем, что так могут жить Пнумы, а также Ванкхи; вполне логично предположить, что то же доступно и людям — возможно, с помощью специальных приспособлений...

— Тчаи — не плоская, — сказал Рейш. — Люди могут какое-то время находиться под водой, используя разные устройства. Я ничего не знаю о культе или его учении.

Хелссе отпил из своего кубка. Певец наконец покинул сцену; вместо него появилась группа танцоров: мужчины с обнаженным торсом в черных узких сапогах выше колен и длинных перчатках. Несколько секунд Рейш с интересом разглядывал их, затем отвернулся.

— Фольклорные танцы, — объяснил Хелссе, — связанные с обрядами Трагического откровения. Это «предваряющий ход очистителей к страждущему».

— «Очистителями» называются палачи?

— Они изыскивают наилучшие способы добиться абсолютного очищения. Многие становятся народными героями благодаря своему умению и страсти, которую вкладывают в работу. — Хелссе поднялся. — Идемте. В ходе разговора мы проявили, скажем так, определенный интерес к культу. По счастливой случайности, я знаю место, где они собираются — это недалеко отсюда. Если хотите, я отведу вас туда.

— Что ж, если мы не нарушим никаких законов...

— Тут бояться нечего. В Кете нет свода законов, только совокупность обычаев, что вполне удовлетворяет наш народ.

— Странно, — сказал Рейш. — Значит, убийство здесь — не преступление?

— Такие действия идут вразрез с обычаем, по крайней мере при определенных обстоятельствах. Однако профессиональные убийцы из гильдии и компании безопасности работают, не встречая никакого осуждения людей. В общем, уроженцы Кета поступают так, как считают нужным при данном повороте «круга», и периодически страдают от последствий, испытывая унижение. Таким образом, можете спокойно посетить собрание последователей культа; в худшем случае вас ожидает общественное негодование.

Рейш встал.

— Хорошо. Показывайте дорогу.

Они пересекли Овал, прошли длинную извилистую аллею и оказались на плохо освещенной улочке. Небо, озаренное двумя лунами, перечеркивали причудливые силуэты зданий. Хелссе вытащил шар, мерцающий слабым голубым светом, и постучал в дверь. Они безмолвно ждали. Дверь приоткрылась; из дома выглянул длинноно-
сый человек.

— Вы не «братья»? Здесь расположено районное отделение «братства инспираторов великой реверсии».

— Нет, мы не «братья». Этот господин — чужеземец, желающий узнать основы учения культа.

— Что ж, будем рады встретить его, да и вас тоже, поскольку вы, как видно, равнодушны к таким вещам, как «место»¹.

— Совершенно верно.

— Что свидетельствует о том, что вы либо знатнейший из знатных, либо низший из худородных. Прошу вас, входите. Но не ожидайте каких-то необычных вещей: все, что мы предлагаем, — это наши убеждения, немного теории, еще меньше фактов. — «Инспиратор» отодвинул ткань, закрывавшую вход. — Прошу вас.

Хелссе и Рейш оказались в просторной комнате с низким потолком. В одном ее углу пили чай двое мужчин и двое женщин; они казались потерянными и одинокими среди обширного пустого пространства.

«Инспиратор» с утрированной вежливостью взмахнул рукой.

— Смотрите внимательно — перед вами «ужасный» культ, которым запугивают младенцев. Видели вы когда-либо менее кровавую и зловещую картину?

¹ Непереводимо. Свойство, которое человек приобретает в той или иной степени в зависимости от качества его эволюции при соприкосновении с разными аспектами «круга». Непрочное, хрупкое состояние, устанавливающееся в отношениях человека с вышестоящими лицами, которое может мгновенно разрушиться. (Примеч. перев.)

— Культ, — произнес Хелссе с видом учителя, — осуждают и отвергают не за места их сборищ, а вследствие опасных для общественного спокойствия домыслов.

— Домыслов? Ну нет! — объявил «инспиратор» высокомерно и в то же время жалобно. — Гонители безжалостно преследуют нас повсюду, но «братьям» открыто истинное знание!

— Что конкретно вам известно? — спросил Рейш.

— Люди — чужаки на Тчаи; мы пришли из другого мира.

— Откуда вы это знаете? — осведомился Хелссе. — История человечества скрыта во мраке тысячелетий.

— Это постигаемая интуитивно Истина. Мы также знаем, что настанет день, и «маги», принадлежащие к человеческому роду, призвут себя своею домой! И тогда наступит время великой радости! Дом — блаженная земля, где воздух ласкает легкие, словно сладчайшее вино из Ипсала, что тает во рту! Дома ждут нас золотые горы, увенчанные опалами, и густые леса, где таятся мечты! Смерть там — досадная случайность, а не всеобщая участь; и люди беспечно идут бесконечной дорогой жизни, а спутники их — радость и мир в душе. И тому, кто захочет утолить голод, всюду приготовлены сладостные яства.

— Соблазнительная картина, — заметил Хелссе, — но не подчиняется ли все это в определенной степени конъюнктурным соображениям? Или, если выражаться точнее, разве перед нами не оторванная от реальности догма?

— Возможно, — объявил негибкий «инспиратор». — Но все же догма — вовсе не обязательно нечто ложное. Мы говорим об открытой «братьям» Истине. Воззрите постигнутый нами интуитивно образ Дома! — С этими словами он указал на глобус диаметром в три фута, парящий в воздухе, на уровне глаз.

Рейш приблизился и внимательно осмотрел его со всех сторон, пытаясь узнать контуры материков и океанов. Отдельные места разительно напоминали детали земного ландшафта, другие не имели ничего общего с реальностью. Хелссе встал рядом.

— Это вам что-нибудь напоминает? — спросил он безразличным тоном.

— Нет, в общем, ничего.

Хелссе издал негромкий возглас, в котором сквозило облегчение и, как показалось Рейшу, доля разочарования.

Одна из женщин оторвала от скамьи свое грузное тело и подошла к ним.

— Присоединяйтесь к «братству»! — пропыхтела она. — Нам нужны новые люди, в культ должна влиться новая кровь, чтобы достойно встретить грядущий прилив. Неужели вы не хотите помочь нам установить контакт с Домом?

Рейш рассмеялся.

— А разве существует какой-нибудь практический способ?

— Ну, конечно! Телепатия! Других методов просто нет.

— Что мешает сделать это с помощью космического корабля?

Женщина была заметно ошарашена; она пристально вгляделась в лицо Рейша, проверяя, не шутит ли он.

— Где же нам раздобыть его?

— Разве нигде нельзя купить? Хотя бы небольшой корабль.

— Никогда не слышала о подобном.

— Я тоже, — бесстрастно подтвердил Хеллсе.

— И куда мы на нем отправимся? — В голосе женщины сквозила язвительность. — Дом находится в созвездии Клари, но космос необъятен — мы будем скитаться вечно!

— Проблем здесь много, — согласился Рейш. — Однако, если предположить, что ваши гипотезы верны...

— «Предположить»? «Гипотезы»? — негодуя ошеломленно спросила женщина. — Тут следует говорить об Откровении!

— Вполне возможно. Но мистика — плохая практическая основа для космических полетов. Представим себе, что ваши люди тем или иным способом завладели межпланетной ракетой; тогда можно будет очень просто проверить истинность того, во что вы верите. Доберитесь до созвездия Клари, периодически останавливаясь, чтобы проверить, исходят ли от определенного участка радиосигналы. Если ваша планета действительно существует, рано или поздно вы засечете такие сигналы, используя соответствующую аппаратуру.

— Интересно, — сказал Хеллсе. — Значит, вы предполагаете, что на этой планете, если она не выдумка, цивилизация достигла такого уровня, что может посылать подобные сигналы?

Рейш пожал плечами.

— Раз мы предполагаем первое, почему бы не предположить и второе?

Хеллсе не нашелся, что ответить.

— Остроумно, — высокопарно заявил «инспиратор», — но совершенно нереально! Например, где нам достать космический корабль?

— Имея деньги и грамотных техников, вы можете построить небольшую ракету.

— Да, но, во-первых, таких денег у нас нет...

— По-моему, это наименьшая из проблем, — пробормотал Хеллсе.

— Другой вариант: приобретите маленький корабль у одной из рас, способных совершать межпланетные перелеты, — у Дирдиров, Ванкхов или даже Синих Часчей.

— Опять все упирается в отсутствие денег. Сколько может стоить ракета?

Рейш вопросительно посмотрела на Хеллсе; тот задумчиво поджал губы.

— Если кто-то согласится продать ее — около полумиллиона цехинов.

— Третий способ самый простой и быстрый. Просто-напросто конфискуйте корабль.

— Кража? У кого? Мы члены культа, но не безумцы! — Толстуха неодобрительно фыркнула. — Этот человек — романтик и необузданный фантазер.

«Инспиратор» мягко произнес:

— Мы с радостью примем тебя как брата, но тебе придется признать ортодоксальную методологию. Занятия по контролю над мыслями и проекционной телепатии проходят дважды в неделю. Если будешь посещать их регулярно...

— Боюсь, это невозможно, — сказал Рейш. — Но то, что я услышал, заслуживает внимания. Надеюсь, ваши усилия принесут плоды.

Хелссе церемонно поклонился на прощанье. Рейш вслед за ним покинул место сбора культа...

Они молча шли по длинной улице. Наконец Хелссе спросил:

— Ну, каково ваше мнение?

— Увиденное говорит само за себя.

— То есть вы убеждены, что их учение нелепо?

— Я бы не стал выражаться так категорично. Ученые, несомненно, обнаружили биологическое родство Пнумов, фунгов, ночных собак и других исконных обитателей Тчаи. Синие, Зеленые и Старые Часчи генетически связаны между собой; люди, населяющие планету, также представляют из себя единый биологический вид. Однако Пнумы, Ванкхи, Часчи, Дирдиры и люди являются совершенно разными расами. Что все это значит, по-вашему?

— Да, действительно, тут многое ставит в тупик. У вас есть какое-то объяснение?

— Мне кажется, для ответа необходимо больше фактов. Кто знает, возможно, «инспираторы» станут опытными телепатами и еще удивят всех нас.

Хелссе молча шел рядом. Завернув за угол, Рейш замер и заставил своего спутника остановиться.

— Тише!

Рядом прошелестели чьи-то осторожные шаги; из-за угла показалась неясная фигура. Рейш схватил неизвестного, резко повернул и сжал ему шею и руки. Хелссе, вздрогнув, сделал несколько нерешительных движений. Никому не доверяя в такой ситуации, Рейш не выпускал его из виду.

— Посветите мне, — сказал он своему спутнику. — Посмотрим, что за создание мы поймали.

Хелссе вытащил свой светящийся шар и поднял его. Пленник в панике задержался, стал извиваться, пытаясь вырваться, пнул Рейша ногой и потянул его вперед. Рейш сильнее сжал его и почувствовал, как хрустнула кость. Но неизвестный внезапно повис у него в руках — Рейш потерял равновесие. Раздалось торжествующее шипение: пленник вырвал-

ся на свободу. Неожиданно в темноте сверкнула сталь, и шипение сменилось сдавленным стоном.

Хелссе вновь поднял светящийся шар и вытащил свой кинжал, заставший в спине подергивающегося в предсмертной агонии незнакомца. Рейш неодобрительно нахмурился.

— Ловко вы действуете ножом.

Хелссе пожал плечами.

— У таких, как он, есть ядовитое жало. — Секретарь лорда ногой перевернул труп; с негромким звоном по каменной мостовой покатился кусок стекла с заостренным концом.

Они внимательно разглядывали неестественно-бледное лицо, полускрытое необычайно широкими полями черной шляпы.

— Подобные головные уборы носят Прислужники Пнумов, — заметил Хелссе, — а бледны так лишь призраки.

— Либо ванкхмены, — отозвался Рейш.

— Но, по-моему, он не принадлежит ни к тем, ни к другим; правда, не могу сказать, кто это. Возможно, гибрид, некая помесь — такие наилучшим образом подходят для исполнения обязанностей согладата.

Рейш снял с головы убитого шляпу, открыв абсолютно лысый, словно яйцо, череп. Правильные черты лица, несколько обвисшая кожа; нос — тонкий, гибкий, как хобот, — заканчивался мясистой округлостью. Полузакрытые глаза казались черными. Наклонившись, Рейш увидел, что голова незнакомца тщательно выбрита.

Хелссе нервно огляделся по сторонам.

— Скорее! Надо уйти отсюда, пока стража не застала нас возле трупа и не подняла тревогу.

— Не стоит нервничать, — сказал Рейш. — Поблизости никого не видно. Посветите мне. Да встаньте так, чтобы заметить, если кто-нибудь появится на улице.

Хелссе неохотно повиновался.

Рейш осматривал труп, то и дело поднимая глаза на секретаря. От одежды незнакомца исходил странный мускусный запах; Рейш почувствовал приступ тошноты. Во внутреннем кармана накидки оказались свернутые бумаги; Рейш отцепил от пояса шпиона небольшую сумку из мягкой кожи.

— Быстрее! — прошипел Хелссе. — Если нас застанут здесь, мы лишимся «места»!

Они вернулись на Овал, пересекли его и остановились у аркады возле входа в «Приют путешественников».

— Вечер прошел интересно, — заметил Рейш. — Я узнал массу нового.

— Хотел бы я повторить это вслед за вами, — отозвался Хелссе. — Что вы нашли у мертвого шпиона?

Рейш показал сумку, где лежала пригоршня цехинов. Затем вытащил стопку листов и вместе с Хелссе углубился в изучение стран-

ных знаков: серии треугольников, по-разному затушеванных и обозначенных.

Хелссе бросил взгляд на Рейша.

— Вам знаком этот язык?

— Нет.

Хелссе коротко рассмеялся.

— Это письма Ванкхов.

— Да... Что означает подобный поворот событий?

— Просто еще одна загадка. Сеттра кишит различными интригами; повсюду шмыгают соглядатаи.

— А всевозможные шпионские приспособления? Микрофоны? Скрытые камеры?

— Логично предположить наличие всего этого.

— Тогда логично предположить, что за местом сбора «инспираторов» велось наблюдение... Возможно, я наговорил много лишнего.

— Если наблюдение вел убитый шпион, ваши слова не достигнут чужих ушей. Но позвольте мне взять бумаги. Я отдам их переводчику; неподалеку расположена община докхаров, а они владеют языком Ванкхов.

— Пойдем туда вместе, — предложил Рейш. — Завтра вас устроит?

— Да, вполне, — утрюмо произнес Хелссе. Он осмотрел Овал. — Теперь я хочу услышать окончательный ответ: что мне сказать лорду Кизанту относительно награды?

— Еще не знаю. Завтра передам вам свое решение.

— Боюсь, ситуация может проясниться гораздо раньше, — произнес Хелссе. — Вот идет Дордолио.

Рейш резко обернулся: сопровождаемый двумя элегантными рыцарями, к нему спешил Дордолио. Остановившись на почтительном расстоянии и выпятив подбородок, он визгливо вскричал:

— Ты своими подлыми хитростями опозорил меня! Неужели у тебя нет ни капли стыда? — Он сорвал с себя шляпу и бросил ее прямо в лицо Рейшу. Тот отклонился, и изысканная шляпа упала посреди улицы. Дордолио потряс пальцем перед носом Рейша; он отступил. — Теперь твоя смерть неминуема! — закричал рыцарь Золота и Сердолика. — Но тебя не коснется благородная сталь моего клинка! Убийцы из низших каст утопят тебя в нечистотах! Двадцать презренных париев будут топтать твой труп! Шелудивый пес протащит твою голову через весь город за высунутый язык!

Рейш с трудом заставил себя улыбнуться.

— Кизант по моей просьбе обеспечит тебе такой же набор развлечений. В конце концов, почему бы не выбрать подобную награду?

— Кизант, вот еще! Непристойный выскочка, зловонный извращенец! Голубой Нефрит превратится в ничто; падение нечестивого дворца завершит этот «круг»!

Хелссе вышел вперед.

— Прежде чем продолжить изложение сих весьма примечательных соображений, имейте в виду, что я представляю дом Голубого Нефрита и буду вынужден сообщить лорду содержание ваших речей.

— Не смейте утомлять меня всякими пустяками! — завопил Дордолио. Он яростно махнул рукой в сторону Рейша. — Поддай мне шляпу или завтра же будешь трепетать в ожидании первого из «двенадцати прикосновений»!

— Что ж, небольшая услуга, — сказал Рейш, — тем более, если после этого ты уйдешь. — Он поднял шляпу, отряхнул ее и подал Дордолио. — Держи свою шляпу, которую ты швырнул в пыль.

Рейш обошел разъяренного рыцаря и открыл дверь гостиницы. Дордолио сдавленно рассмеялся, хлопнул шляпой по бедру и, подав знак своим товарищам, зашагал прочь.

В фойе гостиницы Рейш спросил у Хелссе:

— Скажите, что такое «двенадцать прикосновений»?

— Через определенные интервалы времени — в течение дня, возможно двух суток — убийца будет колоть жертву миниатюрным дро-тиком; двенадцатый укол приносит смерть. Чем она вызывается — постепенным введением яда, одной смертельной дозой либо каким-то внушением — знает лишь гильдия убийц. А сейчас я должен вернуться во дворец. Лорд Кизант с интересом выслушает мое донесение.

— Что вы собираетесь сказать ему?

Хелссе засмеялся.

— Вы, самый скрытный из всех, кого я знаю, задаете подобный вопрос! Ну что ж, Кизант услышит от меня, что вы согласились принять награду и скоро покинете Кет...

— Но я не говорил ничего подобного!

— И все же я обязательно упомяну об этом.

Глава 8

Рейш проснулся: сквозь толстые, отливающие янтарем стекла окон струился неяркий свет солнца. Приподнявшись, он попытался собраться с мыслями. Да, при таком повороте событий трудно не впасть в полное уныние. Кет, где он надеялся встретить цивилизацию, понимание и, возможно, даже найти помощь, оказался не менее суровым и опасным местом, чем степи Амана. Глупо было даже мечтать о постройке космического корабля в Сеттре.

Рейш сел на кушетке. Он познал ужас, разочарование, горе, но случались и моменты триумфа и надежды, даже несколько трепетных мгновений счастья. Если ему придется умереть завтра — или через двенадцать дней после последнего рокового «прикосновения», — что ж, он прожил удивительную жизнь. Придется еще раз бросить вызов

судьбе. Получается, что Хелссе смог предугадать будущее и разобрался в характере Рейша лучше, чем он сам.

За завтраком он описал друзьям события вчерашнего вечера. Анахо объявил, что его все это настораживает.

— У них здесь прогнившее общество, которое различные ритуалы и формальности удерживают от распада, как скорлупа — тухлое яйцо. Какие бы цели ты ни преследовал, — кстати, иногда я думаю, что ты самый большой безумец из всех, — в Кете ничего не добьешься.

— Согласен.

— Ну хорошо, — сказал Траз. — Как будем действовать дальше?

— То, что я собираюсь сделать, опасно, даже безрассудно. Но другого пути не вижу. Я хочу добиться, чтобы Кизант дал мне денег; мы можем их поделить. Потом, думаю, нам лучше расстаться. Ты, Траз, ничего не потеряешь: вернешься в Вайнесе и устроишься там. Возможно, Анахо поступит так же. Ни один из вас не выиграет, если останется со мной, — наоборот, вы потеряете все, включая жизнь.

Анахо бросил взгляд на открывающийся из окна вид.

— До сих пор ты ухитрился оставаться в живых, хотя постоянно был на волосок от смерти. Мне интересно, чего именно ты хочешь добиться и как это сделаешь. С твоего разрешения, я присоединюсь к намечаемой экспедиции. Подозреваю, что это вовсе не такая безнадежная затея, какой ты ее хочешь представить.

— Я планирую украсть космический корабль Ванкхов в космопорте Ао-Хидис или еще где-нибудь.

Анахо развел руками.

— Так я и думал. — И сразу же привел сотню доводов против этого плана, которые Рейш даже не попытался опровергнуть.

— Да, да, не спорю — я закончу жизнь в тюрьме Ванкхов или меня сожрут ночные собаки; однако я должен попытаться захватить корабль. Поэтому еще раз предлагаю вам с Тразом уехать на острова Облака.

— Ха, — фыркнул Анахо. — Может быть, запланировать какой-нибудь более реальный подвиг? Например, истребить Пнумов или научить Часчей петь...

— У меня другие цели.

— Да-да, знаю — твоя знаменитая планета, «родина всего человечества». Я испытываю непреодолимое искушение помочь тебе хотя бы для того, чтобы убедить тебя в твоём безумии.

— А вот мне хочется увидеть этот далекий мир, — сказал Траз. — Я знаю, что он существует, потому что видел своими глазами корабль, на котором прилетел Адам Рейш.

Анахо изумлённо оглядел юношу, подняв брови.

— Ты не упоминал об этом раньше.

— А ты никогда не спрашивал.

— Как такая нелепость могла прийти мне в голову?

— Человек, называющий реальные факты нелепостью, часто будет сталкиваться с неприятными сюрпризами, — заметил Траз.

— Что ж, он, по крайней мере логически, осмыслил бытие, что отличает его от животных и полулюдей.

— Хватит, — вмешался Рейш. — Раз уж вы оба решились на самоубийство, не тратьте силы на споры. Сегодня мы собираем информацию. А вот и Хелссе. Судя по его виду, у него важные новости.

Подошедший Хелссе вежливо поприветствовал друзей.

— Прошлой ночью, как вы, очевидно, догадываетесь, я подробно изложил все обстоятельства лорду Кизанту. Он настаивает, чтобы вы высказали какую-нибудь разумную просьбу, которую он с удовольствием выполнит. Его могущество советует уничтожить бумаги, отобранные вами у шпиона: я склоняюсь к тому же мнению. Если вы подчинитесь, лорд Кизант может пойти на дальнейшие уступки.

— Какие именно?

— Его могущество не уточнял, но я подозреваю, он имел в виду определенное послабление протокола в отношении вашего присутствия во дворце Голубого Нефрита.

— Меня больше интересуют документы, чем лорд Кизант. Если он хочет встретиться со мной, может прийти сюда, в гостиницу.

Хелссе коротко рассмеялся.

— Что ж, такая реакция естественна. Если вы готовы, я доставлю вас в южный Эброн, там мы найдем локхара.

— Разве среди яо нет знающих людей, которые смогут прочесть письма Ванкхов?

— Для них такие знания просто бессмысленны.

— Пока не понадобятся на практике — скажем, в ситуации вроде нашей.

Хелссе безразлично пожал плечами.

— В нынешнем «круге» утилитаризм и практицизм — чуждая философия. Лорд Кизант, например, счел бы ваши аргументы не только непонятными, но и отвратительными.

— Нам никогда не придется обсуждать с ним данную проблему, — сказал Рейш спокойно.

Экипаж Хелссе поражал своей несколько вычурной элегантностью — голубая карета с шестью алыми колесами, изобильно украшенная золотыми фестонами. Внутри она напоминала роскошную гостиную с серо-зелеными деревянными панелями, светло-серым ковром, изящно изогнутым потолком, обтянутым зеленым шелком. Мягкие удобные сиденья; сбоку, под окнами, — буфет, где красовались подносы с засахаренными фруктами. Секретарь лорда Голубого Нефрита с утонченной вежливостью пригласил гостей в карету.

Хелссе был облачен в одеяние, выдержанное в светло-зеленых и серых тонах, словно желал соответствовать оформлению кареты.

Когда все уселись, он коснулся кнопки, с помощью которой закрывалась дверь и убирались ступеньки.

— Лорд Кизант, презирая утилитаризм как учение, явно не отказывается от него на практике, — заметил Рейш.

— Вы имеете в виду механизм, закрывающий двери? Лорд не знает о нем. Всегда найдется прислуга, которая нажмет для него ту или иную кнопку. Как и все другие представители его класса, его могущество дотрагивается до предметов только во время игры или удовольствия ради. Вы считаете это странным? Напрасно. Следует принимать знатных яо такими, какие они есть.

— Себя вы явно не относите к высшему кругу.

Хелссе рассмеялся.

— Более тактичным будет предположить, что я искренне наслаждаюсь тем, что делаю. — И скомандовал кучеру: — Меркада, южный Эброн.

Экипаж тронулся с места. Хелссе наполнил кубки сиропом и предложил всем фрукты.

— Мы собираемся посетить главный торговый район Сеттры. Это главный источник нашего богатства, хотя считается вульгарным и неприличным обсуждать такие вещи.

— Странно, — сказал Анахо. — Даже Дирдиры — высшие существа — никогда не бывают так надменны.

— Они принадлежат к другой расе, — ответил Хелссе. — Но можно ли считать их высшими существами? Сомневаюсь. Ванкхи никогда с этим не согласятся, если вообще снизойдут до обсуждения подобных вопросов.

Анахо презрительно пожал плечами.

Экипаж проехал рынок — Меркаду; затем они попали в район маленьких домов, отличающихся невероятным разнообразием стилей. Возле скопления квадратных кирпичных башен карета остановилась. Хелссе указал на сад рядом, где сидело около дюжины мужчин живописного вида. На них были белые рубашки и штаны; волосы, длинные и густые, тоже отличались белизной. На этом фоне поразительными контрастными пятнами выделялись лица и руки ослепительно черного цвета.

— Локхары, — пояснил Хелссе. — Странствующие механики, родом из горного края, лежащего к северу от озера Фалас в центральном Кисловане. Это не их натуральная окраска; они обесцвечивают волосы и чернят кожу. Говорят, Ванкхи навязали локхарам этот обычай тысячи лет назад, чтобы как-то отличить их от ванкхменнов: те, конечно, белокожие и черноволосые. Так или иначе, локхары не задерживаются на одном месте надолго, работают там, где им больше платят, потому что невероятно скупы и жадны. Некоторые, потру-

дившись в мастерских Ванкхов, переселились к нам; некоторые выучили одну-две фразы-мелодии и, если возникнет необходимость, смогут разобрать смысл документов Ванкхов. Видите вон там старика, играющего с девочкой? Этот лохвар считается знатоком языка Ванкхов. Он потребует большую сумму за свои услуги, и для того, чтобы предупредить еще более непомерные требования в будущем, мне придется поторговаться. Если вы согласны подождать, я пойду и договорюсь с ним.

— Минутку, — остановил его Рейш. — Я, разумеется, убежден в вашей честности, но, увы, не могу сдерживать свои инстинктивные подозрения. Давайте пойдем договариваться вместе.

— Как пожелаете, — сказал Хелссе снисходительно. — Я сейчас пошлю за этим человеком. — И отдал распоряжение кучеру.

— Если они договорились заранее, — пробормотал Анахо, — легко можно разыграть спектакль и убедить подозрительного простака.

— Полагаю, что смогу успокоить вас, — качнул головой Хелссе. Минуту спустя старик подошел к экипажу.

— Войдите, пожалуйста, — пригласил Хелссе.

Старик просунул беловолосую голову в дверь.

— Мое время стоит дорого — что вам надо?

— Речь пойдет о деле, с которого можно получить прибыль.

— Прибыль, а? Что ж, могу по крайней мере выслушать вас.

Он залез в экипаж и с довольным ворчаньем уселся. В воздухе пахло прогорклой помадой. Хелссе резко встал. Взглянув искоса на Рейша, он произнес:

— Наш договор отменяется. Забудьте о моих инструкциях.

— Договор? Инструкции? О чем это вы? Должно быть, меня с кем-то спутали. Я Зарфо Детвилер.

Хелссе махнул рукой.

— Не важно, не важно. Мы хотим, чтобы вы прочитали нам документ Ванкхов, описывающий, как добираться до клада. Переведите все правильно и получите долю добычи.

— Ну уж нет, — помахал черным пальцем Зарфо Детвилер. — Я, конечно, с удовольствием возьму свою долю добычи, но вдобавок хочу получить сто цехинов. И никаких претензий, если содержание разочарует вас.

— Никаких претензий, согласен. Но сто цехинов за работу, которая, возможно, окажется напрасной? Вот, держите: целых пять цехинов и можете есть сколько угодно наши весьма дорогие засахаренные фрукты.

— Ну, это я сделаю обязательно — разве меня не пригласили сюда как гостя? — Зарфо Детвилер торопливо сунул горсть деликатесов в рот. — Вы, должно быть, считаете меня несмышленным теленком, господин, — всего-навсего пять цехинов! Только три человека в Сеттре сумеют сказать вам, какая сторона идеограммы Ванкхов — верх, а ка-

кая — низ! Я один могу понять их значение, за это мне пришлось заплатить тридцатью годами каторжного труда в машинных мастерских Ао-Хидиса...

Торг продолжался. Наконец Зарфо Детвилер согласился взять пятьдесят цехинов и десятую часть предполагаемой добычи. Хелссе кивнул Рейшу, и тот вытащил бумаги.

Зарфо Детвилер взял листки, покосился на них, нахмурившись, провел рукой по белым волосам. Затем поднял глаза и, встав в картинную позу, напыщенно объявил:

— Сейчас я дам вам бесплатный урок языка Ванкхов. Это странный народ, ни на кого не похожие существа. Их мозг как бы пульсирует; зрение, работа разума — серия импульсов. Так же строится их речь — из звуков-аккордов, серии вибраций, которые несут все значение фразы. Каждая идеограмма выражает аккорд, то есть законченную мысль. По этой причине чтение на языке Ванкхов основывается в равной степени и на логике, и на догадках; надо сформулировать полное значение каждой идеограммы. Даже Ванкхи не всегда точны. Теперь обратимся к вашему делу. Так, дайте-ка подумать... Первый аккорд... хм... Видите эти зубцы? Они обычно указывают на идентичность. Квадрат такой формы, справа пропадающий, иногда обозначает понятие «правда», «подтвержденное верное видение», либо «ситуация», или, возможно, «нынешнее состояние космоса». Эти значки — не знаю... Затемненное место вот здесь, думаю, переводится, как «докладывает такой-то». Поскольку оно в самом низу и, стало быть, выступает основным тоном в аккорде, скорее всего... да, точно, эта пустяковина указывает на позитивное желание. А отметки вот здесь... хм... Да, это «организаторы», которые определяют порядок и выделяют те или иные элементы. Я не способен их понять; могу только догадываться об общем смысле. Что-то вроде «хочу доложить, что условия прежние» или «не изменились». А может быть, «некто горит желанием убедиться в стабильности космоса». Что-то в этом роде. Вы уверены, что тут говорится о сокровищах?

— Продавец уверял, что здесь описание пути, ведущего к кладу.

— Мда. — Зарфо дернул себя за длинный черный нос. — Дайте подумать. Этот второй символ: видите, вот затемненное место и здесь — кусок угла? Первое означает «видение», второе — «отрицательный». Я не понимаю, откуда взялись «организаторы», но все вместе может означать «слепоту» или «невидимость»...

Зарфо продолжал свой напряженный труд, ломая голову над каждой идеограммой, иногда расшифровывая значение части текста, но чаще сознаваясь в неудаче. И на глазах становился все более и более обеспокоенным.

— Вас обманули, — сказал он наконец обреченно. — Я уверен, что здесь не упоминаются деньги или какие-то сокровища. Мне кажется, это просто отчет о торговой сделке. Похоже, здесь говорится примерно

вот что: «Хочу объявить, что условия неизменны». Что-то там об особых желаниях или надеждах. «Я скоро увижу главного, лидера нашей группы». Что-то неизвестное. «Лидер не может помочь» или «остался равнодушным». «Лидер медленно изменяется (или превращается?) во врага». А может быть, «лидер медленно изменяется, становясь похожим на врага». Изменения какого-то рода... не могу понять. «Я требую еще денег». Что-то о прибытии нового человека или чужака «высшей степени важности». Вот и все.

Рейш уловил почти незаметное изменение в поведении Хелссе. Секретарь словно расслабился.

— Не очень-то понятно, — коротко определил Хелссе. — Что ж, вы сделали все возможное. Вот ваши двадцать цехинов.

— Двадцать цехинов? — прорычал Зарфо Детвилер. — Мы ведь договорились о пятидесяти! Как я смогу купить себе несчастный кусочек дуга? Меня постоянно обманывают!

— Ну ладно, ладно, раз вы такой бессовестный скряга...

— Ах вот как, скряга! В следующий раз читайте такие записки сами.

— Почему бы и нет, учитывая предоставленную вами помощь.

— Вас обманули. Это вовсе не план пути к сокровищам.

— Да, очевидно, вы правы. Ну что ж, до свидания.

Вслед за Зарфо Рейш вышел из кареты и повернул голову к Хелссе.

— Я останусь здесь, переговорю с этим господином.

Хелссе был недоволен.

— Нам нужно обсудить другие дела. Лорд Голубого Нефрита должен знать ваши намерения.

— После полудня я дам вам окончательный ответ.

Хелссе коротко кивнул.

— Как пожелаете.

Экипаж отбыл, оставив Рейша и локхара посреди улицы.

— Есть здесь поблизости таверна? — спросил Рейш. — Может, посидим, пропустим стаканчик-другой и поговорим немного?

— Я локхар, — фыркнул чернокожий старик. — Я не порчу себе мозги и не опустошаю карманы ради выпивки, во всяком случае до полудня. Однако, если хотите, можете купить мне прекрасные колбаски, которые делают в Зэме, или добрый кусок сыра.

— С удовольствием.

Зарфо показал на продуктовую лавку. Вскоре они, прихватив покупки, уселись за столик на улице.

— Меня поразило, как ты ловко читаешь идеограммы, — сказал Рейш. — Где ты этому научился?

— В Ао-Хидисе. Я работал резчиком по кости со стариком локхаром, который был настоящим гением по этой части. Он научил меня нескольким аккордам и показал, где затененные места соответствуют интенсивным вибрациям, где звучание отражается в форме, где различные компоненты аккорда видны в структуре и градации. После

того как ты натренировал глаза и уши, «настроил» их правило, сознаешь, что и аккорды и идеограммы вполне логично и ясно расположены. Но дойти до этого очень тяжело. — Зарфо откусил большой кусок колбаски. — Понятно, ванкхмены не поощряли подобное изучение; если они подозревали, что локхар втихомолку пытается понять язык Ванкхов, его моментально увольняли. Да, очень они хитры! Очень! Как ревниво поганцы охраняют свое положение посредников между Ванкхами и миром людей! Дьявольский народец! Их женщины необычайно красивы, словно черные жемчужины, но жестоки, холодны и, увы, совсем равнодушны к флирту.

— Ванкхи хорошо платят?

— Как и все остальные: стараются ободрать, где можно. Но мы вынуждены мириться с этим. Если стоимость работы возрастет, они заведут рабов либо обучат черных или пурпурных — отдельно, конечно. Тогда мы потеряем работу, а может, и свободу. Поэтому мы трудимся, не жалуясь, и ищем хозяев получше в других местах, как только хорошенько наберемся опыта.

— Скорее всего, этот яо, Хелссе, одетый в серое с зеленым, спросит, о чем мы беседовали. Он может даже предложить тебе денег.

Зарфо откусил кусочек колбаски.

— Ну, конечно, я расскажу ему все, если мне хорошо заплатят.

— В таком случае, — сказал Рейш, — наш дальнейший разговор будет состоять из пустых фраз, ничего не значащих ни для тебя, ни для меня.

Зарфо задумчиво пожевал губами.

— Сколько ты мне предлагаешь?

— Не могу точно сказать; ты ведь просто запросишь с Хелссе больше или постарайся содрать одинаковую сумму с нас обоих.

Зарфо мрачно вздохнул.

— Увы, у тебя сложилось совершенно неправильное представление о локхарах. Наше слово крепче железа. Заключив договор, мы никогда не увиливаем от его выполнения.

Торг продолжался до тех пор, пока, получив сумму в двадцать цехинов, Зарфо не объявил, что их разговор будет для чужих такой же тайной, как место, где он прячет деньги.

— Давай вернемся к бумаге Ванкхов, — сказал Рейш. — Помнишь место, где говорится о «лидере»? Нет ли здесь каких-либо указаний на то, кто это может быть?

Зарфо задумчиво сжал губы.

— Тема волка указывает на высшую знать; еще один торжественный полутон может означать что-то вроде «персона, обладающая высшими свойствами», либо «соответствующая вам», или «вашего типа». Это очень сложно. Ванкх, читающий идеограмму, улавливает смысл целого аккорда, что дает ему зримый образ со всеми деталями — как бы мысленный портрет личности. Человек же вроде меня способен

угадать лишь самое приблизительное значение. Я не могу сказать большего.

— Ты работаешь в Сеттре?

— Увы, да. Человек моих лет, пребывающий в крайней бедности — не печально ли это? Но ничего, скоро у меня скопится нужная сумма, и тогда — назад в Смаргаш, в Локхар, а там — небольшой кусок земли с дугом, молодая жена, удобное кресло у очага...

— Ты работал в космических мастерских Ао-Хидиса?

— Да, точно; я перешел из приборно-инструментальной в космическую, где чинил и монтировал воздухоочистители.

— Механики-локхары, должно быть, очень искусны в своем деле.

— Ну еще бы!

— И наверное, там существует специализация — скажем, рабочий занимается только монтажом контрольной аппаратуры или приборов?

— Естественно. Да, и то и другое — сложная работа!

— А среди тех, кто переехал в Сеттру, есть такие?

Зарфо бросил на Рейша изучающий взгляд.

— Сколько ты заплатишь за эту информацию?

— Сдерживайся, Зарфо, — серьезно посоветовал Рейш. — Сегодня больше не получишь ни цехина — разве что еще колбаску, если хочешь.

— Наверное, хочу, только попозже. Насчет механиков: в Смаргаше дюжины, сотни специалистов, ушедших на покой после долгих лет работы.

— Можно уговорить их принять участие в опасном деле?

— Почему нет? Если опасность будет невелика, а выгода — большой... Что ты предлагаешь?

Рейш отбросил осторожность.

— Предположим, кто-то решил позаимствовать у Ванкхов космический корабль и отправиться на нем к некой планете. Сколько для этого потребуется специалистов и сколько будет стоить нанять их?

Зарфо, к облегчению Рейша, не выразил ни изумления, ни потрясения. Он сосредоточенно грыз последнюю колбаску. Затем, громко рыгнув, произнес:

— Как я понимаю, ты хочешь знать, считаю ли я затею осуществимой. Такое часто обсуждалось, не всерьез, конечно, а космические корабли действительно слабо охраняются. Так что сделать это можно. Но для чего тебе космический корабль? Мне незачем посещать планеты Дирдир или Сибол либо пытаться проверить, правда ли, что Вселенная бесконечна.

— Я не могу сейчас обсуждать это.

— Ну хорошо. И сколько же ты мне предлагаешь?

— Пока о деньгах говорить рано. А сколько бы ты хотел?

— За то, чтобы рискнуть свободой и даже жизнью? Меньше чем за пятьдесят тысяч цехинов, например, я и пальцем не шевельну.

Рейш встал.

— Ладно. Ты получил свои пятьдесят цехинов, я — нужные сведения. Надеюсь, ты сдержишь слово и сохранишь наш разговор в тайне.

Зарфо откинулся на спинку стула.

— Ну, ну, не спеши так. В конце концов, я старик, жизнь моя стоит не так уж много. Скажем, тридцать тысяч? Нет? Двадцать? Десять?

— Это уже ближе к разумной цене. Сколько членов команды нам понадобится?

— Четверо или пятеро, может, шестеро. Как думаешь, сколько продлится путешествие?

— Как только мы поднимемся в космос, я назову координаты планеты. Каждый, кто отправится со мной, вернется богатым невообразимо.

Зарфо поднялся.

— Когда собираешься отбыть?

— Как можно скорее. Еще одна проблема: в Сеттре полно шпионов. Необходимо вести себя так, чтобы не привлечь внимания.

Зарфо хрипло рассмеялся.

— Поэтому сегодня утром ты подъехал ко мне в роскошном экипаже, стоящем тысячи цехинов! Все это время за нами наблюдает соглядатай!

— Я заметил его. Но этот человек даже не делает попытки скрыть свой интерес к нам; он слишком заметен, чтобы быть шпионом. Ну ладно — где и когда мы встречаемся?

— Завтра утром, как только часы пробьют девять, у прилавка Уласа, торговца специями в Меркаде. Убедись, что за тобой нет «хвоста»... Парень, наблюдающий за нами, судя по тому, как он одет, просто убийца из компании безопасности.

Человек, о котором говорил Зарфо, подошел к их столу.

— Адам Рейш?

— Да.

— С сожалением должен сообщить вам, что компания безопасности заключила контракт на ваше имя, предусматривающий смерть посредством «двенадцати прикосновений». Я здесь, чтобы нанести первый надрез. Не будете ли вы любезны обнажить руку? Я только уколую вас этим дроптиком.

Рейш попытался.

— Я ничего подобного не сделаю.

— Убирайся! — приказал Зарфо Детвилер убийце. — Этот человек для меня стоит десять тысяч цехинов, пока он жив; мертвый — ничего.

Убийца не обратил на Зарфо внимания и сказал Рейшу:

— Пожалуйста, не устраивайте недостойных сцен. Тогда процесс станет долгим и болезненным для всех нас. Итак...

— Ну-ка прочь! — заревел Зарфо. — Я ведь предупреждал тебя!

Он схватил стул и могучим ударом свалил убийцу на землю. Не удовлетворившись этим, он поднял дротик и вонзил его сквозь ржаво-красную ткань штанов в бедро своей жертвы.

— Стойте! — взывал убийца. — Это укол номер один!

Зарфо выхватил пучок дротиков из раскрывшейся сумки.

— А это, — проревел он, — номер второй, третий... двенадцатый! — И, наступив мужчине на шею, один за другим вонзил дротики в извивающийся зад. — Вот тебе, негодяй! Хочешь следующую порцию — от тринадцатого до двадцать четвертого?

— Нет, нет, отпустите, я уже мертвец!

— А если нет, то ты не только убийца, но еще и лгунишка!

Вокруг спорящих стали собираться прохожие. Полная дама в робе из розового шелка подлетела к локсару.

— Ах ты чернокожий, волосатый грубиян! Зачем ты мучаешь несчастного убийцу? Он занимался своим делом и не трогал тебя!

Зарфо подобрал рабочий блокнот убийцы и просмотрел его.

— Хм... Кажется, следующим по списку значится твой муж.

Женщина ошеломленно отпрянула и в испуге посмотрела вслед убийце, удирающему со всех ног.

— Пора уходить, — заметил Рейш.

Они прошли переулком к маленькому сараю, скрытому от улицы сплетенной из лозы решеткой.

— Это местный морт, — сообщил Зарфо. — Тут нас никто не потревожит.

Рейш вошел, настороженно оглядывая каменные скамейки, на одной из которых лежала туша какого-то животного.

— Теперь скажи, кто желает твоей смерти? — спросил Зарфо.

— Я подозреваю некоего Дордолио, — сказал Рейш. — Но не уверен точно.

Зарфо тщательно изучил список.

— Так, посмотрим. «Адам Рейш, «Приют путешественников» — контракт номер 2305, форма восемнадцать. К исполнению». Помечено сегодняшним днем, поручено «Ращу». К исполнению, значит? Ладно, испробуем одну хитрость. Идем ко мне.

Он провел Рейша через арку в одну из кирпичных башен. На столе стоял телефон. Зарфо осторожно поднял трубку.

— Свяжите меня с компанией безопасности.

Мрачный голос произнес:

— Готовы служить вам.

— Я по поводу контракта номер 2305, — сказал Зарфо, — касающегося некоего Адама Рейша. Я хотел бы оплатить заказ, но не могу найти счет.

— Минутку, господин... Контракт оплачен заранее, мой господин, и был намечен к исполнению на это утро.

- Оплачен заранее? Но это невозможно. Я не платил. Какое имя значит на расписке?
- Хелссе из дома Исан. Уверен, никакой ошибки нет, господин.
- Что ж, может, и так. Я обсужу это с ним.
- Благодарю вас, господин, за заказ.

Глава 9

Рейш вернулся в «Приют путешественников». С тяжелым сердцем, предчувствуя недоброе, он вошел в фойе, где обнаружил Тразу.

— Ну, что плохого случилось, если вообще что-то случилось?

Траз, обычно такой понятливый и решительный, не всегда улавливал настроение собеседника.

— Как только ты вылез из кареты, этот яо Хелссе — так его, кажется, зовут? — словно воды в рот набрал; может, решил, что мы неподходящая компания. Он сообщил, что сегодня вечером мы обедаем с лордом Голубого Нефрита, а сам он придет пораньше, чтобы просветить нас по части правил приличия. А потом уехал в экипаже.

«Удивительная цепочка событий», — подумал Рейш. И вот что интересно: контракт оговаривал «двенадцать прикосновений». Если кому-то срочно нужно, чтобы он умер, то нож, пуля или разряд энергии вполне помогли бы этого добиться. Но зачем нужна первая из двенадцати инъекций? Чтобы подтолкнуть их, заставить быстрее действовать?

— Случилось много интересного, — сказал он Тразу. — Вещи, которые я никак не могу понять.

— Чем скорее мы покинем Сеттру, тем лучше, — мрачно объявил Траз.

— Согласен.

Появился Анахо, свежесбритый, сияющий парадным великолепием в новом черном камзоле с высоким воротником, светло-голубых штанах, алых сапогах до колен с модными загнутыми носами. Рейш отвел друзей в глубокую нишу в стене и описал им все, что произошло.

— Итак, теперь нам нужны только деньги, которые я надеюсь выжать сегодня вечером из Кизанта.

Время тянулось мучительно медленно. Наконец появился Хелссе в модном бархатном костюме канареечно-желтого цвета. Он напыщенно поприветствовал группу.

— Надеюсь, вы вкушаете все прелести пребывания в Кете?

— О да, разумеется, — согласился Рейш. — Никогда не чувствовал себя таким отдохнувшим.

Хелссе с апломбом продолжал:

— Прекрасно. Теперь относительно этого вечера. Лорд Кизант полагает, что официальный обед будет скучен и утомителен для вас и ваших друзей. Он рекомендует некий неформальный, без соблюдения правил этикета, завтрак в любое подходящее для вас время — хоть сейчас, если пожелаете.

— Мы готовы, — сказал Рейш. — Но, во избежание каких-либо недоразумений, не забудьте, пожалуйста, — мы настаиваем на достойном приеме. Мои друзья и я не собираемся пробираться во дворец через заднюю дверь.

Хелссе отмахнулся.

— Для неформальных приемов — неформальный стиль поведения. Таково правило.

— Я должен уточнить, — сказал Рейш. — Наш статус требует, чтобы мы прибыли с парадного входа. Если лорд Кизант возражает, можно встретиться где-нибудь еще: например, в таверне за Овалом.

Хелссе хмыкнул.

— Скорее он наденет шутовской колпак и отправится дурачиться в Круг весельчаков! — Он скорбно покачал головой. — Что ж, во избежание осложнений воспользуемся парадным входом. В конце концов, какая разница?

Рейш рассмеялся.

— Особенно если Кизант на самом деле приказал впустить нас через посудомоечную и подумает, что так мы и вошли... Что ж, это приемлемый компромисс. Пошли.

К дворцу Голубого Нефрита их доставило блестящее черное ландо. По указанию Хелссе оно подкатило к величественному portalу, где секретарь первым вышел из экипажа и, задумчиво скользя взглядом по фасаду дворца, повел трех чужеземцев через главный вход в огромное фойе. Здесь он пробормотал несколько слов лакею, затем повел всех троих наверх в маленький зелено-золотой салон, выходящий окнами во дворик.

Лорда Кизанта здесь не было.

— Пожалуйста, присядьте, — вежливо предложил Хелссе. — Лорд Кизант сейчас будет. — После чего качнул головой и вышел.

Прошло несколько минут; появился лорд Кизант. На нем был длинный белый халат, белые шлепанцы и круглая черная шапочка. На лице застыло раздраженное мрачное выражение.

Лорд Голубого Нефрита оглядел присутствующих.

— С кем из вас я разговаривал раньше?

Хелссе прошептал ему что-то на ухо, Кизант повернулся к Рейшу.

— Ясно. Что ж, располагайтесь. Хелссе, ты распорядился, чтобы подали подходящие закуски и напитки?

— Разумеется, ваше могущество.

Лакей вкатил в комнату столик и обошел присутствующих с подносом, где были сладкие вафли, подсоленная кора, кубики мяса со

специями, графины с вином, флаконы с эссенциями. Рейш взял вино, Траз выбрал кубок сиропа, Анахо — зеленую эссенцию. Лорд Кизант взял душистую палочку и принялся ходить по салону, помахиная ею.

— У меня для вас неутешительные новости, — неожиданно произнес он. — Я решил отказаться от всех моих предложений и обязательств. Короче говоря, вам не стоит ждать благодетелей.

Рейш отпил вина, давая себе время подумать.

— Вы принимаете то, что сообщил вам Дордолио?

— Я не могу вдаваться в детали. Мое заявление следует понимать в самом общем смысле.

— У меня нет к вам претензий, — сказал Рейш. — Я приходил сюда, чтобы только передать известия о вашей дочери.

Лорд Кизант поднес душистую палочку к носу.

— Подробности меня больше не интересуют.

Анахо хмыкнул.

— Еще бы! Признав их истинность, вы вынуждены были бы исполнить свои обязательства.

— Вовсе нет, — возразил лорд Кизант. — Я говорил это только для моих приближенных и слуг.

— Ха! Кто вам поверит после того, как вы наняли убийц, чтобы разделаться со своим гостем?

Лорд Кизант замер.

— Убийц? О чем вы?

— Ваш помощник, — Рейш указал на Хелссе, — заключил контракт по форме восемнадцать. Я собирался предупредить Дордолио; ваша благодарность слишком дорого обходится.

Нахмурившись, лорд Кизант повернулся к Хелссе.

— Что все это значит?

Тот, явно взволнованный, поднял брови и широко раскрыл глаза.

— Я только пытался исполнить свой долг.

— Излишнее усердие. Ты хочешь превратить Голубой Нефрит в посмешище? Если эта мерзкая история выйдет наружу... — Голос лорда пресекался.

Хелссе пожал плечами и налил себе кубок вина.

Рейш поднялся.

— Похоже, здесь нам больше делать нечего.

— Минутку, — быстро сказал лорд Кизант. — Дайте мне подумать... Вы сознаете, что якобы заказанное мной убийство — полная ерунда?

Рейш медленно покачал головой.

— Вы слишком часто меняли позицию: я ни в чем не могу быть полностью уверен.

Лорд Кизант резко повернулся и выбежал из салона.

Душистая палочка упала на ковер и стала гнить. Рейш подобрал ее и положил на поднос.

— Зачем вы это делаете? — спросил Хелссе с насмешливым удивлением.

— Вам придется самому искать ответы на свои вопросы.

Лорд Кизант вновь появился в салоне. Он жестом подозвал Хелссе, отвел его в угол, что-то шепнул и опять вышел.

Хелссе повернулся к Рейшу.

— Лорд Кизант уполномочил меня выдать вам сумму в десять тысяч цехинов при условии, что вы немедленно покинете Кет и вернетесь в Котан с первым же кораблем.

— Наглость лорда Кизанта просто изумительна, — ответил Рейш.

— Какова предельная сумма? — небрежно поинтересовался Анахо.

— Его могущество не указал точно, — признался Хелссе. — Лорду нужно только, чтобы вы уехали, чему он будет максимально содействовать.

— Тогда миллион цехинов! — заявил Анахо. — Если приходится принимать участие в этой недостойной интриге, по крайней мере продадим себя дорого.

— Увы, слишком дорого, — сказал Хелссе. — Двадцать тысяч цехинов — более разумная сумма.

— Недостаточно разумная, — ответил Рейш. — Нам требуется намного, намного больше.

Хелссе молча оглядел гостей. И наконец произнес:

— Чтобы избежать пустой траты времени, я объявляю максимальную сумму, которую лорд Кизант согласен выплатить. Пятьдесят тысяч цехинов — лично я считаю данное предложение весьма щедрым — и транспорт до Верводеля.

— Мы согласны, — сказал Рейш. — Разумеется, вы должны аннулировать контракт с компанией безопасности.

Губы Хелссе дрогнули в улыбке.

— Я уже получил инструкции на этот счет. Когда вы выедете из Сеттры?

— Через день, возможно, чуть позже.

Получив пятьдесят тысяч, друзья покинули дворец Голубого Нефрита в черном ландо. На сей раз Хелссе их не сопровождал.

Экипаж покатил на восток; наступили сумерки, небо приобрело янтарный оттенок. В парках, дворцах и городских домах стали зажигаться огоньки; в одном из садов шумно отмечали какой-то праздник.

Ландо прогрохотало по деревянному мосту, увешанному фонариками, и въехало в квартал, где тесно сгрудились бревенчатые домишки, а на улице было полно чайных и харчевен. Затем экипаж миновал унылый район полупустых зданий и наконец добрался до Овала.

Рейш вышел из ландо. Траз выпрыгнул следом и сразу метнулся к темной неподвижной фигуре, почти незаметной в темноте. Заметив

блеск металла, Рейш бросился на землю, но ему не удалось увернуться от ослепительной красно-белой вспышки. Словно раскаленный молот обрушился на его голову, и пока Траз боролся с убийцей, Рейш лежал на земле, оглушенный, беспомощный. Анахо направил свое оружие на незнакомца. Тонкий луч пронзил нападавшего плечо. Ударившись о булыжную мостовую, загремел лучемет неизвестного.

Рейш поднялся на ноги и, покачиваясь, встал. Одна сторона его головы горела, словно ошпаренная; запах озона и паленых волос забивал ноздри. Он заковылял к Тразу, державшему человека в плаще. В это время Анахо вытаскивал из одежды незнакомца кинжал и бумажник. Откинув капюшон плаща, наполовину закрывавший лицо нападавшего, Рейш с изумлением узнал «инспиратора», с которым разговаривал прошлой ночью.

Прохожие, поначалу державшиеся подальше, стали осторожно приближаться. Раздался резкий свисток патруля. «Инспиратор» попытался освободиться.

— Пожалуйста, отпустите меня; я буду жестоко наказан!

— Почему ты пытался убить меня? — спросил Рейш.

— Не спрашивайте меня ни о чем! Умоляю, отпустите!

— С какой стати? Ты только что пытался убить меня! Пусть тебя арестуют.

— Нет! Пострадает вся секта!

— Но они... Почему ты пытался меня убить?

— Потому что вы опасны! Вы несете раскол! Уже появились разногласия! У некоторых слабых душой умалилась вера; они хотят раздобыть космический корабль и отправиться в путешествие! Я решил, что лучший выход — уничтожить инакомыслие в самом корне.

Рейш тяжело вздохнул. Патруль был совсем рядом.

— Завтра мы уезжаем из Сеттры; ты зря старался. — Рейш оттолкнул скулящего от боли в плече фанатика. — Благодарю судьбу за то, что мы милосердные люди.

«Инспиратор» мгновенно исчез в темном закоулке. Подбежал патруль — рослые воины в полосатых красно-черных одеяниях, сжимающие жезлы с раскаленными наконечниками.

— Что за шум?

— Вор, — пояснил Рейш. — Он пытался ограбить нас, а потом убежал вон туда, за те дома.

Патруль удалился. А друзья отправились в гостиницу.

За ужином Рейш рассказал им о разговоре с Зарфо Детвилером.

— Завтра, если все пойдет хорошо, мы уедем из Сеттры.

— Очень вовремя, — кисло заметил Анахо.

— Да, верно. За мной уже шпионили Ванкхи, меня преследовала знать, хотели убить люди из секты. Большого мои нервы не выдержат.

К их столу подошел мальчик в темно-красной ливрее.

— Адам Рейш?

- Кто его спрашивает? — осторожно поинтересовался Рейш.
- У меня для него записка.
- Давай сюда.

Рейш развернул бумагу и с трудом разобрал смысл послания, написанного вычурной вязью:

«Компания безопасности приветствует Адама Рейша. Поскольку ты беспричинно напал на нашего полномочного представителя во время добросовестного выполнения оным служебного долга, нанес урон снаряжению и причинил боль и неудобства, мы требуем возмещения ущерба в размере восемнадцати тысяч цехинов. Если данная сумма не будет немедленно уплачена в нашей главной конторе, последует ликвидация путем последовательного применения различных методов. Будем признательны за проявление доброй воли и стремление к сотрудничеству. Советуем не покидать Сеттру и не искать каких-либо причин для отказа уплатить требуемую сумму, ибо в этом случае наказание придется ужесточить».

Рейш швырнул письмо на стол.

— Дордолио, Ванкхи, лорд Кизант и Хелссе, секта... Теперь еще компания безопасности. Кто следующий?

— Да, у нас не так уж мало времени, чтобы успеть унести ноги, — произнес Траз.

На следующее утро Рейш связался с дворцом Голубого Нефрита, и ему позволили переговорить с Хелссе.

— Вы, надеюсь, разорвали контракт с компанией безопасности?

— Контракт аннулирован. Как я понимаю, они решили предпринять самостоятельные действия, на которые вы должны отвечать сами, как сочтете нужным.

— Ясно, — сказал Рейш. — Мы покидаем Сеттру немедленно и принимаем предложенную лордом Кизантом помощь.

Хелссе нерешительно кашлянул.

— Каковы же ваши планы?

— Если коротко — выбраться из Сеттры живыми.

— Я прибуду в ближайшее время и доставлю вас к загородной гавани. Из Верводеля корабли ежедневно отправляются во все стороны света, и, несомненно, вам удастся благополучно уехать.

— Мы будем готовы в полдень или даже раньше, если потребуется.

Приняв все меры предосторожности, Рейш отправился в Меркаду пешком и прибыл на встречу в полной уверенности, что не привел за собой «хвост». Зарфо уже ждал его, спрятав белоснежную шевелюру под колпаком, черным, как кожа его лица. Он провел Рейша в подвал

таверны. Усевшись за каменный стол, Зафро дал знак мальчику-слуге, и тот принес гостям тяжелые глиняные кружки с горьким пивом. Зарфо сразу же перешел к делу:

— Прежде чем я хоть на йоту изменю свой распорядок дня, покажи, какого цвета твои деньги.

Не говори ни слова, Рейш бросил на стол десять звящих алых цехинов.

— Ах! — возликовал Зарфо Детвилер. — Вот истинная красота! И все это будет моим? Я сейчас же приму их на хранение и постараюсь сбечь.

— А кто будет караулить тебя? — поинтересовался Рейш.

— Ну-ну, парень, — усмехнулся Зарфо. — Если друг не может доверять товарищу, сидя в прохладном пивном погребе, что же будет, когда придет беда?

Рейш положил деньги обратно в кошелек.

— Беда уже пришла. Убийцы обеспокоены вчерашними событиями. Вместо того чтобы мстить тебе, они взялись за меня.

— Да, ребята непоследовательны. Если они требуют денег, не поддавайся. Всегда можно убежать и спасти шкуру.

— Мне велено не покидать Сеттру, пока они не выберут подходящий момент для убийства. Я, однако, надеюсь уехать, и как можно скорее.

— Что ж, разумно. — Зарфо отхлебнул большой глоток пива и со стуком поставил кружку на стол. — Но как ты скроешься от убийц? Они, естественно, следят за каждым твоим шагом.

Услышав шорох, Рейш резко обернулся, но обнаружил только мальчика-слугу, наливающего пиво в кружку Зарфо. Тот потянул себя за длинный черный нос, чтобы скрыть усмешку.

— Убийцы упрямы, но мы как-нибудь сумеем перехитрить их. Возвращайся к себе в гостиницу и будь наготове. В полдень я приду к вам; там посмотрим, что можно сделать.

— В полдень? Так поздно?

— Часом позже, часом раньше — велика ли разница? Мне надо закончить свои дела.

Рейш вернулся в гостиницу, куда уже прибыл Хелссе в черном ландо. В комнате царила напряженная атмосфера. При виде Рейша Хелссе вскочил.

— Время дорого, мы давно уже ждем! Пойдем! Мы едва успеем на первый послепоуденный транспорт до Верводела!

— А разве убийцы не ждут от нас именно этого? План кажется мне слишком уж незамысловатым.

Хелссе раздраженно пожал плечами.

— У вас есть идея получше?

— Давайте подумаем.

— У лорда Кизанта есть летательный аппарат? — спросил Анахо.

— Он не работает.

— А можно воспользоваться какими-нибудь другими машинами?

— Для подобных целей? Думаю, нет.

Прошло пять минут.

— Чем дольше мы ждем, тем меньше времени остается, — заметил Хелссе и указал в окно. — Видите двух мужчин в круглых шляпах? Они ждут, когда вы выйдете. Теперь мы даже не можем воспользоваться машиной.

— Выйдите и прикажите им убраться, — предложил Рейш.

Хелссе рассмеялся.

— О нет, только не я.

Прошло еще полчаса. Наконец в комнату ввалился Зарфо. Он приветствовал всех взмахом руки и спросил:

— Все готовы?

Рейш указал на убийц.

— Они ждут нас.

— Да, неприятные создания, — сказал Зарфо. — Только в Кете могут терпеть такое. — Он косо взглянул на Хелссе. — А этот зачем здесь?

Рейш объяснил. Зарфо выглянул в окно.

— Черная машина с серебряно-синим верхом — вы об этой говорите? Если так, нет ничего проще. Мы уедем на машине.

— Но это невозможно! — вскинулся Хелссе.

— Почему же? — поинтересовался Рейш.

— Лорд Кизант не желает вмешиваться в это дело, да и я тоже. Ведь компания может заключить контракт и на меня.

Рейш невесело рассмеялся.

— Даже несмотря на то, что вы первым с ними связались? Ну-ка, быстрее к машине, и вывезите нас из этого города сумасшедших!

После секундного колебания Хелссе коротко кивнул и скорчил презрительную гримасу.

— Как пожелаете.

Они вышли из гостиницы и направились к машине. Убийцы преградили им дорогу.

— Если не ошибаюсь, Адам Рейш — это вы, господин?

— Что из того?

— Можем ли мы осведомиться, куда вы направляетесь?

— Во дворец Голубого Нефрита.

— Верно, — бесцветным тоном подтвердил Хелссе.

— Вы поняли наши правила? Вам ясен порядок наказаний?

— Да, конечно.

Убийцы посоветовались между собой, затем один из них произнес:

— В таком случае мы желаем сопровождать вас.

— В машине не хватит места, — холодно возразил Хелссе.

Убийцы не обратили внимания на его слова. Один из них полез в ландо, но Зарфо схватил его за одежду и потянул назад. Убийца удивленно оглянулся.

— Осторожно, я член гильдии.

— А я локхар!

С этими словами Зарфо отвесил ему такую затрепину, что свалил убийцу с ног. Второй в удивлении застыл, но быстро опомнился и хотел было выхватить пистолет. Но не успел он этого сделать, как Анахо выстрелил и пронзил ему лучом грудь. Первый убийца попытался уползти, но Зарфо ударил его ногой по горлу — тот рухнул на землю и обмяк.

— В машину! — скомандовал Зарфо. — Пора ехать.

— Катастрофа! — прошептал Хелссе. — Я погиб.

— Скорее вон из Сеттры! — воскликнул Зарфо. — По самой не приметной дороге!

Ландо покатило по узким улочкам окраины, свернуло в переулок и наконец выехало из города.

— Куда мы едем? — спросил Рейш.

— В Верводель.

— Глупо! — фыркнул Зарфо. — Правь на восток, в глушь. Мы должны добраться до реки Джинги, а по ней спуститься до Кабаса на Парапане.

Хелссе с деланным спокойствием пытался возражать:

— Там нет дорог. Машина застрянет. У нас нет запасных батарей.

— Пустяки!

— Пустяки для вас. Но как я вернусь в Сеттру?

— Это входит в ваши планы после всего случившегося?

— Мне конец! — вполголоса пробормотал Хелссе. — Они потребуют пятьдесят тысяч цехинов. Где я возьму такую сумму? А все из-за ваших безумств...

— Думайте что угодно. Главное — продолжайте двигаться на восток, пока машина не остановится или не кончится дорога.

Хелссе лишь безнадежно махнул рукой.

Дорога шла по равнине, исполненной какой-то дикой красоты, с озерами и тихими неспешными ручьями; деревья с поникшими черными ветвями окунали табачно-коричневые листья в воду. Рейш все время оглядывался, но не замечал никаких признаков погони. Сеттру уже нельзя было разглядеть: на горизонте виднелась лишь неясная темная полоса.

Хелссе больше не дулся и нетерпеливо смотрел на дорогу, словно что-то предвкусывая. Рейша неожиданно охватили подозрения.

— Стоп!

Хелссе оглянулся.

— Остановить машину? Зачем?

— Что впереди?

— Горы.

— Почему же дорога в таком хорошем состоянии? Похоже, по ней часто ездят.

— Ха! — воскликнул Зарфо. — Горный лагерь для сумасшедших — вот что, должно быть, впереди!

Хелссе растянул губы в жалкой улыбке.

— Мне было велено ехать до конца дороги. Но вы не говорили, что мне не следует доставлять вас в сумасшедший дом.

— Я делаю это сейчас, — сказал Рейш. — Пожалуйста, больше никаких невинных ошибок вроде этой.

Хелссе поджал губы и снова помрачнел. У развилки он свернул к югу. Дорога пошла вверх.

— Куда ведет эта дорога? — спросил Рейш.

— К заброшенным ртутным рудникам, горным пещерам, крестьянским фермам.

Машина въехала в густой лес, где с деревьев свисал черный мох; дорога стала еще круче. Солнце скрылось за черной тучей, в лесу стало темно. Вскоре чаща осталась позади и появился затянутый туманом луг.

Хелссе взглянул на индикатор.

— Энергии осталось на час пути.

Рейш указал на гряде гор впереди.

— Что лежит за ними?

— Дикие места. Племена хоч харов, Черное горное озеро — исток Джинги. Дорога плохая и опасная. Однако этим путем можно выбраться из Кета.

Машина двинулась через луг, где то там, то сям возвышались могучие деревья с листьями, похожими на слоистые поганки.

Дорога стала пропадать, порой ее преграждали упавшие ветви. Впереди возвышался гребень горы — огромный скалистый выступ.

У заброшенной шахты дорога оборвалась. Одновременно стрелка указателя энергии коснулась нуля. Машина резко дернулась и замерла. Только редкие стоны ветра нарушали наступившую тишину.

Прихватив свои скудные пожитки, пассажиры вылезли из машины. Туман стал рассеиваться; солнце холодными лучами пронзало облака, заливая окрестности медовым светом.

Рейш оглядел склон горы, тропинку, бегущую от подножия до гребня, и повернулся к Хелссе.

— Ну, что вы выбрали? В Кабасас или назад, в Сеттру?

— В Сеттру, естественно, — ответил тот и печально посмотрел на машину.

— Пешком?

— Все же ближе, чем до Кабасаса.

— А как же убийцы?

— Рискну.

Рейш вытащил сканскоп и принялся изучать дорогу, по которой они приехали.

— Похоже, никаких следов погони. Вы... — Он замолк, удивленный выражением лица Хелссе.

— Что это за предмет? — спросил тот.

Рейш объяснил.

— Дордолио ничего не придумал, — изумленно произнес Хелссе. — Он говорил правду!

Испытывая легкое раздражение и одновременно позабавленный, Рейш сказал:

— Не знаю, о чем вам мог поведать Дордолио кроме того, что мы варвары. До свидания, передайте привет лорду Кизанту.

— Минуточку, — сказал Хелссе, нерешительно глядя на восток в сторону Сеттры. — В конце концов Кабасас может оказаться безопаснее. Убийцы наверняка подумают, что я с вами как-то связан. — Он повернулся, смерил взглядом громаду гор и тяжело вздохнул. — Полное безумие, конечно.

— Не стоит упоминать, что мы здесь вовсе не по собственному желанию, — бросил в ответ Рейш. — Что ж, давайте двинемся в путь.

Путешественники вскарабкались на громоздящуюся перед входом в шахту груды хлама и заглянули в туннель, стены которого сочились красноватой слизью. Цепочка следов вела в глубь шахты. Следы были размером с человеческие, по форме напоминали дыню, в пяти сантиметрах от узкого конца — отпечатки трех пальцев. Глядя на эти отметины, Рейш почувствовал, как волосы встают дыбом от непонятного страха.

— Кто это?

— Необутый фунг, возможно маленький, — ответил Траз. — Но скорее всего — Пнум. Следы свежие. Он видел, как мы приехали.

— Пойдемте отсюда, — пробормотал Рейш.

Через час они достигли вершины и остановились, чтобы оглядеть открывающуюся панораму. Местность на западе тонула в ненастных сумерках; Сеттра казалась бесцветным пятном, словно синяк на теле Тчаи. Далеко на востоке мерцало Черное горное озеро.

Путники провели беспокойную ночь на опушке леса, то и дело вздрагивая от раздававшихся вдалеке звуков: жутковатого тонкого визга, частого глухого стука, напоминающего удары по дереву, совиного уханья ночных охотников.

Наконец рассвело. Путешественники съели скудный завтрак, состоящий из стручков травы паломников, и снова двинулись в путь через нагромождения базальтовых глыб по равнине, поросшей лесом. Впереди лежало Черное горное озеро, спокойное и неподвижное. По воде неслышно скользила рыбацкая лодка. Миг — и она исчезла за выступом скалы.

— Хоч хары, — сказал Хелссе. — Старинные враги яо. Теперь они прчутся за горами.

Траз показал куда-то пальцем.

— Тропинка.

Рейш пригляделся.

— Не вижу никакой тропинки.

— Тем не менее она есть. И еще я чувствую запах дыма. Это примерно в трех милях отсюда.

Минут через пять Траз вдруг поднял руку.

— К нам приближаются несколько человек.

Рейш прислушался — вокруг царил тишина. Но вот впереди показались трое: очень высокие люди с туловищем, похожим на бочонок, тонкими руками и ногами, в юбках из грязной белой ткани и таких же коротких накидках. Завидев путников, они остановились, затем повернулись и поспешили прочь, то и дело беспокойно оглядываясь.

Через четверть мили джунгли кончились; тропинка свернула и вывела путешественников на заболоченный берег озера. Деревня, хоч харов стояла на сваях над водой. Метров на пятьдесят в глубь озера тянулись мостки, к которым была привязана дюжина лодок. На берегу, держа наготове мачете и луки, сустились примерно двадцать мужчин племени; вид у них был агрессивно настороженный и вместе с тем испуганный. Путники подошли ближе.

— Вы кто? — неожиданно тонким голосом спросил самый высокий и мускулистый из хоч харов.

— Путешественники. Направляемся в Кабасас.

Хоч хары недоверчиво уставились на гостей, затем внимательно осмотрели дорогу, по которой они пришли.

— Где же остальные из вашего отряда?

— Никакого отряда нет, все мы тут. Вы можете продать нам лодку и немного еды?

Хоч хары отложили оружие в сторону.

— Еда достается трудно, — тяжело вздохнул первый. — Лодки — самое дорогое, что у нас есть. Что вы можете предложить взамен?

— Только несколько цехинов.

— Какой нам прок от денег, если надо идти в Кет, чтобы истратить их?

Хелссе шепнул что-то Рейшу, и тот сказал:

— Что ж, пойдем дальше. По-моему, у озера есть и другие деревни.

— Как? Вы хотите связаться с мелкими воринками и отпетыми мошенниками? Там других нет. Ну хорошо, мы поможем избежать роковых ошибок, пойдем ради вас на жертвы. Как-нибудь договоримся.

В конце концов, Рейш заплатил две сотни цехинов за лодку в хорошем состоянии и за провизию, которой, по утверждению вождя хоч харов, должно было хватить до Кабасаса: корзины сушеной рыбы, мешки клубней, связки печеной коры, свежие и сухие фрукты. Еще тридцать

цехинов — и они обзавелись проводником, неким Цутсо, осанистым круглолицым парнем с приветливой белозубой улыбкой. Цутсо объяснил, что первая часть пути будет самой опасной.

— Сначала пороги, затем Великая стремнина, после которой плавание превращается в спокойную прогулку вниз по течению до самого Кабаса.

В полдень лодка под небольшим парусом отчалила от деревни хохаров и весь день плыла по темной воде на юг, к двум утесам, отмечающим верховье реки Джинги. На закате лодка прошла между утесами, каждый из которых венчали руины, казавшиеся черными на фоне серо-коричневого неба. Справа виднелась небольшая пещера и пляж. Рейш собрался было остановиться здесь на ночь, но Цутсо и слышать об этом не захотел.

— В замках обитают призраки. В полночь духи древних обитателей Тчан спускаются сюда. Хотите, чтобы на вас навели порчу?

— Раз духи водятся лишь в замках, что мешает нам воспользоваться пещерой?

Цутсо недоуменно взглянул на Рейша и направил лодку на середину реки. Ниже по течению Джинга раздваивалась, омывая круглый каменистый островок, к которому Цутсо причалил.

— Здесь нас не сможет побеспокоить никто из лесных обитателей.

Путники поужинали и улеглись вокруг костра. Ночью их покой не тревожило ничто, кроме легких трелей и посвистов. Лишь однажды где-то далеко раздался тоскливый вой ночных собак.

Глава 10

На следующий день они одолели десять бушующих порожистых миль, и тут Цутсо десять раз заслужил свою плату. Лес поредел, превратившись в заросли колючих кустарников; берега обнажились, и наконец до путешественников донесся странный звук — какой-то всепроникающий гул.

— Стремнина, — пояснил Цутсо.

В ста метрах впереди река словно исчезла. Прежде чем Рейш или кто-либо из его спутников успел осознать, что происходит, лодка словно перевалила через какой-то край.

— Внимание, это стремнина, — предупредил проводник. — Собирайтесь на середине лодки!

Рев воды почти заглушил его слова. Лодка скользнула в черную пасть потока; каменистый берег Джинги в одно мгновение остался позади. Скорость была так велика, что река казалась дрожащей черной поверхностью, окаймленной пеной. Путешественники инстинктивно пригнулись, не обращая внимания на снисходительную ухмылку Цутсо. Эта бешеная гонка продолжалась несколько минут; наконец

лодка упала в целое море пены и плавно устремилась вперед по спокойной воде.

Крутые берега из коричневого песчаника с вкраплениями черного звездчатника поднимались ввысь по меньшей мере на триста метров. Цутсо подвел лодку к пологой части берега, усыпанной галькой.

— Здесь мы должны расстаться.

— Здесь? На дне этого каньона? — удивленно спросил Рейш.

Цутсо указал на выходящую по склону тропинку.

— В пяти милях отсюда деревня.

— В таком случае, — сказал Рейш, — прощай. Не могу даже выразить, как мы тебе благодарны.

Цутсо небрежно махнул рукой.

— Я не сделал ничего особенного. Хоч хары великодушный народ, когда дело не касается яо. Будь вы яо, всё могло обернуться иначе.

Рейш взглянул на Хелссе, но промолчал.

— Яо ваши враги?

— Наши старинные гонители, разрушившие империю хоч харов. Теперь они живут за горами — и правильно делают, потому что мы чужим яо, как тухлую рыбу. — Он проворно выпрыгнул на берег. — Впереди лежат болота. Если не заблудитесь и не напоретесь на болотных людей, считайте, что вы уже в Кабасе. — Он помахал рукой на прощанье и стал подниматься по тропинке.

Лодка плыла сквозь серовато-коричневый мрак, лишь высоко-высоко виднелась голубовато-желтая лента неба. Каньон расширился; на закате путешественники разбили лагерь на песчаной косе и крепко проспали всю ночь, убаюканные царившей здесь мертвой тишиной.

На следующий день они проплыли широкую долину, заросшую высокой желтой травой. Холмы отступили; растительность вдоль берегов стала гуще. В кустах и среди деревьев кишели маленькие создания: полупауки, полуобезьянки, которые визжали, вопили и пускали струи ядовитой вонючей жидкости в сторону лодки. В этом месте в Джингу впадали другие речки, делая ее широкой и спокойной.

На следующий день на берегу показались высокие деревья, образующие причудливые силуэты на фоне мутновато-коричневого неба; к полудню лодка уже плыла сквозь джунгли. Парус безжизненно повис; сырой воздух пахнул мокрым деревом и гнилью. Высоко в кронах деревьев прыгали странные существа; в полумраке носились мотыльки; с бледных пузырей свисали удивительные насекомые; похожие на птиц четырехкрылые создания словно плыли по воздуху. Однажды путники услышали тяжелый топот и звуки, похожие на стоны, в другой раз издали раздалось злобное шипение и чьи-то резкие крики в зарослях.

А Джинга становилась все шире и наконец превратилась в величавый мощный поток, омывающий десятки островков, поросших напо-

ротниками, сливами, всеобразными дендронами. Однажды Рейш мельком увидел на каком-то островке что-то вроде каноэ и троих молодых парней в головных повязках из павлиньих перьев, но когда решил присмотреться — на берегу никого не оказалось. Может быть, ему померещилось? Позже за лодкой погналось какое-то извивающееся четырехметровое чудовище, но в пятнадцати метрах от добычи вдруг потеряло к охоте интерес и скрылось под водой.

На закате путешественники расположились на берегу маленького острова. Спустя полчаса Траз, заметно обеспокоенный, толкнул Рейша локтем и молча указал на кусты. Оттуда послышалось тихое шуршание и донесся резкий запах. Через мгновение из кустов с душераздирающим воплем выпрыгнула тварь, плывшая за ними по реке. Рейш выстрелил ей прямо в пасть разрывной пулей; обезглавленное чудовище заметалось кругами, делая беспорядочные скачки, наконец рухнуло в воду и утонуло.

Люди, то и дело опасливо оглядываясь, вернулись на свои места вокруг костра. Хелссе посмотрел, как Рейш прячет пистолет в сумку, и, будучи не в состоянии больше сдерживать любопытства, спросил:

— Где вы добыли это оружие?

— Я понял, — ответил Рейш, — что правдивые ответы лишь создают массу проблем. Ваш друг Дордолио считает меня сумасшедшим, Анахо-дирдирмен предполагает, что у меня амнезия. Поэтому думайте что хотите.

— Да, — пробормотал Хелссе. — Странные истории могли бы мы поведать друг другу, будь честность одним из правил поведения.

— Честность? — Зарфо громко расхохотался. — Да кому она нужна? Вот я могу рассказывать всякую всячину, пока у вас уши не отвалятся.

— Несомненно, — согласился Хелссе. — Но люди с безрассудными целями должны крепко хранить свои тайны.

Траз, недолюбливавший Хелссе, косо взглянул на него и недобро усмехнулся.

— Кто бы это мог быть? У меня, например, нет ни тайн, ни безрассудной цели.

— Это, должно быть, дирдирмен, — сказал Зарфо и подмигнул.

Анахо покачал головой.

— Тайны? Секреты? О нет. Только сдержанность. Безрассудные цели? За неимением лучшего занятия я странствую с Рейшем. Я изгнанник, скитающийся в мире полулюдей. Нет, у меня нет никаких целей за исключением одной — выжить.

— А у меня есть секрет, — объявил Зарфо. — Место тайника со скромной связочкой цехинов, моим запасом на черный день. Цель жизни такая же скромная — пара акров луга к югу от Смаргаша, хижина под фруктовыми деревьями, домовитая хозяйка, чтобы было кому заваривать мне чай.

Хелссе слабо улыбнулся, глядя в костер.

— Хочу я этого или нет, каждая моя мысль — тайна. Что касается цели — что ж, если вернусь в Сеттру и как-нибудь смогу умиротворить компанию безопасности, то буду вполне удовлетворен.

Рейш взглянул вверх на тучу, затянувшую все небо и скрывшую звезды.

— А я буду удовлетворен, если этой ночью не промокну.

Путники вытащили лодку на берег, перевернули ее и из паруса соорудили укрытие. Начался дождь; костер погас, а под лодку затекла вода.

Наступило утро. В янтарном полумраке сеялся моросящий дождь. К полудню тучи разошлись, и путники снова поплыли на юг, нагрузив провизией лодку.

Джинга становилась все шире; вскоре берега превратились в темные линии на горизонте. Прошел день, закат окрасил мир хаотическим смешением черного, золотого и коричневого. По обе стороны реки лежали равнины, совершенно размытые дождем, но наконец, когда пурпурно-коричневые сумерки сгустились и все покрыла тьма, показался крутой песчаный берег, на который путешественники высадились, чтобы провести ночь.

На следующий день они достигли болот. Джинга разделилась на дюжину рукавов и лениво текла, огибая островки тростника. Ночь путники провели, сгрудившись в лодке. К вечеру следующего дня они увидели полуразрушенную дамбу из серого кристаллического сланца, которая образовывала цепочку островков, рассекавших болото. В незапамятные времена один из народов Тчаи использовал эти острова как опоры дороги, давно уже превратившейся в крупинки черного бетона. На самом большом из островков путники расположились, чтобы пообедать сушеной рыбой и затхлой чечевицей хоч харов.

Траз был чем-то встревожен. Он обошел весь остров, залез на высокий выступ и осмотрелся, скользнув взглядом по развалинам древнего моста. Рейш, обеспокоенный поведением юноши, подошел к нему.

— Что ты увидел?

— Ничего.

Рейш огляделся. В воде отражались потемневшее розовато-лиловое небо и глыбы островов. Вернувшись с Тразом к костру, Рейш распределил ночные дежурства.

Наутро, едва проснувшись, Рейш удивился: почему его не разбудили вовремя? И тут заметил, что лодка исчезла. Он растолкал Тразу, дежурившего первым.

— Кто должен был дежурить после тебя?

— Хелссе.

— Он не будил меня. И лодка исчезла.

— Вместе с Хелссе, — добавил Траз.

Юноша указал на островок, находившийся рядом, всего в сорока метрах.

— Лодка там. Видно, Хелссе ночью решил немного прогуляться.

Рейш подошел к кромке воды.

— Хелссе! Хелссе!

Тишина.

Рейш прикинул расстояние до лодки. Поверхность реки была гладкой и темной, как сланец. Рейш покачал головой. Лодку оставили слишком близко — явная ловушка. Он достал из сумки моток шнура, входившего в набор для выживания в экстремальной ситуации, и привязал один конец к камню, после чего размахнулся и швырнул его в лодку, но не попал. Рейш подтащил камень к себе и снова бросил — на этот раз удачно. Камень упал в лодку. Рейш потянул за шнур — и вскоре лодка оказалась у его ног.

Вместе с Тразом Рейш добрался до соседнего острова, но не обнаружил никаких следов Хелссе. Под выступом скалы они увидели узкий туннель, уходящий под землю. Траз сунул голову в отверстие, прислушался, втянул носом воздух и знаком предложил Рейшу сделать то же. Тот почувствовал едва уловимый приторно-едкий запах — так пахнут земляные черви. Он позвал приглушенным голосом: «Хелссе!», затем еще раз, погромче. Мертвая тишина.

Так ничего и не выяснив, они вернулись к месту стоянки.

— Похоже, Пнумы играют с нами, — произнес Рейш сдавленным голосом.

Они молча позавтракали, провели еще час в беспокойном ожидании, затем не торопясь погрузили вещи в лодку и отчалили. Рейш не отрываясь наблюдал за островом в сканскоп, пока он не скрылся из виду.

Протоки Джинги сошлись; болота сменились джунглями. Лианы и широкие листья нависали над водой; гигантские мотыльки скользили по воздуху, словно призрачные видения. Верхние уровни леса жили своей жизнью: какие-то розовые и бледно-желтые ленты извивались, как угри; по веткам проворно скакали неведомые животные, похожие на покрытые черным мехом шары с шестью длинными белесыми конечностями. Однажды Рейш заметил высоко в ветвях несколько больших плетеных хижин; чуть позже лодка проплыла под мостом из грубых канатов и жердей. По мосту шли трое обнаженных аборигенов, хрупких тонкокостных людей с кожей пергаментного цвета. Заметив чужаков, они в ужасе застыли, затем молнией промчались по мосту и исчезли среди листьев.

Целую неделю путешественники спокойно плыли под парусом или шли на веслах. Повстречали каноэ, с которого какой-то старик ловил рыбу; на следующий день на берегу показалась деревня, а еще через день мимо прошла моторная лодка. К вечеру они добрались до како-

го-то города и провели ночь в прибрежной гостинице, стоявшей на сваях.

Еще два дня они плыли вниз по течению под парусом, подгоняемые свежим ветром. Теперь Джинга вновь была широкой и полноводной, ветер поднимал большие волны, и управлять лодкой стало непросто. Подплыв к следующему городу, путешественники увидели речной пассажирский пароход, направлявшийся в Кабасас, и, бросив лодку, перебрались на его палубу.

Три дня друзья провели на судне, наслаждаясь благами цивилизации: удобными гамаками и свежей едой. Утром четвертого дня Джинга стала такой широкой, что берегов уже не было видно; в полдень на востоке показались голубые купола Кабасаса.

В Кабасас, так же, как в Коад, стекались товары, предназначенные для обширных территорий в глубине материка. Доки были окружены складами и сараями, за которыми карабкались на холмы бежевые, серые, белые и темно-голубые здания с арками и колоннадами. Стены каждого из них по причинам, так и оставшимся Рейшу непонятными, были скошены внутрь или наружу, что придавало городу странно беспорядочный вид, который, однако, вполне гармонировал с настроенным поведением его обитателей — высокорослых, стройных людей с длинными волосами светло-коричневого оттенка, широкими скулами и горящими черными глазами. Женщины Кабасаса были необыкновенно красивы, и Зарфо решил предупредить друзей:

— Если вам дорога жизнь, не обращайтесь на этих красоток внимания! Даже не провожайте их взглядом — пусть себе пристают и заигрывают! В Кабасасе принято устраивать странные игры. Если мужчина оказывает женщине знаки внимания, она поднимает яростный крик, и сотня ее подруг с воплями и проклятиями бросается на несчастного с ножами.

— Хм, — произнес Рейш. — А что же мужчины?

— Они спасут вас, если смогут, и побьют женщин, что вполне устроит обе стороны. Все дело в том, что здесь так принято ухаживать. Мужчина, пожелавший девушку, нападает на нее и избивает от души. Никто и не подумает вмешаться. Если он ей нравится, девушка пойдет дальше как ни в чем не бывало. И если он бросится ее догонять, чтобы вновь отделать, она отдается избраннику. Такой вот мучительный обряд ухаживания.

— Обычай кажется мне не очень удобным, — заметил Рейш.

— Точно. Неудобный и дикий. Но так уж заведено в Кабасасе. И пока мы здесь, вам лучше прислушиваться к моим советам. Итак, вот первый: я назначаю гостиницу «Морской дракон» нашей базой.

— Мы вряд ли пробудем здесь долго. Может быть, лучше отправиться прямо в порт и поискать корабль, который переправит нас через Парапан?

Зарфо потянул себя за длинный черный нос.

— Зачем все усложнять? И чего ради лишать себя удовольствия пожить в хорошей гостинице? Всего недельку-две...

— Ты, конечно, собираешься оплачивать свое проживание сам?

Седые брови Зарфо мгновенно взлетели.

— Как вы прекрасно знаете, я человек бедный. Каждый мой цехин заработан тяжким трудом. В совместных путешествиях вроде нашего спутники должны проявлять друг к другу великодушие и быть щедрыми!

— Эту ночь, — сказал Рейш, — мы проведем в гостинице «Морской дракон», а завтра покинем Кабасас.

Зарфо недовольно хрюкнул.

— Не мое это дело — спорить. Хм... Как я понимаю, вы собираетесь объявиться в Смаргаше, набрать там команду специалистов, а затем отправиться в Ао-Хидис?

— Правильно.

— В таком случае — осторожность и еще раз осторожность! Предлагаю нанять корабль, чтобы довез нас через Парапан и вверх по реке Иш до Зары. Вы еще не потеряли ваши деньги?

— Разумеется, нет.

— Будьте с ними поосторожней! В Кабасасе искусные воры; они пользуются кнутами, достающими за десять метров. — Зарфо махнул рукой. — Видите вон то здание, прямо над пляжем? Это и есть «Морской дракон».

Гостиница в самом деле оказалась роскошным заведением с просторными общими комнатами и уютными спальнями. Ресторан был оформлен так, что казался подводным садом; здесь были и темные гроты, где обслуживали членов местных сект, не желающих публично совершать сокровенный акт глотания.

Рейш потребовал у прислуги свежее белье и полотенца и спустился в огромную баню на нижнем этаже. Там его тщательно отмыли, сбрызнули укрепляющим составом и сделали массаж ароматическим мохом. Завернувшись в белый полотняный халат, Рейш вернулся в свой номер.

На его ложе сидел человек в грязном темно-синем одеянии. Рейш не мог поверить своим глазам — на него смотрел Хелссе. Выражение его лица было загадочно-бесстрастным. Он не шевельнулся, не издал ни звука.

Воцарилась напряженная тишина.

Рейш медленно покинул комнату и вышел в коридор. Сердце у него колотилось, словно он только что увидел призрак. Появился Зарфо со вздыбленными седыми волосами; он гордо шествовал в свой номер.

Рейш знаком подозвал его.

— Зайди, я хочу показать тебе кое-что.

Он подвел Зарфо к двери и распахнул ее, подсознательно ожидая увидеть пустую комнату. Но Хелссе сидел на том же месте.

— Он что, сошел с катушек? — прошептал Зарфо. — Сидит и смотрит, как будто насмеяется над нами, но молчит, словно рыба!

— Хелссе! — позвал Рейш. — Что ты здесь делаешь? Что с тобой случилось?

Хелссе поднялся. Рейш и Зарфо невольно отшатнулись. Яо посмотрел на них с едва уловимой загадочной улыбкой, потом вышел в коридор и медленно направился к лестнице. Вдруг он повернул голову, обратив к бывшим спутникам свое бледное, словно светящееся лицо, и исчез, как привидение.

— Что все это может означать? — хрипло спросил Рейш.

Зарфо сокрушенно покачал головой.

— Пнумы любят откалывать всякие штучки.

— Может, надо было задержать его?

— Он остался бы, если бы сам захотел.

— Но... я сомневаюсь, что он здоров психически.

Вместо ответа Зарфо лишь красноречиво пожал плечами.

Рейш подошел к перилам балкона и взглянул на город.

— Пнумы знают даже, какие комнаты мы сняли!

— Человек, плывущий вниз по Джинге, завершает путь в Кабасе, — раздраженно сказал Зарфо. — Если он может себе позволить, то останавливается в лучшей гостинице «Морской дракон». Не очень сложно прийти к такому выводу. Вот и все хваленое «всезнание» Пнумов.

Глава 11

На следующее утро Зарфо ушел в город один и вскоре вернулся с низеньким мужчиной, при ходьбе переваливавшимся с ноги на ногу, словно ему жали башмаки. Лицо у незнакомца было сизо-красного цвета, все в шрамах и перекошенное; над крючковатым носом блестели маленькие глазки-бусины, нервно бегающие по сторонам.

— Это, — величественно провозгласил Зарфо, — Доварк Хростилф, повелитель морей, человек, обладающий большим опытом и проницательным умом. Он все организует.

Рейш подумал, что ни разу в жизни не встречал столь явного проходимца, как этот «повелитель морей».

— Хростилф командует «Пибаром», — пояснил Зарфо. — За самую умеренную плату он доставит нас к цели, даже если придется плыть до далекого Ворда.

— Сколько возьмете за то, чтобы переправить нас через Парапан? — спросил Рейш.

— Всего-навсего пять тысяч цехинов — представляешь? — воскликнул Зарфо.

Рейш насмешливо рассмеялся и повернулся к Зарфо.

— Я больше не нуждаюсь в твоих услугах. Попробуйте надуть кого-нибудь другого.

— Что? — вскричал Зарфо. — И это после того, как я, не щадя себя, рисковал жизнью в той адской стремнине и перенес столько лишений?

Но Рейш отвернулся и зашагал прочь. Зарфо, упав духом, устремился за ним.

— Адам Рейш, ты совершаешь серьезную ошибку.

Рейш мрачно кивнул.

— Вместо честного человека я нанял тебя.

Зарфо негодуя выпрямился.

— Кто посмеет упрекнуть меня в нечестности?

— Я. Хростилф предложил бы мне свое корыто за сто цехинов. Тебе он назвал цену в пять сотен. А ты сказал ему: «Почему бы нам обоим не пожить? Адам Рейш — доверчивый простак. Я объявлю цену, и все, что получим сверх тысячи цехинов, — мое». Так что проваливай.

Зарфо уныло потянул себя за нос.

— Как ты несправедлив! Я только что поругался с Хростилфом, и тот признался, что смошенничал. Теперь он предлагает свою лодку за... — Зарфо тщательно откашлялся, — двенадцать сотен.

— Три сотни, и ни цехина больше.

Зарфо развел руками и пошел прочь. Спустя короткое время появился сам Хростилф и предложил осмотреть корабль. Рейш отправился вместе с ним на «Пибар» — посудину двенадцати метров в длину с электрическим мотором. Хростилф сопровождал осмотр то хвастливыми, то жалобными восклицаниями: «Быстроходное морское судно! Ваша цена нелепа. А мое искусство, мое знание моря? А стоимость энергии? Путешествие истощит силовую батарею на сто сиквенов! Я не могу позволить себе такие траты! Вы должны оплатить расход энергии и провизию. Я щедрый человек, но не филантроп!»

Рейш согласился заплатить разумную сумму за провизию и энергию, но отказался нести расходы за установку новой емкости для воды, за дополнительные снасти на случай непогоды, за талисманы, которые необходимо водрузить на нос судна. Помимо этого он добился, чтобы отплытие состоялось на следующий день. Хростилф захихикал.

— Это будет чувствительным ударом для нашего старого локхара. Он рассчитывал пошиковать недельку, а то и дольше, в «Морском драконе».

— Он может оставаться там сколько пожелает, — заметил Рейш, — при условии, что платить будет сам.

— На это шансов мало, — хмыкнул Хростилф. — Ну хорошо, а как насчет провизии?

— Закупи ее. Покажешь подробный список с ценами, я его внимательно проверю.

— Мне нужен аванс: сто цехинов.

— Ты принимаешь меня за идиота? Помни, завтра в полдень мы отплываем.

— «Пибар» будет готов.

Вернувшись в «Морской дракон», Рейш обнаружил Анахо на террасе. Тот указал на черноволосую фигуру, прислонившуюся к парапету.

— Вон он стоит: Хелссе! Я пробовал подозвать его, но наш приятель словно оглох.

Хелссе повернул голову; лицо у него было смертельно бледным. Несколько секунд он пристально смотрел на них, потом повернулся и медленно зашагал прочь.

В полдень путешественники поднялись на борт «Пибара». Хростилф оживленно поприветствовал пассажиров. Рейш подозрительно огляделся, прикидывая, каким образом Хростилф надеялся урвать что-нибудь для себя.

— Где провизия?

— В главном салоне.

Рейш осмотрел коробки и ящики, сверил их со списком Хростилфа и вынужден был признать, что тот приобрел хороший товар за умеренную цену. Но почему провизия не сложена в кладовой на корме? Рейш подергал дверь; она была заперта.

«Интересно», — подумал Рейш и позвал Хростилфа.

— Лучше убрать запасы в кладовую, пока не началась качка.

— Все в свое время! — провозгласил Хростилф. — Все дается по порядку! Сейчас главное — не упустить утреннее течение!

— Но это займет всего минуту. Послушай, открой дверь, и я уберу все сам.

Хростилф манерно взмахнул рукой.

— Выходя в море, я становлюсь придирчивым до мелочности. Все должно делаться именно так, как я сказал.

В салон вошел Зарфо и задумчиво хмурил брови, глядя на дверь кладовки.

— Что ж, дело твое, — сказал Рейш.

Зарфо хотел что-то сказать, но, поймав взгляд Рейша, пожал плечами и промолчал.

Хростилф проворно запрыгал по судну, сбросил канаты, завел мотор, кинулся к пульту управления — и лодка устремилась в море.

Рейш перекинулся словом с Тразом, и тот встал за спиной у Хростилфа. Вытащив свою катапульту, юноша проверил ее, вложил в прорезь снаряд, приготовил к стрельбе и повесил на пояс.

Хростилф скривился.

— Поосторожней, парень! Нельзя так легкомысленно обращаться с катапультой.

Траз сделал вид, что не слышал.

Обменявшись несколькими словами с Зарфо и Анахо, Рейш спустился на нижнюю палубу. Там он нашел какое-то старое тряпье, поджег его и поднес к кормовому вентиляционному отверстию — в кладовую повалил дым.

— Что вы там такое творите? — гневно завопил Хростилф. — Хотите всех нас поджарить?

Рейш поджег еще несколько тряпок и бросил их туда же. Снизу донесся придушенный кашель, затем невнятное бормотание и топот. Хростилф хотел сунуть руку в сумку, но вовремя заметил напряженный взгляд Тразы, державшего катапульту наготове.

Рейш не спеша вошел в рубку.

— Оружие у него в сумке, — сообщил Траз.

Хростилф в испуге застыл. Потом сделал внезапное движение, но замер, когда Траз поднял катапульту. Рейш снял с Хростилфа сумку, передал ее юноше, затем вытащил три кинжала, спрятанные под одеждой мошенника.

— Иди вниз! — приказал Рейш. — Открой дверь в кладовую. Скажи своим друзьям, пусть выходят по одному.

Хростилф, с серым от ярости лицом, прыгнул вниз и, обменявшись с Рейшем угрозами, открыл дверь. Один за другим из кладовой вылезли шестеро громил. Анахо и Зарфо обезоружили их и послали наверх на палубу, где Рейш вышвырнул всех за борт.

В кладовой остался лишь дым. Хростилфа вытолкнули на палубу, где он сразу превратился в сверхблагоразумного и услужливого человека.

— Я все объясню! Произошло нелепое недоразумение!

Но Рейш отказался его слушать, и Хростилф присоединился к своим приятелям за бортом. Устав трясти кулаками и выкрикивать ругательства в ухмыляющиеся с «Пибара» лица, он поплыл к берегу.

— Похоже, — заметил Рейш, — что теперь нам не хватает навигатора. Где находится Зара?

Зарфо выглядел подавленным.

— Вроде бы там. — Он указал куда-то искривленным черным пальцем. После чего обернулся и взглянул на семь качающихся на волнах голов. — Непостижимо — откуда такая жадность у людей к деньгам? Посмотрите, к каким она ведет бедствиям! — И Зарфо ханжески прищелкнул языком. — Ничего не скажешь, опасный инцидент. К счастью, все обошлось. А сегодня «Пибар» под нашей командой. Итак, вперед — Зара, река Иш и Смаргаш!

В первый день пути воды Парапана были спокойными. На следующее утро задул свежий ветер, и «Пибар» слегка закачался на волнах. На третьи сутки с запада небо стала заволакивать огромная черно-коричневая туча, пронзая волны молниями, словно стрелами. Ветер дул сильными порывами, корабль швыряло из стороны в сторону. Наконец буря улеглась и «Пибар» легко заскользил по безмятежно-спокойной воде.

На четвертый день путешествия впереди показался Качан. Рейш направил «Пибар» к оказавшейся неподалеку рыбацкой лодке и велел Зарфо узнать, как добраться до Зары. Смуглый старик со стальными кольцами в ушах, не говоря ни слова, указал рукой направление. «Пибар» поплыл вперед и на закате вошел в устье Иш. На западном берегу сверкали огни Зары, но особой нужды заходить в порт не было, и корабль продолжил путь на юг по реке.

Они плыли всю ночь по водам, которые луна Аз окрасила в спокойный розовый цвет. Наутро глазам путешественников предстало великолепное зрелище: вдоль берегов тянулись ряды огромных остроконечных деревьев, словно копья поверженных великанов, направленные в небо. Дальше местность становилась все более пустынной; какое-то время река петляла среди обсидиановых гор. На следующий день на берегу была замечена группа высоких воинов в черных плащах. Зарфо заявил, что это люди из племени нис. Воины неподвижно стояли и наблюдали, как корабль стремительно плывет вверх по течению.

— Держитесь от этого народа как можно дальше! — сказал Зарфо. — Говорят, эти дикари живут в норах, как ночные собаки, но разница между ними в том, что ночные собаки добрее!

К вечеру «Пибар» достиг района песчаных дюн, тянувшихся по обоим берегам, и Зарфо настоял, чтобы на ночь судно встало на якорь.

— Впереди песчаные наносы и отмели. Мы непременно напоремся на мель, а головорезы из племени нис, которые, конечно, идут по нашим следам, поднимутся на борт и нападут на нас.

— Что им помешает сделать это, когда мы будем стоять на якоре?

— Дикари боятся воды и не плавают на лодках. Поэтому мы будем в полной безопасности и сможем спать так же безмятежно, как, к примеру, в Смаргаше.

Ночь была ясной; по небу торжественно плыли две луны. На берегу пылали костры, вокруг которых сидели люди племени нис. Они разогрели котлы с каким-то варевом; потом раздались звуки странной музыки, которую исполняли на скрипке и барабане. Мелодия казалась то заунывно напевной, то необузданно дикой. Почти час путешественники наблюдали за плясками на фоне костров. Фигурки в черных плащах подпрыгивали, высоко задирали ноги, размахивали руками и кружились; затем, в такт музыки, стали раскачиваться, обхватив друг друга за талии и мерно поднимая и опуская головы.

Утром воины исчезли. Без каких-либо происшествий корабль преодолел отмели. К вечеру путешественники приблизились к какой-то деревне. От набегов нисов ее охраняла ограда из высоких кольев. К каждому был прикован скелет в прогнивших лохмотьях черного цвета. Зарфо объявил, что дальше придется идти по суше.

— Смаргаш расположен южнее, в трехстах милях отсюда. Дорога к нему проходит через пустыни, горные цепи и глубокие пропасти. Надо отыскать караван, который идет по старой дороге Сарсазм к Хамиль-Зуту, что у холмов Локхара. Сегодня ночью постараюсь разузнать, как это лучше сделать.

Всю ночь Зарфо провел на берегу, а утром принес хорошие новости:

— Мне с большим трудом удалось обменять «Пибар» на лучшие места в караване до Хамиль-Зута.

Рейш прикинул, сколько может стоить такой переход, и усмехнулся. Триста миль... Максимум двести цехинов с человека, за четверых — восемьсот. Корабль стоил минимум десять тысяч. Он окинул взглядом старого локхара; тот смотрел ему прямо в глаза.

— Помнишь, что произошло в Кабасасе?

— Ну еще бы, — пробурчал Зарфо с видом глубоко страдающего правдолюбца. — Я до сих пор не могу оправиться от обиды, которую ты нанес мне своими оскорбительными намеками!

— Что ж, придется, как видно, прибавить к ним еще один... Сколько ты запросил — и получил — сверх суммы, которая пойдет в уплату наших мест в караване?

Зарфо замаялся.

— Ну, я не хотел говорить сразу, чтобы потом приятно удивить тебя!

— Сколько, Зарфо?

— Три тысячи, — пробормотал Зарфо, — и ни цехина больше. Это хорошая цена для здешних бедных мест!

Рейш не стал спорить.

— Где деньги?

— Их заплатят, когда мы сойдем на берег.

— А когда отправляется караван?

— Скоро — примерно через сутки. Мы можем провести ночь на берегу; здесь есть сносная гостиница.

— Прекрасно. Тогда пойдем заберем деньги.

К удивлению Рейша, в мешочке, который Зарфо получил от хозяина гостиницы, оказалось ровно три тысячи цехинов. Старый локхар мрачно хмыкнул, зашел в таверну и утопил свое горе в кружке пива.

Через три дня караван отправился на юг — двенадцать моторных повозок, на четырех установлены песочные пушки. Местность, которую они проезжали, поражала мрачным великолепием: узкие ущелья, бездонные пропасти и каньоны, каменистая пустыня — дно высохше-

го в древности моря, — силуэты далеких горных хребтов, шелестящие островки остроконечных деревьев и черного папоротника. Иногда они замечали воинов-нисов, но дикари держались на почтительном расстоянии. На исходе третьего дня караван добрался до Хамиль-Зута — грязного городишки, состоявшего из сотни глинобитных хижин и дюжины таверн.

Утром Зарфо нанял двух проводников, раздобыл выючных животных и снаряжение, и путешественники отправились к цепи гор Локхара.

— Это необжитые края, — предупредил всех Зарфо. — Иногда встречаются хищные звери, так что держите оружие наготове.

Тропинка была крутой; все вокруг выглядело так, словно здесь не ступала нога человека. То и дело там и тут мелькали каряны, серые зверьки, которые ловко карабкались по скалам, быстро перебирая шестью конечностями; иногда они выпрямлялись, становясь на две лапы. Однажды путешественникам встретилась странная тигро-головая ящерица, пожиравшая тушу какого-то зверя, но им удалось без помех проехать мимо.

На третий день пути впереди замаячили горные цепи Локхара; в полдень вдалеке показался Смаргаш. Зарфо обратился к Рейшу:

— Мне сейчас пришло в голову — впрочем, ты наверняка и сам это знаешь, — что мы затеяли довольно рискованное дело.

— Не спорю.

— Здешние жители вступают в контакты с Ванкхами, а чужестранец может навлечь на себя беду, обратившись не к тем людям.

— Ну и что?

— Я думаю, что команду лучше подобрать мне.

— Да, конечно. Но вопросы оплаты буду решать я.

— Как скажешь, — пробурчал Зарфо.

Теперь они проезжали цветущую, хорошо орошаемую местность, где всюду виднелись крестьянские хозяйства. Мужчины, которые встречались по пути, походили на Зарфо: кожа выкрашена черной краской или покрыта татуировкой, волосы спадали на плечи пышной белой гривой. Кожа женщин, напротив, отличалась необыкновенной белизной, а волосы были черными как вороново крыло. У детей, копошившихся повсюду, окраска волос зависела от пола, зато кожа у всех была одинакового цвета — цвета грязи, в которой они играли.

Дорога проходила по берегу реки, под тенью величественных древних деревьев. По обе стороны стояли симпатичные маленькие домики, увитые плющом, опоясанные кустарником.

Обуреваемый нахлынувшими чувствами, Зарфо горестно вздохнул.

— Посмотрите на меня, труженика, возвратившегося домой после стольких лет тяжелой работы в чужих краях! Но где плоды непосильного труда? Где мое состояние? Скромный домик у реки? Бедность заставила меня сделать невероятный выбор: я связал свою судьбу с

угрюмым фанатиком с холодным камнем вместо сердца, который с великим наслаждением рушит одну за другой все надежды добродушного старого локхара!

Рейш не обратил на его слова никакого внимания; путешественники прибыли в Смаргаш.

Глава 13

Рейш сидел в гостиной арендованного им приземистого домика округлой формы. Окна выходили на площадь, где постоянно танцевала и веселилась молодежь. Напротив, в плетеных стульях, расположились пятеро беловолосых жителей Смаргаша, выбранных из двадцати кандидатов, с которыми сначала беседовал Зарфо. Наступил полдень; танцоры на площади высоко подпрыгивали и взмахивали ногами под музыку концертино, звон колокольчиков и мерный бой барабана.

Рейш изложил свой план настолько полно, насколько счел это безопасным, то есть сказал не слишком много.

— Мы пригласили вас, потому что нуждаемся в вашей помощи в осуществлении некоего замысла. Зарфо сообщил вам, что речь идет о больших деньгах. Вы не останетесь обделенными даже в случае неудачи. А если все-таки судьба будет благоволить нам — я в это верю, — каждый получит столько, что обеспечит себя до конца дней. Естественно, наше предприятие опасно, но мы постараемся свести риск до минимума. Если кто-нибудь из вас не желает в нем участвовать, еще есть время отказаться.

Самый старший из пяти, некий Джаг Джаганиг, специалист по ремонту и установке систем управления, произнес:

— Пока мы не можем решить, что ответить вам — «да» или «нет». Никто не откажется от возможности принести домой лишний мешочек с цехинами, но нам не хочется идти на большой риск ради случайного приработка.

— Хотите, чтобы я рассказал подробнее? — Рейш переводил взгляд с одного на другого. — Что ж, это совершенно естественно. Но я не собираюсь раскрывать все карты перед теми, кого просто мучает любопытство. Если кто-нибудь из вас еще не решил твердо принять участие в нашем опасном, но отнюдь не безрассудном деле, сейчас самое время отказаться.

На лицах локхаров отразилось волнение, но все пятеро молчали.

Рейш дал им еще немного подумать, затем сказал:

— Хорошо. Вы должны поклясться хранить тайну.

Локхары дали клятвы, призывавшие ужасную кару на голову того, кто нарушит слово. Зарфо вырвал по волоску из пышных шевелюр присутствующих, сплел их и поджег. Каждый по очереди вдохнул дым.

— Теперь мы все связаны. Если кто-то станет предателем, то погибнет от рук остальных.

На Рейша ритуал произвел впечатление; он больше не испытывал колебаний.

— Я знаю, где находится огромное богатство. Это место расположено за пределами планеты Тчаи. Нам нужны космический корабль и люди, способные им управлять. Я планирую завладеть кораблем в космопорте Ао-Хидис; вы станете членами экипажа. Чтобы показать свою уверенность в успехе, в день отлета я заплачу вам по пять тысяч цехинов. Если попытка окончится неудачей, вы получите еще по пять тысяч.

— Получат те, кто останется в живых, — пробурчал Джаг Джаганиг.

— Если удача нам улыбнется, — продолжал Рейш, — десять тысяч покажутся вам мелочью.

Локшары зашевелились, недоверчиво переглядываясь. Чувства всех снова выразил Джаг Джаганиг:

— Думаю, здесь у нас достаточно людей, способных составить экипаж даже для корабля среднего класса. Но бросить вызов Ванкхам — дело серьезное!

— А бросить вызов ванкхменам — еще хуже, — пробормотал Зорофим.

— Если я не ошибаюсь, — задумчиво произнес Тадзей, — там не очень сильная охрана. Так что план, конечно, рискованный, но по крайней мере реальный, при условии, что корабль, который мы захватим, будет в исправном состоянии.

— Ага! — воскликнул Белдже. — Вот это самое «при условии, что...» выражает суть того, во что нас втянули!

Зарфо усмехнулся.

— Да, конечно, мы все рискуем. А вы хотите получить деньги за увеселительную прогулку?

— Каждый вправе надеяться на подарок судьбы.

— Предположим, мы завладели кораблем. Какие опасности ожидают нас потом? — спросил Джаг Джаганиг.

— Никаких.

— Кто будет управлять?

— Я.

— А что представляют собой «богатства», за которыми мы полетим? Это груды цехинов? Драгоценности? Старинные вещи? Ценные металлы? Редкие эссенции? — подозрительно осведомился Зорофим.

— Я больше ничего не буду объяснять. Скажу только, что вы не разочаруетесь.

Споры и обсуждения продолжались. План был рассмотрен до мельчайших деталей. Сыпались разные предложения, обдумывались всевозможные варианты... Казалось, никто не считал трудности непреодолимыми, а риск — чрезмерным; никто не сомневался в спо-

способности будущего экипажа управлять кораблем. Однако особого энтузиазма тоже не было заметно. Итоги подвел Джаг Джаганиг.

— Вы нас не убедили! — заявил он. — Непонятна цель всего предприятия; мы не вполне уверены в существовании так называемого богатства...

— По-моему, настала моя очередь высказаться, — перебил его Зарфо. — Не отрицаю, у Адама Рейша множество недостатков. Он упрям, груб, хитер, как Зут, и безжалостен, когда ему в чем-то перечат. Но должен признать — он человек слова. Если Рейш говорит, что сокровище существует, значит, обсуждать тут нечего.

— Безнадежная ситуация! — пробормотал Белдже. — Кто, кроме безумца, захочет узнать секреты черной шкатулки?

— Вовсе нет! — возразил Тадзей. — Да, рискованно, но никак не безнадежно. А черные шкатулки пускай забирают демоны тьмы!

— Я, пожалуй, рискну, — произнес Зорофим.

— Я тоже, — подхватил Джаг Джаганиг. — В конце концов, никто не живет вечно.

После долгих колебаний Белдже сдался и тоже заявил, что согласен участвовать в осуществлении плана.

— Когда мы отправимся в путь?

— Как можно скорее, — ответил Рейш. — Чем дольше я сижу здесь, тем больше нервничаю.

— И тем больше риска, что кто-нибудь проговорится о нашем сокровище, а? — усмехнулся Зарфо. — Да, это было бы печально.

— Дайте нам три дня на сборы, — попросил Джаг Джаганиг.

— Как насчет пяти тысяч? — решительно произнес Тадзей. — Почему бы сразу не выдать деньги, чтобы мы могли сейчас ими воспользоваться?

Рейш колебался лишь какую-то долю секунды.

— Что ж, вам приходится верить мне, а мне — вам. — И выдал изумленным локхарам по пятьдесят пурпурных цехинов, каждый из которых стоил сто белых.

— Отлично! — произнес Джаг Джаганиг. — Итак, запомните все! Никому ни слова! Кругом шныряют шпионы! Особенно подозрительно выглядит незнакомец в гостинице, одетый как яо.

— Что такое? — воскликнул Рейш. — Молодой человек с темными волосами, очень элегантный и изысканный?

— Да, он самый. Парень все время наблюдает за танцами на площади и не произносит ни слова.

Рейш вместе с Зарфо, Анахо и Тразом вошли в гостиницу. В полутемной комнате сидел Хелссе, вытянув под массивным столом длинные ноги в обтягивающих бриджах из черной саржи. Он задумчиво смотрел на площадь, где чернокожие беловолосые парни и белокожие

черноволосые девушки кружились и весело смеялись, освещенные янтарным светом солнца.

— Хелссе! — окликнул его Рейш.

Яо даже не шевельнулся.

Рейш подошел поближе.

— Хелссе, ты слышишь меня?

Хелссе медленно повернул голову. Его глаза были похожи на куски черного стекла, взгляд ничего не выражал.

— Давай поговорим, Хелссе! Ну же, говори!

Хелссе открыл рот, напрягся, но из горла вырвался лишь печальный полувсклип-полухрип. Рейш отшатнулся. Яо безразлично посмотрел на него, затем вновь повернулся и вперил взгляд в окно.

Рейш присоединился к своим товарищам. Зарфо налил ему кружку пива.

— Ну, что там с яо? Он сошел с ума?

— Не знаю. Возможно, притворяется или находится под гипнозом, под действием каких-то наркотиков.

Зарфо отпил из кружки и смахнул с носа пену.

— Яо потом будет в долгу перед нами, если мы вылечим его.

— Несомненно, — согласился Рейш, — но как это сделать?

— Почему бы не обратиться к целителю племени дугбо?

— А кто они такие?

Зарфо махнул рукой.

— Лагерь дугбо разбит за городом. Эти бродяги ходят в лохмотьях, воруют, предаются всевозможным порокам; они знаменитые музыканты. Дугбо поклоняются демонам, а их шаманы-целители творят чудеса.

— И ты считаешь, что дугбо смогут вылечить Хелссе?

Зарфо одним могучим глотком осушил свою кружку.

— Если он притворяется, будь уверен, долго ему это делать дугбо не дадут.

Рейш пожал плечами.

— Что ж, день-два нам все равно нечем будет занять себя.

— Вот и я об этом подумал.

Целитель оказался сухопарым человеком в живописных лохмотьях коричневого цвета и сапогах из необработанной кожи. У него были живые, светящиеся умом карие глаза; грязные рыжие волосы завязаны в три пучка. Когда целитель говорил, на щеке его извивались, словно змеи, белые нити шрамов. Он ничуть не удивился, выслушав Рейша, и стал с профессиональным любопытством осматривать Хелссе, который, сидя на плетеном стуле, с насмешливым безразличием наблюдал за действиями целителя.

Целитель приблизился к яо, заглянул в глаза, исследовал уши и многозначительно кивнул, словно его подозрения подтвердились. Потом знаком подозвал тучного юношу помощника и, присев за спиной

Хелссе, стал дотрагиваться до него, тогда как помощник держал под носом яо бутылочку с черной эссенцией. Хелссе расслабился, стал вялым и обмяк на стуле. Целитель поджег благовония и направил дым в лицо Хелссе. Потом помощник заиграл на носовой дудочке, а шаман, склонившись к уху больного, пропел тайные заветные слова. После чего вложил в руку Хелссе кусок глины; тот сразу сжал пальцы и стал яростно мять ее, потом что-то забормотал.

Целитель знаком подозвал Рейша.

— Обычный случай одержимости. Посмотри — зло вытекает из его пальцев и впитывается в глину. Если хочешь, можешь поговорить с ним. Будь мягок, но говори решительно. Прикажи — он ответит.

— Хелссе, — произнес Рейш, — расскажи о своих взаимоотношениях с Адамом Рейшем.

Яо заговорил громким ясным голосом, словно отчитываясь:

— Адам Рейш прибыл в Сеттру. Ходило много различных слухов и домыслов, но после его приезда все они оказались неверными. Благодаря странному стечению обстоятельств он появился во дворце Голубого Нефрита, в зоне моей персональной ответственности и пункте наблюдения; так я впервые увидел его. Далее прибыл Дордолио и в припадке ярости обвинил Рейша в принадлежности к культу и в том, что тот выдает себя за пришельца из далекого мира — Дома. Я провел с объектом беседу, но ничего не выяснил. С целью «раскрыть, войдя в доверие» — номер три из «десяти приемов», — привел его в известное мне главное место сбора — явку культа. Результаты противоречивые. За нами следовал курьер, недавно работавший в Сеттре, недостаточно опытный. Я не смог, «умело симпровизировав, отвести удар» — номер шесть из «десяти приемов». Рейш ликвидировал курьера и завладел сообщением неизвестной мне степени важности; он не дал мне просмотреть его, а я не мог настаивать, опасаясь, что раскрою себя. Посоветовал обратиться к локхару, снова используя прием «раскрыть, войдя в доверие». Как оказалось впоследствии, прием был выбран неверно. Локхар слишком многое понял в тексте сообщения. Я приказал ликвидировать объект, но попытка провалилась. Рейш с сообщниками бежал на юг. Я получил предписание сопровождать его и выяснить мотивы и цель путешествия. Вместе с объектом отправился на восток к реке Джинге, затем вниз по течению на лодке. Остановились переночевать... Потом... На острове...

Хелссе страшно вскрикнул и вновь впал в беспамятство. Он сидел прямо, напрягшись и дрожа с ног до головы.

Целитель опять направил дым ему в лицо и щелкнул по носу.

— Возвратись в состояние покоя. С этого момента при щелчке по носу будешь приходить в такое состояние. Данная команда выполняется автоматически и является абсолютно доминирующей. Теперь ты ответишь на вопросы.

— Почему ты следишь за Адамом Рейшем? — спросил Рейш.

- Это моя обязанность. Кроме того, мне нравится такая работа.
- Почему это твоя обязанность?
- Все ванкхмены обязаны следовать велениям судьбы.
- Вот как... Значит, ты ванкхмен?
- Да.

Рейш поразились — как он мог не заметить этого раньше. Цутсо и хочары не ошиблись. «Будь среди вас я, все обернулось бы иначе», — примерно так сказал Цутсо.

Рейш виновато взглянул на своих друзей и снова повернулся к Хелссе.

- Почему ванкхмены создали шпионскую сеть в Кете?
- Они наблюдают за событиями, следят за завершением цикла и не допускают возрождения культа.
- Почему?
- Важно сохранять статус-кво. В настоящее время условия являются оптимальными. Любое новшество может вызвать только ухудшение.
- Ты сопровождал Адама Рейша от Сеттры до острова на болотах. Что произошло на острове ночью?

Хелссе мгновенно сжался и снова захрипел, впад в беспамятство. Целитель щелкнул его по носу.

— Как ты добрался до Кабасаса? — спросил Рейш.

Хелссе опять обмяк. Рейш щелкнул его по носу.

— Скажи, почему ты не можешь ответить на этот вопрос?

Шпион не издал ни звука, но казалось, он был в сознании. Целитель окурив ему лицо, и Рейш снова щелкнул по носу — зрачки Хелссе разошлись в разные стороны. Целитель поднялся и стал молча собирать свои инструменты.

— Все. Он умер.

Рейш взглянул на него, на неподвижное тело, снова перевел взгляд на бесстрастного целителя.

— Из-за наших вопросов?

— Дым проникает в мозг. Иногда человек остается в живых. Это случается довольно часто. Твой приятель умер сразу, без мучений — нарушился «эквilibrium» разума и тела.

Близилась к концу вторые сутки пребывания в Смаргаше. Вечер выдался ясным и ветреным; лишь тучи пыли плясали на опустевшей площади.

Когда спустились сумерки, люди в серых плащах подошли к дому Рейша. Окна были закрыты шторами, лампы притушены, а разговоры едва слышны. Зарфо разложил на столе старую потрепанную карту и повел по ней черным толстым пальцем.

— Мы можем добраться до побережья, а потом спуститься, но все это земли племени нис. Можем отправиться на восток, обогнуть Шарф и

выйти к озеру Фалас — длинный путь. Или пойти на юг, через Мертвые степи, миновать Инфнетс и спуститься к Ао-Хидису — самый прямой путь; логично выбрать его.

— А нельзя раздобыть воздушные плоты? — поинтересовался Рейш.

Белдже, наиболее скептически настроенный из всех, покачал головой.

— Сейчас все не так, как в дни нашей молодости. Тогда ты мог бы выбрать лучший из полудюжины предложенных. Теперь их вообще здесь не осталось; трудно достать и цехины, и воздушные плоты. Так, в погоне за первым, мы не можем воспользоваться вторым.

— Как будем добираться до цели?

— До Блалага доедем по дороге, а там попробуем нанять какой-нибудь экипаж до Инфнетса. Дальше придется идти пешком — древние дороги, ведущие на юг, разрушены и заброшены.

Глава 14

От Смаргаша до старой столицы локхаров, Блалага, нужно было добираться три дня по открытой всем ветрам пустынной местности. Путешественники остановились в обшарпанной гостинице, где смогли договориться о местах в моторной повозке, идущей до горного селения Дердук, находящегося в самом сердце Инфнетса. Почти двое суток пришлось трястись в старой неудобной повозке. Приехав в Дердук, они вынуждены были остановиться в ветхой хижине. Локхары разворачивались, но хозяин, разговорчивый старик, сварил в большом котле на обед дичь с дикими ягодами — и раздражения как не бывало.

Дальше дорога, ведущая на юг, находилась в полном запустении. На рассвете искатели приключений отправились в путь пешком. Они шагали мимо причудливых скал, каменистых долин, усыпанных булыжниками. Уже на закате, когда холодный вечерний ветер печально вздыхал, проносясь в ущельях между высокими скалами, они наткнулись на небольшое горное озеро, на берегу которого решили провести ночь. На следующий день путешественники добрались до края гигантской пропасти; еще сутки ушли на поиски удобного спуска. Привал устроили на песчаной отмели реки Дэсидеи, которая текла на восток, чтобы влиться в воды озера Фалас. Большую часть ночи им не давали заснуть зловещие уханье и крики, похожие на человеческие, далеко разносившиеся в чистом горном воздухе и эхом отдававшиеся среди скал.

Наутро, отказавшись от поисков кратчайшего пути — вверх по южному склону пропасти, — они пошли вдоль реки и вскоре наткнулись на узкую расщелину, одолев которую увидели высокогорное плато; край его терялся во мраке приближающегося вечера.

Два дня путешественники шли на юг и к исходу вторых суток достигли холмов, отмечавших пределы Инфнетса. Отсюда открывался

потрясающий вид на земли юга, расстилавшиеся под ними, словно гигантская карта. С наступлением темноты внизу загорелись тысячи огоньков.

— Ао-Хидис! — воскликнули локхары. Облегчение и радость в их голосе смешивались со страхом: здесь скоро решится судьба всего предприятия.

Ночью, сгрудившись вокруг крошечного костра, все говорили о Ванкхах и ванкхменах. Вторые пользовались всеобщей ненавистью; локхары в один голос поносили их.

— Даже дирдирмены, со всей их напыщенной наглостью и самолюбованием, не оберегают свои привилегии с таким рвением, — объявил Джаг Джаганиг.

Анахо негромко засмеялся.

— С точки зрения дирдирмена, слуги Ванкхов ничем не отличаются от других полулюдей.

— Надо отдать должное этим мерзавцам, — сказал Зарфо. — Они понимают язык Ванкхов, знают его в совершенстве. Я сам далеко не дурак и всегда все легко схватываю. Но за целых двадцать лет сумел выучить, да и то в упрощенном и исковерканном виде, аккорды самых элементарных понятий: «да», «нет», «стой», «иди», «верно», «неправильно», «хорошо», «плохо»... Так что ванкхмены могут по праву гордиться...

— Есть чем гордиться, подумаешь! — пробормотал Зорофим. — Они рождаются и растут рядом с Ванкхами, слышат эти самые аккорды с раннего детства. Не такое уж большое достижение!

— Однако они очень гордятся этим, — заметил Белдже с ноткой зависти в голосе. — Подумать только, они не работают. Никаких обязанностей, кроме одной — быть посредниками между Ванкхами и остальной Тчай! А живут в богатстве и роскоши.

— Хелссе был ванкхменом и шпионил за яо, — задумчиво произнес Рейш. — Зачем? Какие интересы Ванкхов охраняют их агенты?

— Ванкхов? Никакие. Только свои... Не забывай, ванкхмены не желают и боятся перемен. Любые изменения лишь ухудшат их существование. Как только локхар начинает разбираться в аккордах, его увольняют и отправляют прочь. А что касается Кета... Кто знает, чего они там могут опасаться? — Зарфо протянул руки к огню.

Ночь тянулась медленно. Как только забрезжил рассвет, Рейш стал осматривать Ао-Хидис через сканскоп, но из-за тумана почти ничего не смог разглядеть.

Измотанные бессонной ночью и напряженным ожиданием, путешественники пошли дальше, стараясь избегать открытых мест, где их могли заметить. Город медленно выплывал из тумана. Рейш заметил пристань — здесь разгружался «Варгаз». Казалось, все это было очень давно... Он окинул взглядом знакомую дорогу, проходившую через рынок, ведущую на север мимо космопорта. Сверху город казался без-

жизненно тихим, вымершим. Блестящие черные башни мрачно нависали над водой. Рейш перевел взгляд на космопорт. Там ясно виднелись пять космических кораблей.

К полудню путешественники достигли гор, возвышающихся над городом. Отсюда Рейш с помощью сканскопа внимательно осмотрел космопорт. Слева — ремонтные мастерские, рядом — огромный корпус грузового корабля; его металлические внутренности были раскрыты, возле них стояли подмости. Еще один корабль, ближе всех расположенный к ним, казался безнадежной развалиной. Состояние трех других ракет с такого расстояния определить было нельзя. Однако локхары заверили, что все они исправны и готовы к полету.

— Это обычная практика, — заметил Зорофим. — Для капитального ремонта корабли устанавливают поближе к мастерским. А тот промежуточный док, где стоят ракеты, называется зоной погрузки.

— Значит, они нам подходят?

Локхары заколебались.

— Иногда в зоне погрузки производят мелкий ремонт, — заявил Белдже.

— Видите, у прохода стоит ремонтная тележка, — показал Тадзей. — Там лежат различные детали и оборудование; все это наверняка снято с одного из трех кораблей.

В зоне погрузки стояли две небольшие грузовые ракеты и одна массивная пассажирская. Локхарам был лучше знаком первый тип, и они высказались за захват грузового корабля. Но Рейш считал, что для его целей больше подойдет пассажирский. Мнения разделились: Зорофим и Тадзей объявили, что это обычный, стандартный тип, только корпус новой конструкции; Джаг Джаганиг и Белдже были убеждены, что придется иметь дело либо с полностью модернизированным кораблем, либо с незнакомым локхарам образцом, следовательно и в том, и в другом случае их ожидают трудности.

Весь остаток дня путешественники наблюдали за космопортом, мастерской и движением по дороге. Ближе к вечеру рядом с пассажирской ракетой приземлился черный летательный аппарат. Массивный корпус пассажирского корабля заслонял машину, но, очевидно, из нее на корабль что-то грузили. Позднее механики-локхары внесли туда ящик с энергетическими устройствами. Зарфо решил, что это верный признак подготовки к отлету.

Янтарное солнце погрузилось в океан. Друзья притихли, молча разглядывая цель путешествия; корабли, стоявшие всего в четверти мили от них, казались соблазнительно близкими и беззащитными. Но разговорщики так и не смогли подобрать самый подходящий объект захвата. Все, кроме Джага Джаганига, высказались в пользу грузовой ракеты.

У Рейша начали сдавать нервы. Ближайшие несколько часов определяют его будущее — слишком многое зависит от прихоти судьбы.

Странно, что космопорт так плохо охраняют! С другой стороны, кому придет в голову угнать космический корабль? Такого не случилось, по крайней мере, в течение последнего тысячелетия.

На землю опустились сумерки; сообщники начали спуск. Проекторы освещали пространство рядом со складами, ремонтную мастерскую и ангар, расположенный в самом конце зоны; все остальное было окутано мраком. Громады ракет отбрасывали длинные тени.

Последние несколько футов до подножия они проползли. Пересекли полосу болотистой вязкой земли и наконец добрались до края поля. Здесь они остановились и несколько минут постояли, вглядываясь в освещенные островки и темное пространство между ними, пытаясь уловить малейший шорох. Склады пустовали, в мастерских продолжали работать несколько механиков.

Рейш, Зарфо и Тадзей отправились на разведку. Пригнувшись, они добежали до развороченного корпуса ракеты рядом с мастерской и укрылись в тени.

Рядом раздавалось завывание и скрежет инструментов. Потом из ангара что-то крикнули. Рейш и его спутники замерли. В городе за космопортом мерцали длинные нити огней; на вершине черных башен Ванкхов мелькали желтые сполохи.

Шум машин в мастерской утих. Механики собирались домой. Рейш, Зарфо и Тадзей пересекли широкое пространство летного поля, держась в тени. Они добрались до первого грузового корабля и снова остановились. Ни звука. Зарфо и Тадзей подошли к входному люку, открыли его и забрались внутрь; Рейш остался снаружи. Прошло десять томительных минут; из ракеты доносились негромкие звуки, несколько раз блеснул свет, что заставило Рейша понервничать.

Наконец локхары вернулись.

— Плохо, — буркнул Зарфо. — Ни энергии, ни воздуха. Посмотрим другой.

Они крадучись пробежали расчерченное полосками света пространство и добрались до второй ракеты. Как и прежде, локхары залезли внутрь, Рейш остался сторожить вход. Зарфо и Тадзей вернулись почти сразу же.

— Ремонт, — мрачно сообщил Зарфо. — Вот откуда были детали на тележке.

Все молча повернулись к пассажирскому кораблю и окинули взглядом его массивный корпус.

— Я никогда не видел такой конструкции, — сказал Зарфо. — Но мы, наверное, все равно разберемся, где что расположено.

— Поднимемся на борт и посмотрим, — вполголоса произнес Рейш.

Внезапно летное поле осветилось. Сначала Рейшу показалось, что их заметили; но лучи прожекторов были направлены на пассажирскую ракету. Из темноты, окутывавшей вход в космопорт, появилось какое-

то неясное пятно и стало быстро приближаться — машина Ванкхов. Она остановилась возле огромной ракеты, из нее вышли несколько неразличимых в полумраке фигур. Неестественно резко двигаясь, тяжело и неуклюже ступая, эти фигуры — сколько их, разглядеть было невозможно — поднялись на борт корабля.

— Ванкхи, — пробормотал Зарфо. — Садятся в нашу ракету!

— Значит, она готова к отлету, — произнес Рейш. — Нельзя упустить такую возможность!

— Одно дело — украсть корабль, и совсем другое — заполучить вместе с ним кучу Ванкхов и ванкхменов в придачу! — возразил Зарфо.

— Откуда ты знаешь, что там были ванкхмены?

— Проекторы. Ванкхи испускают пульсирующие волны радиации.

Позади раздался шорох. Рейш резко обернулся: за его спиной стоял Траз.

— Вас очень долго не было. Мы уже начали беспокоиться.

— Возвращайся и приведи сюда остальных. Если представится возможность, мы заберемся на пассажирский корабль — другие не подходят.

Траз кивнул и исчез в темноте. Пять минут спустя в тени грузового корабля собралась вся группа.

Прошло полчаса. Из иллюминаторов лился свет, на его фоне двигались фигуры. Рейш и его товарищи беспокойно наблюдали за ними, тщетно пытаясь понять, что происходит на корабле. Они шепотом обсуждали, как действовать дальше. Попробовать силой захватить ракету? Почти наверняка ее сейчас готовят к полету. Но это явно самоубийство.

Наконец решили не рисковать, вернуться в горы и подождать, когда представится более удобный случай. Когда они уже собрались уходить, из люка вылезли несколько Ванкхов, сразу же сели в машину и покинули космопорт. На корабле все еще горел свет, но не было заметно никакого движения.

— Надо посмотреть, что там делается, — произнес Рейш.

Он побежал к ракете, остальные последовали за ним. Они забрались внутрь, прошли погрузочное отделение и оказались в центральном отсеке. Там никого не было.

— По местам! — крикнул Рейш. — Приготовиться к отлету!

— Если сможем взлететь, — проворчал Зорофим.

Траз предупреждающе крикнул. Обернувшись, Рейш увидел, что в отсеке появился Ванкх, наблюдавший за ними с полным безразличием. Это было существо ростом чуть больше человека, с массивным корпусом черного цвета, плоской головой, на которой каждую секунду вспыхивали черные линзы, и короткими толстыми ногами, оканчивающимися перепончатыми стопами. На Ванкхе не было ни какой-либо одежды, ни механических приспособлений, ни оружия. Из звукового органа, расположенного на затылке, донеслись четыре звенящих аккорда; в от-

личие от нервной суеты, царящей вокруг, эти звуки, казалось, выражали спокойствие и уверенность. Рейш выступил вперед и указал Ванкху на маленький диван. Существо продолжало стоять совершенно неподвижно, направив свои линзы на локхаров, рассыпавшихся по отсеку и проверяющих двигатели, наличие энергии, припасов, запаса кислорода. Наконец Ванкх понял, что происходит, и повернулся к выходу, но Рейш преградил ему путь и снова указал на диван. Создание нависло над ним, сверкая блестящими глазами-линзами. Снова раздался мелодичный звон — теперь аккорд звучал повелительно.

В отсек вошел Зарфо.

— Корабль в полном порядке. Но, как я и опасался, это незнакомая нам конструкция.

— Мы сможем взлететь?

— Надо подготовиться как следует. Кто знает, сколько времени нам понадобится — несколько десятков минут или часов?

— Тогда нам нельзя отпускать Ванкха.

— Неприятная ситуация, — произнес Зарфо.

Ванкх рванулся вперед, но Рейш оттолкнул его и показал зажатое в руке оружие. Существо издало громкий звенящий аккорд. Зарфо ответил странными чирикающими звуками.

— Что ты сказал ему?

— Просто «опасность». Кажется, он понял.

— Лучше ему сесть — мне как-то не по себе, когда это создание торчит посреди отсека.

— Ванкхи практически никогда не сидят, — ответил Зарфо и отправился закрывать входной люк.

Время шло. Отовсюду доносились крики и сердитые возгласы локхаров. По приказанию Рейша Траз расположился в куполе наблюдения и следил за тем, что происходит снаружи. Ванкх замер на месте, очевидно не зная, что предпринять.

Корабль трянуло, замигали лампы, затем нормальное освещение восстановилось. В отсек заглянул Зарфо.

— Мы включили двигатели. Как только Тадзей разберется с пультом управления...

— Машина возвращается! — раздался крик Тразы. — Проекторы снова направлены на нас!

Локхары отчаянно завопили. Тадзей вздрогнул и перевел злополучный рычаг в прежнее положение. Корабль задрожал и замедлил ход.

— Высота всего тысяча футов, — спокойно произнес Зарфо. — Теперь девятьсот.

Тадзей с искаженным от отчаяния лицом метался у панели управления. Корабль снова вздрогнул и повернул на восток.

— Набери, набери высоту! — завопил Зарфо. — Мы врежемся в землю!

Тадзей опять притормозил ракету.

— Так, это коленно-рычажное устройство задействует отталкивающие механизмы...

Он потянул за ручку. В кормовой части раздался зловещный треск, приглушенный звук взрыва. Локхеры застонали, схватившись за головы. Зарфо смотрел на альтиметр.

— Пятьсот... четыреста... триста... двести... сто...

Удар, громкий всплеск. Корабль подпрыгнул и плавно закачался. Тишина. Корабль упал в воду, очевидно не получив серьезных повреждений. Где они? Рейш в отчаянии сжал кулаки. Паралап? Счанизад? Тчаи не отпустила его.

Рейш вышел из центрального отсека. Ванкх по-прежнему стоял неподвижно и бесстрастно, словно статуя.

В машинном отделении кормового отсека Джаг Джаганиг и Белдже, безутешно вздыхая, смотрели на дымящуюся панель.

— Перегрузки, — объяснил Рейшу Белдже. — Скорее всего, электро-схемы расплавились.

— Их можно починить?

— Если на борту есть запчасти и инструменты.

— Если нам дадут это сделать, — мрачно добавил Джаг Джаганиг.

Рейш вернулся в центральный отсек. Он опустился на диван и окинул взглядом Ванкха. Его план почти осуществился! Он откинулся, наслаждаясь покоем и уютом, весь мокрый от усталости и напряжения. Остальные были в таком же состоянии. Какой смысл изматывать себя и других? Он встал и созвал всех. Двое остались сторожить; остальные устроились на диванах и мгновенно заснули.

Прошла ночь. С неба исчез Аз, следом за ним Браз; рассветные лучи солнца осветили широкое озеро, в котором Зарфо узнал Фалас.

— Никогда еще эта масса воды не приносила большей пользы!

Рейш вылез наружу и, стоя на корпусе, осмотрел через сканскоп местность. Подернутые дымкой воды окружали корабль с юга, востока, запада. На севере виднелся низкий берег, корабль медленно приближался к нему, подгоняемый южным бризом. Рейш вернулся в кормовой отсек. Локхеры разобрали панель управления и без особого энтузиазма обсуждали повреждения. Их поведение лучше всяких слов говорило о серьезности ситуации.

В центральном отсеке он нашел Тразы и Анахо, которые жевали найденные в шкафу черные кружки, покрытые твердой белой корочкой. Рейш предложил еду Ванкху, но тот словно окаменел. Тогда он сам попробовал ее. Кружочек по вкусу напоминал сыр. Появился Зарфо и подтвердил худшие опасения Рейша.

— Ничего нельзя исправить. Уничтожен весь комплект кристаллов, а запасного на борту нет.

Рейш мрачно кивнул.

— Так я и думал.
— Что будем делать дальше?
— Как только нас прибьет к берегу, покинем корабль и вернемся в Ао-Хидис, а там попытаемся еще раз.
— Что делать с Ванкхом?
— Пусть отправляется куда хочет. Я не собираюсь его убивать.
— Большая ошибка, — презрительно фыркнул Анахо. — Следует без промедления уничтожить это отвратительное животное.
— К вашему сведению, — значительно сказал Зарфо, — главная база Ванкхов, Ао-Хаха, располагается у озера Фалас. Скорее всего, где-то рядом.

Рейш поднялся на переднюю палубу. В полумиле виднелись невысокие холмы, дальше простирались болота. Высадиться на краю трясин — не очень приятная перспектива... К радости Рейша ветер переменялся — теперь он дул с востока, и корабль медленно повернул на запад; возможно, его также подгоняло слабое течение. Повернув сканскоп, Рейш заметил далеко на западном побережье цепь странных возвышенностей, неровных выступов.

Внизу послышался шум голосов, сердитые восклицания, затем тяжелые гулкие шаги. На палубу вышел Ванкх, следом спешили Траз и Анахо. Существо на мгновение задержало взгляд на Рейше, будто хотело его запомнить, затем медленно повернулось и оглядело горизонт. Неожиданно — так быстро, что Рейш не смог бы ему помешать, даже если бы захотел, — Ванкх устремился к борту, странно пошатываясь, словно неотлаженный робот, и бросился в воду. Мелькнула блестящая черная шкура, и существо скрылось из виду.

Какое-то время Рейш следил за поверхностью озера, но Ванкх бесследно исчез. Час спустя, желая узнать, как близко они подошли к берегу, Рейш направил сканскоп на запад — и у него похолодело в груди. То, что он принял за возвышенности или утесы, оказалось башнями из черного стекла. Это был огромный город-крепость Ванкхов. С надеждой, рожденной безысходным отчаянием, Рейш стал рассматривать северные болота; теперь они казались надежным и безопасным укрытием.

Из моря черной жижи выступали островки жесткой белой травы. Рейш спустился вниз и принялся искать какой-нибудь материал для плота, но поиски ничего не дали. Обивка дивана была намертво прикреплена к каркасу и отрывалась кусками: Спасательной шлюпки на борту не оказалось. Рейш вернулся на палубу, пытаясь придумать, что делать дальше. К нему подошли локхары: мрачные лица, рубашки пшенично-янтарного оттенка, белые волосы развевались на ветру, открывая блестящую черную кожу.

— Ты знаешь, что это? — обратился Рейш к Зарфо.
— Должно быть, Ао-Хаха.
— Если нас поймают, что нас ждет?
— Смерть.

Приближался полдень. Солнце разогнало дымку, закрывавшую горизонт. Башни Ао-Хаха отчетливо вырисовывались впереди.

Их заметили. На воду спустили баржу, и она помчалась вперед, оставляя за собой белые буруны. Рейш поднял сканкоп — на палубе стояли ванкхмены, мужчины с мертвенно-бледной кожей и аскетически мрачными лицами. Может, попробовать оказать сопротивление? Попытаться захватить баржу? Скорее всего, такая попытка окончится полной неудачей.

Ванкхмены забрались на корабль. Игнорируя Рейша, Траз и Анахо, они приказали локхарам:

— Всем спуститься на баржу. Оружие есть?

— Нет, — пробурчал Зарфо.

— Тогда пошевеливайтесь. — Тут они обратили внимание на Анахо. — Кто это? Дирдирмен? — Ванкхмены удивленно засмеялись. Потом осмотрели Рейша с ног до головы. — А это что за порода? Странная компания! Ну-ка, все на баржу, быстро!

Впереди, сгорбившись, шли локхары. Они знали, какая участь им уготована. За ними шагали Рейш, Траз и Анахо.

— Всем выстроиться на палубе у борта! Повернуться спиной! — Ванкхмены вытащили оружие.

Локхары безропотно повиновались. Рейш не ожидал, что ванкхмены решатся на такое хладнокровное убийство. Охваченный яростью, ругая себя за то, что сразу не оказал сопротивления, он крикнул:

— Неужели мы так просто позволим убить нас? Сразимся с ними!

— Быстрой! — лающими голосами выкрикнули ванкхмены. — А то будет хуже! К борту!

Возле баржи забурлила вода. На поверхности появилась черная массивная фигура. Раздались четыре звучных аккорда.

Ванкхмены вздрогнули, на мгновение сквозь маску бесстрастия проглянула досада. Они махнули пленникам.

— Спуститься в трюм!

Баржа вернулась в огромную черную крепость. Ванкхмены что-то недовольно бормотали друг другу. Судно миновало дамбу и, притянутое мощным магнитом, само пристало к пирсу. Пленников вывели на берег и повели к воротам Ао-Хаха, главной базы Ванкхов.

Глава 15

Блеск темного стекла, голые стены, широкие полосы черного бетона, гигантские блоки, тяжелая масса камня в сочетании с открытым пространством — полное отрицание органики. Архитектурный стиль, который предпочитали Ванкхи, показался Рейшу бездушно утилитарным и абстрактным. Тупик — со всех сторон их окружали черные бетонные стены.

Раздалась команда:

— Стоять! Всем оставаться на месте!

В любом случае выбора у пленников не было; они встали вдоль стены, подавленные и потрясенные пережитым.

— Вода здесь. Справлять нужду в это корыто. Вести себя тихо, не шуметь! — Ванкхмены ушли, не оставив охраны.

— Но нас даже не обыскали! — удивился Рейш. — При мне оружие!

— Отсюда недалеко до ворот, — сказал Траз. — Неужели мы будем покорно ждать смерти?

— Мы не сможем дойти до выхода, — прорычал Зарфо.

— Значит, будем покорно ожидать своей участи, как скот?

— Именно это я и собираюсь сделать, — заявил Белдже, бросив на Рейша взгляд, полный горечи и укоризны. — Я никогда больше не увижу родной Смургаш, но, возможно, мне сохранят жизнь.

Зорофим хмыкнул.

— Сохранят жизнь, бросив в шахты?

— Это всего лишь слухи.

— Человек, попавший под землю, уже никогда не увидит солнца. Там царство Пнумов и их отродий-полулюдей. Они любят устраивать засады и играть в кошки-мышки со своими жертвами. Если нас не казнят, то отправят работать в шахту.

— И все из-за жадности и нелепого безрассудства какого-то свихнувшегося чужака! — запричитал Белдже. — Да, Адам Рейш, тебе за многое придется ответить!

— Замолчи, трус, — спокойно произнес Зарфо. — Никто тебя не заставлял идти вместе с нами. Вина лежит на нас. Нам всем должно быть стыдно: Рейш доверился нашему умению, а мы показали себя недостойными этого доверия.

— Каждый сделал все, что мог, — вмешался Рейш. — План был рискованным, мы потерпели неудачу. Вот и все... Теперь о возможности побега: что-то не верится, что нас оставили без всякой охраны, предоставив полную свободу действий.

Джэг Джаганиг невесело хмыкнул.

— Здесь ты не прав. Помни, для ванкхменов мы — животные, лишенные разума.

Рейш повернулся к Тразу; способности юноши кочевника не раз изумляли его.

— Ты смог бы довести нас до ворот?

— Не знаю... Быстро — вряд ли. Тут столько разных поворотов. Я плохо ориентируюсь в закрытом пространстве.

— Тогда лучше оставаться здесь... Там, где нельзя действовать силой, попробуем выкрутиться с помощью языка.

Прошел день; бесконечно тянулась ночь. Две луны создавали причудливые узоры на земле и стенах крепости. Холодным утром измученные голодом, охваченные все возрастающим беспокойством из-за

полного отсутствия внимания тех, кто должен решить их судьбу, даже самые нерешительные и трусливые из локхаров поневоле начали размышлять, где может находиться выход на свободу, и осторожно выглядывали из места заточения.

Рейш посоветовал всем терпеливо ждать.

— Мы не сможем найти выход. По-моему, единственная надежда сейчас — на снисходительность Ванкхов.

— К чему им проявлять снисходительность? — усмехнулся Тадзей. — Их суд будет скорым; примерно так же мы поступаем с комарами.

Джаг Джаганиг проявлял такой же пессимизм.

— Нас даже не допустят к Ванкхам. Для этого им и нужны ванкхмены — чтобы решать все проблемы, касающиеся Тчаи.

— Увидим, — сказал Рейш.

Наступил полдень. Локхары, обессиленные от голода и нервного напряжения, сидели, прислонившись к стене. Траз, как всегда, казался невозмутимо спокойным. Глядя на юношу, Рейш в который раз поразился. Откуда берется такая сила и выдержка? Фатализм? Железная воля? Или ему придавала энергии и уверенности в себе Онмале, которая так долго определяла образ мыслей и поведение молодого вождя, что стала неотъемлемой частью его естества? Впрочем, сейчас не время размышлять об этом.

— Нас не случайно так долго держат здесь, — обратился Рейш к Анахо. — Должна быть какая-то причина. Может, нас пытаются деморализовать?

Истомленный ожиданием не меньше остальных, Анахо раздраженно ответил:

— Для этого существуют гораздо более эффективные методы.

— Тогда ванкхмены чего-то ждут. Но чего?

Анахо не знал ответа на этот вопрос.

Вечером наконец появились трое ванкхменов. Один из них, в серебряных поясах и с массивным медальоном на цепочке, был, очевидно, главным. Подняв брови, он с насмешливо осуждающим видом осмотрел группу, словно перед ним стояли напавшие дети.

— Ну, — отрывисто произнес ванкхмен, — кто у вас главарь?

Рейш, стараясь сохранять достоинство, вышел вперед.

— Я.

— Не кто-то из локхаров? Странно. Чего ты добивался?

— Могу я узнать, кто будет принимать решение относительно того, что мы сделали?

Ванкхмен изумился:

— Решение? Что тут решать? Единственный вопрос, да и тот не очень важный, который нужно выяснить: чего вы добивались?

— Не могу согласиться, — стараясь говорить спокойно и рассудительно, произнес Рейш. — То, что мы совершили, — простое воровство; только по чистой случайности на борту оказался Ванкх.

— «Оказался Ванкх»! Вы знаете, кто он? Ну конечно нет. Это Знающий высшего уровня, один из Первых Мастеров.

— И он желает знать, почему мы захватили его корабль?

— Это вас не касается. Все, что от тебя требуется, — так это передать нужную информацию через меня.

— С удовольствием расскажу все, что потребуется, в его присутствии и надеюсь, наша встреча состоится в более подходящем месте, чем этот грязный тупик.

— М-м-м... поразительное хладнокровие и наглость! Это ты называешь себя Адам Рейш?

— Да.

— Ты недавно побывал в Сеттре, где вступил в связь с подрывными элементами из так называемого «братства инспираторов»?

— Ложные сведения.

— Оставим это. Как бы там ни было, нам нужно знать, зачем твоя банда угнала космический корабль.

— Если хочешь узнать это, будь рядом, когда состоится моя встреча с Первым Мастером. Дело непростое; думаю, твой господин пожелает задать вопросы, ответить на которые сложно.

Ванкхмен отвернулся, брезгливо сморщив лицо.

— А ты и вправду хладнокровен, как никто другой! — пробормотал Зарфо. — Но чего ты добьешься, устроив встречу с Ванкхом?

— Не знаю. Но нам нечего терять. Подозреваю, что ванкхмены общаются своим повелителям только то, что считают нужным.

— Ну, это знают все, кроме Ванкхов.

— Но почему? Неужели они так наивны или доверчивы?

— Ни то, ни другое. Просто они узнают об окружающем мире только от ванкхменов. А те, естественно, делают все, чтобы сделать незыблемым свое положение. Ванкхи мало интересуются делами Тчан; они здесь лишь для того, чтобы нейтрализовать угрозу Дирдилов.

— Ха! — воскликнул Анахо. — Угроза Дирдилов — нелепый миф! Приверженцы доктрины экспансионизма исчезли уже тысячи лет назад.

— Тогда почему Ванкхи до сих пор боятся их?

— Взаимное недоверие и непонимание — почему же еще!

— Естественная неприязнь. Дирдиры — омерзительные существа, — вмешался Зарфо.

Анахо с оскорбленным видом отвернулся. Зарфо довольно рассмеялся. Рейш неодобрительно покачал головой.

— Послушай мой совет, Адам Рейш, — произнес старый локхар. — Не прекословь ванкхменам, не пытайся вывести их на чистую воду. Только с их помощью у тебя может появиться шанс победить. Подлизывайся, раболепствуй... По крайней мере они не будут настроены против тебя.

— Что ж, я не страдаю ложной гордостью, — ответил Рейш, — и могу унизиться, если потребуется; но в данном случае требуется дру-

гое. Единственный выход — упрямо настаивать на своем. У меня есть парочка идей... Если появится возможность поговорить с Ванкхом, они могут сработать.

— Так ванкхменов не победить, — мрачно произнес Зарфо. — Они переиначат твой рассказ так, как посчитают выгодным для себя, а ты даже не сможешь понять, что они сообщили Ванкху на самом деле.

— Я хочу сделать так, чтобы только правда звучала логично и любая ложь сразу выдавала бы себя.

Зарфо недоверчиво потряс головой и пошел к крану, чтобы напиться. Рейш вздохнул: они не ели почти двое суток. Неудивительно, что люди охвачены апатией и раздражены.

Появились три ванкхмена. Того, кто допрашивал Рейша, среди них не было.

— Встать! Строиться в затылок друг другу! Подтянитесь, вы должны выглядеть прилично. Вперед!

— Куда нас ведут? — спросил Рейш, но не получил ответа.

Минут пять пленники шагали по улицам, проходили странные площадки асимметричной формы; бесчисленные повороты, крутые подъемы, неожиданные спуски, чередование света и тени... Наконец в небе появилось бледное солнце Карина-4269. Они вошли в башню, сели в лифт и поднялись на сто футов. Лифт остановился; пленники оказались посреди широкого восьмиугольного зала.

Здесь царил полумрак. В покое на огромную линзу стеклянном бассейне на крыше плескалась вода; искусственно созданные волны преломляли свет солнца, и лучики, искрясь, плясали по залу. Вокруг, сливаясь в удивительную симфонию, трепетали едва различимые звуки: нежные, как вздох аккорды, сложная гамма диссонансов. Стены казались запятнанными в одном месте, обесцвеченными в другом. Приглядевшись, Рейш понял, что это были изображения огромных, детально выписанных идеограмм. Одна идеограмма обозначает аккорд. Аккорд — звуковой эквивалент изображения. Перед ним — живопись, построенная по абстрактному принципу.

В зале кроме пленников и их стражей никого не было. Они молча ждали. Звуки старинной музыки Ванкхов незаметно проникали в сознание; янтарный свет солнца яркими искрами рассыпался по комнате.

Внезапно раздался удивленный возглас Тразы. Это было столь необычно для всегда невозмутимого юноши, что Рейш обернулся.

— Посмотри-ка! — воскликнул Траз.

В глубокой нише стоял не кто иной, как Хелссе. Низко опустив голову, он, казалось, пребывал в печально задумчивом настроении. Он был облачен в новое и довольно странное одеяние — черное облачение ванкхмена. В таком виде, с коротко остриженными волосами, Хелссе совсем не напоминал импозантного обходительного молодого шеголя, которого друзья знали как секретаря лорда Голубого Нефрита.

Рейш бросил взгляд на Зарфо.

— Ты ведь уверял меня, что он умер!

— Парень и вправду казался мертвым. Мы положили тело в сарай, где держали трупы, а утром он исчез. Все подумали, что его уволокли ночные собаки!

— Эй, Хелссе! — позвал ванкхмена Рейш. — Посмотри сюда! Я Адам Рейш!

Хелссе неторопливо поднял голову, взглянул на него, и Рейш поразился, как это он с самого начала не догадался, что имеет дело с прислужником Ванкхов. Хелссе медленно пересек зал; на лице его появилась едва заметная улыбка.

— Итак, перед нами печальный финал твоих походов.

— Да, положение незавидное, — согласился Рейш. — Ты можешь нам помочь?

Хелссе поднял брови.

— Зачем? Я нахожу тебя лично весьма неприятным субъектом, лишенным кротости и должного смирения. Ты заставил меня испытать сотни унижений, твои прокультовые настроения омерзительны, а недавняя кража космического корабля с Первым Мастером на борту делает твою просьбу абсурдной.

— Можно спросить, для чего ты здесь?

— Да, конечно. Для того, чтобы предоставить информацию о вас и вашей деятельности.

Рейш обдумал его слова.

— Мы что, такие важные?

— Очевидно, — безразличным тоном произнес Хелссе.

В зал вошли Ванкхи и встали у стены: четыре массивные фигуры, плохо различимые в полумраке. Хелссе расправил плечи и выпрямился; остальные ванкхмены затихли. Как бы слуги Ванкхов ни относились к своим хозяевам, они все-таки уважали их. Пленников заставили подойти ближе и выстроиться в ряд перед глазами-линзами Ванкхов. Шли минуты; все стояли неподвижно. Наконец Ванкхи обменялись приглушенными аккордами. Эти едва слышные звуки, прозвучавшие с интервалом в какие-то доли секунды, ванкхмены, очевидно, понять не могли. После продолжительного молчания один из Ванкхов обратился к ванкхменам, трижды издав резкие звуки, напоминавшие игру саксофона, явно максимально упрощая аккорд, чтобы сделать его ясным для человеческого восприятия.

Старший ванкхмен вышел вперед, прислушался, затем повернулся к пленникам:

— Кто из вас главарь пиратов?

— Никто, — ответил Рейш. — Мы не пираты.

Один из Ванкхов издал серию вопросительных аккордов. Рейшу показалось, что это был захваченный ими Первый Мастер. Ванкхмен, явно недовольный, неохотно вытащил миниатюрное приспособление с клавишами, которыми пользовался с изумительной ловкостью.

— Скажи еще, — продолжал Рейш, — что мы сожалеем о неудобствах, которые ему причинили. Досадное стечение обстоятельств заставило нас взять его с собой.

— Вы здесь не для того, чтобы рассуждать, — объявил ванкхмен, — а чтобы отвечать на вопросы, после чего вас подвергнут стандартной процедуре...

Мастер снова издал аккорды; ванкхмен ему ответил.

— Что он спрашивал и что ты сказал ему? — решительно произнес Рейш.

Старший ванкхмен строго посмотрел на пленника.

— Говорить можно только тогда, когда к тебе обращаются.

Вперед вышел Хелссе и, вытащив свое переговорное устройство, стал ловко нажимать на клавиши. Рейша понемногу начала охватывать растерянность и бессильное отчаяние. Он никак не мог повлиять на события.

— Что сейчас говорит Хелссе?

— Тише!

— По крайней мере, сообщи хозяину, что я желаю изложить свою версию случившегося.

— Когда твои ответы понадобятся, тебе сообщат. Мы уже почти завершили слушание по данному делу.

— Но мне даже не предоставили слова!

— Тишина! Твои настырность и наглость просто невероятны!

Рейш обернулся к Зарфо:

— Скажи ты что-нибудь Ванкху! Все, что сможешь!

Старый локхар надул щеки и, указывая на ванкхменов, издал щебечущие звуки.

— Тише! — сердито прошипел старший ванкхмен. — Ты мешаешь!

— Что ты ему сказал?

— «Неправда, неправда, неправда!» Это все, что я знаю.

Первый Мастер издал несколько громких аккордов, указывая на Рейша и Зарфо. Явно возмущенный и раздосадованный, старший ванкхмен произнес:

— Ванкх желает знать, где вы собирались заниматься пиратством и в какое место хотели отогнать корабль.

— Ты неправильно переводишь! — протестующе воскликнул Рейш. — Ему сообщили, что мы не пираты?

Зарфо снова зашебегал:

— «Неправда, неправда, неправда!»

— Но по всему видно, что вы либо пиратская банда, либо безумцы, — заявил старший ванкхмен и, повернувшись к Первому Мастеру, стал нажимать на клавиши.

Рейш обратился к Хелссе:

— Что он говорит ему? Что мы не пираты?

Хелссе не обратил на него ни малейшего внимания.

Неожиданно Зарфо ко всеобщему удивлению громко захохотал.

— Помнишь целителя-дугбо? — прошептал он на ухо Рейшу. — Ну-ка, дай ему по носу хорошенько!

— Хелссе! — позвал Рейш.

Тот повернулся, строго глядя на пленника. Рейш придвинулся к ванкхмену и шелкнул его по носу. Хелссе мгновенно напрягся всем телом и застыл.

— Скажи Ванкху, что я прилетел с Земли, родины людей, — приказал Рейш. — И захватил космический корабль, чтобы вернуться домой.

Хелссе помимо воли, словно автомат, исполнил несколько трелей на своем устройстве. Среди ванкхменов сразу же послышался ропот — ясное свидетельство того, что Хелссе все перевел правильно. Они возмущенно загомонили и окружили бывшего соглядателя, желая заглушить его, но их остановил звонкий, словно удар колокола, аккорд Ванкха.

Хелссе продолжал нажимать на клавиши и наконец закончил переводить.

— Скажи еще, — не унимался Рейш, — что ванкхмены сознательно искажали то, что я сообщал сейчас, что они постоянно так поступают, преследуя свои интересы.

Хелссе начал издавать серию аккордов; ванкхмены снова возбужденно загалдели, и снова Мастер заставил их замолчать.

Рейш вошел во вкус: Он решил рискнуть, высказав одно из своих предположений:

— Скажи им, что ванкхмены уничтожили мой космический корабль, при этом все члены экипажа, кроме меня, погибли. Скажи, что цель нашей экспедиции на Тчаи была самой мирной: мы прибыли, так как получили радиосигналы, отправленные с этой планеты сто пятьдесят лет назад по здешнему летоисчислению. За это время ванкхмены уничтожили два города, откуда были посланы сигналы, — Сеттру и Баллисидрэ. Сколько невинных жизней они погубили ради единственной цели — не дать установиться новым порядкам, что нарушило бы сложившийся баланс в противостоянии Дирдилов и Ванкхов!

Сразу же раздалась громкие крики разъяренных ванкхменов — убедительное свидетельство правоты Рейша. Прозвучали повелительные аккорды, вновь воцарилась тишина. Хелссе покорно нажимал на клавиши; казалось, он до глубины души поражен собственными действиями.

— Скажи им, что ванкхмены постоянно лгут. Они наверняка намеренно способствуют затягиванию войны Ванкхов и Дирдилов. Подумайте: если воцарится мир, хозяева вернутся на свою планету, и ванкхмены будут предоставлены самим себе!

Хелссе с посережшим лицом пытался отбросить переговорное устройство, но пальцы отказывались повиноваться, продолжая нажимать на клавиши. Его собраты застыли в напряженном молчании — зловещий признак... Наконец старший ванкхмен закричал:

— Допрос окончен! Преступники строятся в колонну по одному! Марш вперед!

Не слушая его, Рейш обратился к Хелссе:

— Пусть Ванкх прикажет остальным ванкхменам уйти, чтобы мы могли побеседовать без помех.

Лицо Хелссе исказилось; с него градом лил пот.

— Переводи! — приказал Рейш.

Хелссе повиновался.

В огромном зале воцарилась тяжелая тишина. Ванкхмены напряженно смотрели на своего хозяина.

Первый Мастер издал два аккорда.

Ванкхмены стали вполголоса совещаться. Наконец они приняли страшное решение: вытащив оружие, они направили его не на пленников, а в сторону четырех Ванкхов. Рейш с Тразом бросились вперед, за ними последовали локхары. После непродолжительной борьбы ванкхменов разоружили.

Мастер издал два негромких аккорда.

Хелссе прислушался, затем медленно повернулся к Рейшу.

— Он приказывает отдать мне оружие, которое ты держишь.

Рейш повиновался. Хелссе повернулся к трем ванкхменам, направил на них пистолет и нажал на кнопку. Его товарищи рухнули на пол с разнесенными черепами.

Минуту Ванкхи стояли молча, словно раздумывая о случившемся, потом покинули зал. Рейш разжал безжизненно холодные пальцы Хелссе и забрал пистолет на случай, если тому придет в голову снова его использовать.

Надвигались сумерки, и в зале стало темнеть. Рейш внимательно рассматривал Хелссе, гадая, как долго еще продлится гипнотическое состояние, и наконец приказал:

— Выведи нас отсюда.

— Идемте.

Ванкхмен провел бывших пленников через мрачный серо-черный город к маленькой стальной двери. Он дотронулся до запора — дверь мгновенно распахнулась. За ней оказался узкий проход в скале.

Спутники протиснулись сквозь щель. Они снова свободны!

Рейш обернулся к Хелссе:

— Через десять минут после того, как я дотронусь до твоего плеча, ты придешь в свое обычное состояние и забудешь обо всем, что случилось в течение этого часа. Понятно?

— Да.

Рейш прикоснулся к плечу ванкхмена и вместе с товарищами поспешил прочь. Но прежде чем выступ скалы навсегда скрыл их из вида, Рейш оглянулся — Хелссе стоял на том же месте, со странной грустью глядя им вслед.

Глава 16

Добравшись до небольшой роши, путешественники повалились на землю в полном изнеможении. Желудок сводили голодные спазмы. При свете двух лун Траз осмотрел растительность и обнаружил куст травы паломников. Это была их первая еда за двое суток. Немного отдохнув, они стали карабкаться по длинному склону и, достигнув вершины, обернулись, разглядывая мрачный и величественный силуэт Ао-Хаха, вырисовывавшийся на фоне освещенного лунным светом неба. Какое-то время спутники стояли так молча — каждый думал о чем-то своем, — потом пошли на север.

Утром, утолив голод жареными древесными грибами, Рейш вытащил деньги.

— Наше предприятие окончилось неудачей. Как я и обещал, каждый получит сейчас по пять тысяч цехинов вместе с моей благодарностью за верность своему слову.

Зарфо нерешительно взял блестящие красные бруски и взвесил их в руке.

— Что ж, я честный человек и, поскольку это соответствует нашему договору, приму деньги.

— Позволь мне задать один вопрос, Адам Рейш, — произнес Джаггагиг. — Ты сказал Ванкхам, что прибыл из далекого мира, родины людей. Это верно?

— Да, я так сказал.

— Ты действительно прилетел оттуда?

— Да, несмотря на то что наш дирдирмен сейчас очень выразительно гримасничает.

— Расскажи нам об этой планете.

Рейш говорил целый час; остальные сидели, задумчиво глядя на пламя костра.

Наконец Анахо откашлялся.

— Я не сомневаюсь в твоей искренности. Но, как ты сам признаешь, история человечества на Земле намного короче, чем на Тчаи. Ясно, что в глубокой древности Дирдиры посещали Землю и оставили там свою колонию. А оттуда и произошли земляне.

— Я мог бы доказать тебе обратное, — заметил Рейш, — если бы наш план сработал и мы все улетели бы на Землю.

Анахо помешал в костре палкой.

— Да, интересно... Дирдиры, разумеется, не продадут и не отдадут тебе космический корабль. Украсть его, что мы и попытались сделать с ракетой Ванкхов, будет совершенно невозможно. Но все же в космопорте Сивиша можно достать любую деталь — купить или как-ни-

будь договориться... Нужны лишь цехины — правда, очень значительная сумма.

— Сколько?

— Имея тысяч сто, можно сотворить чудеса...

— Не сомневаюсь. Однако сейчас у меня едва наберется сотая доля этой суммы.

Зарфо бросил ему свои пять тысяч цехинов.

— Держи. Я будто сам отрубил себе ногу... Но пусть они станут первым взносом в общее дело.

Рейш вернул ему деньги.

— Сейчас они будут лишь уныло звякать в пустом кошельке.

Тринадцать дней спустя путешественники спустились с Инфнетса в Блалаг, а оттуда по дороге вернулись в Смаргаш.

Три дня Рейш, Анахо и Траз отсыпались, отъедались и любовались танцами на площади. На исходе третьего дня к ним за столик в таверне подсел Зарфо.

— Какие вы разнеженные, лоснящиеся... Слышали новости?

— Какие?

— Ну, во-первых, я приобрел очень миленький домик в излучине реки Висфер, с пятью красивыми остроконечными деревьями, тремя замечательными псиллосами и аспонистрой, не говоря уже о ягодных кустах! Там я проведу последние годы жизни — если, конечно, вы снова не уговорите меня принять участие еще в какой-нибудь аванюре! Во-вторых, сегодня утром из Ао-Хидиса вернулись два наших механика. Там грядут большие перемены! Ванкхменов выгнали из крепости, они ушли... Теперь эти зазнайки живут в хижинах вместе с черными и пурпурными. Ванкхи, судя по всему, не желают их больше терпеть рядом.

Рейш хмыкнул.

— В Дадиче мы видели негуманоидную расу, поработившую людей. В Ал-Хидисе застали противоположную ситуацию: люди эксплуатировали негуманоидов. И в том, и в другом случае положение в корне изменилось. Скажи, Анахо, у тебя не возникло желания освободиться от пут твоей унылой догмы и стать разумным человеком?

— Мне нужны факты, а не слова.

— Едва ли мы сможем дойти до этих фактов пешком...

— В Великом космопорте Сивиша нас ждет дюжина прекрасных ракет — их только нужно приобрести по частям и собрать.

— Да, но где достать деньги?

— Не знаю, — вздохнул Анахо.

— Я тоже, — подхватил Траз.

Книга третья

ДИРДИРЫ

Глава 1

Янтарное солнце Тчаи появилось в созвездии Тартуз, что ознаменовало начало «Балул зак ага» — «Времени снов наяву», когда по всей равнине Локхара прекращались убийства, угоны в рабство, грабежи и насилия. Балул зак аг приходился на период проведения сезонной Большой ярмарки в Смаргаше; или, может быть, вначале была Ярмарка, а спустя многие сотни лет это событие породило особое священное время. Со всей равнины и прилегающих к ней земель сюда съехались ксары, журвеги, серафы, нисы и множество других народов для торговли, разрешения старых споров между родами, обмена новостями и просто общения. В воздухе зловонным облаком клубилась ненависть; ядовитые взгляды, произнесенные шепотом проклятия, шипящие возгласы неприкрытой ненависти вносили особые краски в пестроту и суетливый беспорядок базара. Только локхары (чернокожие и светловолосые мужчины и светлокожие и черноволосые женщины) демонстрировали горделивую бесстрастность.

На второй день Балул зак ага, бродя вдоль базарных лотков, Адам Рейш почувствовал, что за ним следят. Это не обрадовало его — на планете Тчаи подобное внимание приводило к неприятным последствиям.

Может быть, он ошибся? У Рейша было немало врагов, и масса людей находила его поведение и взгляды опасными. Но как его выследили в Смаргаше? Рейш продолжал идти вдоль многолюдных базарных рядов, останавливаясь возле ларьков, чтобы бросить быстрый взгляд через плечо. Однако его преследователь, если таковой вообще существовал, бесследно растворился в разноликой толпе. Здесь можно было встретить высоких, ростом в семь футов, нисов, облаченных в черное, которые двигались стремительно, как прожорливые птицы; ксаров, серафов, вечных странников дутбо, сгрудившихся вокруг костров, представителей людей-предметов, бесстрастно смот-

рящих сквозь прорези своих глиняных масок, журвегов в кафтанах кофейно-коричневого цвета и, наконец, хозяев Ярмарки, «черно-белых» локхаров — уроженцев Смаргаша. Неповторимый шум Ярмарки — звон железа, скрип выделанной кожи, пронзительные выкрики, звонкие голоса спорящих, визг, пиликанье и грохотанье странных музыкальных инструментов дугбо; запах — невообразимый букет из особых папоротниковых специй, ароматных масел, мускуса, пыли, острого духа маринованных орехов и дыма от жарящегося мяса, изысканных духов, которыми славилась серафы. Цвета — яркая гамма черного, коричневого, оранжевого, алого, синего, янтарного оттенков. Покидая Ярмарку, Рейш пересек площадь танцев. Он на мгновение остановился и краем глаза успел заметить фигуру, притаившуюся за палаткой.

Погруженный в мрачные раздумья, Рейш возвратился в гостиницу. Траз и дирдирмен Анахо сидели в таверне и молча поглощали хлеб с мясом. Они игнорировали друг друга: изгнанники и скитальцы, каждый считал своего спутника странным и непостижимым существом. Анахо — длинный, тощий, с бледным вытянутым лицом, как и все дирдирмены, — был совершенно лысым и теперь старался как-то скрыть это, надев мягкую шляпу с кисточкой в стиле яо. Его поведение невозможно предсказать; Анахо был склонен к странным шуткам, припадкам болтливости и внезапным приступам раздражительности. Траз — угловатый, мрачно серьезный, стройный и мускулистый юноша — полная противоположность Анахо. Он считал дирдирмена тщеславным, страдавшим избытком хитрости и изнеженным, а тот в свою очередь называл Тразу диким и неотесанным.

Рейш присел за их столик.

— По-моему, за мной следят, — объявил он.

Анахо беспокойно выпрямился.

— В таком случае надо готовиться к худшему... или спастись бегством.

— Предпочитаю второе, — буркнул Рейш, наливая себе пива из кувшина.

— Ты до сих пор еще не оставил мысли полететь на свою мифическую планету? — спросил Анахо елейным тоном, словно разговаривал с несмышленным младенцем.

— Да, конечно, я хочу вернуться на Землю.

— Ты — жертва галлюцинаций или навязчивой идеи, — объявил Анахо. — Неужели так трудно избавиться от нее? Такие планы осуществимы только теоретически! Космические корабли — не щипцы для удаления бородавок, которые продаются в любой базарной лавке!

— Увы, я хорошо усвоил это, — грустно произнес Рейш.

— Советую тебе навестить Великий космопорт в Сивише. Там можно достать практически все что угодно, если у тебя в кармане достаточно цехинов, — бросил Анахо небрежным тоном.

— Думаю, у меня их явно недостаточно, — вздохнул Рейш.

— Поезжай в Карабас, там груды цехинов под каждым кустом!

— Ты что, принимаешь нас за полных идиотов? — усмехнулся Траз.

— Где это? — спросил Рейш.

— Карабас расположен в охотничьей резервации Дирдиров на севере Кислована. Счастливчикам и людям с крепкими нервами иногда улыбается удача — они сохраняют жизнь и становятся богачами.

— Скорее дураками, азартными игроками и убийцами, — проворчал Траз.

— Каким образом люди, кто бы они ни были, достают там деньги?

— Обычным способом — их добывают из клубней крисоспина. — Анахо отвечал деланно-легкомысленным тоном, словно делился сплетнями.

— Так вот откуда берутся цехины! А я думал, что деньги производят Дирдиры или кто-то вроде них.

— Ты как будто свалился с другой планеты, — объявил Анахо.

— Что ж, так оно и есть.

— Крисоспин, — продолжал Анахо, — произрастает только в Черной Зоне — Карабасе, — где в почве содержатся урановые соединения. В одном клубне — двести восемьдесят два цехина определенного цвета. Пурпурный равен ста клирсам, алый — пятидесяти, далее следуют деньги изумрудного, голубого, лилового и молочного оттенков. Это знает даже Траз.

В ответ юноша презрительно улыбнулся.

— Даже Траз?

Но дирдирмен не обратил на него ни малейшего внимания.

— Оставим подобные разговоры. Пока нет никаких свидетельств слежки. Может быть, Адам Рейш ошибается...

— Нет, он не ошибается, — язвительно произнес юноша, — и, как ты сейчас выразился, «даже» Траз прекрасно понял это.

Анахо удивленно вскинул свои безволосые брови.

— Вот как? Откуда такая уверенность?

— Ты заметил человека, который только что вошел?

— Локхара? Ну и что же?

— Он не локхар. Парень наблюдает за каждым нашим движением. У Анахо от изумления отвисла челюсть.

Рейш внимательно разглядывал незнакомца. Теперь стали заметны его отличия от местных жителей: не столь плотное телосложение, другая манера говорить, вести себя, отсутствие типично локхарской непосредственности.

Анахо понизил голос:

— Траз прав. Посмотри, как он пьет пиво — старательно скрывая за кружкой свое лицо... И он явно встревожен.

— Кто может интересоваться нами? — спросил Рейш.

Анахо саркастически рассмеялся.

— Ты думаешь, наши подвиги остались незамеченными? События в Ао-Хидисе привлекли всеобщее внимание.

— И потому этот человек... А кому он может служить?

Анахо пожал плечами.

— У него тело выкрашено в темный цвет; я не могу даже предположить, какого он происхождения.

— Надо узнать побольше, — сказал Рейш. — Я пройду по базару, а затем по старому городу. Если соглядатай тоже уйдет, вы должны последовать за ним. Если останется на месте, один из вас будет следить за ним здесь, а второй пойдет вслед за мной.

Рейш отправился на базар. У лавки журвегов он остановился и стал рассматривать ковры, сотканые, как гласила молва, безногими детьми, которые были украдены и намеренно искалечены этим жестоким народом. Он оглянулся. Кажется, его никто не преследует. Рейш прошел чуть дальше и остановился у лотков, где безобразные женщины нисов продавали мотки кожаных веревок, лошадиную упряжь и красивые серебряные кубки с грубой чеканкой. Соглядатай снова не было видно. Он поглазел на музыкальные инструменты дугбо. «Если бы я смог увезти с собой на Землю груз из журвегских ковров, серебра нисов и удивительных творений дугбо, — подумал Рейш, — то обеспечил бы себя до конца дней». Он бросил быстрый взгляд через плечо и заметил беззаботно шагающего впереди Анахо. Дирдирмен так ничему и не научился!

Рейш продолжил свой путь. Он остановился около шамана из племени дугбо — сгорбленного старца, расположившегося у подносов с уродливыми бутылочками, кувшинчиками с настоями, камешками для передачи мыслей на расстояние, любовными палочками, амулетами с проклятиями, написанными на красной и зеленой бумаге. Вверху, над шаманом, колыхалось с дюжину фантастических бумажных змей, которые извивались под заунывную мелодию, наигрываемую стариком. Под конец заклинатель потребовал купить какой-нибудь амулет, но Рейш отказался. Шаман разразился проклятиями; его змеи негодующе шипели вслед Рейшу.

Рейш пошел дальше и скоро очутился на торговой площади, целиком отведенной для племени дугбо. Девушки с длинными шарфами, в черных юбках с оборками, украшенные розами и орхидеями, завлекали журвегов, локхаров, серафов и насмехались над застенчивыми нисами, молча обходившими их, глядя только вперед. Их длинные носы были изогнуты, как косы, и блестели, словно полированная кость.

За этим местом простиралась равнина, а дальше виднелись темные холмы, отливавшие золотистым цветом под лучами янтарного солнца.

К Рейшу приблизилась девушка из племени дугбо, на нее талии позвякивали серебряные украшения. Она растянула губы в беззубой улыбке.

— Что ты здесь ищешь, дружок? Скучаешь? Вот мой шатер, зайди и расслабься.

Рейш отказался и поспешно отступил, пока проворные пальцы новой знакомой или ее подружек не забралась в карманы.

— Почему ты отказываешься? — певуче выговаривала она. — Посмотри на меня! Разве я не грациозна? Я умастила бедра серафским пахучим маслом! Я благоухаю словно цветок. Лучше меня не найдешь!

— Конечно, — поспешно согласился Рейш, — однако...

— Мы можем поговорить с тобой, Адам Рейш. Сколько удивительных историй поведаем мы друг другу!

— Откуда тебе известно мое имя? — изумленно спросил Рейш.

Девушка махнула шарфом на своих младших сестер, словно отгоняя мошкар.

— Кто же в Смаргаше не знает Адама Рейша, странствующего по миру, как принц илантов, таинственного и молчаливого?

— Неужели я стал так известен?

— Конечно. Ты все-таки уходишь?

— Да, мне предстоит встреча с другом.

И Рейш пошел дальше. Девушка долго смотрела ему вслед со странной, чуть разочарованной улыбкой. Во всяком случае, так решил Рейш, обернувшись напоследок.

Впереди из переулка вынырнул Анахо.

— Человек, выдающий себя за локхара, остался в гостинице. Какое-то время за тобой шла молодая женщина в одежде племени дугбо. На площади она заговорила с тобой, но потом отстала.

— Странно, — задумчиво пробормотал Рейш. Он осмотрел улицу. — За нами никто не идет?

— Нет, никого не видно. Но могут следить тайком. Повернись ко мне.

Анахо пробежался своими длинными белыми пальцами по одежде Рейша.

— Я так и предполагал. — Он показал небольшую черную пуговицу, снятую с куртки. — Теперь мы знаем, кто следит за тобой. Узнаешь?

— Нет, но догадываюсь. Следящее устройство.

— Прибор, используемый на охоте или очень молодыми, или слишком старыми Дирдирами для преследования своей дичи.

— Значит, мной интересуются твои бывшие господа?

Лицо Анахо вытянулось, он передернулся, как будто попробовал что-то острое.

— События в Ао-Хаха наверняка привлекли их внимание.

— Но что им нужно от меня?

— Мотивы Дирдилов часто необъяснимы; скорее всего, они хотят задать несколько вопросов, а затем просто убьют тебя.

— Пожалуй, сейчас самое время уйти отсюда, — заметил Рейш.

Анахо задрал голову.

— Как раз времени нам может и не хватить. Скорее всего, корабль Дирдиров уже приближается... Дай мне устройство.

К ним подходил нис в черной мантии, стелющейся по земле. Анахо шагнул вперед и, неожиданно махнув рукой, задел его одежду. Нис опасливо отпрянул, что-то с негодованием крикнул и на минуту, казалось, был готов отказаться от запрета на насилие, вводимого на период Балул зак ага. Но затем повернулся и продолжил свой путь.

Анахо ехидно усмехнулся.

— Полагаю, Дирдиры сильно удивятся, когда вместо Адама Рейша найдут ниса!

— Однако, прежде чем они узнают истину, нам лучше скрыться.

— Согласен, но как это сделать?

— Нам следует посоветоваться со старым добрым Зарфо Детвилером.

— Хорошо, что мы знаем, где его всегда можно найти.

Пройдя по окраине базара, они подошли к таверне — дряхлому зданию из камня и сгнивших деревянных досок. Здесь и сидел Зарфо, скрываясь от базарной грязи и суеты. Массивная пивная кружка почти скрывала его черное лицо. Он был одет непривычно элегантно: начищенные до блеска черные ботинки, черная, с трехцветной кокардой, шляпа, покрывавшая кудрявые белые волосы. Старик сильно набрался и жаждал общения. Рейш с трудом сумел растолковать ему суть дела. К концу рассказа Зарфо пришел в себя.

— Опять Дирдиры! Негодяи — обдѣлывать свои грязные делишки во время Балул зак ага! Придется им умерить спесь! Иначе кровожадные существа узнают, что такое гнев локхаров!

— Успокойся, — предложил ему Рейш. — Лучше скажи, как нам побыстрее выбраться из Смаргаша?

Зарфо заморгал глазами и сделал еще один могучий глоток пива.

— Сначала скажите, куда вы хотите отправиться?

— Острова Облака или, может быть, Карабас.

Зарфо с грохотом опустил кружку на стол.

— Локхары — самые скупые и жадные из обитателей Тчаи, но посмотри, сколько моих земляков пыталось добраться до Карабаса? Единицы! А многие вернулись богачами? Видишь, вон там, на востоке, большое имение, отделанное слоновой костью?

— Да, я видел его.

— Таких поместий, как это, около Смаргаша больше нет, — многозначительно заявил Зарфо. — Ты меня понимаешь? — Он стукнул ладонью по столу. — Эй, мальчик, еще пива!

— Но я говорил еще об островах Облака.

— Туса-Тула в Драсчаде более подходящее место, чем Острова. Но как туда добраться? Моторные повозки ходят только до Сиадза, находящегося в предгорьях. И я не смогу найти пути к ней в просторах

океана. А караван до Зары уже два месяца как ушел. Единственный способ быстро исчезнуть — это корабль.

— Хорошо, а где мы можем его достать?

— У локсаров такого нет. Посмотри вот туда: воздушный корабль, а рядом — группа богатых ксаров! Может быть, они отправляются в Туса-Тулу. Давай спросим?

— Подожди, надо предупредить Тразу.

Рейш позвал мальчишку-слугу и приказал ему бежать в гостиницу за Тразом.

Зарфо, а за ним Рейш и Анахо вышли из таверны. Возле старого корабля сгрудились пятеро ксаров — невысокие, крепко сложенные, широкоплечие люди, одетые в богатое платье серого и зеленого цветов; их черные волосы, покрытые лаком, стояли торчком вокруг низких лбов, ниспадаая затем в беспорядке по плечам.

— Вы слишком рано уезжаете из Смаргаша, друзья ксары! — весело обратился к ним Зарфо.

Те отвернулись и продолжали разговаривать друг с другом.

Но Зарфо не обратил внимания на их грубость.

— И куда же вы направляетесь?

— К озеру Фалас, куда же еще? — ответил самый старый из ксаров. — Наши дела здесь закончены и, как всегда, с убытком для нас. А теперь мы хотим быстрее вернуться в родные болотистые края.

— Отлично. Этому человеку и его друзьям необходимо попасть в места, которые как раз вам по пути. Они спросили у меня, надо ли им платить за свой проезд, и я сказал: «Пустяки! Ксары очень щедрые...»

— Замолчи! — резко перебил его ксар. — У меня есть, по крайней мере, три возражения. Во-первых, наш корабль уже переполнен людьми. Во-вторых, мы щедры, когда торговля приносит нам прибыль, а не убыток. И в-третьих, эти двое бродяг, судя по всему, отчаянные и опасные люди, не внушающие доверия. Теперь, значит, появился третий?

Его слова относились к подоспевшему Тразу.

— Выглядит более пристойно, но все равно подозрителен, — оглядев его, изрек старший.

В разговор вступил другой ксар:

— У нас еще два вопроса. Сколько они могут заплатить? И куда собираются отправиться?

Помня о жалкой горсточке цехинов в кошельке, Рейш твердо сказал:

— Сто цехинов — все, что у нас есть. Мы хотим добраться до Туса-Тулы.

Ксары в негодовании всплеснули руками.

— Туса-Тула? Тысяча миль в северо-западном направлении! А мы направляемся на юго-восток, к озеру Фалас! Только сто цехинов! Это что — шутка? Болваны! Довольно! Убирайтесь!

Зарфо угрожающе подался вперед.

— Ты обозвал меня болваном? Если бы не Балул зак аг, я бы сейчас укоротил ваши чересчур длинные задранные носы!

Ксары прошипели что-то сквозь зубы, поспешно забрались на свой корабль и поднялись в воздух.

Зарфо проводил их взглядом и тяжело вздохнул.

— Увы, с этими ксарами всегда так... Но еще не все потеряно, друзья! Посмотрите, сюда летит еще один. Я поговорю с его хозяевами. Ну, а если они окажутся несговорчивыми, мы всегда можем подпоить их и позаимствовать корабль — на время, конечно. К тому же он на редкость хорош...

Анахо испуганно вскрикнул:

— Воздушный корабль Дирдилов! Они уже здесь! Скорее в укрытие, если жизнь дорога!

Дирдирмен уже собрался бежать, но Рейш схватил его за руку.

— Подожди! Ты хочешь облегчить охотникам задачу! Так они только быстрее найдут нас.

Он повернулся к Зарфо.

— Где нам можно спрятаться?

— В амбаре таверны. Но не забывайте, что сейчас время Балул зак ага! Дирдиры не посмеют применить насилие!

— Ну да, — фыркнул Анахо, — как будто они осведомлены о ваших обычаях; впрочем, даже если бы и знали, что из того?

— Я им все объясню, — заявил Зарфо.

Он проводил друзей к таверне и спрятал их. Через щель в доске Рейш наблюдал за приземлением воздушного корабля Дирдилов. Внезапно его осенило; он обернулся и обшарил одежду Тразы. Догадка Рейша подтвердилась: к своему огорчению, в вещах юноши он обнаружил маленький черный диск.

— Быстрее давай эту штуку мне, — торопливо проговорил Анахо.

Он выбежал из амбара и нырнул в таверну. Через минуту дирдирмен с довольным видом возвратился.

— Теперь следующее устройство у старого локхара, который скоро уедет к себе домой.

Он подошел к щели и посмотрел через нее в сторону посадочной площадки.

— Сомневаться не приходится — это действительно Дирдиры. Решили заняться любимым делом — охотой на людей!

Воздушный корабль разительно отличался от тех, которые Рейш видел раньше. Его создали существа, владеющие высокой и сложной технологией. Показались пятеро Дирдилов — впечатляющие существа с гребешками на голове, подвижные и быстрые. Ростом с человека, они двигались с поразительным проворством, словно ящерицы в жаркий день; их кожа походила на отполированную кость, головы напоминали торчащие вверх и заостренные как бритва гребешки, с от-

ходящими с двух сторон светящимися антеннами-отростками. Черты лица отдаленно напоминали человеческие, с глубоко сидящими глазами и скошенным черепом, переходящим в нечто напоминающее носовые перегородки. У преследователей была странная, прыгающая походка, напоминающая леопарда, идущего на задних лапах. Легко представить, как их примитивные предки охотились некогда на раскаленных равнинах Сибола.

К Дирдирам подошли трое — лжелокхар, девушка из племени дугбо и человек в неприметной серой одежде. Проговорив с ними несколько минут, Дирдиры извлекли какие-то приборы и начали методично водить ими в разные стороны. Анахо шепнул:

— Они хотят определить, где находится следящее устройство, а тот, кому я подбросил его, все еще отдыхает за своей кружкой пива!

— Какая разница, — тихо ответил Рейш, — где бы он ни находился, лишь бы подальше от нас.

Дирдиры приблизились к таверне своей необычной прыгающей походкой. За ними следовали три шпиона.

В этот момент появился старый локхар. Дирдиры, бросив удивленные взгляды, огромными скачками направились к нему. Обеспокоенный старик отпрянул.

— Кто это? Дирдиры? Не трогайте меня!

Создания заговорили свистящим шепотом — очевидно, у них отсутствовала гортань.

— Ты знаешь человека по имени Адам Рейш?

— Конечно нет! Отстаньте!

Вперед выступил Зарфо.

— Вы сказали «Адам Рейш»?

— Где он сейчас находится?

— Зачем вам Рейш?

Вперед вышел лжелокхар и что-то зашептал Дирдирам.

— Ты хорошо знаешь Адама Рейша? — спросил один из них у Зарфо.

— Не очень. Но если вы хотите передать ему деньги, можете воспользоваться моими услугами. Рейш сейчас сильно нуждается в цехинах.

— Где он?

Зарфо посмотрел на небо.

— Вы заметили воздушный корабль, который улетел перед вашим прибытием?

— Да.

— Вполне возможно, он взял на борт Рейша и его друзей.

— Кто может подтвердить, что это правда?

— Не знаю. Я ведь сейчас просто предположил...

— Я тоже ничего не видел, — сказал старик локхар, на котором было следящее устройство.

— В каком направлении они улетели?

— Ха! Вы же великие охотники и следопыты! — с насмешкой воскликнул Зарфо. — Зачем же спрашивать у нас, бедных, примитивных существ?

Дирдиры длинными скачками вернулись на посадочную площадку; их воздушный корабль взмыл в небо.

Зарфо, со зловещей улыбкой на широком лице, обратился к оставшимся агентам Дирдиров:

— Значит, вы прибыли в Смаргаш как гости и попираете наши законы... Вы что, не знаете, что сейчас Балул зак аг?

— Мы не совершили никакого преступления, — примирительно сказал поддельный локхар, — просто выполняли свою работу.

— Грязную работу — дело, граничащее с преступлением! Вас всех следует хорошенько высечь! Где стражники? Нужно немедленно арестовать негодяев!

Шпионы, негодующе вопя и осыпая Зарфо проклятиями, поспешили удалиться.

Старый локхар зашел в амбар.

— Будет лучше, если вы сейчас же исчезнете отсюда. Дирдиры скоро вернутся. — Он махнул рукой в сторону площадки. — Вон там стоит моторная повозка, которая скоро отправится на запад.

— А куда она нас доставит?

— К предгорью. Дальше идут ущелья. Мрачные места, но, если останетесь здесь, вас захватят Дирдиры. Балул зак аг сейчас или нет, им безразлично.

Рейш оглядел площадь, кинув взгляд на пыльные каменные и деревянные строения Смаргаша, на черных и белых локхаров, ветхую старую гостиницу. Она стала единственным местом, где он на время обрел покой и безопасность на планете Тчаи. Но сейчас события снова заставляли его идти навстречу судьбе.

— Нам нужно еще пятнадцать минут, чтобы собрать вещи, — глухо произнес он.

Анахо удрученно вздохнул:

— Опять рушатся мои надежды... Что ж, постараемся по возможности улучшить наше положение. Поистине, Тчаи — планета мучений.

Глава 2

Зарфо притащил целый тюк с белыми одеждами серафов и шипастыми шлемами.

— Наденьте это; вы должны выиграть час или два. Быстрее, повозка вот-вот отправится в путь.

— Подожди-ка. — Рейш внимательно осмотрел площадку. — Здесь могут быть и другие шпионы, следящие за каждым нашим шагом.

— Тогда выходите через заднюю дверь. В конце концов, нельзя все предусмотреть.

Рейш не стал возражать: Зарфо становился все более раздраженным и уже не скрывал, что ждет не дождется, когда они наконец покинут Смаргаш.

Они направились к стоянке повозок. Друзья шли молча; каждый думал о чем-то своем. Зарфо по дороге давал последние наставления:

— Ни с кем не разговаривайте, притворитесь, что погружены в транс, — у серафов так принято. На закате солнца повернитесь к востоку и громко прокричите: «Ах-о-ча!» Никто не знает, что это означает, но они всегда так делают. Если к вам пристанут с расспросами, скажите, что приехали купить эссенции. А теперь быстрее влезайте в повозку! Желая вам обмануть Дирдилов; удачи во всем! А если не повезет, помните, что смерть приходит только один раз!

— Что ж, ты нас отлично утешил, — произнес Рейш, хмыкнув. — Спасибо.

Повозка на восьми высоких колесах покатила по широкой равнине на запад. Пассажирами были только Рейш, Анахо и Траз.

Дирдирмен весьма скептически расценивал их шансы на спасение.

— Дирдилов долго водить за нос не удастся. Трудности еще больше озлобят и раздражат их. Разве вы не знаете, что в молодости они свирепы и необузданны, как дикие звери? Их надо с самого детства постоянно воспитывать и тренировать. Но душа Дирдира не меняется, она всегда остается дикой. Охота — единственное, что влечет их, чего жаждет их тонкая капризная натура.

— Я ничуть не меньше жажду сохранить свою жизнь, — заметил Рейш.

Солнце скрылось за горизонтом; все вокруг окрасилось в серо-коричневые тона. Вскоре они остановились около маленькой нишей деревни. Путники вылезли размяться и напиться солоноватой воды из колодца, затем долго торговались с иссохшей старухой, продававшей закамневшие от времени хлебцы. Торговка запрашивала за свой древний товар совершенно немыслимую цену, и любая попытка сбить ее вызывала у старой карги презрительное кудахтанье.

Повозка двинулась дальше, оставив позади стоявшую у лотка и посылающую уезжавшим проклятия старуху.

Наступила полная тьма; из пустыни донесся заунывный вой ночных собак.

На востоке взошла ярко-розовая луна Аз, вскоре появился ее спутник, голубой Браз. Впереди показалась горная цепь. На вершине плясали три слабых желтых огонька; посмотрев через сканскоп, Рейш увидел руины старинного замка... Наконец его сморил сон, но ненадолго. Когда он проснулся, повозка уже катила по мягкому песку речного берега. На противоположной стороне, на фоне залитого лунным светом неба, четко вырисовывались силуэты гигантских деревьев. Они

миновали какое-то заброшенное полуразрушенное поместье, украшенное множеством куполов.

В полночь добрались до большой деревни, где путешественники остановились на ночлег. Каждый выбрал себе место: одни спали на сиденьях, другие — на крыше повозки.

Наконец на небе появился янтарный диск солнца, рассветный туман постепенно рассеялся. Откуда-то сразу возникли торговцы с подносами, полными разных сортов мяса, различных паштетов, ломтиков вареной коры, жареных стручков, и друзья устроили себе обильный завтрак.

После еды повозка двинулась дальше, в сторону гор, высоко вздымающих свои вершины к небу на западе. Рейш изредка оглядывал небо через свой сканскоп, но не обнаружил никаких признаков преследования.

— Еще рано, — уныло пробормотал Анахо. — Но не бойся, скоро они появятся.

К полудню повозка уже въезжала на стоянку в Сиадзе — местечке, состоявшем из дюжины каменных лачуг, сгрудившихся вокруг колодца.

К большому огорчению Адама, ему не удалось нанять ни повозки, ни лошадей, чтобы продолжить путь через горы.

— Вы знаете, что находится дальше? — спросил старейшина деревни. — Ущелья.

— Неужели нет никакой дороги? Или там никогда не проходили торговцы?

— Кто же поедет в ущелья торговать, да и вообще зачем туда соваться? Кто вы такие?

— Серафы, — ответил Анахо, — мы ищем корни асофы.

— А, серафы. Я слышал про вас разные истории. Но здесь ваше привычное кривлянье не поможет; мы — простые люди и не любим таких штучек. Ну все равно, в ущельях нет корня асофы, только криптоны, колючки и рекбеллии.

— Что ж, значит, нам придется поискать его еще дальше.

— Дело ваше, ищите. Говорят, где-то на севере проложена древняя дорога, но я не знаю никого, кто ее видел.

— Есть там люди?

— Да вы что! Только разные ядовитые гады и стервятники. А если не повезет, можете наткнуться на хищных животных.

— Да, зловещие места, судя по твоему рассказу...

— Хо! Это тысячи миль безжизненной земли и камня. Но кто знает? Там, где не пройдут трусы, герои найдут путь! Может быть, ради вашей драгоценной парфюмерии вы сумеете преодолеть трудности. Идите все время на север и попытайтесь найти древнюю дорогу к берегу. Она, должно быть, едва заметна, как затерявшийся след. И будьте очень осторожны ночью — по ущельям рыщут ночные собаки!

— Ты заставил нас передумать, — объявил Рейш, — мы поедem обратно, на восток, в попутной повозке.

— Вот это мудро! Ради чего рисковать жизнью, будь ты сераф или кто-нибудь другой?

Проехав обратно примерно милю, Рейш с друзьями незаметно прыгнули. Повозка прогремыкала дальше и вскоре исчезла в янтарных сумерках.

Вокруг было тихо; они стояли на серой твердой земле, повсюду шуршали клубки оранжево-розовых колючек, а чуть погода странники наткнулись на заросли травы паломников. Заметив ее, Рейш с облегчением сказал:

— Что ж, по крайней мере мы не умрем с голода, пока не кончится трава!

Но Траз предостерегающе возразил:

— Лучше до темноты попасть в горы. На равнине ночные собаки легко расправятся с нами.

— Мы должны спешить и по более веской причине, — заметил Анахо. — Дирдиров не удастся долго обманывать.

Рейш окинул взглядом пустынное небо и унылый ландшафт.

— Может быть, они отстанут от нас.

— Никогда! Чем труднее охота, тем больше растут их азарт и злоба.

— Мы уже недалеко от гор; на худой конец спрячемся за глыбами камня или в какой-нибудь расщелине.

После часовой ходьбы они очутились у разрушенной гряды отвесных базальтовых скал. Траз внезапно остановился и понюхал воздух; хотя Рейш ничего не заметил, он давно уже научился уважать невероятно развитое чутье юноши кочевника.

— Испражнения фунга. Он был здесь около двух дней назад.

По спине Рейша пополз неприятный холодок. Он вытащил пистолет; в нем оставалось еще восемь разрывных пуль. «Когда боеприпасы кончатся, оружие станет бесполезной обузой», — подумал Рейш. Может быть, счастье изменило ему?

Он спросил Тразу:

— Фунг далеко?

Юноша пожал плечами.

— Они безумцы. Единственное, что я могу предложить, — укрыться за той каменной глыбой.

Рейш и Анахо тревожно огляделись. Наконец дирдирмен заявил:

— Первой нашей заботой должны быть Дирдиры; опасность возрастает с каждым мгновением. Они, должно быть, обнаружили нас, еще когда мы ехали на повозке, поэтому могут легко проследить наш путь до Сиадза. Но у нас еще есть возможность спастись, особенно если у них нет с собой устройств для слежки.

— Что это такое? — спросил Адам.

— Детекторы человеческого запаха или тепла, испускаемого телом. Одни приборы служат для определения отпечатков ног по остаточному теплу, другие — для выявления испарений двуокиси углерода; они позволяют определять, где находится дичь на расстоянии пяти миль.

— А когда охотники поймают свою жертву?

— Дирдиры — консервативные создания. Они не признают каких-либо новшеств, — объяснил Анахо. — Им не нужна охота как таковая, но важен ее результат; вот что движет ими. Они считают себя хищниками и не связаны никакими присущими низшим существам условностями.

— Другими словами, — мрачно заключил Траз, — нас съедят.

Воцарилось тягостное молчание. Наконец Рейш сказал:

— Постараемся ускользнуть от них; впрочем, как говорил локхар Зарфо, смерть приходит только один раз!

Траз показал вверх.

— Видишь расщелину в скалах вон там? Если и существует какая-нибудь дорога, она должна проходить в этом месте.

Торопливо оглянув холмики земли, цепляясь за колючки и острые каменные выступы, спотыкаясь о валуны, беглецы устремились к скалам. Каждый то и дело всматривался в небо. Наконец расщелина оказалась перед ними: никаких следов дороги! Если она когда-то и существовала, ветры и эрозия давно уничтожили даже следы...

Внезапно Анахо испуганно вскрикнул:

— Приближается воздушный корабль! Дирдиры!

Рейш подавил в себе панику. Он всмотрелся в расщелину. В середине выбивался из земли небольшой источник, образующий озерцо стоячей воды. Справа — крутой откос, слева нависал массивный выступ. Он отбрасывал густую тень на нижнюю часть скалы, в которой выделялось черное пятно: жадно распахнутая пасть пещеры.

Они укрылись за каменной глыбой, заслонявшей половину расщелины. К Сиадзу плавно, с величественной неумолимостью приближался летательный аппарат Дирдиров.

— Они не смогут уловить тепло из-за скалы, — спокойно сказал Рейш. — А выдыхаемая нами двуокись углерода остается в ущелье, не поднимаясь с воздухом вверх. — Он повернулся, осмотрел долину.

— Ты прав, бежать нет смысла, — уныло согласился дирдирмен. — Если уж они забрались за нами так далеко, то теперь, конечно, не отстанут.

Через пять минут воздушный корабль повернул от Сиадза и полетел на восток на высоте двух-трех сотен ярдов. Внезапно он замер в воздухе, затем начал описывать круги.

— Они нашли наши следы, — глухо пробормотал Анахо.

Аппарат проплыл над равниной и направился прямо к ущелью. Рейш потянулся за пистолетом.

— Осталось восемь патронов. Вполне достаточно, чтобы из восьми Дирдиров получилось восемь трупов.

— Недостаточно даже для того, чтобы убить одного. У каждого специальные щиты и защитный экран против такого оружия, — возразил дирдирмен, опасно глядя в небо.

Воздушный корабль неумолимо приближался и вот-вот должен был зависнуть над ними.

— Нам лучше спрятаться в пещере, — предложил Траз.

— Но там же убежище фунга — это видно по всему, — заметил недовольно Анахо. — Или ход, проделанный Пнумами. Лучше уж умереть на чистом, свежем воздухе, юноша!

— Мы пересечем озеро вброд и спрячемся под нависшей скалой, — спокойно продолжил кочевник. — Тогда они, может быть, потеряют след и пойдут вверх от источника, в долину.

— Так или иначе, если мы останемся здесь, нам конец, — подвел итог Рейш, — поэтому сделаем, как советует Траз.

Они бегом пересекли небольшое озеро, шлепая по воде. Дирдирмен бежал последним, брезгливо поджимая ноги. Под каменным выступом, где они укрылись, запах фунга чувствовался еще сильнее.

Из-за вершины стоявшей напротив горы выплыл воздушный корабль.

— Нас все-таки заметят! — тихо сказал Анахо. — Мы как на ладони!

— В пещеру, — прошептал Рейш. — Заберемся глубже!

— Но фунг...

— Неизвестно, существует он или нет, а Дирдиры уже рядом.

Рейш шагнул в темноту, за ним последовали Траз и Анахо. Тень от воздушного корабля накрыла озеро; потом темное пятно поползло дальше, в сторону долины.

Рейш зажог фонарь. Они находились в огромной пещере неправильной формы, выход из которой терялся во тьме. Пол устилали светло-коричневые чешуйки и хлопья, образующие толстый слой, в котором тонули ноги. Стены усеяны роговыми полусферами размером с человеческий кулак.

— Личинки ночных собак, — объяснил Траз.

С минуту беглецы стояли молча и прислушивались; Анахо осторожно подошел к входу в пещеру, с опаской высунул голову и сразу же возвратился.

— Они потеряли наш след и кружат над ущельем.

Рейш погасил фонарь и тоже выглянул из укрытия. Воздушный корабль бесшумно, словно упавший лист, приземлился на расстоянии ста ярдов от пещеры. Показались пять Дирдиров; несколько мгновений они о чем-то совещались, затем двинулись к расщелине. Каждый нес длинный прозрачный щит. Внезапно, как по сигналу, пара похо-

жих на серебряных леопардов Дирдиров длинными прыжками помчалась вперед, поворачивая голову из стороны в сторону, словно приносящаяся. Два их товарища следовали за ними, держа наготове оружие, пятый оставался в тылу. Существа, бегущие впереди, резко остановились и начали переговариваться, испуская странные пiski и мычание.

— Это их охотничий язык, — заявил Анахо. — Он — наследие древних времен, когда Дирдиры еще были животными.

— Они и сейчас ничем не отличаются от зверей.

Существа остановились на дальнем берегу озера. Они всматривались, вслушивались, приносялись... Охотники чуяли, что добыча находится поблизости.

Рейш попытался прицелиться, но Дирдиры все время двигались и махали щитами.

Один из охотников разглядывал долину в бинокль, другой поднес к глазам какое-то черное приспособление и сразу же увидел что-то, заинтересовавшее его. Сделав гигантский прыжок, он достиг места, где стояли Рейш, Траз и Анахо перед тем, как пересечь озеро и добраться до пещеры. Глядя в черный аппарат, Дирдир проследил путь добычи до воды, а затем оглядел участок под выступом. Наконец он что-то пропищал своим товарищам; щиты, укрывающие их, вздрогнули и зашевелились.

— Они заметили вход, — пробормотал Анахо, — и знают, что мы здесь.

Рейш пристально всмотрелся в глубину пещеры.

— Там, сзади, находится фунг, — сухо заметил Траз, — или он был здесь совсем недавно.

— Откуда ты знаешь?

— Запах. А еще я чувствую присутствие фунга.

Рейш снова перевел взгляд на неумолимо приближавшихся Дирдиров. Антенны на их головах ослепительно сверкали.

— Назад, в пещеру. Может быть, удастся устроить им что-то вроде засады, — твердо сказал Рейш.

Анахо издал славенный стон, Траз промолчал. Они уходили все дальше во тьму; под ногами хрустели какие-то обломки. Внезапно Траз дернул Рейша за руку и прошептал:

— Посмотри, видишь позади свет? Фунг где-то рядом, совсем близко!

Рейш остановился и пристально всмотрелся в темноту, но ничего не заметил. Ни звука: полная тишина. Вдруг ему показалось, что откуда-то доносятся слабые скрежежущие звуки, и он осторожно отступил, держа наготове пистолет. Спустя мгновение его глаза смогли различить желтоватый свет — колеблющееся мерцание, отражавшееся на каменной стене. Скрежет становился все громче. Затаив дыхание, Рейш выглянул из-за выступа и увидел подобие комнаты в естественной нише пещеры.

Там, вполоборота к ним, сидел фунг и чистил нагрудные доспехи. Масляная лампа тускло освещала нишу. Сбоку, на колышке, висели широкополая черная шляпа и плащ.

У входа в пещеру по-прежнему замерли на страже четыре Дирдира, держа перед собой щиты и нацелив оружие; исходящее от них сияние освещало путь.

Траз оторвал от стены одну личинку и бросил ее в фунга, который от неожиданности издал звук, похожий на клокотание. Юноша подтолкнул Рейша и Анахо, заставив их укрыться за выступом скалы.

Фунг шагнул вперед; теперь они видели его тень, колеблющуюся в мерцании лампового света. Он возвратился в свою нишу, потом снова появился, на этот раз облаченный в плащ и шляпу.

Некоторое время загадочное существо стояло, прислушиваясь, так близко от замершего от ужаса Рейша, что, казалось, может слышать его пульс.

Дирдиры сделали три прыжка вперед, и их сияющие антенны осветили неясным белым светом нишу. Фунг стоял словно восьмифутовая статуя. Внезапно, издав серию kloкочущих звуков, явно выражавших недовольство, он проделал несколько пируэтов и очутился рядом с Дирдирами. На мгновение противники замерли, изучая друг друга. Затем фунг, резко выбросив вперед руки, схватил двух Дирдиров, сдвигая и разрывая их на части; остальные охотники, молча отступавшие шаг за шагом, схватились за свои смертоносные приспособления. Фунг прыгнул на них, и бесполезное оружие отлетело в сторону. Увидев, что он оторвал у одного охотника голову, его товарищи бросились бежать по мелководному озеру. Исполнив странный танец, фунг понесся как вихрь и, подняв тучу брызг, выскочил перед ними. Одного он свалил на землю и наступил на него; второй в панике бежал прочь от пещеры. Оглянувшись, фунг пустился за ним в погоню.

Рейш, Траз и Анахо выскочили наружу и помчались к воздушному кораблю; единственный оставшийся в живых Дирдир заметил их и отчаянно закричал. Фунг остановился, опешив от неожиданности. Воспользовавшись этим, Дирдир укрылся за скалой, а затем с необычайной быстротой проскочил мимо фунга. Он схватил упавшее оружие и полоснул им по ноге врага. Тот упал как подкошенный. Отрубленная конечность откатилась в сторону.

Траз, Рейш и Анахо добрались до цели. Дирдирмен быстро уселся за панель управления. Увидев это, Дирдир дико вскрикнул и стремглав бросился к кораблю. Фунг совершил невероятный прыжок и приземлился на спину охотника. Превратив его в месиво из раздавленных костей, мяса и лохмотьев кожи, фунг запрыгал на одной ноге к центру озера, где застыл как аист, печально рассматривая оставшуюся конечность.

Глава 3

Под ними проплывали глубокие ущелья, разделенные острыми, как лезвие ножа, каменными грядками. Эти темные разрезы в плоти земли шли параллельно друг другу. Глядя вниз, Рейш размышлял, есть ли у них шансы выбраться из гор живыми и достичь Драсчада. Вряд ли... Неизвестно, что за твари таятся в глубине этих узких ущелий. Старик в Сиадзе упоминал о пизантилиях и ферах. Кто еще может подстергать их здесь? Вдруг в расщелине между двух скал он заметил крошечное пятнышко неправильной формы, словно здесь находился выход горной породы или маленькая деревушка, хотя никого не было видно. Где ее жители находят воду? В глубинах ущелий? Каким путем добывают пропитание? И зачем они забрались так высоко — настоящее орлиное гнездо? Впрочем, все его вопросы пропали втуне. Загадочное пятно скрылось позади во мраке.

Из задумчивости Рейша вывели какие-то странные звуки — вздыхающий, скрежещущий шепот, шепелявая речь. Анахо нажал на кнопку, и голоса исчезли. Поскольку дирдирмен не выражал никакого беспокойства, Рейш быстро забыл об этом.

Солнце уже клонилось к закату. Ущелья сменились гигантскими провалами, дно которых тонуло в чернильной тьме. Их края и острые вершины скал блестели, словно червонное золото под последними желто-коричневыми лучами Карины-4269. Унылые и мрачные места, навевающие мысли о смерти... Рейш с непонятной грустью вспомнил деревню, оставшуюся далеко позади. А может, она прикинулась ему?

Горная гряда превратилась в гигантский крутой откос; между скал все чаще встречались небольшие долины. Впереди лежал Драсчад; заходящее солнце оставляло сверкающий след на свинцовой поверхности.

Показался выдававшийся в океан мыс; на его берегу стояло несколько рыбацких судов с высоким носом и кормой. Вдоль прибрежной полосы тянулась деревня, обозначенная в наступившей темноте мигающими огоньками окон.

Анахо медленно кружился над селением.

— Ты заметил каменное здание с двумя куполами и синими фонарями? — спросил он. — Это таверна или постоялый двор. Я предлагаю спуститься и отдохнуть здесь. У нас был очень трудный день!

— Хорошо. А могут Дирдиры узнать, где мы находимся?

— Риск небольшой. Вряд ли у них есть приборы, способные на это. И я сразу отключил идентификационный кристалл. Во всяком случае тут они бывают очень редко.

Траз с подозрением посмотрел вниз. Выросший на степных просторах, он не доверял морю и живущим около него людям, считая,

что им передались изменчивость и коварство самой непостоянной из стихий.

— Эти деревенщины легко могут напасть на нас, — возразил он.

— Не думаю, — произнес Анахо высокомерным тоном, который всегда раздражал Траз. — Во-первых, мы находимся на границе государства Ванкхов, и местные жители уже привыкли к пришельцам. Во-вторых, в большом постоялом дворе мы всегда можем рассчитывать на радушный прием. В-третьих, рано или поздно нам все равно придется сойти на землю, чтобы поесть и напиться. Так почему бы не здесь? Мы рискуем не больше, чем в любой другой гостинице на Тчаи. И в-четвертых, у нас нет никаких планов, цели, места, куда нам следует побыстрее добраться. Глупо лететь неизвестно куда целую ночь!

Рейш засмеялся.

— Ты меня убедил. Давай спустимся.

Траз мрачно покачал головой, но не стал возражать.

Анахо приземлился на площадке возле постоянного двора, вблизи аллеи из высоких черных деревьев; их ветви качались, и листва шелестела под дуновением холодного ветра с моря. Они осторожно сошли на землю, но их появление не привлекло большого внимания. Шедшие вдоль деревьев два человека в шляпах, которые они крепко придерживали за поля, чтобы их не сорвал ветер, остановились на мгновение, осмотрели корабль и, перекинувшись парой слов, продолжили свой путь.

Убедившись, что опасность, по крайней мере в ближайшее время, им не грозит, трое друзей направились к постоялому двору, вошли через массивную деревянную дверь в большой зал. Несколько человек с редкими русыми волосами и бледными лицами стояли у камина, держа в руках оловянные кружки. Они были одеты в грубую одежду из серого и коричневого полотна и высокие, до колен, сапоги из тщательно промасленной кожи. Оглядев их, Рейш решил, что это рыбаки. Разговор смолк; все, стоявшие у камина, повернулись к вошедшим. Впрочем, через мгновение они опять вернулись к своим кружкам и беседе, словно забыв о чужаках.

Из задней двери вышла женщина в черном платье.

— Кто вы такие?

— Путешественники. Нам нужна еда и пристанище на ночь.

— Откуда вы? Люди заливов? Или рэбы?

— Ни те, ни другие.

— Часто странниками становятся злодеи, изгнанные из своих родных краев.

— Ты права, так часто бывает.

— Ну хорошо, что вы хотите на ужин?

— А что есть?

— Хлеб и копченый угорь.

— Ну что ж, подойдет.

Женщина пробормотала что-то себе под нос и вышла; к обещанным блюдам она добавила еще салат из сладких водорослей и поднос с приправами.

— Этот постоянный двор, — сообщила хозяйка, — прежде был убежищем пиратских королей фогларов. В его подземельях они прятали клады. Но сейчас здесь находят только кости, много костей... Чаше сломанных, а иногда опаленных. Жестокие люди были эти фоглары... Ну да ладно! Не желают ли гости чая?

Путники сели поближе к огню; снаружи бешено завывал ветер. Снова зашла хозяйка и помешала угли.

— Спальни находятся дальше, за общей комнатой. Если вам надо женщин, могу послать за ними. Я сама уже не сумею доставить вам удовольствие из-за болей в пояснице. Но это — за дополнительную плату.

— Не волнуйся, мы обойдемся без женщин, — успокоил ее Рейш, — нас вполне удовлетворяют чистые постели.

— Странные вы путешественники, прилетаете сюда на таком отличном воздушном корабле... А ты, — и она ткнула пальцем в Анахо, — вполне можешь сойти за дирдирмена. Это корабль Дирдиров?

— Может быть, я — дирдирмен, возможно, это корабль Дирдиров. А еще возможно, что мы выполняем важное поручение и должны соблюдать особую осторожность... — таинственно намекнул Анахо.

— Ага, понятно! — Хозяйка поджала губы. — И конечно, тут замешано что-то, связанное с Ванкхами! Вы знаете, на юге происходят большие перемены? Судя по всему, диковинные твари разругались с ванкхенами!

— Мы знаем об этом, — коротко ответил дирдирмен.

Женщина наклонилась.

— А как же Ванкхи? Они что, уходят? До нас дошли такие слухи...

— Думаю, нет, — заявил Анахо. — До тех пор пока Дирдиры будут занимать Хаулк, Ванкхи не перестанут удерживать свои крепости в Кисловане, да и Синие Часчи держат свои торпедные аппараты наготове.

Женщина яростно сплюнула на пол.

— А мы, бедные, никчемные человечки — пешки в руках великих рас, — никогда не знаем, чьей стороны держаться! Черт бы побрал их всех! — И погрозив югу, юго-западу и северо-западу, где жили ее главные враги, тощим кулаком, она вылетела из комнаты.

Друзья сидели в старинном каминном зале, наблюдая за пляской огненных язычков в камине.

— Ну, что будем делать завтра? — спросил Анахо.

— Моя цель не изменилась, — ответил Рейш, — я хочу возвратиться на Землю. Где угодно и каким угодно способом я должен достать космический корабль. Но для вас это не имеет смысла; можете до-

браться до безопасного места, скажем, до островов Облака, и остаться там или вернуться в Смаргаш. Сначала мы полетим туда, где у вас будет возможность скрыться, а затем, если вы не против, я один продолжу свой путь на воздушном корабле.

Длинное лицо Анахо, похожее на маску арлекина, приняло почти чопорное выражение.

— Ну и куда ты собираешься лететь?

— Ты говорил о космической базе в Сивише. Вот туда я и направляюсь.

— А как с деньгами? Тебе потребуется очень много цехинов, сноровки и, что важнее всего, везения.

— Что касается денег, всегда остается Карабас.

Анахо задумчиво кивнул головой.

— То же самое может сказать любой сорвиголова на Тчаи. Но это отчаянное предприятие, очень редко заканчивающееся удачей. Карабас находится на территории охотничьих владений Дирдиров. Нарушители границ становятся их легкой законной добычей. Но даже если тебе удастся ускользнуть от охотников, есть еще головорезы Буозли, Голубая банда, женщины-вампиры, шулеры, убийцы. На каждого, кто добыл горсть цехинов, приходится трое, сложивших свои головы или послуживших пищей Дирдирам.

Рейш упрямо нахмурился.

— Ничего не поделаешь, придется идти на риск.

Они продолжали сидеть и смотреть на огонь.

— Когда-то, очень давно, я носил эмблему Онмале, — размеренно заговорил Траз, — и с тех пор так и не смог избавиться от ее влияния. Иногда я чувствую, что знак вождя как будто зовет меня из-под земли. С самого начала она связала наши жизни, и сейчас, если бы даже захотел, я не оставляю Адама Рейша одного, ибо страшусь Онмале.

— А я беглец, утративший все, — продолжил Анахо. — У меня нет своей жизни. Мы уничтожили первую группу охотников-«Добровольцев»¹, но рано или поздно появятся другие. Дирдиры — упрямые существа. Знаете, где нам лучше всего укрыться? В Сивише, недалеко от города Дирдиров Хеи. А что касается Карабаса... — С этими словами дирдирмен печально вздохнул. — Адаму Рейшу, видимо, суждено выжить. Ему улыбается фортуна! Мне не остается ничего лучшего, как положиться на случай.

— Я не хочу ничего говорить, — сказал Рейш. — Только поблагодарить, что вы не бросаете меня.

¹ Не вполне точный перевод слова «тсау'гш»; буквально — группа охотников, которая соглашается на выполнение какого-нибудь задания или работы с целью завоевания определенного положения в обществе и упрочения своей репутации.

Они по-прежнему сидели, глядя в камин, и слушали, как за окнами воет ветер.

— Итак, мы договорились: наш путь лежит в Карабас, — подвел итог Рейш. — Почему бы не отправиться туда в воздушном корабле?

— Только не в Черной Зоне, — щелкнул пальцами Анахо. — Там нас очень быстро обнаружат Дирдиры и сразу же бросятся в погоню.

— Нужно разработать план действий, не можем же мы соваться туда наобум — это глупо, — предложил Рейш.

Анахо кисло улыбнулся.

— У каждого, кто проникает в Зону, есть свой план действий. Одни пробираются ночью, другие маскируются и обматывают ноги пухом, чтобы не оставлять следов. Некоторые объединяются в группы, кто-то действует в одиночку, считая, что так безопаснее. В Зону пробираются со стороны Зимле или из Мауста. Но результат обычно одинаков для всех.

Рейш задумчиво потер щеку.

— А дирдирмены принимают участие в охоте?

Анахо снова усмехнулся, упорно глядя в огонь.

— Известно, что Безупречные дирдирмены иногда охотятся. Но твоя идея неудачна. Ни один из нас не сможет выдавать себя за Безупречного.

Горящие дрова в камине постепенно превратились в золу. Путники разбрелись по своим уютным, с высокими потолками, мрачным спальням с жесткими кроватями. Даже одеяла, в которые они безуспешно кутались, пытались согреться, пахли морем.

Утром, наспех позавтракав солеными бисквитами, запив их неким подобием чая, трое друзей расплатились по счету и покинули постоялый двор.

День выдался хмурый; даже деревья не могли защитить от липкого холодного тумана, устилавшего землю. Они влезли в корабль и взмыли вверх, пробиваясь сквозь собравшиеся тучи; только спустя долгие часы корабль наконец очутился в чистом, залитом солнцем небе. Они летели на запад над океаном Драсчад.

Глава 4

Внизу лежал Драсчад — океан, который не так давно (хотя Рейшу казалось, что прошла целая вечность) он пересек на борту судна «Варгаз». Анахо вел воздушный корабль в опасной близости от океанских волн. Это уменьшало риск, что их засекут локаторные экраны Дирдиров.

— Нам необходимо кое-что обсудить, — объявил дирдирмен, поворачиваясь к остальным. — В принципе начавшаяся на нас охота должна быть завершена, но Дирдиры не такой сплоченный народ,

как Ванкхи; их поведение зависит от индивидуальной инициативы, так называемой «эхна-дих». Это означает «великий и стремительный прыжок по следу, сияющему как искры». Рвение охотящихся за нами зависит от того, находился ли главный охотник — тот, кто совершает основной «эхна-дих», — на борту воздушного корабля, и мертв ли он сейчас. Если последнее верно, то опасность для нас значительно уменьшается. Возможно, конечно, что другой Дирдир пожелает достичь «хсо», что означает «абсолютное господство», и организует другой «эхна-дих». Тогда наше положение ничуть не улучшилось. Если главный охотник жив, он становится нашим заклятым врагом.

Рейш хмыкнул и поинтересовался:

— А кем же он тогда был раньше?

Анахо проигнорировал насмешливую реплику друга и продолжал:

— Главный охотник имеет в своем распоряжении все силы общины, хотя в основном он осуществляет «хсо» путем своего «эхна-дих». Однако, если он заподозрит, что мы летим на воздушном корабле, то вполне может отдать приказ искать нас с помощью локаторов. — И Анахо показал на диск из серого стекла, расположенный сбоку панели приборов. — Если дотронуться до поискового экрана, можно увидеть сетку оранжевых линий.

Время текло медленно. Анахо вкратце объяснил принцип управления кораблем, и теперь Траз с Рейшем осваивали приборы управления. Солнце проплыло по небосводу, обогнав путешественников, и уже клонилось к закату. Внизу простирался бесконечный Драсчад — загадочная серо-коричневая пустыня, сливающаяся с небом.

Анахо стал рассказывать о Карабасе.

— Большинство охотников за цехинами прибывают со стороны Мауста, расположенного на расстоянии пятидесяти миль к югу от Первого моря. Там полно лавок, продающих все необходимое для похода — снаряжение, карты, справочники и все остальное, были бы только деньги. Мне кажется, что мы можем отправиться туда с таким же успехом, как и в любое другое место.

— Где обычно находят драгоценные клубни?

— Везде! Нет никаких правил, никакой системы их поиска. Единственный закон: чем больше искателей, тем меньше клубней.

— Тогда почему нам не выбрать менее популярное место для похода в Зону?

— Мауст так известен, потому что так идти удобнее всего.

Рейш задумчиво посмотрел вперед, в сторону еще неразличимого побережья Кислована, размышляя о предстоящих опасностях.

— А что, если мы не пойдем ни по одной из известных троп, но найдем еще один проход между ними?

— Какая разница? Зона везде одинаковая, с какой стороны туда ни заходи.

— Но должен же быть какой-то другой, менее рискованный путь? Анахо неодобрительно покачал головой.

— Ты странное, упрямое создание! И после таких слов ты еще считаешь себя лишенным тщеславия и высокомерия?

— Конечно!

— Но как ты можешь рассчитывать на успех там, где другие потерпели неудачу? — не успокаивался дирдирмен.

Рейш усмехнулся:

— С каких это пор попытка проанализировать чужие неудачи считается тщеславием?

— У Дирдиров есть понятие «зс ханх», — вместо ответа стал объяснять Анахо. — Это означает «возвышающее душу безразличие к деятельности других». Дирдиры делятся на двадцать восемь каст, которые я не буду перечислять, не считая четырех, доступных дирдирменам: Великолепные, Безупречные, Стремящиеся и Несовершенные. «Зс ханх» считается отличительным признаком Дирдиров, принадлежащих к четвертой касте и выше. Великолепные также практикуют «зс ханх». Это отличие благородных духом.

Рейш удивленно покачал головой.

— Как Дирдиры сумели создать высокоразвитую техническую цивилизацию и ухитряются управлять ею? С таким хаосом противоборствующих духовных установок?!

— Ты еще не все узнал, — продолжал Анахо более гнусавым, чем обычно, голосом. — Дело обстоит гораздо сложнее. Чтобы подняться по кастовой лестнице, Дирдир должен попасть в самую высокую группу в своей касте. Он добивается этого путем самосовершенствования и выполнения сложных общественных задач, а не ссорами и интригами. «Зс ханх» не всегда исповедуется низшими кастами, так же, как и высшими, которые предпочитают принцип «пн ханх» — «всепроницающая или крушащая металл проницательность».

— Я, должно быть, принадлежу к одной из высших каст, — сказал Рейш. — Я бы стал сторонником учения «пн ханх», а не «зс ханх». Я согласен на все, что поможет избежать лишнего риска. — Посмотрев на вытянувшееся, сердитое лицо Анахо, Рейш усмехнулся.

Дирдирмен, судя по всему, с трудом удержался от замечаний по поводу способностей своего друга к возвышенным рассуждениям об учениях Дирдиров, боясь, что его поднимут на смех.

Солнце опускалось с неестественной быстротой: но чем дальше они продвигались на запад, тем медленнее надвигались сумерки. К концу дня горизонт заслонила серо-фиолетовая полоса земли, за которой постепенно скрывался диск бледно-коричневого солнца. Это был остров Леум, расположенный вблизи континента Кислован.

Анахо повернул корабль к северу и приземлился в грязной деревне на песчаном северном мысе. Они переночевали в постоялом дворе

«Стеклодув» — здании, заполненном бутылками и кувшинами, выброшенными за ненадобностью из лавок, расположенных у песчаных карьеров за селением. В доме пахло сыростью, в воздухе витал отвратительный едкий запах. Ужин, состоявший из супа, поданного в тяжелых зеленых стеклянных тарелках, отдавал той же вонью. Первым это заметил Рейш; Анахо подозвал слугу, из племени серых, и ехидно поинтересовался о происхождении этого аромата. В ответ тот показал на большое черное насекомое, бежавшее по полу.

— Конечно, скараты отвратительные твари и пахнут мерзко. Настоящая напасть на наши головы! Зато они съедобны и довольно сытные. Видите, даже им мы нашли достойное применение! Но сейчас этих тварей осталось так мало! Не то что раньше!

Рейш уже давно научился осторожности и никогда не задавал лишних вопросов относительно еды, но сейчас с подозрением уставился в тарелку.

— Ты имеешь в виду... суп?

— Ну да, — заявил слуга, — и суп, и хлеб, и соленья — все приправляется скаратами. Если бы мы не использовали их для этого, они бы уже здесь кишмя кишели! К тому же твари не так плохи на вкус, как кажется. Думаю, вам понравится.

Рейш быстро отодвинул тарелку, Траз бесстрастно продолжал есть. Анахо, с отвращением понюхав еду, после некоторого колебания возобновил трапезу. Рейш постарался вспомнить, был ли на планете Тчаи хоть один случай, когда человека стошнило от пищи, но его старания не увенчались успехом. Он глубоко вздохнул и, поскольку другого кушанья не предвиделось, давясь, стал глотать прогорклый суп. На следующее утро попытка повторилась: на завтрак троице друзей опять предложили то же блюдо, на сей раз с приправой из морских растений. Судя по всему, другой еды на постоялом дворе вообще не было. Позавтракав, они сразу же покинули это негостеприимное место и полетели на северо-запад через залив Леум и каменные пустыни Кислована.

Анахо, всегда подозрительный, сейчас сохранял полное спокойствие; он оглядывал небо, изучал землю внизу, проверял положение рукояток и кнопок на пульте, рассматривая обивку швов из коричневого меха и ярко-красного бархата, следил за показаниями приборов.

— Мы приближаемся к месту, где живут Дирдиры, — объявил он. — Пора менять курс; мы повернем на север, к Первому морю, затем полетим на запад к Кхораи, где придется оставить корабль и дальше следовать дорогой Зогаар Зум Фулкаш Ам¹ к Маусту. А дальше... дальше Карабас.

¹ Буквально: Дорога черепов со сверкающими пурпурным цветом глазницами.

Глава 5

Воздушный корабль летел над Великой каменной пустыней, параллельно черным и красным пикам хребта Зопап, минуя иссушенные пыльные равнины, древние, выветренные почти до основания скалы, черно-розовые песчаные дюны, изредка встречая оазисы белых дымчатых деревьев.

Начавшийся после полудня ураган поднял тучи желтой пыли, затмившей небо и землю. Солнце исчезло во мраке бури. Анахо повернул корабль к северу; вскоре на горизонте показалась темно-голубая полоса, указывающая на приближение к Первому морю.

Дирдирмен быстро посадил корабль в безлюдном месте, за десять миль от моря.

— До Кхораи еще несколько часов хода. Лучше не появляться там после наступления темноты. Кхоры — вспыльчивый народ и хватаются за свои ножи при каждом удобном случае. Ну а ночью они нападают без всякого повода.

— И эти люди будут охранять наш воздушный корабль?

— А какой вор, даже если он сумасшедший, посмеет сунуться к кхорам?

Рейш печально вздохнул, глядя на окружавшую их пустыню.

— Я предпочел бы даже ужин в гостинице «Стеклодув», чем сон на пустой желудок.

— Хо! — воскликнул Анахо. — В Карабасе ты будешь часто с тоской вспоминать тишину и покой этой ночи!

Они улеглись спать прямо на песке. Ночь выдалась темная, но воздух был кристально чистым, а на небе — ни облачка. Прямо над головами сияло созвездие Клари, где еле заметно мерцало родное Солнце. Попадет ли Рейш на свою планету? Будет ли когда-нибудь вот так же лежать ночью, глядя на далекое Арго Навис, стараясь разыскать крошечную коричневую звездочку, Карину-4269, с ее бледно-янтарным спутником Тчаи?

Мысли Рейша внезапно прервались — корабль осветило какое-то слабое мерцание. На всякий случай он пошел проверить; свет исходил от оранжевых линий, мелькающих на экране радара. Через пять минут он потемнел, и Адама охватило щемящее ощущение одиночества.

Утро выдалось ясным, солнце уже довольно высоко поднялось, а небо было таким чистым и прозрачным, что каждый холмик и даже камень оставляли длинную черную тень. Подняв воздушный корабль, Анахо полетел над землей низко-низко — он тоже заметил оранжевое мерцание прошлой ночью. Пустынная местность становилась все менее угрюмой: появились небольшие рощицы дымчатых деревьев, а вскоре и черные раскидистые деревья и кустарники.

Корабль достиг Первого моря и повернул на запад, следуя вдоль береговой линии. Они миновали несколько деревень — беспорядочно

рассыпавшихся домов из темно-коричневого кирпича с коническими крышами из черного железа, стоящих около рощ огромных деревьев, которые, по словам Анахо, считались священными. Небольшие пирсы, выглядевшие сверху как мертвые сороконожки, врезались в темную воду; вдоль всего берега покачивались на привязи лодки, сделанные из черного дерева. Через сканскоп Рейш заметил людей с горчично-желтым цветом кожи, одетых в черные халаты и высокие черные шапки. Они хмуρο смотрели вверх на пролетающий корабль.

— Кхоры, — заявил Анахо. — Станный народ, у них своя, особая жизнь. Они разные днем и ночью — во всяком случае, так гласит молва. Каждый имеет две души, которые приходят и уходят с рассветом и на закате солнца, поэтому любой кхор — это два различных человека. О них ходят удивительные истории. — Он махнул рукой. — Видишь там, впереди, место на берегу, похожее на воронку?

Посмотрев в указанную сторону, Рейш заметил одну из уже попадавших им рощ и ряд мрачных коричневых домов с крышами из черного железа. От небольшой площади шла дорога через холмы на юг, в сторону Карабаса.

Анахо продолжал:

— Это священная роща кхоров, где, как говорят, происходит обмен душ. А рядом видна остановка моторных повозок и дорога на Мауст. Дальше лететь на воздушном корабле нельзя, мы должны спуститься и поехать в Мауст как обычные охотники за цехинами; так будет лучше.

— Но останется ли здесь корабль, когда мы вернемся?

Анахо показал вниз, в сторону причала.

— Видишь лодки на якоре?

Посмотрев через сканскоп, Рейш увидел три или четыре дюжины суденышек.

— Эти лодки, — объяснил дирдирмен, — доставляют собирателей цехинов в Кхораи из Коада, Хедаджи, островов Лоу, со Второго и Третьего морей. Если их владельцы возвратятся в течение года, то забирают свои лодки и отправляются отсюда домой. Если же не появляются, то их имущество становится собственностью начальника причала. Мне кажется, нам тоже имеет смысл заключить такой договор.

Возражений не последовало, и дирдирмен начал снижаться к берегу.

— Запомните, — предупредил Анахо, — кхоры — обидчивый народ! Не заговаривайте с ними. Не обращайтесь к ним внимания, а если уж придется, старайтесь объясняться как можно короче. Они считают болтливость самым страшным пороком. Не подходите к кхору против ветра, впрочем, по ветру тоже; они могут принять это за проявление враждебности. Никогда не смотрите на женщин, детей: кхоры решат, что вы хотите их слазить. И, самое главное, даже не пытайтесь при-

близиться к священной роше. Основное оружие кхоров — железное копье, которое они метают с поразительной точностью. Это очень опасные люди!

— Будем надеяться, что мы ничего не перепутаем, — усмехнулся Рейш.

Воздушный корабль опустился на сухую гальку. В ту же минуту к ним быстро подбежал высокий худой смуглый мужчина со впалыми щеками и острым, как вершина скалы, носом. Поды его коричневого холщового халата развеивались на ветру. Заблестевшими от возбуждения, запавшими глазами он осмотрел летательный аппарат и визгливо воскликнул:

— Вы направляетесь в Карабас, в этот ужасный Карабас?

— Вообще-то мы собирались туда, — осторожно сказал Рейш.

— Продайте мне ваш воздушный корабль! Четыре раза я проникал в Зону. Я так искусно прятался за скалами, что сумел выбраться живым. Теперь у меня есть цехины. Продайте мне ваш воздушный корабль, чтобы я смог возвратиться в Холангар.

— Весьма сожалею, но он пригодится нам самим, когда мы вернемся, — ответил Рейш.

— Я же предлагаю вам цехины, пурпурные цехины!

— Они нам ни к чему. Мы собираемся туда, чтобы найти свои собственные.

Худой мужчина отчаянно взмахнул руками и с безумным видом быстро побежал вдоль берега. Но визиты на этом не закончились. Вскоре к путешественникам приблизились два кхора — стройные, хорошо сложенные мужчины в черных одеждах и цилиндрических черных шапках, в которых они казались еще выше ростом. Их горчично-желтые лица сохраняли суровую невозмутимость; носы у кхоров были тонкие и маленькие, а уши походили на хрупкие ракушки. Прекрасные черные волосы они подняли вверх и убрали под высокие шапки. Как решил Адам, кхоры представляют собой особую разновидность людей, наподобие часчменов, и, судя по всему, произошли от какого-то маленького, давно исчезнувшего племени.

Старший заговорил тонким мягким голосом:

— Зачем вы здесь?

— Мы собираемся за цехинами, — ответил Анахо. — И надеемся оставить воздушный корабль на ваше попечение.

— Вы должны заплатить за это. Воздушный корабль — ценная вещь.

— Вам же будет лучше, если нам не удастся вернуться. Нам нечем платить.

— Если вернетесь, должны будете заплатить.

— Мы не станем платить. Будете настаивать — полетим прямо в Мауст.

На горчично-желтых лицах не отразилось никаких чувств.

— Очень хорошо. Можете оставаться, но мы даем вам разрешение только до месяца Темаса.

— Всего три месяца? Слишком мало времени! Разрешите нам оставить здесь корабль до конца Меумаса, а еще лучше Азаимаса.

— Хорошо. До Меумаса. Ваш воздушный корабль будет в безопасности; никто не подойдет к нему, кроме тех, у кого вы его украли.

— Он должен быть в полной сохранности, мы не воры.

— Будь по-вашему. До первого дня Меумаса. Плата по первому требованию.

Трое друзей взяли свои вещи и направились через Кхораи к стоянке моторных повозок. Под открытым навесом готовилась к отправлению одна из повозок; около нее столпилось множество людей из всех уголков Тчаи. Друзья оплатили проезд и через час отбыли из Кхораи на юг к Маусту.

Моторная повозка ехала по голым холмам и высохшим болотистым низинам, остановившись только ночью у гостиницы, которую обслуживали несколько белолицых женщин. Судя по их поведению, они или принадлежали к секте, исповедующей священную проституцию, или были просто шлюхами. И еще долго после того, как Рейш, Анахо и Траз улеглись спать на скамьях, которые служили кроватями, из прокуренной общей комнаты доносились пьяные выкрики и дикий смех.

Утром стало сумрачно и тихо. Всюду виднелись следы пролитого вина, пахло остывшим дымом поташенных светильников. Везде в беспорядке лежали люди: некоторые так и заснули, положив голову на стол, остальные растянулись на скамьях; их лица были пепельного цвета.

Вошла прислуга — местные женщины, перекликавшиеся резкими пронзительными голосами; они внесли котлы из тонкого желтого металла «гоулаш». Люди нехотя зашевелились, многие стонали; наконец, угрюмо поев из глиняных чаш, они вышли к моторной повозке, которая вскоре продолжила путь на юг.

К полудню вдали показался Мауст — городок, состоявший из узких зданий с высокими фронтонами и изогнутыми крышами. Дома были построены из черного дерева и облицованы потемневшими от времени плитками. За городом простиралась безжизненная равнина вплоть до мрачных гор Воспоминаний. Подъезжавшую повозку уже ждали мальчишки — слуги местных купцов. Едва заметив путешественников, они разразились оглушительными воплями, размахивая флажками и плакатами, расхваливающими товары их хозяев: «Внимание, собиратели цехинов! Кобо Хакс продает отличнейшие детекторы цехинов», «Составляйте свои планы в гостинице «Пурпурные огни», «Оружие, пуховики, инструменты для копания торгов-

ца Сага — то, что вам нужно!», «Не ищите наугад. Сир Гарзу превосходно указывает крупные месторождения пурпурных клубней», «Убегайте от Дирдиров как можно быстрее: используйте ботинки, поставляемые Авалко», «Ваша кончина превратится в сплошное наслаждение, если перед смертью вы примете эйфорические таблетки, изготовленные по рецепту Лауса де Таугамерга», «Изведайте последние радости на Платформе развлечений. Перед тем как войти в Зону, познайте любовь во всех ее ипостасях!».

Моторная повозка остановилась на окраине Мауста. Пассажиры высадились и сразу попали в толпу кричащих мужчин, шустрых ребятшек, гримасничающих девочек. Каждый горланил свое. Друзья с трудом пробивались сквозь людское месиво, стараясь по мере возможности избежать рук, пытавшихся схватить их или их нехитрый багаж.

Они вышли на узкую улицу, тянувшуюся между высокими, потемневшими от старости, домами; рыжие солнечные лучи едва пробивались между тесно стоящими зданиями. В большинстве из них находились лавки, торгующие любым оборудованием и инструментами, которые могли понадобиться искателям цехинов — наборами инструментов и приспособлений для маскировки, ножами для срезания шипов, щипцами, вилками, ложками, биноклями, картами, справочниками, путеводителями, талисманами и порошками. Из окон многочисленных таверн доносились звуки бубнов, хриплое завывание гобоев, сопровождаемые пьяными восторженными выкриками. В темных закоулках прятались игорные дома, а из гостиниц с ресторанами на первом этаже выплывали аппетитные запахи. Но и дома и улицы выдавали древность Мауста; казалось, даже ароматный сухой воздух сохранился здесь с давних времен. Камни были отполированы до блеска от частых прикосновений рук; деревянные дома потемнели от старости и многочисленных протирааний воском. Старинная коричневая облицовка из плиток слабо поблескивала на свету.

Наконец на центральной площади друзья нашли самую большую гостиницу города с достаточно удобными комнатами, которые одобрил даже взыскательный Анахо. Зато Траз долго ворчал, возмущаясь тратой денег на ненужную, по его мнению, роскошь:

— Мы что, должны платить цену верховой лошади только за то, чтобы провести здесь одну ночь? — негодуяше вопрошал он. — Мы миновали много гостиниц, ничуть не хуже этой, но намного дешевле.

— В свое время ты научишься ценить красоту цивилизации, — снисходительно сказал Анахо. — Пошли посмотрим, что нам здесь предложат.

Они вошли в фойе через главный вход, украшенный резным деревом. Свисающие с потолка люстры имитировали гроздьи цехинов; облицованный плиткой пол украшал великолепный ковер с рисунком из пяти звезд алого и блеклого коричневатого-желтого цвета на черном фоне.

К друзьям подошел управляющий, вопросительно глядя на них. Приосанившись, дирдирмен потребовал три комнаты, чистое белье, воду для купания и благовония.

— И во сколько нам обойдется все это?

— Каждый из вас должен заплатить сто цехинов в сутки, — небрежно ответил управляющий.

От возмущения Траз лишился дара речи, и даже Анахо был несколько ошарашен.

— Что? — воскликнул он. — За три скромные комнаты вы требуете триста цехинов? У вас что, нет чувства меры? Это чересчур много.

Управляющий гордо выпрямил голову.

— Господин, вы пришли в знаменитую гостиницу «Алаван», расположенную у самой границы Карабаса. Наши клиенты никогда ни в чем себе не отказывают — они либо возвращаются богатыми, либо оказываются в желудках Дирдиров. Да и какая разница — несколькими цехинами меньше или больше? Если вы не в состоянии заплатить по нашим ценам, то могу предложить вам «Пещеру спокойного отдыха», принадлежащую гостинице «Черная Зона». Но учтите: в стоимость наших услуг входит плата за еду из отличных свежих продуктов, а также за доступ в библиотеку с картами, путеводителями и техническими средствами, не считая услуг экспертов-консультантов.

— Все это хорошо, — сказал Рейш. — Но вначале мы бы хотели заглянуть в «Черную Зону» и посмотреть еще несколько гостиниц.

Как оказалось, сама «Зона» располагалась над игорным домом, а пресловутая «Пещера спокойного отдыха» представляла собой холодные бараки, построенные на расстоянии нескольких сотен ярдов к северу от города, около свалки.

Посетив еще несколько других гостиниц примерно того же уровня, друзья решили вернуться в «Алаван», где, после долгой торговли, им удалось снять комнаты подешевле. Правда, бдительный управляющий тут же потребовал плату вперед.

Поев тушеного мяса и пирога, они отправились в библиотеку, находившуюся в конце третьего этажа. Одну стену целиком занимала огромная карта Зоны, на полках теснились папки с документами, различные справочники и брошюры. Сбоку сидел консультант — невысокий человечек с грустными глазами, отвечавший на вопросы еле слышным шепотом. Остаток дня троица провела за изучением географии Зоны, использованных другими маршрутов, истории успешных и неудавшихся экспедиций и статистических данных об убитых Дирдирами людях. Итог был неутешителен: из тех, кто попадал в Зону, обратно возвратилось примерно две трети искателей, добывших в среднем по шестьсот цехинов.

— Приведенные здесь цифры могут быть обманчивы, — заявил Анахо. — Ведь в них включены еще и данные о пограничных собирателях, которые никогда не углублялись в Зону больше, чем на пол-

мили. Самое большое число смертей и больше всего цехинов приходится на долю тех, кто работает в горах и на отдаленных склонах.

Наука о собирании цехинов оказалась очень сложной. Предлагались тысячи вариантов поведения во всевозможных происшествиях, основывающихся на статистических данных. Так, увидев отряд Дирдиров, собиратель мог спастись бегством, спрятаться или вступить в бой. Возможность спастись при этом зависела от множества условий и высчитывалась с учетом географии Зоны, времени суток, расстояния до «Врат Надежды» и многого другого. Указывалось, что собиратели цехинов, организованные в отряды для самообороны, привлекали к себе внимание большинства Дирдиров-охотников, и шансы улизнуть у таких отрядов сильно уменьшались. Клубни находили на всех участках Зоны; но больше всего их было в горах Воспоминаний и на Южной платформе — степной равнине, расположенной далеко в горах. Карабас считался ничейной землей; собиратели иногда устраивали засаду друг на друга. Риск в таком случае, согласно статистике, составлял одиннадцать процентов.

Наступили сумерки, и в библиотеке стало темно. Трое друзей нехотя спустились вниз, в столовый зал, где под тремя огромными люстрами слуги в черных шелковых ливреях уже накрыли стол для ужина. Заметив удивление Рейша, не ожидавшего встретить здесь такую изысканность, Анахо сардонически усмехнулся.

— Чем же еще они могут объяснить чрезмерно высокую плату? — Он вышел и вскоре возвратился с тремя бокалами прекрасного крепкого вина.

Развалившись на старинных диванах, они рассматривали других постояльцев гостиницы, большинство из которых одиноко сидели за столиками. Несколько человек сидели парами, а за дальним столом устроилась компания из четырех человек в темной одежде с капюшонами, из которых торчали только длинные носы цвета слоновой кости.

— Сейчас в комнате находится восемнадцать человек, включая и нас, — задумчиво рассуждал дирдирмен. — Девять найдут цехинов, остальные нет. Двое могут даже обнаружить достаточно ценный клубень — пурпурный или алый. Десять, а может быть, двенадцать человек окажутся в желудках Дирдиров. Шестеро или, скажем, восемь возвратятся в Мауст. Те, кто забирается в глубь Зоны, чтобы найти наиболее дорогие клубни, подвергаются самому большому риску. Шесть или восемь человек обнаружат драгоценную добычу, но ее окажется немного; их доход будет небольшим.

— Каждый день пребывания в Зоне человек может четыре раза умереть, — сурово сказал Траз. — Средняя добыча составляет около четырехсот цехинов. Очевидно, эти люди, как и мы, оценивают свою жизнь только в тысячу шестьсот цехинов.

— Значит, мы должны изменить это соотношение в свою пользу, — решительно возразил Рейш.

— Все строят подобные планы, — сухо ответил Анахо. — Но мало кому удастся их осуществить.

— Что ж, мы можем попробовать сделать то, что до нас еще никто не пытался.

Анахо даже не снизошел до ответа, ограничившись скептической ухмылкой.

После ужина они отправились прогуляться по городу. Окна увеселительных заведений сверкали красными и зелеными огнями. На балконах стояли равнодушные девицы с усталыми лицами; они танцевали, принимали зазывные позы для привлечения посетителей и пели странные грустные песни. Но самая бурная жизнь кипела в ярко освещенных игорных домах. Каждое из этих заведений имело, очевидно, определенную специализацию, начиная от игры в кости с четырнадцатью гранями и вплоть до особо сложных, для любителей шахматных поединков против профессионалов, работавших на хозяев игорных домов.

Троица остановилась, чтобы понаблюдать за ходом игры, называемой «Найди самый большой пурпурный клубень!». На широкой доске длиной тридцать и шириной десять футов находился макет Карабаса. Здесь тщательно воспроизвели Форлэнд, горы Воспоминаний, Южную платформу, возвышенности и долины, степи, ручьи и леса. Голубые, красные и пурпурные лампочки указывали на местоположение клубней. Их было очень мало в Форлэнде и значительно больше в горах Воспоминаний и на Южной платформе. Кхуз — охотничий лагерь Дирдиров — представлял собой белый блок с пурпурными шипами на каждом углу. У стола столпилось множество людей, каждый из которых управлял действиями разных фигурок. На доске были прикреплены и четверо миниатюрных стилизованных охотников-Дирдиров. Все по очереди метали четырнадцатисторонний кубик для определения расстояния, на которое передвигались фигурки по маршрутам, которые выбирали сами игроки. Охотники-Дирдиры, преследующие их по тем же принципам, должны были пересечь линию движения какой-либо фигурки, после чего она считалась уничтоженной, и ее убирали со стола. Каждый крошечный «собиратель» должен был пересечь линию светящихся лампочек, показывающих цвет клубней, и таким образом набирал очки. По желанию игрока фигурка, изображающая «собирателя», могла покинуть Зону через «Врата Надежды», и тогда ему выдавали выигрыш. Однако чаще всего жаждущий получить побольше человек держал свою фигурку на доске до тех пор, пока ее не «уничтожал» Дирдир, и в результате терял свои деньги. Игра полностью захватила и Рейша. Участники сидели, вцепившись в перила своих секций, их расширенные глаза возбужденно блеснули. Они нервно ерзали на месте, выкрикивая команды операторам, ликующие от радости при нахождении очередного клубня, нервно фыркая по приближению Дирдира и уныло откидываясь назад, когда уничтожалась их фигурка и они теряли свои выигрыши.

Наконец игра закончилась. На территории миниатюрного Карабаса не оставалось больше ни одной фигурки «собирателей» и Дирдиры больше не охотились в опустевшей Зоне.

Игроки быстро покинули свои секции. Те, кто выиграл, забрали деньги. Новые участники купили фигурки, залезли в будки, и охота началась снова.

Посмотрев игру, друзья отправились дальше. Остановившись возле доски объявлений, Рейш начал внимательно просматривать броские рекламы, красиво выписанные на больших листах бумаги. Некоторые гласили: «Составлялась в течение семнадцати лет! Точнейшая карта великого собирателя Санбоур Яна! Всего за 1000 цехинов! Гарантируем, что она никогда не использовалась»; «Карта Таинственного Гарагонсо, который тайно жил в Зоне, выращивая свои клубни, деля их, как детей. Всего 3500 цехинов! Никогда никем не использовалась».

Недоумевающий Рейш обернулся к Анахо. Тот снисходительно объяснил:

— Очень просто. Такие люди, как Санбоур Ян и Таинственный Гарагонсо, в течение нескольких лет разыскивали наиболее безопасные районы Карабаса и находили там низкокачественные клубни: водянистые и молочные, известные как сердолики, а также бледно-зеленые. Затем они самым тщательным образом отмечали свои находки и прятали их как можно лучше — под грудями мелких камней или ракушек, — надеясь вернуться в эти места через несколько лет, когда клубни созреют. Самой большой удачей было бы найти пурпурные, но поблизости от границы, в безопасных районах, куда чаще всего ходят подобные охотники за цехинами, таких растет очень немного. Чаще всего попадаются водянистые, молочные и сердоликовые, которые еще раньше кем-то были обнаружены и надежно спрятаны. Когда такой человек погибает, его карты становятся ценным товаром. К сожалению, покупка подобных документов связана с риском. Первый же собиратель, в чьи руки попадет такая карта, вполне может использовать ее, собрав самые редкие клубни, а затем выставит уже бесполезный клочок бумаги на продажу как «никогда не использовавшийся». А кто сможет доказать, что она на самом деле использовалась?

Друзья возвратились в гостиницу. В фойе горела единственная люстра, походившая на гроздь драгоценных камней, бросавших мерцающие отблески разноцветного сияния на темное дерево стен. В столовом зале, где оставалось только несколько перешептывающихся постояльцев, царил полумрак. Друзья достали из ниш чашки с крепким чаем и устроились в чем-то вроде кабинета, отгороженного от остального зала.

Траз недовольно заговорил:

— Что Мауст, что Карабас — места для сумасшедших. Мы должны уехать отсюда и попробовать добыть деньги другим способом.

Анахо весело махнул рукой и заметил:

— Мауст всего лишь побочный продукт вечной игры людей и цехинов. Кто победит? Первые погибают, вторые отдают себя в руки самых достойных. Так этот город и следует рассматривать...

— Ты всегда говоришь дурацкими загадками! — возмущенно сверкнул глазами Траз. — Достать цехины в Маусте или Зоне — рискованная и невыгодная для нас игра. Я не собираюсь вступать в нее.

— Что касается меня, — спокойно сказал Рейш, — то я хочу добыть цехины, но не желаю напрасно рисковать.

— Это невозможно! — воскликнул дирдирмен. — В Маусте ты можешь потерять только цехины, но в Зоне — собственную жизнь. Как мы сможем избежать этого?

— Я хочу попытаться уменьшить степень риска до разумного предела.

— Все пробуют сделать это. Но Дирдиры рыскают ночью по всему Карабасу, а в Маусте владельцы лавок зарабатывают больше, чем все собиратели вместе взятые.

— Добывать клубни — долгое и не всегда успешное дело, — сказал Рейш. — Я предпочитаю уже собранные цехины.

На губах Анахо заиграла улыбка.

— Собираешься грабить искателей цехинов? Хочу предупредить, это тоже довольно рискованное занятие.

Рейш устало упер взгляд в потолок. Как мог Анахо так превратно истолковать его слова?

— Я и не думал о такой мерзости.

— Тогда я теряюсь в догадках, — озадаченно сказал дирдирмен. — Кого ты собираешься грабить?

После небольшой паузы Рейш осторожно заговорил:

— Идея пришла мне в голову, когда мы следили за игрой. Даже странно, что я не подумал об этом раньше! Когда Дирдир убивает собирателя, что происходит с его цехинами?

Анахо со скучающим видом щелкнул пальцами.

— Они становятся добычей Дирдира, как же иначе?

— Давай поговорим об обычном охотничьем отряде Дирдиров. Сколько времени они в среднем находятся в Зоне?

— От трех до шести дней. Великие, а также приуроченные к памятным событиям охоты длятся немного дольше. Соревнования между Дирдирами, как правило, меньше трех дней.

— И сколько людей в сутки может убить такой отряд?

Анахо задумался.

— Любой охотник, естественно, надеется, что добыча будет ему попадаться каждый день. Обычный, хорошо вооруженный отряд совершает два-три убийства в день, иногда больше. Много мяса, конечно, пропадает у них попусту, ведь они не успевают съесть все свои жертвы. Но тут уж ничего не поделаешь...

— Итак, средний отряд возвращается в Кхуз с цехинами, отобранными, самое большее, у двадцати жертв.

— Возможно, — сухо сказал Анахо.

— Обычно собиратель добывает, скажем, пятьсот цехинов. Таким образом, каждая партия охотников возвращается с десятью тысячами цехинов.

— Не понимаю, почему тебя так заинтересовали эти подсчеты, — заметил пренебрежительно Анахо. — Дирдиры — не очень-то щедрый народ!

— Правда ли, что игровой стол точно воспроизводит Зону?

Анахо утвердительно кивнул.

— Вполне вероятно. А в чем дело?

— Завтра я собираюсь изучить охотничьи маршруты от Кхуза и обратно. Если Дирдиры прибыли в Карабас, чтобы охотиться за людьми, то они вряд ли станут протестовать против охоты людей на Дирдиров.

— Кому из смертных могла прийти сумасшедшая мысль о людях, выслеживающих Лучезарных?! — недовольно пробормотал дирдирмен.

— Неужели этого никогда не случалось раньше?

— Никогда! Разве ящерицы гекко охотятся на смуров?

— В таком случае у нас прекрасная возможность заставить их врасплох.

— Несомненно! — заявил дирдирмен. — Но вы продолжите дело без меня. Меня это совершенно не привлекает!

Траз раскатисто захохотал. Анахо вскочил.

— Что тебя рассмешило?

— Твой страх.

Дирдирмен снова сел на место.

— Если бы ты знал Дирдиров так, как я, ты бы тоже боялся.

— Они живые существа. Убей — и они умрут!

— Их трудно убить. Когда Дирдиры охотятся, они мыслят по-другому, особой частью мозга, впадая в транс, который они называют «древнее состояние». Ни один человек не сможет противостоять им. Предложение Рейша граничит с сумасшествием.

— Завтра мы изучим игровой стол попристальней, — спокойно сказал Рейш. — Что-нибудь да придумаем.

Глава 6

Спустя три дня, за час до рассвета, Рейш, Траз и Анахо покинули Мауст. Пройдя «Врата Надежды», они направились через Форлэнд к горам Воспоминаний, вырисовывавшихся на юге на фоне коричнево-фиолетового неба. В холодном предрассветном мраке друзья с трудом различали обгоняющие их скрюченные бегущие фигуры. Некоторые

несли с собой снаряжение: инструменты для копания и сортировки, оружие, уничтожающие запах мази, краски для лица, маскировочную одежду. У других были только мешки, ножи и пачки обыкновенной мастики.

Свет солнца наконец рассеял темноту. Некоторые собиратели, забравшись ползком в редкие кусты, одели маскировочную одежду и стали ждать наступления сумерек, чтобы продолжить путь. Другие бросились вперед, стремясь поскорее достичь «Тропы Валунов», пока их не выследили. О страшной участи пойманных яснее всего говорили их останки вдоль дороги — пепел, смешанный с обгорелыми костями и остатками кожи. С содроганием отведя глаза, друзья ускорили шаг. Делая короткие перебежки, они довольно быстро добрались до убежища у «Тропы Валунов», где Дирдиры обычно не охотились.

Сбросив на землю поклажу, троица легла передохнуть, но ненадолго. Через несколько минут к ним приблизились две громадные фигуры — люди неизвестной Рейшу расы, с кожей коричневого цвета, длинными спутанными черными волосами и курчавыми бородами, закутанные в лохмотья, от которых исходила невыносимая вонь. Бродяги враждебно оглядели путешественников.

— Мы хозяйничаем в этих местах, — загремел один гулким басом. — Ваш отдых стоит пять цехинов с каждого. Если откажетесь платить, мы выкинем вас отсюда! И запомните — Дирдиры сейчас крадутся по северному гребню горы!

Анахо стремительно вскочил на ноги и нанес говорившему мощный удар лопатой по голове. Второй схватил дубину, но дирдирмен рубанул лезвием лопаты по его запястьям. Дубина отлетела в сторону, человек попятился назад, с ужасом глядя на свои руки. Они свисали под прямым углом, как пара пустых рукавиц.

— Иди сам встречать Дирдиров! — крикнул Анахо и прыгнул вперед с поднятой лопатой.

Двое нападавших бросились бежать и скрылись за скалами. Дирдирмен проводил их взглядом и произнес:

— Нам лучше уйти отсюда.

Они выбрали свои тюки и пошли дальше. Едва друзья покинули убежище, как огромный кусок скалы врезался в землю там, где они только что стояли. Траз вскочил на валун и выстрелил из своей катапульты; раздался страдальческий вопль, глухой стук падающего тела.

Они прошли к югу еще сто ярдов, поднялись немного по склону от «Тропы Валунов». Здесь друзья могли наблюдать за всем происходящим в районе Форлэнда и в то же время не упускать из вида и свой тыл. Устроившись поудобнее, Рейш вытащил сканскоп и начал изучать местность. Он увидел с полдюжины крадущихся собирателей и отряд Дирдиров, находившийся на мысе к востоку. Около десяти минут охотники стояли неподвижно, затем внезапно исчезли. Но через

минуту Адам опять поймал их в окуляр сканскопа: создания быстро двигались вниз по склону, в сторону Форлэнда.

Во второй половине дня, убедившись, что Дирдилов поблизости нет, собиратели стали осторожно удалаться от «Тропы Валунов». Рейш, Траз и Анахо поднялись вверх по склону и, соблюдая все меры предосторожности, направились к хребту самым коротким путем. Вокруг царил мертвая тишина, рядом с ними не было ни единой души.

Друзья шли медленно, замирая при каждом подозрительном шорохе и пугливо оглядываясь по сторонам. К заходу солнца они оказались в узкой глубокой расщелине у подножия гор, и как раз вовремя — последний луч медленно угасал в небе. Наступали сумерки. С южной стороны хребта простирались болотистые низины, чередуясь с невысокими холмами, полого спускавшимися к Платформе: места, богатые цехинами, но слишком опасные из-за близости к Кхузу, лежавшему на юге, на расстоянии десяти миль. Над окутанным тьмой Карабасом нависла гнетущая тишина, навевшая на искателей тоскливые мысли об их участи. Внезапно повсюду замелькали мерцающие огоньки. Их происхождение не оставляло сомнений — это были охотники. «Удивительно, — уныло подумал Адам, — как только люди могут добровольно прийти в такое жуткое место, какие бы выгоды оно ни сулило?»

На расстоянии менее четверти мили от друзей внезапно вспыхнул огонь, и они метнулись в темноту, вжавшись в какую-то щель. Перед глазами мелькнули неясные силуэты Дирдилов.

Рейш, стараясь действовать бесшумно, приткнулся к сканскопу. Охотники гордо расхаживали по расщелине, сияющие отростки на голове стояли торчком, как длинные фосфоресцирующие антенны; судя по всему, они оживленно разговаривали, но так тихо, что до укрытия не доносилось ни звука.

— Их мозг теперь перешел в «древнее состояние», — прошептал Анахо, — сейчас они действительно дикие звери, как хищники, обитавшие на равнинах Сибола миллионы лет тому назад.

— Но почему Дирдиры все время ходят не останавливаясь?

— Таков обычай; они готовятся к своей безумной трапезе.

Рейш кивнул и продолжал внимательно рассматривать высвеченную сиянием, идущим от Дирдилов, площадку. Внезапно в тени он разглядел еще более темные фигуры — два корчившихся от смертельной боли и усталости человека.

— Да ведь они еще живы! — выдохнул Рейш.

— Дирдиры не утруждают себя переноской груза, — тихо хмыкнул Анахо. — Их жертва должна бежать вместе с ними, совершая скачки, как Дирдиры, весь день, если потребуются. Если жертва ослабевает, охотники подгоняют ее «нервным огнем», и она снова бежит, даже быстрее, чем раньше.

Рейш с содроганием отвернулся от сканскопа.

Анахо продолжал еле слышным шепотом:

— Посмотри, как они прекрасны в «древнем состоянии»! Настоящие дикири — вот их подлинная сущность. Дирдиры великолепны! Просто их величие проявляется по-своему. Люди не могут понять этого, они способны лишь с трепетом наблюдать за ними.

— А элита дирдирменов?

— Великолепные? А что они?

— Они подражают Дирдирам на охоте?

Анахо в очередной раз оглядел ночную Зону. Показавшийся на востоке алый блеск возвестил о восходе луны Аз.

— Да, Великолепные и Безупречные тоже охотятся. Конечно, они не могут состязаться с высшими существами в сноровке и не имеют права охотиться в Зоне. — Дирдирмен посмотрел в сторону ближайших огоньков. — Утром ветер будет дуть от нас, в их сторону. Лучше нам двинуться сейчас, пока еще темно.

Алое сияние стоявшей низко над горизонтом луны Аз придавало окрестностям зловещий вид преисподней. Но Рейшу было не до переживаний, он думал только о том, как ускользнуть от охотников. Троица упрямо шла вперед, спотыкаясь о камни, пробираясь по узким, едва заметным заброшенным тропинкам между древних скал. Вскоре огни Дирдиров скрылись за крутым утесом; путешественники начали спускаться вниз, к Платформе. Сделав привал, чтобы отдохнуть и поспать несколько часов, они отправились дальше через горы Воспоминаний. Аз уже переместился далеко к западу, а на востоке восходил Браз. Ночь была ясная; в свете лун каждый предмет отбрасывал двойную, ало-голубую тень.

Впереди шел Траз; от его внимания не ускользало ни малейшее движение, он слышал даже едва уловимый шорох. До рассвета оставалось еще два часа... Вдруг юноша резко остановился и жестом приказал своим спутникам не шевелиться.

— Запах дыма, — прошептал он, — впереди лагерь... Там кто-то есть.

Они прислушались; вокруг стояла полная тишина. Двигаясь с величайшей осторожностью, Траз выбрал новый путь, вверх по гребню и затем вниз через рощу деревьев с перистыми листьями. Остановившись еще раз, чтобы прислушаться, юноша вдруг яростно замахал Рейшу и Анахо, чтобы они спрятались. Из своего убежища друзья увидели на гребне горы две неясные фигуры, настороженно оглядывавшиеся по сторонам. Простояв так некоторое время, они внезапно исчезли.

— Они увидели, что мы рядом? — прошептал Рейш.

— Вряд ли, — еле проговорил Траз. — Однако они могли учуять наш запах.

Спустя полчаса они осторожно пошли дальше, стараясь все время оставаться в тени. На востоке становилось все светлее; одна за другой

луны скрылись за горизонтом. Путешественники зашагали быстрее — небо из черного уже становилось фиолетовым — и наконец скрылись в густом кустарнике. На восходе Траз обнаружил клубень размером с два кулака среди веток и скрученных черных листьев. После того как его очистили и разбили, наружу посыпались сотни цехинов, каждый из которых искрился пурпурным блеском.

— Красота! — прошептал Анахо. — Вполне достаточно, чтобы проснулась жадность! Еще несколько таких находок — и твой план, Рейш, нам будет ни к чему.

Они обыскали всю рошу, но больше не нашли ни одного клубня.

Когда стало совсем светло, друзья увидели, что находятся в степи Южной платформы, простиравшейся до горизонта на востоке и западе.

Рейш посмотрел на карту и сравнил находящиеся позади горы с ориентирами на ней.

— Мы находимся в этом месте. — Он ткнул пальцем в точку на карте. — Вот здесь по тропе Дирдиры возвращаются в лагерь Кхуз, к западу от Пограничного леса. Там и закончится наше путешествие.

— И заодно наша жизнь, — заметил настроенный пессимистично Анахо.

— Если уж умирать, то вместе с убитым тобой Дирдиром! — воскликнул Траз.

— Убив Дирдира, ты так легко не умрешь, — поправил его снисходительно дирдирмен. — Они не позволят. Если кто-нибудь и попытается уйти из этого мира, то быстро передумает после порции «нервного огня».

— По крайней мере, мы должны сделать все, что в наших силах, — заключил Рейш.

Он вытащил сканскоп, оглядел местность и в горах увидел три охотничьих отряда Дирдиров, идущих по склону на охоту. «Просто удивительно, — подумал Адам, — неужели кто-то может выжить здесь, чтобы потом наслаждаться добычей в Маусте?»

День тянулся медленно. Траз и Анахо рылись в кустарниках, в надежде найти новые клубни, но безуспешно. Ближе к полудню по склону горы снова спустились Дирдиры. Они прошли совсем близко, в полумиле от друзей. Впереди отряда прыгал, как олень, человек, отталкиваясь от земли с необычайной силой. За ним, на расстоянии пятидесяти ярдов, легко бежали три Дирдира. Обессиленный, отчаявшийся пленник остановился, прижался спиной к скале и приготовился к схватке; создания окружили его и свалили на землю. Они склонились над распростертым телом и после каких-то непонятных манипуляций отошли в сторону. Человек продолжал лежать, корчась и извиваясь.

— Укол «нервным огнем», — объяснил Анахо. — Он что-то не так сделал и разгневал их; очевидно, у бедняги было энергетическое оружие.

Дирдиры побежали дальше. Жертва после невероятных усилий поднялась на ноги и пустилась стремглав в сторону гор. Дирдиры остановились, глядя ему вслед. Человек остановился, и до друзей донесся громкий вопль отчаяния; он повернулся и побежал к своим мучителям! Охотники продолжили свой бег, удостоверившись, что пленник следует за ними. Отряд повернул к северу и вскоре исчез из вида.

— Ты все еще не отказался от своего плана? — спросил Анахо у Рейша.

Адаму внезапно захотелось оказаться как можно дальше от Карабаса.

— Во всяком случае, я теперь понимаю, почему его не пытались использовать раньше.

Дневной свет постепенно угасал, сменяясь нежными сумерками. Как только появились огни на горных склонах, путешественники покинули свое убежище и направились на север.

К середине ночи они достигли Пограничного леса. Траз, боявшийся ползучей твари-полурептилии, которую называл смуром, отказался идти дальше в лес. Рейш не стал возражать, и они до рассвета прятались на опушке.

С первым проблеском света троица тщательно обследовала местность, но ничего кроме юрких ящеров друзья не обнаружили. С правого края рожи на расстоянии около трех миль к югу хорошо просматривался Кхуз. Покидая свой лагерь и возвращаясь, Дирдиры проходили через лес. Во второй половине дня, изучив по мере сил маршруты охотников и обойдя плотную стену деревьев, они приступили к делу. Траз копал, Анахо и Рейш старательно плели большую прямоугольную сеть, используя ветки, прутья и веревки, которые принесли с собой.

Вечером следующего дня ловушка была готова. В последний раз осматривая ее, Рейш продолжал терзаться сомнениями. Что ждет их — победа или смерть? Как поведут себя непредсказуемые создания, попав в эту ловушку? Он надеялся, что все пройдет так, как он рассчитывал. Анахо, видимо, тоже нервничал; он постоянно заговаривал о печальной участи пленников Дирдиоров и принимался многословно объяснять действие «нервного огня».

Друзья высчитали, что лучше всего устроить засаду ближе к полуночи, когда охотники возвращаются с добычей в Кхуз. В другое время дня Дирдиры обычно не охотились, а занимались разведкой; привлекать же к себе внимание последних было совершенно ни к чему.

Томительная ночь наконец прошла; наступил день, который должен был стать для них решающим. Сначала казалось, что пойдет дождь, но утром тучи все же рассеялись и уплыли на юг; небо отличало пронзительной голубизной, а лучи солнца походили на сияющую паутину.

Рейш стоял на краю леса, осматривая местность через сканскоп. С севера показалась группа из четырех Дирдиров, которые спокойно и беззаботно возвращались в Кхуз.

— Они идут! — крикнул Рейш. — Начинаем!

Создания передвигались скачками по тропе, издавая иногда веселые свистящие звуки. Охота выдалась удачной — они получили большое удовольствие! Но что там такое? Человек — законная добыча, на краю леса! Что делает этот дурак здесь, так близко от Кхуза? Дирдиры радостно пустились в погоню. Дичь в панике заметалась и побежала изо всех сил, спасая свою жизнь, как поступают в таких случаях подобные твари. Вскоре она зашаталась и остановилась в изнеможении, прислонившись спиной к дереву. Издав устрашающий победный крик, один из Дирдиров устремился вперед. Вдруг земля под ногами нападающего провалилась, и охотник скрылся из вида. Оставшиеся трое Дирдиров остановились в изумлении. Послышалось непонятное потрескивание, легкий удар — и на охотников сверху упала плетеная сетка, в которой они запутались. В этот момент откуда-то внезапно появились люди. Они торжествовали — в этом не было сомнений! Ловушка! Хитрый трюк дикарей! Дирдиры отчаянно боролись с сетью, пытаясь освободиться от пут и расправиться с негодными тварями, выместив на них всю свою ненависть и ярость. Но сопротивлялись они недолго: трое собирателей быстро справились с ними, обрушив на головы мощные удары лопат. Подняв сеть, они вынули у убитых Дирдиров цехины, оттащили тела далеко в сторону и снова приготовили ловушку.

С севера появилась вторая группа, на сей раз состоящая только из трех Дирдиров — великолепных представителей своей расы. Отростки на голове у них сияли как накаленные добела провода, а шлемы только подчеркивали струящийся от охотников свет.

Анахо с благоговейным трепетом воскликнул:

— Это же Великолепные, добывшие сто голов!

— Тем лучше. — Рейш кивнул Тразу. — Веди их сюда. Сейчас мы научим их, как надо охотиться!

Траз вел себя, как и в прошлый раз: показался Дирдирам, а затем побежал, как будто его охватила паника. Заносчивые и беспечные, они тотчас же бросились за человеком, предвкушая легкую добычу. Да, сегодня им определенно везет! Тропа в лесу была хорошо протоптана еще раньше, видимо, другими охотниками. Но добыча, к их крайнему удивлению, бежала не очень-то быстро, что еще сильнее раззадорило Великолепных. Более того, наглый дикарь вдруг остановился и повернулся к ним лицом, прижавшись спиной к огромному искривленному дереву. Невероятно! Он еще и размахивает ножом! Неужели жертва бросает им, высшим из высших, вызов?! Вперед, бросайтесь на нее, свалите на землю — и добыча достанется тому, кто первым до нее дотронется. Но — о ужас! Земля уходит

из-под ног, предательски трещат ветки, голова идет кругом от изумления! Невозможно поверить! Подбегает дирдирмен с ножом... Он собирается убить их — их, Великолепных! Разрывающее голову безумство, безумная ярость борьбы, неистовое шипение, крик, который прерывает страшный удар...

В это утро друзья устроили четыре засады, на следующий день — столько же, пять — на третий день. Постепенно кровавые расправы превратились в привычное, даже будничное занятие. Рано утром и по вечерам друзья закапывали тела убитых и заделывали прорехи в сети. Затем начиналась охота на Дирдиров, вызывавшая у них теперь не больше эмоций, чем рыбалка. Вскоре, однако, они умили свой пыл, и не только потому, что Рейшу вдруг вспомнилась недолгая погоня охотников за несчастным собирателем.

Решение прекратить нападения на Дирдиров не было вызвано и скудостью добычи — от каждой группы охотников им перепало не меньше двадцати тысяч цехинов — или недостатком рвения у троих друзей. Даже после отсортировки цехинов белого, молочного и сердоликового цветов оставшиеся составляли почти неподъемный груз; к тому же Анахо уже откровенно проявлял нетерпение.

— Рано или поздно они хватятся пропавших отрядов. Будет объявлен розыск. Что нам тогда делать?

— Ну же, в последний раз! — крикнул Траз. — Вон идет еще один отряд с богатым уловом после охоты.

— Зачем? У нас и так сейчас столько цехинов, что мы их даже поднять не в силах.

— Можно оставить сердоликовые и часть изумрудных и взять с собой только алые и пурпурные цехины.

Анахо посмотрел на Рейша, который только пожал плечами.

— Одной бандой больше...

Траз уже шел на опушку леса. Показавшись охотникам, он, как обычно, обратился в бегство, заученно изображая панику. Но Дирдиры никак не отреагировали на это. Увидели они его или нет? Отряд по-прежнему двигался размеренным шагом. Остановившись в нерешительности, Траз снова повернулся к Дирдирам, всячески стараясь обратить на себя их внимание. Только тогда охотники наконец выказали признаки волнения, хотя, без сомнения, заметили юношу раньше. Эта группа вообще повела себя странно — вместо того чтобы немедленно пуститься в погоню за легкой добычей, они намеренно медлили. Наблюдая из укрытия, Адам пытался понять, что задумали создания, — то ли они что-то заподозрили, то ли просто пресытились охотой.

Дирдиры остановились и стали изучать тропу, ведущую в лес. Затем медленно вошли в него — один впереди, второй немного отстав от него, а оставшиеся замыкали цепочку. Рейш бросился к месту засады.

— Дело плохо, — сообщил он дирдирмену. — Судя по всему, нам придется вступить в бой, чтобы выбраться из леса.

— Вступить в бой? — изумленно вскинул брови Анахо. — Три человека против четырех Дирдиров?

Стоявший от них на расстоянии ста ярдов на тропе Траз решил еще больше раззадорить Дирдиров. Выйдя на открытое место, он нацелил свою катапульту на переднего охотника и всадил стрелу в его грудь. Издав свистящий яростный вопль, тот прыгнул вперед; вставшие дыбом антенны ослепительно сияли.

Юноша отступил, заняв свою обычную позицию; он радостно улыбался, наслаждаясь этой опасной игрой. Распалая охотников, кочевник взмахнул ножом. Раненый Дирдир бросился на него и провалился в яму-ловушку. Его крик перешел в бесконечные вопли боли и отчаяния. Остальные резко остановились, затем осторожно, шаг за шагом, двинулись вперед. Рейш отпустил рычаг, удерживающий сетку, и она накрыла двоих Дирдиров, но последний успел отпрыгнуть.

Подбежав к друзьям, Адам торопливо крикнул:

— Убейте тех, под сеткой! — И, перепрыгнув через кустарник, бросился за оставшимся охотником; Дирдир ни в коем случае не должен уйти живым!

Но тот совсем не собирался бежать, даже и не думал об этом. Выпустив когти, он как леопард прыгнул на Рейша. Размахивая ножом, Траз рванулся вперед и прыгнул на спину Дирдира. Упавший охотник, на лету полоснув когтями по ноге юноши, потянулся за кинжалом. Но вовремя подоспевший Анахо занес нож и отрубил Дирдиру руку, вторым ударом раскроив его череп. Несколько торопливых взмахов лопатами и ножами — и с остальными охотниками тоже было покончено. Задыхаясь и чувствуя, как дрожат колени после схватки, друзья скорее свалились, чем сели, на землю. Из ноги Тразы по-прежнему хлестала кровь; перетянув ее жгутом, Адам открыл сумку с предметами первой необходимости, которую он снял еще со своего бота. Продезинфицировав рану и наложив мазь, он стянул ее края, залепил синтетической кожей и наконец ослабил тугую повязку. Капельки пота блестели на побледневшем от боли лице юноши, но с его губ не сорвалось ни единого стога. Рейш вытащил таблетку:

— Проглоти ее. Ты можешь встать?

Траз с трудом поднялся на ноги.

— Ты в состоянии пройти хоть немного?

— Могу, но не очень быстро.

— Постарайся все время двигаться, чтобы нога не задеревенела.

Рейш и Анахо обыскали трупы Дирдиров, обнаружив целое состояние: пурпурный клубень, два алых, темно-голубой, три бледно-зеленых и два бледно-голубых. Рейш изумленно покачал головой, не сводя восторженных глаз с добычи.

— Настоящее сокровище! Но к чему оно, если мы не возвратимся в Мауст.

Он посмотрел на Траз, с трудом хромавшего по поляне, и снова перевел взгляд на деньги.

— Мы не сможем унести все это.

Они свалили трупы в яму-ловушку, тщательно закидав ветками, затем сложили сеть и спрятали ее в кустарнике. Оставалось еще уложить цехины. После тщательного отбора получилось три мешка: два тяжелых и один легкий. Но на земле осталась лежать целая гора прозрачных, молочных, сердоликовых, темно-голубых и зеленых цехинов. Они разделили их на четыре свертка и зарыли под корнями огромного дерева.

До наступления темноты оставалось два часа. Захватив мешки, троица двинулась к восточному краю леса. Рейш и Анахо шли медленно, подлаживаясь под хромающего Траз. На опушке леса друзья остановились. Им предстояло решить, что делать дальше, — идти вперед или прятаться, пока не подживет рана на ноге Траз. Но юноша не хотел даже слышать об этом.

— Я могу идти. Лишь бы не пришлось бежать.

— Бег нас не спасет, — философски заметил Рейш.

— Если нас догонят, — меланхолично возразил Анахо, — бежать все равно придется, постоянно ощущая «нервный огонь» на затылках.

Золотистое вечернее небо постепенно темнело; последний янтарный луч солнца исчез за горизонтом, и на Карабас обрушился непроницаемый черный мрак. В горах появились мерцающие отблески света. Пора было двигаться в путь. Предстоял нелегкий поход обратно: через редкие темнеющие рощи огромных деревьев, через Платформу, к «Вратам Надежды». Наконец, на подходе ночи, они достигли горного склона и из последних сил начали подъем.

Рассвет застал их у гребня гор; теперь и охотники, и их жертвы были настороже.

Не сумев найти подходящего укрытия поблизости, они спустились в узкую глубокую расщелину и соорудили убежище из сухих веток.

Наступал день; Анахо и Рейш спали тревожным, но глубоким сном смертельно уставших людей, Траз лежал, глядя в небо. От вынужденной неподвижности его нога совсем онемела. В полдень ущелье пересекла группа из четырех гордо выступавших Дирдиров в сверкающих шлемах. На мгновение они остановились, почуяв рядом добычу, но затем передумали и снова двинулись на север.

Солнце уже клонилось к западу, его лучи высветили восточную стену узкой расщелины. Анахо вдруг фыркнул и захихикал, что было ему обычно несвойственно.

— Вы только посмотрите туда! — И он махнул рукой в сторону. Неподалеку от них, на расстоянии не более двадцати футов, земля рас-

трескалась и показался морщинистый купол крупного созревшего клубня. — Как минимум алые цехины, а может быть, и пурпурные.

Рейш печально вздохнул.

— Нам повезет, если мы сможем дотащить то, что у нас уже есть. Хватит и этого.

— Ты недооцениваешь алчность и жадность Сивиша, — проворчал Анахо. — Для того, что ты собираешься сделать, потребуется два таких состояния, если не больше. — Он выкопал клубень. — Пурпурный. Мы не можем оставить его здесь.

— Ладно, — обреченно сказал Рейш, — я понесу его.

— Нет, — возразил Траз, — его понесу я; у вас двоих и так уже очень тяжелая поклажа.

— Мы разделим его на три части, — решил Адам. — Это не очень увеличит вес.

Наконец наступила ночь; они взвалили на плечи мешки и двинулись дальше. Траз хромал все сильнее, его лицо исказилось от боли. Друзья спускались вниз по северному склону. Чем ближе они подходили к «Вратам Надежды», тем отвратительнее и ужаснее казалась им Зона.

Рассвет застал их у подошвы горы. До цели еще оставалось идти на север десять миль. Пока они отдыхали в укрытой тенью расщелине, Рейш изучал местность сквозь сканскоп. Форлэнд казался спокойным и почти безжизненным. Вдалеке, на северо-западе, к «Вратам» спешили собиратели, надеясь достигнуть безопасного места, пока не наступил день. Люди шли сгорбившись, особой торопливой походкой, которую невольно приобрели в Зоне, как будто она могла сделать их невидимыми. Сравнительно недалеко от них, на утесе, стоял отряд охотников — застывшие фигуры, настороженно следившие за уже недоступной добычей. Дирдиры смотрели на убегающих людей с явным сожалением. Как ни обидно, но друзьям пришлось отказаться от надежды достичь «Врат» до наступления темноты. Предстоял еще один тягостный день в Зоне, который они встретили, надежно спрятавшись за большим валуном.

Ближе к полудню над ними пролетел воздушный корабль.

— Они ищут пропавшие отряды охотников, — тихо сказал Анахо. — Наверное, объявлено «тсау'гш» — «Великое преследование»... Нам угрожает большая опасность.

Рейш проводил взглядом корабль, затем прикинул расстояние до «Врат».

— Если все пройдет благополучно, то уже в полночь мы будем в безопасности.

— Мы можем и не дожить до полуночи, когда Дирдиры оцепят Форлэнд; а они, скорее всего, так и сделают.

— Но отправляться в путь сейчас равносильно самоубийству. Нас наверняка поймут.

— Согласен, — нехотя кивнул головой Анахо.

В середине дня появился еще один воздушный корабль, который начал кружить над Форлэндом. Дирдирмен сквозь зубы процедил:

— Мы в западне.

Однако, к великому их облегчению, через полчаса корабль повернул на юг и скрылся за горами.

Рейш внимательно осмотрел местность.

— Поблизости нет ни одного Дирдира; до «Врат» нам осталось около десяти миль — не меньше двух часов хода. Мне кажется, пора двигаться.

Траз осторожно ступил на больную ногу и неуверенно посмотрел на товарищей:

— Вы идите. Я отправлюсь за вами, когда стемнеет.

— К этому времени будет уже слишком поздно, — сказал Анахо. — Сейчас у нас осталась последняя возможность спастись.

Адам еще раз оглядел горные вершины и, окончательно решившись, помог Тразу встать на ноги.

— Или мы идем вместе, или все останутся!

Они шагали по равнине, почти физически ощущая свою незащищенность и уязвимость, как букашки на стекле. Любой Дирдир, случайно посмотревший вниз, с легкостью мог бы их увидеть и поймать.

Они шли так уже с полчаса, той же торопливой семенящей походкой и так же сгорбившись, как другие собиратели. Время от времени Рейш останавливался, чтобы взглянуть в сканскоп, каждый раз холодея при мысли, что увидит догоняющих друзей неумолимых охотников. Но они шли все дальше, и с каждой пройденной милей все сильнее становилась надежда на спасение. Лицо Тразы посерело и осунулось от усталости и невыносимой боли, но юноша стойчески молчал, ускорив шаг; иногда он даже пытался двигаться короткими перебежками, пока Рейш не понял, что Траз, как это ни удивительно для мужественного кочевника, близок к панике.

Внезапно юноша остановился. Он посмотрел назад, на вершины гор.

— Они наблюдают за нами.

Рейш тщательно осмотрел горную цепь, ее склоны и темные, глубокие расщелины, но никого не увидел. Траз захромал дальше, рядом с ним, шатаясь, брел согнувшийся в три погибели Анахо. Помедлив, Рейш отправился за ними, но, пройдя несколько ярдов на север, снова остановился. На этот раз он ясно заметил какой-то металлический блеск. Дирдир? Рейш прикинул расстояние, которое им осталось пройти. Они одолели уже половину пути, дойдя до середины равнины. Адам глубоко вздохнул и поспешил вдогонку за друзьями. Дирдиры, может быть, и не станут их преследовать, ведь они прошли уже почти весь Форлэнд.

На всякий случай он еще раз обернулся. Не могло быть никаких сомнений: вниз по склону спускались четыре фигуры, и даже последний тупица догадался бы зачем...

Рейш догнал Тразу и Анахо. Юноша бежал изо всех сил, его остекленевшие от ужаса глаза были широко открыты, зубы оскалены в странной застывшей гримасе. Рейш сдернул самый тяжелый мешок с его плеч и закинул его за спину поверх своей поклажи. Но внезапно шаги Тразы замедлились, как будто в нем что-то сломалось. Анахо изучающе посмотрел вперед и обернулся к преследователям, прикидывая расстояние.

— У нас еще есть шанс! — крикнул он.

Друзья сделали отчаянный рывок; сердца, казалось, вот-вот вырвутся из ставших слишком тесными грудных клеток, рты со вскрипом втягивали воздух. Траз бежал все медленнее, его лицо стало белым, как мука. Анахо вырвал у него оставшийся мешок.

Уже виднелись «Врата Надежды», которые показались им землей обетованной, местом, где они наконец будут в безопасности. Сзади, делая огромные прыжки, приближались охотники. Но когда до «Врат» оставалось всего полмиля, Траз окончательно выдохся.

— Онмале! — в отчаянии выкрикнул Рейш.

Это произвело поразительный эффект. Юноша сразу выпрямился, как будто стал выше ростом. Он резко остановился и круто повернулся назад, чтобы встретить преследователей. Его лицо неузнаваемо изменилось. Теперь это был совсем другой человек — жестокий, властный, пронизывающий, достойный обладатель эмблемы вождя.

— Онмале слишком горда, чтобы спастись бегством! — звучно произнес кочевник.

— Беги! — закричал в панике Рейш. — Если нам необходимо драться, то давай навяжем им наши условия!

Траз или Онмале — сейчас юноша преобразился настолько, что узнать его было трудно, — схватил по мешку у Рейша и Анахо и бросился вперед, к спасению.

Потратив не больше секунды, чтобы прикинуть расстояние до ближайшего Дирдира, Рейш устремился за юношей. Траз летел по равнине, за ним с искаженным и побагровевшим от натуги лицом несли Анахо. Первым достиг цели кочевник. Он повернулся, будто бросая вызов охотникам, и стал ждать с катапультой в одной руке и ножом в другой. Следующим с разбегу проскочил через «Врата» Анахо, за ним Рейш. От преследователей их отделяло не больше пятидесяти ярдов! Отступив, Траз встал за пограничной линией, призывая Дирдира атаковать его. Охотник издал резкий крик ярости и замотал головой; его сияющие антенны, стоящие торчком, завибрировали. Но затем, сделав резкий поворот, он устремился на юг, вслед за своими товарищами, которые, делая огромные скачки, возвращались в горы.

Анахо, задыхаясь, привалился к ограждению, глядя на стоявшего рядом обессиленного шатающегося Рейша. Но хуже всего пришлось Тразу — его посеревшее лицо застыло в полной отрешенности, как

будто он был на грани обморока. Внезапно его тело обмякло и юноша рухнул на землю, выгибаясь в судорожных конвульсиях.

Рейш метнулся к Тразу и приподнял его безжизненно свесившуюся голову; казалось, его друг вот-вот перестанет дышать. Припомнив правила оказания первой помощи, Рейш начал усердно делать искусственное дыхание, изо всей силы массируя грудную клетку юноши. Вскоре Траз глубоко втянул в себя воздух и задышал, все спокойнее и спокойнее.

Торговцы, посредники и попрошайки, которые обычно околачивались у «Врат Надежды», разбежались при приближении Дирдира. Первым возвратился молодой человек в длинном одеянии каштанового цвета, громко выражавший свое возмущение.

— Это грубое нарушение закона! — восклицал он. — Дирдиры ведут себя все наглее! Никогда еще они не подходили так близко к «Вратам»! Они чуть было не убили бедного юношу!

— Хватит, — оборвал его дирдирмен. — Ты раздражаешь нас!

Тот отошел в сторону. Рейш и Анахо с трудом подняли Тразу на ноги. Тот стоял неподвижно, как статуя.

Молодой человек с темными бегающими глазами снова подошел к ним.

— Разрешите помочь вам. Меня зовут Иссам Тханг. Я из гостиницы «Многообещающее предприятие», в которой вы найдете покой и отдых. Позвольте понести ваши мешки. — Подхватив мешок Тразы, он удивленно взглянул на Рейша и Анахо. — Цехины?

Дирдирмен выхватил у него мешок.

— Убирайся вон! Мы сами знаем, что делать!

— Как хотите, — пожал плечами Иссам Тханг, — но до нашей гостиницы рукой подать; это тихое место, без гуляк, игроков и пьяных драк. У нас удобные комнаты, и цены на них намного ниже, чем в таком притоне для кутил, как «Алаван».

— Ладно, — вздохнул Рейш, — води нас в свою гостиницу.

Анахо нехотя послушался, что-то недовольно ворча себе под нос, но Иссам Тханг, сделав вид, что не заметил этого, засуетился вокруг друзей.

— Сюда, пожалуйста.

Они поплелись к Маусту. Траз шел, прихрамывая на больную ногу.

— У меня в голове все путается, — бормотал он. — Я помню, как мы бежали по Форленду. Еще помню, что кто-то крикнул мне прямо в ухо...

— Это был я, — сказал Рейш.

— Дальше — провал. Потом я вдруг очнулся на земле возле «Врат». — Помедлив, он задумчиво произнес: — Я слышал ревушие голоса. Тысячи лиц смотрели на меня: бойцы, свирепые воины. Такое я видел иногда только во сне... — Его голос делался все тише. Наконец юноша замолчал.

Гостиница «Многообещающее предприятие» — мрачное и потемневшее от времени здание — находилась в конце узкой аллеи. Дела гостиницы шли не слишком успешно, если судить по состоянию общего зала, который выглядел темным и заброшенным. Иссам, оказавшийся владельцем этого «уютного» заведения, лез из кожи вон ради неожиданных постояльцев; приказав слуге — дюжему парню с огромными красными ручищами и всклокоченной рыжей шевелюрой — отнести воду, светильники и постельное белье наверх, в лучший номер, он не отходил от гостей, как будто боялся, что они сбегут. Друзья поднялись по расшатанной лестнице в свой номер, который состоял из большого холла, ванной и нескольких беспорядочно расположенных спальных ниш; от кроватей, стоявших там, исходил неприятный затхлый запах. Слуга проверил лампы, принес фляги с вином и удалился. Анахо изучил пробки фляг, понюхал их и отставил в сторону.

— Скорее всего, туда подсыпано снотворное или отравы. Выпьешь, а когда проснешься — если вообще проснешься, — твоих цехинов и след простыл: обокрали! Мне здесь не нравится. Лучше было бы отправиться в «Алаван».

— Мы успеем сделать это завтра, — сказал Рейш, устало опускаясь в кресло.

— Завтра мы уже должны исчезнуть из Мауста. Если нас еще не опознали, то очень скоро это произойдет.

Дирдирмен вышел из номера и вскоре возвратился с хлебом, холодным мясом и вином.

Они поели. Потом Анахо тщательно проверил засовы и щеколды.

— Кто знает, что может случиться в этих старых стенах: удар ножом в темноте, короткий стон — и все в дураках, кроме Иссама Тханга?

Проверив еще раз замки, они стали готовиться ко сну; Анахо, заявив, что он легок на подъем, положил мешки с цехинами между собой и стенкой. Погасив все лампы, кроме тусклого ночника, друзья наконец улеглись. Через несколько минут Рейш почувствовал чье-то прикосновение: это был Анахо, бесшумно пробравшийся к нему через всю комнату.

— Тут наверняка есть потайные смотровые щели в стенах и, скорее всего, нас подслушивают, — прошептал он. — Вот, возьми цехины и положи их возле себя. Давай посидим тихо и посмотрим, что будет.

Рейш усилием воли заставил себя поднять голову, слушать, всматриваться в темноту; но усталость все сильнее овладевала всем его существом. Не в силах бороться со сном, он уронил голову на грудь и закрыл глаза. Казалось, прошло всего несколько секунд... Острый локоть Анахо вонзился в его бок; он вздрогнул и быстро вскочил.

— Тихо, — прошептал еле слышно дирдирмен. — Посмотри туда!

Рейш пристально, до боли в глазах, уставился в окружавший их мрак. Скрип, какое-то движение в темноте, чей-то неясный силуэт — и внезапно вспыхнул свет. Около лампы, согнувшись и настороженно озираясь, стоял Траз.

Стоявшие возле постели Анахо двое повернулись на свет лампы; их лица выражали удивление и испуг. Первым был Иссам Тханг. Второй — тот самый дюжий слуга — уже приготовился схватить своими ручищами за горло Анахо, но на постели оказалось лишь свернутое одеяло. Несостоявшийся убийца вскрикнул от изумления и, сжав кулаки, бросился через всю комнату. Траз выстрелил из своей катапульты в искаженное от ярости лицо. Слуга, не издав ни звука, рухнул как подкошенный. Иссам рванулся к проходу в стене, но Адам, вовремя перехватив его, свалил на пол. Негодяй отчаянно боролся: несмотря на свою кажущуюся хилость, он оказался сильным и ловким, как змея. Наконец Рейш сумел заломить ему руки за спину и, резко дернув, поставить на ноги, заставив хозяина исторгнуть сдавленный вопль.

Анахо набросил веревку на шею Иссаму и готов был уже туго затянуть петлю. Рейша передернуло, но он не стал протестовать. Таков закон Мауста. Будет справедливо, если именно здесь, в мерцающем свете лампы, Иссам Тханг встретит свой конец.

Но тут хозяин гостиницы отчаянно закричал:

— Нет! Я ведь только жалкое ничтожество Тханг! Не убивайте меня! Я вам помогу! Клянусь! Я помогу вам скрыться!

— Подожди, — сказал Рейш Анахо и обернулся к Иссаму. — Почему ты сказал, что поможешь нам скрыться? Нам что, угрожает опасность?

— Конечно. Как будто вы не знаете!

— Рассказывай, в чем дело.

Почувствовав, что ситуация изменилась, Иссам воспрял духом и гордо отбросил от себя руки Анахо.

— Это ценная информация, сколько вы заплатите за нее?

Рейш кивнул дирдирмену.

— Начинай!

Иссам снова душераздирающе завопил:

— Нет, нет! Одна моя жизнь за ваши три — разве это дорогая цена?

— Нет, если только ты говоришь правду.

— Я не лгу вам. Отойдите и снимите с меня петлю.

— Нет, пока мы не узнаем правду. Тогда наша сделка состоится.

Иссам оглядел друзей, но выражения их лиц не обещали ничего хорошего, и он, вздохнув, покорился.

— Видите ли, я раздобыл кое-какие секретные сведения! Дирдиры в безумной ярости. Какие-то неизвестные собиратели перебили небывалое число охотников и украли их добычу — около двухсот тысяч цехинов. Агенты Дирдиров разыскивают убийц повсюду — и здесь тоже.

Тому, кто представит любую информацию о них, обещано большое вознаграждение. Если мои подозрения верны, то вы сможете покинуть Мауст только в ошейниках. Конечно, если я вам не помогу.

— Но каким образом? — осторожно спросил Рейш.

— Я спасу вас... за определенную цену.

Рейш посмотрел на Анахо, который ту же затянул петлю. Иссам, задыхаясь, вцепился в веревку; его глаза, казалось, вот-вот выскочат из орбит. Петля ослабла, и Иссам прохрипел:

— Моя жизнь за ваши — таковы условия сделки.

— Тогда не говори больше слова «цена». И естественно, не пытайся обмануть нас.

— Никогда, никогда! — сипел Иссам. — Я буду жить или умру с вами! Ваша жизнь — это моя жизнь! А сейчас мы должны идти. Утром будет слишком поздно.

— Как идти? Пешком?

— Зачем? Собирайтесь. А в мешках действительно цехины?

— Алые и пурпурные, — с садистским удовольствием уточнил Анахо. — Если хочешь занять такие же, отправляйся в Зону и убей парочку Дирдиров!

Иссам пожал плечами.

— Вы готовы? — Он нетерпеливо ждал, пока они оденутся.

Внезапно Тханг встрепенулся и подошел к трупку слуги. Впрочем, он обошелся без лишних переживаний и начал деловито обыскивать карманы убитого. Искренняя радость озарила лицо хозяина гостиницы, когда он обнаружил там горсть белых и молочных цехинов.

Наконец друзья были готовы. Несмотря на протесты Иссама, Анахо оставил петлю на его шее.

— Это для того, чтобы ты не забыл о нашей сделке.

Главная улица Мауста бурлила; непрерывной чередой перед их глазами мелькали прохожие, кругом сверкали разноцветные огни, из таверн раздавались завывания музыки, пьяные раскаты смеха и изредка свирепые вопли. Кратчайшим путем — известными только ему темными закоулками — Иссам привел их к конюшне на северной окраине города, где хмурый слуга после долгого стука нехотя вышел к ним. Быстро сторговавшись, путешественники получили оседланных скакунов, и через десять минут, освещенные сиянием двух лун, уже появившихся на востоке, четверо беглецов на поджарых белых качанских жеребцах мчались на север. Они вырвались из Мауста!

Друзья ехали всю ночь и на рассвете прибыли в Кхораи. Струившийся из труб дым стлался на север, в сторону Первого моря, которое в неверном утреннем свете казалось темной бездной на фоне неба фиолетово-сливового цвета.

Они проехали Кхораи и, подъехав к гавани, спешили. Иссам, заискивающе улыбаясь, обратился к Рейшу, нервно теребя свой темно-красный плащ:

— Я выполнил свою часть сделки. Мои друзья доставлены целыми и невредимыми в Кхораи.

— Друзья, которых ты надеялся задушить несколько часов назад. Улыбка на лице негодая заметно потускнела.

— Но это же был Мауст! Вы должны понимать, что у нас свои законы.

— Что ж, ты можешь возвращаться.

Хозяин гостиницы еще раз низко поклонился.

— Да уничтожит всех ваших врагов девятиголовая Сагорис! И удачи вам!

Иссам, забрав лошадей, торопливо пошел в сторону Кхораи и вскоре скрылся из вида.

Воздушный корабль находился на том же самом месте, где они его оставили. Когда друзья взбирались на борт, начальник гавани бросил на них сердитый взгляд, но ничего не сказал. Помня о вспыльчивости кхоров, они старательно избегали смотреть в его сторону. Корабль взмыл в утреннее небо и, заложив изящный вираж, начал огигать берег Первого моря.

Началось их путешествие в Сивиш.

Глава 8

Корабль летел на запад. На юге простиралась обширная пыльная пустыня, на севере лежало Первое море. Внизу с утомляющей последовательностью сменяли друг друга болотистые низины и цепи песчаных холмов, тянувшиеся до самого горизонта.

Уставший Траз спал, как убитый, Анахо же сидел с беззаботным и равнодушным видом, как будто чувство страха и неуверенности вообще покинуло его. Утомившийся до предела, Рейш не отрывал взгляда от экрана радара, только изредка оглядывая небо. Беспечность дирдиримена действовала на нервы. Наконец, не выдержав, он с упреком посмотрел на друга покрасневшими от бессонницы и напряжения глазами и едко заметил:

— Ты удивительно спокоен для преследуемого беглеца. Мне нравится твое хладнокровие!

Анахо слегка пожал плечами.

— То, что ты называешь хладнокровием, всего лишь детская вера в чудо. Я стал слишком суеверным. Сам подумай: мы побывали в Карабасе, убили много охотников и унесли их цехины. Как же я могу теперь поверить, что нас могут случайно поймать без соизволения небес, которые явно покровительствуют нам?

— Что ж, мне бы твою веру, — проворчал Рейш. — Я ожидал, что вся мощная система Дирдириров будет брошена в погоню за нами.

Анахо снисходительно рассмеялся.

— Ну, это не характерно для Высшей расы! Не пытайся применять к ним свои логические выкладки. Запомни — они не рассматривают организацию, общество как некую цель, ценность; это свойство людей. Дирдир есть Дирдир, существо, ответственное лишь перед своей гордостью. Он объединяется с другими, только когда это требуется ему самому.

Рейш скептически покачал головой и снова стал смотреть на экран радара.

— Это выше моего разума. На чем зиждется их общество? Как странные создания решают вопросы, требующие длительного сотрудничества?

— Очень просто. Они очень похожи друг на друга. Существуют расовые силы, которые заставляют их быть одинаковыми. Низшим существам, если очень упрощенно объяснить, эти силы известны как «традиция», «кастовая власть», «стремление к превосходству». В обществе Дирдиров они становятся обязанностью. Индивидуум связан обычаями расы. Если Дирдиру потребуется помощь, ему стоит только подать сигнал «хс'ай, хс'ай, хс'ай», и она ему будет оказана. Если его обидели, он может подать сигнал «др'сса, др'сса, др'сса» и обратиться в Суд чести. Если этот суд не устраивает его, он подает иск Верховному Блустителю чести, которыми обычно являются Великолепные; если выигрывает дело против Блустителя, то считается оправданным. Но чаще всего проигрывает. У него вырывают лучезарные антенны, и Дирдир становится изгоем... Но таких обращений в Суд чести очень немного.

— В таких условиях общество, наверное, должно быть очень консервативным.

— Да, это так, но когда назревает необходимость изменений, рассудок Дирдира обращается к «стремлению к превосходству». Его способности к творческому мышлению неизмеримо возрастают, ум становится гибким и быстрым; он не тратит ни времени, ни энергии на условности. Сложные сексуальные игры и тайнства, конечно, служат разрядкой, но вместе с тем, как и охота, источником яростной страсти, которая выше всякого человеческого понимания.

— Ладно, все это не важно. Но почему они так легко отказались от погони за нами?

— Разве это не ясно? — спросил удивленно Анахо. — Как может даже Дирдир догадаться, что мы летим в Сивиш на воздушном корабле? Ведь никто не может точно установить, что прибывшие в Смаргаш люди и есть те самые убийцы Дирдиров в Карабасе. Со временем, конечно, нас опознают, особенно если додумаются устроить допрос Иссаму Тхангу. Но до тех пор им никогда не придет в голову, что мы летим на корабле. Так что твоё бдение у экранов совершенно ни к чему.

— Наверное, ты прав, — задумчиво согласился Рейш.

Но увлекшийся дирдирмен продолжал:

— Убедись сам; несмотря ни на что мы живы. Мы летим со всеми мыслимыми удобствами и везем с собой более двухсот тысяч цехинов. Посмотри вперед — мыс Браиз! А дальше лежит Счанизад. Сейчас мы изменим курс и прилетим в Хаулк. Кто заметит еще один воздушный корабль среди сотен других? А в Сивише смешаемся с толпой, пока Дирдиры ищут нас в Жааркене или в Джаске или вообще по всей тундре Хунгхус.

Пока шел разговор, они оставили позади еще десять миль, но Рейш не переставал думать о Дирдирах и их странных обычаях. Он спросил:

— Допустим, ты или я попали в беду и подали сигнал «др'сса, др'сса, др'сса»?

— Это — вызов Суда чести. «Хс'ай, хс'ай, хс'ай» — сигнал о помощи.

— Хорошо, я говорю: «хс'ай, хс'ай, хс'ай». Придет ли Дирдир на помощь?

— Да, в силу традиции. Это происходит у них автоматически, как рефлекс: связующая нить, которая скрепляет воедино дикие и цивилизованные ипостаси Высшей расы!

За два часа до захода солнца со стороны Счанизада разразился шторм. Диск солнца помутнел и стал коричневым, а затем совсем исчез в толще черных облаков, окутавших небо. Начинаящийся ураган поднял на берегу тучи мелкого песка, похожего на грязный, пенообразный порошок, и сгонял его в кучи вокруг рощи огромных черных деревьев, выросшей совсем рядом с морем. Верхние ветви гнулись под напором резких порывов ветра, листья выворачивались, обнажая свою серую изнанку; их черный верх покрывала пена от нахлынувших на рощу волн.

Воздушный корабль летел на юг в крошечной тьме и с исчезновением последнего проблеска света совершил посадку на вовремя замеченной поляне под защитой базальтового выступа. Уютно устроившись на раскладных диванах и не обращая внимания на запах, оставшийся после Дирдилов, они крепко заснули под непрекращавшийся вой штормового ветра в горах.

На рассвете их разбудил странный свет, словно проходивший сквозь коричневый стеклянный стакан. На корабле не оказалось ни пищи, ни воды, но на каменистой земле росла трава паломников, а рядом журчала речка с немного солоноватой водой. Траз неторопливо пошел вдоль берега, склонившись и пристально вглядываясь в глубину. Вдруг он остановился, пригнулся и прыгнул в воду; через минуту юноша вынырнул, держа в руке желтое существо с множеством ножек, которое он и Анахо с довольным видом съели сырым. Рейш воздержался и стойко продолжал есть стручки травы паломников.

Друзья облокотились о корабль, купаясь в медовом свете только что появившегося солнца и наслаждаясь утренней тишиной.

— Завтра, — деловито сказал Анахо, — мы прибудем в Сивиш. Наша жизнь снова изменится. Мы уже больше не воры и не бандиты, а почтенные состоятельные люди. По крайней мере, должны такими казаться.

— Прекрасно, — лениво пробормотал Рейш. — И что дальше?

— Мы должны быть очень осторожны. Ничего не выйдет, если мы просто заявимся на космическую базу со своими деньгами. Нужно придумать какой-нибудь хитрый ход.

— Да, тяжелая задача, — заметил Рейш. — На Тчаи любой замысел при исполнении превращается в свою противоположность.

— К тому же невозможно, — спокойно продолжал Анахо, — действовать без поддержки влиятельного лица. Найти его — наша главная забота.

— Дирдира? Или дирдирмена?

— Сивиш — город низких существ, Дирдиры и дирдирмены живут в Хеи, на материке. Вы сами в этом убедитесь.

Глава 9

Полуостров Хаулк прицепился, как уродливый скрючившийся клещ, к раздувшемуся брюху Кислована, между океаном Счанизад на западе и заливом Аджзан на востоке. В начале залива лежал остров Сивиш с теснящимися на северной стороне мастерскими. До материка и в Хеи — город Дирдилов — тянулась дамба. В центре Хеи, резко выделяясь на общем фоне, возвышалась огромная коробка из серого стекла длиной пять миль, шириной три мили и высотой тысячу футов — гигантское сооружение, занимающее, казалось, весь город. Огромное здание окружал частокл башен, высота которых была в десять раз больше серой коробки, прихотливо выкрашенных в алый и пурпурный цвета, а по краям — в розовато-лиловый, серый и белый. Анахо указал рукой на башни.

— Каждый такой дом — клан. Когда-нибудь я расскажу о жизни в Хеи: о прогулках, сложных любовных отношениях, кастах и кланах. Но сейчас нас должна больше интересовать космическая база, которая находится неподалеку, вон там.

Рейш увидел площадку в центре острова, окруженную лавками, складами, депо и ангарами. С одной стороны на стоянке возвышались шесть огромных ракет и три небольших корабля. Голос Анахо вывел Рейша из раздумий.

— Корабли хорошо охраняются. Дирдиры — существа более бдительные, чем Ванкхи; это врожденный инстинкт, поэтому еще никто за все время существования космодрома не сумел украсть звездолет.

— Но еще никто за все это время не приходил с суммой в двести тысяч цехинов. Многие смогут погреть руки на нашем деле.

— Какую пользу принесут цехины в Стеклянном Коробе?

На это Рейш ничего возразить не смог, и Анахо повел корабль на снижение, уверенно приземлившись на твердую посадочную дорожку космодрома.

— Сейчас, — спокойно сказал дирдирмен, — мы узнаем, что уготовила нам судьба.

Рейш тут же насторожился.

— Что ты имеешь в виду?

— Если за нами следили, то уже наверняка поджидают; тогда нас схватят и быстро прикончат. Но летное поле, кажется, выглядит как обычно. Мне кажется, все сойдет благополучно. Теперь запомните — это Сивиш. Я — дирдирмен, а вы — низшие существа; так что ведите себя соответственно.

Рейш подозрительно осмотрел летное поле. Анахо был прав: внешне все выглядело спокойно.

Друзья высадились; Анахо с суровым видом стоял в стороне, пока Рейш и Траз сгружали мешки.

Подъехала моторная повозка и установила их корабль на подъемник. Оператор — гибрид дирдирмена и существа неизвестной расы — с любопытством рассматривал Анахо, не обращая внимания на Рейша и Тразу.

— Куда его поставить?

— Временное депо, до первого требования, — сказал Анахо.

— По какому тарифу?

— Специальному. Жетон я возьму с собой.

— Номер шестьдесят четыре. — Оператор подал Анахо медный жетон. — С вас двадцать цехинов.

— Вот вам двадцать и еще пять возьмите себе.

Повозка-подъемник доставила воздушный корабль в бокс под указанным номером. Анахо пошел вперед к эскалатору, за ним — Рейш и Траз с мешками. Эскалатор вынес их на широкую улицу, по которой оживленно сновали моторные повозки, экзотические автомашины и просто подводы.

Анахо на мгновение остановился, задумчиво бормоча себе под нос:

— Я так давно здесь не был и перевидел столько городов, что изрядно подзабыл Сивиш. Конечно, в первую очередь нам потребуется жилье. Насколько я помню, через дорогу должна стоять вполне приличная гостиница.

Анахо оказался прав. В уютном заведении «Древняя страна» их проводили по коридору, выложенному белым и черным кафелем, в номер, выходящий окнами на центральный дворик, где на скамейках сидело дюжину женщин в ожидании призывного кивка из окон.

Две девицы, по-видимому, были дирдирменками — худые создания с острыми чертами лица, белой, как снег, кожей и редкими вью-

жимися серыми волосами. Анахо на минуту остановил на них свой взгляд, но быстро отвернулся.

— Еще раз повторяю, мы — беглецы, — сказал он, — и должны вести себя очень осторожно. Здесь, в Сивише, где постоянно полно чужаков, мы в большей безопасности, чем в любом другом месте. Дирдиров не интересует этот город, если, конечно, не возникнут какие-нибудь осложнения; в таких случаях Администратор города вызывается в Стекланный Короб. Во всех остальных случаях он действует по своему усмотрению: устанавливает налоги, ведает охраной, судит, наказывает, отбирает имущество, словом, действует так, как считает нужным. Поэтому, наверное, он является единственным неподкупным человеком в Сивише. Мы должны любым путем заручиться помощью еще какого-нибудь влиятельного здесь лица; завтра я попытаюсь собрать кое-какие сведения. Кроме того, нам необходимо подходящее помещение недалеко от космодрома, причем такое, чтобы не бросалось в глаза. Об этом тоже следует навести справки. Затем — и это самое деликатное дело — нам нужно подобрать технический персонал для сборки частей и узлов корабля и его испытаний. Я думаю, с нашими деньгами нанять техников не составит проблемы. Для всех я — дирдирмен одной из высших каст (кстати, это действительно мой бывший статус) и при каждом удобном случае стану намекать, что Дирдиры карают болтливых людей. Я не вижу никаких препятствий к осуществлению нашего плана; если, конечно, не помешает неблагоприятное стечение обстоятельств.

— Другими словами, — сказал Рейш, — обстоятельства против нас. Анахо проигнорировал его замечание.

— Но я должен предупредить вас — город кишит интригами. Сюда приезжают с единственной целью: добиться успеха. В Сивише процветают преступники, здесь обычное дело — воровство, вымогательство, пороки, различные авантюры, азартные игры, обжорство, расточительное чванство, мошенничество, надувательство. Это уже приобрело эпидемический характер, и у жертвы мало шансов вырваться из лап хищного города. Дирдиры не обращают на местные нравы никакого внимания — этика и поведение низших существ не имеют для них значения. Администратор заинтересован только в поддержании видимости порядка. Итак, будьте осторожны! Не доверяйте никому и не отвечайте ни на какие вопросы! Говорите, что вы — кочевники, ищущие работу; прикидывайтесь неотесанными невежами. Только таким путем мы можем уменьшить степень риска.

Глава 10

Утром Анахо ушел наводить необходимые справки. Рейш и Траз спустились на улицу и, зайдя в кафе, стали наблюдать за прохожими. Траз с отвращением смотрел на улицу.

— Все города порочны, — бурчал он. — Но этот хуже всех — отвратительное место! Ты заметил, какая вонь? Химикаты, дым, болезни, даже камни гниют. Этот запах отравил людей. Ты только посмотри на их физиономии!

Рейш молча кивнул. Жители Сивиша никак не могли вызвать симпатии. Цвет лица колебался от грязно-коричневого до мучнисто-белого, как у дирдирменов. На всем их облике лежала печать тысячелетних беспорядочных мутаций. Никогда еще Рейш не видел таких настороженных и замкнутых людей. Сосуществование с чуждой расой не способствовало развитию чувств товарищества и дружбы — в Сивише каждый человек был чужаком. Но и всеобщая отчужденность имела свои хорошие стороны. На Траза и Рейша вообще не обращали внимания, кинув косой взгляд, прохожие больше не поворачивали голову.

Расслабившись, Рейш спокойно сидел над бокалом светлого вина, погруженный в глубокую задумчивость. Скитаясь по древней Тчаи, он недавно понял, что единственным связующим звеном всех рас является язык, одинаковый повсюду. Это, видимо, случилось потому, что средство общения часто становилось единственным шансом выжить, а язык как раз и являлся таким универсальным средством. Он, по-видимому, зародился на планете Земля, но здесь уже не походил ни на один из тех, что знал Рейш. Адам неторопливо сопоставлял ключевые слова. «Вам» означало «мать», «татап» — «отец», «иссир» — «клинок». Числа обозначались так: айне, сеи, дрос, енсер, ниф, хисз, яга, манага, нувай, тикс. Никаких ярко выраженных параллелей, но они как бы являлись далеким отголоском каких-то древних земных слов.

«Вообще-то, — прихотливо текли дальше мысли Рейша, — жизнь на Тчаи намного более насыщена и богата, чем на Земле. Люди здесь в проявлении своих чувств не признавали середины; страсти выплескивались бурным потоком, горе переживалось особенно остро, а радость доводила до неистовства, да и поведение местных жителей отличалось решительностью и, зачастую, прямолинейностью. По сравнению с ними земляне казались вялыми и бесцветными, а жизнь на Земле слишком спокойной и безопасной, вызывая ощущение стерильности».

И снова на Рейша нахлынули старые опасения.

Допустим, он вернется на Землю. Что дальше? Сможет он снова привыкнуть к нестерпимо тихому и мирному существованию? Или всю жизнь будет тосковать по степям и морям Тчаи? Рейш грустно усмехнулся. Он бы многое дал, чтобы узнать ответ на вопрос...

Вскоре вернулся Анахо. Быстро оглянувшись, он подсел к товарищам, заметно подавленный:

— Похоже, я был слишком оптимистичен. Чересчур понадеялся на свои воспоминания.

— А что случилось? — спросил Рейш.

— Да ничего особенного. Но, судя по всему, слухи о наших подвигах заметно нас опередили. Уже дважды за утро я слышал толки о безумцах, которые в Карабасе с легкостью расправились с Дирдирами, словно те были букашками. Весь Хеи бурлит негодованием и яростью, во всяком случае так это выглядит. Сейчас уже было объявлено «тсау'гш»; если нас поймают, вряд ли кому-нибудь захочется оказаться на нашем месте...

Траз сразу вскипел:

— Дирдиры летают в Карабас охотиться на людей. Почему же они так возмущаются, когда их самих убивают?

— Тише! — воскликнул Анахо. — Не так громко! Ты что, хочешь привлечь внимание? В Сивише никто не говорит вслух то, что думает, это вредно для здоровья!

— Еще одна лохань грязи на эту помойку! — заявил Траз, но уже более спокойным тоном.

— Успокойся, — сказал нервно Анахо. — Все не так уж и плохо, в конце концов. Только подумайте! В то время, как Дирдиры рыщут по всем континентам, мы спокойно сидим в Сивише в гостинице «Древняя страна».

— Ну, это довольно слабое утешение, — заметил Рейш. — Что еще ты узнал?

— Администратором города является Клодо Эрлиус. Он недавно назначен на этот пост — для нас это, скорее всего, невыгодно, потому что новое начальство всегда начинает со строгостей. Я попытался навести некоторые справки, но так как меня принимают за знатного дирдирмена, то многого добиться не удалось. Правда, кое-что я узнал. В разговорах несколько раз упоминалось одно имя. Похоже, это то, что нам требуется. Его зовут Айла Вудивер. Основное занятие — поставка и транспортировка строительных материалов. Известный гурман и сластолюбец. Его вкусы столь утонченны, а запросы грандиозны и экзотически, что выливаются ему в крупные суммы. Мне рассказывали о нем с очевидным восхищением. Судя по всему, он популярная личность. Но о криминальных занятиях и поступках Вудивера просто ничего не упоминали.

— Вряд ли Вудивер будет для нас ценным приобретением, — с сомнением сказал Рейш.

Анахо недовольно проворчал:

— Ты хотел, чтобы я нашел кого-либо, знающего толк во взяточничестве, крючкотворстве и не боящегося нарушить закон, например, украсть что-нибудь. Разве не так? А когда я тебе отыскал такого человека, ты от него нос воротить!

Рейш усмехнулся:

— А другие имена упоминались?

— Из полусушительного разговора я сумел выяснить, что любые необычные действия, несомненно, привлекут внимание Вудивера. Мне

кажется, он как раз тот человек, с которым стоит иметь дело. В определенном смысле его репутация считается безукоризненной: он никогда не нарушал своего слова и к тому же обладает необходимыми нам связями и возможностями организовать дело.

В разговор вступил Траз:

— А что будет, если твой Вудивер откажется нам помочь? Ведь тогда мы окажемся в полной зависимости от него, и он легко сможет отобрать наши цехины.

Анахо поджал губы и передернул плечами.

— В таких делах, как наше, никогда не бывает стопроцентной уверенности. По-моему, помощь Вудивера будет наилучшим выходом. Он знает, как достать необходимые нам материалы, контролирует местный транспорт и, наверное, сможет обеспечить подходящее здание для сборки космического корабля.

Рейш неохотно согласился:

— Нам нужен лучший из лучших в своем деле, и если он станет сотрудничать, то, наверное, не стоит заострять внимание на его личных недостатках. Хотя, с другой стороны... Хорошо, но как мы объясним наше желание построить космический корабль?

— Можно рассказать историю, которую ты придумал для локхаров, то есть, что он нам нужен для перевозки сокровищ. Эта сказка ничуть не хуже любой другой. Вудивер, естественно, не поверит ни единому слову; скорее всего, он сразу заподозрит двойную игру, так что смело можешь говорить ему, что взбрет в голову.

Вдруг Траз тревожно прошептал:

— Осторожно, приближаются Дирдиры!

По улице к ним подходили своей странной скачкообразной походкой три создания. Затылки их голых черепов покрывали серебряные сетки, лучезарные отростки мирно опущены, доставая до плеч. Рукава одежды из мягкой светлой кожи свисали, почти касаясь земли; узкие полосы с вертикальными рядами красных и черных окружностей, нашитые спереди и сзади на кафтаны, мерно колыхались в такт полупрыжкам.

— Инспекторы, — произнес сквозь зубы Анахо. — Несколько раз в году они появляются в Сивише. Иногда чаще, если в городе возникают какие-то проблемы.

— Они поймут, что ты дирдирмен?

— Конечно. Я только надеюсь, что они не узнают моего нынешнего статуса — Анкхе, или Анахо, то есть отверженный.

Создания прошли мимо. Рейш равнодушно посмотрел на них, хотя все его тело напряглось. Но Дирдиры не обратили на них внимания и спокойно продолжили свой путь по улице; светлые кожаные полосы весело развевались на ветру.

Лицо Анахо блестело от пота; Адам глубоко вздохнул и твердо сказал:

— Чем скорее мы покинем Сивиш, тем лучше.

Анахо забарабанил пальцами по столу и наконец решился:

— Очень хорошо. Я позвоню Айле Вудиверу и договорюсь о предварительной встрече.

Он зашел в гостиницу, но быстро возвратился.

— Скоро должна подойти машина, чтобы отвезти нас к месту встречи.

Рейш не был готов к такой стремительности.

— Что ты ему сказал? — спросил он удивленно.

— Что мы хотели бы проконсультироваться с ним по одному деловому вопросу.

— Гм. — Адам поудобнее устроился на стуле. — Поспешность в делах ни к чему хорошему не приводит.

Анахо раздраженно всплеснул руками.

— А зачем откладывать?

— Вообще-то незачем. Но мне не по себе здесь, в Сивише; я чувствую себя неуверенно и тревожно.

— Не беспокойся. Чем больше узнаешь Сивиш, тем меньше остается у тебя противной самоуверенности и спеси!

Рейш промолчал. Через пятнадцать минут у входа в гостиницу остановилась старомодная черная машина. В свое время она наверняка стоила очень дорого. Из нее выглянул угрюмый человек средних лет, крайне неприятный на вид. Он повернулся к Анахо:

— Вы ждете машину?

— К Вудиверу?

— Садитесь.

Друзья влезли в салон и уселись на мягкие сиденья. Машина медленно покатила по улице, затем повернула на юг и въехала в район беспорядочно разбросанных убогих домов. Они строились без всякого плана. Ни один подъезд не был похож на другой; окна самых причудливых форм и размеров прорезали как попало толстые стены. Из распахнутых створок выглядывали бледные лица людей; некоторые стояли у входа, разглядывая улицу.

Жители провожали взглядом машину.

— Рабочие, — произнес с отвращением Анахо. — Кхермены, тханы, с Темных островов. Они приехали из различных уголков Кислована и из других дальних земель.

Автомобиль миновал грязную площадь и въехал на улицу с небольшими лавками, оборудованными тяжелыми металлическими шторами. Анахо, как будто невзначай, поинтересовался:

— До дома Вудивера еще далеко?

— Не очень, — нехотя пробормотал водитель.

— Где он живет? За городом, в районе Хейтс?

— На холмах Замиа.

Рейш украдкой разглядывал крючкообразный нос водителя, желваки мускулов возле бесцветной полоски губ. Типичное лицо палача.

Дорога плавно поднималась в гору. Окруженные садами, дома здесь выглядели очень красиво. Автомобиль остановился в конце аллеи. Водитель резко открыл дверцу машины, затем молча провел их по затемненному проходу, пахнувшему сыростью и плесенью, через арку и двор вверх по узкой лестнице. Наконец они вошли в комнату с облицованными плиткой горчичного цвета стенами.

— Подождите здесь. — Он исчез за дверью из черного дерева, обитую железом, и через минуту появился вновь, жестом пригласив друзей следовать за собой: — Входите!

Они вошли в большую комнату с белыми стенами. Ее пол покрывал ало-каштановый ковер. Комнату заполняли небольшие диваны с яркой розовой, красной и желтой обивкой и массивный стол из резного дерева, около которого стояла курильница, извергавшая густые клубы дыма. У стола неподвижно стоял очень полный желтолицый человек в пестрой одежде красного, черного и грязно-бежевого цвета. Его лицо казалось круглым, как арбуз; редкие золотистые пряди волос не могли скрыть мощный череп. Это был во всех отношениях могучий человек, наделенный весьма острым, хотя и циничным, как решил Рейш, умом.

— Меня зовут Айла Вудивер, — начал он, умело смягчая тембр своего голоса; сейчас он был мягким и доброжелательным. — Я вижу дирдирмена одной из первых каст...

— Вышей, — поправил его Анахо.

— ...молодого юношу, очевидно варварской, но незнакомой мне расы и человека неизвестного происхождения. Почему такая разношерстная компания захотела со мной встретиться?

— Чтобы обсудить вопрос, который может представлять взаимный интерес, — ответил Рейш.

Губы Вудивера дрогнули в усмешке.

— Продолжайте.

Рейш внимательно осмотрел комнату, затем снова повернулся к хозяину.

— Я предлагаю перейти в другое место, желательно на свежий воздух.

Тонкие, почти незаметные брови Вудивера удивленно выгнулись.

— Я отказываюсь вас понимать. Может быть, объясните, в чем дело?

— Обязательно, когда мы уйдем отсюда.

Вудивер раздраженно нахмурился, но вышел из-за стола. Последовав за ним, друзья прошли через арку и оказались на зеленой, идущей под уклон террасе, с которой открывался великолепный вид на подернутый легкой дымкой пейзаж.

— Это подходящее место? — спросил Вудивер уже более спокойным тоном.

— Пожалуй, подойдет, — согласился Рейш.

— Вы меня озадачили, — продолжал хозяин, усаживаясь в массивное кресло. — Какой страшный секрет вы собираетесь мне поведать?

Рейш многозначительно посмотрел на восхитительную панораму внизу, в сторону разноцветных башен и дымчато-серого Стеклянного Кораба.

— Вы — известный человек. Думаю, что ваша деятельность достаточно интересует многих, чтобы записывать все разговоры.

Вудивер задумчиво сказал:

— Очевидно, у вас действительно очень деликатное дело, и скорее всего, оно дурно пахнет.

— Это вас беспокоит?

Делец поджал губы.

— Давайте перейдем ближе к делу.

— Конечно. Вы заинтересованы в получении крупной суммы?

— Хм-м, — задумчиво протянул собеседник Рейша. — У меня достаточно денег для удовлетворения моих скромных потребностей. Но каждому хочется иметь еще немного, хотя бы про запас.

— Дело заключается в следующем: мы знаем, где и как добыть очень много денег, и притом без всякого риска.

— Что ж, тогда вы счастливейшие из смертных!

— Конечно, нам требуется еще кое-что подготовить, и мы считаем, что именно вы, человек, знающий все ходы и выходы, можете помочь нам — за определенное вознаграждение, естественно. С деньгами у нас проблем нет.

— Я не могу сказать ни да, ни нет до тех пор, пока не узнаю все подробно, — вкрадчиво сказал Вудивер. — Можете говорить начистоту; мою репутацию это ни в коей мере не затронет.

— Но нам сначала нужно заручиться вашим согласием. Иначе весь наш разговор ни к чему.

Делец заморгал.

— Вполне возможно, что я соглашусь. Но мне хотелось бы все-таки знать, в чем дело.

— Хорошо! Проблема в следующем — мы хотим приобрести небольшой космический корабль.

Вудивер сидел неподвижно, его глаза сверлили лицо Рейша. Окинув быстрым взглядом Анахо и Тразу, он негромко рассмеялся.

— Вы приписываете мне несуществующее могущество! Или даже безрассудную, отчаянную дерзость. Как я могу достать космический корабль, не важно, большой или размером с корыто? Вы сумасшедшие или принимаете меня за такового!

Страстная речь Вудивера вызвала у Рейша улыбку. В конце концов, решил он, это обычный способ набить себе цену.

— Мы все тщательно обдумали, — возразил он дельцу. — Наш план вполне осуществим. С помощью такого человека, как вы, конечно.

Вудивер скептически покачал головой, похожей на желтую тыкву.
— Вы считаете, что стоит мне только указать пальцем на космическую базу, и корабль сразу появится? Вы так в этом уверены? Да меня немедленно упекут в Стекланный Короб!

— Учтите, — продолжал Рейш, — нам не нужен большой корабль. Мы могли бы вполне обойтись и устаревшей моделью, купив и отремонтировав ее, или приобрести все необходимые детали и узлы и собрать корпус самим, за отсутствием лучшего варианта.

Вудивер сидел, задумчиво поглаживая подбородок.

— Дирдиры, несомненно, не одобряют этот проект.

— Поэтому я сразу и предупредил о необходимости соблюдать осторожность.

Его собеседник надул щеки.

— Какая сумма денег вкладывается в это дело? Их источник? Где они находятся?

— Эти вопросы не должны вас сейчас волновать, — твердо сказал Рейш.

Вудивер потер щеку желтым указательным пальцем.

— Давайте посмотрим на ваше дело отвлеченно. Во-первых, что касается его практического воплощения: потребуются большие деньги. Оплата расходов по найму техников, аренда помещения для сборки и, конечно, закупка деталей, о которых вы говорили... Откуда вы возьмете такую сумму? — В его голосе явственно звучали ехидные нотки. — Может быть, вы ждете, что это Айла Вудивер выложит свои денежки?

— Финансовая сторона дела — не проблема, — терпеливо повторил Рейш. — У нас достаточно денег.

— Неужели! — изумился Вудивер. — И сколько, смею спросить, вы готовы выложить?

— О, от пятидесяти до ста тысяч цехинов.

Вудивер изумленно покачал головой.

— Ста тысяч будет вполне достаточно. — Он посмотрел в сторону города Хеи. — Я никогда не связывался с противозаконными операциями и авантюрами.

— Ну, конечно!

— Я мог бы консультировать вас на дружеской и неофициальной основе, скажем, за определенную плату или, возможно, за процент от суммы издержек... И естественно, за небольшую часть возможной прибыли.

— Думаю, что это нам подойдет, — согласился Рейш. — Как думаете, сколько времени потребуется для выполнения нашего плана?

— Кто знает? Невозможно предугадать такие вещи. Месяц? Два? Нужно получить как можно больше информации, у нас ее явно недостаточно. Необходимо связаться со знающим человеком с Великого космодрома.

— Знающим, опытным и заслуживающим доверия, — уточнил Рейш.

— Это само собой разумеется. Кажется, я знаю такого; я ему неоднократно оказывал помощь. Через день-два мы с ним увидимся и поговорим о нашем деле.

— А почему не сейчас? — спросил Рейш. — Чем скорее, тем лучше.

Вудивер поднял руку.

— Спешка к добру не приводит. Приходите через два дня. Возможно, у меня будут для вас новости. Но вначале надо решить финансовый вопрос. Я не могу тратить свое время даром. Мне потребуется небольшая сумма — скажем, пять тысяч цехинов — на необходимые расходы.

Рейш покачал головой.

— У нас есть деньги, и я вам их сейчас покажу. — Он вытащил пачку пурпурных цехинов. — На самом деле здесь около двадцати тысяч. Но пока мы не можем позволить себе тратить их ни на что, кроме осуществления нашего плана.

На лице Вудивера появилось брюзгливое выражение.

— А как насчет моего вознаграждения? Мои труды пропадут втуне? Я не сторонник филантропии.

— Конечно нет. Если все пройдет хорошо, вы получите достойную плату.

— Что ж, пока это меня устраивает, — заявил Вудивер, внезапно проявив широту натуры. — Через два дня я пришлю за вами Артило. Ни с кем не говорите о нашем деле! Необходимо соблюдать строжайшую секретность!

— Прекрасно все понимаю. Значит, через два дня.

Глава 11

Сивиш был угрюмым, серым и тусклым городом. Казалось, его подавляет близкое соседство с Хеи. Огромные дома на проспекте Хейтс и в районе холмов Замиа изумляли богатством отделки, но в них полностью отсутствовали стиль и респектабельность. Жители выглядели также угрюмо: хмурые, не приемлющие юмора, серокожие и склонные к тучности люди. Их рацион состоял из огромных чаш с простоквашей, блюд с вареными клубнями, мясом, рыбой, приправленных прогорклым черным соусом, от которого у Рейша совсем пропал аппетит, хотя, как заявил Анахо, существовало множество разновидностей этой гадости, считающейся здесь признаком изысканного вкуса. Основным развлечением для горожан служили ежедневные бега, но не животных, а людей. После встречи с Вудивером друзья увидели один из таких спортивных праздников. В нем

принимало участие восемь человек в разноцветной одежде. Каждый держал шест, на верхушке которого крепился хрупкий стеклянный шар. Бегун должен был перегнать своих противников. Он имел право наносить боковые удары, чтобы соперники упали и разбили свои шары, после чего они выбывали из состязания. Полубоваться собралось около двадцати тысяч человек; во время каждого забега стоял непрекращающийся гул. Среди зрителей Рейш заметил несколько дирдирменов; они делали ставки с таким же азартом, как и другие, хотя и держались особняком от толпы. В ответ на опасения Рейша, что Анахо могут заметить его бывшие знакомые, тот лишь снисходительно рассмеялся.

— В такой одежде я в безопасности. Они никогда меня не узнают. Если бы я был одет как дирдирмен, меня, конечно, тут же отправили бы к палачу. Я уже видел с полдюжины моих старых друзей. Но ни один из них даже не взглянул на «низшее существо».

Троица решила взглянуть и на Великий космодром в Сивише. Друзья обошли его и попытались рассмотреть, что там происходит. У стоявших там космических кораблей была удлинённая, веретенообразная форма со сложными стабилизаторами, совершенно отличная от громоздких звездолетов Ванкхов и чрезмерно пышных аппаратов Синих Часей; все они, в свою очередь, отличались от земных. Судя по всему, космодром работал далеко не на полную мощность. Он был загружен едва ли наполовину. Но так или иначе, на нем велись большие работы. В ремонте находились два грузовых корабля; строился, очевидно, один пассажирский. К тому же они увидели три маленьких — видимо, боевых — новеньких звездолета, еще пять или шесть аппаратов в разных стадиях ремонта и несколько старых корпусов, сваленных в кучу в конце цеха. На противоположной стороне космодрома на больших черных кругах стояли три готовых к взлету корабля.

— Они иногда отправляются на Сибол, — заметил Анахо. — Но другие планеты посещают очень редко. Давным-давно, когда у власти еще находились Завоеватели, мы летали ко многим мирам. Но теперь все по-другому. Дирдиры склонны к оседлой жизни. Они хотели бы силой вытеснить отсюда Ванкхов и перерезать всех Синих Часей, но пока не знают, на что в первую очередь направить свои силы. И это пугает! Дирдиры — страшный и очень агрессивный народ, они не могут долго оставаться в спокойном состоянии. В один прекрасный день ими снова овладеет воинственный дух и они двинутся на завоевание других миров.

— А кто такие Пнуумы? — спросил Рейш.

— Трудно сказать о них что-нибудь точно. — Анахо указал на частоколы за Хен. — Через сканскоп ты можешь увидеть складские помещения Пнуумов, где они хранят металл для торговли с Дирдирами. Их Прислужники иногда приезжают в Сивиш по делам. Во всех горах проложены туннели, выходящие на поверхность. Стран-

ные твари следят за каждым шагом Дирдилов, но никогда не появляются на поверхности, боясь охотников, которые убивают их, как диких зверей. С другой стороны, отправившийся в одиночку на охоту Дирдир может никогда не вернуться: Пнумы уволочут его в свои туннели. Во всяком случае, такое ходит поверье.

— Подобное может происходить только на Тчаи, — заметил Рейш. — Народы ведут торговлю, испытывая взаимное отвращение, и рвут друг другу глотки при первой возможности!

Анахо мрачно вздохнул.

— Тут нет ничего удивительного. Торговля выгодна и тем и другим, а убийства дают выход обоюдной ненависти. Нельзя смешивать совершенно разные вещи!

— А кто такие Прислужники Пнумов? Как относятся к ним Дирдиры и дирдирмены?

— В Сивише — спокойно. Здесь соблюдается перемирие, но в других местах их тоже убивают. Правда, они не часто появляются в населенных местах. Есть, однако, особая разновидность Прислужников. Их совсем немного. Это, пожалуй, самые странные существа на Тчаи... Но мы должны идти, пока не привлекли внимания охранников.

— Слишком поздно, — мрачно сказал Траз. — За нами уже следят.

— Кто?

— Позади нас на дороге стоят два человека. Один в коричневой куртке и большой черной шляпе, другой в темно-голубом костюме с непокрытой головой.

Анахо искоса взглянул на дорогу.

— Это не стражники и уж точно не стража космодрома.

Друзья пошли к темному бетонному столбу, обозначающему центр Сивиша. Солнце, пробиваясь сквозь густой слой тумана, освещало холодным коричневатым светом местность. Соглядатаи, четко вырисовывавшиеся в солнечных лучах, продолжали идти за ними; что-то в их безмолвных фигурах вселяло тревожное чувство, почти панику.

— Кто бы это мог быть? — нервно спросил Адам.

— Не знаю. — Анахо бросил быстрый взгляд через плечо, однако преследователи уже исчезли. — Но не думаю, что за нами шли дирдирмены. Мы встречались с Айлой Вудивером. Вероятно, за ним и за нами теперь, после встречи, следят. А может, это его люди или члены какой-нибудь банды? К тому же нас могли заметить, когда мы выходили из воздушного корабля или сдавали цехины на хранение... Да, ужасная ситуация! Наши приметы, полученные из Мауста, наверняка уже разосланы повсюду. А мы слишком бросаемся в глаза.

— Сейчас увидим. Идем туда, где улица проходит вблизи разрушенного дома.

— Хорошо.

Они прошли мимо развалин бетонного здания и, как только скрылись из вида, нырнули в руины и стали ждать. По улице бес-

шумно пронеслись знакомые фигуры. Когда они поравнялись с бетонной опорой, Рейш навалился на одного шпиона, дирдирмен и кочевник схватили другого. Внезапно Анахо и Траз с воплями разжали руки, отпустив пленника. На мгновение Адама обдало странным горьким запахом камфоры и кислого молока, и тут мощный электрический разряд отбросил его; Рейш вскрикнул от неожиданности. Странные создания, освободившись, пустились наутек.

— Я разглядел их! — воскликнул Анахо. — Это были Прислужники Пнумов или гжиндры! Вы увидели на них обувь? Эти всегда ходят босиком.

— Кто такие гжиндры? — спросил Рейш, вернувшись после напрасной попытки догнать шпионов, — их уже как ветром сдуло!

— Низший разряд Прислужников, что-то вроде отверженных.

Друзья пошли назад в гостиницу по темным улицам Сивиша.

— Могло быть и хуже, — наконец нарушил молчание дирдирмен.

— Но зачем они преследовали нас?

— Мне кажется, они прицепились, когда мы покинули Сеттру, а может, и раньше, — мрачно предположил Траз.

— Рассудок Пнумов устроен весьма своеобразно, — произнес Анахо. — Невозможно предугадать их действия! Неудивительно, ведь они подлинны дети Тчаи...

Глава 12

Они сидели за столом около гостиницы «Древняя страна», потягивая легкое вино и рассматривая спешивших мимо прохожих. «Музыка — это истинное выражение величия человеческой расы», — лениво подумал Адам. Проходя сегодня утром возле таверны, он услышал музыку. Оркестр состоял из четырех музыкальных инструментов. Первый представлял собой бронзовый ящик, усеянный конусами, обернутыми тонким пергаментом, которые при поглаживании звучали как корнет в самой низкой тональности. Еще один — вертикальная деревянная труба диаметром в один фут, с двенадцатью струнами, проходящими над двенадцатью отверстиями, — издавал целую гамму звенящих нот. Третий — сложная конструкция из сорока двух барабанов — отбивал сложный фоновый ритм. Деревянный изогнутый рог, из которого извергались блеющие, кричащие и визжащие звуки, достойно завершал эту необычную коллекцию.

Музыка, доносившаяся из таверны, показалась вначале Рейшу чересчур простой и примитивной — постоянное повторение несложной мелодии, которую разнообразили только небольшие вариации. Несколько танцующих пар проделывали какие-то странные па: стоя друг к другу лицом, с плотно прижатыми к бокам руками, они с потешной осторожностью прыгали с одной ноги на другую. Зрелище навевало

невыносимую скуку. Как только мелодия утихала, люди с видимым облегчением расходились, но стоило ей зазвучать снова — и танцоры опять принимались за свои прыжки.

Только прислушавшись как следует к музыке, Рейш начал понимать ее сложность и прихотливость вариаций. Как прогорклый черный соус, отбивавший вкус к пище, она требовала больших усилий для усвоения; чужаку никогда не постичь чувства восхищения и блаженства, какое испытывали местные жители. «Наверное, — думал Рейш, — эти еле слышные вибрации и колебания требовали необыкновенной виртуозности; судя по всему, горожане питали слабость к расплывчатым музыкальным фразам, переходящим от взрыва страстей к нежной, еле заметной гармонии. Возможно, такова была их реакция на близкое соседство с Дирдирами».

Религия тоже объясняла многое в характере и образе мыслей жителей Сивиша. Дирдиры, как узнал Рейш из разговоров с Анахо, не признавали никакой веры. Дирдирмены, наоборот, выдумали сложную мифологическую систему, основанную на сказании о том, что Человек и Дирдир произошли из одного изначального яйца. Низшие существа — люди, живущие в Сивише, посещали множество различных храмов. Ритуалы, насколько Рейш мог понять, проходили в основном по более-менее единому образцу: вначале униженные поклоны, затем моление о благах и иногда предсказание результатов ежедневных бегов. Некоторые культы до предела усложняли свои доктрины; их язык представлял собой изощренный метафизический жаргон, такой хитроумный и двусмысленный, что он удовлетворял даже вкусам жителей Сивиша. Другие вероучения, приспособленные к бытовым нуждам, были настолько упрощенными и несложными, что верующим требовалось только осенить себя священным знаком, бросить цехины в чашу жреца, получить благословение, и после этого они могли спокойно отправляться по своим делам.

Появление черного автомобиля Вудивера прервало размышления Рейша. Артило, окинув их злобным взглядом, молча кивнул на сиденья и, усевшись за руль, утавился на дорогу.

Друзья сели в машину, и она медленно повезла их через весь Сивиш. Артило ехал в юго-восточном направлении, похоже, в сторону космодрома. На границе города, где посреди пустыни ютились лишь несколько лачуг, стояли полуразрушенные склады в окружении куч из песка, гравия, кирпича и очищенного известняка. Автомобиль проехал через центральную площадку и остановился у небольшой конторы, построенной из кусков битого кирпича и черных шлакоблоков.

У входа стоял Вудивер. На этот раз он был одет в просторную коричневую куртку и голубые брюки; на голове красовалась синяя шляпа. Вся его фигура излучала настороженную вежливость и неприступность. Посмотрев на троицу из-под полуприкрытых век, де-лец приветственно поднял руку и нырнул в открытую дверь. Рейш,

Траз и Анахо вышли из машины, направились к конторе и тоже вошли. Шедший позади Артило вытащил из большого черного шкафа чашку чая и, раздраженно отхлебывая из нее, уселся в углу комнаты.

Вудивер жестом пригласил друзей сесть на скамью. Пока они устраивались, делец нервно рассказывал по комнате. Наконец, глядя в потолок, заговорил:

— Я собрал кое-какие важные сведения, но боюсь, что ваш план непрактичен. Трудностей с помещением не будет — южная часть склада, как видите, прекрасно подойдет для этой цели, и вы можете арендовать ее за умеренную плату. Один из моих доверенных людей — заместитель суперинтенданта по поставкам на космической базе — сказал, что необходимые компоненты можно достать... За деньги, естественно. Мы наверняка сумеем раздобыть корпус корабля на складе металлолома космодрома — вам ведь не требуется особая роскошь. Наконец, мы сможем подобрать за вполне умеренную плату группу опытных техников.

Вудивер явно готовит какой-то подвох! Опасения Адама усилились.

— Почему же вы назвали наш план непрактичным?

Простодушно-невинная улыбка толстяка могла соперничать с младенческой.

— Мне кажется, что прибыль не оправдывает риск, которому мы все подвергаемся.

Рейш хмуро кивнул и поднялся.

— Извините, что отняли у вас так много времени. И большое спасибо за информацию!

— Не за что, — любезно сказал хозяин. — Желаю всего самого наилучшего в вашем начинании. Может быть, когда вы разбогатеете, вернетесь и захотите построить великолепный дворец. Тогда вы, надеюсь, вспомните обо мне.

— Вполне вероятно, — сказал Рейш. — А теперь...

Но Вудивер, казалось, совсем не спешил отпускать их. Он уселся в кресло с елейной улыбкой на устах.

— Один из моих лучших друзей занимается торговлей драгоценными камнями. Он переведет ваше сокровище в цехины, если, конечно, клад — это драгоценные камни, как я полагаю. Нет? Тогда редкие металлы? Опять нет? Ага! Все-таки драгоценности?

— Может быть, да, а может, и нет, — ответил Рейш. — Очевидно, сейчас будет лучше для всех, если мы не станем вдаваться в подробности.

Лицо Вудивера приняло капризно-раздраженное выражение.

— Как раз эта неопределенность и настораживает меня! Если бы я точно знал, что меня ожидает...

— Любой, кто будет со мной в этом деле, — подчеркнул Рейш, — может разбогатеть.

Вудивер поморщился.

— Итак, я должен принять участие в сомнительной аванюре, чтобы получить часть добычи?

— Я заплачу определенный процент перед отлетом. Если вы полетите с нами, — Рейш задумчиво посмотрел в потолок, прикидывая следующий ход, — либо после нашего возвращения вас ждут большие деньги.

— И что же такое, по-вашему, «большие деньги»?

— Я бы не хотел уточнять, иначе вы можете заподозрить меня в хвастовстве. Но, ручаюсь, вы будете довольны.

Из угла донеслось скептическое ворчанье Артило, но Вудивер не обратил на слугу или телохранителя никакого внимания, продолжая ворчливо-высокомерным тоном:

— Я деловой человек и не могу действовать, основываясь на сомнительных слухах. Мне нужен залог в десять тысяч цехинов. — Он надул щеки и посмотрел на Рейша. — После их получения я немедленно приложу все усилия, чтобы начались работы по вашему плану.

— Очень хорошо, — сказал Рейш, — но как бы это ни было нелепо, давайте предположим, что вы окажетесь не человеком слова, а негодяем, мошенником или обманщиком, повторяю, только предположим. Тогда вы возьмете мои деньги, а потом вдруг окажется, что наш проект невыполним, и я останусь в дураках. Поэтому я согласен платить только по результатам.

Лицо Вудивера перекошилось от злости, но он не собирался уступать.

— Тогда заплатите мне за ренту этого помещения. Оно расположено в удобном месте, не бросается в глаза, находится вблизи космодрома, и тут есть все условия для спокойной работы. К тому же я могу приобрести старый корпус корабля со склада металлолома якобы для использования в качестве хранилища. Вы арендуете его у меня за символическую цену в десять тысяч цехинов за год с предварительной оплатой.

Адам задумчиво кивнул:

— Интересное предложение. Но ведь нам требуется помещение только на несколько месяцев. Зачем же создавать вам лишние хлопоты? Мы можем арендовать склад где-нибудь еще, дешевле и на более выгодных условиях.

Вудивер сузил глаза, крепко стиснул побелевшие губы.

— Будем друг с другом откровенны. Наши интересы совпадают, во всяком случае, пока я получаю от вас цехины. Я не работаю по дешевке. Или вы платите заранее, или наши отношения прекращаются.

— Ладно, — сказал Рейш. — Мы арендуем ваш склад, и я заплачу тысячу цехинов за три месяца в тот день, когда сюда доставят корпус корабля и техники приступят к работе.

— Что ж, — протянул Вудивер, — думаю, это можно будет сделать уже завтра.

— Отлично!

— Но мне необходимы деньги для покупки остова. По цене он пойдет как лом. Транспортировка за дополнительную плату.

— Хорошо. Здесь тысяча цехинов. — Рейш отсчитал деньги и положил их на стол.

Вудивер возмущенно стукнул рукой по столу.

— Вы что, издеваетесь?! Это же ничтожная сумма!

— Вы не доверяете мне, почему же я должен верить вам? В худшем случае вы потеряете несколько часов, а мне приходится рисковать тысячами цехинов, — резко сказал Рейш.

Вудивер хмыкнул и обратился к Артило:

— Как бы ты поступил?

— Бросил бы это дело.

Делец снова повернулся к Рейшу и развел руками.

— Вот видите...

Рейш решительно забрал со стола тысячу цехинов.

— Что ж, до свидания! Рад был познакомиться с вами.

Ни Вудивер, ни Артило даже не посмотрели им вслед.

Они возвратились в гостиницу, остановив по дороге моторную повозку.

Через день в «Древнюю страну» приехал Артило.

— Айла Вудивер хочет вас видеть.

— Зачем?

— Он достал для вас корпус корабля и установил его на старом складе. Техники уже разбирают и отчищают его. Ему нужны деньги. Зачем же еще вы могли ему понадобиться?

Глава 13

Корпус, несмотря на возраст, выглядел крепким и достаточно вместительным. Бока блестели — коррозия их явно не затронула, — грязные, потемневшие иллюминаторы надежно укреплены в гнездах и загерметизированы. Рейш придирчиво проверял корабль, осматривая все швы, заглядывая во все щели. Вудивер не мешал ему, подчеркнуто держась в стороне. На его лице застыло надменное выражение. Наряды дельца с каждым днем приобретали все большую экстравагантность. В тот день он шеголял в темно-желтом костюме и черном кепи с алым султаном. Пряжкой для плаща служил серебряно-черный овал, разделенный по вертикали на две части. На одной половине была выгравирована стилизованная голова Дирдира,

на другой — человеческая голова. Заметив удивление Рейша, толстяк сказал:

— Конечно, по моему внешнему виду догадаться невозможно, но по отцовской линии я принадлежу к Безупречным.

— Неужели? А ваша мать?

Вудивер скривил рот.

— Женщина из знатного северного рода.

— Девка из таверны Тханга, а по крови она принадлежала к болотным людям, — донесся голос Артило.

Вудивер вздохнул.

— В присутствии Артило невозможно предаться романтическим иллюзиям. Так или иначе, в один прекрасный день семья моего отца случайно оплодотворило утробу первой попавшейся женщины, и благодаря этому перед вами стоит дирдирмен, Безупречный фиолетового ранга, а не просто Айла Вудивер, торговец песком и гравием и лучший в мире консультант по осуществлению гиблых идей.

— Нелогично, — пробормотал Анахо, — и в общем-то невероятно. Ни один Безупречный уже не придерживается древнего «примитивного убранства».

Лицо Вудивера мгновенно налилось кровью и побагровело. Повернувшись с неожиданным проворством, он ткнул своим пухлым пальцем в Анахо:

— Кто здесь смеет говорить о логике? Ренегат Анкхе, то бишь Анахо! Кто носил убранство голубого и алого цветов, не подвергнувшись должным испытаниям? Кто внезапно исчез с Великолепным Азарвим иссит Дардо, которого с тех пор никто не видел?

— Я больше не считаю себя дирдирменом, — спокойно возразил Анахо. — И конечно, не претендую на голубое и алое убранство. Я отказался даже от своего законного имущества, доставшегося по наследству.

— В таком случае не лезь с идиотскими замечаниями к человеку, которого незаслуженно лишили его законной касты!

Анахо отошел в сторону, с трудом сдерживая гнев. Но он прекрасно понимал, что сейчас лучше промолчать. Судя по всему, Айла преуспел в сборе информации не только о космических кораблях, но и о своих клиентах. Рейш многое бы отдал, чтобы выяснить, много ли узнал пронырливый толстяк.

Лицо Вудивера постепенно приобрело нормальный цвет. Все еще хмурясь, он отвернулся от дирдирмена и угрюмо предложил:

— Почему бы нам не перейти к более важным делам? Подходит вам этот корабль?

— Он великолепен, — ответил Рейш. — Мы не ожидали, что среди металлолома можно найти такое.

— Согласен с вами, — кивнул головой Айла. — Но самое трудное впереди. Мой друг с космодрома, как, впрочем, и я, не жаждет попасть

в Стекланный Короб, хотя лишняя горсть цехинов может творить чудеса, так что давайте перейдем к финансовой стороне дела. Я заплатил за этот корпус наличными из своего кармана — восемьсот девяносто цехинов — по-моему, вполне разумная цена. Расходы по доставке составили триста цехинов. Арендная плата за помещение — тысяча цехинов в месяц. Итого две тысячи сто девяносто цехинов. В качестве комиссионных я беру десять процентов от общей суммы, то есть двести девянацать цехинов. Следовательно, вы мне должны две тысячи четыреста девять цехинов.

— Минуточку, — запротестовал Рейш. — Я же предлагал тысячу цехинов за три месяца аренды помещения, а не за один!

— Это слишком мало!

— Я плачу пятьсот, и ни цехином больше! А теперь давайте поговорим о комиссионных, но только будем рассуждать здраво. Вы уже получили большую прибыль от аренды склада и высокой цены за доставку, и я не вижу никаких оснований выкладывать дополнительные десять процентов за уже оплаченные услуги.

— А почему бы и нет? — вкрадчиво поинтересовался Вудивер тихим голосом. — Вам же выгоднее, если вы без лишних хлопот получите все из одних рук. Я как бы един в двух лицах: посредника и поставщика. Почему, спрашивается, если посредник может сам недорого и эффективно обеспечить поставки, он должен делать это бесплатно? Поручи я доставку кому-нибудь другому, она стоила бы не дешевле, но комиссионные вы заплатили бы мне без всяких возражений.

Слова Вудивера были справедливы. Рейш не мог, да и не пытался этого отрицать, ограничившись только замечанием:

— Я не собираюсь платить больше пятисот цехинов за аренду обветшалого старого сарая, который с радостью сдали бы другому за двести.

Вудивер назидательно погрозил желтым пальцем.

— Но вы не учитываете степень риска! Ваше дело граничит с преступлением, это же почти воровство! Поймите меня правильно, мне нужно достойное вознаграждение — частично за оказанные услуги, частично, чтобы помочь преодолеть страх перед Стекланным Коробом.

— С вашей точки зрения, это совершенно справедливо, — заметил Рейш. — Что до меня, я хочу привести космолет в порядок до того, как закончатся деньги. Вы получите все цехины, которые останутся у нас после сборки корабля, заправки его топливом и закупки необходимых продуктов. Я позабочусь об этом.

— В самом деле! — Вудивер задумчиво погладил подбородок. — И сколько же у вас денег? Мне нужно знать это для выработки дальнейшего плана действий.

— Чуть больше ста тысяч.

— Хм... Я буду очень удивлен, если у вас что-то останется, когда все будет сделано.

— Вот именно. Поэтому я и хочу сократить до минимума все расходы, кроме прямых затрат на сборку.

Вудивер повернулся к Артило.

— Посмотри, как меня прижали! Все получают прибыль, кроме Вудивера! Мое великодушие, как всегда, меня подводит...

В ответ тот лишь невнятно что-то пробурчал.

Рейш отсчитал деньги.

— Пятьсот цехинов — даже чересчур щедрая плата за этот разваливающийся ангар. Транспортные расходы — триста цехинов. Стоимость корпуса корабля — восемьсот девяносто цехинов, но я добавляю за него еще десять процентов — восемьдесят девять цехинов. Итого — одна тысяча семьсот девять цехинов.

На широком желтом лице Вудивера отразилась целая гамма чувств. Наконец он выдал:

— Должен вам напомнить, что за экономию часто приходится дорого расплачиваться.

— Если работы будут вестись добросовестно и быстро, — возразил Рейш, — у вас не будет причин считать меня скрягой. Вы получите столько цехинов, что вам и не снилось. Но платить я собираюсь только после завершения ремонта, так что в ваших же интересах ускорить его. Если мы напрасно истратим деньги, то все окажемся в проигрыше.

На этот раз Вудивер не сказал ничего. Он жадно смотрел на лежавшую на столе грудку сверкающих цехинов. Затем, разделив их на пурпурные, алые и темно-зеленые, он снова пересчитал деньги, вскользя заметив:

— А вы умеете торговаться.

— К нашей обоюдной выгоде, безусловно.

Вудивер положил цехины в свой сейф.

— Что ж, корабль так корабль... Вы его получите! — И он хлопнул ладонями по своим жирным ляжкам. — Так, а теперь что касается запасных частей и деталей... Что вам нужно в первую очередь?

— Я ничего не понимаю в технике Дирдилов. Нам необходимо посоветоваться со знатоком. Вы сможете доставить сюда подходящего человека сейчас?

Искоса посмотрев на Рейша, Вудивер поинтересовался:

— Как же вы собираетесь лететь, ничего в этом не понимая?

— Я знаком с космическими кораблями Ванкхов.

— Хм... Артило, привези нам Дейна Зарра из технического отдела.

И толстяк отправился к себе в контору, оставив друзей в пустом ангаре.

Анахо осмотрел корпус.

— Старый пройдоха достал хороший товар. Это корпус корабля серии «Испра». Она уже устарела, но все же лучше, чем «Конкакс Скример». Теперь нам потребуются детали и узлы от «Испры», что сильно ускорит и облегчит работу.

— А такое возможно?

— Конечно. Думаю, что наш корпус — лучшее из того, что смогла бы добыть желтолицая бестия. Вы только подумайте: его отец — Безупречный! Да это просто смех! А вот в то, что его мать из болотных людей, я верю с легкостью. Он наверняка из кожи вон лез, чтобы выведать наши секреты.

— Не думаю, что он смог узнать слишком много.

— Пока мы в состоянии платить, мы в безопасности. Корабль нам достался в общем-то дешево, да и плата за аренду не так уж высока. Но следует держаться настороже: его не устроит обычная прибыль.

— Не сомневаюсь, что он обведет нас вокруг пальца, — сказал Рейш. — И не буду возражать, если мы соберем действующий космический корабль. — Он снова обошел корпус, осторожно похлопывая по шершавому металлу, будто не веря своим глазам. Вот она — осуществленная мечта, залог возвращения домой! Горло сдавило от волнения. Адам ощутил настоящую привязанность к этой холодной стальной громадине, несмотря на ее чужой и даже враждебный вид.

Замерзнув, Траз и Анахо вышли из ангара, чтобы погреться в лучах полуденного солнца, вскоре к ним присоединился и Рейш. Он вспомнил Землю, и внезапно ему показалось, что он видит все вокруг впервые. Обветшавший, мрачный город Сивиш, башни города Хеи, Стекланный Короб, отражающий бронзовый свет солнца, неясные контуры складов Пнумов, словно тающие вдали... Увы, он находится на планете Тчаи!

Рейш присел на скамью рядом с друзьями и спросил:

— А что находится в Стекланном Коробе?

Анахо, казалось, удивился его невежеству.

— Там находится парк — точная копия древней планеты Сибол. Молодые Дирдиры учатся в нем охоте; другие занимаются различными физическими упражнениями или отдыхают. Для зрителей сооружены специальные галереи. Добычей начинающих служат преступники. В Коробе точно такие же горы, растения, утесы и пещеры, как на Сиболе, и условия максимально приближены к действительности. Охота на человека иногда продолжается несколько дней.

— А Дирдиры постарше там тоже охотятся?

— Наверное.

— А дирдиры-Безупречные участвуют в этом?

— Иногда им тоже разрешают.

— Интересно, они поедают свою добычу?

— Конечно!

На разбитой дороге показался черный автомобиль. Проехав по маслянистой луже и подняв тучу брызг, он остановился возле конторы. В дверях появился Вудивер — гротескная туша в нелепом черно-желтом наряде. Открыв переднюю дверцу, из машины вылез Артило, затем с заднего сиденья с трудом выбрался какой-то старик. Его лицо выглядело осунувшимся, а глядя на замедленные осторожные движения незнакомца, казалось, что его недавно избили и каждый шаг дается бедняге с невыносимой болью. Выйдя навстречу гостю, Вудивер быстро перекинулся с ним несколькими словами и повел к ангару.

— Это Дейн Зарр, — представил старика хозяин, — он будет руководить работами по нашему проекту. Дейн, познакомьтесь с этим человеком неизвестной расы. Его зовут Адам Рейш. Позади него стоит бывший дирдирмен, некий Анахо, и юноша, судя по всему, кочевник из степей Котана. Подробнее обо всем вы договоритесь с нашим работодателем.

Дейн Зарр медленно повернулся к Рейшу. Его светло-зеленые глаза по контрасту с черными зрачками стоявших рядом людей казались почти прозрачными.

— Что у вас за проект?

«Вот еще один узнал нашу тайну», — подумал Рейш. Список лиц, посвященных в их секреты, с каждым днем увеличивается. Но другого выхода не было.

— В ангаре находится корпус космического корабля. Мы хотим привести его в рабочее состояние.

Выражение лица Зарра сразу изменилось. Несколько секунд он внимательно изучал Рейша, затем повернулся и вошел в ангар, но быстро вернулся.

— Ваш проект вполне осуществим, его можно восстановить. Я только не понимаю зачем? — Он еще раз испытующе посмотрел на Адама. — Это очень рискованно.

— Вудивер не выражает большого беспокойства по этому поводу, хотя самой большой опасности подвергается именно он.

Дейн Зарр равнодушно взглянул на толстяка.

— Но он и самый ловкий из нас. Впрочем, я ничего не боюсь. И если Дирдиры попытаются забрать меня, уж я постараюсь отправить их на тот свет как можно больше.

— Ну-ну, не надо, успокойтесь, — поспешно сказал Вудивер. — Дирдиры — это Дирдиры; необычайно ловкий и смелый народ! И разве все мы не братья, вылупившиеся из одного яйца?

Дейн Зарр угрюмо кивнул головой.

— Кто будет поставлять оборудование, инструменты и детали?

— Космодром, — сухо ответил Вудивер. — Сами не знаете?

— Нам потребуются техники, не меньше шести человек, причем абсолютно надежные люди, которые не проговорятся.

— Ну, это уж как повезет, — заявил делец. — Конечно, неприятных случайностей часто удастся избежать с помощью определенных стимулов. Если Рейш щедро заплатит, то это будут деньги. Если же их придется убеждать Артило, то главным аргументом станут его весомые в буквальном смысле слова доводы; если я намекну о неприятных последствиях болтливости, то самым лучшим убеждающим фактором окажется страх. Никогда не забывайте, что Сивиш — город тайн. Мою правоту могут подтвердить все, кто сейчас стоит здесь.

— К сожалению, это правда, — нехотя согласился Дейн Зарр и снова окинул Рейша изучающим взглядом. — И куда же вы хотите лететь на своем космическом корабле?

Не то издевательским, не то лстивым тоном Вудивер объяснил старику:

— Он все время утверждает, что владеет несметными сокровищами, которыми хочет поделиться с нами.

Дейн Зарр улыбнулся.

— Мне не нужно богатство. Платите сто цехинов в месяц — больше я ничего не потребую.

— Так мало? — возмутился Вудивер. — Вы уменьшаете мои комиссионные!

Но Дейн Зарр не обратил на него никакого внимания.

— Вы собираетесь сразу же начать работу? — спросил он у Рейша.

— Чем раньше — тем лучше.

— Тогда я составлю список того, что нам потребуется в первую очередь. — И, повернувшись к Вудиверу, Зарр поинтересовался: — Когда вы сможете привезти сюда мой заказ?

— Как только Рейш выдаст мне необходимую сумму.

— Организуйте доставку сегодня же вечером, — предложил Адам. — Деньги я принесу завтра.

— А гонорар для моего друга? — вспыхнул Вудивер. — Он что, должен работать даром? И следует заплатить охранникам склада! Разве они дежурят здесь для собственного удовольствия?

— Сколько? — коротко спросил Рейш.

Несколько секунд толстяк колебался, затем нарочито небрежным тоном сказал:

— К чему утомительные споры? Я согласен обойтись мизерной суммой: две тысячи цехинов.

— Так много? Этого не может быть! Скольким людям надо дать взятку?

— Троиц: заместителю инспектора и двум охранникам.

Дейн Зарр брезгливо заметил:

— Уступите ему. Я не люблю, когда торгуются. Если вам нужно сэкономить деньги, то лучше платите меньше мне.

Рейш открыл рот, чтобы возразить, но передумал и, пожав плечами, горько усмехнулся.

— Хорошо. Вот две тысячи цехинов.

— Запомните, — назидательно сказал Вудивер, — вы должны оплатить инвентарную стоимость товара: трудно красть в открытую!

Вечером возле ангара было разгружено четыре моторных повозки. Рейш, Траз и Анахо относили ящики в ангар, а Дейн Зарр проверял их по накладной. В полночь появился Вудивер.

— Все в порядке?

— Да, по-моему, все заказанные материалы уже привезли, — ответил Дейн Зарр.

— Прекрасно. — Делец подошел к Рейшу и протянул ему лист бумаги. — Это счет. Напротив каждого названия товара в нем проставлены цены, и они ни обсуждению, ни уменьшению не подлежат.

Прерывающимся шепотом Рейш назвал общую сумму:

— Восемьдесят две тысячи цехинов?!

— А чего вы ожидали? — небрежно спросил Вудивер. — Сюда еще не включено мое вознаграждение. Вместе с ним выходит девяносто две тысячи.

— Здесь все, что нам необходимо? — с надеждой спросил Рейш у Дейна Зарра.

— К сожалению, нет.

— И сколько времени потребуется для сборки корабля?

— Два или три месяца. Может быть, и больше, если детали и запасные части сильно повреждены.

— Сколько мне придется платить техникам?

— Двести цехинов в неделю. Они, в отличие от меня, нуждаются в деньгах.

У Рейша перед глазами вдруг встала картина Карабаса: серо-коричневые горы, огромные бурые камни, колючие кустарники, вызывающие холодную тоску и страх огоньки по ночам. Он вспомнил их мучительный переход через Форлэнд, ловушку для Дирдиров в Пограничном лесу, стремительный бег к «Вратам Надежды». Девяносто тысяч цехинов — почти половина их добычи... Если деньги будут исчезать слишком быстро, а Вудивер станет так же нагло и щедро раздавать взятки, что тогда? Рейш не хотел даже думать об этом.

— На следующий день я принесу требуемую сумму.

Вудивер довольно кивнул.

— Хорошо. Иначе товар завтра же ночью возвратится на склад.

Глава 14

Старый космический корабль серии «Испра», стоявший в ангаре, на глазах преображался. Уже установили в гнезда двигатели, закрепили их болтами и приварили; через грузовой люк на корме подняли и поставили на место генератор и конвертор. «Испра» теперь уже не по-

ходила на кучу лома, какой была прежде. Друзья почистили, загрузовали и отполировали изъеденные и чуть затронутые ржавчиной места, избавив корпус корабля от старой краски. Они отмыли смотровые иллюминаторы, расширили воздуховоды и оборудовали входной люк новым уплотнителем для лучшей герметизации.

Сам Дейн Зарр только руководил работами. Прихрамывая, он расхаживал по ангару, и от его серых глаз не ускользала ни одна деталь. Иногда, насмешливо улыбаясь, заглядывал Артило. Его хозяин появлялся крайне редко. Если он иногда все же и приходил, то держал себя исключительно сухо и по-деловому. От его бывлой вежливости и любезности не осталось и следа.

Как-то Вудивера вообще не было видно в течение месяца. Однажды Артило, сплюнув на пол в приливе хорошего настроения, объяснил:

— «Большой желтолицый хозяин» находится в своем загородном имении.

— А что он там делает?

Артило повернулся к Рейшу и с кривой улыбкой сказал:

— Воображает, что он — дирдирмен, вот что! Вот куда уходят все его деньги — на политику, поддержание своего престижа и охоту. Проклятая скотина!

Рейш застыл на месте от удивления.

— Ты имеешь в виду... Он что, охотится на людей?

— Безусловно. Он и его закадычные дружки. «Желтолицый» владеет двумя тысячами акров земли. Стекланный Короб занимает почти столько же. Правда, окружающий имение каменный забор был не очень надежен, но он подвел к нему электрический ток и загородил колючей проволокой. И теперь, если заснешь, утостившись вином «желтолицего», то, проснувшись, запросто можешь оказаться на охоте в качестве дичи.

Рейш не стал расспрашивать его об участии жертв, попавших в сети Вудивера; такая информация его не интересовала. Прошло еще десять дней, и в ангар явился Вудивер, настроенный в этот раз очень мрачно. Нервно покусывая губы и глядя в землю, он подошел к Рейшу, казалось, заполнив своей тушей половину ангара.

— Деньги за аренду! — И толстяк протянул руку; его голос был резок и холоден.

Рейш достал пятьсот цехинов и положил их на угол стола. Ему было неприятно даже притронуться к желтой ладони Вудивера.

Послышался глухой звук удара: вскипев от нанесенной обиды,делец ударил Рейша с такой силой, что тот невольно пошатнулся, а голова его резко откинулась назад. На мгновение космонавт опешил от удивления, но тут же почувствовал знакомую дрожь во всем теле — признак закипающей ярости. Краем глаза он заметил Артило, стоящего у стены. Для телохранителя пристрелить его — все равно что раз-

давить насекомое! Рейш прекрасно понимал это. Впрочем, недалеко от Артило, следя за каждым его движением, находился Траз, так что того пока что можно было не принимать в расчет.

Вудивер продолжал стоять, вызываясь глядя на Адама холодными, невыразительными глазами. Рейш глубоко вздохнул, сдержав свой гнев. Ответить ударом на удар? Это ему ничего не даст, только еще больше озлобит самозваного дирдирмена и кто знает, к каким еще последствиям может привести? Он медленно отвернулся.

— Принесите мне мои деньги за аренду! — рявкнул Вудивер. — И не принимайте меня за попрошайку! Мне уже надоела ваша надменность. А в будущем обращайтесь ко мне с почтением, которое положено человеку моей касты!

И снова Рейш сдержался. Куда проще было бы ударить ненавистного толстяка, и — будь что будет! Но это означало бы провал всех планов. Он тяжело вздохнул. Если уж взялся за что-то, надо идти вперед, не сворачивая.

В тяжелой гнетущей тишине он отдал цехины Вудиверу, который, едва бросив взгляд на деньги, раздраженно топнул ногой.

— Этого мало! Почему я должен терять из-за вас свои деньги! Заплатите то, что положено! Аренда стоит тысячу цехинов в месяц!

— Хорошо, вот еще пятьсот цехинов, — спокойно сказал Рейш, — но, пожалуйста, не запрашивайте больше — деньги могут кончиться.

Толстяк презрительно буркнул что-то, повернулся и зашагал к выходу. Посмотрев ему вслед, Артило сплюнул на пол и внимательно взглянул на Рейша.

Тот молча пошел в ангар. Дейн Зарр, который наблюдал за происходящим, не проронил ни слова. Уйдя с головой в работу, Рейш попытался забыть о перенесенном унижении.

Через два дня после стычки Вудивер, облаченный в тот же клоунский черно-желтый костюм, появился снова. В этот раз он вел себя необычайно любезно, как будто ничего не произошло.

— Как у вас сейчас идут дела?

— Все нормально, серьезных трудностей пока не было, — спокойно ответил Рейш. — Самые громоздкие устройства мы уже установили на место и даже подсоединили. Основная аппаратура и приборы тоже установлены, но еще не подключены. Дейн Зарр сейчас составляет новый перечень для закупок. Главное, нам нужны приборы и датчики для системы магнитного включения и навигации, воздушные кондиционеры. Возможно, придется еще купить топливные баки.

Вудивер поморщился.

— Вот именно! Опять наступит печальная минута, когда надо будет расставаться с добытыми тяжким трудом цехинами... Позвольте спросить, как вам удалось накопить такую огромную сумму? Это же

целое состояние! Просто удивительно, зачем, имея подобное сокровище, рисковать им в погоне за несбыточной мечтой?

Рейш холодно улыбнулся.

— Я совсем не считаю экспедицию погоней за несбыточной мечтой.

— Невероятно! Когда наш технический руководитель подготовит перечень?

— Возможно, он уже готов.

Но Зарр еще не успел его закончить, и Вудиверу пришлось немного подождать.

Он долго изучал список, откинув голову и полузакрыв глаза, и наконец с сожалением сказал:

— Боюсь, что вы не сможете заплатить необходимую сумму.

— Надеюсь, что сможем, — ответил Рейш. — Сколько это будет стоить?

— Не могу сказать точно. Я еще не подсчитал, но, если учитывать арендную плату, стоимость рабочей силы, ваши первоначальные затраты, то останется не так уж много денег... — И он вопросительно посмотрел на Рейша.

Рейш решительно сказал:

— Тогда необходимо сократить расходы до минимума.

— Три основные статьи должны остаться неприкосновенными, — безапелляционно заявил Вудивер. — Это плата за аренду, комиссионные и деньги моим помощникам и друзьям, а то, что останется, можно потратить по вашему усмотрению. Теперь, будьте добры, дайте мне две тысячи цехинов в качестве аванса. Если вы окажетесь не в состоянии оплатить материалы, их немедленно вернут на склад; с вас даже не возьмут дополнительной платы за это, кроме расходов по транспортировке.

Рейш мрачно отсчитал две тысячи. Он уже подсчитал, что из двухсот с лишним тысяч цехинов, привезенных из Карабаса, осталось меньше половины.

Ночью в трех огромных моторных повозках в ангар привезли материалы и оборудование. Чуть позже прибыла повозка поменьше с топливными баками. Траз и Анахо уже начали разгружать ее, но Рейш остановил их.

— Минуточку! — Он зашел в ангар, где Дейн Зарр проверял товар по своему списку.

— Вы заказывали топливо?

— Да, заказывал.

Рейшу показалось, что Зарр необычно задумчив, будто его мысли витали где-то очень далеко.

— Сколько времени может работать корабль на одном топливном баке?

— Необходимо два бака, по одному в каждом отсеке. Каждый рассчитан приблизительно на два месяца работы.

- Но нам привезли восемь баков.
- Я заказывал четыре, из них два запасных.

Рейш вернулся к повозке.

- Сгружайте только четыре, — сказал он друзьям.

Рейш заглянул в кабину к сидевшему там все это время водителю, узнав в нем, к своему удивлению, Артило, но тот оставался невозмутимым, вопросительно посмотрев на изумленного работодателя.

— Ты привез восемь баков с топливом, а мы заказывали только четыре, — сказал Рейш.

- «Желтолицый хозяин» сказал, чтобы я привез восемь.

— Нам потребуется только четыре бака. Остальные отвези назад.

— Это невозможно. Вам лучше поговорить с хозяином.

— Мне нужно четыре, я беру только их. С остальными можешь делать все что хочешь.

Артило, прошипев что-то сквозь зубы, вылез из повозки, схватил четыре оставшихся бака и отнес их в ангар. После этого он влез в кабину и уехал.

Друзья стояли и смотрели вслед удалявшейся моторной повозке. Наконец Анахо спокойно сказал:

- Будет скандал.

— Судя по всему, да, — согласился Рейш.

— Топливные баки, конечно, собственность Вудивера, — неумолимо продолжал дирдирмен. — Может быть, он украл их, а может, купил по дешевке. Ну, а сейчас подвернулся прекрасный случай выгодно их пристроить.

Траз глухо заявил:

- Надо было заставить Вудивера унести эти баки на своем горбу.

Рейш невольно рассмеялся.

- Если бы я только знал, как это сделать.

— Он боится за свою жизнь, как и любой другой на его месте.

— Это правда. Но никто не выкалывает себе глаза, если злится на собственное лицо!

Утром Вудивер не приехал, чтобы выслушать объяснение, на подготовку которого Рейш потратил большую часть ночи. Адам погрузился в работу, но его мысли не покидал образ толстяка, казавшегося ему сейчас безжалостным посланником неумолимого рока.

Дейна Зарра тоже не было на месте, и техники вели себя и разговаривали более свободно, чем в его присутствии. Рейш на минуту оторвался от работы и в который раз стал перебирать все подробности плана. «Пока что все идет хорошо, — размышлял он. — Основное оборудование и приборы уже установлены, и даже самая сложная и нудная работа по наладке и регулировке аппаратуры шла в общем-то без

особых проблем». На этой стадии Рейш, хотя и имел представление о том, как действуют земные приборы, был бесполезен. Он даже не знал, работают ли двигатели кораблей Дирдиров по сходному принципу.

Перед полуднем небо стало хмуриться; над пустырем ветер погнал черные, как штормовое море, тучи. Солнце потускнело, став цвета старой бронзы, и скрылось за облаками; через несколько секунд разразился проливной дождь, скрыв полностью город Хеи. Внезапно, сгибаясь под порывами ливня, показалась худая фигура Дейна Зарра, который вел с собой до предела изможденных детей — мальчика лет двенадцати и девочку года на два-три постарше. Шатаясь от усталости, они вошли в ангар и остановились, дрожа от холода. В лице техника не было ни кровинки, он еле стоял на ногах. Дети, совершенно ооченевшие, казалось, не могли пошевелить даже пальцем.

Рейш быстро разломал несколько деревянных ящиков и развел костер посередине ангара. Отыскав старую упаковочную ткань, он разорвал ее на несколько кусков и протянул вошедшим.

— Скорее вытритесь! А потом снимайте куртки и садитесь греться у огня!

Дейн Зарр перевел на Рейша невидящий взгляд, как будто слова не доходили до его сознания, но затем подчинился. За ним к костру подошли дети — судя по всему, брат и сестра и скорее всего родственники, может быть, даже внуки Дейна Зарра. Мальчик обвел ангар настороженным взглядом голубых глаз. В прекрасных светлосерых глазах его сестры затаилась глубокая грусть.

Рейш принес чашки с горячим чаем, и наконец Дейн Зарр настолько пришел в себя, что смог заговорить.

— Спасибо, мы уже почти высохли. — Через несколько минут он продолжил: — Эти дети находятся на моем попечении; они должны остаться здесь, со мной. Если вы не разрешите, мне придется уволиться.

— Конечно, — успокоил его Адам. — Они могут жить здесь сколько угодно, если будут молчать обо всем, что у нас происходит.

— Они ничего не расскажут, — объявил Дейн Зарр и обратился к детям: — Вы поняли? Нельзя говорить о том, что увидите.

Разговор оборвался. Успокоившись, несчастные, видимо, утратили остаток сил. Рейш даже не пытался их расспрашивать, сообразив, что за оцепенением таится какое-то недавнее, очень сильное горе. Дети исподлобья смотрели на него.

— К сожалению, у нас нет лишней сухой одежды, — сокрушенно покачал головой Рейш. — Но если вы голодны, могу вам кое-что предложить:

Мальчик гордо отказался, покачав головой, но девочка внезапно улыбнулась, и только теперь стало ясно, как она хороша.

— Мы совсем не ели сегодня, — пробормотала она.

Стоявший рядом Траз нырнул в чулан и вскоре появился с хлебом и миской супа в руках. Отдав еду детям, друзья с состраданием следили, как жадно они набросились на скудное угощение. Особую жалость вызывала девочка, настолько она казалась несчастной и изможденной.

Постепенно Дейн Зарр немного успокоился. Надев высохшую одежду, он отправился проверить, что было сделано в его отсутствие.

Рейш осторожно заговорил с детьми:

— Ну как, вы согрелись?

— Да, спасибо.

— Дейн Зарр — ваш дедушка?

— Нет, дядя.

— Понятно. И сейчас вы должны жить с ним?

— Да.

Исчерпав темы для разговора, Рейш неловко замолчал, но Траз действовал более прямолинейно. Не долго думая, он спросил:

— Что случилось с вашими родителями?

— Их убили файросы, — печально ответила девочка.

Ее брат судорожно заморгал глазами, пытаясь скрыть слезы.

— Вы, наверное, из восточного Скайрайза? — спросил Анахо.

— Да.

— Как же вы добрались сюда?

— Пешком.

— Но это очень далеко...

— Нам повезло.

Брат и сестра снова уставились на огонь. Девочка нервно вздрогнула, с ужасом вспоминая подробности их путешествия.

Рейш оставил их у костра и подошел к Зарру.

— На вас свалилась еще одна забота.

Тот внимательно посмотрел на него.

— Это верно.

— Вы зарабатываете здесь гораздо меньше, чем того заслуживаете. Я хочу увеличить вам плату.

Старик согласно кивнул.

— Я как следует распоряжусь этими деньгами.

Возвращаясь на рабочую площадку, Рейш увидел остановившегося в дверях Вудивера — огромный, смахивающий на луковицу силуэт. Сегодня он был настроен явно агрессивно, что еще больше подчеркивалось его вызывающе-враждебным взглядом. На сей раз толстяк облачился в очередной ослепительный наряд — черные плюшевые бриджи, плотно облегавшие толстые ноги, пурпурную с коричневым куртку и светло-желтый шарф. Подойдя к костру, Вудивер удивленно рассматривал детей, переводя взгляд с брата на сестру. Наконец он спросил:

— Кто развел здесь огонь? И что вы здесь делаете?

— Мы промокли, а господин пригласил нас погреться, — испуганно сказала девочка.

— Так-так... И кто же этот господин?

Рейш выступил вперед.

— Этот господин — я. Они родственники Дейна Зарра. И я развел огонь, чтобы они просохли и отогрелись.

— А что будет с моим имуществом? Одна-единственная искра — и все вспыхнет, как спичка!

— Мне кажется, ангару вряд ли грозит такая опасность, пока идет проливной дождь.

Вудивер неохотно согласился:

— Хорошо, я полагаюсь на вас. Как идет работа?

— Все прекрасно, — ответил Рейш.

Айла достал из кармана лист бумаги.

— Здесь у меня счет за оборудование, привезенное прошлой ночью. Общая сумма, как видите, совсем невелика, потому что я приобрел его по оптовой цене.

Рейш развернул бумагу, и черные цифры словно заплясали на белом фоне: «За поставленные товары — 106 800 цехинов».

Между тем толстяк невозмутимо продолжал:

— До сих пор, кажется, нам сопутствовала невероятная удача. Надеюсь, она не изменит нам и в будущем. Только вчера Дирдиры поймали двух воров, работавших на экспортном складе, и немедленно забрали их в Стекланный Короб. Так что, как видите, охранники не дремлют.

— Послушайте, Вудивер, — твердо сказал Рейш, — на этот раз счет очень велик. Слишком велик. Поэтому я не собираюсь платить за лишние топливные баки.

— Я уже объяснял. Сюда входит общая стоимость всех услуг, — лениво заметил тот. — Я ничего не взял сверху за дополнительные баки. В некотором смысле вы их получили бесплатно.

— Не в этом дело. Я не собираюсь платить по ценам, которые по меньшей мере в пять раз больше настоящих. И к тому же у меня просто не хватит денег.

— Тогда вам придется раздобыть побольше цехинов, — вкрадчиво произнес Вудивер.

Рейш фыркнул.

— Вы считаете, что это так легко сделать?

— Да, некоторым людям, — весело ответил Айла. — По городу ходят фантастические слухи, будто бы трое человек, пробравшись в Карабас, перебили невероятное количество Дирдиров, ограбив их, конечно. По описанию это юноша, похожий на кочевника из степей Котана, изгнанник-дирдирмен и человек неизвестной расы. Дирдиры из кожи вон лезут, чтобы выследить необычную тройцу. О них говорят еще кое-что: черноволосый чужак якобы утверждает, что он пришелец из далекого

мира, откуда, как он говорит, произошли все люди. Но, по-моему, все это полнейшая чушь. А вы как думаете?

— Очень интересно, — пробормотал Рейш, безуспешно пытаясь скрыть охватившую его тревогу.

Вудивер самодовольно улыбнулся.

— Ваше положение весьма уязвимо... Да и я подвергаюсь большой опасности! Так почему я должен рисковать своей жизнью, не получая ничего взамен? Конечно, я помогаю вам скорее бескорыстно и по-дружески, но, по-моему, вправе рассчитывать на определенную благодарность.

— Я не могу заплатить такую большую сумму, — решительно возразил Рейш. — Вы просто пытаетесь выжать из меня как можно больше денег, вычислив приблизительно их общее количество.

— А почему бы и нет? — Вудивер уже не скрывал нахальной усмешки. — Вы только подумайте, что будет, если все слухи, о которых я только что говорил, окажутся правдой! А теперь предположим, что по невероятному совпадению вы как раз и есть та отважная троица. В таком случае получается, что меня подло обманули!

— Это только предположение, — сказал Рейш, удерживая предательскую дрожь в губах.

— А как же сказочное сокровище?

— Оно существует на самом деле. Помогите нам, и уже через месяц мы сможем покинуть Тчаи, а спустя еще месяц вы получите столько денег, что вам и не снилось.

— Где? Каким образом? — Вудивер подался вперед, нависая над Рейшем, как огромный утес; его голос гремел: — Я спрашиваю напрямую: это вы придумали байку, что первоначальная родина человека — некий далекий мир? А если еще ближе к делу, вы-то сами верите в подобное безумие?

Рейш лихорадочно пытался найти выход из положения. Скрывая по мере сил тревогу, он с деланным спокойствием произнес:

— К чему тратить время на споры об отвлеченных предметах? Наши предложения достаточно ясны, и слухи, о которых вы упоминали, не имеют к ним никакого отношения.

Вудивер судорожно, как сломанная кукла, заматал головой.

— Когда корабль покинет Тчаи, — продолжал Рейш, — вы получите все цехины, которые у меня останутся. Мне больше нечего предложить. Если же вы попытаетесь предъявить невыполнимые требования... — И Рейш замолчал, пытаясь подыскать подходящую угрозу.

Толстяк замтно успокоился, морщины на его жирном лице разгладились. Он заговорил гораздо более спокойным тоном:

— На что вы способны! Вы совершенно беспомощны. Стоит мне сказать хоть одно слово — и вас заберут в Стекланный Короб. Какие там шансы выжить? Никаких. Поэтому вам придется выполнять то, что я требую.

Рейш быстро оглядел ангар. У входа, угрожающе сопя, стоял Артило; на боку у него висел пистолет.

К ним неслышно подошел Дейн Зарр и, не обращая внимания на Вудивера, обратился к Адаму:

— Топливные баки не соответствуют моему заказу. Они нестандартного размера и, кажется, уже длительное время использовались. От них следует отказаться.

Глаза Айлы сузились, рот искривился.

— Что? Это отличные баки!

Четко и невозмутимо Зарр повторил:

— Для наших целей они бесполезны. — И с этими словами он вернулся на рабочую площадку; дети с тревогой смотрели ему вслед.

Вудивер снова подошел к ним и с подозрительной настойчивостью стал их разглядывать.

Адам молча стоял и ждал. Толстяк задумчиво расхаживал по ангару. Наконец он остановился и посмотрел на Рейша узкими щелками глаз.

— Ну хорошо. Судя по всему, требуются другие топливные баки. Как вы собираетесь за них рассчитываться?

— Как обычно. Вы забираете назад эти восемь баков, привозите четыре новых и выставляете счет с указанием каждой статьи расходов. Я смогу оплатить только честно составленный документ! И не забудьте, мне еще предстоит потратиться на жалование техникам.

Вудивер задумался, прикидывая что-то в уме. Дейн Зарр прошел через ангар и стал тихо разговаривать с детьми. К ним вразвалку подошел Вудивер. Уставший Адам прислонился к рабочему столу и, переведя дыхание, трясущимися руками налил чашку чая.

Толстяк по-прежнему стоял рядом с племянниками Зарра. Он вдруг стал необыкновенно ласков, даже погладил мальчика по голове. Статик застыл с каменным выражением лица.

Наконец Вудивер отошел от них. Он пересек ангар, подошел к Артило и перебрался с ним парой слов. Телохранитель вышел наружу, где порывы ветра поднимали рябь на поверхности луж. Его хозяин жестом подозвал к себе Рейша и Дейна Зарра. Дождавшись, когда они подошли, Вудивер меланхолично вздохнул.

— Вы пользуетесь моим безвыходным положением. Хотите получить самое лучшее топливо, но отказываетесь платить. Хорошо, пусть будет по-вашему. Артило сейчас увезет обратно баки, которые вы не приняли. Зарр, вы поедете со мной и лично выберете пригодные для вас баки.

— Сейчас? Но у меня на руках двое детей...

— Да, сейчас, немедленно! Сегодня вечером я собираюсь посетить свое маленькое имение, и несколько дней вы меня не увидите. Судя по всему, моя помощь вам не требуется.

Дейн Зарр долго молчал. Чувствовалось, что это предложение ему не по душе, но он все же, хотя и неохотно, согласился поехать.

Прошло два часа. Солнце, выглянув из-за облаков, осветило пурпурные и алые башни, засиявшие на фоне темного неба. На пустыре показался черный автомобиль Вудивера, который остановился перед ангаром. Из него вышел Артило и направился внутрь. Рейш молча наблюдал за ним, теряясь в догадках. Что ему могло здесь понадобиться? Телохранитель, подойдя к детям, коротко сказал им что-то. Те, задрав головы, смотрели на Артило испуганными, широко открытыми глазами, их лица побледнели. Издали Рейш смог разглядеть лишь, как ходили желваки на скулах Артило во время разговора. Дети тревожно и как будто умоляюще посмотрели в сторону Адама, но покорно пошли к выходу. Проводив их взглядом, Траз взволнованно прошептал:

— Здесь что-то не так. Что ему от них надо?

Небрежно подходя к уходившим, Рейш поинтересовался:

— Куда ты их забираешь?

— Не ваше дело.

Адам повернулся к детям.

— Не слушайте этого человека. Подождите, когда вернется дядя.

— Он сказал, что хочет отвезти нас к дяде, — робко сказала девочка.

— Ему нельзя доверять. Что-то случилось.

Артило молниеносно, как кобра перед броском, повернулся к Рейшу и негромко произнес:

— Мне так приказано. Отойдите в сторону!

— Кто тебе приказал? Вудивер?

— Это вас не касается. — Затем он приказал детям: — Пошли. — И засунул руку под старую серую куртку, внимательно следя за Рейшем.

— Мы с вами не поедem, — сказала девочка.

— Лучше идите сами, а то я насильно посажу вас в машину.

— Только дотронься до них — и я тебя убью, — спокойно сказал Рейш.

Тот ответил лишь злобным взглядом. Рейш приготовился к поединку. Артило резко выдернул правую руку из-под куртки, и Рейш увидел, что противник держит оружие. Адам ринулся вперед и сильно ударил по твердому запястью, но Артило ожидал этого. Из рукава левой руки показалось длинное жало ножа. Телохранитель так быстро нанес удар, что Рейш, успев увернуться, все же почувствовал прикосновение острия. Его противник сразу отпрянул, держа нож наготове; оружие лежало на земле. Адама охватила холодная ярость: сразу исчезло напряжение и слепая ненависть, сменившись уверенностью в своих силах и бесстрастным расчетом. Не сводя глаз со стоявшего наготове врага, он сделал ложный выпад, чтобы отвлечь его внимание.

Тот дернулся, поддавшись на обманное движение, и в этот момент Рейш нанес ему страшный удар левой рукой. Артило упал как подкошенный. Адам схватил его за запястье и вывернул руку, потом швырнул его в угол ангара, где телохранитель свалился, словно бесформенная куча тряпья.

Потом он подтащил Артило к двери и вышвырнул наружу, прямо в глубокую мутную лужу. Через некоторое время тот с трудом поднялся на ноги и заковылял к черному автомобилю. Он подчеркнуто бесстрастно, словно ничего не произошло, очистил одежду от грязи и, ни разу не оглянувшись, сел в автомобиль и уехал.

— Надо было убить его. Теперь дела пойдут еще хуже, — неодобрительно произнес Анахо.

Рейш промолчал. Внезапно он почувствовал, что рубашка на боку промокла от крови. Подняв ткань, увидел длинный тонкий порез. Друзья начали обрабатывать рану. Подошла девочка и робко предложила помочь. Она умела взяться за дело. Анахо отошел в сторону; Траз и девочка закончили перевязку.

— Спасибо, — сказал ей Рейш.

Она молча посмотрела на него; лицо исказилось, губы дрогнули, словно девочка хотела что-то сказать, но промолчала.

Наступил вечер. Дети стояли у входа в ангар и смотрели на дорогу. Техники и рабочие отправились домой. Стояла полная тишина.

Через некоторое время приехал черный автомобиль, из которого устало вышел Дейн Зарр, за ним — Вудивер. Артило открыл багажник, вытащил четыре топливных бака и с трудом внес их в ангар. Он вел себя так, словно ничего не произошло.

Вудивер бросил быстрый взгляд на детей, которые испуганно отошли в темный угол ангара, и приблизился к Рейшу.

— Я достал топливные баки. Дейн Зарр осмотрел их. Они стоят приличных денег. Вот счет за аренду на следующий месяц плюс зарплата Артило.

— Что?! Зарплата Артило? — удивленно спросил Рейш. — Вы, наверное, шутите?

— Общая сумма, как видите, составляет ровно сто тысяч, и ни цехина меньше! Вы должны оплатить счет немедленно, иначе я выгоню вас отсюда. — Губы Вудивера скривились в холодной усмешке.

Адам с трудом сдержался.

— Я не могу заплатить такую невероятную сумму.

— Тогда освободите помещение. Да, поскольку мы больше не работаем вместе, я вынужден сообщить о вашей деятельности Дирдирам.

Рейш кивнул.

— Итак, сто тысяч цехинов. А сколько вы запросите потом?

— Ровно столько, сколько посчитаю достаточным, чтобы молчать.

— И тогда шантаж прекратится?

Вудивер гордо выпрямился.

— Это ужасно непристойное и вульгарное слово. Предупреждаю тебя, Адам Рейш: в дальнейшем я не потерплю неуважительного отношения.

Рейш печально улыбнулся.

— Вы получите деньги через пять-шесть дней. Пока что у меня их нет.

Толстяк недоверчиво покачал головой.

— Интересно, где вы собираетесь их достать?

— У меня есть деньги в Коаде.

Вудивер фыркнул, повернулся и направился к своему автомобилю. За ним, прихрамывая, шагала Артило. Вскоре они уехали.

Траз и Анахо вышли из ангара, посмотрели вслед машине.

— Где ты достанешь сто тысяч цехинов? — удивленно спросил Траз.

— Примерно столько мы оставили в Карабасе. Единственная проблема — как доставить их сюда. Но может быть, она окажется не такой сложной.

Анахо задумчиво пожевал губами.

— Я всегда подозревал, что ты неисправимый оптимист...

Рейш остановил его:

— Я полечу на север по маршруту, которого обычно придерживаются Дирдиры. Они не обратят на меня никакого внимания, даже если будут работать поисковые радары, хотя сомневаюсь, что они их включают. Приземлюсь, когда стемнеет, на восточной окраине леса. Утром выкопаю цехины и отнесу на корабль, а когда наступят сумерки, отправлюсь в Сивиш. Это будет похоже на группу охотников, возвращающихся домой.

Анахо с сомнением покачал головой.

— Послушать тебя — все просто...

— Так и будет, если не произойдет никаких неожиданностей.

Рейш обернулся и задумчиво посмотрел на ангар, где стоял наполовину собранный корабль.

— Я должен сейчас же отправляться в путь.

— Я с тобой, — сказал Траз. — Тебе потребуется помощь.

Анахо твердо заявил:

— Лучше мне лететь с тобой.

Рейш отрицательно покачал головой.

— С этой работой может справиться и один человек. Вы останетесь здесь и будете продолжать наше дело.

— А если ты не вернешься?

— В вашем распоряжении шестьдесят или семьдесят тысяч. Возьмите их и уезжайте из Сивиша... Но я не сомневаюсь в том, что прилечу обратно. Просто невозможно, чтобы после стольких трудов и страданий нас ожидал провал.

— Не очень логичное заключение, — сухо заметил Анахо. — Лично я сомневаюсь, что увижу тебя снова.

— Чепуха! Ну ладно, я пошел собираться. Чем раньше уберусь отсюда, тем раньше вернусь.

Глава 15

Корабль бесшумно парил в ночном небе; под ним расстилась местность, такая романтически-таинственная при свете голубой луны. Рейшу казалось, что он просто спит и видит странный сон. Перед глазами промелькнули главные эпизоды жизни, детство, годы тренировок, экспедиции, наконец назначение разведчиком на «Эксплоратор». Потом вспомнились злоключения, испытанные на Тчаи после крушения, — месяцы, проведенные среди людей Эмблемы, странствие по степи и прибытие в Перу, покорение Дадиче; путешествие в Кет, события в Ао-Хидисе, наконец, приключения в Карабасе, эпопея со строительством космолета. И сразу все картины прошлого заслонила туша Вудивера. На древней планете Тчаи добро и зло были редко разграничены. Среди многочисленных негодяев, встречавшихся Рейшу, Айла, пожалуй, мог претендовать на первое место.

Лесистая местность сменилась каменистыми холмами и пустынными равнинами. Ни единого огонька либо отблесков костров, никаких следов человека. Рейш проверил курс. До Карабаса оставался всего час полета. Голубая луна висела низко на горизонте; когда она зайдет, местность до утра погрузится в полную тьму.

Прошел час. Браз исчез, на востоке показалась полоска слабого света, предвещающая скорое наступление рассвета. Рейш, то и дело поглядывая на указатель курса, заметил наконец очертания Кхуза. Он сразу же снизился, повернул на восток и посадил корабль у опушки леса.

Несколько минут Адам изучал местность и прислушивался. Солнце поднялось над горизонтом, заставив сверкать металлический корпус корабля. Пришлось собрать сучья и ветки и замаскировать его.

Пора. Взяв мешок и лопату и заткнув за пояс оружие, Рейш направился в лес. Дорога была ему хорошо известна. Он помнил каждое дерево, каждый холмик, каждый поросший лишайником пригорок. Неожиданно в ноздри ударила вонь — запах мертвечины. Что ж, иного нельзя было ожидать... Но что это? Голоса? Рейш остановился, прислушался.

Да, он не ошибся. Адам сошел с тропинки и стал неслышно подбираться к месту, где они когда-то устроили ловушку. Увиденное ужаснуло его. Возле небольшой ямы выстроились пять Дирдиров в охотничьих регалиях. На дне копошились люди, орудуя лопатами и выгребая землю ведрами. Здесь Рейш, Траз и Анахо закопали уби-

тых охотников. От разложившихся трупов исходил отвратительный запах. Рейш вгляделся пристальнее. Один из людей показался ему очень знакомым... Иссам Тханг! Рядом с ним работал конюх и но-
сильщик из «Алавана». Других Рейшу не удалось распознать, но всех их он уже видел. Очевидно, это были люди, с которыми он столкнулся в Маусте.

Рейш перевел взгляд на пятерых Дирдилов. Они стояли молча и внимательно следили за работой. Их «лица» казались совершенно бесстрастными.

На раздумья времени не было. Рейш вытащил оружие, прицелился. Три точных выстрела — три Дирдира свалились на землю. Оставшиеся двое от неожиданности стали суетиться.

Еще два выстрела прямо в цель. Выскочив из своего укрытия, Рейш прицелился, и корчащиеся на земле тела наконец замерли навсегда.

Люди в яме застыли от изумления.

— Вылезайте! — скомандовал Рейш. — Быстрее!

Иссам Тханг истошно завопил:

— Это ты, убийца! Из-за тебя мы оказались здесь!

— Не важно, сейчас не время спорить, — сказал Рейш. — Вылезай из ямы и спасай свою шкуру!

— Что толку в этом? Дирдиры все равно нас поймают и убьют каким-нибудь ужасным способом...

Конюх уже вылез из ямы. Он подбежал к убитым Дирдирам, схватил оружие и повернулся к Иссаму Тхангу.

— Ты можешь не вылезать! — Он выстрелил, вопль Тханга оборвался, его безжизненное тело присоединилось к разложившимся трупам. — Негодяй всех нас предал, надеясь на вознаграждение. Что он получил за донос, вы видели сами. Дирдиры забрали его вместе с нами.

— Здесь только пять Дирдилов. Где остальные?

— Двое из высшей касты ушли в Кхуз.

— Забирайте оружие и бегите отсюда.

Люди поспешили к горам Воспоминаний. Рейш стал раскапывать землю. Здесь, под корнями дерева, он спрятал деньги. Наконец в его руках оказался мешок, полный цехинов. Наберется здесь сто тысяч? Кто знает...

Закинув мешок за спину, он в последний раз окинул взглядом место кровавой бойни, жалкий труп Иссамы Тханга, присоединившийся к мертвым Дирдирам, и двинулся в обратный путь.

Адам забрался на корабль и стал ждать. Его все больше и больше охватывала тревога.

Он боялся взлетать. Если двигаться низко над землей, корабль могут заметить охотничьи группы Дирдилов. Набери он высоту, его может засечь радар в Карабасе.

Близился вечер. Солнце опустилось за далекими горами; Зону окутали сумерки, окрасив местность в печальные коричневые тона. Вдоль

горной цепи засветились огоньки костров. Больше ждать было нельзя. Рейш взлетел.

Корабль низко скользил над землей, пока не покинул Зону, затем он взмыл вверх и полетел на юг, к Сивишу.

Глава 16

Под ним проплывала черная земля. Рейш смотрел вперед. Перед глазами мелькали призрачные лица, искаженные страхом, яростью и болью, возникали фигуры Ванкхов, Пнумов, фунгов, Зеленых и Синих Часчей, Дирдигов. Видения кривлялись, прыгали, ускользали, растворяясь в воздухе...

Прошла ночь. Корабль повернул на юг; когда на востоке показалось солнце, вдалеке засверкали знакомые шпили.

Адам благополучно посадил корабль. Когда он покидал посадочное поле с мешком цехинов за плечами, ему показалось, что проходившая мимо группа дирдирменов чересчур внимательно оглядела его.

Вначале он решил зайти на постоянный двор, но там не оказалось ни Тразы, ни Анахо. Что ж, тревожиться не стоит — его друзья часто оставались ночевать в ангаре.

Рейш подошел к своей кровати, бросил в угол мешок с цехинами, лег и тотчас уснул.

Чья-то рука тормозила его за плечо. Он перевернулся на спину и увидел Тразы. Юноша тихо произнес:

— Я так и знал, что ты придешь сюда. Вставай, мы должны убираться из этого места как можно быстрее. Здесь опасно!

Рейш, еще окончательно не проснувшись, сел на кровати. Кинув взгляд на окно, он решил, что сейчас уже полдень.

— А что случилось?

— Дирдиры забрали Анахо. Я покупал продукты, иначе меня тоже схватили бы.

Адам окончательно проснулся.

— Когда это случилось?

— Вчера. Это, несомненно, дело рук Вудивера. Он пришел в ангар и стал расспрашивать о тебе: действительно ли ты прибыл из другого мира, как ты якобы утверждаешь. Проклятый толстяк был очень настойчив. Я отказался говорить с ним, как и Анахо. Вудивер стал оскорблять его: «Ты, бывший дирдирмен, как ты можешь жить среди полулюдей?» Потом стал всячески провоцировать, но, ничего не добившись, ушел. А вчера утром прибыли Дирдиры и забрали Анахо. Если им удастся заставить его заговорить, мы и корабль в опасности.

Рейш быстро одевался; его руки дрожали. Как быстро рассыпалось все, созданное им с таким трудом! Подлый Вудивер!

Юноша тронул его за руку.

— Идем. Будет лучше, если мы исчезнем сейчас же. За комнатой могут следить.

Рейш взял мешок с цехинами, и они покинули постоянный двор. Друзья пробирались по узким улочкам и переулкам Сивиша, не обращая внимания на бледные унылые лица горожан, выглядывавшие из обшарпанных окон.

Только теперь он почувствовал, что ужасно голоден. Они подкрепились пирожками и вареными водорослями в небольшом ресторане. Теперь в голове прояснилось. Итак, Анахо схвачен Дирдирами. Вудивер, естественно, ждет, как ответит на это Рейш. Или он так уверен в полной беспомощности своего заказчика, что вообразил: теперь дела будут идти так, как захочет он? Адам горько усмехнулся. Что ж, может быть, он прав. В создавшейся ситуации нельзя не думать о том, как спасти корабль. Ненависть к негодяю переполняла Рейша, но, судя по всему, придется пересилить себя...

— Ты не видел Вудивера? — спросил он Траз.

— Я встретил его сегодня утром, когда пришел в ангар. Я думал, что ты сразу же пойдешь туда. Он зашел в свою контору.

— Давай-ка посмотрим, там он сейчас или нет.

— Что ты хочешь сделать?

— Я могу его убить, но это ничего не даст. Нам необходима информация, а Вудивер — единственный источник.

Траз ничего не сказал; как всегда, лицо юноши оставалось бесстрастным.

Они досхали до ангара в шестиколесной повозке. Оба с трудом сдерживали волнение. Когда, оказавшись на месте, Рейш увидел знакомую черную машину, его охватила такая ярость, что на мгновение он потерял контроль над собой. С огромным трудом заставил себя успокоиться и протянул деньги Тразу:

— Спрячь мешок в ангаре.

Юноша взял его и мрачно произнес:

— Не ходи один, подожди меня!

— Ничего особенного не случится. Мы не можем себе позволить поступить с негодяем так, как он заслуживает, и Вудивер это прекрасно понимает. Подожди меня возле ангара.

Рейш вошел в экстравагантную контору. У камина, широко расставив ноги, заложив руки за спину, стоял Артило. Он бесстрастно уставился на Рейша.

— Скажи хозяину, что я хочу его видеть.

Артило приоткрыл дверь, просунул голову в щель и сообщил толстяку о посетителе. Затем отступил в сторону. Дверь распахнулась с такой силой, что чуть было не слетела с петель. В комнату ворвался Вудивер; его выпяченная верхняя губа нависала над ртом, глаза лихорадочно блеснули. Огляделся, заметил Рейша и прищурился.

— А, Адам Рейш! Вернулся, значит! Где мои цехины?

— О деньгах поговорим после. Где дирдирмен?

Вудивер пожал плечами. «Сейчас я удару мерзавца», — подумал Рейш. Но если он это сделает, не сумеет совладать с собой, все рухнет...

Вудивер гнусаво произнес:

— Не пытайся заморочить мне голову своими бреднями. Отдай деньги и можешь уезжать куда хочешь!

— Ты получишь свои деньги, — ответил Рейш, — как только я увижу Анахо.

— Хочешь встретить этого богохульника и ренегата? — взревел Вудивер. — Отправляйся в Стекланный Короб; там увидишь его!

— Значит, он в Стекланном Коробе?

— А где же еще?

— Ты уверен?

Айла прислонился к стене.

— Тебе что за дело?

— Он мой друг. Ты предал его и ответишь за это.

Вудивер начал закипать от злости. Рейш спокойно произнес:

— Не надо ссор и криков. Ты выдал Дирдирам Анахо, поэтому я хочу, чтобы ты его и спас.

— Это невозможно, — ответил Вудивер. — Даже если бы я захотел, то не смог бы. Я же сказал, что он в Стекланном Коробе. Ты что, не понимаешь?

— Почему ты так в этом уверен?

— А куда же еще могли поместить отступника? Его забрали за старые преступления. Дирдиры ничего не знают о твоём плане, так что можешь не волноваться. — Негодяй цинично ухмыльнулся. — Если, конечно, он сам не раскрыл этот секрет.

— Тогда, — заметил Рейш, — ты тоже окажешься в затруднительном положении.

Вудиверу было нечего возразить.

— Может быть, помогут деньги?

— Нет. Он в Стекланном Коробе.

— Ты уже говорил. Но как я могу быть уверенным в этом?

— Я уже сказал — поезжай туда и сам посмотри.

— Неужели каждый может это сделать?

— Конечно. Никаких тайн там нет.

— Как туда добраться?

— Приезжаешь в Хен, идешь к Коробу, заходишь внутрь и усаживаешься на верхний ярус, прямо над полем для охоты.

— Оттуда можно спустить веревку или лестницу?

— Конечно. Но вряд ли ты долго проживешь после этого. Тебя тотчас же самого выкинут на поле... Если собираешься сделать что-нибудь в таком духе, предупреди. Я лично приеду полюбоваться на охоту!

— Допустим, я предложу миллион цехинов? — сказал Рейш. — Организуешь побег Анахо?

Толстяк отрицательно замотал головой.

— Миллион? Ты целых три месяца жаловался на бедность! Опять обманул бедного Вудивера?

— Значит, ты смог бы устроить побег за миллион?

У него отвисла челюсть.

— Н-нет, к сожалению... Миллион! Нет, даже за миллион... Ничего нельзя сделать. Ничего! Стало быть, ты раздобыл миллион цехинов?

— Нет, — сказал Рейш, — я только хотел узнать, можно ли устроить побег Анахо.

— Невозможно, — сердито ответил Вудивер. — Где мои деньги?

— Всеу свое время, — сказал Рейш. — Ты предал моего друга. Подождешь.

Казалось, толстый дирдирмен вот-вот ударит Адама. Но, помедлив немного, произнес:

— Ты подобрал не то слово: я его не предал, а просто передал преступника в руки правосудия. Разве я чем-нибудь обязан тебе или твоим друзьям, чтобы хранить вам верность? Ты сам ничего хорошего мне не сделал, а если бы мог, даже причинил бы вред! И запомни: доверие должно быть взаимным. Не ожидай добра от того, кому сам не помог. Если тебе не нравится мое поведение, учти — мне также не по вкусу твое. Кто из нас прав? По всем законам нашего времени, без сомнения, прав я. Ты — мошенник, все твои жалобы смехотворны и нелепы. Он меня обвиняет в непорядочности! А кто нанял бедного Вудивера, чтобы он за определенную плату делал запретные вещи? Только это тебе и было нужно; тебя не волнует моя безопасность, мое будущее! Ты приехал сюда, чтобы цинично использовать меня в своих целях, втянул в опасную аферу, посулив какие-то гроши. Поэтому не жалуйся: мое поведение — зеркальное отражение твоего!

Рейш молча повернулся и вышел из комнаты. В ангаре, как и прежде, работа шла полным ходом: островок нормальной жизни, казавшийся еще более привлекательным после путешествия в Карабас и изматывающего объяснения с Вудивером. Траз, как и обещал, ждал у входа.

— Что он сказал?

— Что Анахо — преступник, а я прибыл сюда, чтобы эксплуатировать его. Что я мог сказать ему в ответ?

— А где наш друг?

— В Стеклянном Коробе. Вудивер сказал, что туда легко попасть, но выйти невозможно. — Рейш мерил шагами ангар. Наконец, оставившись у входа, он бросил взгляд на огромную серую махину города, раскинувшегося за водами залива: — Скажи Зарру, что я хочу его видеть.

Вскоре появился Зарр.

— Вы когда-либо были в Стеклянном Коробе?

— Очень давно.

— Вудивер сказал, что с верхнего яруса можно спустить на поле веревку.

— Ему что, жизнь не дорога?

— Мне нужно два заряда мощной взрывчатки — достаточно, чтобы, скажем, взлетели на воздух десять таких ангаров. Где я могу быстро ее достать?

Дейн Зарр подумал, затем утвердительно кивнул головой.

— Подождите здесь.

Он вернулся примерно через час с двумя глиняными горшками.

— Здесь заряды, в другом — запалы. Не говорите никому, пожалуйста, как вы их достали, — это контрабанда.

— Меня никто не спросит, — произнес Рейш. — Во всяком случае, я очень на это надеюсь.

Глава 17

Адам и Траз, закутанные в серые плащи, пересекли залив; пройдя широкую улицу, вымощенную каким-то белым материалом, хрустевшим под ногами, они оказались в городе Дирдиров. Справа и слева возвышались пурпурные и алые башни; вдалеке, за громадой Стеклянного Короба, виднелись такие же сооружения серебристого и серого цвета. Друзья прошли мимо высокой красной колонны, вокруг которой на поле, посыпанном чистым белым песком, стояло множество странных каменных изваяний. Скульптуры? Идолы? Трофеи? Кто знает... Рядом, на круглой площадке, вымощенной белым мрамором, стояли два Дирдира женского пола. Рейшу раньше не приходилось видеть представительниц этой расы. Они были намного ниже, чем мужские особи, не такие гибкие. Лоб — шире, с заостренным «подбородком», а цвет кожи несколько темнее, бледно-серый. «Женщины» молча разглядывали детеныша мужского пола вдвое ниже их. Время от времени отроки всех троих подергивались и указывали то на одну, то на другую фигуру из полированного камня. Рейш даже не пытался понять суть происходящего; он наблюдал за удивительными существами со смешанным чувством изумления и гадливости. Сразу же вспомнились рассказы его друга-дирдимена о том, что он называл «тайнствами».

Как-то раз Анахо подробно описал ему сексуальную сторону жизни Дирдиров:

— Суть такова: различаются двенадцать типов мужских органов репродукции и четырнадцать женских. Допустимы лишь строго оп-

ределенные сочетания. Например, мужская особь первого типа может спариваться только с женщинами пятого или девятого типа; женщины пятого типа подходит только первый тип, но вот обладательница не столь специфического органа девятого типа имеет возможность выбирать мужчин первого, одиннадцатого и двенадцатого типов. Невероятно сложная система: каждый тип обладает определенным названием и формальным стилем и атрибутами, однако проявляются крайне редко, ибо он держится в секрете. Вот в чем заключаются «тайнства». Если тайна раскрыта, Дирдир обязан жить в соответствии с требованиями, присущими его типу, независимо от своих наклонностей. Правда, так поступают редко, и поэтому данный предмет — постоянный источник раздражения. Можешь себе представить, — продолжал Анахо, — сколько сил и времени отнимает все это! Разделяя Дирдиров, заставляя их быть скрытными, подобные ритуалы, наверное, единственная причина, мешающая великой расе покорить другие миры.

— Удивительно! — воскликнул Рейш. — Но если типы редко сощещаются и держатся в секрете, то как вообще происходит спаривание? Как они размножаются?

— Существует несколько способов — «пробная» женитьба, так называемые «темные сборища», «анонимные приглашения». — Анахо немного промолчал и вполголоса продолжил: — Стоит ли говорить, что дирдирмены низших каст, не обладающие «благородным тождеством» и тайной сексуального типа, считаются нелепыми и смешными существами.

— Ясно, но почему ты говорил только о низших кастах? Как насчет Безупречных?

Анахо откашлялся.

— Они избегают позора, прибегая к помощи искусных хирургов. Им разрешено изменять себя таким образом, приобретая атрибуты какого-нибудь из восьми типов. Следовательно, они приобщаются к «тайнствам» и могут облачаться в голубое и розовое одеяние.

— А как они сочетаются браком?

— О, это более трудное дело; фактически все происходит так же, как у Дирдиров. Каждый подходит лишь двум типам противоположного пола.

Рейш не смог сдержать смеха. Анахо смотрел на него с обиженным и мрачным выражением на лице.

— Ну, а ты? Как далеко тебе удалось продвинуться?

— Не слишком далеко, — ответил Анахо. — По некоторым соображениям я носил голубое и розовое одеяние, но не пожелал приобщиться к соответствующему «тайнству». Меня объявили вырожденком и отверженным; так обстояло дело, когда мы встретились.

— Странное преступление! — отметил Рейш.

И вот теперь Анахо боролся за свою жизнь на гигантской арене, где воссозданы реалии планеты Сибол.

Улица, ведущая к Стеклянному Коробу, становилась все шире, как будто ее строители пытались соотнести ее масштабы с гигантским сооружением из стекла. Прохожие — Дирдиры и дирдирмены, рабочие, одетые в серое, — казались какими-то неживыми, словно нарисованными фигурками на чертеже грандиозного строения. Они шли, не глядя по сторонам, не замечая друзей, словно они стали невидимками. По сторонам виднелись красные и пурпурные башни, впереди возвышался Стекланный Короб, подавляя своими огромными размерами. Рейша угнетало гигантское здание, уверенность в успехе становилась все меньше с каждым шагом. Архитектура Дирдиров никак не совмещалась с привычными для человека представлениями. Чтобы адаптироваться, необходимо было расстаться с собственным видением мира, полностью подчинить себя чужой расе, то есть превратиться в дирдирмена.

Друзья поравнялись с двумя людьми, одетыми, как и они, в серые плащи с капюшонами.

— Вы нам не поможете? — произнес Рейш. — Мы хотим попасть в Стекланный Короб, но не знаем, что для этого надо сделать.

Они оглядели Рейша с непроницаемо-бесстрастными лицами. Оба (отец и сын) были невысокими, круглолицыми, с выпирающими животами, тощими руками и ногами. Отец сказал пронзительным голосом:

— Просто поднимитесь по серому проходу и все!

— А вы сами тоже идете в Стекланный Короб?

— Да. Сегодня вечером ожидается особая охота. Дичью станет ужасный злодей — дирдирмен, так что будут крупные ставки!

— Мы ничего об этом не слышали. А кто он?

Отец и сын подозрительно переглянулись.

— Ренегат и богохульник! Мы работаем мойщиками на четвертом оборонном заводе. Нам об этом сказали сами дирдирмены.

— А вы часто посещаете Стекланный Короб?

— Частенько, — бросил в ответ отец, а сын добавил:

— Это разрешено и даже приветствуется дирдирменами. Да и платить не надо.

— Пошли, — сказал отец. — Нам надо торопиться.

— Если вы не возражаете, мы присоединимся к вам: вы ведь хорошо знаете дорогу и правила поведения.

Отец согласился без особого энтузиазма.

— Скорее, а то опоздаем.

Они поспешили вперед, немного сутулясь, — характерная особенность низших каст Сивииша. Друзья отправились следом, имитируя их походку.

Над головой, как утесы, возвышались сверкающие прозрачные стены, на которых играли кроваво-красные отблески. Сбоку виднелись

лестницы и эскалаторы: каждый вел к определенному ярусу, обозначавшемуся определенным цветом, — пурпурным, алым, розовато-лиловым, белым и серым. По серому проходу можно было попасть на ярус, поднявшийся примерно на сто футов, по-видимому, самый низкий из всех. Смешавшись с толпой, друзья миновали извилистый, словно лабиринт, вонючий проход, и перед их глазами внезапно открылось ярко освещенное десятью миниатюрными солнцами пространство у арены: мрачная местность с нагромождением холмов и скал, зарослями странных растений — словно островков золотистого, кирпичного, белого, светло-коричневого и желтого цветов. Прямо под тем местом, где они стояли, раскинулся пруд, заросший папоротниками, дальше — нечто вроде белесых кактусов и лес серых остроко-нечных высоких деревьев, по пути в Короб. «Это не случайность, — подумал Рейш. — На своей родной планете Сибол Дирдиры скорее всего жили в полых стволах подобных деревьев».

Где-то здесь, среди искусственных гор и зарослей, прятался Ана-хо, которому грозила ужасная смерть. Сейчас он, наверное, горько жалел, что в свое время поддался порыву чувств, решив отправиться в родной город. Но их друга не было видно; на арене сейчас вообще никто не находился. Рейш решил расспросить новых знакомых.

— Сейчас перерыв, — начал объяснять отец. — Видите вон ту гору? И еще одну на севере? Это основные лагеря. Во время перерыва люди — дичь — прячутся в них. Сейчас посмотрим... Где мое расписание охоты?

— У меня, — сказал сын. — Перерыв продолжится еще час. Охота пройдет возле горы, которая ближе к нам.

— Мы прибыли как раз вовремя. Согласно правилам нынешнего сезона, через час на четырнадцать минут вся арена погрузится в полную тишину. Потом местность у Южной горы открывается для охоты, а дичь должна добираться до Северной горы, где она будет в безопасности. Странно, почему для такого отъявленного преступника не применили правила состязания?

— Расписание было составлено на прошлой неделе, — ответил сын. — Его поймали только вчера или несколько дней назад.

— Все же нам должны продемонстрировать интересные охотничьи приемы.

— Так, значит, через час погаснет свет?

— Да, на четырнадцать минут. Тогда и начнется охота.

Друзья направились по серому проходу; вскоре перед ними снова раскинулся город, показавшийся каким-то тусклым после ярко освещенной арены. Надвинув капюшоны, пригнувшись, они соскочили на землю. Рейш оглядел ярусы. Низшие касты спешили на серый, дирдирмены шагали по белому, а Дирдиры поднимались на самый верх по розовато-лиловому, алому и пурпурному эскалаторам.

Адам подошел к стене. Он присел, сделав вид, что поправляет ботинки. Траз стоял перед ним. Рейш вытащил из сумки горшок со взрывчаткой и часовое устройство. Он установил время, повернул рычажок и спрятал бомбу в кустах возле стеклянной поверхности. Кажется, вокруг никого не было. Рейш наладил второе взрывное устройство, передал сумку Тразу.

— Ты знаешь, что надо делать?

Траз неохотно взял сумку с бомбой.

— Возможно, план сработает, но Анахо, несомненно, погибнет.

Рейш очень надеялся, что на этот раз юноша ошибается.

— Тебе надо спешить. Запомни, положишь взрывчатку на противоположной стороне. Времени осталось совсем немного. Встретимся возле строительного ангара.

Траз повернулся и прикрыл лицо капюшоном.

— Хорошо, Адам Рейш.

— Но если случится что-нибудь непредвиденное, забирай деньги и уезжай как можно быстрее!

— Прощай!

— Быстрее, быстрее, Траз!

Рейш посмотрел ему вслед. Он глубоко вздохнул. Оставалось совсем немного времени. Надо решаться. Теперь или никогда! Если он не найдет Анахо до того, как погаснет свет, все их усилия окажутся напрасными.

Адам возвратился через серый проход и опустился на прежнем месте, под беспощадно яркими искусственными солнцами.

Он внимательно осмотрелся, запоминая детали пейзажа, которые могут послужить ориентирами, затем направился к Южной горе. Зрителей стало меньше, большинство наблюдало за центральной частью арены или переместилось ближе к северу.

Рейш выбрал место около столба-подпорки. Он снова осмотрелся. Никого не видно. Ни единого зрителя в нижнем ярусе. Он достал моток веревки, привязал ее к столбу, спустил веревку вниз. В последний раз пробежав глазами по пустым рядам, он перелез через перила и спустился на арену.

Бледные лица зрителей повернулись к нему, но Адам не обратил на них никакого внимания: ведь он сейчас сам стал объектом охоты! Он сдернул веревку и побежал, на ходу сматывая веревку в кольцо, к Южной горе. Его путь пролегал через густые заросли, известняковые выступы и сланцевые утесы кофейного цвета.

Добравшись до склона, он не заметил ни охотников, ни дичи. Первые сейчас должны занимать позиции в соответствии с избранной тактикой, а их жертвы блуждают у подножия Южной горы, обдумывая, как добраться до островка безопасности на севере. Внезапно Рейш увидел юношу из племени серых людей, прячущегося в бамбукообразных зарослях. На нем были сандалии и узкие шта-

ны, в руках он сжимал дубинку и острый, как шип кактуса, большой нож.

— Где дирдирмен, которого недавно выпустили на арену? — спросил его Ада.

Паренек мотнул головой.

— Может быть, скрывается в горах — кто знает? А теперь уходи. Твоя одежда — приметное темное пятно! Сними ее, кожа — лучшая маскировка. Ты что, не знаешь, что Дирдиры следят за каждым твоим шагом?

Рейш побежал дальше. Вскоре он заметил двух обнаженных стариков, исхудалых и седоволосых, которые стояли неподвижно, словно привидения.

— Не видели здесь поблизости дирдирмена? — крикнул Рейш.

— Наверху или, может быть, в горах. Уходи отсюда — ты выдаешь нас своей черной одеждой!

Рейш вскарабкался на песчаный холм.

— Анахо!

Тишина. Он взглянул на часы. Через десять минут погаснет свет. Рейш внимательно осмотрел склон Южной горы. Совсем рядом в зарослях он уловил какое-то движение; промелькнули человеческие фигуры... Очевидно, он и их напугал своей одеждой. Рейш снял плащ, перебросил его через руку.

Вскоре он обнаружил четырех мужчин и женщин, укрывшихся в яме. Они походили на загнанных зверей и не смогли даже ответить ему. Рейш с трудом поднялся на гору, чтобы лучше обозреть окрестности. Внезапно рядом выросла длинная фигура в белом одеянии. Рейш почувствовал облегчение; голова закружилась, к глазам подступили слезы.

— Анахо! Ты!

— Что ты здесь делаешь?

— Быстрее, сюда! Нам надо спастись!

Дирдирмен недоуменно уставился на него.

— Еще никто не выбирался из Стеклянного Короба!

— Быстрее! Еще посмотрим!

— Не сюда! — воскликнул Анахо. — Надо бежать к Северной горе, там мы будем в безопасности! Когда станет темно, начнется охота!

— Знаю, знаю! У нас очень мало времени. Пошли скорее, мы должны спрятаться где-нибудь и подготовиться.

Анахо всплеснул руками.

— Должно быть, ты знаешь что-то, чего не знаю я...

Они побежали, повторяя пройденный Рейшем путь, к западному склону Горы. Задыхаясь, Рейш рассказал Анахо о своем плане.

Дирдирмен прерывающимся от волнения голосом спросил:

— И все это ты сделал... ради меня? Спустился на арену?

— Не важно. Надо держаться рядом с островками высоких белых деревьев. Вон там. Где нам лучше всего спрятаться?

— Среди этих деревьев. Обрати внимание на охотников! Сейчас они занимают свои позиции. Пока не наступит темнота, им придется соблюдать дистанцию в полмили. Мы почти достигли территории, дозволенной для охоты. Эти четверо следят за нами. Они нас наметили как свою дичь!

— Через несколько минут погаснет свет. План таков: через пару минут мы бежим на запад, к тому холму. Оттуда перебираемся к зарослям коричневых кактусов и обходим южный склон. Главное — нельзя терять друг друга.

Анахо согласно кивнул.

— Но как нам этого добиться? Мы не можем окликать друг друга — охотники сразу услышат!

Рейш протянул ему конец веревки.

— Не отпускай ее. Но если все-таки потеряем друг друга, мы встретимся на западной опушке вон тех зарослей желтого кустарника.

Они терпеливо дожидались наступления темноты. Юные Дирдиры заняли свои места рядом с более опытными охотниками. Рейш бросил взгляд на восток. Особое освещение создавало иллюзию, что арена безгранична, словно они на самом деле перенеслись на планету Сибол. Адаму едва удалось различить стену Короба.

Наконец наступила полная темнота: свет постепенно стал красным, затем погас. Лишь далеко на севере горел одинокий пурпурный огонек, указывая направление, как маяк. Но он не освещал ничего вокруг: крошечная темень... Охота началась! Раздались охотничьи клики Дирдиров — улюлюканье, нагоняющее невольный ужас, резкие вскрики.

Рейш и Анахо поспешили на запад. Время от времени они замирали и прислушивались. Справа раздалось позвякивание. Беглецы застыли на месте. Те же звуки и негромкий топот слышались уже позади них. Потом все затихло.

Они добрались до холма и направились к кактусовым зарослям. Совсем рядом шевельнулось что-то живое! Друзья вновь замерли. Может, тут виновато перенапряжение, но им показалось, что неизвестный также остановился...

И вдруг откуда-то сверху, издав далеко, донесся многоголосый зов. Голоса то поднимались до тонкого визга, то опускались до утробного воя. Один, второй, третий... Вскоре странные звуки заполнили арену.

— Это охотничьи клики, — прошептал Анахо. — Древнейший обряд. Все члены кланов, принимающие участие в охоте, должны отозваться.

Голоса наверху умолкли. С арены раздались ответные клики. Анахо толкнул в бок Рейша.

— Пока идет «переключка», мы можем спокойно идти вперед!

Они стали двигаться длинными перебежками, зорко оглядываясь по сторонам. Крики вскоре утихли, и снова наступила тишина. Рейш оступился о грудку камней, раздался грохот. Они замерли, дрожа от страха.

Но ничего не произошло. Друзья бежали, надеясь вот-вот оказаться среди спасительных зарослей, однако под ногами все еще скрипела песчаная почва. Рейш начал бояться, что они потеряли верное направление, прошли мимо цели, и когда снова вспыхнет свет, окажутся на виду охотников и зрителей.

Кажется, прошло примерно семь минут с тех пор, как наступила темнота. По крайней мере, через минуту они должны были достигнуть зарослей кактусов. Но что это? Тишину пререзали резкие звуки. Совсем рядом пронесся человек. Спустя мгновение послышались резкие голоса охотников, дребезжание, зазвучал охотничий рожок. Затем снова воцарилась тишина.

Через несколько секунд они достигли зарослей.

— К южной стороне, — прошептал Рейш. — Затем ползком — в середину зарослей!

Друзья продирались вперед, не обращая внимания на острые шипы кактусов.

— Свет! Сейчас вспыхнет свет!

Темнота стала постепенно рассеиваться; очевидно, так наступал рассвет на Сиболе — сначала серый полумрак, затем молочно-белый бледный свет и наконец — яркое сияние дня.

Друзья осмотрелись. Кактусовые заросли были вполне надежным укрытием, — кажется, пока им не угрожает опасность, хотя совсем рядом, в каких-нибудь сотне ярдов, прошли три юных охотника. Задрав головы, они выслеживали разбежавшуюся дичь. Адам посмотрел на часы. Оставалось еще пятнадцать минут, если Траз не попал в беду и смог добраться до стены.

Лес высоких белых деревьев находился впереди, за четверть мили от них, но придется преодолеть открытое пространство. Эти мили, подумал Рейш, могут стать самыми длинными в его жизни.

Они пробирались сквозь заросли кактусов на северную сторону.

— Охотники останутся на середине арены в течение часа, — сказал Анахо. — Затем они быстро переместятся на север, после чего прощут южную сторону.

Рейш передал дирдирмену оружие, засунул за пояс свой пистолет и встал на колени. За милю от них быстро передвигалась какая-то неясная фигура. Кто это, Дирдир или человек? Неожиданно Анахо заставил его пригнуться и потянул в кустарник. Показалась группа Безупречных: на руках белели искусственные когти, фальшивые отростки свисали с блестящих белых черепов. Рейш содрогнулся от отвращения; он с трудом поборол желание выскочить навстречу этим существам, уничтожить их.

Дирдирмены проследовали мимо; кажется, лишь невероятное желание спасло беглецов. Вскоре охотники повернули на восток и быстро исчезли из вида.

Рейш бросил взгляд на часы. Осталось совсем немного времени. Встав на колени, он внимательно осмотрелся.

— Надо идти.

Они вскочили на ноги и бросились к лесу. На полпути остановились, спрятавшись в кустах. В районе Южной горы шла новая охота; две группы преследовали людей, которые спрятались на склонах. Рейш еще раз посмотрел на часы. Оставалось девять минут. Чтобы добраться до леса, требовалась еще минута-две. Теперь уже было заметно остроконечное дерево, одиноко стоящее к западу от леса, которое служило ему ориентиром. Друзья продолжили путь. Из леса вышли четыре дирдиры; они прятались там, наблюдая за охотой.

— Продолжай идти, — сказал Рейш дирдирмену-изгою. — Мы будем драться с ними.

Анахо недоверчиво посмотрел на свое оружие.

— Если нас схватят с этим, на нас будут охотиться много дней, по очереди... Ладно, меня, во всяком случае, все равно ожидает подобная участь.

Дирдиры с изумлением смотрели на приближающихся к ним людей.

— Мы должны заманить их в лес, — тихо промолвил Анахо. — Если судьи заметят, что у нас имеется оружие, они прекратят охоту.

— Хорошо. Беги налево, а потом — за тот холмик.

Дирдиры не двинулись с места, не попытались преградить им дорогу. Они отступили в сторону, пропуская Рейша и Анахо. Друзья достигли леса. В этот момент раздался охотничий клич, и создания бросились за ними. Рейш и Анахо начали отступать.

— А теперь — давай! — крикнул Рейш.

Они выхватили свое оружие.

Дирдиры испуганно вскрикнули. Четыре точных выстрела — четыре мертвых охотника. В тот же миг откуда-то сверху раздался страшный вой.

— Судьи все заметили! Они теперь все время будут следить за нами и направлять охотников по следу. Мы пропали! — закричал охваченный отчаянием Анахо.

— У нас еще есть шанс, — успокоил его Рейш. Он вытер пот с лица. — Через три минуты, если все пройдет гладко, произойдет взрыв. Скорее к тому одинокому дереву!

Они пробежали через лес и, снова оказавшись на открытой местности, увидели, что к ним со всех сторон спешат группы охотников. Ужасный вой сверху усилился, затем начал стихать и наконец прекратился.

Они добежали до ориентира. От стеклянной стены друзей отделяло всего несколько сотен ярдов. Наверху виднелись ярко освещенные площадки для зрителей. Рейшу даже удалось разглядеть изумленные лица.

Он проверил время по своим часам. Осталось всего лишь... Он добавил еще несколько секунд до намеченного момента взрыва, учитывая гигантские размеры Стеклянного Короба. Секунды казались часами... Неожиданно арену сотряс мощный толчок, а затем раздался

грохот, разнесшийся по всему зданию. Лампы замигали, далеко на востоке погас свет. Рейш осмотрелся, но не смог увидеть, какой эффект произвел взрыв. Уши наполнил безумный неистовый вопль, полный такой дикой ярости, что Рейш невольно содрогнулся.

Анахо пришел в себя первым:

— Они направили всех охотников на восток, к месту пролома от взрыва, чтобы не дать сбежать дичи.

Охотники, направлявшиеся на поимку Рейша и Анахо, повернулись и поспешили на восток.

— Приготовься! — крикнул Адам. Он взглянул на часы. — На землю!

Раздался второй взрыв — залог их спасения, наполнивший радостью сердце Рейша. Сверху посыпались осколки разбитого серого стекла, свет замигал, и стало совсем темно. Словно дверь в иное измерение, перед ними открылся огромный проход шириной около ста футов; его высота доходила почти до первого яруса.

Друзья вскочили на ноги. Они без труда достигли стены и нырнули в образовавшийся проход, подальше от воссозданной здесь безводной планеты Сибол, навстречу хмурому утру Тчаи.

Они бежали по широкой улице, затем, по знаку Анахо, свернули на север, в сторону фабрик и белых башен дирдирменов. Потом направились к берегу и по мощеной дороге добрались до Сивиша.

Друзья остановились, чтобы перевести дыхание.

— Тебе лучше сейчас идти прямо к воздушному кораблю, — обратился Рейш к дирдирмену. — Бери его и быстрее улетай. Здесь, в Сивише, тебе опасно оставаться.

— Вудивер сообщил обо мне Дирдирам. То же самое он сделает и с тобой, — сказал Анахо.

— Но я не могу покинуть Сивиш сейчас, когда космический корабль почти готов. Мы с толстяком как-нибудь договоримся.

— Никогда, — сурово сказал Анахо. — Он не человек — просто грязный комок злобы.

— Но он не может раскрыть секрет, рассказав о строительстве космического корабля, не подвергнув самого себя опасности, — пытался спорить Рейш. — Он ведь сообщник. Мы работаем в его ангаре.

— Ну, уж он придумает, как оправдаться и объяснить все это.

— Может быть, да, а может, и нет. Во всяком случае, ты должен покинуть Сивиш. Поделит деньги и простимся. Воздушный корабль мне больше не нужен.

На бледном лице Анахо застыло упрямое выражение.

— Не так быстро. Я не являюсь целью «тсау'гша», как ты не понимаешь? Кто станет главой группы охотников, чтобы разыскать меня?

Рейш обернулся, окинув взглядом Стекланный Короб.

— Ты считаешь, что тебя не будут искать в Сивише?

— Они непредсказуемы. В Сивише я в такой же безопасности, как и в любом другом месте. С одной стороны, я не могу показаться в гос-

тинице «Древняя страна». С другой — они не станут искать меня в ангаре, если, конечно, Вудивер не разболтал о нашем проекте.

— Вудивера надо заставить повиноваться, — буркнул Рейш.

Анахо согласно кивнул, и они двинулись дальше по грязным улочкам Сивиша.

Солнце скрылось за башнями Хеи, и мрачный город покрыл мрак. Рейш и Анахо добрались до ангара в пассажирском вагоне. В конторе Вудивера было темно. Через щели ангара пробивался тусклый свет. Механики разбегались по домам, и, по-видимому, внутри никого не было... Внезапно из темноты показалась фигура человека.

— Траз! — позвал Рейш.

Юноша подошел к ним.

— Я знал, что вы вернетесь, если вам удастся вырваться.

И кочевник и дирдирмен были приучены не давать волю своим чувствам, поэтому Траз и Анахо просто поздоровались.

— Нам надо скорее покинуть это место, — сказал Траз.

— Я уже сказал Анахо, а сейчас говорю тебе — берите воздушный корабль и убирайтесь отсюда. Зачем вам рисковать, проведя лишний день в Сивише?

— А как же ты?

— Я вынужден идти на риск.

— Твои шансы на успех очень невелики. Как быть с Вудивером? Ты ведь знаешь, какой он мстительный!

— Я заставлю его повиноваться.

— Это невозможно! — вскричал Анахо. — Кто способен справиться с таким упрямым, извращенным негодяем, с такими чудовищными пристрастиями?

Рейш мрачно кивнул.

— Есть только один способ.

— Как ты собираешься совершить это чудо? — спросил Анахо.

— Я просто направлю на него оружие и привезу сюда. Если не поедет, я его убью, а доставив сюда, сделаю своим пленником, буду держать под постоянным надзором. Лучшего пока не могу придумать.

— Я с удовольствием стану тюремщиком нашего желтолицего друга, — кивнул Анахо.

— А сейчас пора действовать, — сказал Траз, — прежде чем он узнает о побеге.

— Только не вы! — твердо сказал Рейш. — Если меня убьют — что ж, всякое бывает; но вы тут ни при чем. Берите корабль, деньги и улетайте, пока еще есть возможность!

— Я остаюсь, — сказал Траз.

— Я тоже, — произнес Анахо.

Рейш махнул рукой.

— Что ж, раз так — за Вудивером!

Друзья стояли посреди неосвещенного дворика около апартаментов Вудивера и размышляли, как открыть заднюю дверь.

— Лучше не взламывать замок, — прошептал Анахо. — Он, несомненно, установил сигнальные устройства и разные ловушки.

— Может, лучше проникнуть сверху? — предложил Адам. — На крышу влезть не так уж трудно.

Он внимательно осмотрел стену, потрескавшуюся облицовку и растущее рядом древнее искривленное дерево.

— Да, никаких проблем. — Он махнул рукой. — Вот сюда, потом переберемся до этого места и перелезем.

Анахо отрицательно покачал головой.

— Меня удивляет, что ты все еще сохраняешь подобную наивность! Как ты думаешь, почему это выглядит так просто? Может быть, Вудивер уверен, что никто не сумеет залезть наверх? Какая простота! Всюду, чего бы ты ни коснулся, там окажутся силки, ловушки, капканы и звуковые сигнальные устройства!

Рейш мрачно закусил губу.

— А как же мы сможем проникнуть к нему?

— Конечно, не этим путем, — ответил дирдирмен. — Надо перехитрить жирного плута.

Траз внезапно вздрогнул и потянул их в тень. Раздались шаги. Мимо прошел, слегка прихрамывая, высокий худой человек. Он подошел к задней двери. Траз шепнул:

— Дейн Зарр! Он страшно расстроен чем-то, проото вне себя!

Техник постоял неподвижно несколько секунд, затем достал инструменты и стал открывать замок. Задняя дверь открылась, он вошел внутрь с непреклонным видом обреченного, которому нечего терять. Рейш устремился вперед и не дал двери закрыться. Дейн Зарр прошел незамеченным. За Адамом последовали Траз и Анахо. Рейш отпустил дверь, она захлопнулась. Друзья сейчас стояли на мощеной площадке; плохо освещенная дорожка вела к главному зданию.

— Постойте здесь, — сказал Рейш, — я хочу один встретиться с Вудивером.

— Ты будешь в большой опасности, — сказал Анахо. — Мне кажется, ты ничего не добьешься.

— Ты, как всегда, чересчур мрачен, — ответил Рейш. — Конечно, толстяк будет обеспокоен, но он не знает, что я видел тебя. Если он увидит нас троих вместе, у него сразу возникнут подозрения. Если же я буду один, у меня будет больше шансов перехитрить его.

— Ну хорошо, — сказал Анахо. — Мы подождем здесь немного. Потом отправимся за тобой.

— Мне нужно всего пятнадцать минут. — Рейш зашагал по дорожке к саду.

Напротив, возле обитой медью дверью, стоял Дейн Зарр, неуклюже пытавшийся открыть ее. Внезапно деревья и кусты ярко осветились — сработала сигнализация.

В сад вышел Артило.

— Зарр?

Тот обернулся.

— Что вы здесь делаете? — ласково спросил Артило.

— Это не ваше дело, — безучастно ответил Дейн Зарр. — Оставьте меня!

С невероятной быстротой Артило выхватил оружие.

— Я получил приказ от хозяина. Приготовься умереть!

Рейш быстро шагнул вперед; Зарр невольно бросил взгляд в его сторону. Артило осознал, что за его спиной кто-то есть, и мгновенно обернулся. Адам двумя прыжками настиг его и нанес страшный удар по голове. Артило рухнул на землю безжизненной тушей. Рейш поднял пистолет, перевернул мертвеца. Дейн Зарр тем временем продолжал свой путь, словно происходившее не касалось его.

Рейш крикнул:

— Подождите!

Тот сразу остановился и посмотрел на него. Адам подошел поближе. Взгляд техника был ясным, но лицо словно окаменело.

— Зачем вы пришли сюда?

— Чтобы убить Вудивера. Он растерзал моих детей. — Зарр говорил тихо, без всякого выражения. — Они мертвы, оба мертвы, навеки покинули этот печальный мир!

Собственный голос казался Рейшу глухим, словно он доносился издали:

— Вудивера надо уничтожить... но после того, как будет готов корабль.

— Он никогда не позволит вам его закончить.

— Поэтому я и здесь.

— Что вы можете сделать? — с сомнением покачал головой Дейн Зарр.

— Я собираюсь схватить его и держать как пленника, пока не будет закончена работа. Тогда можете убить его.

— Хорошо, — неохотно согласился Дейн Зарр. — Согласен. Я ставлю его страдать...

— Как хотите. Идите вперед, я, как и раньше, буду следовать за вами. Когда мы найдем Вудивера, можете говорить ему что угодно, но не прибегайте к насилию. Нельзя доводить его до такого состояния, когда он решится на отчаянные действия.

Дейн Зарр повернулся и пошел вперед, не проронив ни слова. Он открыл дверь в комнату, обставленную мебелью ярко-красного и желтого оттенков. Зарр вошел; быстро оглянувшись, Адам последовал за ним. Дорогу преграждал испуганный слуга — чернокожий карлик, голову которого украшал огромный белый тюрбан.

— Где Айла Вудивер? — мягко спросил Рейш, стараясь успокоить его.

Слуга пришел в себя и надменно заявил:

— Господин занят весьма важным делом. Сейчас он проводит важные переговоры и не потерпит, чтобы его отрывали.

Схватив лакея за шиворот, Рейш приподнял его. С головы карлика слетел тюрбан, он оскорбленно завизжал:

— Что вы делаете? Отпустите, или я позову своего господина!

— Это именно то, что от тебя требуется, — сказал Рейш, отпуская слугу на пол.

Карлик немного отступил, потирая шею, не спуская глаз с Рейша.

— Уходите сейчас же из этого дома!

— Веди нас к Вудиверу, если не хочешь неприятностей!

Слуга начал хныкать:

— Но я не смею! Он прикажет меня выпороть!

— Посмотри во двор, — сказал Дейн Зарр. — Там ты увидишь мертвое тело Артило. Хочешь присоединиться к нему?

Слуга затрясся и упал на колени. Рейш поставил его на ноги.

— Быстро веди нас к Вудиверу!

— Вы должны сказать ему, что заставили меня, угрожали убить! — дрожа, запричитал карлик. — Потом дать мне слово, что...

В этот момент занавес в противоположном углу комнаты раздвинулся; они увидели жирное лицо Вудивера.

— Что за шум?

Рейш оттолкнул в сторону слугу.

— Твой лакей отказывается позвать тебя.

Вудивер окинул Адама подозрительным взглядом.

— На это есть причины. Я сейчас занят важными делами.

— Вряд ли они важнее моих, — сказал Рейш.

— Одну минуту, — сказал Вудивер. — Он повернулся, вошел в желто-красную комнату. — Деньги у тебя есть?

— Конечно. Иначе зачем мне было приходить сюда?

Вудивер еще раз внимательно оглядел Рейша.

— Где они?

— В надежном месте.

Вудивер пожевал нижнюю отвисшую губу.

— Не говори со мной таким тоном! Если быть откровенным, я ожидал, что ты решишься совершить ужасные дела, из-за которых некоторым преступникам удалось бежать из Стеклянного Короба!

Рейш усмехнулся.

— Скажи мне, пожалуйста, как я мог быть в двух местах одновременно?

— Если бы ты даже оказался в одном месте, этого достаточно, чтобы проклясть тебя навеки. Человек, похожий на тебя по описанию, прокрался на арену за час до начала представления. Он никогда бы так

не поступил, если бы не был уверен, что сумеет скрыться. Да, чуть не забыл: предатель-дирдирмен числится среди сбежавших преступников.

В этот момент заговорил Зарр:

— Взрывчатка поступила с вашего склада; вы будете нести ответственность, стоит мне сказать хоть слово!

Вудивер недоуменно посмотрел на него, словно видел собеседника впервые. С показным удивлением он спросил:

— Что ты здесь делаешь, старик? Лучше займись своим делом!

— Я пришел, чтобы убить вас, — сказал Дейн Зарр, — но Рейш попросил меня ненадолго отложить казнь.

— Довольно, Вудивер! — твердо произнес Адам. — Игры кончились. Он вытащил пистолет.

— Быстрее, или я продырявлю твою шкуру!

Толстяк перевел взгляд с Рейша на Зарра; на расплывшемся лице не заметно каких-либо признаков беспокойства.

— Вот как, значит? Мышь показывает зубы?

По своему богатому опыту Рейш знал, что от дирдирмена можно ожидать чего угодно. Он снова спокойно сказал ему:

— Пошли!

Вудивер усмехнулся:

— Два смешных ничтожных полуживотных! — Он громко крикнул: — Артило!

— Артило мертв, — ответил Дейн Зарр и осмотрелся.

Айла пристально наблюдал за ним.

— Ты что-то ищешь?

Дейн Зарр, не обращая внимания на слова дирдирмена, обратился к Рейшу:

— Он так легко не сдастся — на то он и Вудивер! Будь с ним осторожнее.

Голос Рейша был резким:

— При счете пять я пристрелю тебя.

— Можно мне сначала узнать, — спросил Вудивер, — куда мы поедем?

Адам не стал отвечать.

— Один... два...

Толстяк шумно вздохнул.

— Это уже перестает быть забавным.

— ...три...

— Придется как-то защитить себя...

— ...четыре...

— ...да, без всякого сомнения. — И с этими словами Вудивер быстро отошел к стене.

На Рейша и Зарра обрушился полог.

Адам выстрелил, но падавшая тяжелая ткань опустилась на его руку, и луч обжег лишь черно-белую облицовку пола.

Они слышали приглушенный злорадный смех. Пол содрогнулся от топота; Рейш почувствовал, что задыхается под весом огромной туши. Это Вудивер навалился на него. Раздался торжествующий голос негодяя:

— Ничтожный наглец, вздумал потревожить Айлу Вудивера! Посмотрим, как он сейчас запоет! — Вудивер поднялся. — А Дейн Зарр, значит, решил на время подарить мне жизнь! Что ж, прощай навек! Я-то колебаться не буду!

Звук удара, страшный хрип, пальцы, царапающие пол в предсмертной агонии... Наконец все стихло.

— Адам Рейш, — продолжил Вудивер, — ты необычный тип безумца. Интересно будет узнать, что ты задумал на самом деле... Брось пистолет, вытяни руки и не двигайся! Ты чувствуешь, как сдавило горло? Это моя нога. Поэтому исполняй приказ и никаких лишних движений! Хисзю, приготовься связать его.

Слуга поднял полог и освободил руки пленника из складок тяжелой ткани. Рейш почувствовал, как проворные пальцы Хисзю обмотали его руки шелковым шнуром.

Вельветовый полог убрали, и он, еще не пришедший в себя, увидел над собой огромную тушу. Слуга-карлик суетился и дергался словно марионетка.

Вудивер приподнял Адама на ноги.

— А теперь шагай!

Он толкнул его, и Рейш, спотыкаясь, послушно побрел вперед.

Глава 18

Адам прислонился к металлической решетке в темной камере. Его руки и ноги приковали к балкам. В камере было совершенно темно, лишь через узкое окошко виднелись мерцающие точки звезд. Рядом сидел, сгорбившись, Хисзю, сжимавший в руке легкий хлыст из плетеного шелкового шнура, прикрепленного к короткой ручке. Казалось, слуга мог видеть в темноте. Он развлекался тем, что время от времени хлестал Рейша по ногам и лицу. Хисзю говорил только один раз:

— Твоих друзей тоже поймали. Им сейчас не лучше, чем тебе, пожалуй, даже хуже. Вудивер сам их обрабатывает.

Рейш расслабился, его охватило ощущение полной безнадежности. Все пропало, его планы рухнули... Он никак не реагировал на резкие удары хлыста, к вящему разочарованию слуги. Его жизнь подходит к концу; скоро он исчезнет, бесследно пропадет среди чужих земель, словно капля дождя, упавшая в один из бескрайних океанов Тчаи. Взошел Аз; за узеньким окном небо чуть осветилось. Потом лунное сияние стало угасать: значит, приближается рассвет.

Хисзю заснул, слегка похрапывая. Рейш поднял голову, посмотрел на окно. На востоке занимался рассвет.

Внезапно проснулся Хисзю. Удар хлыста оставил кровавую полосу на лице. Слуга вышел из камеры; через несколько секунд он вернулся с чашкой горячего чая, который принялся пить, сидя у окна. Рейш простонал:

— Я заплачу тебе десять тысяч цехинов, если ты меня освободишь. Хисзю не обратил на эти слова никакого внимания.

— И еще десять тысяч, если сможешь освободить моих друзей. Слуга продолжал прихлебывать, как будто ничего не слышал.

Небо окрасилось в темно-золотистый цвет; взошло солнце. Звуки приближающихся шагов. В дверном проеме выросла грузная фигура Вудивера. Несколько минут он стоял молча, затем выхватил из рук слуги хлыст и приказал Хисзю выйти из камеры.

Казалось, жирный дирдирмен находится под воздействием какого-то наркотика или пьян. Его глаза возбужденно блеснули. Вудивер похлопал хлыстом по бедру.

— Я не могу найти деньги. Где они?

Рейш попытался говорить спокойно и громко:

— Что ты задумал? Что хочешь сделать?

Вудивер зашевелил безволосыми бровями.

— У меня пока нет никаких планов. Будущее покажет. Я живу сегодняшним днем.

— Почему ты держишь меня здесь?

Айла похлопал хлыстом по ноге.

— Я, конечно, известил братьев по крови о твоих замыслах и преступлениях.

— Братьев? Ты говоришь о Дирдирах?

— Конечно. — И он снова хлопнул хлыстом по ноге.

Рейш воскликнул:

— Дирдиры — не ваши братья! Эти создания и люди не связаны друг с другом. Они прибыли сюда с разных планет.

Вудивер лениво облокотился о стену.

— Где ты набрался такой ерунды?

Рейш провел языком по пересохшим губам, лихорадочно пытаясь сообразить, как спасти себя. Айла не привык мыслить рационально: в своих действиях он руководствовался животным инстинктом и интуицией.

Рейш постарался, чтобы его слова звучали как можно более убедительно:

— Люди произошли на планете Земля. И Дирдирам это известно не хуже, чем мне. Они поощряют самообман дирдирменов.

Вудивер задумчиво кивнул.

— И ты собираешься найти эту самую «Землю» на своем космическом корабле?

— Мне не нужно ее искать. Она находится на расстоянии двухсот световых лет отсюда.

Вудивер выпрыгнул вперед; он придвинул свое желтоватое лицо к лицу Рейша.

— А где обещанные сокровища? Ты меня обманул, предал! — рявкнул дирдирмен.

— Нет, — устало ответил Рейш. — Я тебя не предал. — Я землянин. Мой корабль потерпел крушение на Тчаи. Помоги мне вернуться на Землю, и ты получишь все, что пожелаешь.

Вудивер медленно отодвинулся.

— Ты один из последователей культа яо, или как он там называется.

— Нет, я говорю правду. В твоих же интересах помочь мне.

Вудивер кивнул, словно соглашаясь.

— Может быть, это и правда. Но давай начнем сначала. Ты можешь легко продемонстрировать добрую волю. Где мои деньги?

— Твои деньги? Ну нет! Это мои деньги.

— Какая разница! Ну, скажем так: где наши деньги?

— Ты никогда их не получишь, если не выполнишь своих обязательств.

— Упрямство, тупое упрямство! — вознегодовал Вудивер. — С тобой всё кончено, как и с твоими сообщниками. Дирдирмен будет возвращен в Стекланный Короб. Юношу кочевника продадут в рабство, если, конечно, ты не выкупишь его.

Рейш совсем ослабел. Его охватило полное безразличие. Вудивер нервно мерил шагами камеру, изредка бросая взгляды на Рейша. Вдруг он подскочил к нему и ткнул хлыстом в живот.

— Где деньги?

— Я тебе не верю, — сказал равнодушно Рейш. — Ты никогда не выполняешь своих обещаний. — Он с огромным трудом смог выпрямиться и пытался говорить спокойно и уверенно. — Если хочешь получить деньги, освободи меня. Космический корабль почти готов. Ты сможешь отправиться вместе со мной на Землю.

Лицо Вудивера было непроницаемым.

— И что потом?

— Космическая яхта, дворец — все, что пожелаешь!

— А как я смогу вернуться в Сивиш? — спросил дирдирмен насмешливо. — Что будет с моими делами? Ты сумасшедший, в этом нет никаких сомнений. Зачем я трачу время напрасно? Где деньги, Адам Рейш? И дирдирмен, и дикарь кочевник в один голос уверяют, что им ничего не известно.

— Я тоже не знаю. Я отдал их Дейну Зарру и попросил спрятать. А ты его убил.

Вудивер издал мучительный стон.

— Мои деньги? Спрятать?

— Скажи, — спросил Рейш, — ты собирався закончить постройку?
— Конечно нет!
— Значит, ты меня обманул?
— Ну и что? Ты пытался сделать то же самое. Человек, который перехитрит самого Айлу Вудивера, будет королем ловкачей!
— Не сомневаюсь.

В камеру вошел Хисзю и, встав на цыпочки, зашептал что-то на ухо Вудиверу; тот разъяренно вскричал:

— Так быстро? Они слишком рано приехали! Я еще даже не начинал допрос. — Он повернулся к Рейшу; лицо дирдирмена побагровело от ярости, словно он ошпарил его. — Где деньги? Ну, быстро! Деньги, или я продам парня!

— Помоги нам закончить космический корабль, и тогда ты все получишь!

— Тупой, неблагодарный негодяй! — прошипел Вудивер. Раздались шаги.

— Меня обманули! — застонал Вудивер. — О, что за жизнь — несчастья преследуют меня! Мерзавец, вор! — Дирдирмен плюнул в лицо Рейшу и стал яростно хлестать его.

В комнату в сопровождении гордо шествующего карлика вошел высокий дирдирмен — самое великолепное и странное создание из всех, которых довелось увидеть здесь Рейшу. Это, несомненно, был Безупречный. Вудивер что-то прошедил сквозь зубы слуге. Хисзю освободил Рейша. Дирдирмен накинуд цепь на шею пленника и прикрепил другой ее конец к своему поясу. Не сказав ни единого слова, он зашагал к выходу, пощелкивая неодобрительно пальцами.

Рейш, спотыкаясь, последовал за ним.

Глава 19

Перед домом Вудивера стоял белый автомобиль. Безупречный прикрепил цепь к кольцу на открытом сиденье позади. Рейш рассматривал величественного дирдирмена с удивлением, смешанным с ужасом: его рост достигал около семи футов; к шишковидным выростам по обеим сторонам уродливо вытянутого черепа прикреплены искусственные отростки. Цвет кожи был мертвенно-белым, словно краска, покрывавшая корпус машины, в которой они ехали. Ни единого волоска на голове; нос напоминает клюв. И все же, несмотря на весьма странный вид и модифицированные половые органы, он оставался человеком, предки которого прилетели с Земли. Из дома быстрым шагом, то и дело спотыкаясь, вышли Анахо и Траз; вокруг их шей обмотаны цепи, сзади, дергая за концы цепей, спешил Хисзю. Вскоре появились два дирдирмена из элитной касты. Они закрепили концы цепей на открытом сиденье. Безупречный что-то прошепелявил Ана-

хо и указал на это место. Затем, не оборачиваясь, залез в автомобиль, где уже сидели два представителя знати.

— Влезай на заднее сиденье, иначе нас потащат за автомобилем, — пробормотал Анахо.

Втроем они кое-как уселись, ухватившись за кольца, к которым были прикреплены их цепи. Так, с позором, друзья отъехали от дома. Черный лимузин Вудивера следовал за ними на расстоянии около пятидесяти ярдов. За рулем вырисовывалась огромная фигура.

— Он хочет, чтобы о его заслугах узнали Дирдиры и это повлияло на статус. Вудивер помог важной охоте и хочет занять определенное место в обществе, — объяснил дирдирмен.

— Я совершил ошибку, — хрипло сказал Рейш, — вел себя с Вудивером, как с человеком. Если бы поступил с ним, как со зверем, мы бы не попали в такое положение.

— Да, хуже трудно себе представить...

— Куда мы направляемся?

— В Стекланный Короб, куда же еще?

— Нас даже не выслушают, не дадут возможность высказаться?

— Конечно нет, — резко ответил Анахо. — Ты полуживотное, а я отщепенец!

Белый автомобиль въехал на площадь и остановился. Из него вышли дирдиры и застыли, вглядываясь в небо. К ним подошел полный молодой мужчина в роскошном темно-коричневом одеянии: все в нем указывало на высокий статус и явное тщеславие.

Его волосы были искусно завиты, в них сверкали драгоценности. Он непринужденно обратился к дирдирменам. Те после минуты молчания ответили.

— Это Эрлиус, правитель Сивиша, — сообщил Анахо. — Он тоже хочет участвовать. Кажется, мы в высшей степени важные объекты охоты.

Вокруг белого автомобиля стали собираться жители Сивиша. Они образовали широкий круг, с любопытством рассматривая пленников и отступая всякий раз, когда дирдирмены бросали взгляды в их сторону.

Вудивер оставался в своем автомобиле, стоявшем на расстоянии около пятидесяти ярдов от толпы; он, видимо, тщательно обдумывал положение. Наконец дирдирмен вылез из автомобиля и сделал вид, что внимательно изучает какой-то свиток. Заметив толстяка, Эрлиус сразу отвернулся.

— Только посмотри на них, — прошептал Анахо. — Они страшно ненавидят друг друга: Вудивер насмехается над Эрлиусом, намекая, что у него нечистая кровь, а второй мечтает увидеть жирную жабу в Стекланном Коробе.

— Что ж, я тоже не прочь полюбоваться таким зрелищем. Кстати, раз уж речь зашла о Коробе, кого мы ждем?

— Командиров «тсау'гша». Не волнуйся, ты очень скоро окажешься там!

Рейш дернул за цепь. Дирдирмены предостерегающе посмотрели в его сторону.

— Странно, — пробормотал он, — надо что-то сделать. А как же Дирдирские традиции? Что будет, если я произнесу «хс'ай, хс'ай, хс'ай» или как там это произносится... Потребую решения арбитра?

— «Др'сса, др'сса, др'сса»!

— Что случится после того, как я это скажу?

— Твое положение не изменится к лучшему, поверь мне. Арбитр объявит тебя виновным, и результат останется неизменным — Стекланный Короб!

— А если я не соглашусь с его решением?

— Ты должен будешь драться и в конце концов погибнешь.

— Никого нельзя арестовать без обвинения?

— Теоретически да, — коротко бросил Анахо. — Традиция! Кого ты хочешь вызвать на суд? Вудивера? Из этого ничего хорошего не выйдет. Он тебя не обвинял, а только оказал помощь в нашей поимке.

— Ну, это мы еще посмотрим.

Траз указал на небо.

— А вот и Дирдиры.

Анахо стал рассматривать опускающийся корабль.

— «Шлем Тхиза». Если здесь замешаны Дирдиры из этого клана, то разбирательство будет очень быстрым: они могут даже объявить, что никто, кроме них, не имеет права охотиться на преступников.

При этих словах Траз крепко сжал свои оковы. Охваченный гневом, юноша процедил что-то сквозь зубы, повернулся и стал наблюдать за летательным аппаратом. Толпа подалась назад, расступаясь перед величественным кораблем. Он приземлился за пятьдесят футов от белого автомобиля. Показались пятеро Дирдилов: Великолепный и четыре создания более низкой касты.

Дирдирмен-Безупречный поспешно выступил вперед, но Дирдиры проигнорировали его точно так же, как он сам до этого поступил с Эрлиусом.

Несколько минут Великолепный молча разглядывал Рейша, Траз и Анахо, затем подозвал знаком Безупречного и что-то произнес.

Вперед выступил Эрлиус; он приветствовал своих повелителей, согнувшись в три погибели и тряся головой, но прежде чем правитель успел заговорить, выскочил Вудивер, заслонив своим массивным телом соперника, который был вынужден отступить.

Толстяк высокопарно заговорил:

— Перед вами, о могучие мужи Тхиза, преступники, разыскиваемые для охоты. Я не в малой степени способствовал их поимке. Прошу вас учесть при награждении!

Дирдиры уделили ему лишь несколько секунд внимания. Вудивер, ничего другого и не ожидавший, поклонился, театрально растопырил руки и отошел в сторону.

К пленникам подошел Безупречный и отстегнул цепи от колец. Адам ухватился за освободившуюся цепь. Безупречный сурово взглянул на него; искусственные отростки обрамляли его бледное лицо. Рейш шагнул вперед, его сердце учащенно забилося. С большим трудом он поборол желание побежать, медленно подошел к Дирдирам, остановившись в шести футах от этих существ; он был так близко, что чувствовал странный резкий запах, исходящий от них. Дирдиры смотрели на него без всякого интереса.

Рейш громко произнес:

— Др'сса, др'сса, др'сса.

Дирдиры зашевелились, удивленно повернули головы.

— Др'сса, др'сса, др'сса! — снова прокричал он.

Дирдир-Великолепный заговорил гнусавым, похожим на звуки го-боя, голосом:

— Почему ты воззвал «др'сса»? Ты полуживотное и не можешь...

— Я человек! Поэтому я прокричал «др'сса».

Вперед выскочил Вудивер и, размахивая руками, презрительно крикнул:

— Да он просто сумасшедший!

Дирдиры, казалось, застыли в растерянности.

Рейш обратился к ним:

— Кто меня обвиняет? В каком преступлении? Я хочу, чтобы он вышел вперед и объявил все открыто. Пусть дело решит арбитражный суд!

Великолепный произнес:

— Ты зываешь к священному обычаю, который сильнее презрения или отвращения. Поэтому тебе не отказывают в арбитраже. Кто обвиняет это полуживотное?

Заговорил Вудивер:

— Я обвиняю Адама Рейша в богохульстве, в том, что он ставит под сомнение основы доктрины Двойного Генезиса, ставит себя наравне с Дирдирами. Он заявляет, что дирдирмены не происходят от Второго Йолка, называет их расой мутантов-выродков. Он настаивает на том, что люди зародились на другой планете, а не на Сиболе. Это не согласуется с ортодоксальной доктриной и является ересью. От него исходит зло, он лжец и провокатор! — Перечисляя грехи Рейша, Вудивер постукивал своим толстым указательным пальцем. — Вот мои обвинения! — закончил Вудивер. Он улыбнулся Дирдирам, словно закадычным друзьям, повернулся и закричал толпе: — Отойдите! Не собирайтесь так близко от высоких особ!

Дирдир прошепелявил, обращаясь к Рейшу:

— Ты отвергаешь это обвинение как ложное или нет?

Адам был в растерянности. Ему предстоял весьма непростой выбор. Не признать обвинение означало согласиться с дирдирменской ортодоксальной концепцией. Поэтому он осторожно произнес:

— По существу, меня обвиняют в неортодоксальных взглядах. Это преступление?

— Конечно, если арбитр объявит его таковым.

— А если эти взгляды отражают действительность?

— Тогда тебе придется призвать его самого к ответственности. Это может показаться странным в данных обстоятельствах, но такова традиция и нельзя поступать вопреки ей.

— Кто будет арбитром?

Белое и блестящее, словно полированная кость, лицо Великолепного не выражало никаких эмоций, его голос также звучал бесстрастно:

— В данном случае арбитром я назначаю вот этого Безупречного.

Тот вышел вперед и, подражая Дирдирам, прогнусавил:

— Я буду краток. Обычные формальности здесь неуместны. — Затем он обратился к Рейшу: — Ты отвергаешь обвинения?

— Я их не принимаю и не отвергаю; в них мало смысла.

— Мое мнение таково: твое заявление носит уклончивый характер. Это еще больше подтверждает твою вину. К тому же твое поведение непочтительно и невежливо. Ты виновен.

— Я отказываюсь принять это решение, — ответил Рейш. — Если вы только не заставите меня силой сделать это! Я призываю вас к ответу!

Безупречный с презрением и отвращением взглянул на Рейша.

— Ты обвиняешь меня, Безупречного?

— Видимо, это единственный способ доказать свою невиновность.

Безупречный повернулся к Дирдиру-Великолепному.

— Обязан ли я в таком случае вызвать его на состязание?

— Да, обязан.

Безупречный смерил взглядом Рейша.

— Я прикончу тебя с помощью рук и зубов, как подобает истинному дирдирмену.

— Что ж, давайте. Но сначала снимите с моей шеи цепь.

— Снимите цепь! — скомандовал Великолепный.

Безупречный начал раздраженно протестовать:

— Какая вульгарность! Драться перед толпой каких-то полуживотных ниже моего достоинства!

— Не возражать! — приказал Великолепный. — Это я, Глава охотников, рискую потерять свой трофей. Начинайте поединок.

С шеи Рейша сняли цепь. Адам стал разминать свои мускулы, надеясь быстро восстановить силы. Он провисел всю ночь на вытянутых руках и ощущал себя разбитым. Дирдирмен сделал шаг вперед; Рейш сразу приготовился.

— Каковы правила? — спросил он. — Я не хотел бы использовать запрещенные приемы.

— Здесь нет запрещенных приемов, — сказал Безупречный. — Мы будем драться по охотничьим правилам. — Ты — моя дичь! — И издав дикий вопль, он бросился на Рейша.

Однако дирдирмен не подготовился как следует к атаке. Адам ощутил прикосновение тела, состоявшего, казалось, из одних тугих мускулов и сухожилий; он уклонился; почувствовал, как его полоснули искусственные когти, попытался захватить руки противника, но не смог. Рейш нанес мощный удар Безупречному ниже уха, попытался попасть в солнечное сплетение, но промахнулся. Зрители затаили дыхание. Безупречный снова бросился на Адама, но на него обрушился новый удар, и он зашатался. Вудивер больше не мог себя сдерживать. Он выскочил, ударил Рейша по голове. Траз гневно закричал, хлестнул своей цепью по лицу жирного дирдирмена. Вудивер взвыл от боли и грузно повалился на землю. Анахо накинуд свою цепь на шею негодяя и стал затягивать ее. Подскочил один из дирдирменов, вырвал импровизированное оружие из рук Анахо. Вудивер оставался на земле, тяжело дыша, с посеревшим от боли лицом.

Воспользовавшись неожиданной помощью, Безупречный схватил противника и повалил на землю. Прочные, как стальная проволока, руки обхватили тело; острые длинные зубы вцепились в шею. Адам освободил руки и со всей силы ударил по ушам противника. Безупречный издал хриплый вопль и вскинул голову, обезумев от боли. На секунду его тело обмякло. Рейш навалился на него, скользкого, как белый угорь, и начал колотить по черепу. Он отрывал искусственные отростки, затем резко повернул голову противника. Она безжизненно повисла, по телу пробежала дрожь; вскоре дирдирмен затих.

Рейш поднялся на ноги. Он весь дрожал и шатался от усталости.

— Я оправдан.

— Обвинения толстого полуживотного недействительны, — объявил Дирдир-Великолепный. — Его можно призвать к ответу.

Рейш повернулся, собираясь уйти.

— Стой! — раздался гортанный голос Великолепного. — Есть еще обвинения?

Дирдир из элитной касты с блестящими, как кристалл, задранными отростками выступил вперед и обратился к Великолепному:

— Это животное все еще взывает «др'сса»?

Рейш резко повернулся к говорившему Дирдиру; Адам едва дышал от усталости.

— Ты животное, я — человек!

— Ты будешь просить рассудить вас? — спросил Великолепный. — Если нет, следуй за мной.

У Рейша упало сердце.

— Какие новые обвинения мне предъявляются?

— Я обвиняю тебя в том, что ты и твои приспешники пробрались в наш охотничий заповедник и там злодейски убили членов клана Тхиз, — произнес Дирдир из элитной касты.

— Я отклоняю обвинение, — громко заявил Рейш.

Тот посмотрел на Великолепного.

— Я прошу вас рассудить данное дело. И еще прошу отдать мне животное вместе с приспешниками и объявить, что на них могут охотиться только члены нашего клана.

— Я берусь рассудить это дело, — прошепелявил Великолепный. Повернувшись к Рейшу, он гнусаво произнес: — Ты проник в Карабас — это истина!

— Я был в Карабасе. Никто не запрещал мне этого делать.

— Всем известно, что такое запрещено. Ты предательски напал на нескольких Дирдиров — и это также истина!

— Я не трогал тех, кто первым не нападал на меня. Если твои сородичи желают вести себя как дикие звери, то они должны отвечать за последствия.

В толпе раздался крик удивления и, как показалось Рейшу, одобрения. Великолепный сурово оглядел толпу, собравшуюся на площади. Возгласы моментально прекратились.

— Охота — обычай Дирдиров. Обычай полуживотных, неотъемлемая часть их естества — служить в качестве объекта охоты!

— Я не полуживотное, — заявил Рейш. — Я человек и не позволю устраивать на себя охоту. Если дикий зверь нападет, я убью его!

Костистое бледное лицо Великолепного не отразило никаких чувств. Однако его отростки напряглись, начали светиться.

— Решение должно опираться на традиции, — объявило существо. — Я нахожу виновным это полуживотное. Разбирательство закончено. Существо следует поместить в Стекланный Короб.

— Я не признаю это решение! — вскричал Рейш.

Выступив вперед, он нанес удар по голове Великолепного. Кожа Дирдира была холодной и упругой, как панцирь черепахи: Адам сильно ушиб руку. Отростки напряглись, как провода; существо издало тонкий свист. Все в толпе замерли. Полная тишина.

Великолепный вытянул громадные руки, словно желая схватить, разорвать врага. Он издал угрожающий рык и приготовился к прыжку.

— Подождите, — сказал Рейш, отступая. — Каковы правила поединка?

— Никаких правил не существует. Я сам решаю, каким способом убить дичь.

— А если я убью вас, я и мои друзья будут оправданы?

— Да.

— Я предлагаю поединок на саблях.

— Мы будем драться, как сейчас стоим.

— Хорошо.

Борьба оказалась короткой и никак не походила на поединок. Великолепный сразу устремился вперед. Он был быстр и массивен, как тигр. Рейш сделал два шага назад, и в этот момент Великолепный бросился на него. Адам ухватил существо за твердое, как камень, запястье и нанес удар ногой в корпус. Падая на спину, он перебросил Дирдира через себя. Создание ударилось затылком о землю и беспомощно лежало плашмя, не в силах оправиться от изумления. В ту же секунду Рейш прыгнул на него и крепко схватил за когтистые лапы. Великолепный извивался, стараясь скинуть противника с себя. Адам продолжал бить существо головой о землю до тех пор, пока у того не треснул череп; из него стала сочиться светло-зеленая жидкость. С трудом переводя дыхание, Рейш произнес:

— Ты отменяешь свое решение?

Великолепный жалобно закричал — странный воющий звук, не выражавший свойственных человеку эмоций. Адам продолжал бить жесткую белую голову о землю.

— Отменяешь свое решение?

Дирдир невероятным усилием попытался сбросить с себя Рейша, но тщетно.

— Ты победил. Мое решение недействительно.

— Я и мои друзья больше ни в чем не обвиняются? И мы можем продолжать заниматься своими делами, не боясь преследований?

— Да, таково решение.

Рейш обратился к Анахо:

— Могу я этому верить?

Тот ответил:

— Да, таков обычай. Если тебе нужен трофей, вырви у него от-
ростки.

— Мне не нужен трофей.

Рейш поднялся, с трудом переводя дыхание. Все в толпе глядели на него с благоговейным трепетом и страхом. Эрлиус поспешно ушел. Айла стал медленно отступать к своему черному автомобилю.

Рейш поднял руку.

— Вудивер, твои обвинения оказались ложными, и ты сейчас ответишь мне за все.

Толстяк выхватил оружие. Траз прыгнул вперед и повис на его громадной руке. Луч обжег ногу самого Вудивера; он взвыл от боли и упал на землю. Анахо схватил пистолет, а Рейш, накинув цепь на жирную шею, резко дернул.

— Пошли, Вудивер! — Он двинулся к черному автомобилю, через толпу поспешно расступающихся зрителей.

Толстяк протиснулся в автомобиль и, горестно стоная, свалился на сиденье, как мешок.

Анахо запустил мотор; машина покинула овальную площадь.

Глава 20

Они подъехали к ангару. Рабочие и техники из-за отсутствия Дейна Зарра не вышли на работу. Помещение казалось опустевшим и заброшенным; лишь космический корабль, выглядевший так, словно он готов хоть сейчас к полету, покоился на подпорках.

Они завели Вудивера внутрь, словно задиристого быка, и привязали между столбами. Толстый дирдирмен не переставал жалобно стонать.

Несколько минут Рейш молча смотрел на него. Негодяй, к сожалению, еще нужен им, но даже в таком состоянии был опасен; несмотря на все свои театральные страдания, он не переставал исподлобья следить за Рейшем.

— Вудивер, — объявил Рейш, — ты едва не погубил меня.

Огромное тело Айлы затряслось от рыданий; сейчас он казался омерзительным ребенком-переростком, дрожащим от страха перед наказанием.

— Хотите попытать меня, а потом убить?

— Ты читаешь мои мысли. Но у меня есть гораздо более важное дело: закончить строительство корабля и возвратиться на Землю с сообщением об этой адской планете. Ради своей цели я даже откажу себе в удовольствии наблюдать за твоей смертью.

— В таком случае, — сказал Вудивер деловым тоном, как ни в чем ни бывало, — все остается по-прежнему. Уплатите мне деньги, и мы продолжим работу.

Рейш от удивления вначале даже не нашелся, что сказать. Он засмеялся, ошеломленный потрясающей способностью толстяка мгновенно менять тон.

Но Анахо и Траз не были настроены на веселье. Беглый дирдирмен ткнул палкой в огромный рыхлый живот Вудивера.

— Вспомни прошлую ночь! — мрачно произнес он. — Вспомни пытки током и плетеный кнут...

— Вспомни Дейна Зарра и его несчастных детей! — продолжал Траз.

Вудивер бросил умоляющий взгляд на Рейша.

— Кто из вас здесь имеет решающий голос?

Адам медленно произнес, тщательно подбирая слова:

— У каждого из нас предостаточно причин для ненависти. Ты ведь не настолько глуп, чтобы рассчитывать на снисхождение, и...

— Он узнает, что такое страдание, — процедил Траз.

— Ты будешь жить, — объявил Рейш, — но только для того, чтобы служить нашим интересам. И если ты прекратишь приносить пользу, я перестану тебя защищать.

В глазах Вудивера вновь появился холодный зловещий блеск.

— Хорошо.

— Я хочу, чтобы ты нанял компетентного специалиста вместо Дейна Зарра, и сделал это немедленно!

— Такой обойдется дорого, слишком дорого, — отозвался Вудивер. — Нам повезло с Зарром.

— Ты виноват в том, что его уже нет, — едва сдерживаясь, сказал Рейш.

— В жизни мы часто допускаем ошибки, — согласился Вудивер. — Да, это была ошибка... Однако выход есть: я знаю подходящего человека. Но предупреждаю: он стоит дорого, очень дорого!

— Деньги не имеют значения, — заявил Рейш. — Во-первых, нам нужен лучший специалист. Во-вторых, я хочу, чтобы ты снова вызвал сюда технический персонал. По телефону, конечно.

— Здесь не будет никаких затруднений, — дружелюбно улыбаясь, заявил Вудивер. — Работу выполнят быстро и четко!

— Ты должен немедленно организовать доставку всех необходимых материалов и оборудования, возместить расходы и выплатить заработную плату.

— Что? — взревел Вудивер.

— Далее, — спокойно продолжал Рейш, — мы будем держать тебя здесь на цепи. За свое питание и пребывание на нашем попечении ты должен платить тысячу... нет, лучше две тысячи цехинов в день.

— Что? — закричал Вудивер. — Вы хотите совсем доконать бедного больного Айлу?

— Ты согласен с нашими условиями? Если нет, я разрешу Анахо и Тразе убить тебя: они будут рады покончить со своим мучителем.

Вудивер выпрямился.

— Я согласен, — сказал он важно. — А сейчас, раз уж приходится оплачивать реализацию ваших бредовых идей и терпеть страшные убытки, надо немедленно приступить к работе. Поверьте мне, день, когда вы наконец исчезнете навсегда, будет самым счастливым в моей жизни! А сейчас скорее освободите меня от цепей, чтобы я мог позвонить.

— Никуда ты не пойдешь. Мы принесем телефон, — объявил Адам. — Теперь скажи, где ты держишь деньги?

Толстяк в ужасе выпучил глаза.

— Деньги?! Не надо так зло шутить над несчастным Вудивером!

Книга четвертая

ПНУМЫ

Глава 1

В огромном складе на краю солончаковых равнин Сивиша на маленькой табуретке примостился несчастный Айла Вудивер. Цепь соединяла железный ошейник с высоко натянутым кабелем; так толстяк мог передвигаться, волоча ее за собой, от стола до каморки у стены, где он спал.

Айлу сделали пленником в его собственных владениях. Ужасное и нелепое положение, в котором он оказался, должно было вызвать у своевольного дирдирмена взрывы безудержной ярости. Но он смирно сидел на табуретке; жирные ягодицы свисали, как вяочные сумки, а на лице застыла нелепая улыбка святого мученика.

Возле космического корабля, занимавшего большую часть помещения, стоял Адам Рейш и не отрывал взгляда от Вудивера. Безмятежность Айлы тревожила его больше, чем ярость. Он надеялся, что какие бы планы ни строил коварный толстяк, они не скоро реализуются. Наладка звездолета близилась к завершению; примерно через неделю Адам собирался покинуть старушку Тчаи.

Вудивер развлекал себя плетением кружев; время от времени он поднимал их и восхищался рисунком — прямо-таки воплощение добродушия и терпения!

Вошел Траз. Он хмуро посмотрел на пленника и, верный нехитрой философии своих соплеменников, кочевников Эмблемы, потребовал:

— Убей его! Прикончи негодяя, и дело с концом!

Рейш неодобрительно хмыкнул:

— Он прикован за шею и не сумеет нам навредить.

— Как бы не так! Забыл уже его трюки?

— Я не могу убить его вот так, хладнокровно.

Траз презрительно буркнул что-то и вышел, громко топая, продемонстрировав свое отношение к непостижимому мягкосердечию товарища.

— На этот раз я полностью согласен с нашим юным сыном степей: убой эту толстую скотину! — объявил Анахо-дирдирмен.

Вудивер, догадываясь о сути разговора, кротко улыбнулся. «А он похудел», — подумал Рейш. Некогда пухлые щеки болтались словно пустые мешки; большая верхняя губа нависала как клюв над острым маленьким подбородком.

— Ты только посмотри на эту мерзкую ухмылку! — прошипел Анахо. — Если бы он мог, сварил бы нас заживо! Убей его сейчас же!

Рейш попытался его успокоить:

— Через неделю мы улетим. Что он может сделать, прикованный, беспомощный?

— Он Вудивер! Этим все сказано!

— Все равно мы не можем забыть его, как скотину.

Анахо молча воздел руки и последовал за Тразом. Рейш вошел в космический корабль и несколько минут наблюдал за техниками. Они занимались очень тонкой работой по балансировке энергетических насосов. Адам ничем не мог им помочь. Технология Дирдиров, как, впрочем, и их психология были выше его понимания. Обе основывались на интуитивных посылах; во всяком случае, все поведение представителей этой диковинной расы свидетельствовало о полном отсутствии логики.

Темно-янтарные лучи солнца пробивались сквозь высокие окна. Приближался закат. Вудивер неторопливо отложил в сторону свое рукоделие. Дружелюбно кивнув Рейшу, он направился в свой уголок; цепь с лягзом потащила за ним.

Техники вышли из корабля вместе с главным механиком Фио Хачо. Они отправились ужинать. Рейш коснулся холодного шершавого корпуса, прижав ладони к стали, словно желая удостовериться в его реальности. Еще неделя — а потом космос, возвращение на Землю! Перспектива казалась ему нереальной; родная планета превратилась в причудливое видение.

Рейш заглянул в кладовку, взял кусок колбасы и вышел на порог. Карина-4269 низко висела в небе, заливая солончаковые равнины янтарно-желтым светом; каждый пучок травы отбрасывал длинную тень.

Две таинственные фигуры, которые в последнее время часто появлялись на закате, сегодня нигде не были видны.

В пейзаже сквозила своеобразная печальная красота. На севере лежал Сивиш — беспорядочное скопление домов, окрашенное солнцем в рыжевато-коричневые тона. На востоке за проливом высились шпили дирдирского города Хеи; над ними неясно вырисовывался Стекланный Короб.

Рейш присоединился к Тразу и Анахо. Приятели сидели на скамейке, бросая камешки в лужу: Траз, с резкими чертами лица, молчаливый, крепкого сложения, мускулистый; Анахо — тощий, как

угорь, на голову выше Рейша, бледнокожий, с тонкими чертами длинного лица и столь же болтливый, насколько немногословен юноша. Кочевник осуждал высокомерие дирдирмена; Анахо считал Тразу грубым и неэлегантным. Иногда, однако, они приходили к согласию — как теперь, относительно необходимости убить Айлу Вудивера. Рейш опасался Дирдиров больше плененного толстяка. Со своих башен они могли наблюдать через окна склада за сооружением корабля. Бездействие их казалось таким же неестественным, как улыбка Айлы Вудивера, и Адам боялся, что существа вынашивают какие-то зловещие планы.

— Почему они ничего не предпринимают? — подозрительно спросил он. — Они ведь должны знать, что мы здесь.

— Поведение Дирдиров предсказать невозможно, — ответил Анахо. — Они могли потерять к тебе интерес. Что для них люди? Просто паразиты! Они предпочитают выкуривать Пнумов из их нор. Думаю, ты больше не являешься объектом, достойным внимания.

Рейша слова Анахо не вполне убедили.

— А фунги или Пнумы, что приходят следить за нами? Вряд ли они выбираются сюда на прогулку...

Он имел в виду две черные фигуры, которые в последнее время замечал на солончаковых равнинах. Они всегда становились спиной к солнцу: сухопарые создания в черных плащах и широкополых черных шляпах.

— Фунги ходят поодиночке; это не они, — сказал Траз. — А Пнумы никогда не появляются при дневном свете.

— Тем более так близко от Хеи, потому что боятся Дирдиров, — заметил Анахо. — Остаются Прислужники Пнумов, а скорее всего — гжиндры.

Во время своего первого появления существа стояли, пристально разглядывая склад, пока Карина-4269 не скрылась за базальтовыми столбами, потом растворились во мраке. Казалось, их интерес продиктован чем-то большим, чем простое любопытство. Рейша беспокоила подобная слежка, но он не представлял, что сделать, чтобы отвести угрозу.

На следующий день шел мелкий дождь и стоял туман; странные гости не пришли. Через сутки снова засияло солнце, и на закате темные фигуры вновь таращили глаза на сарай, вселив в Рейша беспокойство. Слежка предвещала неприятности: на Тчаи это аксиома.

Солнце почти опустилось.

— Если они собираются сегодня появиться, — сказал Анахо, — то сейчас самое время.

Рейш изучал солончаковые равнины через сканскоп.

— Ничего там нет, кроме травы да болотных кустов. Даже ящериц. Траз указал через плечо:

— Вот они!

— Хм-м, — буркнул Рейш. — Я только что туда смотрел! — Он подкручивал увеличение на приборе, пока не задрожали руки, заставив фигуры на экране дергаться и подпрыгивать. — У них есть верхние конечности, — сказал Адам наконец. — Это Прислужники Пнумов.

Анахо взял у него сканскоп.

— Нет, гжиндры: Прислужники Пнумов, изгнанные из туннелей на поверхность за недостойное поведение. Торговля идет через гжиндр. Пнумы никогда не занимаются этим сами.

— Тогда почему они пришли сюда? Мы не хотим иметь дел с Пнумами!

— Но они хотят, по всей видимости.

— Возможно, ждут появления Вудивера, — предположил Траз.

— На закате солнца, в одно и то же время?

Тразу неожиданно пришла в голову идея. Он двинулся прочь от сарая мимо старой конторы Вудивера, маленькой хибары из кирпича и дикого камня, и оглянулся на склад. Прошел еще сто ярдов, вышел на равнину и снова посмотрел назад. Затем помахал рукой, подзывая Рейша и Анахо. Они присоединились к юноше.

— Взгляните на склад, — предложил Траз. — Теперь понятно, кто ведет дела с гжиндрами.

На фоне черной деревянной стены виднелся мигающий лучик золотистого света.

— Там как раз комната Вудивера.

— Толстый желтокожий негодяй подает сигналы! — злобно прошипел Анахо.

Рейш глубоко вздохнул, подавляя ярость: глупо ожидать чего-то иного от Вудивера, рожденного для заговоров и интриг. Сдержавшись, он ровным голосом спросил Анахо:

— Ты можешь разобрать его сигналы?

— Да. Распространенный код. «...Подходящая... компенсация... за... выполненную работу... теперь... наступило... время...» — Мигание света прекратилось. — Это все.

— Он заметил нас через щель, — пробормотал Рейш.

— Или у него просто нет больше света, — предположил Траз.

Карина-4269 скрылась за холмами на горизонте. Взглянув на равнину, Рейш обнаружил, что гжиндры исчезли так же таинственно, как и появились.

— Пойдем-ка лучше побеседуем с Вудивером, — предложил Рейш.

— Он скажет нам все, что угодно, кроме правды, — заметил Анахо.

— В этом я уверен, — согласился Адам. — Но можно узнать кое-что по тому, о чем он умолчит.

Они вошли в сарай. Вудивер, снова углубившийся в плетение кружев, одарил всех троих приветливой улыбкой.

— Должно быть, приближается время ужина.

— Не для тебя.

— Что? — воскликнул Вудивер. — Не будет еды?! Зачем доводить дело до крайности?

— Для чего ты посылал сигналы гжиндрам?

Вудивер в ответ лишь вздернул безволосые брови.

— Коммерция. Я иногда веду дела с подземными жителями.

— Какие же именно?

— Разные, друзья мои, разные. Сегодня я извинялся за нарушение определенных обязательств. Хотите испортить мою безупречную репутацию?

— Какие обязательства ты не смог выполнить?

— Нет уж, — огрызнулся Вудивер. — Позволь мне сохранить свои маленькие секреты при себе.

— Я не позволю тебе ничего, — отрезал Рейш. — Мы видим, что ты замышляешь какую-то новую пакость.

— Ба! Что за несуразное обвинение! Как я могу что-то замышлять, сидя на цепи? Уверю вас, теперешнее положение считаю унижительным, недостойным.

— Если случится какая-нибудь неприятность, — сказал Рейш, — тебя на этой самой цепи подвешат метрах в двух над землей. Тогда уж от твоего достоинства ничего не останется.

Вудивер с отвращением махнул рукой и посмотрел на корабль.

— Похоже, вы добились прекрасных результатов.

— Тебя благодарить за это не приходится.

— Ах! Ты недооцениваешь мою помощь! Кто с трудом достал корпус, получив ничтожную прибыль? Кто все устроил и организовал? Кто подарил свой бесценный опыт?

— Тот же человек, который заграбастал все наши деньги и бросил в Стекланный Короб, — ответил Рейш.

Он пересек комнату и сел. Траз и Анахо присоединились к нему. Они не отрывали глаз от Вудивера, оставшегося без ужина; тот, надувшись, молчал.

— Нам надо убить его, — бесстрастно сказал юноша. — Он строит какие-то козни.

— Сомневаюсь, — отозвался Адам. — Но что у него за дела с Пнумами? Казалось бы, самая заинтересованная в нас сторона — Дирдиры. Им известно, что я землянин; возможно, они осведомлены и о космическом корабле.

— Если даже так, им это безразлично, — предположил Анахо. — Их не интересуют другие расы. Пнумы — другое дело. Им хотелось бы знать все, особенно о Дирдирах. А те, в свою очередь, разыскивают туннели Пнумов и травят их газом.

Вудивер окликнул их:

— Вы забыли о моем ужине.

— Ничего я не забыл, — отозвался Рейш.

— Ну, тогда побыстрее принесите мне еду! Сегодня вечером я хочу салат из белых корешков, жаркое из чечевицы и дичи, тарелку доброго черного сыра и мое любимое вино.

Траз хохотнул.

— Чего ради мы будем ублажать твое брюхо, если ты плетешь интриги против нас? Заказывай еду у своих приятелей-гжиндр, — отозвался Адам.

Лицо Вудивера сморщилось, он стукнул ладонями по коленям.

— Значит, теперь вы мучаете бедного Айлу Вудивера, который всего лишь тверд в своей вере! Что за жалкая участь — жить и страдать на этой ужасной планете!

Рейш с отвращением отвернулся. Наполовину дирдирмен, Вудивер отстаивал доктрину Сдвоенного происхождения, согласно которой Дирдиры и их эпигоны-люди вылупились на планете Сибол. Для него Рейш был бунтарем-иконоборцем, которого следовало остановить любой ценой.

С другой стороны, далеко не все преступления Вудивера можно отнести на счет религиозного рвения и стремления во всем походить на Дирдиров. Рейш припомнил его дикие выходки, и шевельнувшаяся было жалость исчезла.

Еще добрых пять минут Вудивер стонал и жаловался, а затем вдруг замолчал. Какое-то время он наблюдал за Рейшем и его приятелями. Потом заговорил, и Адаму послышались торжествующие нотки в голосе толстяка.

— Ваш проект приближается к завершению. И все благодаря Айле Вудиверу, его искусству и небольшому запасу цехинов, столь беспардонно истраченных!

— Согласен, работа почти закончена, — сказал Рейш.

— Когда вы собираетесь отбыть с Тчай?

— Как можно скорее.

— Замечательно! — провозгласил Вудивер с жаром и скорчил умиленную мину.

Рейшу показалось, что в глазах у него мелькнули искорки злораства.

— Но тогда ты действительно выдающаяся личность. — Казалось, Айла больше не в силах скрыть ликование. — Все же иногда лучше быть ординарным и незаметным! Что ты об этом думаешь?

— Не понимаю, о чем ты болтаешь.

— Верно, — согласился Вудивер. — Так и должно быть...

— Раз уж ты решил поговорить, может, расскажешь что-нибудь о гжиндрах?

— Что тут рассказывать? Это вечно грустные, несчастные создания, обреченные странствовать по поверхности, хотя они боятся открытых пространств. Ты никогда не задумывался, почему Пнумы, их Прислужники, фунги и гжиндры носят шляпы с широкими полями?

— Наверное, так у них принято одеваться.
— Верно. Но причина иная: поля скрывают небо.
— Что же принуждает этих гжиндр стоять под солнцем, которое их так угнетает?

— Как все люди, — сказал Вудивер напыщенно, — они надеются, ждут, томятся...

— В каком смысле?

— В любом, прямом и переносном, — ответил толстяк. — Конечно, я не все знаю; люди — непостижимая загадка. Даже ты, Адам Рейш, сбиваешь меня с толку! Мучаешь меня с какой-то вздорной жестокостью; вложил мои деньги в сумасшедший проект. Ты упрямо игнорировал все протесты, все мольбы о пощаде! Почему? Я вновь и вновь спрашиваю себя: почему? Если бы это не было так нелепо, я в самом деле поверил бы, что ты человек с другой планеты.

— Ты все еще не сказал мне, чего хотят гжиндры, — прервал его Рейш.

Вудивер важно поднялся на ноги; цепь, свисающая с железного ошейника, качнулась и звякнула.

— С этим вопросом тебе лучше обратиться к ним самим.

Он подошел к столу и, бросив прощальный загадочный взгляд на Адама, занялся своими кружевами.

Глава 2

Рейша мучил страшный сон. Ему казалось, что он лежит на своей кушетке в старой конторе Вудивера. Комнату заливал странный желто-зеленый свет. Толстяк стоял в другом конце помещения, оживленно болтая с парой неподвижных мужчин в черных плащах и широкополых шляпах того же цвета. Рейш попытался шевельнуться, но мускулы не повиновались. Свет стал ярче, потом потускнел; Вудивера окружало фантастическое серебристо-голубое сияние. «Типичный ночной кошмар, когда испытываешь беспомощность и безнадежность», — подумал Рейш. Он отчаянно пытался проснуться, но от усилий лишь покрылся холодным потом.

Вудивер и гжиндры смотрели на него. На Айле по-прежнему был стальной ошейник, но цепь разорвали или расплавили в футе от шеи. Он выглядел самодовольным и беспечным, как в недавнем прошлом. Гжиндры не выказывали никаких эмоций, кроме пристального внимания. У них были узкие, длинные физиономии, правильные черты лица; кожа цвета слоновой кости сияла, словно шелк. У одного в пальцах зажат сложенный кусок ткани, другой прятал руки за спиной.

Неожиданно все заслонила туша Вудивера.

— Адам Рейш, Адам Рейш, где твой дом? — громко произнес он.

Рейш тщетно боролся с бессилием. Жуткий сон, такие не забываются.

— На планете Земля, — прохрипел Рейш. — Земля...

Лицо Вудивера расплылось и снова обрело четкие формы.

— Есть ли другие земляне на Тчаи?

— Да.

Гжиндра дернулся. Толстяк заговорил вновь:

— Где? Где они?

— Все люди земляне.

Вудивер отступил, скривив рот в отвращении.

— Ты родился на планете Земля?

— Да.

Айла Вудивер повернулся к гжиндрам и с триумфом указал на Рейша:

— Редчайший экземпляр, раритет!

— Мы берем его.

Гжиндра развернул кусок ткани, оказавшийся, к ужасу Рейша, большим мешком. Не церемонясь, он натянул его на ноги Рейша и постепенно «упаковал» всего, так что снаружи осталась лишь голова. Потом с удивительной легкостью взвалил мешок себе на спину, а его товарищ швырнул Вудиверу кошелек.

Сон словно начал таять; желто-зеленый свет рассеялся, как дым. Дверь вдруг распахнулась, ворвался Траз. Вудивер в ужасе отпрыгнул; юноша поднял катапульту и выстрелил негодяю прямо в лицо. Хлынула кровь — целый поток зеленой крови. Куда бы капли ни упали, они отсвечивали желтым... Сон оборвался. Рейш провалился в забытие...

Он проснулся, чувствуя, как ломит тело. Ноги сводило судорогой, в нос била гнусная вонь. Какое-то давление, движение... Протянув руку, он нащупал грубую ткань. От страха сдавило сердце: сон был явью, его в самом деле несли в мешке. Каким изобретательным оказался Вудивер! Адама охватило отчаяние. Толстяк договорился с гжиндрами; он устроил так, что Рейша усыпили, возможно накачав в комнату наркотический газ. И теперь создания уносили его непонятно куда и с неведомыми целями.

Какое-то время Адам лежал в мешке, оглушенный и потрясенный. Вудивер, даже посаженный на цепь, сумел повернуть свое черное дело! Рейш припомнил последние фрагменты «сна». Он видел, как из разорванного лица Вудивера хлестала желто-зеленая кровь. Что ж, он получил сполна за свою подлость...

Думать было трудно. Мешок раскачивался, Рейш ощущал ритмичные толчки. Его, очевидно, несли, подвесив на шест. По счастливой случайности Адам оказался в одежде: предыдущей ночью он бросился на постель не раздеваясь. Остался ли у него нож? Сумка с пояса исчезла, карманы куртки, похоже, пусты, и он не осмелился обшарить

их из опасения выдать себя. Гжиндры не должны обнаружить, что он пришел в сознание.

Адам прижался лицом к грубой ткани мешка, безуспешно пытаясь что-нибудь разглядеть. Ночь еще не кончилась. Путешествовали они, судя по всему, по пересеченной местности.

Проходили минуты, часы... Рейш был беспомощен, как дитя в угробе матери. Сколько странных событий происходило под покровом темноты на древней Тчаи! И вот новая трагедия, на сей раз он выступает в роли жертвы. Адам чувствовал себя униженным и дрожал от ярости. Как страшно он отомстит своим похитителям, если сможет до них добраться!

Гжиндры остановились и минуту стояли совершенно неподвижно. Затем мешок опустили на землю. Рейш напряг слух, но не услышал ни звука. Казалось, он остался один. Адам дотянулся до кармана, надеясь найти нож, какой-нибудь другой острый инструмент. Ничего! Он попробовал надорвать материал ногтями, но ткань была грубой и прочной.

Интуиция подсказала ему, что похитители вернулись. Он затих. Создания стояли рядом и, кажется, шептались.

Мешок подняли и понесли. Рейша прошиб пот. Что-то непременно должно произойти!

Мешок закачался. Он повис на веревке. Рейш почувствовал, что опускается все ниже, ниже... Казалось, это продлится вечно. Наконец мешок, дернувшись, остановился и закачался. Откуда-то изда- лека, сверху, донесся удар гонга: низкий унылый звук.

Адам забился, как плененный зверь. Его охватил приступ клаустрофобии, он пришел в иступление, задыхался, чувствовал, что еще немного — и он сойдет с ума. Всклиывая, со свистом втягивая воздух, он взял себя в руки. Снова обыскал карманы, все впустую — ни металла, ни какого-нибудь режущего предмета. Гонг служил сигналом для кого-то или чего-то. Рейш ощупал мешок, надеясь найти какую-нибудь дырку. Безуспешно. Ему нужен был металл, что-нибудь острое. Он обшарил себя с ног до головы. Ремень! С большим трудом снял его и, воспользовавшись острой булавкой пряжки, проковырял ткань, потом сделал разрез. Напрягая все силы, тянул и дергал и, разорвав мешок, просунул наружу плечи. Никогда в жизни не охватывало его такое ликование! Умри он в этот момент, пусть — по крайней мере, он победил проклятый мешок!

Но он мог добиться успеха и в другом. Рейш осмотрел неровные стены пещеры, едва освещенной бело-голубым светом нескольких ламп. Мешок почти касался пола; Рейш с содроганием вспомнил спуск и последний рывок. Он выбрался наружу и стоял, дрожа от усталости и сводивших ноги судорог. Прислушавшись к мертвой тишине подземелья, он уловил какой-то звук вдалеке. Кто-то или что-то двигалось сюда!

Своды пещеры сужались до ширины дымохода, веревка словно растворилась в непроглядной темноте. Где-то там, наверху, должен быть выход наружу — но сколько до него нужно добираться? Судя по тому, как долго его опускали, тут больше сотни футов.

Рейш осмотрел пещеру и прислушался; кто-то должен прийти на зов гонга! Затем взглянул на веревку. Другого способа вылезти отсюда нет. Быстро перебирая руками, он стал карабкаться вверх, выше и выше, цепляясь и подтягиваясь. Мешок и пещера затерялись внизу; Рейша окутала тьма.

Руки горели, мускулы ныли, но он добрался до конца веревки. Передохнув, Адам обнаружил, что она проходит через отверстие в металлической плите, покоящейся на двух тяжелых металлических балках. Плита была чем-то вроде люка, который нельзя открыть, пока Рейш висел на веревке... Силы его таяли. Он обернул веревку вокруг ног и протянул руку. Нашупал одну из балок, поддерживающих люк, шириной чуть больше фута. Минуту Рейш отдыхал, затем забросил ногу на балку и попытался рывком подтянуться. Какое-то мгновение ему казалось, что он упадет. С колотящимся сердцем он уцепился за балку, заполз на нее и распластался, обессилевший, тяжело дыша.

Прошла минута; веревка только сейчас перестала раскачиваться. Внизу замаячили четыре огонька. Рейш восстановил равновесие и нажал на металлическую плиту. Та была массивной и тяжелой, с таким же успехом он мог пытаться сдвинуть гору. Еще раз! Адам нажал изо всех сил: никакого результата. Четыре фигуры с лампами остановились прямо под ним. Рейш вжался в вертикальную секцию балки.

Четверо внизу сохраняли мрачное молчание, похожие на обитателей подводного мира. Они обнаружили, что мешок пуст. До Рейша донеслось приглушенное бормотание. Создания огляделись; огоньки мигали и колебались. Словно повинуясь какой-то мысленной команде, все одновременно посмотрели вверх. Адам вжался в балку и спрята лицо, выделявшееся бледным пятном в темноте. Лучи упали на люк, который был заперт, как теперь видел Рейш, четырьмя задвижками, открывающимися снаружи, и осветили ствол шахты. Создания внизу недоуменно переговаривались. В последний раз осмотрев пещеру и осветив шахту, они ушли туда, откуда появились, освещая по дороге стены туннеля.

Рейш затаился в темноте. Как все это похоже на сон! Но, увы, происходящее было страшной реальностью. Он в ловушке. Поднять плиту ему не по силам, а снаружи люк могут не открывать неделями. Немыслимо ждать тут, как летучая мышь. Наконец Адам принял решение. Он посмотрел вниз: мигающие огоньки удалились и почти не видны. Рейш соскользнул вниз по веревке и устремился за неизвестными. Им двигала лишь отчаянная надежда поймать одного из них и любой ценой заставить рассказать, как выбраться наружу. Вверху виднелся длинный ряд голубых матовых ламп, горевших слабым сереб-

ристым светом. Все же можно было различить дорогу, вьющуюся между каменными опорами, которые выступали то справа, то слева.

Он вскоре нагнал четверку, которая двигалась довольно медленно, нерешительно и испуганно проверяя туннель. Рейша вдруг охватил приступ бешеного возбуждения. Страх исчез, словно Адам стал неуязвим. Ему чисто по-детски захотелось поднять камешек и запустить им в темные фигуры... Истерика! Мысль немедленно отрезвила его. Если он хочет уцелеть, надо взять себя в руки.

Четверо двигались, встревоженно обсуждая что-то шепотом. Перебегая от одной тени к другой, Рейш подобрался так близко, как только можно, приготовившись к нападению, если кто-нибудь отстанет. Лишь однажды, мельком, он видел Пнума. Неизвестные впереди, насколько Рейш мог судить по их осанке и походке, казались людьми.

Туннель вывел в пещеру, отделанную с нарочитой небрежностью. Или это была утонченность, недоступная Рейшу? Так, уродливый выступ кварца служил своеобразным фоном для вгнездившихся в нем сияющих кристаллов пирита.

Это место, похоже, было перекрестком, откуда расходились в разные стороны еще три туннеля. Пространство в центре вымощено гладкими каменными плитами; свет, более яркий, чем в первой пещере, струился из сияющих тонких трубочек-нитей, протянувшихся наверху.

Еще один незнакомец стоял в стороне; как и другие, он закутался в плащ и широкополую черную шляпу. Рейш, распластавшись по стене, укрылся в тени, поближе к месту действия. Пятый тоже оказался человеком, Прислужником Пнумов; Адам разглядел продолговатое лицо, мрачное, бледное и унылое. Какое-то время Прислужник словно не замечал четверку, а они делали вид, что не видят его. Станный ритуал, и Рейш, на мгновение забыв о своих бедах, завороченно наблюдал за ним. Наконец все пятеро сошлись, избегая глядеть в лицо друг другу.

Послышалось приглушенное бормотание. Рейш напряг слух. Он уловил, что Прислужники Пнумов говорили на общераспространенном языке. Четверо, очевидно зрители, докладывали об обстоятельствах, сопутствовавших обнаружению пустого мешка. Пятый, какой-то надзиратель, едва заметными жестами выражал беспокойство. Похоже, сдержанность, ненавязчивость и умение объясняться намеками составляли основные черты подземных обитателей Тчаи и пронызывали все их существование.

Они пересекли зал и приблизились туда, где, вжавшись в стену пещеры, притаился Рейш. Группа остановилась в десяти футах от него. Теперь Адам слышал весь разговор.

— ...доставка. Это неизвестно; ничего не нашли, — говорил первый монотонно, но в голосе его явственно слышалось беспокойство.

Другой произнес:

— В туннеле никого не было. Если допустить, что оплошность совершили перед тем, как опустить мешок, это послужит необходимым объяснением.

— Неточность, — объявил надзиратель. — Мешок не опустили бы.

— Неточность допущена так или иначе. Туннель был безлюден.

— Он все еще здесь, — заявил первый. — Иного объяснения нет.

— Если только не проник через туннель в секретную штольню, известную ему.

Надзиратель выпрямился, прижав руки к бокам.

— Мне неизвестно о существовании такой штольни. Объяснение неубедительно. Вы должны провести новые, особо тщательные поиски; я попрошу сведения о возможности существования секретного прохода.

Смотрители туннелей медленно повернулись и двинулись вдоль пещеры; огоньки, обозначавшие их продвижение, плавно покачивались вверх и вниз, взад и вперед. Рейш напрягся: наступил критический момент. Повернувшись к стене, надзиратель непременно увидит Рейша, застывшего в восьми футах от него. В ином случае Адам временно избежит опасности. Имеет ли смысл сейчас напасть на него? Но четверо все еще неподалеку; вскрик, стон, шум схватки привлекли бы их внимание. Рейш сдержал себя.

Надзиратель повернул в сторону от Адама. Медленно ступая, он пересек пещеру и вошел в один из боковых туннелей. Рейш последовал за ним, перебегая от тени к тени на цыпочках. Он внимательно посмотрел вдоль прохода. Каждая стена представляла собой пласт пироксилита. Великолепные, сверкающие как бриллианты, ограненные кристаллы выступали то тут, то там, некоторые составляли до тридцати сантиметров в диаметре. Красновато-коричневые, черно-коричневые, зеленовато-черные камни были искусно отполированы, чтобы выявить всю их красоту. Огромные усилия затратили на отделку туннеля. За этими кристаллами очень удобно прятаться; Рейш бесшумно устремился вдогонку за удаляющейся фигурой, надеясь захватить Прислужника врасплох и пригрозить расправой: примитивный план, конечно, но сейчас ничего лучшего в голову не приходило... Надзиратель остановился, и Адам сразу прыгнул за выступ блестящих кристаллов оливкового цвета. Оглядев туннель, Прислужник Пнумов коснулся маленького камня, затем другого. Часть стены сдвинулась. Он зашел внутрь, проход закрылся. Никого. «Момент упущен», — горько подумал Рейш. Почему он медлил? Надо было наброситься на Прислужника, когда тот остановился.

Адам осмотрел туннель. Ни души. Он побежал вперед и через триста футов оказался на краю огромной шахты. Далеко внизу поблескивали мутные желтые огни и двигались какие-то объекты, разглядеть которые отсюда было невозможно.

Рейш вернулся к проходу, через который скрылся Прислужник Пнумов. Остановился, лихорадочно пытаясь придумать, что делать дальше. В его отчаянном положении любые попытки могли привести к гибели, но самое опасное — бездействовать. Адам коснулся кристаллов, как только что надзиратель. «Дверь» сдвинулась в сторону. Рейш отпрянул, готовый ко всему. Перед ним открылось просторное помещение, нечто вроде зала для совещаний, исходя из того, как оно обставлено: круглый стол посередине, вокруг — сиденья, у стены полки и шкафы.

Он шагнул через порог; «дверь» бесшумно встала на место. Светящиеся нити на потолке ярко освещали комнату: стены тщательно обтесаны и отполированы, чтобы выделить кристаллическую структуру скалы. Справа шел изгибающийся, отделанный белым коридор. Оттуда донеслись приглушенные звуки быстрых шагов. Рейш, у которого нервы были напряжены как у взломщика, в панике огляделся, куда бы спрятаться. Подбежал к стенному шкафу, распахнул дверцу, отодвинул в сторону висящие на вешалках черные плащи и втиснулся внутрь. От одежды исходил затхлый запах. Рейш съехлился и прикрыл дверцу.

Шло время. Мускулы живота начало сводить от напряжения. Надзиратель вернулся в комнату и замер, словно погруженный в глубокую задумчивость. Странная широкополая шляпа затеняла суровое невозмутимое лицо с правильными чертами. Рейш подумал о других людях на Тчан; все, оказавшиеся рабами или слугами других рас, постепенно менялись, все более походя на хозяев. Страшные в своей нелепости дирдирмены, звероподобные часчмены, вероломные и жадные «сверхцивилизованные» ванкхмены... Человеческая сущность всех, за исключением, пожалуй, Безупречных, осталась незатронутой. Прислужники Пнумов не претерпели видимых физических изменений, зато психика неузнаваемо преобразилась. Они казались невероятно чуждыми, непохожими на других представителей нашей расы.

Создание в комнате — Рейш не воспринимал его как человека — стояло неподвижно, не дрогнув ни одним мускулом. Расстояние не позволяло наброситься на него, внезапно выскочив из шкафа.

У Рейша затекло тело. Пришлось шевельнуться. Раздался шорох. Адам, покрывшись холодным потом, приблизил глаз к щели. Прислужник Пнумов не изменил положения, словно находился в трансе. «Ну, — мысленно приказал ему Рейш, — подойди ближе! Еще немного...» В голову пришла тревожная мысль: «А если создание безразлично к угрозе для собственной жизни?» Может, оно просто не способно испытывать страх? Проход вновь открылся, появился еще один Прислужник, очевидно, смотритель туннелей, которого Рейш уже видел. Оба подчеркнуто игнорировали друг друга. Вошедший заговорил тихо, словно размышлял вслух:

— Прибывший груз не найден. Коридоры и шахты тщательно проверены.

Надзиратель никак не отреагировал. Странный обряд молчания продолжился.

Смотритель заговорил снова:

— Он не мог пройти мимо нас незамеченным. Либо груз не доставили в надлежащем виде, либо он бежал через неизвестную нам шахту.

Надзиратель произнес:

— Информация принята к сведению. Контрольные посты должны быть установлены на равнине Зиад, Зуд-Дан-Зиад, на перекрестках Фестан-Шесть, Лал-Лил и у станции Вечность.

— Будет исполнено.

В помещение вошел Пнум, воспользовавшийся проходом, невидимым Рейшу. Прислужники словно не обратили на него внимания, даже не повернули головы. Адам завороченно разглядывал странное существо: первый увиденный им коренной обитатель Тчаи, если не считать мелькнувшей в тюрьме Перы фигуры. Ростом он был с человека и, закутанный в просторный плащ, казался тощим, даже хрупким. Черная шляпа затеняла глаза; лицо, по форме и цвету похожее на лошадиный череп, выглядело бесстрастным; крохотный, почти неразличимый рот окружала масса двигающихся, словно жующих что-то, выростов. Колени, в отличие от людей, сгибались назад, поэтому, когда создание шло, оно словно пятилось. Узкие босые ступни покрыты темно-красными и черными пятнами; три изогнутых когтистых отростка на ногах беспрерывно постукивали по полу. Так нервничающий человек барабанил бы пальцами по столу.

Надзиратель тихо заговорил, ни к кому не обращаясь:

— Прибыл лишь пустой мешок, груз отсутствует. Туннели и шахты тщательно обысканы; объект либо не был доставлен, либо бежал, воспользовавшись секретной шахтой класса семь или выше. Ситуация экстремальная.

Молчание. Потом донеслось хриплое, глухое бормотание Пнума:

— Доставка не подтверждена. Возможно бегство через засекреченные штольни выше класса десять; в тайны¹ этого уровня я не посвящен. Нам следует ходатайствовать о получении информации от Хранителя сектора².

Надзиратель попытался выяснить:

— Значит, объект представляет большую ценность?

Пнум раздраженно барабанил пальцами ног по полу.

— Он предназначен для Вечности: абориген существующей ныне планеты людей! Решено было, что он достоин стать экспонатом, и, следовательно, необходимо доставить его сюда.

¹ Т а й н ы — примерный перевод понятия, обозначающего совокупность знаний, которыми обладают персоны высокого ранга. В обществе Пнумов слово «тайны» имеет несколько значений.

² Х р а н и т е л ь с е к т о р а — титул в Тчаи; обозначает, кроме высокого поста и статуса, обладание особыми знаниями и тайнами.

Рейш, скорчившийся в шкафу, удивился, почему это решение так долго откладывалось. Он переменял позу, изо всех сил стараясь не выдать себя. Когда он снова приложил глаз к щели, Пнум уже удалился. Смотритель туннелей и надзиратель стояли, игнорируя друг друга.

Время от времени Прислужники заговаривали шепотом, старательно отворачиваясь от собеседника. Рейш разобрал несколько фраз: «...Существование планеты людей; неизвестно...», «...Варвары, обитающие на поверхности, безумные, как гжиндры...», «...Ценный объект. Непостижимо...».

Пнум появился снова, на сей раз в сопровождении своего соплеменника, высокого и худого, ступающего мягко, как лиса. В «руках» второй сжимал прямоугольный футляр. Он осторожно поставил неизвестный предмет на скамью в метре от Рейша; затем, казалось, погрузился в свои мысли, отрешившись от всего, что его окружало. Прошла минута. Смотритель туннелей, Прислужник с самым низким статусом, заговорил первым:

— Когда о грузе сообщают с помощью гонга, он обычно тяжел. Пустой мешок сразу вызывает подозрения. Доставка явно не осуществлена или объект нашел доступ к штольне выше десятого класса.

Хранитель сектора отвернулся, широко раскинув полы черного плаща, и коснулся замка кожаного футляра. Оба Прислужника и первый Пнум углубились в созерцание кристаллов.

Открыв футляр, Хранитель вытащил обтянутую мягкой синей кожей папку. Благоговейно, словно священнодействуя, раскрыл ее, осторожно перевернул несколько страниц, изучая лабиринт цветных линий. Закрыв папку и поместил ее в футляр. После секундного размышления заговорил, причем так тихо, что Рейш с трудом разобрал слова.

— Древняя штольня класса четырнадцать существует. Она тянется девятьсот ярдов на север и входит в Йха Ну.

Прислужники молчали. Заговорил первый Пнум:

— Если объект вошел в Йха Ну, он может пересечь галерею, спуститься по Ома-Пять в Верхний большой боковой ход и таким образом достичь гхиана¹.

Хранитель произнес:

— Все при условии, что объект посвящен в тайны. Если мы решим, что он воспользовался штольней класса четырнадцать, тогда можно принять и остальное. Как именно наши секреты раскрыли — если это действительно случилось, — не ясно.

¹ Г х и а н — необжитое пространство, открытое ветру и дождю. В языке Пнумов имеет дополнительные значения: поверхность Тчай, угнетающая пустота, заброшенность.

— Я в растерянности, — пробормотал смотритель туннелей.

Надзиратель сказал:

— Если уж гхаун¹ знает секреты четырнадцатого класса, как их убежать от Дирдиров?

Пальцы ног Пнумов судорожно выгнулись и забарабанили по каменному полу.

— Обстоятельства еще не ясны, — заметил Хранитель. — Изучение штольни даст нам более точную информацию.

Смотритель, как представитель низкого статуса, первым покинул комнату. Надзиратель, явно углубленный в размышления, скользнул за ним. Два Пнума стояли, напряженно застыв, как пара насекомых. Наконец первый вышел, мягко ступая по полу. Хранитель остался. Рейш никак не мог решить, следует ли высочить и попытаться одолеть Хранителя, и в конце концов счел за лучшее не рисковать. Если Пнумы так же фантастически сильны, как фунги, Адаму придется плохо. А уступит ли Пнум нажиму? Рейш вовсе не был уверен в этом, скорее наоборот.

Хранитель поднял футляр и осмотрел всю комнату. Прислушался. Двигаясь с неожиданной резвостью, отнес футляр к стене. Рейш, затаив дыхание, наблюдал. Хранитель вытянул ногу и осторожно коснулся пальцами трех небольших выступов в скале. Открылась ниша, в которую он и поместил футляр. Камень скользнул на место, проход стал незаметен. Хранитель последовал за остальными.

Глава 3

Комната опустела. Рейш выбрался из шкафа, проковылял к стене. Ни трещинки, ни шва. Работу выполнили с точностью до микрона!

Адам наклонился, коснулся трех выступов. Каменная плита отодвинулась. Рейш вынул футляр. Поколебавшись секунду, открыл его и вытащил папку. Достал из шкафа коробку с маленькими темными бутылочками, примерно такого же веса, как папка, засунул ее в футляр, положил его на место. Закрыв папку; стена снова представляла собой сплошной камень.

Он стоял в центре комнаты, сжимая драгоценную добычу. Теперь, если его не поймают, если удастся расшифровать письма Пнумов — тшечная надежда! — он сможет найти выход на поверхность.

Он позаймствовал плащ и шляпу. Она оказалась немного маловата, но в конце концов удалось натянуть ее на голову. Принятая у Прислужников Пнумов манера поведения сослужит ему хорошую службу; он станет самым благовоспитанным, то есть незаметным и

¹ Г х а у н — обитатель гхиана, не покидающий поверхность.

неразговорчивым, из них! Теперь надо убраться подальше отсюда, найти какой-нибудь спокойный уголок, где он сможет изучить папку на досуге. Адам засунул ее под куртку и отправился вперед по отделанному белым туннелю, семеня ногами, как это делали Прислужники Пнумов.

Кажущийся бесконечным путь вывел наконец Рейша на некое подобие балкона, с которого открывался вид на длинное помещение, откуда доносилось бормотание, шарканье ног. Стоящие длинными рядами дети внимательно смотрели на преподавателя. На стене развешаны таблицы, покрытые непонятными символами, схемы. Это была школа.

Стоя в тени, Рейш мог наблюдать за происходящим, не опасаясь, что его обнаружат. Школьников разделяли на три группы, в каждой человек по двадцать. Подобно взрослым, девочки и мальчики носили черные плащи и плоские шляпы. Детские лица казались измученными и напряженными, на них застыло комично-серьезное выражение. Никаких разговоров, перешептываний. Уставившись перед собой, они торжественно маршировали. За ними следили три женщины неопределенного возраста, закутанные в плащи и отличающиеся от мужчин-Прислужников только меньшим ростом и более мягкими чертами лица.

Дети повторяли упражнения снова и снова, тишина нарушалась только шарканьем ног. Осмотревшись, Адам пошел налево. Сводчатый туннель вывел его на другой балкон, нависающий над просторным залом. Все помещение занимали столы и скамейки. Очевидно, столовая. Сейчас здесь были лишь двое. Прислужники низко согнулись над мисками с кашей, сидя на солидном расстоянии друг от друга. Рейш почувствовал, что проголодался.

Раздалось знакомое шарканье. Вдоль балкона шли двое Прислужников. Сердце Рейша так бешено заколотилось, что он испугался, как бы не выдать себя. Опустил голову, сгорбился и двинулся вперед семенящей походкой. Двое прошли мимо, отведя взгляд, погруженные в свои мысли.

Успокоившись, Адам продолжил путь. Вскоре туннель стал шире и наконец превратился в просторный полукруглый перекресток, где встречались три прохода. Винтовая лестница, вырубленная в серой скале, вела на нижний уровень.

Одинаковые, плохо освещенные туннели таили в себе неведомую угрозу. Адам с трудом сдержал панику. Папка со схемами, решил он, вряд ли поможет. Нужно найти проводника. И, кстати, перекусить. Крадучись, Рейш подобрался к лестнице и после секунды колебаний стал спускаться. Каждый шаг болью отдавался в сердце — он все больше удалялся от поверхности! Наконец беглец оказался в небольшом помещении возле столовой. За дверью была кухня. Рейш осторожно заглянул туда. Несколько Прислужников работали за разделочными

столами, вероятно, готовили пищу детям, изнуряющим себя упражнениями.

Желудок сжался от голода, но Адам повернулся и зашагал по боковому проходу, освещенному всего несколькими светящимися нитями, змеящимися по высокому потолку. Через тридцать метров пришлось повернуть: неожиданно дорога оборвалась. Впереди зияла пропасть. Снизу доносился звук бегущей воды: скорее всего, сюда сбрасывали мусор. Что делать? Подумав, Рейш решил вернуться. Оказавшись снова рядом со столовой, он обнаружил маленькую кладовку, заполненную мешками, кулями и коробками. Еда! Адам заколебался: наверное, сюда часто наведывались повара. И тут из школы вышли ученики. Они шагали гуськом, уныло опустив глаза. Пришлось повернуть в кладовку: дети распознали бы чужака гораздо быстрее, чем взрослые. Он забился в самый дальний угол, спрятавшись за грудой коробок: не самое надежное место, но лучшего убежища не найти. Даже если сюда кто-то войдет, его могут не заметить. Адам позволил себе немного расслабиться, вытащил папку и раскрыл синюю кожаную обложку. Страницы были из прекрасного, мягкого пергамента; карта нарисована с необычайной аккуратностью черными, красными, коричневыми, зелеными и светло-голубыми чернилами. Но причудливый лабиринт линий ничего не говорил Рейшу, а текст составлен на неведомом языке. Вздохнув, он закрыл папку и сунул ее под куртку.

Тем временем каждый ребенок взял с раздаточных столов миску и понес в столовую.

Рейш наблюдал на неторопливым ритуалом принятия пищи сквозь щель между коробками, все больше страдая от голода и жажды. Он обследовал содержимое одной из коробок и нашел пластины прессованных стручков травы паломников. Что ж, питательно, хотя и не особо аппетитно... Рядом лежали тюбики черной жирной пасты, прогорклой и острой на вкус: явно приправа. Рейш снова взглянул сквозь щель. Последний ребенок чинно уносил свою миску. Помещение обезлюдело, но на раздаточных столах осталось полдюжины мисок и столько же флажков. Рейш, не раздумывая, вышел из кладовки. Опустив плечи, спрятав лицо, он взял еду и питье и постепенно вернулся в своё укрытие. В миске оказалась каша из стручков травы паломников, сваренная с напоминающими изюм комочками, ломтиками светлого мяса, двумя стебельками овощей, похожих на сельдерей. Фляжка содержала пинту шипучего пива с приятным вяжущим привкусом. К ней был прикреплен пакетик с шестью круглыми вафлями, которые Рейшу не понравились. Он съел кашу, выпил пиво и похвалил себя за проявленную решительность.

К раздаточному столу подошли шестеро Прислужников постарше, бесстрастные и мрачно-сосредоточенные, как все остальные. Адам не сразу разглядел, что это девушки. Одна за другой они подходили к сто-

ду за едой. Последняя обнаружила, что для нее ничего не осталось, и в недоумении застыла. Рейш виновато наблюдал за этой немой сценой. Ведь он украл ее ужин! Девушки зашли в столовую, оставив свою подругу у раздаточного стола.

Прошло пять минут; она не произнесла ни слова, стоя молча, не отрывая глаз от пола. Наконец кто-то поставил перед ней миску и фляжку. Девушка взяла еду и медленно пошла вслед за остальными.

Беглеца вновь охватила тревога. Он решил подняться по лестнице, выбрать какой-нибудь туннель, попытаться поймать Прислужника, знакомого со схемой, и под угрозой смерти заставить вывести его отсюда. Рейш поднялся было, но тут дети стали выходить из столовой, и он вновь скорчился за коробками. Маленькие Прислужники стройными рядами маршировали в школу. Наконец они прошли. Адам высунул голову и сразу же спрятался: теперь нехитрую трапезу закончили девушки. Пять юных созданий, семенящих мимо, казались одинаковыми и бездушными как манекены: стройные, с кожей бледной и тонкой, как бумага, выгнутыми дугой иссиня-черными бровями, правильными, хотя и немного заостренными, чертами лица. На них были обычные черные плащи и шляпы, подчеркивающие неземную хрупкость и кажущуюся эфемерность этих заблудших дочерей Земли. Но хотя они и выглядели деталями, собранными на конвейере, каждая наверняка чувствовала себя самостоятельной личностью, обладала неуловимыми для Адама особенностями.

Раздаточная опустела. Рейш вышел и быстрыми широкими шагами направился к лестнице. И вовремя: из кухни появился один из поваров и двинулся к кладовке. Задержись беглец еще хоть на секунду, его бы непременно обнаружили. С бешено колотящимся сердцем он стал подниматься по ступенькам. И вдруг замер на месте. Сверху донесся тихий шелест шагов. Рейш не двигался, задержал дыхание... Звуки стали громче. Показались красно-черные ноги, затем заколыхались полы плаща. Пнум! Рейш отпрянул и в нерешительности остановился у подножия лестницы. Куда спрятаться? Он огляделся. В кладовке повар накладывал стручки травы паломников в мешок. В школе занимались дети. Оставалось одно. Адам сгорбил-ся и медленно зашел в столовую. За средним столом сидела девушка, ужин которой он съел. Рейш занял самое незаметное место и сидел, взмокший от напряжения. Вряд ли он сможет долго обманывать здешних обитателей: один-единственный кристальный взгляд, и его тайна будет раскрыта.

Они сидели, не произнося ни слова. Девушка не торопилась отправить в рот вафли, желая, очевидно, продлить удовольствие. Наконец она завершила ужин, поднялась и направилась к выходу. Адам наклонил голову, чтобы не выдать себя, — слишком резкое, нехарактерное для Прислужника движение. Она сразу испуганно обернулась. Даже сейчас привычка едва не взяла верх; девушка не смотрела в лицо, ста-

раясь не встретиться с незнакомцем взглядом. Но увиденного оказалось достаточно, чтобы все понять. На мгновение она застыла, недоверие сменилось страхом, затем испустила сдавленный крик ужаса и бросилась бежать. Рейш быстро настиг ее, зажал рот рукой и прижал к стене.

— Тихо! — прошептал он. — Не шуми! Понимаешь?

В ее взгляде смешались изумление и ужас. Рейш встряхнул ее.

— Ни звука! Понимаешь? Если да, кивни!

Она сумела преодолеть ступор и судорожно наклонила голову. Рейш убрал руку.

— Слушай! — прошептал он. — Слушай внимательно! Меня похитили с поверхности и опустили сюда. Я сбежал и теперь хочу вернуться к себе. Слышишь меня? — Никакой реакции. — Ты поняла, что я сказал? Отвечай! — Он снова взял ее за тонкие плечи, тряхнул.

— Да.

— Ты знаешь, как выбраться наверх?

Она отвела взгляд и уставилась на пол. Рейш посмотрел в сторону раздаточной: если кто-нибудь из поваров случайно заглянет в столовую, все пропало. А Пнум, который спускался по лестнице только что, — куда он делся? Балкон! Он забыл про балкон! Охваченный внезапным страхом, Адам обшарил глазами темный каменный выступ наверху. Оттуда за ними никто не наблюдал. Но здесь нельзя больше оставаться.

— Пошли. И помни, ни звука! Или тебе будет больно!

Он схватил Прислужницу за руку и потащил к выходу. Раздаточная была пуста. Из кухни доносились звуки толкушки и кланье металла. Пнум как сквозь землю провалился.

— Вверх по лестнице, — повелительно прошептал Адам.

Девушка протестующе вскрикнула. Рейш торопливо зажал ей рот рукой и потащил по лестнице.

— Наверх! Выполняй, что тебе говорят, а не то придется плохо!

— Уходи, — произнесла она тихим, но неожиданно твердым голосом.

— С удовольствием, — прошептал Рейш горячо. — Не знаю только как.

— Я не могу тебе помочь.

— Придется. Наверх! Быстрее!

Внезапно девушка повернулась и бросилась вверх по лестнице. Она словно летела вперед. Рейш был застигнут врасплох. Он бросился в погоню, но Прислужница опередила его и устремилась в один из туннелей. И беглянкой, и ее преследователем двигало отчаяние; через пятьдесят шагов Адам ухитрился догнать ее и быстро огляделся. Слава Богу, никого!

— Ты что, хочешь умереть? — прошипел он ей на ухо.

— Нет!

— Тогда делай только то, что я тебе велю, или пеняй на себя! — прорычал Рейш.

Он надеялся, что угроза убедила ее; и в самом деле, лицо девушки сразу осунулось и побледнело, глаза от страха расширились. Несколько раз она тщетно пыталась выдать из себя хоть слово. Наконец просипела:

— Что я должна сделать?

— Во-первых, отведи меня в тихое место, куда никто не заглядывает.

Опустив плечи, она покорно повернулась и пошла по туннелю. Рейш подозрительно осведомился:

— Куда ты меня ведешь?

— К месту для наказаний.

Через секунду-другую она повернула в боковой туннель, который вскоре вывел их в круглую комнату. Девушка подошла к двум черным кремневым кабошонам. Оглянувшись, как ведьма из сказки, она нажала на них. Открылся проход в какое-то неосвещенное помещение; девушка шагнула внутрь. Рейш следом. Она коснулась выключателя, на световой панели загорелся бледный свет.

Они стояли на выступе у края пропасти. Шаткий поворотный кран с железными лапами, словно насекомое, завис над погруженной в первозданную мглу бездной. С конца его свисал канат.

Рейш посмотрел на девушку, она молча взглянула на своего мучителя. На ее лице застыли страх и угрюмое безразличие. Держась за кран, Адам осторожно склонился над пропастью. Кожу сразу обдал холодный воздух, и он отвернулся. Девушка стояла неподвижно. Рейш подумал, что внезапный поворот событий привел ее в состояние шока. Тесная шляпа больно сжимала ему голову, он сорвал ее. Девушка отпрыгнула к стене.

— Почему ты снял головной убор? Какой стыд!

— Шляпа мне мала, — ответил Рейш.

Девушка смотрела мимо него. Спросила приглушенным голосом:

— Что я должна сделать?

— Доставить меня на поверхность как можно быстрее.

Она не ответила. Услышала ли его Прислужница? Он попытался заглянуть ей в лицо; она отвернулась. Рейш сорвал с нее шляпу. Странное, бледное лицо призрака; бескровные губы дрожат от страха. Девушка оказалась старше, чем можно было предположить, судя по ее худосочному телу подростка, хотя возраст определить трудно. Черты неестественно белого, мрачно-угрюмого лица настолько правильны, что, казалось, принадлежали роботу, лишенному индивидуальности; спутанные, коротко подстриженные иссиня-черные волосы плотно облегли череп. Девушка выглядела анемичной неврастеничкой. Робот и живой человек, бесполое существо и женщина одновременно...

— Зачем ты это сделал? — шепнула она, вся дрожа.
— Просто так. Из любопытства, наверное.
— Непозволительное бесстыдство, — пробормотала она и прижала ладони к впалым щекам. Рейш пожал плечами, безразличный к подобным проявлениям стыдливости.

— Я хочу, чтобы ты вывела меня на поверхность.

— Не могу.

— Почему же?

Она не ответила.

— Разве ты не боишься меня? — спросил Рейш мягко.

— Меньше, чем ямы.

— Она рядом и готова принять тебя.

Она испуганно взглянула на него.

— Неужели ты бросишь меня в яму?..

— Я беглец. Мне нужно добраться до поверхности любой ценой, — свирепо произнес он, стараясь напугать девушку.

— Я не осмеливаюсь помочь тебе. — Ее голос звучал тихо и невыразительно. — Зужма кастчай¹ страшно накажут меня. — Она взглянула на кран. — Тьма ужасна; мы все боимся ее. Иногда веревку обрезают, и наказанный исчезает навсегда. Его поглощает великая тьма.

Рейш озадаченно молчал. Девушка восприняла это как немую угрозу и сказала покорно:

— Даже если бы я захотела помочь тебе, как бы я сумела? Мне известен только путь к выходу «Голубой Подъем», куда меня не пустят. Правда, — добавила она, подумав, — я могу объявить себя гжиндрой. Тебя, конечно, схватят.

План Адама рушился, не успев как следует созреть.

— Тогда отведи меня к какому-нибудь другому выходу.

— Больше я не знаю ни одного. Такие тайны недоступны моему уровню посвящения.

— Подойди-ка сюда, к свету, — приказал Рейш. — Взгляни на это. — Он вытащил папку, открыл, сунул ей под нос. — Покажи, где мы сейчас находимся.

Девушка бросила на нее взгляд, сразу вскрикнула и задрожала.

— Что это?

— Я позаимствовал папку у Пнума.

— Великие Карты! Мне конец! Меня бросят в яму!

— Не надо усложнять такое простое дело, — успокаивающе сказал Рейш. — Взгляни на карту, найди кратчайший путь на поверхность и выведи меня наружу. Потом делай что хочешь. Никто ничего не узнает.

¹ З у ж м а к а с т ч а и — сокращенная фраза, в полном виде переводится как «древний народ, плод союза черных скал и матери-земли».

Девушка окинула его диким взглядом. Рейш потряс ее за худые плечи.

— Что с тобой?

Она пробормотала бесцветным голосом:

— Я увидела тайны.

Адам был не в настроении сочувствовать несчастью подобного рода.

— Прекрасно; ты увидела карты. Сделанного не вернешь. Теперь посмотри еще раз и найди дорогу на поверхность!

Странное выражение появилось на худощавом измученном лице. Рейш задумался. Уж не сошла ли она с ума от пережитого потрясения? Какая насмешка судьбы! Из всех Прислужников, шныряющих по туннелям, он выбрал какую-то неуравновешенную девицу... Она смотрела на него испытующе, впервые глядя прямо в лицо.

— Ты гхаун?

— Да, я живу на поверхности.

— И как там? Ужасно?

— Наверху? В общем, неплохо.

— Мне теперь придется стать гжиндрой.

— Все-таки лучше, чем жить здесь в темноте.

Девушка произнесла монотонно, как автомат:

— Мне придется выйти на гхиан.

— Чем скорее, тем лучше, — заметил Рейш. — Взгляни на карту еще раз. Покажи, где мы.

— Не могу смотреть, — простонала девушка. — Я не смею!

— Прекрати! — оборвал ее Рейш. — Это всего-навсего папка со схемами...

— Всего-навсего папка! В ней тайны двадцатого класса! Мой мозг их не вместит!

Хотя голос Прислужницы был по-прежнему тихим и монотонным, у нее явно начиналась истерика.

— Чтобы стать гжиндрой, ты должна выбраться на поверхность. Чтобы достичь поверхности, мы должны найти выход. Чем больше он засекречен, тем лучше. Нам повезло. У нас в руках все тайные схемы! Она успокоилась и даже осмелилась бросить взгляд на схемы.

— Как тебе удалось ее достать?

— Взял у Пнума. — Он подтолкнул папку к ней. — Ты распознаешь эти символы?

— Меня учили читать.

Очень осторожно она склонилась над папкой, но тут же передумала и в страхе отшатнулась.

Рейш набрался терпения.

— Ты никогда не видела карт раньше?

— Я принадлежу к четвертому уровню посвящения, знаю тайны своего класса и видела карты, доступные мне. Но это двадцатый класс!

— Однако ты можешь разобраться в ней?

— Да, — выдавила она с явным отвращением. — Но я не смею. Только гхауну могло прийти в голову похитить и изучить столь могущественный документ... — Ее голос упал до шепота. — Не говоря уж о том, чтобы украсть его...

— Что будет, когда Пнумы обнаружат пропажу?

Девушка взглянула в сторону страшной пропасти-ямы.

— Тьма, тьма, тьма... Я вечно буду падать во тьму!

Рейш начал терять терпение. Девушка могла думать лишь о грядущем наказании. Он направил ее внимание на карту.

— Что означают разные цвета?

— Уровни и высоты.

— А эти символы?

— Двери, порталы, секретные проходы. Потайные двери. Станции связи. Подъемы, выходы, посты наблюдений.

— Покажи, где мы сейчас.

Она нехотя прищурилась.

— Другая страница. Ты пропустил. Теперь листай. Дальше, дальше... Вот она! — Девушка указала пальцем, осторожно держа его, чтобы не коснуться схемы. — Черная метка — яма. Розовая линия — выступ над ней.

— Покажи мне кратчайший путь на поверхность.

— Это будет... Сейчас посмотрим...

Рейш задумчиво улыбнулся: как только удалось отвлечь девушку от обрушившихся на нее несчастий, она сразу стала стараться помочь и даже забыла про сорванную шляпу и бесстыдно открытое лицо.

— Выход «Голубой Подъем» здесь. Чтобы попасть к нему, надо пройти по этому боковому туннелю, затем подняться по светло-оранжевому пандусу. Но там много служащих и административный ход. Тебя обязательно схватят, да и меня тоже, ведь я видела тайны!

Рейш почувствовал угрызения совести, но подавил чувство вины. Несчастье, случившееся с ним, подобно заразной болезни, испортило жизнь и ей. Возможно, девушка думала сейчас то же самое. Она бросила на него быстрый взгляд.

— Как ты попал сюда с гхиана?

— Гжиндры спустили меня в мешке. Я выбрался из него до того, как пришли твои собратья. Надеюсь, они решили, что гжиндры опустили пустой мешок.

— После того как обнаружили, что одна из Великих Карт пропала? Ни один в Убежище не прикоснулся бы к ней! Нет! Зужма кастчай не успокоится, пока нас обоих не постигнет страшная кара!

— Тем важнее для меня унести отсюда ноги.

— Для меня тоже, — заметила девушка с бесхитростной простотой. — Не хочу, чтобы меня поглотила вечная тьма.

Рейш молча наблюдал за ней. Удивительно, но Прислужница вовсе не держит на него зла, воспринимает не как живое существо, а как стихийное бедствие — слепую силу, с которой бесполезно спорить или бороться. В ее поведении произошли едва уловимые перемены: она уже не так осторожно обращалась с картой. Секунду подумав, девушка указала на светло-коричневый знак, напоминающий букву «У».

— Вот здесь выход к Базальтовым Столбам, где торгуют с гхаунами. Я никогда так далеко не заходила.

— Можем мы выйти там?

— Нет, конечно! Зужма кастчай бдитительно охраняют это место от проникновения Дирдиров.

Рейш указал на другие подобные символы.

— А это тоже выходы на поверхность?

— Но если они знают, что ты бродишь по Убежищу, то заблокируют вот эти проходы, — она торопливо показала их на карте, — и все выходы здесь тоже будут закрыты, как и в секции Икс.

— Тогда мы должны перейти в другие секторы.

Девушка вздрогнула, словно ее ударили током.

— Я не знаю ничего о таких местах.

— Посмотри по карте.

Она подчинилась его приказу, почти касаясь пальцем переплетения цветных линий, но все еще не осмеливаясь дотронуться до «священной» схемы.

— Вот здесь секретный путь класса восемнадцать. Он отходит от туннеля чуть дальше, идет до «Параллели Двенадцать» и сокращает дорогу вдвое. Затем мы можем дойти по любому из этих переходов до грузовых доков.

Рейш поднялся, надвинул шляпу на лоб.

— Похож я на Прислужника Пнумов?

Она быстро оглядела его.

— У тебя странное лицо. Кожа темная от пребывания на гхиано. Возьми немного пыли и натрись.

Адам последовал ее совету; Прислужница безучастно наблюдала за ним. Интересно, о чем она сейчас думает? Девушка удивительно легко объявила себя отверженной, гжиндрой, не испытывая при этом никаких эмоций. Или тут кроется какая-то хитрость? Хочет предать его? Впрочем, он не вправе обвинять ее. Ведь похищенная вовсе не должна хранить ему верность и соблюдать интересы своего мучителя — скорее, наоборот. Как же ему удержать девушку под контролем, когда они тронутся в путь по бесконечным туннелям? Пока он размышлял, внимательно изучая пленницу, она начала волноваться.

— Почему ты на меня так смотришь?

Рейш протянул ей голубую папку.

— Спрячь под плащ, чтобы ее не увидели.

Девушка с ужасом отшатнулась.

— Нет!

— Придется.

— Я не смею. Зужма кастчан...

— Спрячь карты под плащом, — сказал Рейш ровным голосом. — Я дошел до предела и не остановлюсь ни перед чем, чтобы выбраться на поверхность.

Дрожащие от волнения тонкие руки приняли драгоценную папку. Отвернувшись, настороженно оглядываясь на Рейша, девушка засунула папку под плащ.

— Пойдем быстрее, — простонала она. — Будь что будет! Никогда не думала, что придется стать гжиндрой!

Она открыла портал и заглянула внутрь.

— Путь свободен. Помни, идти надо медленно, держаться прямо. Мы должны миновать перекресток Фер, а там всегда работают люди. Зужма кастчан ходят повсюду; если мы встретим одного из них, отступи в тень или повернись лицом к стене; это знак уважения. Не делай резких движений, не размахивай руками.

Она зашла в полукруглое помещение и двинулась по туннелю. Рейш последовал за ней, отставая на несколько шагов, старательно копируя ее походку. Он заставил девушку нести карты, но все равно был у нее в руках. Она могла с воплями кинуться к первому встречному Прислужнику, надеясь на милость Пнумов... Непредсказуемая ситуация!

Они прошли примерно милю, поднялись по пандусу, потом спустились и вышли в главную штольню. Через каждые двадцать футов в скале были прорублены узкие проходы; возле каждого стояла рифленая тумба с отполированной до блеска верхушкой. Непонятно, для чего они предназначались... Проход расширился, и они вышли на перекресток Фер, огромный шестиугольный зал с дюжиной сверкающих отполированных мраморных колонн, поддерживающих потолок. В слабо освещенных нишах по краям сидели Прислужники Пнумов, что-то записывая в некое подобие гроссбухов; время от времени они вели беспредметные переговоры со своими коллегами, подходящими сюда.

Девушка отошла в сторону и замерла. Адам сделал то же самое. Она посмотрела на него, затем бросила задумчивый взгляд на Прислужника в центре зала, высокого изможденного мужчину, с почти комичной сосредоточенностью следящего за порядком в огромном помещении. Что она задумала? Рейш отступил в тень и не отрывал глаз от девушки. Лицо ее оставалось невыразительным, но душу наверняка терзали сомнения. Сейчас его жизнь зависела от того, какую беду она сочтет наименьшей: мрак бездонной пропасти или ненавистное янтарно-коричневое небо и землю, открытую всем ветрам...

Наконец она медленно подошла к Адаму и встала рядом с ним. Что ж, она сделала свой выбор, по крайней мере на ближайшее будущее.

— Вон тот высокий служитель — Всеслышащий Надзиратель¹. Видишь, как бдительно он за всем наблюдает? Ничто не ускользнет от него.

Какое-то время Рейш стоял, рассматривая невозмутимо-важного чиновника; надежда пройти мимо него незамеченным таяла с каждой секундой.

— Ты знаешь другой путь к грузовым докам? — тихо спросил он.

Прислужница задумалась. Решившись на побег, она стала более сосредоточенной, словно опасность отрезвила ее, отвлекла от рутинной прежней жизни.

— Другой путь проходит по рабочим ангарам, — сказала она с сомнением. — Он длиннее, и там есть свои Всеслышащие.

— Да. — Рейш повернулся и стал следить за Надзирателем перекрестка Фер. — Знаешь, — сказал он несколько минут спустя, — он постоянно поворачивается то в одну, то в другую сторону. Когда он станет к нам спиной, мы переберемся к следующей колонне.

И тут Надзиратель отвернулся. Рейш неспешно подошел к ближайшей мраморной колонне. Девушка медленно последовала за ним, словно еще не решила окончательно, что делать.

Рейш не мог выглянуть из-за колонны, не рискуя привлечь внимание бдительного чиновника.

— Скажи, когда он снова отвернется, — пробормотал он девушке.

— Вот сейчас!

Адам скользнул к следующей колонне и, используя вереницу медленно семенящих Прислужников как прикрытие, перебрался дальше. Надзиратель неожиданно резко обернулся; Рейш еле успел спрятаться. Смертельно опасная игра в прятки! Из бокового прохода в зал вошел Пнум, мягко шагая на сгибающихся назад ногах.

Девушка еле слышно прошипела:

— Безмолвный Куратор... Будь осторожен!

Она плавно отошла: голова опущена, словно бы в задумчивости. Пнум замер совсем близко от Рейша, стоявшего к нему спиной. Всего несколько шагов до северного туннеля! Адам передернул плечами. Он не мог больше выносить неподвижности! Осознав, что взгляды всех в зале устремились на него, он перестал прятаться и прошел по открытому пространству. Каждую секунду беглец ожидал услышать яростный крик, топот Прислужников, спешащих схватить чужака. Тишина казалась невыносимой, но невероятным усилием воли он сдерживал желание оглянуться. Добрался до начала туннеля, ос-

¹ Всеслышащий Надзиратель — приблизительный перевод словосочетания «гол'эсзитра», представляющего сокращенный вариант термина. В полном виде переводится как «высокомудрый служитель, чутко улавливающий грубые нарушения дисциплины».

торожно повернул голову и встретился взглядом с Пнумом! С бешено колотящимся сердцем Рейш медленно отвернулся и пошел дальше. Девушка шла впереди. Адам тихо окликнул ее:

— Отправляйся бегом; найди проход восемнадцатого класса.

Она испуганно обернулась:

— Куратор прямо за нами! Я не могу бежать; он сочтет это предосудительным поведением.

— Не думай о приличиях, — прошипел Рейш. — Найди проход! Скорее!

Она пошла быстрее, Адам следовал за ней. Через пятьдесят шагов он рискнул оглянуться. Никого.

Туннель разветвлялся. Девушка резко остановилась.

— По-моему, нужно идти налево, но точно сказать не могу.

— Посмотри по карте.

Она повернулась спиной, всем своим видом выражая неудовольствие, вытащила папку из-под плаща. Но так и не смогла раскрыть ее и отдала Рейшу, словно та жгла ей руки. Он переворачивал страницы, пока девушка не сказала:

— Стой.

Пока она изучала переплетение цветных линий, Рейш не спускал глаз с туннеля. Далеко позади, у перекрестка Фер, появилась черная тень. «Скорее, скорее!» — мысленно приказал он девушке.

— Налево, затем у метки два-один-два, голубая плитка. Тип двадцать четыре — мне надо посмотреть описание. Вот оно: чтобы открыть, нажать на четыре точки. Три-один-четыре-два...

— Быстрее, — процедил Рейш сквозь зубы. Она испуганно повернулась.

— Зужма кастчай!

Адам засеменял, пытаясь имитировать походку Прислужников. Пнум следовал за ними мягкими, неслышными шагами, но, казалось, без особой цели. Рейш обогнал девушку, которая торопливо считала номера отметок у основания стены.

— Семьдесят пять... восемьдесят... восемьдесят пять...

Оглянувшись, беглец оторопел: позади теперь маячили две черные фигуры. Откуда-то появился второй Пнум.

— Сто девяносто пять... двести... двести пять...

Голубая плитка оказалась всего в футах от пола. Девушка нашла нужные точки на стене, нажала на них; плита медленно отодвинулась, показался проход.

Девушка задрожала.

— Это класс восемнадцать. Я не должна входить!

— Безмолвный Куратор следует по пятам, — напомнил Рейш.

Она судорожно втянула в себя воздух и вошла. В узком и плохо освещенном проходе чувствовался затхлый дух, который Рейш связывал с присутствием Пнумов.

Проход за ними закрылся. Девушка отодвинула пластинку и прилипла к глазу на плите.

— Безмолвный Куратор приближается. Он подозревает, что имеет место предосудительное поведение, и хочет назначить наказание... О нет! Их двое! Он призвал Хранителя!

Она замерла.

— Что они делают? — нетерпеливо спросил Адам.

— Осматривают туннель. Удивляются, куда мы пропали.

— Пойдем, — сказал Рейш. — Нам некогда здесь прохлаждаться.

— Хранитель должен знать об этом проходе... Если они зайдут сюда...

— Не время впадать в панику. Идем быстрее!

Адам двинулся вперед, и девушка безропотно последовала за ним. «Странное зрелище мы собой, наверное, представляем, — подумал Рейш, — спешим по темному туннелю в черных плащах и смешных плоских шляпах». Прислужница вскоре устала, начала отставать, постоянно оглядываться и неожиданно остановилась.

— Они вошли в проход.

Рейш оглянулся. Плита была отодвинута. В проеме вырисовывались силуэты двух Пнумов. Секунду они стояли неподвижно, как странные черные куклы, затем зашевелились.

— Они увидели нас, — сказала девушка, покорно опустив голову. — Нас ждет яма... Ну что ж, пойдем встретим свою судьбу со всем смирением.

— Стань к стене, — приказал Адам. — Не двигайся. Пусть они подойдут к нам. Их только двое.

— Ты ничего не сможешь сделать!

Рейш не стал ей отвечать. Он подобрал упавший с потолка обломок камня размером с кулак.

— Ты ничего не сможешь сделать, — снова простонала девушка. — Прояви покорность, веди себя спокойно, не проявляй строптивости...

Пнумы быстро приближались, потешно подбрасывая ноги; их белые челюсти и отростки вокруг крошечных ртов постоянно двигались. В десяти футах от беглецов они остановились, молча изучая стоящих у стены. Несколько мгновений царила полная тишина. Наконец Куратор медленно поднял тонкую руку и вытянул два костлявых пальца.

— Возвращайтесь.

Рейш не шевельнулся. Девушка замерла с остекленевшими глазами и перекошенным ртом.

— Возвращайтесь, — вновь произнесло создание хриловатым вибрирующим голосом.

Спотыкаясь, Прислужница безропотно зашагала к входу. Рейш не подчинился приказу.

Пнумы в замешательстве наблюдали за ним, переговариваясь свистящим шепотом, затем Безмолвный Куратор произнес опять:

— Возвращайся.

Хранитель добавил почти неразличимым шепотом:

— Ты — груз, который избежал доставки.

Куратор шагнул к Адаму, протянул руку, и тут Рейш изо всех сил бросил камень. Он попал прямо в костлявое белое лицо. Страшный хруст; существо отлетело к стене и задергалось, то поднимая, то опуская одну ногу. Хранитель, издавая странные горловые звуки, бросился на землянина.

Рейш отпрыгнул, сорвал с себя плащ и набросил его Пнуму на голову. Сначала создание, казалось, ничего не замечало и продолжало двигаться вперед, расставив руки; затем Пнум остановился и заплесал, топчась на месте. Адам осторожно кружил вокруг противника, выжидая удобного момента для атаки; их бесшумные движения напоминали причудливый балет. Безмолвный Куратор, словно парализованный, бесстрастно наблюдал за происходящим. Рейш схватил Хранителя за руку — она была сильной и крепкой, как железная труба. Два твердых пальца потянулись к лицу, острые когти вцепились в кожу, но Адам не почувствовал ничего. Он приподнял Хранителя и ударил его об стену. Тот отскочил и молниеносно бросился на противника. Рейш попробовал стукнуть по длинному бледному лицу; оно оказалось холодным и твердым, как камень.

Существо обладало невероятной силой. Как с ним бороться? Если ударить его, только поранишь руку.

Шаг за шагом Хранитель теснил Рейша. Беглец прижался к полу и пнул его, целясь по ногам. Его план сработал. Пнум упал, Адам сразу вскочил, чтобы избежать атаки Куратора, но тот, по-прежнему прислонившись к стене, смотрел прямо перед собой широко открытыми глазами. Землянин на мгновение забыл о своем лежащем на полу, но не поверженном окончательно противнике. Хранитель воспользовался его оплошностью и уцепился за колено пальцами ноги. Другая конечность с поразительной гибкостью потянулась к шее врага. Рейш пнул существо в пах, словно стукнул по стволу могучего дерева, и в результате повредил ступню. Длинные пальцы Пнума обхватили его шею: Адам уцепился за ногу и выкрутил ее, принудив Хранителя перевернуться лицом вниз. Рейш забрался ему на спину, обхватил голову, резко дернул ее на себя. Кость или упругая мембрана, соединявшая череп с туловищем, сначала прогнулась, затем хрустнула. Хранитель забился, захрипел, потом вскочил и бросился бежать по туннелю с болтающейся сзади, словно чудовищный рюкзак, головой. По дороге налетел на Куратора, и тот как мешок свалился на землю. Мертв? У Рейша от удивления глаза на лоб полезли. Мертв! Хранитель разделил участь соплеменника.

Адам обессиленно прислонился к стене, с трудом переводя дыхание. Всюду, где к нему прикасались создания, остались ссадины. По лицу текла кровь; локоть и ступня повреждены. Но рядом лежали два

мертвых Пнума. Немного поодаль скорчилась у стены девушка. Рейш доковылял до нее, коснулся хрупкого плеча. Она была в шоке от увиденного.

— Я жив. И ты тоже.

— У тебя кровь на лице!

Рейш обтерся краем плаща. Подошел к трупам, сжав губы, обыскал тела, но не нашел ничего интересного.

— Думаю, нам надо продолжить путь.

Девушка безмолвно повернулась и двинулась вперед. Рейш последовал за ней. Трупы Пнумов остались лежать, почти невидимые в полумраке туннеля.

Прислужница начала отставать.

— Ты устала?

Она удивленно взглянула на него.

— Нет.

— А я устал. Давай немного отдохнем.

Он со стоном рухнул на пол, чувствуя боль во всем теле. Поколебавшись секунду, девушка грациозно опустилась у противоположной стены. Казалось, она полностью выбросила из головы недавние события. Затененное полями шляпы лицо выглядело совершенно безмятежным. «Удивительно, — подумал Рейш. — Ее привычная жизнь разрушена; будущее — череда ужасных в своей непредсказуемости испытаний, но вот она сидит с лицом спокойным, как у куклы, и явно не ощущает никаких душевных мук».

— Почему ты так на меня смотришь? — тихо спросила девушка.

— Я подумал, что, учитывая все обстоятельства, ты выглядишь на удивление беззаботной.

Она отозвалась не сразу. Воцарилась гнетущая, напряженная тишина. Наконец Прислужница произнесла ровным голосом:

— Я плыву по течению жизни; как можно спрашивать, куда оно меня несет? Мысли о том, какой путь предпочтительней, — непростительная дерзость. Ведь бытие — привилегия, дарованная немногим.

Рейш прислонился к стене.

— Немногим? Это почему же?

Девушка зашевелилась, сплела тонкие пальцы.

— Как на гхиане, я не знаю; возможно, у вас все устроено по-другому. В Убежище женщины-матери рожают двенадцать раз, и выживает не больше половины — иногда меньше — детей... Я слышала, на поверхности все женщины — матери. Не могу поверить! Если каждая родит двенадцать младенцев, Тчаи будет кишеть вами, даже если шестерых отправят в яму. Такое безрассудство! Я рада, что никогда не стану женщиной-матерью, — добавила она вдруг.

— Откуда такая уверенность? Ты еще молода.

Девушка смутилась.

— Неужели ты не видишь? Разве я похожа на женщину-мать?

— Я не представляю, как они выглядят.

— У них выпуклости на груди и бедрах. Разве матери на гхиане не такие? Некоторые говорят, что Пнумы решают, кто станет женщиной-матерью, и затем помещают ее в детские ясли. Она там лежит в полной темноте и рождает новых Прислужников...

— Одна?

— Вместе с другими матерями.

— А отцы?

— Никакие отцы не нужны. В Убежище мы все в безопасности, защита не требуется.

У Рейша зародились смутные подозрения.

— На поверхности, — осторожно заметил он, — люди живут иначе.

Она наклонилась к нему, бледное лицо неожиданно оживилось. Такой Адам ее раньше не видел.

— Меня всегда интересовало, что делается на гхиане. Кто выбирает женщин-матерей? Где они рожают?

Рейш уклонился от ответа.

— Сложно объяснить двумя словами. В свое время, надеюсь, ты узнаешь об этом, если мы, конечно, выживем. Между прочим, я Адам Рейш. А как зовут тебя?

— Зовут? Женщина!

— Да, но ведь у тебя есть имя, по которому тебя отличают от других?

Девушка задумалась.

— В ведомость мы занесены по группам, секторам и зонам. Моя группа Зиф, из сектора Эфран в Зоне Пагаз; ранг 210.

— Зиф-Эфран-Пагаз, 210. Сокращенно Зэп-210. Так себе имечко, но оно тебе подходит!

Девушка не уловила иронии.

— Расскажи мне, как живут гжиндры.

— Я видел их только мельком. Они накачали дурманящий газ в мою комнату, когда я спал. Проснулся я уже в мешке. Твари опустили меня в шахту. Вот и все, что мне известно о гжиндрах. Не очень-то достойный образ жизни.

Зэп-210, как теперь мысленно называл ее Рейш, выказала неодобрение:

— Они все-таки выходцы из Убежища, а не дикари, как жители гхиана.

Рейш не стал спорить. Она так мало знает о мире и его обитателях, что он только смутит и повергнет ее в ужас, если начнет рассказывать о жизни наверху.

— Ты найдешь много разных людей.

— Как странно, — произнесла девушка тихо и неуверенно. — В моей жизни сразу все изменилось! — Она сидела, вглядываясь в темноту. —

Остальные удивятся, куда я пропала. Кому-то придется выполнять мою работу...

— В чем же она заключалась?

— Я обучала детей правилам приличия, добропорядочному поведению.

— А в свободное время?

— Выращивала кристаллы в новой Четвертой Восточной Зоне.

— Ты разговаривала со своими подругами?

— Иногда, в спальне.

— А среди мужчин у тебя есть друзья?

Полузакрытые шляпой черные брови негодуяше поднялись.

— Разговаривать с мужчинами считается недостойным поведением.

— А сидеть здесь со мной тоже, наверное, неприлично?

Она не ответила. «Может быть, такое еще не приходило ей в голову, — подумал Рейш. — Теперь она станет считать себя падшей женщиной».

— У нас, — сказал он, — жизнь идет по-другому, и иногда действительно мы ведем себя очень неприлично. Сама увидишь, если мы выберемся на поверхность.

Он вытащил голубую папку. Словно повинувшись инстинкту, Зэп-210 мгновенно отодвинулась. Адам не обратил на это внимания. Прищурившись, он изучал лабиринт цветных линий. Затем неуверенно ткнул пальцем в одну из них.

— Мне кажется, мы находимся здесь.

Никакой реакции. Измученный и уставший, Рейш стал было упрекать ее, но вовремя прикусил язык. Она здесь не по собственному желанию; девушка не заслуживала ни упреков, ни возмущенных слов. Более того, похитив Зэп, он невольно взял на себя ответственность за ее безопасность. Адам раздраженно хмыкнул, потом глубоко вздохнул и обратился к девушке так вежливо, как только был сейчас способен:

— Если я верно понял, этот проход ведет сюда, — он указал, — и выходит в туннель, обозначенный розовым. Правильно?

Зэп-210 искоса взглянула на карту.

— Да. Это самый секретный путь. Видишь, он связывает Эфан с Салтрой; иначе придется идти в обход, через перекресток Фей'ердж. — Она неохотно подошла поближе и указала дорогу, держа палец над схемой. — Вот эта серая отметка обозначает пункт, до которого надо добраться: грузовые доки в конце канала. Пройти через Фей'ердж невозможно: пришлось бы идти через спальни и металлообрабатывающие мастерские.

Рейш с тоской посмотрел на маленькие красные кружочки, отмечающие выходы на поверхность.

— Они кажутся такими близкими, такими доступными...

— Их наверняка охраняют.

- Что означает эта длинная черная линия?
- Грузовой канал, лучший путь из Зоны Пагаз.
- А ярко-зеленая точка вот здесь?

Она взгляделась и судорожно вздохнула.

- Это путь в Вечность: секрет класса двадцать!

Она села, сжалась в комок и уткнулась подбородком в колени. Рейш снова стал рассматривать карту. Он почувствовал на себе пристальный взгляд Зэп и обернулся. Девушка облизнула бесцветные губы.

- Почему тебя считают таким важным объектом?

— Понятия не имею, почему я вообще стал «объектом». — Рейш немного лукавил.

— Они доставили тебя, чтобы поместить в Вечность. Ты принадлежишь к какой-нибудь редкой расе?

— В некотором смысле, — ответил Адам. Он с трудом встал. — Ты готова? Пора идти дальше.

Зэп-210 молча поднялась, и они двинулись по слабо освещенному проходу. Пройдя милю, беглецы подошли к белой стене с черной железной дверью посередине. Девушка заглянула в глазок.

— Мимо проезжает тележка. Там служители. — Она критически осмотрела Рейша. — Не поднимай головы. Надвинь шляпу пониже. Иди тихо. Ставь ступни прямо. — Снова посмотрела, нажала на защелку, и дверь открылась. — Быстрее, пока нас не заметили.

Щурясь, они вышли в широкий сводчатый туннель. Стены его были усеяны огромными турмалинами. Каким-то непостижимым образом они светились, озаряя все вокруг голубым и розовым сиянием.

Зэп-210 невозмутимо шла по туннелю, Рейш следовал за ней на некотором расстоянии. Впереди катилась на тяжелых черных колесах низкая тележка, нагруженная мешками. Откуда-то издали доносились глухие удары, какой-то скрежет. Откуда звуки, Адам так и не узнал.

Минут десять они брели вперед. Четыре раза мимо проходили Прислужники Пнумов, старательно отворачивая лица, затененные полями шляп, погруженные в свои мысли. Поразительная красота турмалинов сменилась великолепными узорами жил белого кварца, выступающими, как жгуты, на черном фоне: результат неведомо скольких столетий тяжелого труда. Далеко впереди коридор уменьшался до небольшого полукруга. За ним зияла пустота.

Наконец они вышли на площадку, нависающую над бездной, бесконечной, как космос. В пятидесяти ярдах справа словно по воздуху парила баржа, пришвартованная у дока. Рейш осознал, что черное «ничто» на самом деле было поверхностью подземного озера.

В доке работало полдюжины Прислужников Пнумов, нагружая баржу тюками.

Зэп-210 скользнула в тень. Рейш присоединился к ней. Он, очевидно, придвинулся ближе, чем допускали нормы приличия: она брезгливо отодвинулась на несколько сантиметров.

— Что теперь?

— Следуй за мной на борт баржи. Не говори ни слова.

— И никто не будет возражать? Не выставит нас?

Девушка непонимающе посмотрела на него.

— Все ездят на баржах. Только так можно посетить дальние туннели.

— Понятно, — произнес Рейш, — любовь к путешествиям у Прислужников Пнумов!

Зэп-210 снова бросила на него недоуменный взгляд.

— Ты когда-нибудь раньше ездила на барже? — спросил Рейш.

— Нет.

— Откуда же ты знаешь ее маршрут?

— Она идет на север, к торговым областям; больше ей плыть некуда. — Она всмотрелась в темноту. — Следуй за мной и соблюдай правила приличия.

Девушка двинулась вдоль причала, опустив глаза, как будто погрузилась в раздумья. Рейш подождал несколько мгновений и пошел за ней.

Она остановилась возле баржи, безучастно глядя в черную пустоту озера; затем, словно прогуливаясь, поднялась на борт, прошла подальше и укрылась в тени от чужих глаз. Рейш старательно повторял все движения девушки. Прислужники Пнумов в доке не обратили на него внимания. Сступив на баржу, он не смог сдержаться, ускорил шаг и быстрее нырнул в тень.

Зэп-210, напряженная как натянутая струна, внимательно смотрела на работающих в доке. Наконец она расслабилась.

— Они сегодня какие-то странные, иначе заметили бы твою выходку. Гхауны всегда так пошатываются и подпрыгивают при ходьбе?

— Возможно, — сказал Рейш. — Но, к счастью, это нам не повредило. В следующий раз не...

Он оборвал фразу на полуслове. В дальнем конце дока маячил темный силуэт. Вот неизвестный шевельнулся, медленно подошел к барже, достиг освещенной зоны...

— Пнум, — прошептал Рейш.

Зэп-210 замерла.

Существо двигалось вперед, не обращая внимания на рабочих, которые даже не повернулись в его сторону. Мягко ступая по причалу, оно дошло до баржи и остановилось.

— Он увидел нас, — прошептала девушка.

Рейш опустил голову. Все тело покрыто ссадинами, мускулы ноют... Еще одной схватки ему не выдержать.

— Ты умеешь плавать? — хрипло шепнул он.

Испуганный полувздох-полувсхлип.

— Нет!

Адам торопливо осмотрел палубу в поисках любого предмета, который можно использовать как оружие: палки, крюка, хотя бы веревки. Ничего.

Пнум куда-то исчез. Но секундой позже они почувствовали, как баржа дрогнула под его весом.

— Сними плащ, — приказал Рейш.

Он сбросил свой, обернул им папку и засунул сверток в щель между тюками. Зэп-210 стояла не шевелясь.

— Сними плащ!

Она начала скулить как щенок. Адам зажал ей рот ладонью.

— Тихо!

Он дернул за завязки на шее и, коснувшись нежного подбородка, почувствовал, как девушка дрожит. Сорвал с нее плащ, сунул в свой импровизированный тайник. Она присела, стараясь спрятать под коротенькой сорочкой ноги. Несмотря на всю серьезность их положения, Адам едва удержался от смеха, глядя на худенькую фигуру девушки-подростка с широкой шляпой, напяленной на голову.

— Слушай, — сказал он хрипло. — Объясняю один раз. Я спускаюсь за бортом. Ты должна немедленно сделать то же самое. Положишь руки мне на плечи. Голову держи над водой. И чтобы ни плеска, ни барахтанья. С тобой ничего не случится.

Не дожидаясь ответа, он перевалил через борт. Ледяная вода обожгла тело, словно пламя. Зэп-210 колебалась всего секунду, затем последовала за Рейшем. Она явно боялась Пнума больше, чем черных глубин озера. Ноги ее коснулись воды, и она охнула.

— Тихо! — прошипел Рейш.

Тонкие руки послушно легли ему на плечи. Но когда девушка полностью погрузилась в воду, она в панике сжала пальцы вокруг его шеи.

— Полегче! Опусть лицо, ничего не бойся.

Он заплыл под борт и ухватился за выступ. Чтобы увидеть их, пришлось бы перегнуться через перила баржи.

Прошло полминуты. Ноги Рейша стали неметь. Зэп-210 прильнула к его спине, уперлась подбородком в ухо: он слышал, как от холода и страха стучат ее зубы. Она так прижалась к Адаму, так судорожно сжала тоненькими руками, словно хотела срастись с ним. Однажды, еще мальчишкой, Рейш спас тонущую кошку; как и Зэп-210, она тогда цеплялась за него с отчаянной надеждой, рождающей инстинктивное желание спасти, защитить... В минуты смертельной угрозы все живые существа объединяются в примитивном стремлении выжить.

Пронизывающий холод, тишина, мрак. Беглецы напряженно прислушивались. С палубы доносилось тихое клацанье когтей. Звуки затихли, потом возобновились. Наконец они вновь прекратились. Судя по всему, Пнум стоит прямо над ними. Рейш поднял голову. В край палубы вцепились длинные когтистые пальцы. Он снял руку Зэп-210

со своего плеча, заставил ее ухватиться за выступ, потом освободился от ее «объятий» полностью. Повернулся и приготовился к поединку. От этих движений по воде пошла рябь.

По палубе защелкали пальцы. Рейш оскалил зубы и рванулся вверх, вытянув правую руку. Поймал тонкое твердое колено и дернул изо всех сил. Пнум испуганно заквакал. Он пошатнулся, на секунду застыл, наклонившись почти горизонтально над водой. Его удерживали лишь пальцы ног, судорожно вцепившиеся в палубу. Затем создание тяжело плюхнулось в воду.

Зэп-210 прижалась к Рейшу.

— Не позволяй ему коснуться тебя: сразу разорвет на куски!

— Он может плавать?

— Нет, — ответила она, стуча зубами. — Пнум слишком тяжелый. Он утонет.

— Залезай мне на спину, — велел Рейш, — хватайся за борт и прыгай на палубу.

Она забралась ему на плечи, затем ступила на баржу. Рейш с трудом подтянулся и, совершенно обессиленный, рухнул на палубу.

Немного отдышавшись, он поднялся и внимательно оглядел док. Прислужники Пнумов работали как и раньше, словно ничего не произошло.

Рейш снова спрятался в тени. Зэп-210 не шевельнулась. Сорочка прилипла к ее тщедушному телу. «Все-таки она не лишена грации», — отметил Адам.

Она поймала его оценивающий взгляд и прижалась к тюкам.

— Сними белье и надень плащ, — посоветовал Рейш. — Согреешься.

Зэп-210 молча уставилась на него с несчастным видом. Адам снял свою промокшую одежду. Глаза ее чуть не вылезли из орбит, она отвернулась. Бедняжка испытала не меньший ужас, чем при появлении Пнума! Рейш нашел силы улыбнуться. Стоя спиной к нему, Прислужница набросила на себя плащ и ухитрилась скинуть сорочку.

Баржа задрожала и отошла от дока. Рейш оглянулся. Берег уходил все дальше, став оазисом света в непроглядной тьме. Далеко впереди замаячили голубоватые огоньки, к которым бесшумно плыла баржа.

Путешествие началось. Позади осталась Зона Пагаз и дорога в Вечность. Впереди — полная опасностей тьма и Северные торговые области.

Глава 4

Команда баржи состояла из двух Прислужников, почти не покидавших носовую часть судна. Там располагались небольшая кладовка и камбуз — островок тусклого желтого света. Кажется, на борту нахо-

дилось еще по крайней мере два или три пассажира, а может, даже четверо. Как бы то ни было, они сторонились общества себе подобных еще больше, чем команда, и изредка появлялись лишь у кладовки и камбуза. Продукты, похоже, мог свободно брать каждый. Зэп-210 не позволила Рейшу ходить за едой и сама добывала пищу: лепешки из стручков травы паломников, засахаренные штучки размером со сливу — то ли фрукты, то ли насекомые вроде пиявок, мясную пасту, сладкие и соленые вафли из нежной белой хрустящей массы, которые Зэп-210 считала лакомством, а у Рейша от них оставался неприятный привкус во рту.

Время шло: Адам потерял счет дням. Они переплыли озеро, потом реку, а она перешла в подземный канал шириной в пятьдесят — шестьдесят футов. Баржа двигалась бесшумно, приводимая в движение, по догадке Рейша, циркуляцией электрических полей вдоль килля. Впереди мерцал слабый голубой свет, служащий ориентиром для сенсора, управляющего судном. Они проплывали очередной огонек, а за ним призывно посверкивал другой. Время от времени показывались небольшие пристани и доки с проходами, ведущими вглубь, в неведомые цитадели.

Рейш жил однообразно: спал, ел, снова спал... Границы окружающего мира невероятно сузились. Баржа, тьма вокруг, плеск воды, девушка... Он изнывал от скуки и, чтобы хоть как-то скоротать время, решил получить узнать Зэп-210. Она же избегала Адама, боялась выйти за пределы формальностей даже в разговоре. Причем ее странная сдержанность не объяснялась обычной стыдливостью: она, судя по всему, даже не подозревала о существовании таких вещей, как любовь, страсть, не знала, откуда берутся дети! Очевидно, Прислужница, несмотря на внушенные Пнумами неестественные для людей нормы поведения, оставалась женщиной; в ней пробудился инстинктивный страх перед самцом. Как выпускать такую навстречу опасной жизни на поверхности? С другой стороны, читать лекции об отношениях между полами Рейшу не хотелось.

Девушку же нисколько не тяготило монотонное существование на борту баржи. Она могла часами сидеть на палубе и вглядываться в темноту, словно любясь пейзажем.

Раздраженный ее безразличием, Рейш иногда присоединялся, не обращая внимания на то, что она каждый раз брезгливо отодвигалась. Разговаривать с Зэп-210 было нелегко. Предубеждение относительно жизни на поверхности оставалось неизменным: она боялась неба, ветра, открытых пространств, янтарного солнечного света. Ничего, кроме смерти от дубины какого-нибудь вопящего варвара, она не ждала. Рейш попытался изменить ее представления, но встретил открытое недоверие.

— Ты думаешь, нам ничего не ведомо о жизни на поверхности? — спросила она с высокомерным презрением. — Мужья кастчай знают

больше всех; они знают все. Знание — смысл их бытия. Они мозг Тчаи, а планета — словно плоть, скрывающая их.

— А Прислужники Пнумов? Какое место занимают они?

— «Воспитанники»? Когда-то, очень давно, зужма кастчай приютила несколько добропорядочных людей с поверхности: мужчин, женщин и женщин-матерей. Мои предки доказали свое усердие, полируя камни и шлифуя кристаллы. На зужма кастчай держится мир. Так было и будет во веки веков.

— А ты знаешь, откуда здесь вообще появились люди?

— С гхиана, откуда же еще?

— А рассказывали тебе о солнце, звездах, других мирах?

— Нам преподают то, что пригодится в жизни, то есть этикет и хорошие манеры. — Она вздохнула. — Все это осталось в прошлом. Если бы меня с тобой увидели, как бы все удивились! — Больше всего сейчас девушку беспокоило собственное «неподобающее» поведение.

Плавание продолжалось. Очередной светлячок, мерцавший впереди, постепенно разрастался, проплывал над головой, и они двигались к новому манящему огоньку. Рейш потерял ко всему интерес, утратил покой. Непроглядную тьму прорезал лишь слабый свет на корме. Присутствие Зэп-210, ее голос начали будоражить, разжигать воображение. Присущая ей манерность воспринималась как заигрывание. Сдерживаться становилось все трудней. Как может она провоцировать или поддразнивать его, убеждал себя Адам, если понятия не имеет о том, что такое ухаживание, любовь. Любые проявления подсознательных желаний благовоспитанная Прислужница сочла бы извращением, высшей степенью непристойности. Но Адам вновь и вновь вспоминал ее упругое тело, тесно прижавшееся к нему, когда они укрылись в воде. Если Зэп-210 испытывала что-то, кроме страха за свое будущее, то ничем себя не выдавала, разве что стала разговорчивей. Она могла часами монотонно рассказывать о жизни в Убежище своим низким голосом. А существование ее было на редкость однообразно — без волнений, радостей, безрассудных порывов. Интересно, мечтала она когда-нибудь? Но об этом она молчала. По едва уловимым нюансам в поведении своих стандартно-добродетельных товарок она уверенно определяла тип их характера. Девушка знала о специфических различиях в анатомии мужчин и женщин, но никогда не задумывалась, в чем их смысл. «Очень странно, — размышлял Рейш. — Похоже, человеческие обитатели Убежища превратились в неврастеников». Он не осмеливался расспрашивать Зэп-210 о подобных вещах: как только речь заходила об этом, она немедленно замолкала. Неужели Пнумы вывели особую породу Прислужников без сексуальных наклонностей? Или они применяли депрессанты, гормоны, чтобы подавить опасные желания, способные привести к бесконтрольному размножению? На осторожные вопро-

сы Зэп-210 ответила так невразумительно, что стало ясно — девушка понятия не имеет, о чем он говорит. Впрочем, она упоминала об отдельных «Воспитанниках», которым жизнь в Убежище казалась нестерпимо монотонной; их отсылали на поверхность, где, беззащитные перед жаром солнца, холодом ночи и пронизывающим ветром, они оставались до конца дней.

— Удивляюсь, почему я сейчас почти не боюсь, — задумчиво произнесла Зэп-210. — Неужели у меня всегда имелось тайное желание стать гжиндрой? Я слышала, что бескрайние просторы поверхности сводят с ума...

Она не представляла себе, как размножаются Пнумы, даже не знала, скрывают это ее повелители или нет, хотя подозревала, что скрывают. Не представляла, сколько всего в Убежище живет древних хозяев Тчаи и их «Воспитанников».

— Возможно, зужма кастчаев гораздо больше. Но многих никогда не видели; они держатся в Глубоких местах, где хранятся драгоценные предметы.

— Что за драгоценные предметы?

И опять Зэп-210 не смогла сказать ничего вразумительного.

— История Тчаи насчитывает больше веков, чем можно себе представить; с тех же далеких времен ведутся летописи. Зужма кастчаи допотопны; знают обо всем, что происходило. Они считают Тчаи огромной оранжереей, где каждая вещь, каждое дерево, каждый камень — бережно хранимая редкость. Теперь на поверхности живут народы с других планет: три разных расы, тоже оставившие свои памятники.

— Три?

— Дирдиры, Часчи, Ванкхи.

— А люди?

— «Люди»? — В ее голосе слышалось сомнение. — Не знаю. Возможно, они тоже прилетели с другой планеты. Если так, на Тчаи существуют четыре расы. Но это случилось и раньше; на древний мир не раз приходили разные удивительные народы. Зужма кастчаи никогда никого не приветствовали и не отвергали; они изучали, наблюдали, увеличивали свою коллекцию, пополняли музеи Вечности, собирали архивы.

Рейш стал по-иному воспринимать Пнумов. Похоже, для них поверхность Тчаи превратилась в огромный театр, на подмостках которого разыгрывались великолепные драмы длиной в тысячелетия: столкновения Старых и Синих Часчей, вторжение Дирдиоров, за которым последовала высадка Ванкхов, различные военные кампании, битвы, разрушения островков цивилизации, строительство городов, превращение их в руины, появление и исход целых народов. Так вот почему хозяева Тчаи терпели присутствие чужих рас! С их точки зрения, пришельцы вносили яркость и драматизм в историю Тчаи. Когда он поделился своими мыслями с Прислужницей, она лишь слабо мах-

нула рукой: нет, лично ей совершенно безразлично, что происходит на поверхности. Рейш неожиданно понял, как она воспринимает мир. Жизнь для Зэп-210 — что-то вроде скучного урока, который надо просто выдерживать. Страх ощущается лишь перед неизвестным; радость — выше понимания. С ее точки зрения, он резкий, грубый, хитрый, неприятный и непредсказуемый тип, от которого в любую минуту можно ожидать «неподобающего поведения». «Несчастное создание с изувеченной психикой», — подумал Рейш. Но все же он помнил ее горячее тело, тонкие руки, обвивавшие его шею, когда они стояли по горло в воде. Кто знает, что таится в глубинах сознания девушки? В тихом омуте... Воображение рисовало соблазнительные картины. Каким-то шестым чувством она уловила его настроение и отодвинулась в тень, оставив Рейша в одиночестве.

Адам изобрел новое развлечение: он пытался оживить девушку, придумывая смешные и необычные истории. Но Зэп-210, как принцесса из сказки, не умела смеяться.

Единственным, что доставляло ей удовольствие, были сладко-соленые вафли, служившие приправой к безвкусной пище. К несчастью, запас этих лакомств истощился уже через день-два после того, как они взошли на борт баржи. Зэп-210 испытала настоящее потрясение.

— Наш рацион всегда включал дако. Всегда! Кто-то допустил нелепую ошибку.

Никогда раньше Рейш не слышал, чтобы чопорная Прислужница проявляла столько эмоций. Она стала угрюмой, равнодушной, нервной и раздражительной, отказалась от еды. Уж не содержит ли дако какого-то наркотика, вызывающего привыкание?

В течение трех-четырех дней она почти не разговаривала и держалась от Рейша как можно дальше, словно считала его виновным в ее страданиях. Что ж, так оно и есть. Не ворвись он в ее серую жизнь, Прислужница продолжала бы свое монотонное существование, лакомясь дако. Постепенно ее плохое настроение рассеялось, она стала разговорчивей: казалось, девушка искала утешения, сочувствия, а может, даже его внимания? Невероятная метаморфоза, но на Тчаи все было невероятно...

Все дальше и дальше плыли они, от одного голубого светлячка к другому. Миновали цепочку подземных озер, тихие пещеры, украшенные сталактитами, потом почти трое суток скользили по прямому каналу, который закончился еще одной цепочкой пещер. Здесь вновь островками желтого света маячили одинокие доки; опять оказался канал. Путешествие близилось к концу. Даже невозмутимая команда баржи проявляла признаки оживления, пассажиры собрались на носу судна. Вернувшись из камбуза с едой, Зэп-210 печально объявила:

— Мы прибываем в Бажан-Гахай.

— А где это?

— На дальней окраине Северной торговой области. Мы проделали долгий путь. Все прошло спокойно, — добавила она тихо. Адаму почудилось, что в голосе девушки слышалось что-то вроде сожаления.

— Это место близко от поверхности?

— Здесь центр торговли с островами Станг и Хедаджа.

Рейш удивился.

— Мы забрались далеко на север!

— Да. Но зужма кастчай могут поджидать нас и здесь.

Рейш с беспокойством посмотрел на далекий голубой светлячок.

— Зачем?

— Не знаю. Возможно, нас оставят в покое.

Один за другим сияющие ориентиры проплывали над головой; Адам напряженно следил за ними и не заметил, как уснул.

Когда он открыл глаза, Зэп-210 протянула руку:

— Бажан-Гахай.

Рейш поднялся на ноги. Впереди мрак рассеялся: на воде играли отблески далекого света. Канал расширялся; баржа величественно двигалась вперед. На носу темные фигуры, закутанные в плащи, вырисовывались на янтарном фоне. У Адама от волнения перехватило дыхание. Путешествие приближалось к концу. Уже стали видны стены туннеля — рифленые контрфорсы из необработанного камня — и выход из него, размытое золотистое пятно. А дальше над спокойной водой высились белые утесы. Зэп-210 медленно прошла вперед, восторженно глядя на свет. Рейш почти забыл, как она выглядит. Прямой нос, неяркие губы, хрупкие черты. На бледном лице застыло выражение печали и страха. Девушка почувствовала на себе его взгляд и повернулась. Интересно, каким он видится ей сейчас?

Впереди лежало длинное извилистое озеро. Им открылась изумительно красивая картина. По матово-черной поверхности воды рассыпаны островки; огромные шишковатые колонны, белые и серые, поддерживали высокий сводчатый потолок. В полумиле впереди, под нависающим выступом, лежал док. Из невидимого отверстия в пещеру падал свет — словно золотой столб.

Рейш едва мог говорить от волнения.

— Солнце! — выдавил он наконец.

Баржа двигалась к доку. Рейш обшарил глазами стены, пытаясь определить, как перебраться к расщелине. Зэп-210 тихо сказала:

— Ты привлечешь внимание.

Рейш отступил назад к тюкам и снова стал изучать шершавую поверхность пещеры.

— Вверх ведет тропа.

— Конечно.

Адам проследил дорогу, змеящуюся вдоль стены. Похоже, она кончалась у дока, до которого оставалось плыть четверть мили. Он повернулся к Зэп-210.

— Через минуту-другую мы пройдем возле вон того островка. Нам лучше покинуть баржу там. Я боюсь высадиться в доке.

Зэп-210 безразлично пожала плечами. Они прошли на корму. Баржа как раз приблизилась к цели: скоплению известковых глыб.

— Опускайся в воду. Не дергайся, не барахтайся, я удержу тебя на плаву, — сказал Рейш.

Она искоса посмотрела на него и молча повиновалась. Держа над головой кожаную папку, он скользнул в воду. Баржа продолжала путь к тем, кто ожидал на причале.

— Положи руки мне на плечи, — сказал Рейш. — Держи голову над водой.

Его ноги коснулись дна; беглецы выбрались на островок. Адам оглянулся: судно почти достигло дока. К нему заспешили черные фигурки. По их походке Рейш определил, что это Пнумы.

Они перебрались на берег, держась в тени, так что по крайней мере со стороны дока их нельзя было разглядеть. Ста футами выше проходила тропинка к расщелине. Рейш осторожно осмотрелся, и они полезли вверх, цепляясь за выступы агата.

Над водой разнеслись странные ухающие звуки.

— Что это значит? — спросил тихо Рейш.

— Должно быть, какой-то призыв... Ничего подобного я не слышала!

Они продолжали карабкаться по склону. Промокшие насквозь плащи липли к телу. Наконец беглецы выбрались на тропу. Рейш осмотрелся: ни одной живой души. Выход на поверхность — всего в пятидесяти ярдах. Снова раздалось скорбное уханье.

Задышавшись и спотыкаясь, они побежали по тропе. Скорее, скорее! И вдруг над головой появилось золотисто-серое небо Тчаи, по которому плыли черные тучи. Лучи солнца ласкали лицо, слезы застилали глаза. Адам схватил Зэп-210 за руку и вытащил девушку наружу. Она нерешительно шагнула вперед и посмотрела по сторонам. Они стояли на склоне каменистого холма; внизу раскинулась широкая равнина, а вдали простиралась спокойная серая морская гладь.

Рейш бросил последний взгляд на расщелину и начал спускаться с холма. Зэп-210, подозрительно поглядывая на солнце, последовала за ним. Наконец Адам остановился. Он снял ненавистную шляпу и запустил ее в воздух; потом, невзирая на протесты Прислужницы, проделал то же самое с ее драгоценным символом добропорядочности, заслонявшим лицо.

Глава 5

Свежий воздух, темно-янтарный послеполуденный свет, зеленая трава долины — все это, после душных мрачных пещер и бесконечных узких туннелей, казалось сказкой. Рейша охватила эйфория. Го-

лова сладко кружилась, он ощущал прилив сил, умиротворение. Даже Зэп-210 вызвала снисходительно-благодушное чувство. «Странное, непостижимое создание, — думал Рейш, исподтишка наблюдая за ней, — тщедушное, бледное, как призрак». Она явно чувствовала себя неудобно; нервно переводила взгляд с неба на холмы, потом на далекое море.

Беглецы достигли долины. Между зарослей темно-красного тростника прорезала себе путь речушка. Рядом росла трава паломников, которая служила главной пищей на Тчаи. Девушка с подозрением оглядела серо-зеленые стручки, совсем не похожие на желтые пластинки — тот же продукт в прессованном виде, — к которым привыкла в Убежище. Она вяло пережевывала пищу, то и дело оглядываясь на холм, словно тоскуя о навсегда утраченном доме.

— Ты хочешь вернуться в Убежище? — спросил Рейш.

Зэп-210 немного подумала.

— Я боюсь. Нас видно со всех сторон. Возможно, зужма кастчай сейчас наблюдают из расщелины. Они могут послать за нами ночных собак.

Рейш задрал голову; проход почти невозможно разглядеть... Но он не заметил никаких признаков слежки; похоже, вокруг никого не было. Конечно, за ними могли наблюдать сверху: черные плащи делали беглецов очень приметными. Он взглянул на девушку. Почти наверняка она откажется снять его. Что ж, будь что будет. Адам поднялся на ноги.

— Темнеет. Пошли; может быть, найдем какую-нибудь деревню.

Двумя милями ниже по течению речушка превратилась в болото. На противоположном берегу высились гигантские деревья. Стволы тех, что росли на опушке, слегка искривлены. Рейшу приходилось уже видеть такой лес раньше: судя по всему, это священная роща хоров, народа, живущего на южном побережье Первого моря.

У Рейша сразу испортилось настроение. Встреча с подобными представителями гхиана могла подтвердить верность представлений Зэп-210 о диких нравах его обитателей.

Сейчас вокруг не было ни души. Шагая вдоль края болота, они добрались до возвышенности, с которой открывался вид на равнину и спокойное, словно ртуть, море вдалеке. Справа и слева в воду врезались серые выветренные мысы, почти невидимые в надвигающихся сумерках. Где-то на юго-востоке, возможно не так уж далеко отсюда, должен находиться Карабас, место охоты Дирдиров и заветный край для тех, кто, охваченный «шехиновой лихорадкой», приезжал туда и становился их дичью.

Рейш оглядел берег, пытаясь сориентироваться. Зэп-210 мрачно смотрела на море, думая, наверное, о том, что готовит ей будущее. На юго-востоке, за милю от них, через болото к морю шел пирс, опираясь на шаткие сваи. На конце его привязаны штук шесть ло-

док. Холм за болотом скрывал деревню, от которой тянулось хлипкое сооружение.

Хоры, вовсе не свирепые по природе, придерживались сложных правил поведения, нарушение которых строго каралось. То, что чужестранцы этих правил не знали, их не спасало. Поэтому встреча с ними не сулила ничего хорошего.

— Я боюсь наткнуться на хоров, — сказал Рейш. Он повернулся, окинул взглядом безлюдные холмы. — Сивиш находится далеко на юге. Нам надо добраться до мыса Браиз. Там мы сможем сесть на корабль и проплыть вдоль западного побережья, хотя я сейчас понятия не имею, где мы добудем денег.

Зеп-210 уставилась на него, раскрыв от удивления рот.

— Ты хочешь, чтобы я поехала с тобой?

Так вот почему она так мрачно осматривала чужой мир! Думала, что останется одна!

— У тебя есть другие планы?

Она угрюмо поджала губы.

— Мне казалось, что ты захочешь дальше идти один.

— И бросить тебя? Вряд ли ты сможешь приспособиться.

Она недоверчиво посмотрела на Адама, не понимая, что заставляет чужака заботиться о ней.

— Здесь, на поверхности, очень много случаев «неподобающего поведения», — заметил Рейш. — Вряд ли это тебе понравится. Придется соблюдать осторожность. Плащи придется снять.

Зеп-210 посмотрела на него с ужасом.

— И ходить без одежды?!

— Нет, только без плащей. Они привлекут внимание и вызовут враждебность. Не хватало еще, чтобы нас приняли за парочку гжиндр!

— Но я должна стать гжиндрой!

— Возможно, в Сивише ты передумашь. Если мы туда доберемся, конечно. Если нас сочтут гжиндрами, нам это здорово помешает.

Он стащил свой плащ. Гневно отвернувшись, девушка поступила так же и осталась лишь в серой сорочке.

Рейш скатал одежду в узел.

— Ночью может похолодать; я возьму их с собой.

Он поднял голубую папку. Теперь она стала лишним грузом. Может, выбросить? Но, поколебавшись секунду, он сунул ее за подкладку куртки.

Путники направились на северо-запад, оставив рощу хоров позади. Постепенно она стала лишь серым пятном, а далекий мыс приблизился. Карина-4269 опустилась к горизонту. На севере града облаков предвещала внезапную грозу. Тучи постепенно затягивали небо; море сияло свинцовым блеском, словно графит. Впереди, недалеко от подножия мыса, стал виден еще один лесок. Священная роща? Рейш обвел глазами местность, но поселения хоров нигде не заметил.

Стволы высились как колонны; деревья на опушке пригнулись к земле, их ветви свисали, как огромные зонтики. Мыс явно скрывал деревню, но кроме них двоих сейчас здесь никого не было.

Рейш не стал делиться с Зэп-210 своими опасениями. Хватит с нее собственных забот! Под солнечными лучами лицо девушки покраснело. Одетая в довольно легкую, прилегающую к телу сорочку, с кудрявившимися черными волосами, она неузнаваемо изменилась и совсем не походила на бледное, тщедушное существо в столовой. То ли у него разыгралось воображение, то ли ее тело наполнилось силой, стало округлым и соблазнительным? Она заметила, что Адам внимательно изучает ее, и ответила взглядом, в котором читались и стыд и вызов.

— Почему ты меня разглядываешь?

— Просто так. По-моему, ты очень изменилась. Во время нашей первой встречи ты была совсем другой. А сейчас выглядишь гораздо лучше.

— Не знаю, что ты имеешь в виду, — огрызнулась она. — Ты говоришь глупости.

— Я думаю... Когда-нибудь я объясню, как приятно вести себя на поверхности. У нас отношения между мужчиной и женщиной сложнее, интимнее, даже, как ты называешь это, «неприличнее», чем в Убежище.

Зэп-210 фыркнула.

— Почему ты идешь к лесу? Разве это не новое священное место?

— Не знаю. — Рейш указал на небо. — Видишь вон те черные полосы? Сейчас будет ливень, в лесу мы останемся сухими. И потом, скоро солнце зайдет и появятся ночные псы. У нас нет оружия. Если залезем на дерево, нам нечего их бояться.

Зэп-210 больше не задавала вопросов; они подошли к роще, остановились у первых деревьев-великанов. Странники прислушались, но слышно было лишь прерывистое дыхание ветра, предвещающее грозу.

Они углубились в лес. Солнечные лучи, пробивающиеся сквозь завесу туч, падали словно тысячи золотых стрел или сплетались в янтарные колонны. Нижние ветки росли в ста футах от земли; влезть на деревья было невозможно. Здесь так же опасно, как на равнине. Зэп-210 вдруг остановилась и прислушалась.

— Что там?

— Ничего.

Но она продолжала настороженно оглядываться по сторонам. Рейш беспокоился. Какую опасность почуяла Прислужница, почему ничего не уловил он? Неслышно, как кошки, они пошли дальше, держась в тени. Впереди оказалась небольшая поляна, которую закрывали нависшие кроны деревьев. Странники увидели круглую площадку с четырьмя хижинами и низким помостом в середине. На

стволах окружающих поляну деревьев вырезаны рельефы обнимающих людей. У мужчин длинные подбородки, узкие лбы, надутые щеки и выпученные глаза; женщин изобразили с длинными носами и искривленными в ухмылке губами. Ни те, ни другие совсем не походили на настоящих кхоров. Насколько помнил Адам, они практически не отличались друг от друга, даже одевались одинаково. Без сомнения, пары занимались любовными играми. Рейш искоса посмотрел на Зэп-210. Она недоуменно разглядывала фигурки. Очевидно, девушка решила, что они занимаются спортивными упражнениями или демонстрируют примеры «неподобающего поведения».

Тучи закрыли солнце. Поляна погрузилась в темноту; капли дождя, пробившиеся сквозь завесу деревьев, увлажнили лица беглецов. Рейш рассматривал хижину. Они были построены в обычном стиле кхоров из тускло-коричневых кирпичей, с круглыми черными железными крышами. Дома располагались по четырем сторонам поляны и казались пустыми.

— Подожди здесь, — шепнул он девушке.

Пригнувшись, Рейш подбежал к ближайшей хижине, распахнул дверь. Вонь плохо выделанной кожи, смолы и мускуса. На вешалке висит несколько дюжин резных деревянных масок, в точности копирующих лица мужчин, вырезанных на деревьях. Две скамейки занимают центр комнаты; ни оружия, ни одежды, ни каких-нибудь ценных вещей не видно. Рейш вернулся к Зэп-210. Она не отрываясь изучала непристойно изогнувшиеся в утрированном экстазе фигуры: брови подняты, на чопорном личике гримаска отвращения и любопытство.

Пурпурная молния сверкнула на небе, за ней немедленно последовал раскат грома; хлынул дождь. Рейш увлек девушку в хижину. Дождь громко барабанил по железной крыше.

— Кхоры — непостижимый народ, — сказал Рейш, — но не могу себе представить, чтобы они явились сюда в такой ливень.

— А зачем им вообще приходить? — раздраженно спросила Зэп-210. — Здесь нет ничего, кроме этих странных уродливых танцоров. Кхоры в самом деле так выглядят?

Она говорила об изображениях.

— Вовсе нет, — ответил Адам. — Они желтокожие, любят чистоту и точность. Мужчины и женщины выглядят и ведут себя почти одинаково.

Он попытался вспомнить что-нибудь из рассказов Анахо: «Таинственный народ с тайными обрядами, причем различными для того или иного времени суток. Так, по крайней мере, о них говорят... У каждого есть две души, которые приходят и покидают плоть на рассвете и закате; каждое тело заключает в себе две разные индивидуальности». Позднее дирдирмен предупредил: «Кхоры невероятно обидчивы! Не заговаривай с ними, не замечай, разве что в случае

крайней необходимости, и даже тогда произноси как можно меньше слов. Они считают болтливость преступлением против человеческого естества. Делай вид, что не замечаешь присутствия женщин, не смотри на их детей: заподозрят, что наводишь на них порчу! И самое главное — обходи стороной их священную рошу! Оружие у них — металлические дротики, которые они бросают очень метко. Опасный народ!»

Адам пересказал все это девушке. Зэп-210 села на одну из скамеек.

— Ложись, — посоветовал ей Рейш. — Попытайся уснуть.

— При таком шуме и этом мерзком запахе? Неужели все дома на хижане такие?

— Не все, — пробормотал он.

Он выглянул. То и дело все вокруг освещали молнии. Это давало иллюзию бешеного дерганья вырезанных из дерева фигур. Скоро Зэп-210 начнет задавать вопросы, на которые Рейш не решался отвечать... По крыше застучал град; гроза неожиданно закончилась, наступила тишина, только ветер вздыхал в кронах высоких деревьев.

Рейш вернулся в комнату и сказал тоном, который сам считал фальшивым:

— Теперь ты сможешь отдохнуть; по крайней мере, шум прекратился.

Она издала какой-то негромкий возглас, оглянулась.

— Кто-то идет.

Адам бросился к двери и выглянул наружу. На другом краю поляны стоял человек. Судя по одежде, это был кхор. Он направился в хижину, стоящую напротив той, где прятались беглецы.

— Надо уходить, пока не поздно, — произнес Рейш.

Она остановила его:

— Нет, нет! Там еще один!

На поляну вышел второй кхор и, задрав голову, оглядел небо. Первый вышел из хижины с горящим факелом на шесте; второй быстро побежал к дому, в котором прятались Рейш и Зэп-210. Первый не смотрел в ту сторону. Кхор вошел, и Адам изо всех сил нанес удар. Сейчас ему было все равно, мужчина перед ним или женщина. Жертва камнем рухнула на пол. Рейш кинулся к неподвижному телу, сорвал накидку: мужчина. Связав ему руки и ноги ремешками от сандалий, Адам заткнул бедняге рот рукавом его же черного жакета, потом с помощью Зэп-210 оттащил мужчину за вешалку с масками, быстро обыскал. Он нашел пару железных дротиков, кинжал и мягкий кожаный мешочек с цехинами. Все это Адам переложил в свои карманы, хотя и не без угрызений совести.

Зэп-210 стояла у двери и заворуженно смотрела наружу. Первая из появившихся на поляне оказалась женщиной. Она стояла рядом с факелом, который воткнула в углубление возле помоста, в белом бала-

хоне и маске. Судя по всему, таинственное исчезновение мужчины, зашедшего в хижину, не встревожило ее.

Рейш выглянул.

— Теперь, пока она одна...

— Нет! Сюда идут люди!

Три неясных силуэта проскользнули в разные хижины. Потом, облаченная в балахон и маску, вышла еще одна женщина. Она закрепила горящий факел в углублении и застыла рядом с первой. Остальные кхоры появились в мужских масках и белых одеяниях, похожих на женские. Они подошли к центральному помосту и встали возле своей подруги, которая даже не шевельнулась. Рейш стал понимать, зачем существуют священные роши. Зэп-210 с интересом наблюдала за происходящим.

Рейшу стало не по себе. Если дальше все будет так, как он думает, девушке предстоит пережить настоящий шок.

Появились еще три человека. Один из них направился к хижине, где прятались Рейш и Зэп-210. Рейш попытался разделаться с ним так же, как с первым, но на сей раз удар получился скользящим, и мужчина, упав, успел вскрикнуть. Рейш мгновенно набросился на него, схватил и держал за горло, пока кхор не потерял сознание. Воспользовавшись, как и раньше, ремнями от сандалий и накидкой, Рейш связал его, заткнул рот, а потом отобрал у мужчины кошелек.

— Прости, что пришлось обворовать тебя, но мне сейчас деньги нужнее.

Зэп-210, стоящая у дверей, испуганно ахнула. Рейш подошел к ней. Женщины — теперь их было трое — разделась и стояли совершенно голые. Они начали петь. Призывная, нежная, трепетная мелодия без слов невольно завораживала. Трое в мужских масках принялись медленно танцевать вокруг помоста.

Зэп-210 пробормотала еле слышно:

— Что они делают? Почему обнажили свои тела? Я такого еще не видела!

— Просто религиозный обряд, только и всего, — нервно сказал Рейш. — Не надо смотреть. Иди ложись. Поспи. Ты, наверное, очень устала.

Ее взгляд выражал недоверие и изумление.

— Ты не ответил на мой вопрос. Я так смущена, сбита с толку. Никогда раньше не видела я голого человека. Неужели на гхиане все ведут себя так... так неприлично? Что они собираются делать?

Рейш попытался заслонить ей обзор.

— Не лучше ли тебе пойти поспать? Обряды только нагонят на тебя скуку.

— И вовсе это не скучно! Меня поражает, что люди могут вести себя так непристойно, так распускаться! Ты только посмотри! А мужчины!

Рейш глубоко вздохнул. Пора.

— Иди сюда. — Он подал ей женскую маску. — Надень это.

Она в ужасе отпрянула.

— Зачем?

Рейш взял мужскую маску, приладил ее.

— Мы уходим.

— Но...

Она бросила зачарованный взгляд на помост.

Рейш бесцеремонно повернул ее к себе лицом. Потом одну из шляп кхоров надел на нее, вторую водрузил на себя.

— Они нас наверняка увидят, догонят и убьют, — произнесла девушка.

— Может, и так, — согласился Адам. — Но все равно надо уходить. — Он оглядел поляну. — Иди первой, укройся за хижинкой, а я за тобой.

Девушка вышла из хижинки. Женщина на помосте призывно пела, обнаженные мужчины молча слушали ее.

Рейш присоединился к Зэп-210. Удалось им остаться незамеченными? Песня то затихала, то звучала громче...

— Иди в рошу. Не оглядывайся.

— Смешно, — пробормотала Зэп-210. — Почему мне нельзя посмотреть?

Все же она послушно зашагала к лесу. Рейш шел позади. Из хижинки донесся дикий вопль ярости. Пение резко оборвалось. Нависла тяжелая тишина.

— Беги! — скомандовал Адам.

Они помчались по священной роше, отбросив шляпы и маски. Позади слышались злобные крики. Но кхоры не преследовали их, возможно из-за того, что были голыми¹.

Рейш и Зэп-210 достигли опушки роши и остановились перевести дыхание. Голубая луна восходила сквозь обрывки облаков; остальное небо было чистым.

Зэп-210 подняла голову.

— Что это за маленькие огоньки?

— Звезды. Далекие солнца. Вокруг большинства вращаются целые семейства планет. Одна из них по имени Земля — родина людей, к которым принадлежим мы с тобой. Дирдирмены, часчмены и эти кхоры — все происходят от человеческой расы.

¹ Позднее Рейш узнал больше о священных рошах и брачных обрядах кхоров. В городах и деревнях мужчины и женщины носили одинаковые одежды; сексуальные отношения считались чем-то неестественным. Сопровождение происходило только в священных рошах; участники обряда обнажались и надевали ритуальные маски, чтобы подчеркнуть половые различия. Надев маски, мужчины и женщины принимали и новые личности. Дети считались не отпрысками определенных родителей, а потомством первых, «изначальных» Мужчины и Женщины.

— Откуда ты все это знаешь? — спросила Зэп-210.

— Когда-нибудь я тебе расскажу. Не сегодня.

Они двинулись в путь, шагая под звездным небом. Рейш испытывал странное чувство. Он словно вновь стал юношей и гулял сейчас по зеленым лугам Земли со стройной девушкой, вскружившей ему голову. Иллюзия была такой полной, что он взял за руку шедшую рядом Зэп-210. Она окинула его усталым взглядом, в котором читалось явное неодобрение, но протестовать не стала, приняв безропотно еще один непонятный обычай гхиана.

Рейш постепенно пришел в себя. Он на Тчаи, а его спутница... Он прогнал непрошеную мысль. Словно почувствовав изменившееся настроение Адама, Зэп-210 резко вырвала руку; может быть, на несколько мгновений и ей овладели сладкие грезы и теперь она злилась на Рейша?

Они продолжали путь молча. Когда голубая луна нависла прямо над головой, добрались до мыса из песчаника и навали у его подножия защищенную от ветра нишу. Закутавшись в плащи, путники кое-как устроились на кучах песка. Рейш не мог уснуть. Он лежал, разглядывая небо и прислушиваясь к дыханию девушки. Она тоже не спала. Почему он решил так внезапно бежать из рощи, несмотря на грозящую им погоню и смерть? Чтобы защитить невинность девушки? Смешно. Он повернулся: ее лицо — бледное пятно, омытое лунным светом, — обращено к нему, глаза открыты.

— Никак не могу уснуть, — сказала она тихо. — Я слишком устала. Поверхность меня пугает.

— Иногда она пугает и меня, — признался Адам. — Но неужели ты хотела бы вернуться в Убежище?

Как обычно, она ответила уклончиво:

— Я не понимаю того, что вижу. Не понимаю себя... Никогда не слышала такого пения.

— Вечные песни, над которыми не властно ни пространство, ни время, пришедшие, быть может, с древней Земли.

— Они показываются друг другу, сняв одежду! Так себя ведут все люди на поверхности?

— Нет, не все.

— Но почему они так поступали?

«Рано или поздно ей придется узнать о человеческой биологии. Но не сегодня, не сегодня!»

— Это не имеет особого значения, — пробормотал он. — Наши тела не так уж отличаются друг от друга...

— Но почему они выставляют себя напоказ? В Убежище мы всегда носили одежду и старались избегать «неподобающего поведения».

— А что это такое?

— Вульгарные жесты, непристойная интимность. Люди касаются, играют друг с другом... Все это так глупо.

Рейш осторожно подбирая слова:

— Но, может быть, это нормальное поведение, естественное, как сон, утоление жажды и голода? Ты никогда не вела себя неподобающим образом?

— Конечно нет!

— И никогда об этом не думала?

— Не думать нельзя.

— Неужели не было молодого человека, с которым тебе хотелось бы познакомиться поближе?

— Никогда! — Зэп-210 была явно шокирована.

— Ну, сейчас ты на поверхности, и все может сложиться по-другому... А теперь лучше спи. Вполне возможно, что завтра кхоры всем городом устроят на нас охоту.

Рейш наконец заснул. За ночь он проснулся только однажды. Голубая луна села, небо было темным. Издалека, с равнины, доносились печальные взвизги ночных собак. Он плотнее закутался в плащ; Зэп-210 вдруг сонно прошептала:

— Я боюсь неба.

Рейш придвинулся к ней поближе, протянул руку и погладил девушку по шелковистым густым волосам. Она вздохнула и расслабилась. Адаму хотелось защитить ее, укрыть от всех опасностей...

На востоке появился слабый красновато-коричневый отблеск, превратившийся постепенно в лиловое, а потом — янтарное сияние, разлившееся по небу. Наступил рассвет. Пока Зэп-210 сидела, кутаясь в плащ, Рейш обследовал кошельки, позаимствованные у кхоров, и с радостью обнаружил девяносто пять цехинов, больше, чем ожидал. Он выбросил дротики — острые железные стрелки длиной в двадцать сантиметров, с оперением на конце; кинжал заткнул за пояс.

Они двинулись вверх по склону и скоро добрались до гребня. Карина-4269 ярко освещала местность: перед ними открылся еще один изгиб берега, небольшое болото. Вдали виднелся новый мыс. Селение кхоров раскинулось на склоне холма слева. Прямо под ними через болотце к морю, змеясь, протянулись мостки — хрупкая конструкция из шестов, канатов и досок, то и дело раскачивавшаяся. Бурное течение образовало водоворот у подножия мыса. К тонким шестам привязано полдюжины лодок, похожих на рыбацкие плоскодонки с парусами. Рейш взглянул на деревню. Над черными железными крышами то тут, то там поднимался дым: если бы не это, селение казалось бы вымершим. Рейш принялся рассматривать лодки.

— Гораздо легче плыть, чем идти пешком, — сказал он девушке. — Кажется, со стороны берега дует свежий ветер.

— Плыть через такое огромное пустое пространство?

— Не море страшно нам сейчас, а люди, что по нему плавают... Чем меньше мы их встретим, тем лучше. Впрочем, то же относится и к суше.

Он стал спускаться по склону; Зэп-210 скользила за ним. Они достигли начала мостков и осторожно ступили на качающуюся дорожку. Где-то поблизости раздался гневный вопль. Какой-то мальчишка со всех ног кинулся к деревне.

Рейш тоже перешел на бег.

— Быстрее! У нас мало времени.

Зэп-210, задыхаясь, едва поспевала за ним. Наконец они добрались до конца мостков.

— Мы не сможем убежать! Они бросятся в погоню на лодках!

— Нет, не думаю.

Он внимательно осмотрел лодки, выбирая самую прочную. Перед деревней собирались возбужденные жители. Около дюжины бросилось к беглецам, за ними последовало еще столько же.

— Прыгай в лодку! — приказал Рейш. — Ставь парус!

— Поздно! — вскричала Зэп-210. — Нас догонят!

— Нет, не поздно. Ставь парус!

— Я не умею...

— Потяни за веревку, которая идет вверх на мачту.

Зэп-210 залезла в лодку и попыталась сделать так, как сказал Рейш. Тем временем он бежал вдоль пирса и обрезал веревки, удерживающие остальные посудины. Они поплыли по течению, подгоняемые ветром с берега.

Когда Адам вернулся, Зэп-210 все еще пыталась справиться с фалом. Она напрягала все силы, но ей удалось лишь перекосить рею. Рейш бросил последний взгляд на воющих жителей деревни, прыгнул в лодку и оттолкнулся от причала.

Времени распутать фал или освободить рею не было. Он схватил весла, вставил их в уключины и принялся грести. Неистово орущие кхоры добежали до пирса, затрепавшего под тяжестью такой оравы. Вот они остановились, метнули дротики; смертоносный рой не долетел всего десять — двенадцать футов до лодки. Страх подстегнул Рейша, и он с новыми силами налег на весла; потом пошел ставить парус. Рея качнулась, наверху скрипнуло, серое полотно наполнилось ветром, суденышко накренилось и помчалось вперед, вспенивая воду. Кхоры молча стояли на пристани и смотрели вслед беглецам.

Рейш держал курс прямо в открытое море. Зэп-210 съехала в середине лодки. Наконец она не выдержала и запротестовала:

— Разумно ли так удаляться от суши?

— Очень разумно. Кхоры могли следовать за нами по суше и убить, как только мы пристали бы к берегу.

— Я никогда раньше не путешествовала по просторам вашего мира. Это так страшно — жить под открытым небом, на земле без конца и края! Чувствуешь себя совсем беззащитной...

— Все-таки сейчас наше положение намного лучше, чем вчера. Ты есть хочешь?

— Да.

— Загляни-ка вон туда. Может, нам повезет.

Зэп-210 порылась в сундуке на корме, где среди кусков каната и снастей, запасных парусов и фонаря нашла кувшин воды и мешок с сухими лепешками из стручков травы паломников.

Когда берег превратился в размытую линию на горизонте, Рейш повернул лодку на северо-запад и поставил неуклюжий парус по ветру.

Весь день дул попутный бриз. Адам держал курс в десяти милях от берега, за пределами видимости кхоров. Вдали показались холмы, по-маячили на траверзе, постепенно уменьшаясь, и словно растворились в воздухе.

После полудня ветер усилился, погнал барашки по темному морю. Такелаж скрипел, паруса раздувались, лодка бешено рассекала волны, оставляя позади белый пенящийся след, а Рейш радовался каждой миле за кормой.

Солнце опустилось за холмы, ветер стих, и лодка потеряла ход. Стемнело; Зэп-210 пугливо сжалась на скамье, угнетенная безграничностью неба. Рейшу надоели ее страхи. Он спустил наполовину парус, закрепил руль, устроился поудобнее и уснул.

Разбудило его прохладное дуновение утреннего бриза. Спотыкаясь в предрассветной полутьме, он ухитрился поднять парус; затем прошел на корму к рулю и, еще полусонный, правил лодкой, пока восход не залил все вокруг нежным янтарным светом.

Около полудня им встретился узкий отрезок суши, словно стилет, пронзивший море. Рейш причалил к мрачному серому берегу и занялся поисками еды. Он нашел ручей с солоноватой водой, куст с темно-красными драконовыми ягодами и траву паломников, растущую, кажется, повсюду. В ручье мелькали крошечные ракообразные существа, но Адам так и не смог заставить себя наловить их.

Через несколько часов они снова вышли в море. Рейш воспользовался веслами, чтобы оттолкнуться от берега. Пейзаж скоро изменился. Бесконечные холмы, серые пляжи и болота превратились в узкие полоски гальки; за ними поднимались голые красные утесы. Рейш, боясь сесть на мель, направил лодку в открытое море.

За час до заката на северо-востоке показалось длинное узкое судно, идущее параллельно их курсу. Солнце низко висело на северо-западе, и Рейш надеялся избежать внимания людей на борту корабля, разительно напоминающего пиратские галеры Драсчада. Он изменил курс на южный. Корабль тоже повернул, то ли случайно, то ли намеренно — Рейш мог только гадать. Проверить их? Адам повернул лодку прямо к берегу, лежащему на расстоянии десяти миль; судно снова изменило курс. Рейш с ужасом убедился, что их перехватят. Зэп-210 наблюдала, привычно опустив плечи. Что делать, если корабль в самом деле нагонит их? Девушка не знала почти ничего о жизни вне

Убежища. Более неподходящего времени для объяснений придумать трудно. Если от пиратов улизнуть не удастся, лучше убить ее. Нет, они вместе бросятся в море и утонут... Вообще-то оба варианта не годятся: пока жив, остается надежда...

Солнце опустилось за линию горизонта; ветер, как и вчера, внезапно стих. С закатом установился штиль, и судно беспомощно закачалось на волнах.

Рейш взялся за весла. Пока сумрак окутывал океан своим покрывалом, Адам греб в сторону берега, оставив позади потерявший ход пиратский корабль. Он плыл всю ночь. Взошла розовая луна, затем показалась голубая. Они расстелили по воде разноцветные дорожки света.

Наконец одна из этих дорожек оборвалась, дойдя до огромной черной глыбы. Земля! Рейш бросил якорь и опустил парус. Вместе с девушкой поел немного ягод и стручков травы паломников. Потом они улеглись спать на дне лодки.

Утро принесло бриз с востока. Лодка стояла на якорь в ста футах от берега, глубина здесь была меньше трех футов. Пираты исчезли. Рейш поднял якорь и поставил парус; лодка весело заскользила по воде.

Вчерашние события научили Адама осторожности, и он плыл всего в четверти мили от берега, пока ветер после полудня не стих. Надвигающиеся с севера тучи предвещали шторм. Взявшись за весла, Рейш завел лодку в лагуну в устье спокойной реки. Возле берега плавал плот из сухого камыша, на котором двое мальчишек ловили рыбу. Бросив любопытный взгляд на чужаков, они потеряли к ним всякий интерес и следили за приближением лодки с полным безразличием.

Рейш перестал грести и задумался. Поведение мальчишек казалось ему неестественным. На Тчаи подобная необычная реакция почти всегда предвещает опасность. Рейш осторожно подвел лодку на расстояние, с которого его могли слышать. В ста футах от него на берегу сидели трое местных жителей и тоже ударили рыбу. Похоже, это были серые: невысокий и коренастый народ с грубыми чертами лица, редкими коричневыми волосами и свинцовой кожей. «По крайней мере, — подумал Рейш, — это не кхоры. Зачем им проявлять враждебность к незнакомцам?»

Лодка медленно скользила вперед. Рейш крикнул:

— Есть здесь поблизости город?

Один из мальчиков указал на рощу пурпурных деревьев, видневшуюся за зарослями камыша.

— Вон там.

— Как он называется?

— Зафатран.

— А гостиница или постоянный двор там есть? Где мы сможем переночевать?

— Спросите у тех, на берегу.

Рейш направил туда лодку. Один из рыбаков с раздражением закричал:

— Перестаньте шуметь! Распугаете нам всю рыбу!

— Извини, — сказал Рейш. — Сможем мы найти пристанище в вашем селении?

Мужчины посмотрели на него с неприкрытым любопытством.

— Что вы делаете здесь?

— Мы путешественники, прибыли с юга Кислована, возвращаемся домой.

— Вы заплыли так далеко на таком вот маленьком суденышке? — недоверчиво произнес рыбак.

— И оно здорово похоже на посудины кхоров, — отметил его товарищ.

— Да, ваша правда, — согласился Рейш, — выглядит точь-в-точь как их лодки. Но ближе к делу: как насчет ночлега?

— Для тех, у кого водятся цехины, найдется кров, еда и питье.

— Разумную цену мы можем заплатить.

Старший из рыбаков не торопясь поднялся на ноги.

— Мы люди разумные, — объявил он и махнул рукой Адаму. Когда лодка уткнулась в камыши, с неожиданным проворством прыгнул на борт. — Значит, говорите, что вы кхоры?

— Наоборот. Мы вовсе не кхоры!

— Откуда тогда взяли такую лодку?

— Бывают, конечно, и лучше, но она сослужила нам добрую службу — помогла добраться до вашего селения.

Лицо рыбака исказила циничная усмешка.

— Плывите по каналу вон туда, держитесь правее.

Целых полчаса Рейш работал веслами, петляя по лабиринту каналов, но так и не миновал рошу за островками черного тростника. Она высилась то справа, то слева, как неотвязный мираж. Наконец до Адама дошло, что его или пытаются запутать, или разыгрывают.

— Я устал; остаток пути грести будешь ты, — заявил он зафатранцу.

— Нет, нет, — отказался старик. — Мы почти на месте, осталось проплыть по тому вон каналу к деревьям.

— Странно, — сказал Рейш. — Мы проделывали этот путь раз десять!

— Все каналы похожи друг на друга. Вот мы и добрались!

Лодка вошла в спокойное озеро, вокруг которого под сенью пурпурных деревьев стояли на сваях дома с тростниковыми крышами. В дальнем конце озера виднелось самое большое и комфортабель-

ное здание. Сваи изготовлены из пурпурных бревен, а плетеная крыша украшена сложным черно-коричнево-серым узором.

— Наш общинный дом для гостей, — объяснил зафатранец. — Вопреки молве, мы вовсе не отрезаны от остального мира. Мимо частенько проезжают танги со своими повозками или бихасы, мелкие торговцы, а иногда почтенные путешественники вроде вас. Всех иноземцев мы принимаем здесь.

— Танги? Тогда мы рядом с мысом Браиз!

— Триста миль для вас, значит, рядом? Танги расплодились на Тчаи как песчаные мухи; они появляются повсюду, причем чаще там, где их совсем не хотят видеть. Недалеко отсюда находится Урманк — большой город тангов... Вы оба принадлежите к неизвестному мне племени. Знаете, если бы это не звучало так нелепо, я бы сказал, что... но нет, болтать ерунду — уронить свое достоинство; я не пророню ни слова!

— Мы прибыли издалека, — заявил Рейш. — Ты наверняка не слышал об этом месте.

Старик безразлично махнул рукой.

— Как хотите: по мне, пока вы соблюдаете приличия и исправно оплачиваете счета, называйтесь кем угодно! Или сохраняйте инкогнито...

— Два вопроса, — сказал Рейш. — Что подразумевается под «приличиями» и во сколько примерно обойдутся нам сутки пребывания здесь?

— Правила приличия простые, — пояснил зафатранец. — Обмен любезностями, как говорится. Платить придется четыре или пять цехинов в день. Если вас условия устраивают, сходите на причал; мы отгоним и спрячем вашу лодку, чтобы не возбуждать любопытства у тангов или бихасов, если те будут проходить мимо.

Рейш решил не возражать. Он подвел лодку к хлипкому сооружению из лозы и тростника, привязанному к штабелю бревен. Зафатранец выпрыгнул на берег и галантно помог Зеп-210 выбраться на причал, при этом внимательно изучая ее.

Адам присоединился к ней, передал старику веревку от лодки. Тот отдал ее парню, пробормотав какие-то указания. Потом повел странников через павильон, сплетенный из лозы, в местную гостиницу.

— Вот вы и на месте, устраивайтесь! Комната здесь. Еду и вино подадут попозже.

— Мы бы хотели принять ванну, — сказал Рейш, — и, если можно, купить новую одежду.

— Баня вон там. А за чисто символическую сумму местные жители продадут вам костюмы.

— За какую сумму?

— Обычный наряд из серой ткани для рубки лозы или возделывания огорода стоит десять цехинов. Ваши наряды превратились в лохмотья, так что советую потратиться.

- Белье включено в эту цену?
- Еще за два цехина вы получите и новое белье. А вот сандалии обойдутся уже по пять цехинов за пару.
- Хорошо, — согласился Рейш. — Принеси все. Не станем скупиться, пока денежки водятся.

Глава 6

В простой серой куртке и зафатранских штанах Зэп-210 гораздо больше походила на обычную девушку. Ее черные волосы начали завиваться, под воздействием ветра и солнца кожа потемнела; только неестественно правильные черты лица и постоянная отстраненность выделяли бывшую Прислужницу из толпы. Скорее всего, незнакомые с ее историей люди не заметят в ее поведении чего-либо необычного, а привитые с детства правила общения примут за застенчивость.

Но Кауш — так звали старого зафатранца — заметил. Отведя Рейша в сторону, он доверительно спросил:

— Твоя женщина что, больна? Если тебе требуются травы, парная баня или гомеопатия, все это у нас имеется и стоит не очень дорого.

— Зафатранцы во всем ищут выгоду, — заметил Рейш. — Когда соберемся уезжать, наверняка будем должны вам больше цехинов, чем имеем при себе. Что вы тогда будете делать?

— С грустью примем неизбежное. Мы знаем, что принадлежим к проклятому судьбой народу, обреченному на бесконечные беды. Но, надеюсь, сегодня не такой случай?

— Нет; разве что придется наслаждаться вашим гостеприимством дольше, чем я планирую.

— Не сомневаюсь, что ты способен точно оценивать свои возможности. Но вернемся к состоянию здоровья женщины. — Он критически оглядел Зэп-210. — У меня есть некоторый опыт в таких делах; она кажется хилой, безучастной ко всему и несколько угрюмой. Что с ней еще неладного, пока не пойму.

— Она непостижимое существо, — согласился Рейш.

— Это определение, должен заметить, подходит вам обоим, — сказал Кауш. Он перевел совиный взгляд на Рейша. — Ну, больна или нет женщина — твое дело, конечно... Закуску уже подали, так что приглашаю вас к столу.

— За небольшую плату, вероятно?

— Как же иначе? В этом суровом мире бесплатен только воздух, которым мы дышим. Неужели вы из тех, кто ходит голодным, покусившись выложить несколько монет? Не думаю. Пойдемте.

Кауш провел их в павильон, усадил за столик и отправился отдать распоряжения девушкам, разносящим еду.

Сначала подали холодный чай, лепешки со специями, стебли свежих красных водорослей. Вкусная еда, удобные стулья... После нескольких недель испытаний и тягот все это казалось нереальным, Рейш, как ни сдерживался, то и дело подозрительно оглядывался по сторонам. Постепенно он расслабился. Павильон казался райским местечком. Тонкие изящные ветви пурпурных деревьев свисали низко, распространяя аромат. Солнце отбрасывало на воду темно-золотые блики. Откуда-то из-за общинного дома доносилась музыка. Зэп-210 задумчиво смотрела на пруд и ковыряла еду, словно та ей не нравилась. Почувствовав взгляд Рейша, она сразу выпрямилась.

— Налить тебе еще чаю? — предложил Рейш.

— Как хочешь...

Адам потянулся за пузатым стеклянным кувшином.

— Похоже, ты не очень голодна.

— Наверное, нет. Интересно, есть здесь дако?

— Уверен, что никакого дако у них нет.

Зэп-210 раздраженно сцедила пальцы.

— Тебе здесь нравится? — спросил Рейш.

— Все-таки лучше, чем в море!

Он замолчал и стал пить чай. Со стола убрали грязную посуду; появились новые блюда: крокеты в сладком желе, жареные стебельки с белой сердцевинкой, кусочки серой морской рыбы. Как и раньше, Зэп-210 ела без особого аппетита. Адам прервал затянувшуюся паузу.

— Ты теперь увидела жизнь на поверхности. Она очень отличается от того, что ты ожидала встретить, или нет? — осторожно спросил он.

Девушка задумалась.

— Не ожидала, что увижу так много женщин-матерей, — тихо, словно про себя, пробормотала она.

— Ты имеешь в виду женщин с детьми?

Она покраснела.

— Нет, женщин с оттопыривающимися грудями и широкими бедрами. Их так много! Среди них есть такие молодые, почти девочки!

— Но это нормально! Когда девочка становится взрослой, у нее развиваются грудь и бедра.

— Я не ребенок, — надменно провозгласила Зэп-210. — И у меня... — Она затихла.

Рейш налил себе еще чашку чая и уселся поудобнее.

— Пора объяснить тебе кое-что. Наверное, мне надо было сделать это раньше. Все девочки становятся женщинами-матерями.

Зэп-210 недоверчиво уставилась на него.

— Не может быть!

— Может. Пнумы давали тебе лекарства, чтобы подавить нормальное развитие, скорее всего дако. Теперь его действие кончилось, и ты становишься такой же, как все остальные девушки — ну, почти такой же... Ты уже заметила это?

Зэп-210 поникла, сраженная тем, что он знает ее сокровенную тайну.

— О таких вещах не говорят вслух.

— Я должен был объяснить, что с тобой происходит.

Зэп-210 перевела взгляд на озеро. Совсем другим голосом она спросила:

— Ты заметил во мне изменения?

— Конечно. Ты больше не выглядишь как больной тщедушный подросток.

— Я не хочу становиться толстым животным, вечно валяющимся в темноте. Неужели я должна стать матерью? — прошептала девушка.

— Все матери — женщины, но не все женщины — матери. А последние вовсе не обязательно превращаются в толстых животных.

— Странно, странно! Почему одни — матери, а другие — нет? Им выпадает злая судьба?

— В этом определенную роль играют мужчины, — пояснил Рейш. — Посмотри вон туда: двое детей, женщина, мужчина. Женщина — мать. Она молода и прекрасно выглядит. Мужчина — отец. Без отцов не бывает детей.

Прежде чем Рейш смог продолжить свои объяснения, старый Кауш вернулся к столу и сел на свободный стул.

— Вы всем довольны?

— Да, очень, — сказал Рейш. — Нам будет жаль покидать вашу деревню.

Кауш самодовольно кивнул.

— Мы в общем-то на удивление приятные люди: в нас нет ни суровости кхоров, ни одержимости и капризности тангов, что живут на западе. А вы о себе расскажете? Любопытно было бы узнать, откуда вы, зачем странствуете по свету, потому что, говоря по правде, я никогда еще не встречал таких диких людей.

Поразмыслив немного, Адам заявил:

— Охотно удовлетворю твое любопытство, за разумную плату, конечно. Могу предложить самые разные сведения — от тривиальных фактов до невероятных историй. За сто цехинов, например, гарантирую, что мой рассказ вызовет восхищенное изумление.

Кауш отшатнулся и протестующе замахал руками.

— Нет, нет, не делись со мной тем, что так дорого оцениваешь! Но если вдруг захочешь бесплатно познакомить с какими-нибудь незначительными эпизодами жизни, найдешь во мне благодарного слушателя! Любый пустяк разбудит во мне любопытство.

Рейш засмеялся.

— Пустяки и банальности — роскошь, которую я не могу себе позволить! Завтра мы покидаем Зафатран. Мы должны добраться до Сивиша, но как это сделать, когда в карманах лишь жалкая горстка цехинов, ума не приложу!

— Тут я ничего не могу посоветовать, — сказал Кауш, — даже за плату. Дальше Урманка я никогда не бывал. Там надо соблюдать осторожность! Танги отберут у доверчивого путника все цехины до последнего без малейших угрызений совести. И бесполезно сердиться или обижаться! Такой уж у тангов нрав. Вместо того чтобы работать, они предпочитают на все смотреть сквозь пальцы. Когда зафатранцы приезжают в Урманк, они всегда держатся начеку. Да вы сами сможете убедиться, если поедете туда с нами на рынок.

— Хм-м... — Рейш потер подбородок. — А как быть с нашей лодкой?

Кауш с наигранным безразличием пожал плечами.

— Лодка? Что можно сделать со старой изношенной посудиною?

— Мы собирались продать этот ценный предмет в Урманке, — сказал Адам. — Однако, чтобы не утруждать себя, я согласен оставить ее здесь и даже сбавить цену.

Тихонько засмеявшись, Кауш потряс головой.

— Зачем мне такое неуклюжее суденышко? Настоящая развалина: не из лучших. А такого скудного набора запасных снастей и канатов я еще не видел...

После полутора часов отчаянных торгов Рейш расстался с лодкой за сорок два цехина, включая расходы на пребывание в Зафатране и стоимость проезда до Урманка. Он решил отправиться в город на следующее утро. За время переговоров выпили немало перченого настоя — местного алкогольного напитка, и на душе у Адама стало легко. Его нынешнее положение выглядело не таким уж плохим. Будущее? Зачем терзаться догадками? Лучи послеполуденного солнца просачивались сквозь кроны огромных деревьев, окрашивая все вокруг в фиолетовые тона; небо отражалось в озере словно в зеркале.

Кауш отправился по своим делам; Рейш откинулся на спинку стула, рассматривая Зэп-210, которая тоже отведала настоя. Сейчас он взглянул на нее другими глазами. Перед ним предстала не диковинная «Воспитанница Пнумов», как она себя называла, а соблазнительная женщина, чей профиль неясно вырисовывался в наступивших сумерках. Она была полностью поглощена чем-то происходящим на другом конце павильона. Наконец девушка повернулась к Рейшу. Какие у нее красивые, оказывается, глаза! Потрясенный шепот:

— Ты видел... это?

— Что?

— Там молодые мужчина и женщина прижались друг к другу самым неподобающим образом!

— В самом деле?

— Да!

— Не могу поверить. А как именно они это делали?

— Ну... я не смогу это точно описать.

— Они делали это так?

Адам положил руки ей на плечи, заглянул в испуганные глаза.

— Нет... Они были ближе.

— Вот так?

Он осторожно обнял девушку и снова вспомнил, как они прятались от Пнума в подземном озере: ледяная вода, руки, обхватившие его шею, жар, исходивший от гибкого тела, прижавшегося к нему в инстинктивном стремлении выжить.

— Так?

Она уперлась руками в его плечи.

— Да... Отпусти меня; могут подумать, что мы неприлично себя ведем!

— А так они делали?

Адам поцеловал ее. Она посмотрела на него с изумлением и тревогой и приложила руку к губам.

— Нет... Зачем ты так поступил?

— Тебе не понравилось?

— Понравилось? Не знаю. Только не делай так больше; очень странное ощущение...

— Это все из-за того, что дако больше не действует. — Он отодвинулся и сел. Голова сладко кружилась.

Она посмотрела на него неуверенно.

— Не понимаю, почему ты так себя ведешь.

Рейш глубоко вздохнул.

— Для женщин и мужчин естественно чувствовать влечение друг к другу. Это называется стремлением к продолжению рода и иногда вызывает появление детей.

Зеп-210 заметно встревожилась.

— Я теперь стану женщиной-матерью?

— Нет, — успокоил ее Адам. — Для этого нам надо стать гораздо ближе.

— Ты уверен?

Она действительно чуть наклонилась к нему или Рейшу показалось?

— Уверен.

Он поцеловал ее снова. На сей раз, восторженно было, она замерла и не сопротивлялась. Затем судорожно вздохнула.

— Не шевелись. Они не заметят нас, если сидеть тихо, просто попытаются смотреть.

Рейш замер, склонившись над ней.

— Кто не заметит? — пробормотал он.

— Смотри... вот сейчас.

Адам бросил быстрый взгляд. На другом конце павильона застыли словно изваяния две фигуры в черных плащах и широкополых шляпах.

— Гжиндры, — прошептала девушка.

В этот момент появился Кауш и сразу направился к гжиндрам. Через минуту он вывел их наружу.

Сумерки сменились полной темнотой. Прислуживающие девушки развесили лампы с желтыми и зелеными абажурами и принесли новые подносы и супницы на буфетный стол. Рейш и Зэп-210 мрачно сидели в тени.

Кауш, вернувшись в павильон, присоединился к ним.

— Завтра на рассвете мы отправимся в Урманк и к полудню наверняка туда доберемся. Знаете, что за народ танги? Какая у них репутация?

— В общем, да.

— Репутация заслуженная. Они считают, что достойнее обмануть, чем поступить по совести, приятнее не заработать, а украсть. Так что будьте начеку.

— А откуда взялись двое в черном, с которыми ты разговаривал полчаса назад? — осторожно произнес Рейш.

Кауш кивнул, словно ожидал такого вопроса.

— Это были гжиндры, или «скитальцы», как мы их называем; они иногда служат посредниками для Пнумов. Сегодня, однако, у них другое дело. Они взялись выполнить поручение кхоров — найти мужчину и женщину, которые осквернили священное место и украли лодку возле селения Фауж. По странному совпадению описание подходит к вашей внешности, хотя некоторые отличия позволили мне с чистой совестью заявить, что тех, кого они ищут, в Зафатране нет. Но они ведь могут обратиться к другим людям, которые знают вас не так хорошо, как я. Поэтому, чтобы избежать возможных недоразумений, предлагаю вам изменить обличье.

— Легче сказать, чем сделать, — заметил Рейш.

— Вовсе нет.

Кауш пронзительно свистнул. К нему плавной походкой подошла одна из девушек, смазливая, широкоплечая, скуластая, с крутыми бедрами, слишком большим ртом; тускловатые темно-коричневые волосы завиты в кокетливые локоны.

— Чего желаешь?

— Принеси пару оранжево-белых тюрбанов, — велел Кауш. — И черные кольца.

Служанка проворно принесла все. Подойдя к Зэп-210, она обернула ткань вокруг черной шапки волос и завязала так, что украшенные кисточками концы спускались позади левого уха, а перед правым подвесила черные кольца. Бывшая Прислужница неузнаваемо преобразилась. Она выглядела дерзкой, озорной, веселой кокеткой, нарядившейся в костюм пирата.

Затем то же проделали с Адамом. Кажется, Зэп-210 переодевание забавляло. Впервые с тех пор, как он с ней встретился, Рейш услышал ее смех.

— Совсем другое дело! — одобрительно воскликнул Кауш. — Вы превратились в жителей Хедаджи! Завтра принесу еще шали. Родная мать вас не узнает!

— Во сколько нам обойдется эта услуга? — спросил Рейш. — Надеюсь, сумма окажется разумной?

— Всего восемь цехинов; сюда входит стоимость самих вещей, подгонка и обучение походе хедаджанцев. Не улыбайся, это важно: вы должны ходить с жеманным видом, размахивая руками вот так. — Кауш, покачиваясь, засеменял перед ними. — Ну-ка, попробуем. Ты первая. Помни, колени должны быть чуть согнуты. Раскачивайся, раскачивайся...

Зэп-210 старательно выполняла его инструкции, то и дело поглядывая на Рейша: не смеется ли он?

Упражнения продолжались и ночью, пока розовая луна не скрылась за деревьями и на востоке взошла голубая. Наконец Кауш провозгласил, что он удовлетворен.

— Вы обманете любого. А сейчас спать! Завтра отправляемся в Урманк.

В маленькой спальне было темно; сквозь щели в стене проникал зеленый и желтый свет от ламп, освещавших павильон. Вместе с глубоким и розовым сиянием они образовали на полу многоцветную мозаику.

Зэп-210 подошла к стене и уставилась сквозь щель на дорогу, проходящую под могучими деревьями. Прошло несколько минут. Наконец Адам не выдержал и подошел к девушке.

— Что ты увидела?

— Ничего. Их так легко не заметишь! — Она странно взглянула на Рейша и села на плетеную кушетку. — Ты поразительный человек! Адам промолчал.

— Ты так мало мне рассказал! Иногда кажется, что я совершенно ничего не знаю.

— Что ты хотела бы услышать?

— Как ведут себя обитатели гхиана, что они чувствуют. Почему так удивительно себя ведут иногда...

Рейш подошел, наклонился над ней.

— Ты хочешь узнать все это сегодня ночью?

Она опустила глаза.

— Нет. Я боюсь... Не сейчас.

Рейш осторожно погладил ее по голове. Ему вдруг захотелось прилечь рядом и рассказать о пережитых приключениях, увидеть, как на бледном личике появляется румянец, почувствовать на себе удивленный и восторженный взгляд... Странная девушка все больше притягивала его!

Адам отвернулся и направился к своей кушетке. Она не отрываясь смотрела на него.

Утром тысячи солнечных лучиков пронзили плетенную из ивовых прутьев стену. Войдя в павильон, Рейш и Зэп-210 сразу наткнулись на Кауша, с аппетитом завтракавшего лепешками из травы паломников и горячей, вкусно пахнущей похлебкой. Он тщательно осмотрел путешественников, облаченных в тюрбаны и старательно вышагивающих, как учил их старик.

— Неплохо. Но вы постоянно забываете, как себя надо вести. Больше раскачивайся, госпожа, чаще поводи плечами. Помните, выйдя отсюда, вы станете уроженцами Хедаджи! Вдруг у кого-нибудь возникнут подозрения или за вами станут шпионить.

После завтрака все трое вышли на затененную деревьями улицу, ведущую на север. Они подошли к паре повозок с запряженными в них серокожими животными, изящно пританцовывающими на восьми ногах.

Кауш влез в первую повозку, Рейш и Зэп-210 присоединились к нему; вторую занял земляк старика. Они тронулись в путь.

Дорога проходила по унылой местности, заросшей тростником и болотной травой, среди которых виднелись черные пни, опутанные какими-то зелеными усиками. Всю дорогу Кауш и его земляк не отрывали глаз от неба. Рейш наконец не выдержал:

— Что ты там высматриваешь?

— Иногда на нас нападают стаи хищных птиц с тех холмов. Кстати, вот летит один из их дозорных. — Он указал на черное пятно в небе и со спокойствием человека, смирившегося с неизбежным, произнес: — Скоро они нападут на нас.

— Ты не очень обеспокоен, — заметил Рейш.

— Мы научились с ними бороться.

Кауш повернулся к земляку, ехавшему позади, махнул ему рукой, потом заставил своих скакунов двигаться быстрее. Расстояние между повозками увеличилось до ста ярдов. Стая каких-то похожих на птиц существ приближалась к ним с юга. Когда они подлетели, Рейш увидел, что каждая птица несла по два обломка скалы размером в половину человеческой головы. Адам посмотрел на старика.

— Что они собираются делать с этими камнями?

— Они бросают их в нас, причем с поразительной точностью. Представь себе: ты стоишь на дороге, и вдруг штук тридцать созданий появляются над головой, разжимают когти, и... Все камни летят точнехонько в цель и размазывают тебя по земле.

— Вы научились их отгонять, верно?

— Нет, что ты! Как напугать таких чудовищ?

— Значит, не даете им прицелиться?

— Наоборот. Мы, в сущности, мирные люди, не любим суеты и стараемся так бороться с нашими врагами, чтобы те сами, собствен-

ными действиями, привели себя к поражению. При нападении кхоров, например — они не делали этого уже шестьсот лет, — мы всячески уклонялись от сражения и проникали в их священные рощи. Там оскверняли святыню самым простым и естественным способом. Бедняги не могли больше использовать изгаженную рощу для ритуального совокупления, так что им приходилось либо переселяться, либо вымирать. Не очень утонченное оружие, что и говорить, но так мы ведем войну и побеждаем!

— А эти птицы? — Рейш с сомнением посмотрел на приближающуюся стаю. — Наверняка такой оригинальный способ здесь не поможет?

— И я так думаю. Но мы его с ними никогда не использовали. Лучшая защита от этих тварей — бездействие.

Птицы пролетели над головой; Кауш пустил животных неровным галопом. Одно за другим создания метали камни, но они падали на дорогу позади повозки.

— Птицы, как ты, наверное, уже понял, могут поразить лишь неподвижную цель; сейчас их губит меткость!

Наконец запас камней иссяк; с разочарованным карканьем создания улетели обратно в горы.

— Скорее всего, они вернутся с новым грузом, — сказал Кауш. — Ты заметил, что дорога поднимается на четыре фута над окружающими болотами? Это сделали птицы за много столетий. Они опасны только для тех, кто зазевался.

Повозки двигались сквозь лес коричневых деревьев, кишащих ордами маленьких белых пушистых шаров, полупауков, полуобезьян, которые прыгали с ветки на ветку, испуская хриплые взвизги и бросая ветки в путешественников. Дальше миль двадцать дорога шла по равнине, усеянной обломками медово-желтого туфа. Впереди небо пронзали две скалы; каждую из них венчал древний разрушенный замок. Много веков назад здесь был центр тайного культа, но теперь, по словам Кауша, в развалинах поселились чудовища.

— Днем их не видно, но по ночам они спускаются рыскать в предместьях Урманка. Иногда танги ловят их в западни и используют на карнавалах.

Они проехали величественные пики. Наконец показался Урманк: беспорядочное скопление высоких узеньких домов из черных бревен, коричневой черепицы и камня. В порту у причала покачивалось на воде полдюжины кораблей. За набережной лежала рыночная площадь; развевающиеся оранжевые и зеленые флаги придавали ей праздничный вид. Длинная кирпичная стена, кое-где начавшая разрушаться, окружала ее. Позади теснились глинобитные хибары — здесь жили местные парии.

— Вот он, Урманк, город тангов! — воскликнул Кауш, — Им все равно, кого принимать у себя, лишь бы объегорить и отобрать парочку цехинов.

— Что ж, наверное, я их разочарую, — объявил Адам. — Ведь я сам надеюсь раздобыть здесь как-нибудь деньги.

Кауш с нескрываемым изумлением посмотрел на спутника.

— Ты действительно надеешься вытянуть цехины у тангов? Ну, значит, ты великий умелец! Если владеешь каким-нибудь таинственным приемом, поделись им! Танги так привыкли обманывать нас, что считают это своим законным правом. Предупреждаю тебя по-дружески: держи ухо востро!

— Если они вас постоянно обманывают, зачем вести с ними дела?

— Действительно, звучит глупо, — признал Кауш. — В конце концов, мы могли бы построить корабль и плавать в Хедаджу, Зеленый Эгресс, Кoad, но мы не привыкли во всем повиноваться рассудку. Нам нравится приезжать в Урманк, где столько развлечений! Посмотри вон туда; видишь площадку, огороженную коричнево-оранжевой парусиной? Там идет представление на ходулях. Дальше — азартные игры, где обязательно теряешь больше, чем выигрываешь. Урманк — вечный вызов нам всем. Каждый раз мы надеемся перехитрить тангов!

— Объединив усилия, мы можем добиться успеха, — сказал Рейш. — По крайней мере, я посмотрю свежим взглядом на твоих тангов.

Кауш равнодушно пожал плечами.

— Зафатранцы с незапамятных времен пытаются превзойти их. Нас облапошивают по одной и той же схеме. Сначала заманивают, вселяя надежду быстро обогатиться; но как только выложишь цехины, возможности исчезают одна за другой... Ну, для начала надо освежиться. Постоялый двор «Счастливый мореход» до сих пор меня не подводил. Как моим спутникам, вам не грозит участь быть убитыми, похищенными или проданными в рабство. Однако свой кошелек вы должны охранять сами; на деньги готовность тангов к разумным компромиссам не распространяется!

Глава 7

Общая комната в «Счастливом мореходе» была отделана в стиле, который Адам еще не встречал. Угловатые стулья из деревянных плашек и брусков выстроились вдоль стены из побеленных кирпичей. В нишах в стеклянных сосудах плавали переливающиеся всеми цветами радуги морские черви. Старший служащий облачился в коричневый кафтан, застегнутый спереди на пуговицы, черную облегающую череп шапочку, туфли и перчатки того же цвета. Он отличался обходительными манерами; на лице словно приклеена вежливая улыбка. Он предложил Рейшу осмотреть две смежные комнаты, в каждой из которых имелись кровать, тумбочка и лампа. Вместе со свежим постельным бельем и мазью для ног все стоило три цехина. Рейш счел цену подходящей и сказал об этом Каушу.

— Да, — согласился тот. — Три цехина — недорого, но советую не пользоваться мазью для ног. Это новая услуга; она вызывает у меня подозрения. Сейчас подумаем... От состава могут остаться пятна на дереве, за что тебе выставят в счет дополнительную сумму. Или в него входит средство, вызывающее нарывы, бальзам от которых продают по пять цехинов за грамм.

Кауш говорил в полный голос в присутствии вежливого служителя, который спокойно рассмеялся, ничуть не обидевшись.

— Старый зафатранец, ты сегодня настроен чересчур недоверчиво. Недавно нам пришлось принять в счет оплаты большую партию укрепляющих средств и мазей, и мы просто предоставили их нашим гостям. Не нужно ли тебе глистогонное или мочегонное средство? Мы продаем их по номинальной цене.

— Сейчас мне ничего не надо, — отказался Кауш.

— А твоим друзьям? Каждый почувствует себя лучше, приняв слабительного, мы продаем его всего за десять мелких монет. Нет? Ну тогда позвольте мне рекомендовать вам поужинать в «Изысканных дарах земли и моря». Заведение расположено в нескольких шагах отсюда, направо по набережной.

— Я обедал там раньше, — отозвался скептически Кауш. — То, что передо мной тогда поставили, могло бы лишить аппетита и чудище из древнего замка. Мы лучше купим лепешек и фруктов на рынке.

— В таком случае не откажитесь почтить вниманием лавку моего племянника, что напротив заведения по удалению волос.

— Мы взглянем на его товар.

Кауш повел их на набережную.

— «Счастливым мореход» — относительно честное заведение. Но даже там, как вы убедились, надо быть начеку. В прошлый мой приезд сюда я остановился на секунду послушать, как в общей комнате играют музыканты. Потом в своем счете обнаружил графу с суммой в четыре цехина! Что же касается предложения очистить кожу за символическую плату или даже даром, — тут Кауш от избытка чувств закашлялся, — то могу рассказать, что случилось с моим дедушкой. Он согласился, а потом обнаружил на двери замок и вынужден был платить соответствующие деньги за пользование им. В результате медицинские процедуры обошлись ему в кругленькую сумму. Имея дело с тангами, надо тщательно обдумать каждый пункт договора.

Рейш с интересом рассматривал крутобокие небольшие рыбацьи лодки с высокой кормой и носом. При хорошем ветре они шли под парусами, в штиль приводились в движение электрическими двигателями. Перед каждым судном была укреплена табличка с названием корабля, портом назначения и временем отплытия.

Кауш дотронулся до его руки.

— Проявлять слишком большой интерес к кораблям неосторожно.

— Почему?

— В Урманке всегда разумнее скрывать свои намерения.

Адам огляделся по сторонам.

— Непохоже, что мы привлекаем внимание. А если кто-то сейчас наблюдает, то наверняка решит, что я запутываю следы и собираюсь путешествовать по суше.

Зафатранец вздохнул.

— В Урманке судьба преподносит немало сюрпризов для неосторожных.

Рейш остановился у таблички «Корабль «Нхиахар». Маршрут: Чинг, Туманные острова, южный Счанизад, Казайн».

— Минутку.

Он поднялся по трапу, подошел к худому мрачному человеку в кожаном переднике.

— Не подскажешь, как найти капитана?

— Это я.

— Сколько возьмешь за проезд двух человек?

— За каюту первого класса — по четыре цехина с человека в сутки, включая питание. Дорога до Казайна обычно занимает тридцать два дня; общая сумма за два места составит, скажем, двести шестьдесят цехинов.

Сетования по поводу непомерно высокой платы капитана не тронули.

Рейш вернулся на причал.

— Придется где-то раздобыть двести шестьдесят цехинов.

— Не такая уж невероятная сумма, — заметил Кауш. — Старательный рабочий может заработать четыре или даже шесть цехинов в день. В порту всегда требуются грузчики.

— А как насчет игральных салонов?

— Они находятся вон там, возле базара. Излишне говорить, что тебе вряд ли удастся превзойти профессиональных игроков.

Они вышли на площадь, вымощенную квадратными розовыми каменными плитами.

— Тысячу лет назад тиран Прзелиус соорудил здесь огромную ротонду. Уцелел только пол. Вот тут продуктовые лавки, там одежда и сандалии, а дальше — мази и экстракты.

Кауш указывал на различные части площади, где в лавках предлагали разнообразные товары: продукты, ткани, кожи, разные смеси специй землистого цвета, оловянные и медные изделия, черные железные плиты, листы, бруски и пруты, стеклянную посуду и лампы, бумажные талисманы и фетиши. Вокруг престижных мест на полу бывшей ротонды находились развлекательные заведения: оранжевые тенты, перед которыми на расстеленных коврах танцевали под звуки носовых флейт и трещоток девушки. Некоторые из них были закутаны в прозрачные газовые покрывала, другие танцевали обнаженными по пояс, а на нескольких, совсем еще девочках, красова-

лись только сандалии. Зэп-210 наблюдала за непристойными танцами с изумлением и ужасом. Потом пожала плечами и отвернулась с каменным лицом.

Приглушенное бормотание привлекло внимание Рейша. Полотняные стены окружали маленький стадион, с которого в этот момент донесся внезапный хор гиканья, криков и стонов.

— Соревнования на ходулях, — объяснил Кауш. — Похоже, один из чемпионов потерпел поражение, и многие, поставившие на него, потеряли деньги.

Проходя мимо арены, Рейш мельком увидел четырех мужчин на десятифутовых ходулях, осторожно круживших по арене. Один лягнул другого ходулей, другой обрушил на соперника дубинку с подушкой на конце, а третий, застигнутый врасплох, резко накренился, отступая, но каким-то чудом сохранил равновесие. Остальные, совершая гигантские прыжки, преследовали его, как диковинные стевятники.

— Бойцы на ходулях — в основном резчики слюды с Черных гор, — объяснил старый зафатранец. — Зритель, заключивший пари, может с таким же успехом просто бросить деньги в яму. — Он горестно покачал головой. — Но мои земляки, несмотря ни на что, не теряют надежды. Названный отец моего брата выиграл сорок два цехина на гонках угрей в прошлом году. Правда, двое суток накануне победы он непрерывно жег благовоения и молил о покровительстве богов.

— Давай посмотрим на гонки угрей, — предложил Рейш. — Если, как ты говоришь, боги вмешались и это принесло прибыль в сорок два цехина, то наш собственный разум должен добыть нам по крайней мере столько же и, надеюсь, больше.

— Тогда нам сюда, мимо дома отребьев.

Адам хотел спросить, что это такое. Неожиданно к нему подбежал ухмыляющийся сорванец и лягнул по ноге, затем, отскочив назад, построил мерзкую рожу и скрылся в здании. Рейш посмотрел вслед ребенку с гневом и недоумением.

— Зачем он это сделал?

— Зайдем-ка, — посоветовал Кауш. — Я тебе покажу.

Он завел их внутрь. На помосте в тридцати футах от входа стоял мальчишка, который при виде путешественников издевательски завизжал, да так, что у всех уши заложило. За прилавком стоял учтивый танг среднего возраста, шевеля шелковистыми коричневыми усами.

— Мерзкий грубиян, не правда ли? Вот, проучите его, забросайте как следует. Десяток комьев грязи стоит мелкую монетку. Пакеты с навозом — шесть за цехин, а колючие репейники — пять за цехин.

— Ну, давай, давай! — визжал сорванец. — Чего боитесь? Он не сможет забросить так далеко даже булыжник!

— Попробуй, господин, попади в него, — предложил слугитель. — Что выберешь? Комья грязи? Пакет с навозом дает ужасную вонь; отребье ее не переносит! А колющий репейник! Он проклянет тот день, когда напал на тебя!

— Поднимись на помост сам, — предложил Рейш. — Я хочу побросать в тебя.

— Цена двойная, господин.

Рейш вышел из дома отребьев под аккомпанемент насмешек сорванца и слугителя, доносившихся, пока они не ушли за пределы слышимости.

— Разумное воздержание, — заметил Кауш. — В таком месте цехинов не заработаешь.

— Не хлебом единым... Не важно. Покажи мне гонки угрей.

— Еще несколько шагов, и мы пришли!

Они приблизились к старой покосившейся стене, отделяющей рынок от Старого города. На краю пустыря, почти в тени стены, они увидели дугообразный стол, окруженный четырьмя десятками мужчин и женщин, одетых в большинстве как чужестранцы. В нескольких футах от него на бетонной платформе стоял деревянный резервуар, высотой в два фута и шести футов в диаметре. Он был снабжен откидывающейся крышкой. Отсюда вода вытекала в закрытые желоба, проходящие между двумя выступами стола, и вливалась в стеклянный бассейн на его изгибе. Зрители не отрываясь следили за стеклянным бассейном. Наконец из желоба в бассейн вылетел зеленый угорь; через секунду за ним последовали угри других различных цветов.

— Зеленый снова выиграл! — воскликнул хозяин угрей с болью в голосе. — Счастливый, счастливый зеленый! Не протягивайте руки за ограждение, пожалуйста, пока я не заплачу выигравшим! Двадцать цехинов этому господину из Джадарака, рискнувшему всего двумя цехинами. Десять цехинов даме в зеленой шляпе с побережья Азот; она поставила цехин на цвет своего головного убора! Это все? Я понес не такие уж большие убытки, хотя, признаться, сначала приуныл.

Хозяин собрал со стола цехины, поставленные на другие цвета.

— Сейчас начнутся новые гонки; делайте ваши ставки. Пожалуйста, кладите цехины точно на выбранный вами цвет, во избежание недоразумений. Ставки не ограничены; кладите любую сумму до тысячи цехинов, потому что моя наличность и резерв составляют только десять тысяч. Пять раз я уже разорился и всегда выкарабкивался из нищеты, чтобы верой и правдой служить азартным игрокам Урманка; разве это не истинная преданность?

Говоря так, он собрал угрей в корзину и отнес их к верхнему концу желоба. Потянул за веревку, которая открывала крышку резервуара. Рейш подался вперед и заглянул внутрь. Хозяин угрей не возражал, дав Адаму возможность изучить плескавшуюся воду.

— Смотри сколько хочешь, господин; единственная тайна здесь — сами угри. Если бы я мог разгадать секрет их движения, то разбогател бы в один день!

У истока спирального канала, идущего от центра водоема наружу, к желобам, Адам увидел пластину. Поперек соединительного протока прикреплена дверца, которую хозяин захлопнул. В резервуар он поместил угрей, потом опустил крышку.

— Вы все свидетели! Угри двигаются так же свободно, как в глубинах своих родных водоемов. Они кружат, скользят, ищут лучи света; когда я поднимаю дверцу, бросаются вперед. Кто первым достигнет бассейна? Загадка! В последний раз победителем был зеленый. Выиграет ли он снова? Делайте ваши ставки; кладите деньги на стол. Ага! Важный господин щедро поставил на серого и лилового по десять цехинов! Что я вижу? Красный цехин на красного! Смотрите все! Благородная дама из башни ставит сто цехинов на красного! Прибавит она к этим деньгам тысячу или лишится их? Ответ знают только боги и сами угри!

— Я буду третьим посвященным, — пробормотал Кауш Рейшу. — Она не выиграет. Красный угорь замешкается. Я предсказываю победу белого или голубого.

— Откуда ты знаешь?

— Никто не поставил на голубого. И только три цехина поставлены на белого.

— Верно, но откуда это известно уграм?

— Тут-то и заключается тайна, как утверждает их хозяин.

Рейш повернулся к Зэп-210.

— Ты понимаешь, как владелец управляет движением угрей в свою пользу?

— Я ничего не понимаю!

— Что ж, мы обдумаем это хорошенько, — сказал Рейш. — Давайте посмотрим еще один заплыв. Я поставлю цехин на голубого.

— Все ли ставки сделаны? — выкрикнул хозяин. — Пожалуйста, внимательнее. Цехины, лежащие на двух цветах одновременно, считаются проигравшими. Больше никто не ставит? Очень хорошо, пожалуйста, уберите руки за загородку. Ставки больше не принимаются! Начинаем гонку!

Шагнув к резервуару, он нажал на рычаг, который поднимал дверцу.

— Гонки начались! Угри стремятся к свету; они извиваются и кружатся от радости. Как они мчатся по желобу! Кто победит?

Игроки, вытянув шеи, замерли. В бассейн первым влетел белый угорь.

— О, — простонал хозяин. — Эти угри совсем разорят своего благодетеля! Двадцать цехинов уже разбогатевшему господину из племени серых. Ты, наверное, моряк? Десять цехинов благородному моло-

дому рабовладельцу с мыса Браиз. Я лишь отдаю деньги; где мой доход? — Он шагнул вперед, смахивая цехин Рейша на поднос. — А теперь приготовимся к следующему залпыву.

Адам повернулся к Каушу, покачал головой.

— Невероятно, в самом деле невероятно. Пойдемте-ка лучше отсюда.

Они бродили по рынку, пока не опустились сумерки; наблюдали за «Колесом фортуны», изучили состязание, в котором участники покупали мешочек цветных пластинок разной формы и пытались сложить из них шахматную доску, видели поддюжины других игр. На закате они зашли в маленькую харчевню возле «Счастливого морехода», где им подали на ужин рыбу в красном соусе, лепешки из стручков травы паломников, салат из морской травы и большую черную флягу вина.

— Танги соблюдают верность лишь своей кухне, — сказал Кауш. — Здесь им можно доверять полностью.

— Это доказывает, — заметил Рейш, — что нельзя судить о хозяине по тому, что он подает на стол.

Кауш напыщенно произнес:

— Как можно вообще судить своего ближнего? Например, на что ты опираешься в своих рассуждениях?

— Одно я знаю точно. Первое впечатление всегда обманчиво.

Кауш, удобно раскинувшись на мягком стуле, насмешливо посмотрел на спутника.

— Возможно, возможно. Вот ты, скорее всего, вовсе не такой хладнокровный сорвиголова, каким показался при первой встрече.

— Меня, бывало, оценивали куда жестче, — произнес Рейш. — Один из моих друзей заявил, что я похож на человека из другого мира.

— Странно, что ты сказал это, — объявил Кауш. — Недавно до нас дошла удивительная история. Говорят, люди на самом деле не произошли от союза священной птицы хухул и морского демона Радамфа, а пришли на Тчаи с далекой планеты. Впрочем, примерно то же утверждают яо — приверженцы культа. Но это не все! Ходят слухи, что какие-то люди с той планеты теперь странствуют по нашему миру и совершают невероятные подвиги: бросают вызов Дирдирам, побеждают Часчей, убеждают в своей правоте Ванкхов. Все охвачены ожиданием скорых изменений. Интересно, что ты скажешь, таинственный незнакомец?

— Полагаю, слухи не совсем пустые, — отозвался Рейш.

Зэп-210 упавшим голосом произнесла:

— Целая планета людей: она может оказаться еще более непонятной и дикой, чем Тчаи!

— Все это, конечно, сомнительно, — заметил Кауш поучающим тоном, — и, естественно, нас не касается. Вообще, любой человек таит

в себе загадку! Возьмем, к примеру, нас троих. Честный, скромный зафатранец и парочка вечно задумчивых бродяг, странников, которыми судьба играет, как ветер опавшими листьями. Что толкает вас на такое опасное путешествие? К какой цели вы стремитесь? Я сам за всю жизнь не побывал даже на мысе Бранз, и мне ничуть не хуже живется, разве что немного скучно порой. Смотрю я на вас и не устаю поражаться. Девушка смущена, но мужчина суров и непреклонен. Ведомый непонятной ей целью, он тащит ее за собой, хотя она боится идти. Но вернулась бы она назад, если бы могла?

Кауш заглянул Зеп-210 в лицо; нахмурившись, девушка отвернулась.

Рейш невесело усмехнулся:

— Без денег мы никуда не доберемся.

— Ха! — воскликнул Кауш фамильярно. — Если вам не хватает для счастья только денег, у меня есть лекарство! Раз в неделю проходят бои на арене. Кстати, Отвиль-чемпион сидит вон там. — Он кивнул в сторону совершенно лысого мужчины семи футов ростом, с мощными мускулистыми плечами и ногами и узкой талией. Тот сидел один, потягивая вино и угрюмо глядя на набережную. — Отвиль великий боец, — сказал Кауш. — Он однажды схватился с Зеленым Часчем-самцом и удержался! Ну, по крайней мере, остался жить...

— А большой у вас приз? — поинтересовался Рейш.

— Человек, поддержавшийся на арене пять минут, получает сто цехинов; добавочно ему платят по двадцать цехинов за каждую сломанную кость. Отвиль иногда за минуту крушит их цехинов на сто.

— А что случится, если противник вышвырнет Отвиля с арены?

Кауш скривил губы.

— За это приз не установлен; такой исход считается невозможным. А ты почему спрашиваешь? Собираешься поучаствовать в схватке?

— Ну нет, только не я! Мне надо добыть три сотни цехинов. Предположим, я продержусь пять минут на арене и получу сто цехинов... Мне ведь понадобится предъявить вам еще десять сломанных костей, чтобы заработать оставшиеся две сотни.

Кауш, казалось, был разочарован.

— У тебя есть другой план?

— Я все время думаю о гонках угрей. Как может хозяин на расстоянии в десять футов управлять их движением, пока они плывут вниз по закрытому желобу? Это кажется чем-то сверхъестественным, наподобие передачи мыслей.

— В самом деле, — согласился Кауш. — Годами люди Зафатрана исправно ставили цехины, предполагая, что такой контроль невозможен.

— Могут ли угри менять цвет? Нет, немыслимо! Хозяин влияет на угрей телепатически? Непохоже...

— Ничего больше в голову не лезет, — признался Кауш.

Рейш мысленно повторил действия хозяина.

— Он поднял крышку резервуара; что находится внутри, видно зрителям — вода глубиной всего в фут. Угрей помещают в центр водоема и закрывают там. Все происходит до того, как игроки выложили деньги на стол. И все-таки наверняка хозяин угрей управляет ими. Только вот как?

Кауш саркастически усмехнулся:

— Все еще надеемся заработать на гонках?

— Я хотел бы обыскать помещение. — С этими словами Адам поднялся на ноги.

— Сейчас? Но сегодня гонки уже закончены.

— И все-таки давайте там все осмотрим: это ведь всего в пяти минутах.

Место проведения гонок было безлюдным и едва освещалось светом, долетавшим сюда с рынка. После дневного оживления царившая здесь тишина казалась абсолютной.

Рейш указал на стену, ограничивающую территорию.

— Что лежит за ней?

— Старый город, дальше мавзолее, где танги хоронят своих покойников. Туда не стоит ходить ночью.

Рейш внимательно осмотрел желоб и резервуар с запертой на ночь крышкой. Повернулся к Каушу.

— Когда начинаются гонки?

— Ровно в полдень.

— Завтра утром я хотел бы осмотреть окрестности еще раз.

— Понятно, — задумчиво сказал Кауш и искоса взглянул на Адама. — У тебя есть план?

— Скорее, одно подозрение. Если...

Он оглянулся: Зэп-210 схватила его за руку.

— Вон там! Смотри!

По огороженному участку кралась двое в черных плащах и широкополых шляпах.

— Гжиндры! — прошептала девушка.

Кауш нервно предложил:

— Давайте вернемся на постоянный двор. Бродить так по темным закоулкам Урманка — непростительная беспечность!

В «Счастливом мореходе» Кауш сразу отправился к себе. Рейш отвел девушку в ее номер. Она остановилась на пороге.

— В чем дело?

— Я боюсь.

— Чего?

— Гжиндры преследуют нас!

— Необязательно. Возможно, это другие гжиндры.

— А может, те же самые!

— В любом случае, как они могут проникнуть в твою спальню? Девушка все еще колебалась.

— Я в комнате рядом, — успокоил ее Рейш. — Если кто-нибудь тебя напугает, сразу кричи.

— А вдруг тебя убьют первым?

— Так далеко вперед я не загадываю, — сказал Рейш. — Если к утру окажусь трупом, не оплачивай счет.

Она явно ждала. Рейш нежно провел рукой по мягким черным кудряшкам.

— Спокойной ночи.

Он закрыл дверь и подождал, пока она задвинула засов. Потом зашел в свою комнату и, не доверяя словам Кауша, тщательно обследовал дверь, стены и потолок. Наконец, почувствовав себя в безопасности, уменьшил свет до слабого мерцания и улегся на кушетку.

Глава 8

Ночь прошла спокойно. Утром Рейш и Зеп-210 позавтракали в безлюдной харчевне на набережной. На безоблачном небе сияло солнце; высокие здания отбрасывали длинные черные тени, блики света играли на воде. Девушка выглядела оживленной и с интересом наблюдала за живописной толпой на берегу: грузчики, уличные торговцы, моряки и путешественники.

— Что ты думаешь о гхиане теперь? — спросил Рейш.

Зеп-210 сразу посерьезнела.

— Люди ведут себя не так, как я ожидала. Никто не носится без усталости, никого не сводит с ума сияние солнца. Конечно, — она поколебалась, — здесь можно увидеть множество примеров неподобающего поведения, но, похоже, здешних жителей это не беспокоит. Меня удивляют наряды девушек; они носят такие вызывающие платья, словно хотят привлечь к себе внимание. И опять никто не протестует.

— Скорее наоборот.

— Я никогда не смогла бы так себя вести, — объявила бывшая Прислужница чопорно. — Вот, например, особа, что направляется к нам. Посмотри, какая у нее походка! Зачем она это делает?

— Так уж она сложена. К тому же хочет, чтобы мужчины ее заметили. Это инстинкт, который в тебе подавлял дако.

Зеп-210 запротестовала с необычной для нее горячностью:

— Я уже давно его не ем и не чувствую ничего неподобающего!

Рейш с улыбкой посмотрел на набережную. Девушка, поведение которой так возмутило его спутницу, замедлила шаги, поправила оранжевый кушак на талии, призывно улыбнулась Адаму, с любопытством оглядела его спутницу и, поигрывая бедрами, удалилась.

Зэп-210 искося взглянула на Рейша, приготовилась произнести гневную тираду, но сдержалась. Через несколько секунд ее все-таки прорвало:

— Я ничего не понимаю в вашей жизни. Меньше всего понимаю тебя! Только что умильно улыбался этой отвратительной девице. А мне никогда... — Она запнулась, взяла себя в руки и тихо продолжила: — Думаю, сейчас ты во всем обвинишь пресловутые «инстинкты».

Адам потерял терпение.

— Пора объяснить тебе кое-какие вещи. Инстинкты — часть нашего естества, они всегда влияют на поведение людей. Мужчины и женщины различаются... — Он бегло описал, как появляются на свет дети. Девушка сидела неподвижно, глядя на воду. — Поэтому, — закончил Рейш, — нет ничего неестественного в том, как люди ведут себя в определенных ситуациях.

Зэп-210 молчала. Она так сжала пальцы, что костяшки побелели.

Наконец, не поднимая голову, тихо спросила:

— Кхоры в священной роще... Они занимались э т и м?

— Скорее всего.

— И ты увел меня, чтобы я не увидела.

— Верно. Я подумал, что такое зрелище может смутить тебя.

Она помолчала. Потом:

— Нас могли убить.

Рейш пожал плечами.

— Возможно.

— А эти девушки, что танцевали без одежды... Они хотели заниматься э т и м?

— За деньги, наверное, захотели бы.

— И все жители поверхности ощущают такое желание?

— Ну, как бы тебе сказать... в общем, большинство.

— И ты?

— Конечно. Не всегда, но время от времени...

— Тогда почему... — Девушка запнулась. — Почему ты... — Она оборвала фразу. Рейш потянулся к ее руке, но она отшатнулась. — Не трогай меня!

— Извини. Не сердись.

— Ты привел меня в это ужасное место, оторвал от привычной жизни, притворялся добрым и ласковым. И все это время думал, как бы сделать со мной э т о!

— Нет, нет! Ты ошибаешься! У меня и в мыслях такого не было!

Зэп-210 холодно взглянула на него, подняв брови.

— Почему? Ты находишь меня омерзительной?

Адам в изнеможении воздел руки.

— Конечно, я не считаю тебя омерзительной! На самом деле...

— Что на самом деле?

К радости Рейша, к ним подошел Кауш, и тяжелый разговор преврался.

— Ну что, хорошо провели ночь?

— Да, — облегченно сказал Адам.

Зэп-210 резко поднялась и ушла. У Кауша отвисла челюсть.

— Я ее чем-то обидел?

— Она сердится на меня, — пояснил Рейш. — Почему — не знаю.

— Что поделасшь, такова женская натура! Но скоро, по таким же неведомым причинам, она вновь вернет тебе милость. А пока я хотел бы услышать твои соображения насчет гонки угрей.

Рейш с сомнением посмотрел вслед Зэп-210, которая почти бегом спешила к «Счастливому мореходу».

— Не опасно оставлять ее одну?

— Не бойся, — успокоил его Кауш. — На постоялом дворе все знают, что вы двое находитесь под моим покровительством!

— Ну, тогда вернемся к нашим угрям...

— Но ведь гонки не начнутся до полудня!

— Вот и отлично.

Никогда еще Зэп-210 не испытывала такой ярости. Девушка ворвалась в здание, промчалась через затемненную общую комнату в свой номер, резко задвинула засов, опустилась на кровать и позволила злости вырваться наружу. Минут десять она бушевала, потом стала беззвучно плакать. Слезы ручьем текли по щекам. Перед глазами встали тихие туннели со скользящими мимо фигурами, одетыми в черное. В Убежище никто не вызвал бы у нее ни гнева, ни возмущения, ни других непонятных чувств, время от времени бередивших душу. Там бы ей снова дали дако... Она нахмурилась, пытаясь вспомнить вкус хрустящих маленьких вафель, потом порывисто вскочила и принялась рассматривать себя в зеркале, висящем на стене. Еще вчера Зэп-210 не придавала внешности особого значения. Тогда она просто оглядела себя. Лицо как лицо: глаза, нос, рот, подбородок... Теперь девушка ревностно изучала отражение. Потрогала черные волосы, кудрявящиеся надо лбом, кое-как расчесала их пальцами, критически оценила результат. На нее смотрела незнакомка. Она подумала о наглой кокетке, одарившей Рейша таким оскорбительно призывным взглядом. Та была одета в голубое облегающее платье, подчеркивавшее фигуру; никакого сравнения с бесформенной серой блузой, уродующей ее! Девушка стянула мерзкую тряпку, осталась лишь в белой сорочке. Внимательно осмотрела себя. Действительно, незнакомка! Вот если бы Рейш увидел ее сейчас, что бы он подумал?... Мысль об Адаме привела девушку в бешенство. Самоуверенный тип, считает ее ребенком или даже чем-то более ничтожным, — у нее не хватало слов, чтобы выразить всю оскорбительность его поведения! Она медленно провела руками по телу, вновь и вновь поражаясь происшедшим переменам. Первоначальный план вернуться в Убежище никуда не годится! Зуж-

ма кастчай отдадут ее Великой тьме. Но даже если оставят в живых, снова начнут кормить дако. Она скривилась. Никогда!

Ну, а как же Адам Рейш, который считает ее такой отталкивающей, что... Она побоялась довести мысль до конца. Что с ней станет? Она опять посмотрела в зеркало. Ей стало жаль темноволосую девушку с выпирающими скулами, что печально глядела на нее. Сумеет она выжить в этом страшном мире, если убежит от Рейша?

Зэп-210 медленно натянула блузу, но решила не обматывать оранжевой тканью голову. Вместо этого она завязала ее на талии, словно кушак, как делали другие девушки в Урманке, кинув последний взгляд на свое отражение. Неплохо! Все-таки что сказал бы Адам, увидев ее такой?

Она открыла дверь, осмотрела коридор и осторожно вышла. В общей комнате старуха, скорчившись, скребла пол щеткой. Услышав шаги Зэп-210, она подняла голову и ослабилась. Девушка опрометью бросилась по коридору, выскочила на улицу и тут впервые заколебалась. Никогда раньше она не оставалась одна; ее охватили страх и какое-то приятное волнение. Выйдя на набережную, невольно засмотрелась на грузчиков, разгружающих небольшую рыбацкую лодку. Бывшая Прислужница не смогла бы внятно объяснить, что ее удерживает здесь, она даже не знала, что такое «живописная сцена» и «колорит», однако ее очаровало зрелище крутобокого судна, мягко покачивающегося на воде. Девушка полной грудью вдохнула свежий холодный воздух. Какой бы она ни была — противной, уродливой или все-таки привлекательной, — никогда она не чувствовала себя такой живой! Гхиан действительно оказался диким жестоким миром (тут зужма кастчай не лицемерили), но, пожив хоть день под золотисто-коричневыми лучами солнца, кто в здравом уме способен вернуться в Убежище?

Зэп-210 дошла до харчевни, где попыталась найти своего спутника. Она толком не знала, что ему скажет; возможно, просто сядет рядом и неприступно-гордо взглянет на него. Неблагодарный сразу поймет, как ошибался, пренебрегая ею! Но Рейша нигде не было видно. Девушку охватили ужасные подозрения. А вдруг Адам решил сбежать, избавиться от обузы? Ей захотелось закричать, позвать его во весь голос. Неужели никогда больше она не увидит этого человека, при виде которого сразу исчезали страх и неуверенность? Она повернулась, чтобы уйти, и столкнулась с входившим в харчевню высоким массивным мужчиной в штанах из светло-коричневой кожи, свободной белой рубашке и бежевом парчовом жилете. Маленькая круглая шапочка плотно сидела на лысой голове. От неожиданности он тихо охнул, точнее, хрюкнул и остановил ее, придерживая руками за плечи.

— Куда ты так спешишь, крошка?

— Никуда, — запинаясь, ответила Зэп-210. — Я кое-что здесь искала...

— Что ж, ты нашла меня — далеко не худший вариант! Пойдем, я еще не выпил свою утреннюю порцию вина. Тогда и обсудим все дела.

Зэп-210 застыла в нерешительности. Она осторожно попыталась выскользнуть из рук мужчины, но он только сжал ее крепче. Девушка поморщилась и прекратила тщетные попытки убежать.

— Пойдем, — повторил незнакомый мужчина.

Спотыкаясь, она позволила довести себя до ближайшей кабины. Мужчина махнул рукой; перед ним поставили кувшин вина и тарелку пирогов с рыбой.

— Ешь, — велел девушке мужчина. — Пей. Я щедро раздам и подарки и тумачи. — Он налил ей полный бокал. — А сейчас, прежде чем мы продолжим светскую беседу, скажи, сколько ты берешь? Парочка твоих подружек, прознав, что я Отвиль, пытались немного почистить мой кошелек и потом горько жалели об этом. Я тебя предупредил! Ну ладно, сколько ты берешь?

— За что беру? — прошептала Зэп-210.

Голубые глаза Отвиля широко раскрылись от удивления.

— Странная какая-то... Откуда ты взялась? Слишком бледная для тангов, слишком стройная для серых.

Зэп-210 опустила голову, пригубила вино, потом с отчаянием оглянулась, отыскивая взглядом Рейша.

— А ты застенчивая! — объявил Отвиль. — И к тому же хорошо воспитана. Тем лучше, тем лучше...

Он начал есть. Зэп-210 снова попыталась ускользнуть.

— Сядь! — рявкнул мужчина.

Она поспешно вернулась на место.

— Пей!

Она покорно отпила глоток вина. Такого крепкого никогда раньше пробовать не доводилось.

— Так-то лучше, — заметил Отвиль. — Теперь мы понимаем друг друга.

— Нет, — возразила девушка тихо, но решительно. — Не понимаю! Я не хочу здесь находиться! Что тебе от меня надо?

Отвиль снова недоуменно уставился на нее.

— Ты правда не знаешь?

— Конечно нет. Разве что... ты имеешь в виду э т о?

Отвиль ухмыльнулся.

— Именно, крошка. И даже больше!

— Но... Я ничего не знаю о подобных вещах! И не хочу знать!

Отвиль отложил пирог и сказал недоверчиво:

— Девственница, носящая кушак. Такой, значит, ты продаешь товар?

— Не знаю, что ты имеешь в виду... Я должна идти, разыскать Адама Рейша...

— Ты нашла меня, что гораздо лучше. Тебе повезло! Пей вино и расслабься. Сегодня у тебя будет особый день, который запомнится на всю жизнь. — Отвиль налил полные бокалы. — Пожалуй, я присоединюсь к тебе и тоже расслаблюсь. Честно говоря, я и сам здорово разволновался.

Рейш и Кауш шли по рынку, где торговцы рыбой и другими товарами привлекали внимание к своим товарам громкими завываниями.

— Они поют? — поинтересовался Рейш.

— Нет, — сказал Кауш. — Танги не увлекаются музыкой. Это просто попытки привлечь внимание. Завывания торговков рыбой в самом деле оригинальны, передают эмоции исполнителей. Только послушай, как они пытаются превзойти одна другую!

Рейш признал, что некоторые умудрились весьма витиевато превозносить свои товары.

— В свое время ученые запишут и классифицируют этот феномен. А меня сейчас больше интересуют гонки угрей.

— Правильно, — согласился Кауш. — Хотя, как ты сам увидишь, они еще не начались.

Спутники пересекли площадку и остановились, внимательно разглядывая столы, резервуар и желоб.

Взглянув на стену, Адам заметил ветки старого искривленного дерева, растущего с другой стороны.

— Я хочу посмотреть, что там находится.

— Пожалуй. Я тоже очень любопытен от природы. Но ведь мы сейчас пытаемся разгадать загадку гонок?

— Я этим и занимаюсь, — ответил Рейш. — Я вижу напротив лавки амулетов ворота в стене. Хочешь, пойдем вместе?

— Конечно, хочу! — сказал Кауш. — Я всегда готов узнать что-нибудь новое.

Коричневая и белая плитка, которой давным-давно облицевали старую стену, почти вся отвалилась, обнажив темно-коричневые кирпичи. Пройдя через ворота, спутники очутились в Старом городе, районе лачуг, построенных из битых плиток, кирпича, камней и необтесанных бревен. Одни хижины развалились, но их место спешили занять другие хибары, нередко сооружаемые из обломков старых, — настоящий природный цикл разрушения и возрождения, где каждый черепок, палка, камень использовались сотни раз несколькими поколениями обитателей. Танги низшей касты и приземистые большоголовые серые, стоя на пороге, молча смотрели на чужаков. В воздухе висела густая вонь.

За лачугами был пустырь, покрытый горами мусора и огромными лужами липкой грязи; из этого рукотворного болота торчали ярко-красные колючие кусты. Рейш обнаружил дерево, которое искал. Оно

росло возле стены, под его кроной спрятался кирпичный сарай. Дверь из толстых досок обита железом, на ней висел массивный замок. Здание вплотную примыкало к стене.

Адам огляделся. Никого; лишь голые ребятишки весело плещутся в ручейке грязи. Он подошел к сараю. Все запоры были прочными и надежными. Ни окон, ни других отверстий, только дверь. Адам медленно подошел к своему спутнику.

— Мы увидели все, что требовалось.

— В самом деле? — Кауш с сомнением осмотрел сарай, стену, дерево. — Не вижу ничего особенного. Ты говоришь о нашей маленькой проблеме с гонками угрей?

— Конечно.

Они двинулись обратно.

— Возможно, мы все сумеем устроить сами; но помощь двух надежных людей нам очень пригодилась бы.

Во взгляде старика восхищение смешивалось с недоверием.

— Ты серьезно надеешься заработать деньги на гонках угрей?

— Да, если хозяин все честно заплатит.

— Об этом не волнуйся, — успокоил его зафатранец. — Отдаст выигрыш как миленький. Если, конечно, мы его действительно обставим... Кстати, как ты собираешься разделить деньги?

— Половина мне, половина тебе и твоим друзьям.

Кауш обиженно поджал губы.

— Я усматриваю явную несправедливость! При совместной работе один не должен получить в три раза больше остальных.

— А я считаю, что должен, — заявил Рейш, — если в случае отказа остальные не получают ничего.

— Убедительный аргумент, — признал Кауш. — Пусть будет по-твоему.

Они вернулись в харчевню. Их спутницы нигде не было видно.

— Мне надо найти девушку, — сказал Адам. — Скорее всего, она ждет на постоялом дворе.

Однако Зеп-210 в ее номере не оказалось.

Расспросив служителя, Адам выяснил, что она приходила и вскоре ушла снова, не сообщив куда.

Рейш вышел на порог, окинул взглядом набережную. Справа грузчики в выгоревших красных куртках и кожаных наплечниках разгружали рыбацкую лодку; слева шумел рынок.

Нельзя было отпускать ее одну, особенно в таком настроении! Утром он даже не попытался понять, чем вызвана вспышка гнева, что у нее на душе. Рейш проклинал себя за эгоизм и черствость. Для бывшей Прислужницы мир словно перевернулся; она испытывала страшное нервное напряжение.

Адам быстро дошел до харчевни. Встретивший его Кауш несколько секунд молча изучал «компаньона», потом заметил:

— Ты выглядишь озабоченным.

— Я не могу ее найти.

— Ха, — произнес Кауш. — Все они одинаковы! Отправилась на рынок купить какую-нибудь безделушку, только и всего.

— Нет. У нее нет денег. Она совершенно беспомощна и неопытна, никуда не могла без меня пойти, разве что...

Рейш повернулся, окинул взглядом холмы, дорогу, проходящую между затерявшимися в облаках замками чудовищ. Может, она решила вернуться в Убежище? И новая мысль: гжиндры! Тело пронзил холод.

Адам подозревал мальчишку-слугу:

— Этим утром я завтракал здесь с молодой женщиной. Ты ее помнишь?

— Да. На ней был оранжевый тюрбан, как на жителях Хедаджи, по крайней мере в тот раз.

— Ты видел ее позже?

— Да. Она сидела вон там, надев «кушак желаний», и общалась с чемпионом Отвилем. Они пили вино, потом удалились.

— Она пошла добровольно? — спросил Рейш.

Слуга безразлично пожал плечами. Он вел себя все наглее и наглее.

— На твоей подружке был кушак, она не звала на помощь, опиралась на руку мужчины, может, потому, что ноги ее плохо слушались, — она здорово нализалась!

— Куда они пошли?

Снова безразличный взгляд.

— Покои Отвиля неподалеку; возможно, туда они и отправились.

— Покажи мне дорогу.

— Нет, нет. — Слуга потряс головой. — Я на работе, да и не хочу раздражать Отвиля.

Рейш в ярости бросился на него; слуга в панике отшатнулся.

— Быстро! — прошипел Адам.

— Тогда иди за мной, только быстрее: мне нельзя отлучаться!

Они побежали по мрачным переулкам Урманка, то погружаясь в тень, то подставляя голову янтарным лучам солнца, то и дело пробивающимся между изогнутых двускатных крыш, высоких домов, плотно прижимавшихся друг к другу. Слуга остановился и указал на тропинку, ведущую в сад, заросший зелеными и пурпурными растениями.

— Комнаты Отвиля за этими кустами.

С этими словами он повернулся и поспешил назад. Рейш бросился к дому. В глубине сада стоял роскошный особняк из резного дерева и панелей полупрозрачного волокна. Приблизившись, Адам услышал яростный вопль: «Проклятье! Нечистая!», потом — звуки ударов и всхлипывания. У него едва не подкосились ноги. Справившись с волнением, он ринулся вперед и распахнул дверь. На полу

скрючилась обнаженная Зэп-210, над ней стоял рассвирепевший Отвиль. Девушка взглянула на Рейша. На ее щеке отпечаталось багровое пятно: след пощечины.

Отвиль спросил со сдержанной яростью в голосе:

— Кто ты такой, осмелившийся ворваться в мой дом, незнакомец?

Адам даже не повернул голову. Он поднял смятую рваную тряпку — сорочку девушки. Потом повернулся к Отвилю. В этот момент на пороге откуда-то появился Кауш. Отдышавшись, он воскликнул:

— Забирай ее, Адам, и пойдем. Не ищи неприятностей.

Рейш, словно не услышав его, медленно двинулся к Отвилю, тот, подбочившись, ждал. Противники сблизились. Отвиль, выше ростом на шесть дюймов, холодно улыбался, глядя на Адама сверху вниз.

Зэп-210 прохрипела:

— Мужчина не виноват. На мне был оранжевый кушак. Я не знала...

Рейш медленно отвернулся. Он нашел скомканную бесформенную серую одежду и натянул ткань на хрупкое дрожащее тело. Теперь он увидел, что привело Отвиля в такую ярость. Бедная девочка! Но вместе с жалостью Адам испытывал какое-то мрачное удовлетворение. Бесполой Прислужница стала полноценной женщиной. Он обнял Зэп-210 и вывел ее из комнаты.

Отвиль был явно разочарован. Он ждал оскорбительного жеста, нападения, хотя бы гневного восклицания — любого предлога для того, чтобы пустить в дело стальные мускулы. Неужели ему откажут даже в удовольствии размазать по стене чужака, нагло вторгшегося в его жилище? Наконец ярость оскорбленного чемпиона вырвалась наружу. Он бросился вперед и поднял ногу, чтобы нанести страшный удар.

Удобнее позиции для контратаки трудно представить! Адам поймал силача за лодыжку, вывернул, вытащил прыгающего на одной ноге чемпиона в сад и дернул изо всех сил. Его противник свалился в заросли алого бамбука.

Поднявшись на ноги, Отвиль выпрыгнул вперед как леопард. Остановился, разведя руки, строя ужасные гримасы, сжимая и разжимая гигантские кулаки. Рейш стукнул его кулаком по челюсти, но тот, казалось, даже не заметил и потянулся к противнику. Адам отступил, нанося рубящие удары по толстым запястьям. Силач неотвратимо наваливался, прижимая врага к стене. Рейш сделал ложный выпад, выбросил вперед левую руку, целясь в лицо. Отвиль сделал скачок, снова выпрыгнул вперед, издал жуткий режущий уши вопль и растопырил могучие руки, чтобы схватить чужака. Рейш вывернулся и погрузил кулак в незащищенный живот. Противник упал на колени; Адам схватил его за ногу, дернул.словно срубленное дерево, чемпион с грохотом повалился на спину. Секунду он лежал, ошеломленный, потом с трудом сел. Бросив взгляд на поверженного силача, Рейш вывел де-

вушку из сада. Кауш вежливо поклонился Отвилю и последовал за ними.

Оказавшись в своем номере, Зэп-210 села на кушетку, прижимая к телу обрывки платья, растерянная и жалкая. Адам присел рядом.

— Что случилось?

Слезы градом покатились по ее щекам; она закрыла лицо руками. Адам молча погладил рыдающую девушку по голове. Пусть выплачет-ся. Наконец она вытерла глаза.

— Не знаю, что я сделала не так. Наверное, повязала кушак... Он заставил меня пить вино, пока все не поплыло перед глазами. Повел меня куда-то... Я чувствовала себя так странно! Идти было тяжело, ноги подкашивались. В доме я не захотела раздеваться, и он рассердился. Потом содрал платье, увидел кровь и разозлился еще больше. Закричал, что я нечистая... Не знаю, что делать. Я больна, я умираю...

— С тобой все в порядке. Просто твое тело начало функционировать нормально. Успокойся.

— Я не нечистая?

— Конечно нет. — Рейш поднялся на ноги. — Сейчас пришло горничную, она о тебе позаботится. Потом просто ляг и поспи, пока я не вернусь... Надеюсь, с достаточной суммой, чтобы купить нам места на корабле.

Зэп-210 безразлично кивнула. Рейш вышел из комнаты.

В харчевне Рейш нашел Кауша с двумя молодыми зафатранцами, приехавшими в город на второй повозке.

— Вот Счазар, а это Видич, — представил их Кауш. — Оба сообразительны и проворны. Ребята исполнят любое разумное поручение.

— Тогда давайте займемся нашим делом. По моим расчетам времени у нас осталось мало.

Вчетвером они медленно пошли вдоль набережной. Адам объяснил свою теорию:

— И теперь мы должны проверить это на деле. Имейте в виду, я могу ошибаться, в этом случае проект провалится.

— Нет, — возразил Кауш. — Тебе пришлось изрядно поработать головой, чтобы доказать, как я теперь вижу, неоспоримую истину.

— Это называется логикой, — пояснил Рейш. — А на нее всегда можно положиться. Но поживем — увидим.

Они миновали стол для гонок угрей, возле которого уже расположились на скамейках несколько человек, готовые к дневной игре. Рейш ускорил шаг и прошел через ворота и унылые боковые улочки Старого города к сараю под деревом. Они остановились в пятидесяти ярдах от него и спрятались в развалинах лачуги на краю пустыря.

Шло время. Адам начал беспокойно ерзать.

— Не могу поверить, что мы опоздали.

Счазар указал на дальний конец стены за пустырем.

— Смотри — идут двое.

Незнакомцы приближались к ним. Один поражал развевающимися белыми одеждами и квадратной белой шляпой.

— Хозяин, — прошептал Кауш.

На втором юноше был легкий розовый плащ и облегающая голову розовая шапочка. Оба прошли уверенным шагом по дорожке и расстались у сарая. Владелец угрей направился к воротам.

Видич заметил:

— Насколько легче было бы просто подкараулить старого шарлатана и лишить его кошелька; в конце концов, мы добились бы того же.

— Увы, — сказал Кауш, — он не носит при себе цехинов и всем предусмотрительно сообщил об этом. Деньги ежедневно доставляют на гонки угрей четверо вооруженных рабов под надзором его старшей жены.

Юноша в розовом подошел к сараю, вставил ключ в замок, повернул его три раза, открыл тяжелую дверь и вошел. Обернувшись, он с удивлением обнаружил, что вслед за ним протиснулись Рейш и Счазар.

Он попытался было поднять шум:

— Что все это значит? Кто вы такие?

— Объясню только один раз, — сказал Рейш. — Нам нужно, чтобы ты беспрекословно подчинился; иначе подвесим тебя за пальцы ног вон на том дереве. Понятно?

— Понятно, — с дрожью в голосе ответил юноша.

— Опиши, как вы это проделываете.

Тот замаялся. Адам кивнул Счазару, который вытащил моток прочного шнура. Парень быстро сказал:

— Все просто. Я раздеваюсь и залезаю в бак. — Он указал на цилиндрический бассейн диаметром в четыре фута у дальней стены сарая. — Он трубой соединяется с резервуаром; уровень воды одинаковый. Я проплываю по трубе в резервуар и попадаю в закуток под ним. Как только крышка опускается, поднимаю перегородку и помещаю угря, который должен победить, впереди других, прямо у входа в желоб.

— А как ты узнаешь нужный цвет?

— Хозяин выстукивает мне пальцами по крышке.

Рейш повернулся к Каушу.

— Мы со Счазаром берем все на себя. А вы занимайте места за столом. — Он повернулся к парню в розовом. — Под резервуаром хватит места для двоих?

— Да, — неохотно ответил юноша. — Едва-едва. Но если я буду выполнять ваши приказы, хозяин меня убьет! Что я ему скажу?

— Скажи ему честно, что жизнь тебе дороже, чем его цехины, — посоветовал Рейш.

— Он ответит, что все должно быть наоборот.

— Тем хуже. Что ж, у тебя рискованная работа... Когда мы будем на месте?

— Через минуту-другую.

Адам разделся.

— Если нас почему-то обнаружат... Ты не хуже меня знаешь, что будет потом.

Парень просто хмыкнул и снял с себя розовый балахон.

— Иди за мной. — Он шагнул в бак. — Там темно, но плыви вперед, и все будет в порядке. — Юноша набрал побольше воздуха в легкие и скрылся под водой.

Адам последовал за ним. На дне, нащупав горизонтально идущую трубу футов трех в диаметре, он втиснулся в нее, держась за парнем.

Они вынырнули в тесном закутке. Свет проникал сквозь искусно проделанные щели, через которые можно было наблюдать за столами для ставок. Рейш убедился, что Кауш и Видич уже заняли свои места.

Совсем рядом раздался голос хозяина угрей:

— Добро пожаловать на очередные захватывающие дух гонки! Кто выиграет? Кто проиграет? Неизвестно! Может быть, я, а может — вы. Но удовольствие получают все! Для тех, кто впервые пришел поучаствовать в нашей маленькой игре, объясняю простые правила: посмотрите на стол перед вами, на нем размечены квадраты одиннадцати цветов. Вы можете поставить любую сумму на любой цвет. Если ваш выиграет, получите в десять раз больше. Обратите внимание на угрей и их окраску: белый, серый, оранжевый, голубой, коричневый, темно-красный, алый, синий, зеленый, фиолетовый, черный. Вопросы есть?

— Да, — отозвался Кауш. — Есть какие-нибудь ограничения на размер ставок?

— В кассу сейчас доставили десять тысяч цехинов. Больше выплатить не могу. Пожалуйста, делайте ставки.

Хозяин окинул стол опытным взглядом. Затем поднял крышку и поместил угрей в резервуар.

— Ставки больше не принимаются!

Он опустил крышку и постучал по ней: «Тук-тук, тук-тук».

— Два и два, — прошептал юноша. — Это зеленый.

Отодвинув панель, он схватил зеленого угря и просунул в желоб. Затем отодвинулся и закрыл панель.

— Зеленый выиграл! — провозгласил хозяин угрей. — Итак, я плачу! Двадцать цехинов этому могучему мореплавателю... Делайте ваши ставки, пожалуйста!

И снова негромкий, но отчетливый стук.

— Оранжевый, — прошептал юноша. Он сделал все, как в первый раз.

— Оранжевый выиграл! — воскликнул хозяин угрей.

Рейш приник к щели. Кауш и Видич пока рисковали парой цехинов. На третий раз они поставили по тридцать цехинов каждый на белый цвет.

— Ставки сделаны, — донесся голос хозяина.

Крышка опустилась. Стук.

— Коричневый, — прошептал юноша.

— Белый, — приказал Рейш. — Выиграет белый угорь.

Юноша застонал от досады и сунул в желоб белого угря.

— Еще одна схватка между этими непредсказуемыми созданиями, — донесся самодовольный голос хозяина. — На сей раз выигравший цвет — коричневый... Коричневый? Нет, белый! Действительно, белый! Ха! На старости лет я перестал различать цвета. Старость — не радость... Вот два счастливика! Три сотни цехинов тебе, три сотни тебе... Забирайте ваши выигрыши, господа. Что, ставите всю сумму?

— Да, похоже, нам сегодня везет.

— Оба на темно-красное?

— Да, мы заметили пролетающих вон там птиц кроваво-алого цвета! Это знамение.

Хозяин угрей улыбнулся, взглянув на небо.

— Кому ведомы пути провидения? Боюсь, вы ошиблись. Ну ладно, все ставки сделаны? Тогда внутрь, угри, под крышку, и пусть торжествует сильнейший! — Его рука задержалась на секунду на крышке, он стукнул по ней. — Создания извиваются, ищут выход! Свет манит их! Скоро мы узнаем победителя... Вот он плывет, синий... — Фраза оборвалась, послышался негромкий стон. — Нет, темно-красный. — Он уставился на зафатранцев. — Ваши предчувствия, как ни странно, оправдались.

— Верно, — кивнул Кауш. — Разве я тебе не говорил? Плати наш выигрыш.

Хозяин медленно отсчитал по три тысячи цехинов каждому.

— Удивительно. — Он задумчиво посмотрел в сторону резервуара. — А еще какого-нибудь предзнаменования вы не заметили?

— Ничего важного. Но я все равно поставлю сто цехинов на черное.

— И я тоже, — объявил Видич.

Хозяин угрей заколебался. Потер подбородок, осмотрел стол.

— Странное дело... — Он поместил угрей в резервуар. — Все ставки сделаны? — Его рука лежала на крышке. словно нервно, он дважды стукнул ногтями по поверхности. — Прекрасно; я открываю дверцу. — Он нажал на рычаг и прошел к дальнему концу желоба. — И вот он плывет... Какой цвет? Черный!

— Великолепно! — провозгласил Кауш. — Мы отыгрались за все годы, что выбрасывали деньги на твоих проклятых угрей. Давай-ка сюда наш выигрыш!

— Разумеется, — выдавил хозяин. — Но я больше не могу работать. У меня разболелись все суставы. Гонки закончены.

Рейш с юношей сразу вернулись в сарай. Парень надел свой розовый балахон и шапочку и поспешил исчезнуть.

Рейш и Счазар вернулись через Старый город к воротам, где мимо них прошагал хозяин угрей в развевающихся белых одеждах. Благообразное лицо покрывали красные пятна; он угрожающе размахивал крепкой палкой.

Кауш и Видич ждали их на набережной. Старик протянул Рейшу толстенький кошелек.

— Твоя доля — четыре тысячи цехинов. Удачный день!

— Мы хорошо поработали, — согласился Адам. — Наше сотрудничество принесло выгоду всем компаньонам. Редкий случай для Тчаи.

— Что касается нас, мы немедленно возвращаемся в Зафатран, — сказал Кауш. — А ты?

— Я направляюсь в глубь континента. Мы с моей спутницей, как и вы, уедем как можно скорее.

— В таком случае доброго пути.

Зафатранцы отправились своей дорогой. Рейш завернул на рынок, купил там всякую всячину. Вернувшись на постоянный двор, подошел к комнате девушки и постучал.

— Кто там? — спросил тихий голос.

— Адам.

— Минутку.

Дверь открылась. Зэп-210 стояла с раскрасневшимся сонным лицом. На ней было зашито серое платье, которое она явно набросила на себя только что.

Рейш положил свертки на постель.

— Это тебе.

— Мне? Что это?

— Разверни и посмотри.

Робко поглядывая на своего спутника, она развернула свертки и застыла.

Рейш с тревогой спросил:

— Не нравится?

Девушка обиженно посмотрела на него.

— Значит, такой ты меня хочешь видеть? Чтобы я выглядела как все?

Рейш пришел в замешательство. Он ожидал другого...

— Мы отправляемся в путешествие, — осторожно произнес он. — Лучше, если мы будем как можно меньше выделяться. Помнишь гжиндр? Надо одеваться как все.

— Ты прав.

— Какой наряд тебе нравится больше?

Зэп-210 перебрала наряды: темно-зеленое платье, красно-оранжевый халат, белые штаны, довольно легкомысленное коричневое одеяние с черным жилетом и коротким черным плащом.

- Мне вообще ничего не нравится.
- Примерь.
- Сейчас?
- Конечно!

Зэп-210 подержала в руках первый наряд, потом второй. Взглянула на Рейша. Он ухмыльнулся:

- Хорошо, я выйду.

В своей комнате он переоделся в новый костюм, купленный для себя: серые штаны и темно-синюю куртку. Полотняную блузу решил выбросить. Откладывая ее в сторону, нащупал папку, которую, после секундного колебания, переложил за подкладку новой одежды. Такие документы, пусть бесполезные, немало стоили. Адам вышел в общую комнату. Скоро появилась и Зэп-210. На ней было темно-зеленое платье.

- Почему ты на меня так смотришь? — спросила девушка.

У Рейша не повернулся язык сказать, что в тот момент он вспомнил, какой увидел ее в первый раз: нервный, бледный и тощий подросток, закутанный в черный плащ. Она сохранила что-то от прежней Прислужницы: задумчивость, неизбывную тоску в глазах, но лицо покрывал загар; черные волосы завивались кокетливыми кудряшками.

- Мне кажется, — произнес Рейш, — это платье тебе к лицу.

Ее губы чуть дрогнули, затем растянулись в улыбке.

Они вышли на набережную, затем направились к кораблю. В салоне нашли молчаливого капитана, изучающего счета.

— Вы хотите заказать места до Казаина? Осталась только большая каюта за семьсот цехинов или две койки в общей каюте за две сотни.

Глава 9

На Втором море был мертвый штиль. «Нхиахар», приводимый в движение мотором, вышел из бухты; вскоре Урманк растаял вдали, словно мираж.

Корабль двигался бесшумно, если не считать бульканья воды под кормой. Кроме них, единственными пассажирами оказались две старухи с бледными, словно восковыми, лицами, закутанные в серые шали. Они ненадолго появлялись на палубе, затем снова скрывались в своей маленькой темной каюте.

Рейшу очень понравилась просторная каюта. Она занимала середину корабля; три больших окна выходили на море за кормой. В альковах по левому и правому борту стояли удобные кровати, такие же мягкие, как и прочие на Тчаи, разве что белье оказалось не слишком свежим. В центре располагался массивный стол из черного резного дерева, возле него пара таких же массивных стульев. Зэп-210 выказала мрачноватое одобрение: Сегодня она надела белые штаны с оран-

жевой блузкой. Девушка казалась взвинченной и напряженной. Движения ее были какими-то нервными и резкими — она то суетилась, то застывала на месте, сплетя пальцы.

Рейш тайком наблюдал за ней, пытаясь разобраться в настроении спутницы. Она избегала его взгляда.

— Тебе нравится этот корабль? — наконец не выдержал Адам.

Она угрюмо пожала плечами.

— Никогда раньше не видела ничего подобного.

Девушка подошла к двери, обернулась к нему с насмешливой полуулыбкой, полугримасой и вышла на палубу.

Рейш пожал плечами, окинул взглядом каюту и последовал за ней.

Зэп-210 стояла, облокотившись на перила и глядя назад. Рейш уселся неподалеку на скамейку и притворился, что греется в бледных янтарных лучах солнца, раздумывая тем временем о ее нынешнем состоянии. Она женщина, значит, по природе своей отвергает логику, но ее поведение нельзя объяснить даже так! Конечно, представления о жизни бывшей Прислужницы сформировались в Убежище, но, выйдя на поверхность, она отказалась от старых привычек и прежних взглядов, как змея сбрасывает кожу. «При этом, — подумал Рейш, — она отбросила и свое «я», а новая личность еще не раскрылась». Мысль обеспокоила Адама. Часть очарования девушки заключалась в ее невинности, бесхитростной прямоте, открытости... Открытости? Рейш скептически хмыкнул. Ну нет! Он подошел к Зэп-210 и встал рядом.

— О чем ты так глубоко задумалась?

Она бросила на него холодный взгляд.

— Я думала о себе и гхиане. Вспоминала время, проведенное в туннелях. Теперь я знаю, что в Убежище была еще незрелой. Все эти годы, что я ползала по проходам, словно червь, люди на поверхности наслаждались многообразием красок этого мира, свежим воздухом, солнцем, жили полноценной жизнью!

— Так вот почему ты так странно себя ведешь!

— Нет! — воскликнула она с неожиданной горячностью. — Вовсе нет! Причина — твоя скрытность! Ты мне ничего не рассказал. Я понятия не имею, куда мы едем, что ты собираешься сделать со мной.

Рейш хмуро уставился на черную бурлящую воду.

— Мне это и самому до конца не ясно.

— Но хоть что-то ты должен знать!

— Да... После того, как мы доберемся до Сивиша, я хочу вернуться к себе домой, в далекие края.

— А что будет со мной?

Как раз этого вопроса он боялся.

— Я сомневаюсь, что ты захочешь поехать со мной, — как-то неуверенно сказал он.

В ее глазах блеснули слезы.

— А куда мне еще идти? Стать посудомойкой? Или гжиндрой? А может, надеть оранжевый кушак, как в Урманке? Или просто умереть?

Она резко повернулась и зашагала к носу корабля мимо группы широколицых матросов, исподтишка наблюдавших за сценой.

Рейш вернулся на скамейку. День клонился к вечеру. Черные тучи на севере принесли холодный ветер. Поставили паруса, корабль устремился вперед. Зэп-210 со странным выражением лица прошла на корму, с немим упреком посмотрела на Рейша и спустилась в каюту.

Рейш пошел за ней. Девушка лежала на постели.

— Что, нехорошо?

— Нет.

— Выйди на воздух. Здесь тебе будет хуже.

Она выбралась на палубу.

— Смотри на горизонт, — посоветовал Рейш. — Когда корабль качается, держи голову ровно. Если сможешь, сразу почувствуешь себя лучше.

Тучи висели прямо над головой, ветер стих. «Нхиахар» покачивался на волнах. Паруса его повисли. Ослепительная пурпурная вспышка озарила небо, косо рубанула по морю раз, другой, третий... Зэп-210 сдавленно вскрикнула и отпрянула в ужасе. Прогремел гром. Рейш поймал ее и прижал к груди. Девушка попыталась высвободиться. Адам целовал ее лоб, лицо, губы.

Солнце село, словно павший рыцарь, рассыпав по морю обломки разбитых доспехов, — золотых, янтарно-коричневых бликов. С сумерками пришел дождь. Рейш и Зэп-210 ушли в свою каюту, куда стюард подал ужин: паштет, морские фрукты, бисквиты. Они ели, глядя сквозь широкие окна на море, дождь, молнии, а потом в темноте, озаряемой слепящими вспышками, любили друг друга...

В полночь тучи разошлись; засияли звезды.

— Посмотри на небо, — сказал Адам. — Там есть другие миры. Один из них называется «Земля»...

Он оборвал фразу. Зэп-210 тихо ждала, когда он заговорит, но что-то не давало Адаму закончить рассказ. Наконец она уснула.

«Нхиахар», подгоняемый попутным ветром, плыл по морю, рассекая белогривые волны. Впереди вырос мыс Бранз; корабль бросил якорь у древнего каменного города Сфейн, чтобы набрать воды, затем поплыл дальше к Счанизаду.

Еще через двадцать миль показалась полоска земли. Поднимающийся от берега лес темно-синих деревьев окружал город. Плоские крыши, изогнутые строения, круговые колоннады... Рейшу показалось, что он узнал архитектуру.

— Это город Часчей? — спросил он капитана.

— Да, Сонг — самое южное из мест обитания Синих Часчей. Мне приходилось возить сюда грузы, но это рискованное занятие. Ты, верно, знаешь их игры. Мерзкое шутовство, извращения вымирающей расы! Я видел руины в степях Котана: сотни развалин, где некогда жили Старые или Синие Часчи. Кто обитает там сейчас? Только фунги!

Город остался позади и исчез, когда корабль обогнул полуостров с юга. Вскоре после этого крик одного из матросов заставил всех выскочить на палубу. Шел бой двух воздушных кораблей. Один представлял собой светящийся аппарат из синего и белого металла с изящными изогнутыми поверхностями. За балюстрадой находилась палуба, на которой лежала дюжина существ в блестящих касках. Другой выглядел просто и мрачно: зловещий, уродливый и серый корабль, немного меньше, чем аппарат Синих Часчей, но маневреннее; на палубной надстройке засела команда Дирдиров. Противники то взлетали, то опускались, кружа, как ядовитые насекомые, готовые ужалить врага в любой момент. Время от времени они обменивались выстрелами из песочных пушек, но без видимого результата. Сверкающие аппараты взмывали высоко в серо-коричневое небо, потом падали по спирали вниз, меняя направление лишь в нескольких метрах от поверхности.

Все на «Нхиахаре» высыпали на палубу понаблюдать за боем, даже две старухи, которые раньше не показывались. Пока они изучали небо, с головы одной из них свалился капюшон, обнажив узкое бледное лицо. Зэп-210, стоявшая возле Рейша, тихо ахнула и быстро отвела взгляд.

Корабль Синих Часчей неожиданно скользнул вниз, носовые орудия ударили в металлическое брюхо аппарата Дирдиров; его подбросило и перевернуло, потом он врезался с беззвучным всплеском в воду. Описав огромный круг, торжествующие победители возвратились в Сонг.

Старухи исчезли. Зэп-210 спросила дрожащим шепотом:

— Ты заметил?

— Да.

— Они гжиндры!

— Ты уверена?

— Да.

— Думаю, гжиндры путешествуют так же, как другие люди, — не совсем искренне заметил Рейш. — По крайней мере, они нас не беспокоят.

— Но твари уже здесь, на корабле! Они ничего не делают просто так!

Рейш скептически хмыкнул:

— Пусть так... Но что мы-то можем сделать?

— Убить их!

Старания Пкумов превратить Зэп-210 в свое подобие не увенчались успехом — она мыслит как типичный обитатель гхиака!

— Будем внимательно следить за ними. Теперь, когда мы знаем, кто они, а гжиндры не сознают, что раскрыты, мы получили преимущество.

Теперь скептически хмыкнула Зэп-210. Адам тем не менее отказался от предложения подстеречь старух в темном углу и придушить их.

Путешествие продолжалось. Они шли на юго-запад к островам Сасчан. Монотонно текли дни. Разве что небосвод поворачивался. Каждое утро солнце появлялось на горизонте, окрашивая небо в тускло-бронзовый цвет. К полудню дымка, будто процеживающая янтарные лучи, как шелк покрывала воду. Казалось, путешествие длится целую вечность: лишь нежные, робкие рассветы сменялись печально-величественными закатами, словно войны между демонами тьмы и рыцарями света. С приходом ночи появлялись луны: розовая Аз или голубая Браз, а временами «Нхиахар» плыл, освещенный лишь звездами.

Для Рейша это время оказалось бы самым счастливым из долгих лет жизни на Тчаи, если бы не постоянная тревога, давившая на сердце. Что случилось в Сивише? Найдет он космический корабль невредимым? Или он уничтожен? Что поделявает коварный Айла Вудивер? А Дирдиры в их страшном городе по ту сторону пролива? Две старухи, которые могут оказаться гжиндрами? Они никогда не показывались, только глубокой ночью выходили пройтись по палубе. Однажды темным вечером Рейш наблюдал за ними, и страх его усилился еще больше. Может, они гжиндры, а может, и нет; следует предположить худшее.

В одно прекрасное светло-янтарное утро из моря словно выросли острова Сасчан: три древних вулканических конуса, окруженные уступами, возникшими в результате выветривания, на которых росли роши странных деревьев. На каждом острове на склонах самого высокого утеса рассыпался город — скопище домишек, лепившихся друг к другу, как ячейки в осином гнезде. Черные узкие окна глядели на море, словно пустые глазницы, к небу поднимались струйки дыма.

«Нхиахар» вошел в бухту и, пройдя мимо парома, приблизился к южному острову. На причале их ждали кривоногие грузчики в черных штанах-юбках и сапогах до колен, с лихо задранными носами. Они поймали тросы с корабля, закрепили на причале. Как только установили сходни, рабочие ринулись на борт. На причал начали выгружать тюки кож, мешки еды и стручков травы паломников, ящики инструментов.

Странники сошли на берег. Капитан сурово крикнул вслед:

— Я отбываю в полдень и ждать никого не буду!

Они зашагали по эспланаде; над головой нависала скала с рассыпанными на вершине хижинами. Зэп-210 оглянулась:

— Они следуют за нами.

— Гжиндры?

— Да.

Рейш, скривившись, пробормотал:

— Ясно. Они получили приказ не терять нас из виду.

— Считай, что мы уже мертвецы, — произнесла Зэп-210 бесцветным голосом. — В Казане они доложат Пнумам, и тогда уже ничего не поможет; нас заберут вниз, во тьму.

Рейш не нашел слов для утешительного ответа. Они подошли к маленькой гавани, защищенной со стороны моря парой молов, которые, сужаясь, становились причалом. Как раз прибыл паром с внешних островов: широкая баржа с рубкой управления на каждом конце, несущая сотни две сасчанцев самых разных возрастов. Судно нырнуло в проход между молами; все высадились на берег. Столько же людей торопливо заплатили за проезд толстяку, важно сидящему перед будкой; приняв на борт новых пассажиров, паром сразу же отплыл. Рейш посмотрел, как он пересек гавань, и повел Зэп-210 к площадке возле причала, уставленной столами и лавками. Он заказал сладкое вино и бисквиты, потом отправился на переговоры с кассиром. Девушка нервно поглядывала по сторонам. Ей показалось, что в темноте под лестницей зашевелились две закутанные в плащи фигуры. «Гадают, что мы собираемся делать», — сказала себе Зэп-210.

Рейш вернулся.

— Следующий паром отходит примерно через час, за несколько минут до полудня. Я уже оплатил проезд.

Зэп-210 удивленно взглянула на него.

— Но нам надо быть в полдень на борту «Нхиахара»!

— Верно. Гжиндры поблизости?

— Только что сели за самый дальний столик.

Рейш невесело рассмеялся.

— Мы заставим их поломать голову!

— Что они подумают? Что мы уедем на пароме?

— Что-нибудь в этом роде.

— Но как они поверят? Ведь это такой странный поступок!

— Почему? Где-нибудь у другого острова может поджидать корабль, который бы увез нас туда, где они не в силах нас достать.

— А такой корабль действительно существует?

— Насколько я знаю, нет.

— Но если мы сядем на паром, гжиндры последуют за нами, и мы не сможем сесть на корабль!

— Именно. Вряд ли капитана из-за этого будут мучить угрызения совести.

Шли минуты, часы... Зэп-210 стала нервничать.

— Уже почти полдень!

Время от времени она внимательно смотрела на Рейша, размышляя, очевидно, о чем думает ее странный спутник. Она не встречала никого, подобного ему!

— А вот и паром, — сказал Адам. — Давай спустимся к причалу. Надо первыми занять очередь.

Зэп-210 поднялась, недоуменно пожав плечами. Непостижимый человек! Она последовала за ним на площадку для ожидающих. К ним, суется, бормоча, толкаясь, присоединились другие люди.

— Что делают гжиндры?

Зэп-210 оглянулась.

— Они стоят за толпой.

Паром причалил; пассажиры высыпали на берег.

Рейш сказал Зэп-210 на ухо:

— Стань рядом с будкой кассира. Когда мы будем проходить мимо, ныряй в нее.

Распахнулись ворота, и они поспешили к будке. Рейш пригнул голову и первым скользнул внутрь; Зэп-210 последовала за ним. Пассажиры, толкаясь и галдя, совали кассиру деньги и садились на паром. Одними из последних прошли гжиндры, стараясь разглядеть в толпе беглецов. Вместе со всеми они спустились по трапу и взошли на борт.

Паром отошел от берега. Рейш и Зэп-210 вышли из будки.

— Уже почти полдень, — сказал Рейш. — Самое время вернуться на «Нхиахар».

Глава 10

Буйные ветры несли «Нхиахар» на юго-восток к Кисловану. Море казалось черным. Волны качали корабль, перехлестывали через борт; они гнали перед собой, словно овец, скопления белой кудрявой пены.

Однажды утром Зэп-210 присоединилась к Рейшу, стоявшему на корме. Какое-то время они молчали, глядя на бесконечное небо. Солнце заставляло сверкать беспокойное море, словно рассыпая по волнам крупинки золота.

— Что ждет нас? — спросила вдруг девушка.

Рейш покачал головой.

— Хотел бы я знать...

— Но ты беспокоишься. Чего-то боишься?

— Я опасюсь человека по имени Айла Вудивер. Не знаю, жив он или умер...

— Кто такой этот Вудивер и почему ты его так боишься?

— Дирдирмен из Сивиша, самый коварный негодяй из всех, с кем мне доводилось здесь сталкиваться. Гжиндры схватили меня, одурма-

нив чем-то. В полубреду мне привиделось, что голова Айлы раскололась. Надеюсь, он мертв.

— Тогда почему ты тревожишься?

«Рано или поздно, — подумал Рейш, — мне придется все рассказать. Кажется, сейчас самое время».

— Помнишь ту ночь, когда я говорил о других мирах, затерянных в космосе?

— Да.

— Один из них зовется «Земля». В Сивише я построил с помощью Айлы Вудивера космический корабль, чтобы отправиться на эту планету.

Зэп-210 усталилась на море.

— Почему ты хочешь улететь на Землю?

— Там моя родина.

— Понятно, — произнесла она бесцветным тоном, не поворачивая головы, и погрузилась в раздумья. Наконец кинула на Адама осторожный взгляд.

— Ты думаешь, что я сошел с ума, — сказал он грустно.

— Мне это часто приходило в голову. Много, много раз.

Несмотря на то что он сам заговорил на такую тему, ее слова больно отозвались в сердце.

— Почему?

Она печально улыбнулась.

— Подумай о своем поведении в Убежище, в священной роще кхоров. В Урманке, когда ты подменил угрей.

— Поступки отчаявшегося землянина, заброшенного на чужую планету.

Зэп-210 задумчиво смотрела на волнующийся океан.

— Если ты землянин, что делаешь здесь, на Тчаи?

— Мой корабль потерпел аварию в степях Котана. В Сивише я построил новый.

— Да... А на твоей планете, наверное, все живут богато и счастливо, раз ты так хочешь вернуться?

— Люди Земли ничего не знают о Тчаи. Необходимо им сообщить о вас.

— Почему?

— Причин тысяча! Самая важная: Дирдиры уже побывали на Земле; они могут вернуться. Мы должны подготовиться.

Она быстро взглянула на него.

— У тебя есть друзья на Земле?

— Конечно.

— Ты живешь там в отдельном доме?

— Да.

— С женщиной? А дети у тебя есть?

— Нет никого. Всю жизнь я провел в космосе.

— А когда ты вернешься, что будет?

— Я не думал об этом. Главное — добраться до Сивиша, а там будет видно.

— Ты возьмешь меня с собой?

Рейш обнял ее.

— Да. Возьму.

Она облегченно вздохнула. Потом вдруг прищурилась и воскликнула:

— Смотри: вон там, где отражается солнце, остров!

Огромный голый утес из черного базальта был первым из целой россыпи островов, усеявших поверхность моря. Здесь водились целые стаи ужасных хищных созданий, с которыми Рейшу раньше встречаться не приходилось: четыре вибрирующих крыла, под ними — гроздь розовых щупалец и длинная трубка, заканчивающаяся выпуклым глазом. Твари парили в вышине, опускались совсем низко, внезапно выхватывая из воды мелких рыбешек и другую живность. Несколько хищников подлетели к «Нхиахару»; команда в ужасе спряталась в носовом кубрике.

На палубу вышел капитан и презрительно фыркнул:

— Они считают эти существа внутренностями и глазами утонувших моряков. Мы сейчас находимся в проливе Смерти. Вон те скалы называются Зубами Мертвеца.

— Как здесь проводят суда ночью?

— Не знаю, — сказал капитан, — сам я никогда не пытался. Это и днем опасно. Вокруг каждой из этих скал покоятся останки сотен кораблей и кучи белых костей. Видите полоску впереди? Это Кислован! Завтра бросим якорь в Казаине.

С приближением вечера по небу поползли длинные вереницы туч и стал завывать ветер. «Нхиахар» приблизился к черным скалам, подплывая к ним все ближе, пока борт едва не коснулся скользкого камня. Здесь бросили якорь, и корабль оказался в относительной безопасности. Тем временем ветер усилился, началась буря. Огромные волны разбивались о черные утесы; тучи пены закрывали небо. Море вздымалось и опадало, как грудь бурно дышащего великана; «Нхиахар» бросало из стороны в сторону.

С наступлением темноты ветер стих. Море долго еще волновалось, словно вспоминая всколыхнувший ее ураган. Все же на рассвете Зубы Мертвеца возвышались над гладкой, как мрамор, поверхностью воды. За скалами простирался гигантский континент.

Включив двигатели, «Нхиахар» двинулся вперед. Проплыв между Зубами Мертвеца, в полдень корабль вошел в узкий длинный залив, а ближе к вечеру причалил в Казаине.

На причале два дирижерена остановились посмотреть на «Нхиахар». Молодые и тщеславные, оба принадлежали к высокой касте, возможно, были Безупречными. У Рейша сжалось сердце. А вдруг их послали схватить его? Такого Адам не предусмотрел. Он изнывал от

страха, пока щеголи не направились к поселению Дирдилов на краю залива. Они просто прогуливались.

В порту обошлось без формальностей. Рейш и Зэп-210 вынесли свои пожитки на берег и без всяких приключений добрались до станции моторных повозок. Восьмиколесная машина должна была вот-вот отправиться через перешеек Кислована. Рейш купил два самых роскошных места из имеющихся: с двумя гамаками и выходом на заднюю площадку.

Часом позже они двинулись из Казайна. Какое-то время дорога шла вверх по прибрежным холмам, откуда открывался вид на пролив Смерти и Зубы Мертвеца. Через пять миль свернула в глубь континента. Остаток дня повозка громыхла мимо бобовых полей, лесов и редких поселений.

Ранним вечером они остановились возле уединенной гостиницы, где сорок три пассажира поужинали. Почти половина из них, похоже, были серыми; Рейш не знал, к каким народам относятся остальные. Двое, возможно, кочевники из степей Котана, желтокожие женщины в платьях из черной чешуи почти наверняка принадлежали к болотным людям с северного побережья. Представители разных племен старались держаться со своими родичами и как можно меньше общаться с другими. Поев, все сразу вернулись в вагон. Но несмотря на показное безразличие, каждый сразу сумел определить, кто откуда приехал.

Рано утром повозка снова двинулась в путь. На рассвете солнце осветило бескрайнюю саванну с группами деревьев, диковинных грибов, с островками колючей травы.

Так прошел день, а за ним еще четверо суток. Адам ничего не замечал вокруг, испытывая нарастающее волнение. В Убежище, во время скитаний по побережью Второго моря, в Урманке, даже на борту «Нхиахара» он хранил спокойствие, потому что ни на что не надеялся. Теперь ситуация изменилась и душу его терзали страх и нетерпение. Что найдет он, вновь увидев склад на краю равнин Сивиша? Зэп-210, уловив его настроение или предчувствуя беду, погрузилась в раздумья и почти не обращала внимания на проносящиеся мимо живописные пейзажи.

Повозка двигалась по центральному плато, по бесплодным каменистым землям, где на фермах жили угрюмые серые. Появились признаки присутствия Дирдилов: свинцово-пепельный холм, оштетнившийся темно-пурпурными и алыми башнями, нависшими над долиной, окруженной отвесными скалами, которая служила созданием охотничьим угольем. На шестой день впереди выросла гряда гор. Другой стороной они были обращены к Хеи и Сивишу. Путешествие почти завершилось. Всю ночь вагон катился по пыльной дороге, освещенной сиянием розовой и голубой лун.

Потом Аз и Браз исчезли; на горизонте показалась буро-красная полоска, и вскоре рассвет окрасил небо в темно-алые, оранжево-коричневые и янтарные тона. Впереди показался пролив и беспорядочно рассыпанные здания Сивиша. Через два часа они остановились на станции возле моста.

Глава 11

Рейш и Зэп-210 пересекли мост, смешавшись с толпой серых, работавших в многочисленных мастерских Хеи.

Здесь все было до боли знакомо. Вспомнив о пережитых волнениях и бедах, Адам судорожно вздохнул. Если благодаря фантастическому везению ему удастся вернуться на Землю, сможет ли он когда-нибудь забыть приключения, выпавшие на его долю в Сивише?

— Пойдем, — пробормотал он, — сядем на эту повозку.

Повозка скрипела и стонала; грязные кварталы Сивиша остались позади; они доехали до самой южной остановки. Здесь транспорт поворачивал на восток, к побережью. Впереди лежали солончаковые равнины и дорога, ведущая к складам Айлы Вудивера.

Все осталось по-прежнему. Или нет? Кучи гравия, песка, шлака, кирпичей и щебенки; за складом — маленькое здание конторы. Никаких признаков жизни. Большие двери закрыты, стены покосились еще больше. Рейш ускорил шаг; Зэп-210 едва поспевала за ним.

Рейш дошел до двора. Полное запустение. Здание, казалось, вот-вот рухнет, будто его повредило взрывом. Адам подошел к боковой двери и заглянул внутрь. Космический корабль исчез. Крыша сорвана, монтажная платформа и полки для инструментов и деталей разнесены в щепки.

Рейш отвернулся. Что теперь делать? Он медленно отошел от сарая. Над главным входом кто-то нацарапал «Онмале». Так называлась эмблема вождя, которую носил Траз, когда Рейш впервые встретился с ним в степях Котана. Воспоминания словно разбудили Адама. Где его друзья? Что с ними случилось?

Он подошел к конторе, заглянул внутрь. Здесь его отравили газом во сне, потом засунули в мешок и унесли в подземелье. Сейчас на той же кушетке дремал какой-то старик. Рейш постучал по стене. Тот медленно приоткрыл один глаз, потом другой. Наконец вскочил, торопливо натянул на плечи серый плащ.

— Кто здесь? — крикнул он испуганно.

Рейш отбросил обычную осторожность.

— Куда делись люди, которые тут раньше работали?

Дверь распахнулась; сторож оглядел Рейша с ног до головы.

— Разбались кто куда... А один отправился... вот в это заведение. — Он указал кривым пальцем на Стекланный Короб.

— Кто?

Старик снова недоверчиво уставился на незнакомца.

— Откуда ты взялся? Не знаешь ничего, что происходит в Сивисе...

— Я путешествую, — ответил Рейш, пытаясь говорить спокойно. — Что здесь случилось?

— Ты похож на человека по имени Рейш, — сказал сторож. — По крайней мере, так мне его описывали. Но Адам Рейш смог бы назвать мне имена одного локхара и танга, которые знает только он.

— Локхар — Зарфо Детвилер. Когда-то я знал танга Иссама.

Сторож быстро огляделся по сторонам, потом подозрительно уставился на Зэп-210.

— А это кто?

— Друг. Она знает меня как Адама Рейша; ей можно доверять.

— Мне велели не доверять никому, кроме самого Рейша.

— Это я. Теперь скажи, что тебе приказано передать.

— Идем. Я задам последний вопрос. — Он отвел Рейша в сторону и просопел в ухо: — В Коаде Адам Рейш встретил рыцаря яо...

— Его звали Дордолио. Ну, теперь говори!

— Мне нечего сказать.

Терпение Рейша лопнуло.

— Тогда зачем ты задавал столько вопросов?

— Потому что у Адама Рейша есть друг. Я должен сам решить, можно отвести к нему того, кто назовется этим именем, или нет.

— Какой друг?

Старик лукаво погрозил пальцем.

— Нет уж! Я не отвечаю на вопросы. Мне платят, чтобы я делал то, что сказано.

— Хорошо. Что ты должен сделать?

— Доставить Адама Рейша в одно место. Потом я могу уйти.

— Прекрасно. Тогда вперед!

— Как только ты будешь готов.

— Я уже готов.

— Что ж, в путь! — Старик двинулся вперед.

Рейш и Зэп-210 последовали за ним, но тут он остановился.

— Нет. Только ты и я.

— Ей можно доверять.

— Тогда мы никуда не пойдем! Слышать ничего не хочу!

Уговоры, угрозы — все оказалось бесполезным.

— Далеко это место? — спросил наконец Адам.

— Не очень.

— Мили? Две?

— Ближе, ближе. Мы быстро вернемся. Зачем спорить? Женщина никуда не убежит. А если уйдет, невелика потеря! Найдешь другую. Так я поступал в молодости... Эй, годы, годы...

Рейш осмотрелся: солончаковая равнина, разбросанные на краю ее хижины, дорога. Вокруг ни одной живой души. Кажется, девушке ничто не угрожает. Адам взглянул на Зэп-210. Бывшая Прислужница посмотрела на него, неуверенно растянув подрагивающие губы. Она улыбалась!

— Зайди в комнату, запри дверь. Никому не открывай. Я вернусь, как только смогу.

Зэп-210 послушно зашла в хижину; звякнул засов. Рейш обратился к старику:

— Пошли к моему другу. Поторопись!

— Сюда.

Старик молча заковылял по дороге и вскоре свернул на тропинку, ведущую к беспорядочно разбросанным хижинам на краю Сивиша. Рейш забеспокоился:

— Куда мы идем?

Старик неопределенно махнул рукой.

— К другу Адама Рейша.

— Это... Айла Вудивер?

— Мне не разрешили называть никаких имен. Я ничего тебе не скажу.

— Тогда идем скорее!

Старик направился к хижине из потрескавшихся серых кирпичей, подошел к двери, постучал и отступил назад.

Послышался шорох. В единственном окошке кто-то промелькнул. Дверь распахнулась. Выглянула знакомая длинная физиономия. Анахо! Рейш перевел дыхание. Старик нетерпеливо выдохнул:

— Ну что, тот самый?

Анахо подтвердил:

— Да, это Адам Рейш.

— Тогда давай мои деньги; жду не дожусь, когда можно будет покончить с постылой работой.

Анахо ушел внутрь и вернулся с кошельком, в котором звенели цехины.

— Вот плата за работу. Через месяц возвращайся. Если удержишь язык за зубами, тебя будет ждать еще один кошелек.

Старик взял деньги и испарился.

— Где Траз? Что с кораблем?

Анахо покачал головой.

— Я не знаю.

— Что?!

— Вот что случилось тогда. Тебя похитили гжиндры. Айла Вудивер был ранен, но остался жив. Три дня спустя за ним пришли дирдирмены и уволокли в Стекланный Короб. Он плакал, умолял, визжал, но они не обращали внимания. Я слышал позже, что охота вышла весьма захватывающей — он долго носился по арене как бешеный бык, ревя во все

горло... Дирдирмены увидели звездолет; мы боялись, что они могут вернуться. Корабль был готов к полету, поэтому мы решили убрать его из Сивиша. Я сказал, что останусь ждать тебя. Ночью Траз и техники перелетели на нем в место, по словам Тразы, известное тебе.

— Куда? — спросил Рейш.

— Не знаю. Я не хотел, чтобы мне сообщали это; ведь если меня схватили бы, они могли вырвать правду пытками. Траз написал на сарае «Онмале». Сказал, что ты все поймешь.

— Давай вернемся к складу. Я оставил там друга.

— Ты понимаешь, что означает это странное слово?

— Да, хотя и не уверен...

Они торопливо шагали по тропинке.

— Мы можем использовать воздушный плот? — спросил Адам.

— Да, конечно.

— Что ж, дела не так уж плохи. Кстати, за это время со мной произошло много интересного. — Он коротко рассказал Анахо о своих приключениях. — Я бежал из подземелий. Но на побережье меня стали преследовать гжиндры, то ли нанятые кхорами, то ли по указке Пнумов. Мы видели этих тварей в Урманке; возможно, тех же, что сели с нами на «Нхиахар». Они явно потеряли нас, так что я хотел бы покинуть Сивиш прежде, чем они снова нападут на след.

— Я готов уехать хоть сейчас, — сказал Анахо. — В любой момент удача может от нас отвернуться.

Они заспешили по дороге, ведущей к складу Вудивера. Рейш замер. Случилось то, чего он в глубине души опасался: дверь конторы распахнута настежь. Рейш вышел из ступора и ворвался внутрь; Анахо последовал за ним.

Зеп-210 как сквозь землю провалилась. Сквозь землю? Перед конторой на влажной почве четко отпечатались следы узких босых ног.

— Гжиндры, — уверенно сказал Анахо. — Или Прислужники Пнумов. Больше некому.

Рейш в отчаянии оглядел равнину, омытую янтарными лучами заходящего солнца. Поиски ничего не дадут. Что делать?

Немыслимо сидеть сложа руки. Но как быть с космическим кораблем, Тразом, перспективой вернуться на Землю? Цель почти достигнута! Рейш опустился на ветхий ящик. У него зародилась идея... Анахо, сморщив бледное, потешно-длинное, как у клоуна, лицо, молча наблюдал за другом. Наконец глухо произнес:

— Нам лучше отправиться в путь.

Рейш потер лоб.

— Позже. Мне надо придумать...

— Что придумать? Если гжиндры схватили девушку, с ней все кончено!

— Да, знаю.

— В таком случае ты бессилён.

Рейш бросил взгляд на базальтовые столбы.

— Ее отведут в подземелье. Там подвешат над темной ямой, а потом сбросят вниз.

Анахо пожал плечами.

— Ты не в силах ничего изменить, поэтому забудь об этом печальном происшествии. Нас ждет Траз, космический корабль, полет на твою мифическую Землю.

— Но я могу отправиться за ней!

— В подземные лабиринты Пнумов? Безумие! Ты не выйдешь оттуда!

— Сейчас ведь вышел.

— Каприз фортуны, чистое везение, случайность.

Рейш поднялся на ноги. Анахо торопливо продолжил:

— Ты не вырвешься наружу! Подумай, что будет с Тразом? Ему придется ждать тебя вечно. А я даже не смогу рассказать нашему другу, что ты напрасно пожертвовал всем, потому что никогда не найду его.

— Я не собираюсь ничем жертвовать. Я вернусь.

— Какая самоуверенность! — воскликнул дирдирмен насмешливо. — На этот раз Пнумы уж точно тебя поймают. Ты будешь висеть над пропастью рядом с девушкой.

— Нет. Я им нужен для Вечности.

Анахо развел руками.

— Мне тебя никогда не понять; упрямее я никого не встречал! Что ж, отправляйся под землю! Наплюй на верных друзей! Убей себя! Когда собираешься идти? Прямо сейчас?

— Завтра, — ответил Рейш.

— Почему не сегодня? Зачем откладывать? Жестоко заставлять Пнумов ждать целые сутки!

— Потому что мне надо хорошенько подготовиться. Пошли! Нам надо в город.

Глава 12

На рассвете Адам отправился на край солончаковых равнин. Именно здесь несколько месяцев назад он вместе с друзьями засек сигналы, которые коварный Вудивер посылал гжиндрам. Рейш сейчас тоже держал в руках зеркало. Как только солнце засияло на небе, он начал пускать зайчики, как когда-то делал толстяк.

Прошел час. Рейш уже отчаялся, но терпеливо продолжал свое занятие. Неожиданно, словно из-под земли, возникли две темные фигуры и замерли, глядя на Адама. Он направил зеркала на них. Как зачарованные гжиндры стали шаг за шагом приближаться; Рейш направился навстречу. Они остановились в пятидесяти футах друг от друга.

Прошла минута. Двое молча наблюдали за Адамом. Бледные лица с лисьими блестящими черными глазами-бусинками и длинными носами затеняли плоские черные шляпы. Наконец они подошли поближе. Один тихо произнес:

— Ты Адам Рейш.

— Да.

— Зачем ты сигналил нам?

— Вчера вы забрали мою спутницу.

Гжиндры промолчали.

— Да или нет?

— Да.

— Почему?

— Нам приказали.

— Что вы с ней сделали?

— Доставили туда, куда нам велели.

— Где это место?

— Вон там.

— У вас есть приказ забрать и меня?

— Да.

— Прекрасно, — объявил Рейш. — Идите первыми. Я последую за вами.

Гжиндры шепотом посоветовались. Один сказал:

— Невозможно! Мы не терпим, когда кто-то идет позади.

— На этот раз придется смириться, — заметил Рейш. — В конце концов, вы ведь исполните приказ.

— Верно, если ничего не случится. А вдруг ты решишь испепелить нас своим оружием?

— Я бы уже сделал это, если бы захотел. Но мне нужно лишь найти свою спутницу и вернуть ее на поверхность.

Гжиндры изучающе посмотрели на него.

— Почему ты не хочешь идти первым?

— Я не знаю дороги.

— Мы укажем тебе.

— Идите впереди. Это легче, чем тащить меня в мешке.

Гжиндры пошептались, почти не шевеля губами, сверля глазами Рейша. Потом одновременно повернулись и медленно пошли вперед.

Рейш двинулся следом, соблюдая дистанцию.

Они петляли по едва заметным тропинкам, а иногда путь никак не был отмечен. Склад и контора стали серыми квадратами далеко позади, Сивиш превратился в размытое серое пятно на горизонте.

Гжиндры замерли и повернулись к Рейшу. В их глазах мелькнули насмешливые искорки — или Адаму просто показалось?

— Подойди ближе, — сказал один из посланцев. — Ты должен стать рядом с нами.

Рейш сделал осторожный шаг. Он вытащил купленный вчера луче-мет и продемонстрировал его:

— Это на всякий случай. Не желаю, чтобы меня убили. Хочу достичь Убежища живым.

— Не бойся, не бойся! Мы доставим тебя невредимым, — заговорили гжиндры одновременно. — Убери оружие, оно тебе не понадобится!

Рейш подошел, сжимая луче-мет.

— Ближе, ближе! Стань на этот круг.

Рейш ступил на обведенный черным клочок земли. Они сразу стали опускаться, причем находились так близко друг от друга, что Адам впервые смог разглядеть их, вплоть до мельчайших морщинок. Лица его спутников были абсолютно невозмутимыми, словно их ничто не беспокоило.

Замаскированный лифт опустился на пятнадцать футов; гжиндры сошли в туннель с бетонными стенами. Оглянулись, поманили своего добровольного пленника и, покачиваясь, устремились вперед. Рейш последовал за ними. Туннель шел под уклон, бежать было легко.

Проход петлял, потом выравнился и неожиданно оборвался: дальше простиралась подземная река. Гжиндры жестом предложили Адаму спуститься в некое подобие катера и сами разместились в нем. Они быстро заскользили по гладкой поверхности, держась середины канала.

Плавание продолжалось не больше получаса; Рейш смотрел вперед, его спутники сидели молча и неподвижно, словно черные статуи.

Канал перешел в более широкий путь; катер достиг дока. Адам сошел на берег и зашагал вперед, стараясь не обращать внимания на насмешливое перешептывание за спиной. Повинуясь знаку своих спутников, он остановился. Появился Прислужник. Гжиндры пробормотали что-то, потом сели в катер и уплыли. Прислужник, игнорировавший изгоев, произнес:

— Пойдем, Адам Рейш. Мы давно ждем тебя.

— Где молодая женщина, которую доставили вчера?

— Пойдем.

— Куда?

— Тебя ожидают зужма кастчан.

По спине пробежал холодок. Адам попытался отбросить закраившиеся подозрения. Сейчас он проверит надежность принятых мер предосторожности.

— Пойдем, — поманил его Прислужник.

Рейш молча последовал за ним. Они спустились по петляющему коридору с блестящими зеркальными стенами из черного кремния. У Адама закружилась голова. Коридор превратился в зал черных зеркал; возле центральной колонны открылся узкий проход.

— Дальше ты один продолжишь путь в Вечность.

Рейш заглянул в маленькую комнату, обитую материалом, похожим на серебристый бараний мех.

— Ты должен войти.
— Где молодая женщина, доставленная вчера?
— Входи!
— Мне надо поговорить с Пнумами. Это важно.
— Войди в камеру. Когда дверь откроется, выйди и, следуя меткам, иди в Вечность.

Рейш смотрел на Прислужника Пнумов в бессильной ярости. Тот безразлично, как рыба, глядел куда-то в сторону. Никакие угрозы не помогут. К тому же медлить было нельзя. У Адама все переворачивалось внутри при мысли о том, что произойдет, если он опоздает. Он вышел.

Дверь закрылась. Камера-лифт скользнула вниз. Прошла минута. Наконец она остановилась, дверь распахнулась. Рейш вышел; вокруг царила непроглядная тьма, лишь под ногами цепочка желтых огоньков обозначала путь. Рейш огляделся, прислушался. С тяжелым сердцем он двинулся вперед.

Светящиеся точки вели его все дальше. Адам старался идти точно по ним: кто знает, на что наткнешься за пределами дороги? Как-то раз ему почудился затихающий рев, похожий на звук поднимающихся с огромной глубины потоков воздуха.

Почти незаметно тьма рассеялась, откуда-то из невидимого источника засиял свет. Рейш стоял на краю обрыва; внизу раскинулся погруженный в полутьму странный пейзаж — скопление едва различимых предметов. Рейш начал медленно спускаться. Он достиг подножия лестницы и в ужасе застыл на месте: перед ним стоял Пнум.

Рейш собрал волю в кулак и произнес твердым голосом:

— Меня зовут Адам Рейш. Я пришел за девушкой, моей спутницей, которую вы захватили вчера. Приведите ее сюда немедленно.

Раздался хриплый шепот:

— Ты Адам Рейш?

— Да. Где она?

— Ты прилетел сюда с Земли?

— Что с девушкой? Отвечай!

— Зачем ты явился на старую Тчаи?

Адам не выдержал и закричал:

— Ответь мне!

Темная фигура тихо повернулась и скользнула прочь. Секунду Рейш раздумывал, остаться на месте или пойти следом, потом зашагал вперед.

Золотисто-серебряное сияние стало ярче или, может, зрение Адама приспособилось к освещению. Он различил похожие на пагоды сооружения, ряды колонн, какие-то проходы. Позади возникли размытые силуэты, как призрачные видения.

Пнум медленно удалялся. Рейша охватило отчаяние, потом нахлынула ярость, заставившая ринуться вслед за хозяином подземелья. Он

схватил создание за твердое плечо и дернул; к его огромному удивлению, Пнум сразу повалился на спину, руки его невероятно вывернулись, и он встал на четвереньки вверх животом, словно делал «мостик». Голова его при этом постоянно раскачивалась: странно, но Пнум сейчас походил на ночную собаку. Пока ошеломленный землянин наблюдал за метаморфозой, создание резко выпрямилось и взглядом выразило крайнее неодобрение.

К Рейшу вернулся дар речи:

— Я должен как можно быстрее поговорить с вашим главой. То, что я хочу сообщить, не терпит отлагательств. Это важно и для меня, и для вас.

— Тут Вечность, — донесся хриплый голос. — Подобные слова здесь не имеют смысла.

— Ты изменишь мнение, когда слушаешь меня.

— Займи свое место в Вечности. Для тебя уже все готово.

Существо вновь двинулось вперед. На глаза Рейша навернулись слезы; от злости сдавило горло. Если что-нибудь случилось с Зеп-210, они заплатят! Что бы потом ни случилось, тварям придется плохо!

Скоро они прошли через украшенный колоннами портал в новое подземное царство. Место вызвало у Рейша ассоциации с элегантными мемориальными парками Земли. Вдоль окаймленного золотом и серебром проспекта стояли какие-то фигуры. Адам сначала принял их за изваяния, но они двинулись к нему. Пнумы! Он пошел навстречу. Их было по крайней мере двадцать. По тому, как существа держались, Рейш осознал, что перед ним элита, обладатели самого высокого ранга. На мгновение Адам пал духом. В своем ли он уме? Пытаться с помощью человеческой логики предугадать поведение неземных существ... Немыслимо! Здесь, в этой обители теней, столкнувшись лицом к лицу с представителями древнейшей расы, он почувствовал, что свою волю им можно навязать только грубой силой.

Он оглядел группу, укрытую в густой тени.

— Я Адам Рейш, — сказал он, — землянин, прилетевший к вам. Чего вы от меня хотите?

— Твоего присутствия в Вечности.

— Я здесь, — сказал Рейш, — но не собираюсь стать экспонатом коллекции. Вы ведь знаете, что я пришел по собственному желанию.

— Ты появился бы здесь в любом случае.

— Нет. Вы похитили мою подругу. Я пришел забрать ее с собой на поверхность.

Пнумы, словно по сигналу, одновременно шагнули к нему: злоежащая картина, эпизод кошмарного сна...

— Как ты собираешься этого достичь? Здесь Вечность.

— Вы, Пнумы, давно существуете на Тчаи...

— Давно, очень давно; мы душа этого мира. Мы и есть Тчаи.

— Сейчас здесь живут и другие расы, намного превосходящие вас в могуществе.

— Они приходят и уходят: мимолетные видения, предмет нашей забавы. Стоит нам пожелать, и они исчезнут!

— Разве вы не боитесь Дирдигов?

— Необузданные существа не могут до нас добраться. Они не знают наших тайн.

— А если бы знали?

Зловещие фигуры приблизились еще на один шаг.

— Что, если бы Дирдиги знали все ваши тайны: туннели, проходы, выходы на поверхность?

— Нелепая фантазия!

— Ошибаетесь — она может стать реальностью. Я способен сделать это. — Рейш вытащил папку. — Взгляните!

Пнум осторожно принял ее.

— Потерянные Великие Карты!

— Еще одна ошибка. Это точная копия.

Пнумы разом издали низкий воющий звук, и Адаму снова пришлось на память ночные собаки; он часто слышал такие стоны в степях Котана.

Тихая жалобная песнь растворилась в воздухе. Пнумы окружили его и не шевелились, словно статуи. От них исходила почти осязаемая, безумная ярость; подобная свирепость, прежде думал Адам, присуща лишь фунгам.

— Успокойтесь, — сказал он. — Вам пока ничего не грозит. Карты — залог моей безопасности; если я вернусь на поверхность, ничего не случится. В противном случае документы будут переданы Синим Часчам и Дирдирам.

— Недопустимо! Тайны не могут стать достоянием дикарей. Иного решения не существует.

— На это я и надеялся. — Рейш оглядел Пнумов. — Вы согласны на мои условия?

— Мы их еще не слышали.

— Освободите девушку, похищенную вчера гжиндрами. Если она мертва, я заставлю вас горько пожалеть. Вы будете проклинать имя Адама Рейша, навсегда запомните меня!

Создания застыли, не произнося ни слова.

— Где она? — спросил он срывающимся голосом.

— В Вечности, ожидает кристаллизации.

— Она жива? Или умерла?

— Она еще живет.

— Где она?

— За площадью Монументов.

— Ты сказал, что девушка живет... Но она здорова, находится в сознании?

- Она еще живет.
- Тогда вам повезло.

Плумы непонимающе оглядели его; некоторые почти по-человечески пожалы плечами.

— Приведите ее сюда, или отправимся за ней. Решайте сами, что быстрее.

- Идем.

Они двинулись через площадь; всюду высились статуи — либо это были чучела? — сотен представителей различных народов. Рейш невольно задержался, зачарованно разглядывая их.

- Что это?

— Эпизоды жизни Тчай. Вот шивваны, которые пришли к нам семь миллионов лет назад. Это один из древнейших кристаллов, память о далеких временах. А там гийи, что основали восемь империй и были уничтожены фесалами, а те, в свою очередь, бежали в ужасе от света красной звезды Хеи. Дальше — другие, посетившие нас, прежде чем уйти в небытие и удостоенные вечной жизни, став частью истории.

Черные монументы, окруженные серебристо-золотым ореолом, казались живыми. Сколько их! Двуногие, существа с четырьмя, тремя нижними конечностями, твари с чудовищными выпирающими мозговыми «мешками» вместо головы, с переплетающейся паутиной нервных сетей, а рядом — обладатели почти человеческого черепа. Привычные нам глаза сменялись призмами, гибкими трубочками-сенсорами и оптическими лентами. Вот свирепый воин — ящерообразное чудовище — замахнулся семифутовым мечом. Это был Зеленый Часч. Поблизости Синие Часчи преследовали группу пригнувшихся в ужасе Старых Часчей, а рядом злобно оскалились три часчмена, с ними соседствовали их враги Дирдиры и дирдирмены, сопровождаемые мужчинами и женщинами неизвестной Адаму расы. Сбоку суровый одинокий Ванкх наблюдал за группой работающих людей. Они прошли мимо единственного пустого пьедестала по склону к свинцово-черной реке, на поверхности которой возникали сверкающие водовороты. На берегу стояла клетка с серебряными прутьями; в ней скорчилась Зеп-210. Она со странной невозмутимостью наблюдала за приближающейся группой, но при виде Рейша лицо девушки исказилось. На нем отразилась целая гамма противоречивых эмоций: горе и радость, облегчение и страх... С бывшей Прислужницы сняли одеяния гхиана, оставив в белой рубаше.

Как ни старался Адам говорить спокойно, от волнения голос его прозвучал хрипло:

- Что вы с ней сделали?

— Будущий экспонат обработан Первой Жидкостью. Она укрепляет организм, повышает тонус и открывает проходы для Второй Жидкости.

- Освободите девушку.

Зэп-210 выпустили. Рейш взял ее за руку, погладил как ребенка по голове.

— Ты в безопасности. Мы возвращаемся на поверхность.

Она прижалась к нему, положила голову на плечо и зарыдала. Адам не двигался, чтобы дать ей выплакаться.

Пнумы подошли ближе. Один сказал:

— Требуем возврата всех карт!

Рейш безжалостно рассмеялся.

— Позже. У меня есть и другие условия. А сейчас давайте покинем это место. Вечность угнетает меня.

В зале, облицованном полированным серым мрамором, Рейш предстал перед старейшинами Пнумов.

— Я человек; меня беспокоят представители моей расы, ведущие по вашей милости неестественный образ жизни. Вы должны прекратить размножать людей; дети, которые уже родились, должны быть отправлены на поверхность и содержаться там за ваш счет, пока не смогут заботиться о себе сами.

— Но нам придется навсегда расстаться с «Воспитанниками»!

— Даже если так, что из того? Вашей расе семь миллионов лет или больше. Только в последние двадцать—тридцать тысяч лет Прислужники Пнумов работают на вас. Вряд ли это станет большой утратой.

— Если мы согласимся... Что будет с картами?

— Я уничтожу все копии, кроме нескольких. Ни одна не попадет к вашим врагам.

— Этого недостаточно! Мы будем жить в постоянном страхе!

— Меня ваши проблемы не волнуют. Я должен сохранить над вами контроль, чтобы гарантировать честное выполнение моих требований. Когда-нибудь, возможно, я верну вам все карты — когда-нибудь в будущем.

Несколько секунд Пнумы тихо совещались. Наконец один прошептал:

— Твои требования будут выполнены.

— В таком случае выведите нас на равнины Сивиша.

Омытые последними закатными лучами янтарного солнца, равнины казались бесконечными. Опустившись за базальтовые скалы, Карина-4269 заставила сиять башни Дирдилов. Рейш и Зэп-210 подошли к старому складу. Из конторы выглянул тощий Анахо и поспешил им навстречу.

— Воздушный плот готов.

— Тогда поспешим. До сих пор не могу поверить, что все получилось.

Они направились на север.

— Куда мы держим путь? — осведомился дирдирмең.

— В степи Котана, к югу от того места, где мы с тобой впервые встретились.

Они летели всю ночь над бесплодной центральной частью Кислована, затем над морем и болотами Котана.

На рассвете показались степи. Адам стал внимательно изучать пейзаж. Наконец он увидел внизу знакомый лес, указал друзьям на поляну:

— Здесь наша шлюпка разбилась; так я оказался на Тчаи. Лагерь людей Эмблемы лежал к востоку отсюда. Вот тут, возле зарослей кустов, мы с Тразом закопали эмблему Онмале. Садимся!

Они приземлились. Рейш вышел и медленно зашагал к лесу. Что-то блеснуло впереди. Из укрытия вышел Траз. Когда Адам подошел к другу, юноша сдержанно произнес:

— Я знал, что ты вернешься.

Он не просто возмужал — приобрел уверенность в себе, цельность. На плече был прикреплен медальон из металла, камня и дерева.

— Ты выкопал эмблему.

— Да. Она звала меня... Куда бы я ни пошел, всюду слышал голоса всех вождей Онмале, призывающих извлечь Онмале из тьмы. Я выкопал ее; теперь голоса молчат.

— А корабль?

— Готов к отлету. Здесь четверо механиков. Один остался в Сивинше; двое не выдержали и отправились по степи в Хедаджу.

— Чем быстрее мы покинем Тчаи, тем лучше. Только оказавшись в открытом космосе, я поверю, что мы наконец достигли цели.

— Тогда в путь!

Юноша кочевник, дирдирмен и девушка поднялись на борт космического корабля. Рейш бросил последний взгляд на янтарное небо, наклонился, зачерпнул горсть земли планеты, приютившей его на долгие годы. Затем присоединился к друзьям. Люк захлопнулся, загудели генераторы. Корабль взлетел. Тчаи становилась все меньше, превратилась в янтарный шар, уменьшилась до серовато-коричневого мячика и вскоре стала еще одной звездочкой, сияющей в непроглядной тьме космоса.

Послесловие

Кто-то однажды назвал Джека Вэнса «алаяповато раскрашенной кистеперой рыбой, которая находит свою кровавую добычу в миллионах вымышленных миров». Оставим это сравнение на совести его недоброжелателей. К сожалению, Вэнса чаще всего причисляют к «научным» фантастам, хотя по духу многие его произведения приближаются скорее к жанру «фэнтези»:

В самом деле, при ближайшем рассмотрении книги Вэнса не столько развивают, сколько разрушают жанр, к которому они принадлежат. Одной из наиболее характерных особенностей творчества писателя является его неисчерпаемая выдумка по части создания экзотических, но при этом вполне достоверных социальных образований, которые в изобилии встречаются на страницах его романов. Так, например, герои «Большой планеты» («Big Planet») путешествуют сразу по восьми мирам. Однако эта их фантастическая способность оборачивается бедой, когда герои (а вместе с ними и читатели), едва привыкнув к одной реальности, внезапно перебрасываются в совершенно иной мир.

Лишь в последних работах Вэнса его галактики оказываются заселенными преимущественно гуманоидами. Инопланетные создания, если таковые встречаются, как правило, не стремятся поддерживать добрососедские отношения с землянами. Так, в «Нопалгарте» («Nopalgarth»), первоначально изданном под названием «Мозги Земли» («The Brains of Earth»), когда земляне и «ксаксаны» объединяют силы, чтобы дать отпор телепатическим паразитам, один из главных героев открыто заявляет, что «ни о каком братстве в перспективе не может быть и речи». В большинстве случаев отношения между обеими расами строятся исключительно как отношения хозяина и раба. Так, например, в «Повелителях дракона» («Dragon Masters») драконы и люди используют генетических мутантов друг друга. Самыми известными, пожалуй, являются инопланетяне Вэнса из его попу-

лярнейшей серии «Сага странствий» («The Planet of Adventure»), в которой главный герой помогает соплеменникам вырваться из плена поработивших их четырех враждебных общин.

При описании своих миров Вэнс не жалеет красок для создания как можно более правдоподобной панорамы неземных цивилизаций, щедро снабжая текст языком, сносками, эпиграфами и пояснениями. Вэнс снискал заслуженную славу в первую очередь благодаря своему стремлению ничего не упустить из реалий создаваемых им сообществ, помпезный фасад которых нередко скрывает за собой ущербность их экономической основы. В «Домах Изма» («The Houses of Iszm») обрисовываются тщетные попытки демократических элементов нарушить монополию на дешевое жилье; «Эмфирио» («Emphurio») описывает стремление аристократии поставить под свой контроль торговлю, и тем самым укоренить в стране феодальные порядки, а «Вист: Аластор 1716» («Wyst: Alastor 1716») знакомит читателя с обществом, презирающим труд и потому впадающим в состояние хронической стагнации.

Интересно, что в созданных Вэнсом цивилизациях альтруизм не в почете. Когда тот или иной герой произносит слово «доверие», его собеседник обычно переспрашивает: «А это сколько стоит?» Предлагаемый путеводитель гласит: «ЗА БЕСПЛАТНО НИЧЕГО НЕ БЫВАЕТ — разве что воздух, которым вы дышите». Эта гротескность лишний раз подчеркивает доселе недооцененную сторону романов Вэнса: все они проникнуты тонким, изящным юмором, так, например, поступки пылающих страстью персонажей описываются нарочито будничными, почти «протокольными» фразами: «Космическая опера» («Space Opera») — пожалуй, самая забавная его книга — озадачивает читателя полным несоответствием названия романа его содержанию. Режиссера, взявшегося за постановку «Фиделио», загадочно предупреждают, чтобы он не пытался полностью удовлетворить вкусам инопланетян: «Заигрывая с партнером, они опрыскивают его клеей жидкостью. Не уверен, что ты сможешь подстроиться под их стандарты».

Литературные творения Вэнса обычно отмечены явным стремлением к свободе и независимости, о чем красноречиво говорит название одного из его романов — «Смелые свободные парни» («The Brave Free Men»). Герой «Повелителей дракона» настаивает на том, что колдуны и таинственные мудрецы, вопреки их внешности, отнюдь не всегда оказываются на поверку добрыми и благожелательными. «Откуда мы знаем, что они пацифисты? Зато мы твердо знаем, что они — люди!» Впрочем, Вэнс подчас отвергает всякие условности. Так, в романе «Слуги Ванкхов» («Servants of the Wankh») уже инопланетянам приходится избавляться от тирании, навязанной им бывшими слугами-людьми.

Перу Вэнса принадлежат два приключенческих сериала — «Принцы-демоны» (история межгалактической мести) и «Сага странствий».

К сожалению, в обоих случаях главным героям явно недостает оригинальности, отчего они кажутся безликими и малоинтересными. Вполне классические сюжеты романов во многом напоминают ранние творения Хайнлайна: на героев рано или поздно снисходит Божественное озарение и они осознают (выражая это в весьма риторической и напыщенной манере), что обязаны «извлечь смысл из архаического бессмыслия, поставить волю человека над миром первоизданного хаоса, утвердить сияющее совершенство одной-единственной души — живой плоти, существующей среди пяти миллионов безжизненных и серых корпускул».

Следует признать, что Вэнс наверняка чувствует уязвимость столь сложной философской позиции, тем более, что главные его герои нередко оказываются весьма близки своим антиподам. Так, один из принцев-демонов говорит Кирту Герсену: «Ты — себялюбец. Впрочем, я такой же». Разделяет же их лишь трезвое осознание главным героем своего реального места во Вселенной — четко очерченного и отнюдь не безграничного во времени. Злодей Вэнса «жил в настоящем, будучи озабочен только самим собой; прошлое его уже ушло в небытие, тогда как будущее представлялось размытым пятном, которому еще предстояло обрести свою форму». И пусть герои Вэнса именуют себя «бродягами», пусть взахлеб рассказывают о своих путешествиях и приключениях — чем бы они не занимались, каждое их действие преследует определенную цель, что придает всему повествованию должную целостность и реалистичность.

Вэнс порой разочаровывает любителей традиционной «научной» фантастики, ожидающих смертельных схваток героя с жестокими порождениями технического прогресса. Сам Вэнс, как и любимые его герои, — неисправимый романтик. Действительно, в «Космической опере» планета-тюрьма носит романтическое название «Жаворонок», а в «Языках Пао» («The Languages of Pao») автор убедительно и ярко разрабатывает версию о возможности существования искусственно-го интеллекта. «Он создал племя бойцов, которым не страшны ни огонь, ни сталь снаряда, ни взрыв бомбы. От них требуется лишь одно — отомстить за смерть его отца». Однако получилось так, что несокрушимые воины ополчились против своего же создателя, и ему пришлось использовать особый язык, чтобы усмирить их и достичь своей цели.

Одним из наиболее запоминающихся произведений Вэнса является его трилогия про Дардейн («Durdane trilogy»), в которой юный герой, одолевший злобных космических пришельцев, затевает войну ради освобождения их же собственной планеты. «Космический корабль, которым они овладели, изначально должен был отправить их назад к родным берегам, на Дардейн. Неудивительно, что сопротивление оказалось столь слабым!» Таким оригинальным способом Вэнс ответил на обвинения в своей «бездумной кровожадности».

Книга «Станция «Араминта»» («Araminta Station») примечательна внушительным объемом, хотя при этом не кажется затянутой. В ней есть все, чтобы она читалась на одном дыхании, включая тайну, которую предстоит разгадать главному герою (Вэнс является одним из немногих авторов, получивших *детективную* премию «Эдгар» наряду с *чисто фантастическими* «Хьюго» и «Небьюла»). Главный герой этой оригинальной и на редкость задорной книги как бы бросает вызов самой Вселенной: «Я устремил взгляд в вышину и внезапно почувствовал неведомое ранее состояние открытости — словно мой разум охватил всю галактику. И в то же время я ощутил существование миллионов, даже миллиардов людей, которых разметало по межзвездному пространству. От этих людей, их жизней, исходил негромкий звук, что-то вроде гула или приглушенной, но очень приятной музыки».

Именно это ощущение «возможности чуда» в безграничной Вселенной, чудо в самом факте существования человечества, придает романам Вэнса неповторимый колорит, отчего он запоминается нам как уникальный и неподражаемый творец фантазийного жанра.

Библиография произведений Джека Вэнса

Романы

The Space Pirate.
Vandals of the Void.
To Live Forever.
Big Planet.
The Languages of Pao.
Slaves of Klau.
The Dragon Masters.
The Houses of Iszm.
The Star King.
The Killing Machine.
Monsters in Orbit.
Space Opera.
The Blue World.
The Brains of Earth.
The Palace of Love.
City of Chasch.
Emphyrio.
Servants of the Wankh.
The Dirdir.

The Pnume.
The Anome.
The Brave Free Men.
Trullion: Alastor 2262.
The Asutra.
The Gray Prince.
Marune: Alastor 933.
Showboat World.
Maske: Thaery.
Wyst: Alastor 1716.
The Face.
The Book of Dreams.
Gugel's Saga.
Rhalto the Marvellous.
Strange Notions.
The Dark Ocean.
Light from a Lone Star.
Araminta Station.
Ecce and Old Earth.

Сборники рассказов

The Dying Earth.
Future Tense.
The World Between and Other
Stories.
The Eyes of the Overworld.
The Many Worlds of Magnus
Ridolph.
The Last Castle.
Eight Fantasms and Magics.
The Worlds of Jack Vance.

The Best of Jack Vance.
Green Magic.
The Bagful of Dreams.
The Seventeen Virgins.
Galactic Effectuator.
The Narrow Land.
Lost Moons.
The Augmented Agent.
The Dark Side of the Moon.
Chateau d'If and Other Stories.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЧАЙ: САГА СТРАНСТВИЙ
Перевод с английского Р. Шидфара

КНИГА 1. ГОРОД ЧАСЧЕЙ

7

КНИГА 2. СЛУГИ ВАНКХОВ

143

КНИГА 3. ДИРДИРЫ

273

КНИГА 4. ПНУМЫ

399

П о с л е с л о в и е

511

**Библиография произведений
Джека Вэнса**

515

Вэйс Джек
В97 Тчаи: сага странствий: Фантастические романы. —
Пер. с англ./Послесловие. — «Осирис». — М.: Центр-
полиграф, 1997. — 516 с.

ISBN 5-218-00352-2

Головокружительные приключения землянина на незнакомой планете, населенной диковинными существами и их прислужниками-людьми.

ББК 84.7 США

Литературно-художественное издание

Вэнс Джек

ТЧАИ: САГА СТРАНСТВИЙ

Фантастические романы

Редактор К.В. Прилико

Художественный редактор А.И. Моисеев

Технический редактор В.Ф. Нефедова

Корректор И.А. Филатова

ЛР № 064206 от 10.08.95 г.
Подписано к печати с готовых диапозитивов 07.02.97.
Формат 60×84¹/₁₆. Бумага газетная. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 30,69. Уч.-изд. л. 29,25.
Тираж 8 000 экз. Заказ № 2116

Торгово-издательское объединение «Центрполиграф»
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15

ГИПП «Нисжполиграф»
603006, Нижний Новгород, Варварская ул., 32



СЕРИЯ «ОСИРИС»

Книга-почтой



По многочисленным просьбам любителей фантастики «Центрополиграф» возобновляет выпуск серии «Осирис», хорошо известной поклонникам фантастики. В серии выходили лучшие романы английских и американских авторов, таких, как Р. Желязны, К. Саймак, Э. Гамилтон, Р. Хайнлайн. Продолжая лучшие традиции издания фантастики, «Центрополиграф» удивит читателей новыми изданиями произведений блестящих мастеров, корифеев мировой фантастики, таких, как Норман Спиррад, Дэймон Найт, Томас Диш, Филип Дик и другие.

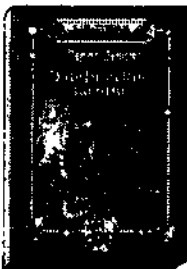
М. Муркок «Бегство из сумерек»
Н. Спиррад «Стальная мечта»
Ф. Дик «Мастер вса Галактики»
Д. Найт «Билет куда угодно»
Ф. Дик «Лучший друг Бога»
Д. Найт «Сумерки людей»
Э. Маккефри «Ровена»

Твердый целлофанованный переплет, формат 145 x 200 мм, объем 500 стр.

Цена одной книги 15300—16200 руб.



СЕРИЯ «МАСТЕРА ФЭНТЕЗИ»



Серия открывается циклом Летописи Шаннары американского писателя Терри Брукса — широко известного мастера фэнтези. Вы попадете в сказочную страну Четырех Земель — мир, который вместе с людьми населяют гномы, тролли, эльфы, дварфы. Они сражаются со злыми тварями призрачного мира, грозящими уничтожить Мир. Здесь есть и верная дружба, и предательство, и любовь...

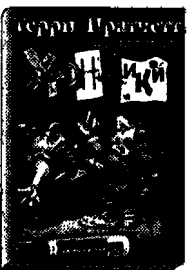
Т. Брукс «Меч Шаннары»
Т. Брукс «Эльфийские камни»
Т. Брукс «Песнь Шаннары»
Т. Брукс «Потомки Шаннары»
Т. Брукс «Друид Шаннары»
Т. Брукс «Королева эльфов Шаннары»
Т. Брукс «Талисманы Шаннары»
Т. Брукс «Первый король Шаннары»

Д. Дункан «Разящий клинок»
Д. Дункан «Изгой»
Д. Дункан «Поле брани»
Д. Дункан «Живое божество»
Дж. Уайли «Лабиринт теней»

Д. Эддингс «Повелитель демонов из Коранды»
Д. Эддингс «Колдунья из Даршивы»
Д. Эддингс «Кельская пророчица»
Д. Эддингс «Часовые Запада»
Д. Эддингс «Властелин мургов»

Твердый целлофанованный переплет, формат 135 x 210 мм, объем 500—600 стр.

Цена одной книги 15700—16200 рублей.



ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ в 3-х книгах

Фантастические повести для детей младшего и среднего возраста

Английский писатель Т. Пратчетт, лауреат почетной Британской литературной премии, входит в число лучших детских писателей мира. В его книгах «Угонщики», «Землекопы», «Крылья» описаны удивительные приключения номов — крашечных существ величиной не более 4 дюймов, когда-то, случайно, прилетевших на Землю с далекой Звезды. Тонкий юмор, своеобразный взгляд персонажей на человечество доставят истинное удовольствие и взрослому читателю.

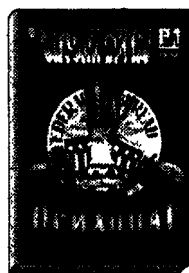
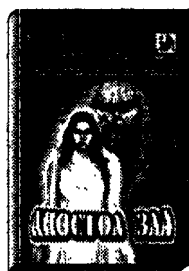
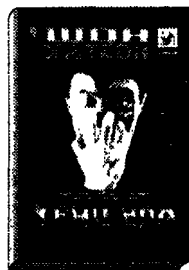
Твердый целлофанованный переплет, формат 210 x 300 мм, объем 80—120 стр.
 Цена трехкнижки 76800 руб.

Если Вы желаете приобрести книги издательства «Центрополиграф» без торговой наценки, то можете воспользоваться услугами отдела «Книга-почтой». Для этого отправьте заказ по адресу:

111116, Москва, а/я 30, «ЦЕНТРОПОЛИГРАФ»

**СЕРИЯ
«МАСТЕРА ОСТРОСЮЖЕТНОГО РОМАНА»**

Издательство продолжает выпуск традиционной серии «Мастера остросюжетного романа». В сборниках серии «МОР» выходят остросюжетные популярные романы всех жанров: детективы, полицейский боевик, ужасы, триллер. Самые популярные произведения всемирно известных авторов: Роберта Ладлама, Дэвида Моррелла, Сэри Паречки, Пола Вилсона, Шона Хатсона, Вильяма Каунитца, Томаса Перри и других.



Э.Ластбейдер
Д.Осборн
Д.Кейл
Р.Маккаммон
Р.Ричардсон
Д.Моррелл
Д.Моррелл
Р.Хилл
Р.Рид
А.Макнейл
Ш.Хатсон
Ш.Хатсон
Ш.Хатсон
Л.Гоуф
С.Соломита
Э.Бруно
Э.Бруно
Ф.Керр
Р.Миллер
Дж.Кертис
П.Вилсон
С.Паречки
С.Паречки
С.Паречки
Т.Перри
Р.Ладлам
Р.Ладлам
Э.Шах
Э.Бруно
П.Вилсон
Р.Ладлам
П.Вилсон
П.Вилсон
П.Вилсон

«Французский поцелуй»
«Убийство в долине Нейпы»
«Комиссар его величества»
«Час валка»
«Книга мертвого гения»
«Испытание»
«Пятая профессия»
«Прах и безмолвие»
«Одержимый»
«Ночной дзор»
«Наемный убийца»
«Тени зла»
«Жертвы»
«Случайные смерти»
«Взмах ножа»
«Плохие парни»
«Грязный бизнес»
«Берлинская ночь»
«Тень в камне»
«Закалдуи меня»
«Замок»
«Смертельный удар»
«Заказное убийство»
«Приказано убить»
«Ученик мясника»
«Тайна личности Борна»
«Превосходства Борна»
«Оборотни»
«Психалат»
«Апостол зла»
«Патрульные Алакаписиса»
«Ночной мир»
«Магипа»
«Прикосновение»

Твердый целлофанованный переплет, формат 145 x 200 мм, объем 400—700 стр.
Цена одной книги 9000—16800 руб.

Если вы желаете приобрести книги издательства «Центрополиграф» без торговой наценки, то можете воспользоваться услугами отдела «Книга-почтой». Для этого отправьте заказ по адресу:
111116, Москва, а/я 30, «ЦЕНТРОПОЛИГРАФ»

ДЖЕЙМС ХЕДЛИ ЧЕЙЗ

Полное собрание сочинений в 23-х томах



Наиболее полное и верное собрание сочинений Джеймса Хедли Чейза на русском языке (89 романов и сборник рассказов). Издательства «Центрполиграф» обладает эксклюзивными правами на русское издание произведений этого выдающегося английского писателя, чьи произведения пользуются самой большой популярностью в России, как и во всем мире.

- | | |
|--------|---------------------------------|
| том 1 | Мертвые молчат |
| том 2 | Скорее мертвый, чем живой |
| том 3 | Ловушка |
| том 4 | Копкан для Джанни |
| том 5 | Свидетелей не будет |
| том 6 | Он свое получит |
| том 7 | Шок |
| том 8 | Клубок |
| том 9 | Гроб из Ганканга |
| том 10 | Репортер Кэйд |
| том 11 | Итак, моя милая |
| том 12 | Запах денег |
| том 13 | Без денег — ты мертв! |
| том 14 | Раковая женщина |
| том 15 | Поверишь этому — поверишь всему |
| том 16 | Я хотел получить миллион |
| том 17 | Нас похоронят вместе |
| том 18 | Ударь по больному месту |
| том 19 | Заставьте танцевать мертвеца |
| том 20 | Лиса в капкане |
| том 21 | Осторожный убийца |
| том 22 | Путь к богатству |
| том 23 | Дело о наезде |



Принимаются заявки на полное собрание сочинений, а также на отдельные томы

Твердый целлофанованный переплет, формат 135 x 210 мм. Объем 480—650 стр.

Цена одного тома 15500—16900 руб.

Если Вы желаете приобрести книги издательства «Центрполиграф» без торговой наценки, то можете воспользоваться услугами отдела «Книга-почтой». Для этого отправьте заказ по адресу:

111116, Москва, а/я 30, «ЦЕНТРПОЛИГРАФ»



СЕРИЯ «МАСКАРАД»



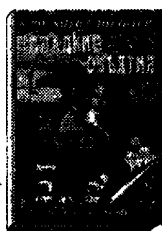
Завораживающие романтические истории, великосветские интриги, любовные страсти и трагические семейные драмы, увлекательно и ярко описанные на фоне реальных исторических или современных событий — в Англии, Шотландии, Америке и Франции, — несомненно вызовут живой интерес у читателя.

В серию войдут лучшие любовно-исторические романы зарубежных авторов, блистательных исторических романистов, таких, как Диана Гейблдон, Виктория Холт, Сара Харрисон, и Полное собрание сочинений уже известной нашим читателям Джорджетт Хейер.

Э.Энтони	«Орлы летают высоко»
Э.Энтони	«Виктория и Альберт»
Д.Гейблдон	«Чужестранка» (кн. 1, 2)
Д.Гейблдон	«Стрекоза в янтаре» (кн. 1, 2)
Дж.Хейер	«Оковы страсти»
Дж.Хейер	«В омуте любви»
Дж.Хейер	«Порочная невинность»
Дж.Хейер	«Запретные желания»
Дж.Хейер	«Опасный маскарад»

Твердый целлофанованный переплет, формат 145 x 210 мм, объем 500 стр.
Цена одной книги 15100—15700 руб.

СЕРИЯ «КОРОЛЕВА ЛЮБВИ»



«Королева любви» — серия лучших любовных романов, признанных во всем мире самыми изысканными книгами о любви. Главная особенность серии — авторы только женщины. Английские и американские писательницы: Р.Пильер, М.Уэй, Л.Пик, С.Сил, Б.Нилс, К.Блэр и другие — элита мировой беллетристики, впервые издаваемой на русском языке. Раскрыв романы, читатель окунется в завораживающую Вселенную Любви. Они особенно завоевывают сердца читательниц, ибо женщины всегда мечтают о сказке и видят себя героинями романов, в которых настоящие Мужчины совершают безумные поступки во имя прекрасных Дам.

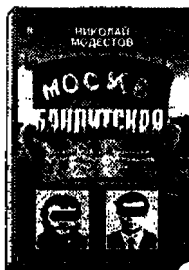
Р.Пильер	«Сладкие объятия»
Э.Мэтер	«В тени красных жасминов»
Э.Мэтер	«Колдовская страсть»
Л.Пик	«Любовь и грезы»
Б. Нилс	«Возрожденная любовь»
Дж. Донелли	«В плену грез»
К. Блэр	«Исполнение желаний»
Дж. Арбор	«Любовь на Рейнес»
Д. Смит	«Только ты...»

Мягкая обложка, гармоничный формат, объем 300 стр.
Цена одной книги 4500 — 4900 руб.

Если вы желаете приобрести книги издательства «Центрполиграф» без торговой наценки, то можете воспользоваться услугами отдела «Книга-почтой». Для этого отправьте заказ по адресу:

111116, Москва, а/я 30, «ЦЕНТРОПОЛИГРАФ»

**НИКОЛАЙ МОДЕСТОВ
«МОСКВА БАНДИТСКАЯ»**



В книге известного московского журналиста **НИКОЛАЯ МОДЕСТОВА «МОСКВА БАНДИТСКАЯ»** собраны уникальные материалы о самых громких уголовных делах и лидерах преступного мира.

«Мы будем хозяевами Москвы».
История чеченской группировки в столице.

Япончик.
Самый знаменитый «вор» последних десятилетий.
История «легенды».

Мансур.
Лидер козакских группировок.

«Некоронованный» Сильвестр.
Закончил жизнь, взорвавшись в «Мерседесе-600»
на Тверской. Почему?

Сергей Фролов
больше всего любил игру в карты и кино об итальянской мафии.
Он получил пулю из нагана в казино «У Александро»
в г. Железнодорожном.

«Белая стрела».
Кто убивает «варов в законе»?

Суперкиллер Александр Солоник.
На его счету «воры» Глобус и Колино, «авторитеты»
Бобон и Тимохо, а также
милиционеры и охранники.

Корсаков новозузнецкий.
Машина смерти, созданная бывшим спортсменом
и агентом спецслужбы, действовала безукоризненно в Кемерове,
Санкт-Петербурге и Москве, пока поделщики
не учинили «бунт на корабле».

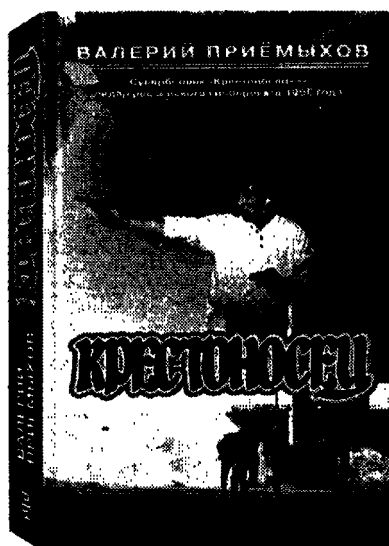
*Богато иллюстрированный материал.
Фотографии из следственных изоляторов, оперативная съемка.*

**Куда идет Россия?
Криминальный прогноз.**

*Твердый целлофанованный переплет, формат 206 x 134 мм.
Объем 320 стр. + иллюстрации.
Цена 22500 руб.*

Если Вы желаете приобрести книги издательства «Центрополиграф»
без торговой наценки, то можете воспользоваться услугами отделения «Книга-почтой».
Для этого отправьте заказ по адресу:
111116, Москва, а/я 30, «ЦЕНТРОПОЛИГРАФ»

**Супербестселлер.
Валерия Приёмыхова
«КРЕСТОНОСЕЦ»**



Валерий Приёмыхов — талантливый сценарист, режиссер, актер — широко известен по фильмам «Холодное лето пятьдесят третьего...», «Милый, дорогой, любимый», «Пацаны» и др., лауреат государственных премий России, ряда зарубежных стран.

Роман **«КРЕСТОНОСЕЦ»** написан автором на основе сценария одноименного фильма.

Группа профессиональных каскадеров, участвующая в съемках фильма в Турции, столкнувшись с мафией, попадает в лабиринт событий, связанных со смертельным риском.

Герой романа **Александр Конов — крестоносец** — карает зло, идет до конца в стремлении разоблечь подлость и предательство.

Твердый целлофанированный переплет,
формат 134 x 210 мм, объем 480 стр.
Цена книги 18500 руб.

Если вы желаете приобрести книги издательства «Центрполиграф» без торговой наценки, то можете воспользоваться услугами отдела «Книга-почтой». Для этого отправьте заказ по адресу:
111116, Москва, а/я 30, «ЦЕНТРОПОЛИГРАФ»

В.В.ПОХЛЕБКИН,

Книга-почтой.

международно признанный знаток кулинарного искусства



«Поваренное искусство и поварские приклады»

В книгу вошли работы, опубликованные с самого раннего и написанные специально для этого издания.

Хорошо питаться — это не значит употреблять дорогие деликатесы и есть сытно и много.

Хорошо питаться — это значит регулярно есть горячую и разнообразную по составу пищу из самых обычных продуктов. О том, как попасть в правильное питание, как сделать пищу вкуснее с помощью приправ, специй и приправ, поведаст читателю эта книга.

«История важнейших пищевых продуктов»

Историческая кулинария — жанр не совсем обычный, но очень занимательный. Как из простой лепешки получится коровой хлеб?

Когда в Европе сварили первую чашечку кофе? Какие блага подарили нам Паску в монастырях в XVI веке?

Книга приглашает совершить увлекательное путешествие в историю самых популярных в нашей стране напитков — чая и водки. Нередко приходится слышать словосочетания «русский чай» и «русская водка». Но что значит чай, заваренный по-русски? И почему только водка из России — настоящая русская водка?



«Национальные кухни наших народов»

Книга знакомит читателей с историей национальных кухонь народов нашей страны, с подробной характеристикой, особенностями, технологическими приемами каждой из них. Основное содержание книги составляют рецепты приготовления национальных блюд.

«Кулинарный словарь»

Словарь дает объяснения и толкования по всем категориям терминов, относящихся к области кулинарии: ее истории, теории, практике, продуктам, кухонной утвари, столовой посуде, инструментарно, видам блюд, а также некоторые рецепты приготовления оригинальных блюд. Словарь дополнен автором новым материалом специально для «Центрополиграф».



«Из истории русской кулинарной культуры»

Что едят герои русской классической драматурии? Какие вкусы их создателей?

Ужин Митрофанушки и завтрак Хлестакова. Обед князя Грибоедова. Великий gastronom Александр Пушкин и ошибки героев Чехова...

Захватывающий рассказ о творчестве, о тонких рисках характера русского народа.

Твердый переплет с золотым тиснением и цветной раночкой, формат 153 x 210 мм.
Цена каждой книги 22000 руб.

Если вы желаете приобрести книги издательства «Центрополиграф» без торговой наценки, то можете воспользоваться услугами отдела «Книги». Для этого отправьте заказ по адресу:

111116, Москва, а/я 30, «ЦЕНТРОПОЛИГРАФ»



ВПЕРВЫЕ! *Книга-почтой* НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ ИЗДАЕТСЯ

«БИБЛИОТЕКА АМЕРИКАНСКОГО КЛУБА СОБАКОВОДСТВА» (AMERICAN KENNEL CLUB)

*Лучшие книги о собаках, написанные ведущими
специалистами США*

Вышли в свет:

Здесь есть все, что нужно знать любителям этой породы, — до и не только этой! — от истории немецкой овчарки до ее современных стандартов, от правильного кормления и воспитания щенка до дрессировки собак. Отдельные главы посвящены выставкам, испытаниям, соревнованиям, судейству и многому другому. Специалисты кинологов считают эту книгу наиболее полной и авторитетной.

Новый, самый полный справочник по ветеринарии, написанный простым и доступным языком. Вы не можете позволить себе роскошь остаться без этой книги. Пусть у Вас есть десять книг по ветеринарии — забудьте про них и купите эту.



Сегодня, когда страну захлестнула волна преступности и насилия, книга известных американских дрессировщиков, супругов К.Ф. и Д. Дьюет, будет полезна всякому, кто решит завести собаку служебной породы для защиты себя и своей семьи.

Авторы подробно рассказывают о том, как нужно правильно выбрать, воспитывать и дрессировать собаку, если мы хотим доверить ей нашу безопасность, и дают множество ценных советов на все случаи жизни. Приводятся ряд подлинных историй об опасных собаках.



Дает подробное описание 134 современных пород собак, а также советы, как правильно подобрать и вырастить щенка, воспитать собаку. Целый раздел, написанный специалистами Пенсильванского университета, посвящен здоровью Вашей собаки, включено много по оказанию первой помощи.



Твердый целлофанованный переплет, формат 145 x 225, объем 400—550 стр.
Цена одной книги 2200 руб.

Готовятся к печати

К. и Дж. Дьюет	«Собака для охраны и защиты собственности и бизнеса»
Т. Нотт и Д. Кулер	«Домашний настольный справочник по дрессировке собак»
А. Норман и Дж. Остин	«Американский кокер-спаниель»

Книги «Библиотеки американского клуба собаководства»
продолжаются в специализированных и зоомагазинах г. Москвы, по адресам:

Зоо «Спарбейт» Новинский б-р, 22	291-41-40	Зоосалон ул. Ветская, 21	278-22-80
Зоо «Эпиос» ул. Дорогоминовская	369-50-85	«Кис» Цветной б-р, 11	221-65-6
М-н «Травка» ул. Садовая-Котляковская, 5/9	975-47-49	Клуб «Эпиос» ул. Ветская, 41	285-81-5

а также во всех крупных зоомагазинах г. Москвы и магазинах-сателлитах издательства «Центрополиграф»
Телефон издательства: 273-14-47

Если Вы желаете приобрести книги издательства «Центрополиграф» без торговой наценки, то можете воспользоваться услугами отдела «Книга-почтой». Для этого отправьте заказ по адресу:

111116, Москва; а/я 30, «ЦЕНТРОПОЛИГРАФ»

ЦЕНТРОЛИГРАФ



Книга-почтой

Если Вы желаете приобрести книги издательства «Центрполиграф» без торговой наценки, то можете воспользоваться услугами отдела «Книга-почтой»

Все книги будут рассылаться наложенным платежом без предварительной оплаты. Заказы принимаются на отдельные книги, а также на целые серии, выпускаемые нашим издательством. В последнем случае Вы будете регулярно получать 2—3 новые книги в месяц выбранной серии.

Для этого Вам нужно только заполнить почтовую карточку по образцу и отправить по адресу:

111116, Москва, а/я 30, «Центрполиграф»

ПОЧТОВАЯ КАРТОЧКА		
Куда <u>г. Москва, а/я 30</u>		
Кому «ЦЕНТРОЛИГРАФ»		
 Почтовый индекс предприятия связи места назначения	Идентификационный номер и адрес отправителя	
	680011	
	г. Хабаровск, ул. Мира	
	д. 10, кв. 5	
		Ивановой Г.П.
Мин. связи России. Издательств «Мир» 1992 J 1115870 11116 Голубых 11. 16 и		

На обратной стороне открытки необходимо указать, какую книгу Вы хотели бы получить или на какую из серий хотели бы подписаться. Укажите также требуемое количество экземпляров каждого названия.

МЫ РАДЫ ВАШИМ ЗАКАЗАМ!

Указанные цены включают все почтовые расходы по пересылке книг наземным транспортом, за исключением 10% от суммы наложенного платежа, которые взимаются на почте при получении заказа.

Авиатарифы в цену не включены, но они увеличивают стоимость каждой книги на сумму от 5 до 20 тыс. рублей.

Для Вас, поклонники издательства «Центрполиграф»!

ОТКРЫТ МАГАЗИН-КЛУБ

К Вашим услугам свыше 200 наименований самых свежих книг издательства. Широко представлены: классика зарубежного и российского детектива, исторические и любовные романы, крутая фантастика, фантастические боевики, романы в жанре фэнтези, приключения, вестерны, детективы для детей и юношества, книги о собаках в сериях: «Мастера», «Мастера остросюжетного романа», «Мастера остросюжетного детектива», «Русский триллер», «Мастера исторического романа», «Осирис», «Винчестер. Лучшие вестерны», «Библиотека французского детектива», «Стальная мечта», «Мастера фэнтези», «Библиотека американского клуба собаководства», «Классическая библиотека приключений и научной фантастики» (Рамка), «Маскарад».

Полные собрания сочинений признанных мастеров российской и зарубежной остросюжетной прозы: Василия Головачева, Дж. Хедли Чейза, Рекса Стаута, Эраа Стенли Гарднера, Яна Флеминга, Кэртнера Брауна, Луиса Ламура, Буало-Нарсежака, а также внесерийные книги издательства.

ТОЛЬКО В КЛУБЕ:

- встречи книголюбов с авторами, переводчиками, редакторами, художниками;
- презентации книг «Центрполиграф» и других издательств;
- читательские конференции;
- творческие дискуссии;
- обмен мнениями.

В магазине-клубе «Центрполиграф» книголюб могут не только ознакомиться с новинками издательства, но и приобрести понравившуюся книгу, оформить подписки на собрания сочинений, ознакомиться с перспективными планами «Центрполиграф».

В книжном клубе можно высказать свои замечания по уже вышедшим книгам и предложить по издательской политике.

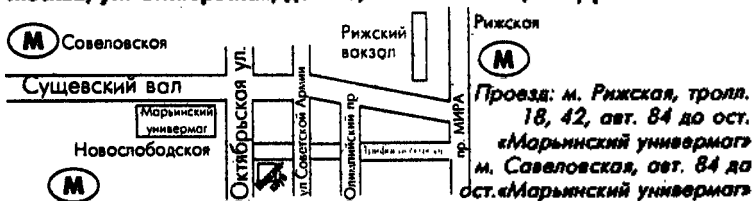
Клуб — это место, где Вас ждет удивительный праздник — праздник книги.

КЛУБ — ЭТО КНИГИ ИЗ РУК ИЗДАТЕЛЬСТВА, А ЗНАЧИТ, НИЗКИЕ ЦЕНЫ.

Звоните и приезжайте!

Вас ждут по адресу:

Москва, ул. Октябрьская, дом 18; тел. 284-49-89, тел./факс 284-49-68







ДЖЕК ВЭНС

САГА СТРАНСТВИЙ

Космический разведчик Адам Рейш — единственный оставшийся в живых из членов экипажа корабля «Эксплоратор», посланного с Земли, чтобы выяснить происхождение сигналов, поступивших из глубин космоса. Звездолет уничтожен ракетой, выпущенной обитателями планеты Тчаи, и Адам оказался в полном одиночестве в мире, где в древности шли ожесточенные войны между представителями диких рас, в конце концов поделивших планету между собой и заставивших ее коренных обитателей скрываться в подземельях. Ими же в незапамятные времена были похищены с Земли и поработены целые народы.

Спасенный вождем кочевого племени, Тразом, Рейш странствует по необъятным континентам планеты со своими друзьями. Перед ним стоят две цели: освободить поработенных людей и найти космический корабль, чтобы вернуться на Землю...

Созданный воображением патриарха американской фантастики Джека Вэнса таинственный мир — один из самых необычных в мировой фантастике, а невероятные приключения землянина, битвы, поиски сокровищ, страшные тайны, любовь и даже капелька мистики не дадут оторваться от книги.

ЦЕНТРОЛИГРАФ®